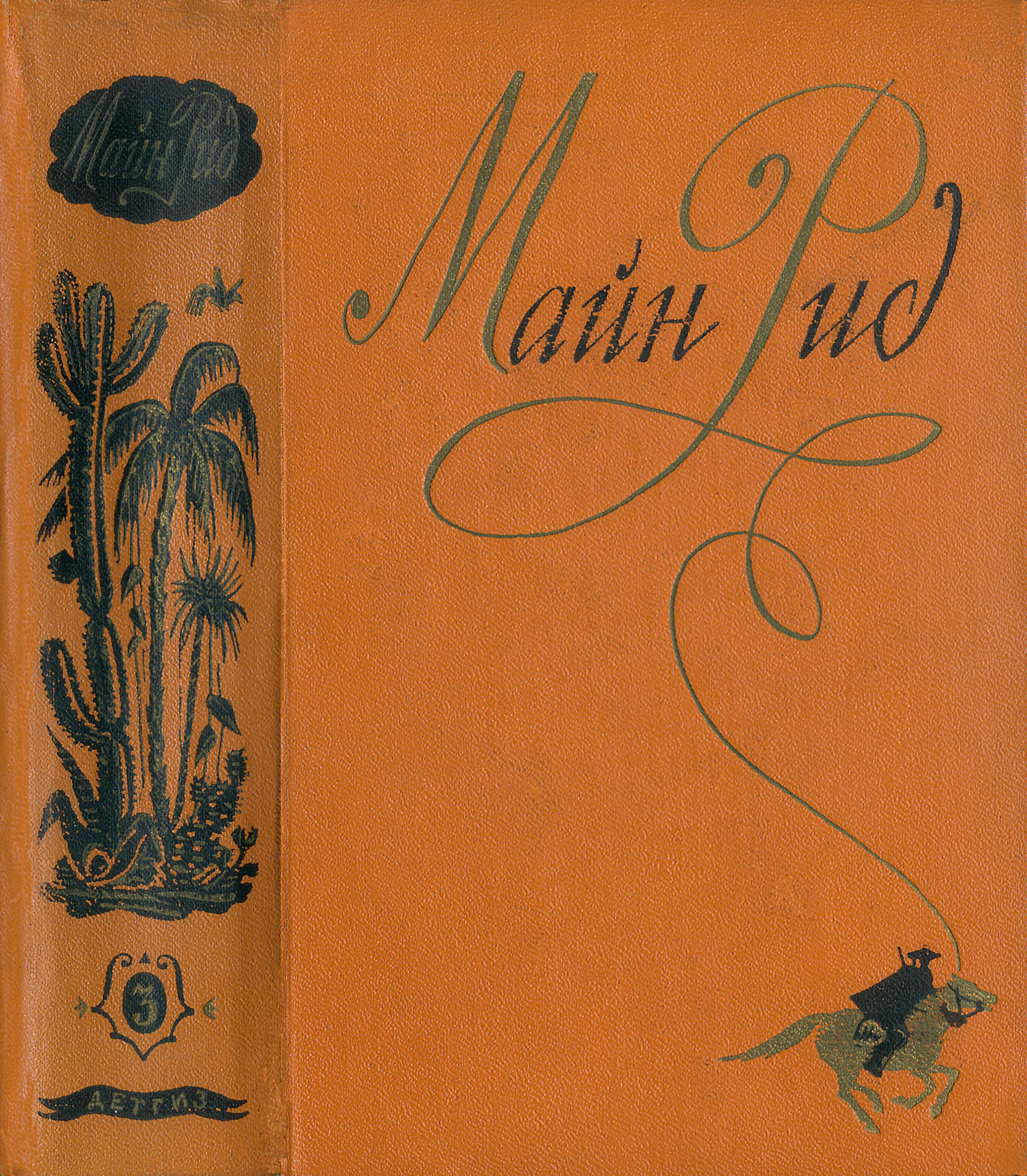

Майн Рид
Майн Рид
3
ДЕТГИЗ

Майн
Рид

Demiuz

МАЙН РИД
СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ

МАЙН РИД

ТОМ ТРЕТИЙ

ОХОТНИКИ ЗА РАСТЕНИЯМИ

ПОЛЗУНЫ ПО СКАЛАМ

ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва · 1957

Издание выходит под общей редакцией

проф. Р. М. САМАРИНА

ОХОТНИКИ ЗА РАСТЕНИЯМИ ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ГИМАЛАЙСКИХ ГОРАХ

Перевод с английского

Е. Бируковой и З. Бобырь

Чомо-Лари
Уединенная долина
КАРТА
пути
охотников
за растениями
от Брамапутры
до
Чомо-Лари
Старый тростник
ТЕРАИ
из Калькутты
р. Брамапутра
N
W
O
S
0 1/2 1км
0 1/2 1миля
МАСШТАБ.

Глава I

ОХОТНИК ЗА РАСТЕНИЯМИ

ОХОТНИК за растениями! Что это такое? Нам приходилось слышать об охотниках на лисиц, об охотниках на оленей, об охотниках на медведей и буйволов, об охотниках на львов, но об охотниках за растениями — никогда... Постойте! Трюфели — ведь тоже растения. Их разыскивают с помощью собак, а собирателей их называют охотниками за трюфелями. Может быть, вы их имеете в виду, капитан?

Нет, мой юный читатель. Мой охотник за растениями не имеет ничего общего с тем, кто выкапывает грибы. Его занятие куда благороднее, и его цель не только в том, чтобы потакать капризам лакомки. Ему

должен быть благодарен весь цивилизованный мир, в том числе и ты. Да, он подарил тебе немало радостей. Пестрота и яркость твоих садов — дело его рук. Пышная далия, колыхающаяся над клумбой; сверкающий яркими красками пион; прелестная камелия, радующая твой взор в теплице; калмии, азалии, рододендроны, белые звезды жасмина, герань и тысячи других прекрасных цветов подарены нам охотником за растениями. С его помощью Англия — холодная, туманная Англия! — превратилась в сад, полный цветов, более разнообразных и ярких, чем те, какие цветут в знаменитой долине Кашмира. Многие красивые деревья, придающие прелесть нашему пейзажу, большинство прекрасных кустов, украшающих наши виллы и коттеджи, — плоды его трудов. Если бы не он, мы никогда не отведали бы за обедом и десертом многих овощей, кореньев, фруктов и ягод, которые разнообразят наш стол. Если бы не он, мы никогда не попробовали бы этих вкусных вещей. Так помянем же добрым словом охотника за растениями!

А теперь, юный читатель, я скажу тебе, кто такой охотник за растениями. Это человек, посвятивший все свое время и силы собиранию редкостных растений и цветов, — словом, тот, кто сделал это занятие своей профессией. Это не просто ботаник — хотя ему необходимо обладать знанием ботаники, — это скорее тот, кого до сих пор называли «ботаник-коллектор».

Хотя в ученом мире и не слишком высоко ценят этих людей, хотя кабинетный ученый, наверно, их недооценивает, — я смею утверждать, что самый скромный охотник за растениями принес человечеству больше пользы, чем великий Линней [1]. Это замечательные ботаники! Они не только ознакомили нас с растительностью всего земного шара, но и показали нам ее редчайшие виды, позволили нам вдыхать аромат чудесных цветов, которые, не будь этих безвестных тружеников, цвели бы незримо и расточали бы свой аромат в безлюдной пустыне.

[1] Линней Карл (1707—1778) — шведский естествоиспытатель, создатель основы научной классификации животного и растительного мира.

Не думай, юный читатель, что я хочу преуменьшить заслуги ученого-ботаника. Я далек от такого намерения. Мне хочется только обратить твое внимание на людей, заслуги которых, по-моему, недостаточно оценены: я имею в виду ботаников-коллекторов — охотников за растениями.

Весьма возможно, что ты и не подозреваешь о существовании такой профессии. И тем не менее еще в седой древности были люди, занимавшиеся этим делом. Охотники за растениями существовали во времена Плиния и обогащали сады Геркуланума и Помпеи; охотники за растениями состояли на службе у богатых мандаринов Китая и царственных сибаритов Дели и Кашмира в те времена, когда наши полудикие предки довольствовались цветами своих родных полей и лесов. Но даже в Англии профессия охотника за растениями далеко не нова. Ее происхождение относится к эпохе открытия и колонизации Америки, и имена Традесканта, Бартрама, Кэтсби, этих подлинных охотников за растениями, — одни из самых уважаемых в истории ботаники. Мы обязаны им нашими тюльпанными деревьями и множеством других благородных деревьев, которые уже акклиматизировались в наших лесах и растут наравне с исконными видами.

Никогда еще охотники за растениями не были так многочисленны, как в наши дни. Поверите ли вы, что этим благородным и полезным делом заняты сотни людей? Среди них можно встретить представителей всех народов Европы: больше всего немцев, но есть и шведы, русские, датчане, британцы, французы, испанцы, португальцы, швейцарцы и итальянцы.

Их встретишь в любом уголке земного шара: в непроходимых ущельях Скалистых гор, в бездорожных прериях, в глубоких каньонах Анд, в девственных лесах на берегах Амазонки и Ориноко, в степях Сибири, в долинах среди ледников Гималаев — решительно во всех диких, безлюдных местностях, где можно надеяться открыть новые виды растений.

Охотник за растениями осматривается по сторонам зорким взглядом, внимательно вглядывается в каждый

листок и цветок, бродит по холмам и долинам, карабкается на крутые утесы, переходит вброд топкие болота и быстрые реки, прокладывает себе путь сквозь колючий кустарник, сквозь чаппараль и джунгли, спит под открытым небом, терпит голод и жажду, рискует подвергнуться нападению диких зверей — таковы испытания, которыми так богата жизнь охотника за растениями.

Но почему, спросите вы, эти люди идут на такие лишения и опасности?

Разные бывают причины. Одних влечет любовь к ботанике. Другим нравится путешествовать. Третьи состоят на службе у царственных или высокопоставленных особ, у знатных любителей цветов. Многих посылают искать растения для общественных парков и дендрариев. Есть и такие, которые работают у владельцев частных питомников; это, пожалуй, самые скромные и наименее обеспеченные, но они отличаются горячим рвением и любовью к своему делу.

Вы, конечно, удивитесь, услыхав, что рядовой торговец семенами, продающий вам корневища, луковицы и рассаду, содержит целый штат охотников за растениями — опытных ботаников, рыскающих по земному шару в поисках новых растений и цветов, которые могли бы порадовать взор любителя цветов.

Нужно ли повторять, что жизнь этих людей полна приключений и смертельных опасностей? Вы сможете судить об этом сами, когда я расскажу вам о похождениях молодого баварского ботаника — охотника за растениями Карла Линдена — во время его экспедиции в величавые Гималайские горы, эти индийские «Альпы».

Глава II

КАРЛ ЛИНДЕН

Карл Линден родился в Верхней Баварии, близ тирольской границы. Он был незнатного происхождения — отец его был садовником; однако он получил хорошее воспитание и образование, а это в наши дни са-

мое главное. Его отец был честолюбив, хотя и мало образован; зная на опыте, как досадно быть невеждой, он решил избавить сына от такой неприятности.

Девятнадцати лет от роду Карл Линден решил, что немцы недостаточно свободны и заслуживают лучшей участи. Он был студентом одного из университетов и, естественно, проникся теми принципами свободы и патриотизма, какие в 1848 году волновали каждое немецкое сердце.

Но он не только проповедовал свое учение. Вместе со своими коллегами он сделал попытку провести его в жизнь и был одним из тех отважных студентов, которые в 1848 году освободили Баден и Баварию.

Но гидру — союз коронованных голов — не так-то легко было победить, и в числе других молодых патриотов наш герой был вынужден бежать из родной страны.

Очутившись в Лондоне в положении эмигранта — так называли этих изгнанников, — он не знал, что ему дальше делать. Отец был слишком беден, чтобы помогать ему деньгами. К тому же старик был недоволен сыном. Он был из тех, кто еще верит в божественное право королей и уважает «существующий порядок», хотя бы в стране царила тирания. Он считал, что Карл сделал глупость, вздумав стать патриотом, или «мятежником», как их любят называть коронованные чудовища. Он прочил сыну лучшее будущее — надеялся, что тот станет секретарем у какого-нибудь важного придворного, поступит в таможенное ведомство или, быть может, в лейб-гвардию какого-нибудь мелкого тирана. Любое из этих мест было бы по душе старому честолюбцу, и потому он был недоволен поведением сына. Карлу нечего было надеяться на помощь из дому, по крайней мере, до тех пор, пока старик не перестанет на него гневаться.

Что было делать молодому эмигранту? Английское гостеприимство показалось ему довольно холодным. Правда, он был свободен, то есть мог свободно бродить по улицам и просить милостыню.

К счастью, он придумал выход из положения. В прежние годы ему иногда случалось работать с отцом

в саду. Он умел копать, сажать и сеять, прививать деревья и выводить новые сорта цветов. Он мог работать в парниках и теплицах, на замедленной и ускоренной выгонке. Более того, он знал названия и природу большинства растений, возделываемых в странах Европы, — словом, он был ботаником.

Все эти познания он приобрел, работая в саду одного знатного дворянина, где его отец был старшим садовником. Почувствовав призвание к этому делу, Карл изучил ботанику.

Если не найдется ничего лучшего, он может стать садовником, поступить в питомник или еще куда-нибудь — это лучше, чем бродить без дела по улицам столицы и умирать от голода среди царящего там изобилия.

С такими мыслями молодой эмигрант подошел к воротам одного из роскошных питомников, каких немало в огромном Лондоне. Он рассказал свою историю; его приняли.

Довольно скоро умный, предприимчивый владелец питомника обнаружил, что его немецкий протеже обладает обширными познаниями по ботанике. Именно такой человек был ему нужен. У него уже имелись охотники за растениями в других частях света: в Северной и Южной Америке, в Африке, в Австралии. Ему нужен был собиратель растений в Индии; он хотел обогатить свои запасы флорой Гималаев, которая тогда только что начала входить в моду благодаря чудесным растительным видам, открытым там великими охотниками за растениями Ройлом и Хукером.

Были описаны великолепные сосны, арумы, кедры, различные виды бамбука, огромные магнолии и рододендроны, в таком изобилии растущие в долинах Гималаев, и многие из них уже появились в европейских садах. Эти растения были в моде, и о них мечтал владелец питомника.

Особенно интересно и ценно было то, что многие из этих прекрасных экзотов могут расти под открытым небом в высоких широтах, так как природные условия на большой высоте, где они растут в диком виде, сходны с температурой и климатом Северной Европы.

Не один ботаник-коллектор был к этому времени послан исследовать цепь индийских «Альп», которая благодаря своему огромному протяжению представляет обширное поле для ботанических изысканий.

В числе этих охотников за растениями был и наш герой, Карл Линден.

Глава III

КАСПАР, ОССАРУ И ФРИЦ

Английский корабль доставил охотника за растениями в Калькутту, а крепкие ноги привели его к подножию Гималаев. Он мог бы добраться туда и другим способом, ибо, вероятно, ни в одной стране не существует столько способов передвижения, как в Индии. Чтобы переносить путешественника с места на место, используются слоны, верблюды, лошади, ослы, мулы, пони, буйволы, быки, зебу, яки и... люди. Для перевозки грузов приспосабливают даже собак, коз и овец.

Если бы Карл Линден был послан правительством или служил у какого-нибудь венценосного хозяина, он, вероятно, путешествовал бы комфортабельно: либо на слоне, в пышной боуда, либо в паланкине, где его несли бы сменяющие друг друга носильщики и к его услугам была бы толпа кули. Однако у него не было денег на всю эту ненужную роскошь. Он тратил не казенные суммы, а деньги частного лица, и его средства были ограничены. Тем не менее он стремился осуществить поставленные ему задачи.

Немало больших и превосходно снаряженных экспедиций направляли в различные места, не считаясь с расходами и затратами, но многие из них возвращались, не выполнив своей задачи. «Когда поваров слишком много, обед испорчен», — эта старая, всем известная поговорка применима и к научным экспедициям. И еще вопрос, что́ больше содействовало прогрессу географии: частная ли инициатива или громкие правительственные предприятия. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что самыми плодотворными и продуктив-

ными оказались те экспедиции, на которые было затрачено меньше всего средств. Так, например, для исследования северного побережья Америки было отправлено несколько кораблей; экспедиции эти поглотили колоссальные суммы денег и стоили жизни многим отважным морякам, но оказались безрезультатными. В конце концов эту задачу удалось осуществить экипажу простой лодки, отправленной компанией Гудзонова залива. Затраченной при этом незначительной суммы не хватило бы и на неделю для любой из наших крупных экспедиций по исследованию Арктики.

У нашего охотника за растениями не имелось ни дорогого оборудования, ни толпы бесполезных слуг. Он достиг Гималаев пешком и решил пешком взбираться на их крутые склоны и пересекать обрывистые долины.

Но Карл Линден был не один. Далеко не один. С ним был тот, кто был ему дороже всех на свете, — его единственный брат. Да, сильный юноша, разделяющий с ним труды и опасности экспедиции, — его брат Каспар, присоединившийся к нему в эмиграции. Они были приблизительно одного роста, хотя Каспар был двумя годами моложе. Но Каспар не утруждал себя изучением наук. Он никогда не блистал в стенах школы или в городе. Он недавно прибыл из своих родных гор, и его крепкая фигура и свежие, румяные щеки сильно отличались от хрупкой комплекции и бледного лица студента.

Одежда братьев соответствует их внешности. У Карла она темная, как подобает ученому, и на голове у него запретная геккеровская шляпа [1]. Каспар одет ярче: на нем зеленая тирольская куртка, зеленая шляпа с высокой, острой тульей, синие вельветовые брюки и блюхеровские сапоги [2].

---

[1] Геккеровская шляпа. — Геккер Фридрих (1811—1881) — немецкий буржуазный демократ, республиканец. Один из руководителей восстания в Бадене (1848).

[2] Блюхеровские сапоги. — Блюхер Гебхард Лебрехт (1742—1819) — прусский фельдмаршал времен войн с Наполеоном.

Оба имеют с собой ружья и охотничьи принадлежности: у Каспара — охотничья двустволка, у Карла — ружье особого типа, так называемое «швейцарское охотничье».

Каспар — настоящий охотник. Еще мальчиком ему случалось преследовать серн на головокружительных тропинках в своих родных горах. Он мало образован, так как недолго был в школе, но в охотничьем деле очень искусен. Славный и веселый юноша этот Каспар, легконогий и неутомимый, и Карл во всей Индии не нашел бы себе лучшего спутника.

Но в свите охотника за растениями есть еще одно лицо — проводник Оссару. Потребовалась бы целая глава, чтобы описать Оссару, и он достоин подробного описания, но вы в дальнейшем познакомитесь с ним по его поступкам. Достаточно сказать, что Оссару — индус, хорошо сложенный, с темным цветом кожи, с красивыми, большими глазами и пышными черными волосами, характерными для его племени. Он принадлежит к касте «шикари», или охотников, не только по своему происхождению, но и потому, что Оссару — один из «славных охотников» своей провинции. Его имя широко известно, так как Оссару обладает живым умом и крепким подвижным телом; он выделился бы где угодно, но в стране, где мало таких людей, Оссару стал охотником-героем — Немвродом [1] в своей области.

Своим костюмом и снаряжением Оссару сильно отличается от товарищей по путешествию. Белая ситцевая рубашка, широкие штаны, сандалии, алый пояс вокруг талии, пестрый платок на голове, легкое копье в руке, бамбуковый лук, колчан за плечами, длинный нож за поясом, сумка на боку и множество мелких предметов, навешанных на груди наподобие брелоков. Такова была амуниция шикари.

Оссару никогда в жизни не поднимался на великие Гималаи. Он уроженец знойных равнин — охотник джунглей. Несмотря на это, ботаник взял его в проводники. Это был не столько проводник, указывающий до-

[1] Немврод — по библейской легенде, основатель Вавилонского царства и знаменитый охотник.

рогу, сколько помощник в ежедневной работе, хорошо знающий трудности бродячей жизни в пустынях Индии, привыкший ночевать под открытым небом; в этом отношении Оссару не имел себе равных.

Кроме того, экспедиция была ему по душе. Живя на равнине, он подолгу смотрел на далекие гигантские Гималаи: на крутые купола и острые вершины в одеянии вечного снега, сверкающего непорочной белизной, — и не раз мечтал отправиться туда в охотничий поход. Но ему не представлялось подходящего случая, хотя всю жизнь эти громадные вершины были у него перед глазами. Поэтому он с радостью принял предложение молодого ботаника и стал охотником и проводником в их экспедиции.

Был у них еще спутник охотничьей породы, столь же преданный общему делу, как Оссару и Каспар. Это было четвероногое, ростом с крупного дога, но черно-бурая окраска и длинные, висячие уши доказывали, что оно принадлежит к породе ищеек. Это был поистине великолепный пес, задушивший своими могучими челюстями немало рыжих оленей и диких баварских кабанов. Фриц был драгоценным псом, и хозяин высоко его ценил. Хозяином был Каспар. Он не променял бы Фрица на самого лучшего слона в Индии.

Глава IV

КРОВЬ ЛИ ЭТО?

Посмотрите, как путешествует охотник за растениями и его маленькая компания.

Это был тот самый день, когда они взяли Оссару в проводники, — первый день их совместного путешествия. Каждый нес на спине дорожный мешок и одеяло. И так как приходилось все тащить на себе, то лишнего багажа было немного. Оссару шел на несколько шагов впереди, а Карл и Каспар большей частью рядом, если позволяла тропинка. Фриц обычно трусил в арьергарде, но иной раз подбегал к проводнику, инстинктом чуя в

нем прирожденного охотника. Хотя они только что познакомились, Фриц уже стал любимцем шикари.

Между тем внимание Каспара привлекли красные пятна, встречавшиеся на тропе на определенном расстоянии друг от друга. Дорожка была узкая — и на ней легко было рассмотреть даже самые маленькие предметы. Пятна были похожи на кровяные, да притом еще совсем свежие.

— Это кровь, — заметил Карл, рассматривавший пятна.

— Интересно, человек это или животное? — сказал Каспар через несколько мгновений.

— Знаешь, брат, — ответил Карл, — я думаю, это — животное, и довольно крупное. Я наблюдал эти пятна на протяжении доброй мили; такого количества крови не мог бы потерять даже великан. Верней всего, это истекает кровью слон.

— Но следов слона не видно, — возразил Каспар, — по крайней мере, свежих следов, а кровь как будто совершенно свежая.

— Ты прав, Каспар, — согласился брат. — Это не может быть ни слон, ни верблюд. Интересно знать, кто бы это мог быть?

При этих словах юноши посмотрели вперед, в том направлении, куда шли, надеясь найти объяснение загадке. Впереди, насколько хватал глаз, не видно было никого, кроме Оссару. Это не могла быть его кровь — конечно, нет! Такая потеря крови уже давно убила бы шикари. Так думали Карл и Каспар.

Наблюдая за Оссару, они вдруг увидели, что он повернул голову в сторону, словно собираясь плюнуть на дорогу. Братья приметили место. И каково же было их изумление, когда, подойдя, они обнаружили на дороге еще одно красное пятно, совершенно такое же, как замеченные ими ранее! Сомнений не было — Оссару харкал кровью!

Они сильно встревожились за жизнь своего проводника.

— Бедный Оссару! — воскликнули они. — Он недолго проживет, потеряв так много крови!

И тотчас же кинулись вперед, крича ему, чтобы он остановился.

Проводник обернулся и остановился, не понимая, что случилось. Он быстро схватил лук и наложил стрелу, думая, что на братьев напал какой-нибудь враг. Собака, заразившись их тревогой, тоже примчалась и вскоре очутилась рядом с ними.

— В чем дело, Оссару? — спросили в один голос Карл и Каспар.

— «Дело», саибы? [1] Я не знать никакой дела.

— Но что у тебя болит? Ты болен?

— Нет, саибы, я не больной! Почему саибы спрашивать?

— Но эта кровь! Смотри!

И они указали на красную слюну на дороге.

Тут шикари расхохотался, приведя братьев в еще большее недоумение. Он не хотел обидеть своим смехом молодых «саибов», но не мог удержаться от хохота при виде их ошибки.

Поуни, саибы... — сказал он, извлекая из сумки сверток, напоминающий скрученные табачные листья, и откусил от него кусочек, чтобы убедить их, что именно поуни придает его слюне такой странный цвет.

Юноши сразу поняли свою ошибку. Перед ними был пресловутый бетель, и Оссару жевал бетель, как миллионы его земляков, а также уроженцев Ассама, Бирмы, Сиама, Китая, Индокитая, Малайи, Филиппин и других островов великого Индийского архипелага.

Юношам захотелось узнать, что такое бетель, и шикари рассказал им об этом любопытном продукте.

Бетель, или поуни, как его называют индусы, — сложное вещество; в состав его входят листья, орехи и некоторое количество извести. Лист берется с одного вечнозеленого кустарника, возделываемого в Индии специально с этой целью. Оссару сообщил, что этот кустарник обычно выращивают под бамбуковым навесом, со всех сторон защищая его от солнечных лучей. Это растение требует влажного, жаркого воздуха, а под действи-

---

[1] Саиб — господин, хозяин.

ем солнца или сухого ветра теряет свой вкус и резкий запах. За ним нужен тщательный уход. И каждый день под бамбуковый навес входит кто-нибудь, чтобы осторожно обобрать куст. Место, где он растет, обычно привлекает ядовитых змей, и ежедневное посещение бетелевого куста — довольно опасное дело; но это такой выгодный промысел, взрослый куст приносит такую крупную прибыль, что его владелец не боится ни трудов, ни опасности. В сумке Оссару нашлось несколько целых листьев. Он казвал эти листья «поуни», но ботаник сразу же узнал редкое тепличное растение из семейства перечных. Действительно, это была разновидность перца, родственная ползучему растению, дающему черный перец. Листья у него были темно-зеленые, овальные, заостренные, как у бетеля. Вот все, что можно сказать об одной из составных частей этого своеобразного восточного «жевательного табака».

— А там, — продолжал Оссару, поворачиваясь в сторону и указывая наверх, — если саибы посмотреть, то увидеть орех поуни.

Юноши с любопытством взглянули, куда он указывал, и увидели рощицу благородных пальм высотой не менее пятидесяти футов, с гладким цилиндрическим стволом и красивым пучком перистых листьев на вершине. Листья были около двух ярдов шириной, а длиной в несколько ярдов. Каждое из перышек было более ярда длиной. Как раз под тем местом, где из ствола вырастали листья, свисала большая гроздь орехов красновато-оранжевого цвета, каждый величиной с куриное яйцо. Это и были знаменитые орехи бетеля, еще в старину упоминавшиеся в описаниях путешествий по Востоку. Карл узнал арек, или бетелевую пальму, которую многие считают красивейшей пальмой Индии.

Известно еще два вида арековых пальм: один, также исконный индийский, другой — американская пальма, еще более знаменитая, чем бетелевое дерево, так как это пресловутая «капустная пальма» Вест-Индии. Она достигает в высоту двухсот футов при диаметре ствола всего в семь дюймов. Ее прекрасные стволы часто срубают ради молодых сердцевидных листочков у

вершины, которые обрабатывают особым способом и едят вместо капусты.

Оссару показал молодым саибам, как приготовляют бетель для жевания. Сперва расстилают листья бетеля-перца. На них накладывают слой извести, разведенной в воде. Затем нарезают тонкими ломтиками орех бетеля, кладут на слой извести; все это свертывают, как сигару, и складывают свертки в хорошенький бамбуковый ящичек, откуда достают всякий раз, как захочется их пожевать.

Орех сам по себе несъедобен. У него неприятный запах, а вкус чересчур вяжущий, так как в нем много танина, но в соединении с перечным листом и известью он становится мягче и приятнее на вкус. Однако он слишком едок для европейского нёба и у непривычных людей вызывает опьянение. Старые потребители бетеля, вроде Оссару, ничего этого не испытывают и расхохотались бы, если бы им сказали, что от поуни может закружиться голова.

Орех бетеля отличается странной особенностью: он окрашивает слюну в темно-красный цвет, напоминающий цвет крови. Смышленый и находчивый Оссару, побывавший в большом городе Калькутте и в других частях Индии, рассказал в связи с этим интересный случай.

Молодой доктор, только что окончивший университет, прибыл из Европы на пароходе в большой индийский город. На следующее утро после своего приезда он отправился погулять за город и встретил на шоссе девушку-индуску, плевавшую, как ему показалось, кровью. Доктор пошел вслед за девушкой, которая продолжала плевать кровью чуть не на каждом шагу. Он встревожился, полагая, что бедняжка не проживет и часа, и, последовав за нею до дома, сказал ее родителям, кто он, и заявил им, что, судя по замеченным им симптомам, минуты их дочери сочтены. Родители, в свою очередь, перепугались, да и сама девушка, так как никто не сомневался в опытности доктора. Послали за священником, но не успел он прийти, как девушка в самом деле умерла. А бедняжка умерла от страха, и напугал

ее доктор. Но ни ее родители, ни священник, ни сам доктор в то время этого не знали. Доктор продолжал думать, что девушка умерла от чахотки, и никто не подозревал, на чем основывался его диагноз.

Быстро распространилась молва об искусном враче. Народ валил к нему валом, и он мог надеяться, что вскоре наживет богатство. Но с некоторого времени он стал замечать у других людей признаки той же болезни, от которой умерла бедная девушка, и узнал, что они вызваны жеванием ореха бетеля. Будь он человек рассудительный, он сохранил бы эту тайну; но, к несчастью, он был болтун и не мог не рассказать своим товарищам об этом забавном случае, ибо, как это ни грустно, жизнь бедных туземцев дешево ценится европейцами.

Однако развязка оказалась для доктора далеко не забавной. Родители девушки узнали, в чем дело, да и все остальные, и друзья умершей поклялись отомстить ему. Пациенты покинули его так же быстро, как и появились, и, чтобы избегнуть угрожавших ему неприятностей и опасностей, ему пришлось уехать домой.

Глава V

ПТИЦЫ-РЫБОЛОВЫ

Наши путешественники следовали вверх по одному из притоков Брамапутры, который берет начало в Гималаях, течет к югу и впадает в эту реку близ ее большой излучины. Охотники за растениями рассчитывали проникнуть в Бутанские Гималаи, так как туда не заходил еще ни один ботаник, а их флора славилась своим богатством и разнообразием. Охотники проходили по населенной части страны. Кругом расстилались поля риса и сахарного тростника, банановые и пальмовые рощи; некоторые пальмы, например кокосовые и бетелевые, разводят для сбора орехов, другие, как широколистные кариоты, для добывания вина.

Можно было видеть также опийный мак и манговые деревья, высокие, широколистные папавы и стебли чер-

ного перца с красивыми зелеными листьями, вьющиеся вокруг пальмовых стволов. По пути встречалось хлебное дерево, украшенное огромными плодами, смоковницы, каркасовые деревья, сосны, молочайники и различные виды померанцев.

Ботаник замечал немало растений и деревьев, относившихся к китайской флоре, да и многое другое напоминало ему то, что он читал о Китае. Действительно, эта часть Индии, примыкающая к Ассаму, по характеру своих природных богатств имеет много общего с Китаем, и даже нравы и обычаи ее жителей несколько похожи на образ жизни сынов Небесной империи [1]. Сходство увеличивают плантации чайного куста, выращиваемого здесь с успехом.

Но, продвигаясь дальше, наши путники стали свидетелями сцены, которая еще живее напомнила им Китай, чем все, что они до сих пор наблюдали.

Обогнув группу деревьев, они увидели небольшое озеро и недалеко от берега заметили человека, стоявшего в легкой лодочке. Он держал в руках длинный тонкий шест, которым отталкивался от дна, направляясь к середине озера.

Оба молодых человека удивленно вскрикнули и сразу остановились.

Что же их так удивило? Разумеется, не лодка, не стоявший в ней человек и бамбуковый шест. Все это им каждый день приходилось видеть в пути. Почему же они так внезапно остановились и застыли в изумлении? Удивило их, что с двух сторон лодки, на бортах, сидели в ряд большие птицы, величиной с гуся. Грудь у них была белая, крылья и спина в коричневых пятнах, шея длинная, согнутая, клюв большой желтый, а хвост широкий, закругленный на конце.

Хотя человек в лодке стоял и работал шестом у них над головой то с одной стороны, то с другой, птицы не обращали на это никакого внимания, до того они были ручные, — казалось, они не были даже привязаны, а просто сидели на борту лодки. По временам то одна, то

[1] Небесная империя — так в старину называли Китай.

другая вытягивала над водой длинную шею, поворачивала голову немного вбок и снова втягивала ее, принимая прежнюю позу. Птицы были на диво ручные, и это зрелище поразило молодых баварцев. Они обратились к Оссару за объяснением, но он только кивнул головой на озеро и пробормотал:

— Он ловить рыба.

— А-а, это рыбак! — сказал ботаник.

— Да, саиб! Вы смотреть — увидеть.

Этого объяснения было достаточно. Юноши вспомнили, что читали о китайском обычае ловить рыбу с помощью больших бакланов, и вскоре разглядели, что находившиеся в лодке птицы были именно бакланами. Хотя они несколько отличались от обычных бакланов, у них были все характерные признаки этого семейства: длинное плоское тело, выдающаяся грудная кость, загнутый книзу клюв и широкий закругленный хвост.

Желая увидеть птиц за работой, наши путники неподвижно стояли на берегу озера. Было ясно, что рыбак еще не приступил к работе и только подплывает к нужному месту.

Вскоре он достиг середины озера и, отложив шест, обратился к птицам. Слышно было, как он дает им указания — совсем как охотник своему пойнтеру или спаньелю, — и тотчас же большие птицы, распустив широкие крылья, поднялись с борта и, пролетев немного, все как одна погрузились в воду.

Тут наши путники увидели странную сцену: одна птица плавала, зорко всматриваясь в воду; другая нырнула, и над водой торчал лишь ее широкий хвост; третья скрылась под водой, и только рябь на поверхности показывала, где она нырнула; четвертая схватила крупную рыбу, которая отчаянно извивалась, сверкая в ее похожем на щипцы клюве; пятая уже взлетела со своей добычей и несла ее в лодку. Все двенадцать усердно занимались своим удивительным ремеслом, для которого были обучены. Озеро, еще недавно спокойное и гладкое, как зеркало, покрылось рябью, кругами, пузырями и пеной, — большие птицы ныряли и гонялись за добычей. Напрасно рыба пыталась спастись от них — баклан

быстро скользит в воде и плавает под водой не хуже, чем на поверхности. Его заостренная, как нож, похожая на киль, грудь рассекает водную стихию; действуя своими сильными крыльями, как веслами, и широким хвостом, как рулем, баклан может делать крутые повороты и устремляться вперед с невероятной быстротой.

Наши путники наблюдали еще одно интересное обстоятельство. Если одной из птиц случалось напасть на крупную рыбу, которую она не могла донести до лодки, то другие бросались к ней на помощь и сообща относили рыбу.

Удивительно, что эти создания, пищей которым служит та самая добыча, какую они приносят хозяину, не глотают пойманных ими рыб. Если птицы молодые и недостаточно обучены, то порой случаются мелкие покражи. Но тогда рыбак принимает меры предосторожности, надевая баклану ошейник так, чтобы он не спускался на толстую часть шеи и не задушил птицу. Но если птицы старые и хорошо обучены, такая предосторожность является излишней. Как бы ни была голодна птица, она приносит всю добычу хозяину и получает за труд вознаграждение в виде мелких, менее ценных рыбок из ее улова.

Иной раз на баклана нападает лень — и он сидит на воде, забыв о своих обязанностях. В таких случаях рыбак подплывает к нему в лодке и, замахнувшись бамбуковым шестом, ударяет по воде в нескольких дюймах от беспечно сидящего лентяя и бранит его за безделье. Такое наказание обычно достигает цели, и крылатый ловец, взбодренный хорошо знакомым голосом хозяина, с новой энергией принимается за работу.

Ловля продолжается несколько часов, пока утомленным птицам не позволят вернуться и сесть на борта лодки; тогда хозяин снимает с них ошейники, кормит и ласкает их.

Наши путники не стали ждать, пока окончится рыбная ловля, и двинулись дальше. При этом Карл рассказал Каспару, что еще недавно в некоторых европейских странах, особенно в Голландии, обыкновенного европейского баклана обучали таким же способом ловить рыбу,

Птицы усердно занимались своим удивительным ремеслом.

а в настоящее время этот способ широко распространен в ряде областей Китая. И во многих городах вся рыба, какая продается на рынке, поймана бакланами.

Кажется, ни один народ в мире не проявляет такой изобретательности в обучении животных и в выращивании растений, как обитатели Небесной империи.

Глава VI

ТЕРАИ

Поднимаясь над уровнем моря и приближаясь к большой горной цепи, вы вступите в обширную полосу холмов, разделенных глубокими оврагами, по которым несутся быстрые ручьи и потоки. Чем выше горы, тем шире эта полоса; если горы относятся к первому классу, она бывает шириной от двадцати до пятидесяти миль. Такие пояса предгорий тянутся по обе стороны Анд в Северной и Южной Америке, а также вдоль Скалистых и Аллеганских гор. Всем известны предгорья Альп в Италии, и французское название этой местности «Пьемонт» в переводе на наш язык означает: «подножие гор».

Индийские «Альпы» также отличаются этой геологической особенностью. Вдоль их южного склона, обращенного к равнинам Индостана, тянется полоса предгорий нередко шириной свыше пятидесяти миль, для которой характерны крутые утесы, глубокие долины и ущелья, быстрые, пенящиеся потоки, горные тропы, вьющиеся над стремнинами, и дикие живописные пейзажи.

Нижняя часть этой полосы, примыкающая к знойным равнинам, известна европейцам под названием «Тераи».

Тераи — это неправильных очертаний полоса шириной от десяти до тридцати миль, тянущаяся вдоль Гималаев, от реки Сатледж на западе до Верхнего Ассама. Это своеобразная местность. Она резко отличается и от равнин Индии, и от Гималайских гор, обладая совершен-

но особой флорой и фауной. Это малярийная область; климат там один из самых губительных в мире. Поэтому Тераи почти необитаемы, лишь кое-где, на больших расстояниях друг от друга, разбросаны селения полудиких мэхов, их единственных жителей.

Бóльшая часть Тераи покрыта лесами и джунглями; несмотря на свой нездоровый климат, они привлекают множество диких зверей, характерных для этой части света. Тигр, индийский лев, пантера и леопард, чита и другие крупные кошки кишат в их густых зарослях; в лесах обитают дикий слон, носорог, гайял; на покрытых густой травой полянах пасутся замбар и аксис. Ядовитые змеи, отвратительные ящерицы, летучие мыши и самые прекрасные птицы и бабочки находят прибежище в Тераи.

* * * * * * * * *

Через несколько дней наши путники вышли из населенной части страны и вступили в область густых зарослей. В тот день, когда они вошли в Тераи, они рано тронулись в путь и потому прибыли на место отдыха за несколько часов до захода солнца. Молодой ботаник, восхищенный разнообразием растительности, богатой самыми редкими видами, решил остаться на этом месте несколько дней.

У путников не было палатки: это было бы для них слишком большим грузом — ведь они шли пешком. Действительно, все трое и без палаток были до предела нагружены. Каждому приходилось нести одеяло и другие принадлежности. Но все они привыкли спать под открытым небом.

На этот раз и не было нужды ни в каких лагерных принадлежностях. Природа дала им шатер, не уступающий полотняной палатке. Они расположились на ночлег под балдахином густой листвы баньянового дерева.

Юный читатель, ты, вероятно, слыхал о большой индийской смоковнице — баньяне, этом удивительном дереве, чьи ветви, вырастающие из основного ствола, выпускают воздушные корни, образуя новые стволы. И под конец одно-единственное дерево раскидывается

так широко, что в его тени может укрыться целый полк кавалерии или происходить многолюдный митинг. Без сомнения, ты читал о таком дереве и видел его на картинке, поэтому мне не надо подробно описывать смоковницу. Скажу все же, что это было фиговое дерево — не то, что дает съедобные плоды, которые ты так любишь, а другой вид того же рода. Некоторые из них — это вьющиеся и ползучие растения, цепляющиеся за скалы и за стволы деревьев наподобие винограда или плюща. Другие, как, например, баньян, принадлежат к крупнейшим деревьям. Они обычно растут в тропическом поясе или в жарких странах, примыкающих к тропикам, и встречаются в обоих полушариях: и в Америке и в Старом Свете. Великолепные их разновидности растут в Австралии. Все они в большей или меньшей степени обладают замечательной особенностью, а именно выпускают из ветвей воздушные корни, образуя новые стволы, подобно баньяну.

Наши путники были свидетелями любопытного явления. Смоковница, листва которой служила им шатром, была невелика, так как это было еще молодое дерево, но из ее верхушки поднимались огромные веерообразные листья пальмы из породы пальмирских. Ствола пальмы не было видно. И не будь Карл Линден ботаником, знакомым с удивительными свойствами смоковницы, он был бы озадачен таким необычайным сочетанием. Длинные листья пальмиры расходились кверху лучами прямо из вершины баньяна и резко отличались от его листвы; зрелище получалось весьма своеобразное. Действительно, овальные, порой сердцевидные листья смоковницы контрастировали с широкими жесткими листьями пальмиры.

Вопрос был в том, как попала сюда пальма. Конечно, можно было предположить, что семя пальмы упало на вершину смоковницы, проросло там и выгнало листья.

Но как могло попасть на вершину баньяна семя пальмы? Было ли оно посажено рукой человека или занесено птицей? Последнее было маловероятно—ведь плод пальмиры величиной с детскую голову, а находящиеся в нем семена размером с гусиное яйцо. Ни одна птица не мог-

ла бы поднять такую тяжесть. Если бы это было единичным явлением, то можно было бы предположить, что пальму кто-то посадил; но в индийских лесах встречается немало таких сочетаний, даже в совершенно необитаемых местностях. Как же объяснить подобный союз?

Из всех наших путников один Каспар был озадачен этим явлением. Карл и Оссару знали, чем оно вызвано, и Карл объяснил брату.

— Дело в том, — сказал ботаник, — что не пальма выросла на фиговом дереве, а наоборот. Смоковница — настоящий паразит. Какая-нибудь птица — лесной голубь, майна или фазановый петух — унесла ягоды фигового дерева, и семена упали в пазуху листа пальмы. Это может сделать самая маленькая птица, так как плод смоковницы не крупнее мелкой вишни. Семя проросло и пустило корни, которые поползли вниз по стволу пальмы, пока не достигли земли. Эти корни так оплели ствол пальмы, что совсем его закрыли, кроме верхушки. Потом дерево выпустило боковые ветки — и теперь можно подумать, что это индийская смоковница с веерной пальмой на вершине.

Объяснение Карла было вполне правильным.

Глава VII

ПАЛЬМОВЫЙ СОК

Сложив свою ношу, Оссару тотчас же вскарабкался на баньян. Это ему легко удалось, так как ствол был бугристый, а шикари лазил с ловкостью кошки.

Но зачем он полез на дерево? Может быть, он искал плодов? Совсем нет: фиги были еще зеленые, но если бы они и созрели, это неважная еда. Может быть, он полез за орехами пальмиры? Опять нет, ибо они еще не завязались. Большое соцветие еще не раскрылось и только начало разворачивать свои зеленые оболочки. Если бы орехи уже завязались, ими можно было бы полакомиться. Как мы уже сказали, орех пальмиры достигает размеров детской головы. Он треугольный, с за-

кругленными углами, и под его толстой, сочной желтоватой коркой лежат три семени величиной с гусиное яйцо. Эти семена едят, пока они молодые и мягкие; если же дать им созреть, они приобретают синеватый оттенок и становятся твердыми, безвкусными и несъедобными. Но Оссару и не думал их искать, так как и в помине не было ни семян, ни орехов — только цветы, да и те еще скрывались в своих зеленых чашелистиках.

Юноши внимательно следили за Оссару. Он взял с собой колено бамбука, вырезанное из очень толстого стебля. Оно было полое внутри и срезано сверху так, что получился сосуд, вмещавший более кварты[1]. Они заметили, что он захватил с собой также камень величиной с добрый булыжник и длинный нож.

В несколько секунд шикари очутился на верхушке баньяна и, цепляясь за толстые черешки, вскарабкался на огромный пальмовый лист. Затем он схватил цветок за стебель и, пригнув его к стволу, начал ударять по нему камнем с явным намерением отломить молодой отросток. Это ему удалось после нескольких ударов. Тогда он выхватил из-за пояса нож и ловким ударом отсек верхнюю часть цветоножки, которая тут же упала на землю.

Затем он взялся за бамбуковый сосуд. Шикари установил его на дереве, введя внутрь него обрезанный конец стебля. Потом привязал цветоножку вместе с бамбуком к черешкам листьев, и сосуд повис вертикально дном вниз. Закончив эти процедуры, шикари швырнул булыжник наземь, засунул нож за пояс и спустился с дерева.

— Ну, саибы, — сказал он, спрыгнув на землю, — вы ждать час — вы пить индийский вино.

Прошел какой-нибудь час, и его обещание исполнилось. Бамбуковый сосуд был отвязан и снят с дерева, и в самом деле он был полон прохладной прозрачной жидкости, которую все с удовольствием пили, сравнивая с шампанским. В Индии нет более вкусного и освежительного напитка, чем сок пальмиры, но он сильно опьяняет,

---

[1] Кварта — мера сыпучих и жидких тел разной величины в некоторых странах; в Англии равняется 1,14 литра.

и жители страны, где растет это замечательное дерево, слишком усердно пьют «индийское вино».

Из этого сока можно добывать сахар, попросту вываривая его. Для получения сахара дерево надрезают, как было описано, но в сосуд нужно положить немного извести, иначе начнется брожение и сок не будет годиться для этой цели.

Оссару остановил выбор именно на этом дереве, потому что баньян позволял ему добраться до вершины пальмы. Иначе было бы нелегко влезть по стройному гладкому стволу пальмиры, поднимающемуся на тридцать — сорок футов, без всяких сучьев и веток. Как только бамбуковый сосуд опустел, Оссару снова поднялся и прикрепил его к «крану», зная, что сок продолжает течь. Он течет несколько дней, только нужно ежедневно срезать новый слой с верхушки стебля, чтобы надрез не зарастал и отверстие оставалось открытым.

Днем было жарко, но, как только наступили сумерки, стало так свежо, что путникам пришлось развести костер. Оссару быстро высек огонь, поджег кучку сухих листьев и мха, и они ярко запылали. Тем временем Карл и Каспар наломали сучьев с сухого дерева, лежавшего поблизости, и, принеся охапку, бросили на горящие листья. Через несколько минут уже бушевало пламя; путники уселись вокруг костра и начали готовить ужин из риса и сушеного мяса, которое достали в последней деревне.

Хотя ботаник был занят делом, весьма увлекательным для голодного человека, он продолжал наблюдать окружающий растительный мир и вскоре заметил, что дерево, которое они жгли, сильно напоминает дуб. Он поднял веточку и, отрезав от нее кусочек ножом, с изумлением увидел, что это в самом деле дуб, походивший по своему строению на гиганта северных лесов. Его удивило присутствие дуба в стране, обладавшей тропической флорой. Он знал, что можно встретить представителей этого семейства на склонах Гималаев, но сейчас он находился у их подножия, в области пальм и баньянов.

Карл в то время не знал — да это и сейчас далеко не всем известно, — что многие виды дубов относятся к

тропическим деревьям; немало их обнаружено в жарком поясе, где они растут даже на уровне моря. Хотя в тропической Южной Америке, в Африке, на Цейлоне дубы не растут, но множество видов их встречается в Восточной Бенгалии, на Молуккских островах и островках Индийского архипелага — и, пожалуй, там его видов даже больше, чем в других местах земного шара.

Встреча со «старым знакомым», как они назвали дуб, порадовала молодых баварцев. После ужина они побеседовали на эту тему и решили на следующее утро поискать живые деревья для подтверждения замеченного ими странного факта.

Пора было ложиться спать, и они собирались уже закутаться в одеяла, но неожиданный случай задержал их еще часа на два.

Глава VIII

ЗАМБАР

— Смотри! — воскликнул Каспар, который был зорче Карла. — Смотри вот сюда! Видишь два огонька!

— Вижу, — ответил Карл. — Две круглые яркие светящиеся точки. Что бы это могло быть?

— Какое-то животное, — заявил Каспар. — Я в этом уверен. Должно быть, дикий зверь.

— Может быть, тигр? — высказал предположение Карл.

— Или пантера, — прибавил его брат.

— Надеюсь, ни то, ни другое, — сказал Карл.

Их прервал Оссару, который также заметил светящиеся точки. Одним словом он успокоил товарищей.

— Самбу, — заявил шикари.

Братья знали, что Оссару называет «самбу» оленя, которого европейцы именуют «замбар». Оказывается, их напугали глаза оленя, в которых отразилось пламя костра. Страх внезапно сменился радостью. Они вдвойне радовались встрече с оленем: им доставляло удовольствие его застрелить — они надеялись полакомиться олениной.

Все трое были слишком опытными охотниками, чтобы действовать торопливо. Малейшее движение может спугнуть оленя — одним прыжком он скроется в чаще; стоит ему только повернуть голову, и его больше не будет видно — такой кругом мрак. Блестящие глаза — вот все, что было видно, и, если бы животное догадалось закрыть глаза, оно могло бы простоять здесь до рассвета, не рискуя попасть на прицел.

Однако любопытство так овладело оленем, что он позабыл всякую осторожность.

Он и не думал убегать и стоял как вкопанный; его большие круглые глаза были широко открыты и блестели, как два фонарика.

Каспар шепотом сказал товарищам, чтобы они молчали и не шевелились. Затем он стал медленно опускать руку, пока не достал двустволку; осторожно подняв ее к плечу, Каспар прицелился и выстрелил. Он намеренно не целился между глазами оленя. Дело в том, что ружье было заряжено не пулей, а только дробью, но дробь, даже крупная, едва ли сможет пробить череп такого крупного животного, как замбар. Охотник прицелился не в глаза, а футом ниже — прямо под ними. Так как глаза находились на горизонтальной линии, он заключил, что олень стоит головой к костру, и рассчитывал попасть ему в горло или в грудь.

Как только он выстрелил из первого ствола, блестящие глаза погасли, как свеча, которую задули; чтобы использовать преимущества дуплета, он выстрелил и из второго.

Он мог бы и поберечь заряд, так как первый выстрел достиг своей цели: шум сухих листьев, которые олень судорожно разбрасывал ногами, доказывал, что он если и не убит, то тяжело ранен.

Фриц уже прыгнул в темноту, и, прежде чем охотники успели схватить факел и подбежать, сильная собака вцепилась животному в горло и задушила его, положив конец судорогам.

Охотники подтащили тушу оленя к костру. Они смогли сделать это лишь общими усилиями, так как замбар — крупная порода оленей, а тот, что попал им в ру-

ки, был прекрасным старым самцом с огромными ветвистыми рогами, которыми при жизни он, без сомнения, гордился.

Замбар — одна из самых замечательных пород оленей. Хотя он и меньше ростом, чем американский вапити, но гораздо крупнее европейского оленя. Это быстроногое, смелое и злое животное; когда его загонят, он становится опасным противником для людей и собак. Шерсть у него гладкая, жесткая, бурого, слегка сероватого цвета. Шея обросла длинными косматыми волосами; под горлом у него борода, как у американского вапити. Сверху вдоль шеи — густая грива, придающая животному еще более свирепый вид. Морда окаймлена черноватой полосой, а «салфетка» вокруг хвоста невелика и желтоватого цвета.

Такова внешность обыкновенного замбара, которого англо-индийские охотники называют оленем; в Азии водится немало родственников и разновидностей замбара.

Представители этой группы встречаются во всех областях Индии — от Цейлона до Гималаев и от Инда до островов Индийского архипелага. Они живут в лесах, обычно по берегам рек или озер.

Америку долгое время считали излюбленным местопребыванием оленей, подобно тому как Африка считается родиной антилоп. Но, по-видимому, это не так, и ошибка вызвана тем, что американский олень известен европейцам лучше других. Правда, самый крупный из оленей, лось, обитает на Американском материке, а также на севере Европы и Азии, но количество его видов на этом материке, как в северной, так и в южной части, очень ограничено.

Когда фауна Востока — я говорю обо всех странах и островах, обычно именуемых Ост-Индией, — будет досконально изучена, мы убедимся, что там раза в три больше видов оленей, чем в Америке.

Если мы вспомним, сколько образованных англичан — и военных и штатских — всю жизнь прожили в Индии, то можно только удивляться, что фауна этой страны до сих пор так мало изучена. Большинство

английских офицеров смотрят на диких животных Индии скорее глазами охотника, чем натуралиста. Для них всякий олень — просто олень, а большое, похожее на быка животное — это буйвол, будь то гайял, или лесная корова, или гоор. Еще неизвестно, принадлежат ли все эти разновидности к одному и тому же роду. Хорошо еще, что эти джентльмены иногда догадываются прислать на родину шкуру или рога, — иначе мы бы вообще ничего не знали о животных, с которых сняты эти трофеи. Поэтому особенно приходится ценить таких исследователей, которые являются редким исключением. Если бы в каждой провинции Индии имелись подобные им люди, мы получили бы такое описание фауны этой страны, которое удивило бы даже ученых, созерцающих мир сквозь очки.

Глава IX

НОЧНОЙ ГРАБИТЕЛЬ

Оссару быстро ободрал оленя, разрубил тушу на куски и развесил их на ветвях дерева. Хотя все уже успели поужинать, волнение, вызванное охотой, снова возбудило у них аппетит; оленину испекли на дубовых угольях, поели с удовольствием и запили восхитительным пальмовым вином, а затем путники собрали мох, свисавший с деревьев, сделали из него постель, улеглись у костра, завернулись в одеяла и уснули.

Около полуночи поднялась тревога. Спящих разбудил Фриц, его яростный лай и злобное ворчание доказывали, что к костру приближается какой-то враг. Все трое вскочили, и им показалось, что они слышат неподалеку крадущиеся шаги и глухое рычание дикого зверя; но различать звуки было нелегко, так как в это время года в тропическом лесу по ночам бывает так шумно, что даже собеседникам трудно услышать друг друга. Стрекочут цикады, квакают болотные лягушки, серебристо звенят древесные лягушки, вскрикивают и ухают совы и сычи — все это создает оглушительный гам, не смолкающий до самого утра.

Полаяв некоторое время, Фриц замолчал. Все снова уснули и спокойно проспали до утра.

Едва рассвело, они встали и принялись готовить завтрак.

В костер подбросили сухих сучьев и решили изжарить лопатку оленя. Оссару взобрался на дерево, а Каспар пошел за мясом.

Куски оленьей туши были развешаны на дереве шагах в пятидесяти от костра. Это место выбрали потому, что там протекал ручеек, в котором можно было вымыть мясо. Горизонтальная ветка как раз на нужной высоте соблазнила Оссару, и он решил использовать ее вместо крюка.

Внезапно Каспар подозвал к себе товарищей.

— Смотрите! — воскликнул он, когда они подошли. — Часть туши исчезла!

— Значит, здесь были воры! — заметил Карл. — Вот почему Фриц лаял.

— Воры! — воскликнул Каспар. — Только не люди! Люди унесли бы все мясо, а тут пропал лишь один кусок. Его стащил какой-то дикий зверь!

— Да, саиб, вы сказать верно, — отозвался шикари, подходя ближе. — Он дикий зверь, очень дикий зверь — большой тигр!

При имени этого ужасного хищника юноши вздрогнули и стали тревожно осматриваться. Даже Оссару обнаружил признаки страха. Подумать только, они спали под открытым небом так близко от тигра — самого страшного и свирепого из всех зверей! И это в Индии, где постоянно приходится слышать о нападениях этого хищника!

— Ты думаешь, это был тигр? — спросил ботаник, прерывая Оссару.

— Да, саиб! Смотреть сюда, саиб, видеть его следы!

Шикари показал на песчаный берег ручья. Да, там виднелись следы лап крупного зверя; присмотревшись, можно было узнать следы зверя кошачьей породы. На песке четко отпечатались подушечки лап и виднелись легкие следы когтей, ибо, хотя когти у тигра очень длинные, он может втягивать их на ходу, оставляя на песке

или глине лишь очень легкие отпечатки. Следы были слишком большие для леопарда — они могли принадлежать только льву или тигру. Львы водились в этих местах. Но Оссару хорошо умел различать следы этих двух крупных хищников и без всякого колебания заявил, что это тигр.

Следовало серьезно подумать о том, что теперь предпринять. Может быть, сняться с места и двигаться вперед? Но Карлу очень хотелось провести здесь день или два. Он не сомневался, что обнаружит в этих местах несколько новых видов растений. Но невозможно было спать спокойно, зная о таком соседстве. Тигр, конечно, вернется. Едва ли он уйдет оттуда, где ему удалось так вкусно поужинать. Он, конечно, видел на дереве еще куски оленины и наверняка придет навестить ее следующей ночью. Конечно, можно развести большие костры и отпугнуть его от своего бивака, но все же нельзя будет спокойно спать. И даже днем он всегда сможет напасть на них, особенно когда они будут искать растения в чаще. В дремучих зарослях легко повстречаться с этим страшным соседом. Не лучше ли уложить вещи и продолжать путь?

За завтраком они обсуждали создавшееся положение. Каспар, страстный охотник, хотел только взглянуть на тигра; но Карл, более осторожный, а может быть, и более боязливый, считал, что лучше им перебраться в другое место. Таково было мнение ботаника, но в конце концов он уступил настояниям Каспара и Оссару, который предложил убить тигра, если они останутся здесь хоть на одну ночь.

— Как! Убить тигра из лука? — удивился Каспар. — Отравленной стрелой?

— Нет, молодой саиб, — ответил Оссару.

— Я думаю, тебе едва ли удастся убить большого тигра таким оружием. Но как ты примешься за дело?

— Если саиб Карл остаться до завтра, Оссару покажет вам: он убить тигра, он поймать его живой.

— Поймаешь живьем? В ловушку? В капкан?

— Нет ловушка, нет капкан. Вы увидеть. Оссару делать, что сказать, — он поймать тигр живой.

У Оссару был, очевидно, какой-то замысел, и братьям не терпелось узнать, в чем дело. Так как шикари обещал, что охота будет безопасной, ботаник согласился остаться и поохотиться на тигра.

Тогда Оссару рассказал им свой план. И, позавтракав, все трое занялись приготовлениями к охоте.

Действовали они так. Прежде всего в соседних зарослях нарезали множество бамбуковых колен. Затем надрезали кору смоковницы и пристроили к ним бамбуковые колена так, чтобы в них стекал млечный сок. Так как каждое колено бамбука имело «донце» благодаря узлу на стволе, то оно и превратилось в сосуд для сбора сока, а на смоковнице надрезали лишь молодые, самые сочные побеги. Когда в бамбуковых сосудах собралось достаточно жидкости, ее перелили в котелок, который подвесили над слабым огнем. Затем сок стали помешивать, по временам подливая свежего, и вскоре он стал густым и липким, как самый лучший птичий клей. Это и был настоящий птичий клей, какой применяется индийскими птицеловами, почти не уступающий по качеству клею, приготовленному из остролиста.

Пока Оссару варил клей, Карл и Каспар, по его указаниям, взобрались на деревья и нарвали целую кучу листьев. Срывали их только со смоковниц, причем выбирали самые молодые деревья. Эти листья, величиной с чайное блюдечко, были покрыты мягким пушком, какой бывает только на листьях молодых деревьев, так как, когда смоковница стареет, ее листья становятся твердыми и гладкими.

Когда листья были собраны, а клей готов, Оссару начал приводить свой план в исполнение.

Оставшиеся две четверти туши оленя все еще висели на дереве. Решено было оставить их там как приманку для оригинальной ловушки, задуманной Оссару, и только перевесить повыше, чтобы тигр не мог их достать.

Повесив мясо, как ему хотелось, Оссару вместе со своими помощниками расчистил вокруг этого дерева большую площадку, вырвав все кустики и убрав хво-

рост. Затем шикари приступил к осуществлению заключительной части своего плана. Добрых два часа он намазывал клеем собранные листья смоковницы и разбрасывал их по земле; они покрыли пространство в несколько квадратных ярдов, так что нельзя было подойти к дереву, на котором висело мясо, не наступив на клейкие листья. Они были смазаны с обеих сторон, слегка прилипали к траве, и ветерок не мог их унести.

Когда все было готово, Оссару и юноши вернулись к костру и с аппетитом пообедали. День уже клонился к вечеру, им пришлось много поработать, но они не хотели обедать, пока не закончат всех приготовлений. Теперь оставалось только ждать результатов.

Глава X

РАЗГОВОР О ТИГРАХ

Мне нет надобности описывать тигра. Вы, конечно, его видели, хотя бы на картинке. Тигр — это большая полосатая кошка. Пятнистые кошки — это ягуары, пантеры или леопарды, рыси, гепарды, сервалы. Но вы никогда не спутаете тигра с каким-нибудь другим зверем. Он после льва самый крупный представитель кошачьего семейства, но отдельные тигры бывают ростом с крупного льва. К тому же лев кажется больше благодаря косматой гриве, покрывающей его шею. Сдерите с него шкуру, и он будет не крупнее старого тигра, также ободранного.

Подобно львам, тигры мало различаются по форме и окраске. Природа не слишком мудрит над раскраской этих могучих зверей, изощряя свою фантазию над животными меньших размеров. Характерный желтый цвет шерсти тигра может быть светлее или темнее, полосы могут быть более или менее яркими, но в общем окраска остается постоянной и любую особь можно распознать с первого взгляда.

Тигр менее распространен, чем лев. Последний встречается на протяжении всего Африканского матери-

ка и лишь кое-где в южной половине Азии, между тем тигр обитает только в Азии и на некоторых крупных островах Индийского архипелага. К западу он распространен лишь до южного побережья Каспийского моря. Тигры встречаются в Маньчжурии и в Приморской области. Из этого видно, что он совсем не такое тропическое животное, каким его обычно считают.

Если верить некоторым путешественникам, то тигры обитают не только в Африке, но и в Америке. Но тигр, о котором упоминают испано-американцы, — это ягуар, а в старину путешественники по Африке принимали за тигра пантеру или леопарда, а может быть, и сервала.

Основное местопребывание этого свирепого хищника — знойные джунгли Индостана, Сиама, Малайи и некоторых областей Китая. Там тигр — неограниченный хозяин лесных дебрей; правда, в некоторых из этих стран встречается и лев, но очень редко, о нем мало говорят туземцы и не слишком его боятся.

Мы живем так далеко от этих крупных хищников, что нам трудно себе представить, какой ужас наводят тигры в тех местах, где они обычно охотятся.

Там жить далеко не безопасно, и человек, находящийся в пути, так же боится встретить тигра, как мы — бешеную собаку. Эти страхи вполне обоснованы. В каждом селении вы услышите правдивые рассказы о нападениях тигров или о встречах с ними; в каждом поселке имеется свой список убитых или изувеченных. Вы едва ли поверите, а между тем достоверно известно, что иной раз население уходит из самых плодородных районов страны только из страха перед появившимися там тиграми и пантерами. Подобные случаи наблюдались и в Южной Америке, где они были вызваны гораздо менее опасным хищником — ягуаром.

В некоторых областях Индии туземцы почти не решаются сопротивляться при нападении тигра. Суеверие приходит на помощь свирепому чудовищу. Индусы считают, что тигр обладает сверхъестественной силой и послан богами уничтожать людей; поэтому они покорно ему сдаются, не оказывая ни малейшего сопротивления.

В других местах, где живут более энергичные племена, на тигра усердно охотятся, и в различных районах его ловят или убивают разными способами.

Иногда заряжают лук отравленной стрелой и прикрепляют к тетиве бечеву. Затем кладут на землю приманку так, чтобы тигр, приближаясь к ней, зацепился лапой за бечевку, спустил тетиву и был пронзен стрелой, яд которой убивает его. Таким же образом устанавливают пружинное ружье, и тигр сам стреляет в себя.

Западня из бревен, к какой нередко прибегают жители американских лесов для ловли черного медведя, применяется в Индии для ловли тигров. Она состоит из тяжелого чурбана или бревна, установленного на другом бревне с помощью подпорки; сто́ит какому-нибудь животному сдвинуть эту подпорку, как бревно падает и убивает его. Для такого типа ловушки также необходима приманка.

Охотятся за тиграми и на слонах — это «королевский» спорт в Индии. Им нередко занимаются индийские раджи, а порой и английские офицеры Ост-Индской компании. Это, конечно, очень увлекательная забава, но тут не применяется никакой хитрости. Охотники вооружены ружьями и копьями, и их сопровождает толпа туземцев, которые прочесывают чащу и выгоняют оттуда животных. Немало жизней приносится в жертву при этой опасной охоте, но страдают обычно бедные крестьяне, которых берут в загонщики, ведь индийский раджа ценит жизнь трех — четырех десятков своих подданных не дороже, чем жизнь тигра.

Говорят, китайцы ловят тигров в клетку, куда в качестве приманки ставят простое зеркало. Подойдя к зеркалу, тигр видит свое отражение, кидается на него, принимая за соперника, — затвор падает, и зверь пойман. Быть может, китайцы и пользуются подобной ловушкой, но едва ли таким путем можно поймать много тигров.

Вы можете подумать, что способ Оссару был не лучше китайской западни с зеркалом. Его спутники тоже сперва выразили недоверие, когда он заявил им, что хочет поймать тигра на птичий клей.

Глава XI

ТИГР, ПОЙМАННЫЙ НА ПТИЧИЙ КЛЕЙ

Способ шикари подвергся проверке даже раньше, чем ожидали наши друзья. Они не думали, что тигр появится до захода солнца, и решили провести ночь на смоковнице. Ночевать у костра было небезопасно, потому что хищник мог неожиданно на них напасть.

Хотя эти свирепые звери обычно боятся огня, некоторые из них не обращают на него внимания, и бывали случаи, когда тигры набрасывались на людей, сидящих у ярко пылающего костра. Оссару знал несколько таких случаев и посоветовал ночевать на дереве. Правда, тигр может забраться и на смоковницу, в случае если их заметит; но, если они будут сидеть тихо, ему трудно будет обнаружить их убежище. Они заранее соорудили площадку из бамбуковых жердей и водрузили ее на дерево.

Сделали это на всякий случай, так как им не очень улыбалось ночевать на таком насесте. Но все же им пришлось просидеть там некоторое время, и они оказались свидетелями самой забавной и необычайной сцены.

До заката оставалось еще с полчаса, и охотники сидели вокруг огня, когда услыхали странный звук. Он слегка напоминал жужжание молотилки; всякому, кто бывал за городом, не раз приходилось слышать этот звук. По временам это жужжание прерывалось, затем снова возобновлялось.

Лишь один Оссару встревожился, услыхав этот звук. Остальные испытывали только любопытство. Это был необычный звук. Им хотелось поскорее узнать, чем он вызван.

Но и они, в свою очередь, встревожились, когда шикари сообщил им, что эти звуки не что иное, как «мурлыканье» тигра.

Оссару сказал это зловещим шепотом и неслышными шагами быстро направился к смоковнице, знаком пригласив братьев следовать за ним.

Они молча повиновались — один за другим взобрались на дерево и спрятались среди ветвей.

Сквозь завесу листвы им были видны куски туши, висевшие на суку, и площадка, усеянная блестящими от клея листьями.

Быть может, тигру оказалось мало куска оленины, унесенного в предыдущую ночь, и он проголодался раньше обычного. Во всяком случае, Оссару, хорошо знавший повадки полосатого вора, не ожидал его так рано, рассчитывая, что он явится, лишь когда совсем стемнеет. Но громкое «мурлыканье», все явственнее доносившееся из чащи, доказывало, что огромная кошка вышла на охоту.

Вдруг они увидели, как тигр показался из кустов по ту сторону ручья; его широкая белая шея и грудь резко выделялись на темном фоне листвы. Он подкрадывался совсем как домашняя кошка к какой-нибудь неосторожной птичке: растопырив огромные лапы, припав к земле могучим телом, — ужасное, отвратительное зрелище! Глаза его вспыхнули, когда он увидел соблазнительные куски мяса, висевшие высоко на ветке.

Осмотревшись по сторонам, он выгнул спину и мигом перепрыгнул через ручей. Потом быстро направился к дереву и остановился прямо под висящими кусками.

Оссару нарочно перевесил мясо повыше, и оно теперь находилось футах в двенадцати над землей. Хотя тигр может делать очень большие прыжки, он не способен прыгать высоко вверх, и заманчивые куски были за пределами его досягаемости. Казалось, он был несколько обескуражен — в прошлый раз дело обстояло совсем иначе, — но, поглядев на мясо минуту-другую, он сердито фыркнул, припал к земле и подпрыгнул кверху.

Попытка оказалась неудачной: он упал на лапы, даже не коснувшись мяса, и выразил свое неудовольствие гневным ревом.

В следующий миг он снова подпрыгнул. На этот раз он задел лапой один из кусков, который начал раскачиваться, но не упал, так как был крепко привязан.

Внезапно внимание огромного зверя привлекло новое обстоятельство; вид у него был озадаченный. Он заметил, что у него что-то прилипло к лапам. Он под-

нял одну и увидел, что к ней пристало несколько листьев. Почему эти листья так липли к его лапам? Они казались мокрыми, но что из того? Он никогда не замечал, чтобы мокрые листья прилипали к лапам больше, чем сухие. Быть может, они-то и помешали ему прыгнуть так высоко, как он хотел? Во всяком случае, ощущение было неприятное; необходимо удалить эти листья прежде, чем снова прыгнуть. Он слегка потряс лапой, но листья не упали. Он потряс сильнее — никакого толку! Ему не удавалось их стряхнуть. На них было что-то клейкое, чего он никогда еще не видел в своих странствованиях. Ему не раз случалось ходить по листьям смоковницы, но таких клейких он еще не встречал.

Тигр продолжал трясти лапами, но все было напрасно. Листья приклеились, как пластыри, — облепили его лапу со всех сторон. Некоторые прилипли даже к лодыжкам. Что бы это значило?

Видя, что трясти лапой бесполезно, он попытался освободиться от листьев другим способом — стал тереть лапой по щекам и морде. Правда, листья отстали от лапы, зато прилипли к голове, ушам и к носу, а это было еще неприятнее. Он хотел было смахнуть их лапой, но вместо того наклеил еще больше, так как на поднятой лапе оказался свежий слой налипших листьев. Он попытался проделать это другой лапой, но не тут-то было! Лапа оказалась облепленной листьями, которые отставали от нее, приклеиваясь к голове, и, несмотря на все усилия, их не удавалось оттуда сорвать. Некоторые даже налипли ему на глаза и почти ослепили его. Оставалось последнее средство — потереться головой о землю.

Задумано — сделано. Тигр прижался мордой к земле и, отталкиваясь лапами, начал изо всех сил тереться сначала одной стороной морды, потом другой, но от этого стало еще хуже: глаза были залеплены, и он окончательно ослеп, а голова и все туловище до кончика хвоста было сплошь обклеено листьями.

Тигр разъярился. Ему было уж не до мяса. Он хотел только освободиться от ужасной ловушки, в которую

Тигр заметил, что у него что-то прилипло к лапам.

попал. Он принялся прыгать и дико метаться по площадке: то терся головой о землю, то скреб ее своими огромными лапами и то и дело кидался на стоявшие кругом деревья. Его отчаянный рев, рычание и визг гулко разносились по лесу.

Охотники следили за каждым его движением, с трудом удерживаясь от смеха. Оссару увидел, что пришел момент решительно действовать, спустился с дерева и с копьем в руке направился к тигру, дав знак товарищам следовать за ним с ружьями.

Шикари мог бы без особого риска подойти и пронзить тигра, но пуля все же была надежнее, и Каспар выстрелил из своей двустволки, а вслед за ним — Карл из своего ружья. Одна из пуль, попав между ребрами, положила конец мучениям тигра — он упал на траву, убитый наповал.

Осмотрев тигра, они обнаружили, что листья смоковницы залепили ему глаза и он был совершенно ослеплен. Ему не удалось содрать листья своими огромными когтями, и он не мог бы пустить в ход когти, даже если бы кто-нибудь схватился с ним врукопашную.

Когда эта волнующая сцена окончилась, охотники разразились громким хохотом. Еще бы не смеяться — королевского тигра поймали на клей, как жалкую пичужку!

Глава XII

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПЛОТ

Оссару поспешил содрать с тигра шкуру и поужинал большим куском грудинки, вырезанным из туши. Братья не приняли участия в этом странном пиршестве, хотя шикари уверял их, что тигровое мясо гораздо вкуснее, чем мясо замбара. Может быть, Оссару был и прав, так как известно, что мясо некоторых плотоядных зверей не только съедобно, но и очень вкусно. В самом деле, вкус мяса, по-видимому, совсем не зависит от характера пищи данного животного: свинья — всеядное животное, но что может быть лучше на вкус и нежнее

жареной свинины! С другой стороны, мясо многих животных, питающихся только свежей травой или сладкими, сочными корнями и растениями, отличается горьким вкусом. Примером могут служить южноамериканский тапир, африканские зебры, квагги и даже некоторые породы антилоп, чье мясо можно есть только от голода.

То же наблюдается и среди птиц. Мясо многих хищных птиц не уступает лучшей дичи. Например, мясо крупного ястреба-перепелятника в Америке (на которого усердно охотятся негры на плантациях) ничуть не хуже мяса птиц, которыми он питается.

Но Оссару содрал шкуру с тигра не только для того, чтобы полакомиться его мясом, а ради самой шкуры, хотя она сама по себе и не очень высоко ценится в Индии. Будь это шкура пантеры или леопарда, или даже менее красивая шкура гепарда-читы, за нее можно было бы получить хорошие деньги. Но шкура тигра имеет условную ценность, и шикари это было известно. Он знал, что за каждого убитого тигра дается премия в десять рупий, для получения которой нужно показать шкуру. Правда, эту премию выплачивала Ост-Индская компания и только за тигров, убитых на ее территории. Этот тигр не был убит на земле, осеняемой знаменем Англии, но что из того? Тигровая шкура остается тигровой шкурой; Оссару мечтал в недалеком будущем попасть в Калькутту. Он взобрался на высокую смоковницу и спрятал шкуру в самых верхних ветвях, с тем чтобы захватить ее на обратном пути.

Следующие два дня они провели на том же месте, и охота за растениями была очень успешной. Были найдены семена многих редких растений; некоторые были даже неизвестны ученому миру; как и тигровую шкуру, их спрятали в надежное место, чтобы не тащить с собой в горы.

Карл решил, составляя свои коллекции, прятать найденные им семена и орехи в различных пунктах своего маршрута. Он рассчитывал на обратном пути нанять несколько носильщиков, которые отнесут их в Калькутту или другой приморский город.

На четвертый день они снова пустились в путь, направляясь к северу, в сторону гор. Они не нуждались в проводнике, так как река, вверх по которой решили идти, была достаточно надежным проводником; обычно они шли вдоль берега, но иногда непроходимая, болотистая чаща заставляла их отдаляться от него на некоторое расстояние.

Около полудня они дошли до одного из притоков реки. Он пересекал им путь, и его необходимо было перейти. Не было ни моста, ни брода, ни какой-либо переправы, а поток был широкий и глубокий. Они прошли вдоль него милю-другую, но нигде не обнаружили мели. Несколько часов разыскивали они переправу, но напрасно.

Каспар и Оссару были хорошими пловцами, но Карл совсем не умел плавать — переправу искали только из-за него. Его товарищи без колебаний бросились бы в воду. Но как быть с Карлом? При таком быстром течении даже самый лучший пловец не смог бы тащить за собой другого человека. Но тогда как же им переправиться? Они сели под деревом и стали обсуждать этот вопрос. Без сомнения, изобретательный Оссару вскоре придумал бы, как переправить молодого саиба через реку, но в это время появилась совершенно неожиданная помощь.

На противоположном берегу расстилался небольшой луг, за которым виднелся густой лес.

Они заметили, как из леса вышел человек и направился через луг к берегу. Его мускулистое сложение; густые черные волосы, небрежно падающие на плечи; одежда, состоявшая из куска материи, похожего на одеяло и подхваченного на талии кожаным поясом; голые ноги, обутые в сандалии, — все доказывало, что это полудикий обитатель Тераи.

Его появление чрезвычайно поразило всех, кроме Оссару. Удивительным был не дикий вид его и не странная одежда: тех, кто путешествует по Индостану, нелегко удивить необычной внешностью или костюмом. Наших путников, как и всякого другого человека, изумило то, что приближавшийся к берегу человек нес на

спине буйвола. Не кусок его туши, не голову, а целого буйвола, черного, мохнатого, величиной с английского быка. Спина животного лежала на спине у человека, голова с рогами возвышалась над плечом, ноги торчали сзади, а хвост волочился по земле.

Наши путники не понимали, как может человек выдержать такую ношу, но дикий мэх нес ее без труда и шел по лугу легко и непринужденно, словно у него на спине был мешок с пухом.

У Карла и Каспара вырвались возгласы удивления, и они засыпали Оссару вопросами, требуя объяснений. Оссару только загадочно улыбнулся в ответ: очевидно, он мог объяснить это странное явление, но так наслаждался изумлением своих спутников, что ему хотелось подольше продержать их в неизвестности, — впрочем, не дольше, чем позволяло приличие.

Удивление юношей еще возросло, когда из чащи появился другой туземец с буйволом на спине, за ним третий, четвертый — целых полдюжины, причем каждый нес по буйволу.

Тем временем первый уже подошел к берегу реки, и удивление ботаников достигло предела, когда туземец сбросил животное на землю, затем схватил его, столкнул в воду и сел на него верхом! Еще мгновение — и он уже плыл на буйволе, вернее — подталкивал буйвола, действуя руками и ногами, как веслами.

Остальные пятеро, подходя к воде, поступали так же, и вскоре вся компания уже переплывала реку.

Только когда первый мэх, выйдя на берег около путников, вынул своего буйвола из воды и снова взял его на плечи, они с удивлением обнаружили, что принимали за буйволов надутые шкуры этих животных, которыми дикие, но изобретательные туземцы этих мест пользуются как плотами.

Такие плоты встречаются и у туземцев Пенджаба и в других частях Индии, где реки весьма редко можно перейти вброд, а мостов не имеется. С буйвола сдирают шкуру вместе с головой, ногами и рогами, чтобы удобнее было управлять плотом. Их тщательно сшивают, так чтобы воздух не проникал сквозь них, и наду-

вают вместе с головой и ногами; надутая шкура до того похожа на живого буйвола, что даже собаки нередко ошибаются и рычат и лают на нее. Воздуха в ней с избытком хватает, чтобы держать на воде человека. Для переправы грузов или других предметов несколько шкур связывают вместе, и получается превосходный плот.

Такой же плот был тотчас же сделан и для наших путешественников. Хотя мэхи и полудикое племя, они весьма учтивы с иноземцами. Достаточно было двух — трех слов Оссару и нескольких трубок, подаренных ботаником, чтобы получить желанный плот из буйволовых шкур. Не прошло и получаса, как маленький отряд уже очутился на другом берегу и мог продолжать свой путь.

Глава XIII

САМАЯ ВЫСОКАЯ В МИРЕ ТРАВА

Продвигаясь вверх по реке, нашим путникам случалось проходить обширные пространства, покрытые травой особой породы, так называемой «травой джунглей», которая значительно превышала человеческий рост.

Ботаник измерил несколько стеблей этой гигантской травы и обнаружил, что она достигает высоты четырнадцати футов и имеет толщину у корня с палец. Ни одно животное, кроме жирафа, не может поднять голову над этой травой; но в Индии жирафов нет — эти длинношеии создания обитают лишь на Африканском материке. Однако здесь встречаются дикие слоны, самый крупный из которых может спрятаться в этой заросли, как полевая мышь в траве наших лугов.

Но в траве джунглей скрываются и другие животные. Это любимое убежище тигра и индийского льва, и наши ботаники не без опасений прокладывали себе путь среди этих высоких стеблей.

Вы, конечно, согласитесь, что трава джунглей — высокая трава. Но она далеко не самая высокая в мире или даже в Ост-Индии. Поверите ли вы, что существует трава в пять раз выше этой? А между тем такая трава

растет в Индостане. Это разновидность проса, достигающая пятидесяти футов высоты, причем ее стебель не толще гусиного пера. Но эта своеобразная трава — вьющееся растение; она растет среди деревьев и, цепляясь за их ветви, добирается почти до самой вершины.

Вы, пожалуй, подумаете, что эта разновидность проса и есть самая высокая трава в мире. Ничуть не бывало! Имеется еще один вид травы, достигающий фантастической высоты — ста футов!

Вы догадываетесь, о каком виде я говорю? Разумеется, о гигантском бамбуке. Это и есть самая высокая в мире трава.

Бамбук обычно называют тростником, но он принадлежит к семейству злаков, или трав, и отличается от других представителей того же семейства своими гигантскими размерами.

Мой юный читатель, я смело могу сказать, что во всем растительном мире не существует семейства, более полезного для человека, чем злаки. У всех цивилизованных народов хлеб считается основной пищей, а почти все сорта хлеба — продукты злаков. Пшеница, ячмень, овес, кукуруза, рис — все это злаки, так же как и сахарный тростник, который так ценится благодаря своему вкусному продукту. О различных видах злаков, доставляющих человеку необходимые продукты и лакомства, можно было бы написать длинную главу, а еще больше о видах, также полезных для человека, но еще не окультуренных.

Но из всех злаков самый интересный — бамбук.

Хотя это благородное растение не дает ценных пищевых продуктов, зато оно приносит человеку немалую пользу.

Для жителей Южной Азии — и материка и островов — бамбук примерно то же, что различные виды пальм для туземцев Южной Америки или тропической Африки. Это изящное растение, чьи легкие, стройные стебли служат для множества полезных целей, — пожалуй, самый ценный подарок природы туземным племенам. Способы применения бамбука столь многочисленны, что их не так просто перечислить. Расскажем

о некоторых из них, чтобы вам стало ясно, насколько ценен этот злак.

Молодые побеги некоторых видов срезают, пока они еще нежны, и едят как спаржу. Подросшие, но еще зеленые стебли служат футлярами, в которых можно перевозить свежие цветы на большие расстояния благодаря влаге, постоянно выделяющейся из их стенок. Когда стебли затвердеют, из них делают луки, стрелы и колчаны, древки для копий, корабельные мачты, трости, ручки для паланкинов, мостовые настилы и множество других предметов. Из самых прочных сортов бамбука строят частоколы, которые могут разрушить лишь регулярная пехота и артиллерия. Делая на бамбуковых стволах надрезы, малайцы превращают их в изумительно легкие и удобные для переноски лестницы. Листьями низкорослых пород китайцы выстилают чайные ящики. Растертые в воде листья и стебли бамбука идут на изготовление китайской бумаги, высокие качества которой можно еще повысить, добавляя в массу хлопок-сырец и тщательно ее растирая. Разрезая стебли на куски и вырезая перегородки, делают водопроводные трубы или футляры для хранения свитков. Расщепляя стебель на полоски, получают весьма прочный материал для плетения циновок, корзин, жалюзи; из него изготовляют даже паруса. Более крупные и толстые отрезки стволов китайцы покрывают восхитительными орнаментами.

Особенно ценен бамбук как строительный материал. Во многих областях Индии можно встретить бамбуковые хижины.

Бамбук легко срезать и легко заготовить в любом количестве. Поэтому дома из бамбука возводятся с удивительной быстротой. Один из выдающихся английских ботаников, Гукер, сообщает, что целый дом с мебелью, состоявшей из стола и кресел, был построен шестью его помощниками в один час.

Известно около пятидесяти видов бамбука; некоторые из них — уроженцы Африки и Южной Америки, но большинство принадлежит Южной Азии, которую можно считать родиной этих гигантских трав. Все эти ви-

ды значительно отличаются друг от друга: у одних ствол толстый и прочный, у других — легкий, тонкий, эластичный. Они бывают также весьма различной высоты: существует карликовый бамбук, тонкий, как стебелек пшеницы, и высотой всего в два фута, а есть и такой, у которого стебель толщиной с человеческое туловище и высотой в добрых сто футов.

Глава XIV

ЛЮДОЕДЫ

Оссару прожил всю свою жизнь в стране, где бамбук чрезвычайно распространен, и прекрасно знал все способы его применения. Он мог сделать из бамбука любой сосуд или предмет утвари. Если бы ему пришлось пересекать безводную местность, он без труда смастерил бы большой сосуд или флягу куда прочнее жестяных изделий.

Так как в тех местностях, по которым они проходили, вода встречалась чуть не через каждую милю, в крупной бамбуковой фляге не было нужды. Чтобы иметь под рукой воду всякий раз, когда захочется пить, достаточно было одного бамбукового сосуда емкостью в кварту.

Не появись мэхи в нужный момент со своими плотами из надутых шкур буйволов, Оссару, несомненно, придумал бы какой-нибудь другой способ переправиться через реку. Он доказал свою изобретательность, когда наши путники через несколько часов очутились перед таким же препятствием. На этот раз им преградило путь главное русло, вдоль которого они шли. В этом месте река образовала большую излучину, и, если бы они стали ее обходить, пришлось бы сделать изрядный крюк, к тому же проводник сообщил, что тропа несколько раз пересекает болото.

Оссару предложил переправиться через реку. Но как это сделать? Переплыть ее будет нелегко, ибо она шире, чем приток, через который они уже переправились,

а туземцев нигде не было видно. Но проводник указал на небольшую бамбуковую рощицу.

— А, ты хочешь сделать бамбуковый плот? — спросил ботаник.

— Да, саиб, — ответил шикари.

— Боюсь, это займет много времени.

— Не бойся, саиб, — полчаса хватит.

Оссару сдержал свое обещание. За полчаса были построены и готовы к спуску три плота. Конструкция их была чрезвычайно проста и остроумна. Они состояли из четырех кусков бамбука, связанных ратановыми полосками так, чтобы внутри этого четырехугольника мог поместиться человек. Полые бамбуковые стебли вполне могли удержать на воде человека.

Привязав за плечами багаж и неся плоты в руках, путники подошли к реке, смело бросились в воду и поплыли. Оссару показал им, как держаться в воде вертикально и как грести руками и ногами; немало было плескания, и брызганья, и хохота, и крика, пока все трое благополучно перебрались на противоположный берег. Впрочем, Фрицу плот не понадобился.

Так как предстояло еще раз переправиться через реку, каждый захватил с собой плот, и после новой переправы они опять очутились на тропе, по которой шли раньше. Таким образом, каждый день — чуть ли не каждый час — братьям приходилось удивляться какому-нибудь новому подвигу своего охотника-проводника и новому способу применения бамбука.

Но их ожидал еще один сюрприз. У Оссару был в запасе фокус, в котором бамбук играл большую роль. На следующий же день охотнику удалось его проделать, к великому восторгу не только своих спутников, но и целого туземного поселка, который немало выиграл от изобретательности Оссару.

Я уже упоминал, что в Индии есть немало мест, где население живет в постоянном страхе перед тиграми, а также перед дикими слонами, пантерами и носорогами. Эти люди не знают настоящего огнестрельного оружия. У некоторых, правда, имеются неуклюжие кремневые ружья, но они почти бесполезны на охоте; а

луки, даже с отравленными стрелами, — плохое оружие при встрече с этими могучими зверями.

Иной раз тигр, избрав себе логово близ какого-нибудь селения, целые месяцы терроризирует его жителей, то и дело нападая на коров, буйволов и других домашних животных. Наконец, доведенные до отчаяния, туземцы устраивают облаву, отваживаясь на борьбу с четвероногим тираном. В этой борьбе некоторые погибают, а другие на всю жизнь остаются калеками.

Но бывает и еще хуже: нередко тигр, вместо того чтобы охотиться на скот, уносит кого-нибудь из жителей деревни, и, если его сейчас же не отгонят или не убьют, чудовище наверняка повторит нападение. Странно, но, к сожалению, верно, что тигр, отведав человеческого мяса, предпочитает его всякому другому и будет делать самые дерзкие попытки его добыть. Такие тигры не редкость в Индии, где туземцы называют их людоедами. Любопытно, что кафры и другие туземцы Южной Африки точно так же называют львов, которые охотятся на людей.

Трудно представить себе более ужасное чудовище, чем лев или тигр с такими наклонностями; в Индии они наводят ужас на целые округи.

Местные охотники-шикари действуют сообща и либо берут тигра хитростью, либо рискуют жизнью в открытой борьбе. Оссару уже доказал свою хитрость и отвагу во многих сражениях с тиграми, ему известны были самые верные способы ловли этих зверей.

Теперь ему предстояло показать свое искусство, и его новый способ был не менее остроумен, чем поимка тигра на птичий клей.

Глава XV

СМЕРТЬ ЛЮДОЕДА

Тропа, по которой шли наши путники, привела их в туземное селение, расположенное в глубине леса. Жители селения встретили их восторженными криками. Об их прибытии стало известно заранее, и навстречу им вы-

шла депутация жителей, приветствуя их радостными восклицаниями и жестами.

Карл и Каспар, не знавшие туземного языка, сперва не могли понять, в чем дело. Они спросили объяснения у Оссару.

— Людоед, — ответил тот.

— Людоед?

— Да, саиб, людоед из джунглей.

Этого объяснения было недостаточно. Что хотел сказать Оссару? Людоед из джунглей? Что это такое? Ни Карл, ни Каспар никогда не слыхали о людоедах в этих местах. Они стали расспрашивать Оссару.

Тот рассказал им, что такое людоед. Тигр, о котором шла речь, убил и утащил мужчину, женщину и двух детей, не считая множества домашних животных. Уже больше трех месяцев он наводит ужас на жителей поселка. Несколько семейств покинули это место только из страха перед зверем, а оставшиеся обычно запирались в домах с наступлением темноты и не смели выходить до утра. Но и этой предосторожности было недостаточно, ибо недавно свирепый хищник проломил хрупкую бамбуковую стену и унес ребенка на глазах у ошеломленных родителей.

Несколько раз злополучные жители поселка собирались вместе и отваживались нападать на своего страшного врага. Они находили его в логове, но, так как они были неумелые охотники да к тому же плохо вооружены, тигр всякий раз уходил от них. В одной из таких схваток он убил охотника. Другие были тяжело ранены. Неудивительно, что туземцы не знали покоя.

Но почему же они так обрадовались, увидев путников?

Оссару с гордостью рассказал им, в чем дело, — у него, конечно, были основания гордиться.

Оказывается, слава шикари как великого охотника на тигров опередила его — имя Оссару было известно даже в Тераи. Туземцы услыхали, что он приближается в сопровождении двух феринги (так туземцы называют европейцев), и надеялись с помощью знаменитого шикари и саибов избавиться от ужасного разбойника.

Когда туземцы обратились к Оссару с такой просьбой, он тотчас же обещал им помочь. Ботаник не возражал, а Каспар был в восторге.

Предстояло провести в селении ночь — до наступления сумерек ничего нельзя было предпринять. Можно было бы устроить большую облаву, обыскать джунгли и напасть на тигра в его логове. Но что это дало бы? Быть может, только повело бы к гибели нескольких туземцев. Ни один из жителей селения не отважился бы на такую охоту, и не таким способом убивал Оссару тигров.

Карл и Каспар ожидали, что их спутник снова прибегнет к хитрости с листьями и птичьим клеем. Сперва он так и собирался поступить. Однако, расспросив местных жителей, он узнал, что сделать птичий клей невозможно. Они не умели его изготовлять, а поблизости не росло ни смоковниц, ни остролиста, ни других деревьев, из сока которых можно было бы сделать клей.

Как же поступит Оссару? Может быть, он откажется от своего намерения и покинет жителей поселка на произвол судьбы? Нет! Его охотничья гордость не позволяла ему этого. О нем шла слава как о великом шикари. Кроме того, ему было искренне жаль несчастных жителей поселка. К тому же Карл и Каспар заинтересовались охотой и просили его сделать все, что можно, обещая ему свое содействие.

Итак, было решено, что тигр будет убит, чего бы это ни стоило.

Оссару были известны другие способы охоты, кроме клея и облавы, и он тотчас же принялся выполнять свой план. У него было много помощников, так как жители поселка горячо взялись за дело и беспрекословно ему повиновались. Перед поселком находилась большая поляна. Она и была предназначена для этой цели.

Первым делом Оссару велел принести четыре больших деревянных столба и вкопать их в землю, отгородив четырехугольник шириной и длиной в восемь футов. Эти столбы, глубоко вкопанные, высотой в восемь футов, оканчивались наверху развилками. На развилки были положены горизонтально четыре прочных бруса, крепко привязанных сыромятными ремнями. Затем от

столба к столбу были вырыты глубокие канавы, и в них вбиты толстые бамбуковые стволы. Землю на дне канавы утоптали, чтобы стволы крепче держались. Затем такие же стволы уложили горизонтально поперек стволов, поддерживаемых столбами. Их прочно привязали друг к другу и к брусьям остова, и сооружение было закончено. Оно напоминало огромную клетку с гладкими желтыми прутьями; не хватало только двери, но дверь не была нужна. Хотя это была «западня», но «птичку», для которой она предназначалась, нельзя было впускать внутрь.

Затем Оссару попросил у жителей поселка козу, у которой были козлята. Такая коза быстро нашлась. Ему понадобилась также шкура буйвола, вроде тех, которыми туземцы пользуются для переправы через реку.

Когда все было готово, уже начало темнеть, и поэтому нельзя было терять времени. С помощью жителей поселка Оссару напялил на себя шкуру буйвола; руки и ноги его заняли место ног животного, а голова с рогами была надета, как шлем, так что отверстия в шкуре приходились как раз против его глаз.

Переодевшись таким образом, Оссару вошел в бамбуковую клетку, захватив с собой козу. Один из прутьев был вынут, чтобы дать им пройти, и затем поставлен на место так же прочно, как остальные. После этого жители поселка вместе с Карлом и Каспаром разошлись по домам, оставив в клетке шикари и козу.

Всякий посторонний, проходя мимо, подумал бы, что в клетке сидят буйвол и коза. Присмотревшись, он заметил бы, что буйвол держит передним копытом копье, и это, конечно, его удивило бы. В остальном буйвол был как буйвол. Коза стояла рядом с ним.

Солнце село, и наступила ночь. Жители поселка погасили огни и, запершись в домах, затаив дыхание, напряженно ждали. Оссару тоже волновался — правда, ему не грозила опасность, но он беспокоился, придет ли людоед, так как жаждал показать свое охотничье искусство. Он очень надеялся на успех. Жители уверяли его, что свирепый хищник имеет обыкновение приходить к ним по ночам и целыми часами бродить вокруг поселка. Он не приходит несколько дней сряду, только когда пой-

мает какое-нибудь домашнее животное и ему есть чем утолить голод; но так как за последнее время он никого не поймал, они ожидали его посещения в эту же ночь.

Оссару был уверен, что сумеет привлечь внимание тигра, если тот приблизится к поселку. Приманка была слишком соблазнительна. Разлученная со своими козлятами коза жалобно блеяла, а козлята отвечали ей из хижины в селении. Зная пристрастие тигра к козлятине, охотник не сомневался, что коза приманит его к клетке. Лишь бы он пришел!

Ждать пришлось недолго. Прошло каких-нибудь полчаса — и громкое рычание, донесшееся из леса, возвестило о приближении страшного хищника. Коза заметалась по клетке, издавая пронзительные крики.

Этого только и нужно было Оссару. Тигр услыхал козу и не нуждался в дальнейших приглашениях; через несколько мгновений он появился из чащи и направился к клетке. Он и не думал прятаться. Зверь чувствовал себя неограниченным властелином джунглей и ничего не боялся, вдобавок он был голоден. Коза, голос которой он слышал, дразнила его аппетит, и он решил тотчас же ее схватить. В несколько прыжков он очутился возле клетки.

Странное сооружение озадачило тигра — он остановился и стал его разглядывать. К счастью, светила луна, и тигр мог увидеть, что делается в клетке, а Оссару мог следить за всеми движениями хищника.

«Уж наверно, — подумал тигр, — загородку поставили эти глупые люди, чтобы коза и буйвол не убежали в лес, а может, и для того, чтобы уберечь их от моих когтей. Правда, она сделана как-то чудно́. Посмотрим, крепкие ли у нее стенки».

Размышляя так, он подошел поближе, поднялся на задние лапы и, схватив огромной передней лапой один из бамбуковых стволов, начал его расшатывать. Крепкий, как железо, бамбук выдержал натиск тигра; тогда зверь быстро обежал вокруг загородки, дергая ее то там, то сям и разыскивая вход.

Входа, однако, не оказалось; убедившись в этом, тигр решил схватить козу и просунул лапу в клетку. Но

коза с отчаянным криком отскочила к противоположной стенке. Тигр был бы не прочь задрать и буйвола, но тот благоразумно оставался посередине клетки и, казалось, пичуть не был испуган. Без сомнения, спокойствие буйвола несколько озадачило тигра, но, поглощенный ловлей козы, он позабыл об этом и продолжал бегать вокруг клетки, то яростно кидаясь на бамбуковую решетку, то просовывая лапу между стволами.

Вдруг буйвол кинулся прямо на тигра. Надеясь его схватить, зверь просунул лапу в клетку, но, к его удивлению, что-то острое резнуло его по морде и стукнуло по зубам, так что искры посыпались у него из глаз. Конечно, это сделал буйвол своим рогом. Разъяренный от боли, тигр позабыл о козе — он жаждал отомстить ранившему его врагу. Несколько раз он бешено бросался на бамбуковую решетку, но она устояла, несмотря на все его усилия. Тут он сообразил, что может проникнуть в загородку сверху, и одним прыжком очутился на решетке. Этого только и надо было буйволу: широкое белое брюхо было превосходной мишенью. Блеснув, как молния, страшный рог вонзился между ребрами тигра; брызнула алая кровь, раненный насмерть людоед дико взревел; несколько минут он бился в судорогах, потом затих и растянулся на решетке, неподвижный, мертвый.

Оссару свистком вызвал жителей поселка. Шикари и козу освободили. Тушу людоеда с громкими, ликующими криками потащили в деревню и до утра веселились, празднуя свое избавление. Оссару и его спутникам было предложено «почетное гражданство», и благодарные жители, как могли, оказывали им внимание и заботу.

Глава XVI

ВСТРЕЧА КАРЛА С МЕДВЕДЕМ-ГУБАЧОМ

На другой день, рано утром, они снова пустились в путь и, миновав возделанные поля, опять вошли в девственные леса, покрывающие холмы и долины Тераи.

Путь был нелегкий: приходилось подниматься на холмы, спускаться в ложбины, идти по высокому берегу лесной речки, переправляться через нее вброд или по естественному мосту, образованному длинными, спутавшимися корнями фиговых деревьев.

Хотя путники поднимались всё выше, их по-прежнему окружала тропическая растительность: лотосы, широколиственные арумы, бамбук, дикие бананы и пальмы; с деревьев свешивались прелестные цветы орхидей и спускались фестонами стебли ползучих растений; естественные шпалеры порой пересекали тропинку.

Ботанику выпал хлопотливый денек. Многие редкие виды уже дали семена, и он собрал такое количество, что груза хватило на всех троих. Они намеревались спрятать семена в надежном месте и оставить там до возвращения с гор.

Карл отметил в записной книжке, какие растения в это время цвели. Он надеялся, что на обратном пути сможет собрать их семена.

Около полудня путешественники остановились на отдых. Выбрали полянку в рощице пурпурных магнолий, которые были в полном цвету и разливали вокруг сладкий аромат. Хрустальный ручей с мелодичным журчанием бежал в высоких берегах, распространяя прохладу.

Путники развязали свои заплечные мешки и достали провизию; они собирались пообедать и отдохнуть часок-другой, как вдруг в кустах, по ту сторону ручья, послышался шорох.

Завзятые охотники, Каспар и Оссару тотчас же схватились за оружие и, перейдя ручей, пустились выслеживать животное, предполагая, что это олень. Карл остался один.

Он очень устал. Все утро он проработал, собирая семена и орехи, и совершенно выбился из сил. Карл даже подумывал о том, чтобы остаться здесь на ночь. Однако он не хотел сдаваться и решил принять лекарство, которое захватил с собой. Это был красный перец, маринованный в уксусе; один из друзей уверял Карла, что это

прекрасное средство против усталости, куда лучше рома, бренди и даже любимой немцами вишневой настойки.

На стакан воды достаточно двух—трех капель этой настойки; если выпить такой раствор, усталость сразу проходит и силы восстанавливаются. Карл решил последовать совету своего друга и испробовать действие маринованного перца.

Взяв бутылку в одну руку, а стакан в другую, он спустился к ручью, чтобы набрать воды.

Ручеек струился в глубоком овражке; он был не шире двух ярдов и совсем мелкий. И Карл, спустившись по крутому склону, встал на сухие камешки. Не успел он нагнуться, чтобы наполнить стакан, как услышал выше по течению голоса Каспара и Оссару, по-видимому преследовавших какого-то зверя. Потом в лесу раздался выстрел; конечно, это стрелял Каспар, ибо вслед за выстрелом Карл услыхал голос брата.

Карл выпрямился. Ему пришло в голову, что надо помочь охотнику — перехватить животное, если оно побежит на него.

— Берегись! — долетел до него крик Каспара.

И в тот же миг он увидел, что прямо на него бежит большой зверь с мохнатой черной шерстью и белым пятном на груди. Сперва Карл принял его за медведя, но, заметив на спине какой-то странный горб, терялся в догадках, что это за зверь. Ему некогда было рассматривать зверя: тот был уже совсем близко. Не рискуя на него напасть, Карл решил отступить.

Первым его намерением было взобраться на откос. Он заметил, что зверь бежит по прямой линии, и единственный способ избежать встречи — это уйти с дороги. Он начал быстро карабкаться на откос. Но глинистый скат был влажный и скользкий, и, не добравшись до верха, Карл поскользнулся и мигом скатился вниз.

Он очутился носом к носу с медведем (это действительно был медведь); их разделяло не более шести футов. Разминуться в узком овраге было невозможно, и Карл знал, что, если он повернется и побежит, медведь быстро его догонит и задерет. Оружия у него не было —

Медведь поднялся на задние лапы...

ничего, кроме бутылки с красным перцем. Что ему было делать?

Но размышлять было поздно. Медведь поднялся на задние лапы, страшно зарычал и бросился на него. Он уже хотел облапить Карла, когда тот размахнулся бутылкой и изо всех сил ударил медведя по голове.

Бутылка со звоном разлетелась на мелкие осколки, а настой красного перца облил медведя и потек у него по морде.

Зверь взревел от ужаса и бросился вверх по крутому откосу. Он оказался ловчее Карла и в одно мгновение очутился наверху; в следующий миг он скрылся бы в кустах, но тут подбежал Каспар и выстрелом сбил его на дно оврага.

Медведь упал мертвым к ногам Карла, и тот стал с любопытством его рассматривать. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что на спине у зверя был вовсе не горб, а два медвежонка. Теперь они скатились с мохнатого хребта и бегали вокруг трупа матери, взвизгивая, рыча и лая, как лисята. Но Фриц тут же кинулся вперед и после короткой, яростной борьбы покончил с ними.

Каспар рассказал, что в тот момент, когда они с Оссару увидели медведицу, медвежата играли на земле; но как только он выстрелил, не задев медведицу, она схватила в зубы своих детенышей, посадила их одного за другим себе на спину и убежала.

Зверь, убитый пулей Каспара, оказался длинногубым медведем, или медведем-губачом. Это название дано ему потому, что он, хватая еду, сильно вытягивает губы.

Эти неуклюжие, безобразные звери очень умны, легко поддаются дрессировке, поэтому их особенно ценят индийские фокусники.

Шерсть у медведя-губача длинная, косматая, черного цвета, и только на шее, над грудью, — белое пятно в виде буквы «У». Он почти не уступает размерами американскому черному медведю и похож на него своими повадками. Этот зверь нападает на человека, только когда его раздразнят или ранят, и, если бы Карл успел

уйти с ее пути, медведица не погналась бы за ним, хотя выстрел Каспара и привел ее в ярость.

Без сомнения, не будь у Карла под рукой перца, медведь «задал бы ему перцу». Едкий уксус, попав медведице в глаза, ошеломил ее, и она пустилась наутек. Карл благодарил судьбу, что ему удалось так дешево отделаться — он потерял лишь бутылку с настойкой красного перца.

Глава XVII

ОССАРУ ПОПАЛ В БЕДУ

Карл и Каспар стояли, рассматривая задушенных Фрицем медвежат, когда громкий крик привлек их внимание. По-видимому, это был крик Оссару. Шикари попал в беду, он громко вопил, и можно было разобрать, что он кричит:

— Помоги, саиб, помоги!

Что случилось с Оссару? Может быть, на него напал другой медведь? Может быть, пантера или тигр? Во всяком случае, требовалась их помощь, и Карл с Каспаром бросились в ту сторону, откуда доносились крики. Карл успел схватить ружье, а Каспар быстро зарядил свою двустволку.

В несколько секунд они добежали до Оссару и, к своей величайшей радости, убедились, что никакого зверя поблизости нет: ни медведя, ни пантеры, ни тигра. Но Оссару продолжал громко взывать о помощи, и юноши с удивлением увидели, что он пляшет на полянке, то наклоняя голову, то высоко подпрыгивая, и размахивает руками, словно отбивается от невидимого врага.

Что это значило? Уж не сошел ли Оссару с ума? Он проделывал такие уморительные прыжки и все движения его были так комичны, что можно было подумать, что это пляшет клоун. Если бы в голосе Оссару не звучал ужас, Карл и Каспар разразились бы смехом. Но они видели, что шикари находится в какой-то опасности, и им пришло в голову, что на него напала ядовитая змея и, быть может, даже укусила его. Может быть,

она продолжает его кусать, забралась к нему под платье, поэтому ее и не видно.

При этой мысли им стало не до смеха. Если так, надо немедленно помочь бедняге, и, охваченные тревогой, юноши бросились к нему.

Подбежав, они сразу поняли в чем дело и наконец увидели врага, с которым сражался шикари. Вокруг головы Оссару витала какая-то туманная дымка, окружавшая его словно ореолом, и, присмотревшись, юноши обнаружили, что это пчелиный рой.

Все объяснилось. На Оссару напали пчелы — вот почему он так вопил и размахивал руками.

Карл и Каспар сдерживали смех, пока думали, что их друг находится в опасности; но, увидев, что на него напали только пчелы, невольно разразились хохотом.

Оссару очень обидело, что спутники не сочувствуют его несчастью. Укусы пчел раздражали его, а смех юношей еще больше разозлил. Он решил их проучить и, ни слова не говоря, бросился к ним, увлекая с собой пчелиный рой.

Неожиданный маневр проводника сразу же прекратил их хохот, и тотчас братья стали выделывать такие же забавные прыжки. Пчелы, заметив новых врагов, мгновенно разделились на три роя, из которых каждый избрал себе жертву, так что теперь не только Оссару, но и Карл и Каспар кувыркались на поляне, как настоящие акробаты. Даже на Фрица напало несколько пчел, и он стал дико метаться, кусая себе лапы как сумасшедший.

Карл и Каспар убедились на опыте, что в положении Оссару не было ничего смешного. Лица у них были искусаны, и укусы оказались очень болезненными. Кроме того, врагов было чересчур много. Охотники начали испытывать не только боль, но и страх.

Как от них избавиться? Сколько они ни махали руками, никак не удавалось отогнать пчел. Куда бы они ни бежали, разъяренные насекомые следовали за ними, жужжа и яростно жаля.

Трудно сказать, чем бы кончилась эта сцена, если бы не Оссару. Хитрый индус придумал спасительное сред-

ство и, крикнув товарищам, чтобы они следовали за ним, бросился в лесную чащу.

Карл и Каспар устремились вслед за Оссару, спасаясь от своих преследователей.

Через несколько минут Оссару очутился на берегу ручья; в этом месте он был перегорожен обвалом и образовал глубокий прудик. Оссару мгновенно прыгнул в воду. Юноши, отшвырнув ружья, последовали его примеру, и все трое очутились по горло в воде. Они то и дело погружались с головой в воду, потом снова высовывались наружу. Наконец пчелы, видя, что жертвы от них ускользнули, улетели обратно в лес.

Когда враги отступили, охотники вылезли на берег, промокшие до нитки. Им хотелось посмеяться над своим приключением, но боль отбивала всякую охоту к смеху; вконец обескураженные, они направились к месту своей стоянки.

По дороге Оссару рассказал, чем было вызвано нападение пчел. Услышав выстрел Каспара и шум, который поднялся, когда Фриц схватился с медвежатами, он поспешил на помощь. Он бежал, не глядя перед собой, и ударился головой о большое пчелиное гнездо, висевшее на лиане. Гнездо было построено из глины и лишь слегка прикреплено к лиане. Оссару тряхнул его так сильно, что оно упало и раскололось; разъяренный рой сразу окружил шикари. Тут он закричал, и Карл и Каспар прибежали на помощь. Теперь им было стыдно, что они смеялись над Оссару. Вскоре Оссару раздобыл в лесу какой-то травы; они смазали укушенные места ее соком — боль быстро утихла, и настроение у всех улучшилось.

Глава XVIII

АКСИС И ПАНТЕРА

Материнская заботливость медведицы, спасавшей своих детенышей от опасности, тронула охотников за растениями, и теперь они начинали жалеть, что убили ее. Но дело было сделано, и раскаиваться было поздно.

К тому же Оссару рассказал, что туземцы считают этих медведей вредными животными. Спускаясь из своих горных убежищ или выходя из джунглей во время уборки урожая, они причиняют большой ущерб; нередко они забираются прямо в сад и за одну ночь его опустошают. После его рассказа совесть перестала мучить молодых охотников. Может быть, рассуждали они, если бы эти медвежата выросли, они вместе с матерью опустошили бы рисовое поле какого-нибудь бедного крестьянина или фермера, и его семья впала бы в нищету.

Но по дороге они долго говорили о замечательном материнском инстинкте медведицы. Карлу приходилось читать, что и другие животные проявляют такое же материнское чувство, например большой южноамериканский муравьед, опоссум и большинство пород обезьян. Братья сошлись во мнении, что это замечательное свойство животных доказывает, что даже самые дикие из них способны испытывать нежные чувства.

В тот же день им случилось наблюдать еще один пример материнской любви, но, к счастью, на этот раз обошлось без трагической развязки.

Охотники кончили свой дневной переход и расположились на опушке небольшой рощицы, в тени развесистого талаума — разновидность магнолии с очень крупными листьями. Переход был тяжелый, так как они подходили к подножию главной цепи Гималаев. И хотя им казалось, что спусков было столько же, сколько и подъемов, на самом деле они все время поднимались и к вечеру находились уже на высоте более пяти тысяч футов над равнинами Индии. Характер растительности изменился: они вступили в леса магнолий, опоясывающие подножие этих гор. В этой горной стране встречается больше всего разновидностей замечательного семейства магнолий; целые леса магнолий покрывают склоны нижних Гималаев. На высоте четырех—восьми тысяч футов магнолию с белыми цветами начинает вытеснять другая разновидность — с великолепными пурпурными цветами, — это самый красивый вид магнолии; нередко она одевает склоны холмов сплошным пурпурным ковром. Нашим путникам встречались также ред-

кие виды каштанов, несколько видов дуба и лавра, но это были не маленькие кустики, а высокие деревья с прямыми, гладкими стволами, не уступающие по размерам дубу. В лесу попадались и клены, и древовидные рододендроны до сорока футов высотой.

Ботаника удивляло смешение европейских и тропических растительных форм. Береза, ива, ольха и орешник росли бок о бок с диким бананом, пальмой Валлиха и гигантским бамбуком, а крупные фиги различных сортов, меластомы, бальзамины, потосы, перечные кусты и гигантские ползучие лианы и орхидеи росли наряду с вероникой, ежевикой, незабудками и крапивой, столь обычными на европейском лугу. Древовидные папоротники высоко поднимались над обыкновенными папоротниками английских болот, и целые лужайки были усыпаны дикой земляникой. Правда, гималайская земляника не отличалась ни запахом, ни вкусом; зато росшая здесь в изобилии желтая малина была одной из самых вкусных ягод в этих горах.

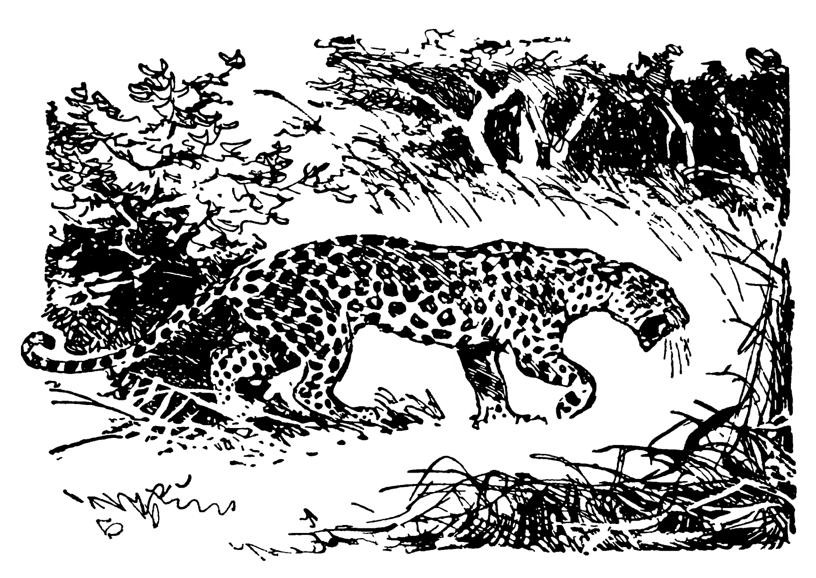
Наши путники только что растянулись под великолепной магнолией, чьи крупные, словно восковые цветы разливали в воздухе чудесный аромат; они хотели отдохнуть несколько минут, а затем заняться приготовлениями к ночлегу.

Оссару жевал бетель, а Карл и Каспар молча лежали, оцепенев от усталости. Фриц тоже лежал на траве, высунув язык и тяжело дыша после долгой беготни.

Вдруг Каспар схватил Карла за рукав и сказал торопливым шепотом:

— Смотри, Карл, смотри! Какая прелесть!

И он указал на животное, которое только что вышло из чащи и остановилось у самой опушки. Это животное весьма походило на лань и по своему общему облику и по размерам; стройные члены и изящество очертаний говорили о близком родстве с этим видом. Но оно сильно отличалось от лани своей окраской. Основной цвет шерсти был тот же, но она была усеяна белоснежными пятнами, придававшими ей очень нарядный вид. Животное несколько напоминало молоденького олененка. Карл сразу узнал эту породу.



Зверь беззвучно приближался к своей

— Пятнистый олень, — ответил он тоже шепотом.— Это аксис. Смирно, Фриц, дай нам на него полюбоваться.

И в самом деле это был аксис, хорошо известный вид индийского оленя, принадлежащий к азиатской породе оленей и родственный замбару. В Восточной Азии имеется несколько видов аксиса, более или менее пятнистых, но чаще всего они встречаются в той местности, где сейчас проходили путники, — в районе Ганга и Брамапутры.

Каспар схватил Фрица и крепко его держал, и охотники сидели, затаив дыхание, следя за движениями животного.

К их удивлению, из лесу вышел второй аксис, но совсем маленький, и они сразу догадались, что это детеныш.

Это был крохотный олененок, всего нескольких дней от роду, также пятнистый.

Не подозревая о присутствии путников, аксис стал спокойно пастись на лугу. Олененок еще не умел щи-

жертве, крадучись вдоль опушки зарослей.

пать траву — он играл и прыгал вокруг матери совсем как козленок.

Охотники стали шепотом совещаться между собой. Оссару хотелось раздобыть к ужину оленины, а олененок, конечно, представлял собой лакомый кусок. Каспар стоял за то, чтобы его убить, но мягкосердечный Карл запротестовал.

— Пожалейте его! — сказал он. — Посмотри, брат, какие они прелестные! Как мы жалели, когда убили медведицу, а об оленях еще не так пожалеем!

Пока они спорили шепотом, на сцене появился новый персонаж, заставивший охотников сразу позабыть о своих кровожадных намерениях.

Это был зверь величиной с аксиса, но совсем на него не похожий. Окраска его шерсти напоминала масть оленя, но была несколько темнее; он также был пятнистый, однако представлял поразительный контраст с оленем. Мы уже говорили, что пятна у аксиса были белоснежные, а у этого зверя они были черные, как смоль.

Едва ли можно было их назвать пятнами. Хотя на расстоянии они казались сплошными, но, присмотревшись, можно было различить, что они имеют форму колец.

Зверь был низкорослый, с короткими, сильными лапами, длинным, суживающимся к концу хвостом и кошачьей головой. Это была пантера.

Охотники сразу же забыли об аксисе; они напряженно следили за огромной пятнистой кошкой — все трое узнали пантеру, после льва и тигра самого опасного из азиатских хищников кошачьей породы.

Им было известно, что индийская пантера нередко нападает на человека, и потому ее появление никого не обрадовало. Юноши крепче сжали ружья, а Оссару лук, готовясь выстрелить в пантеру, если она подойдет к ним поближе.

Однако пантера не собиралась нападать на путников. Она даже не подозревала об их присутствии. Все ее внимание было поглощено аксисом, мясом которого — или мясом олененка — она рассчитывала поужинать.

Пригнувшись к земле, она беззвучно приближалась к своей жертве, крадучись вдоль опушки зарослей. Еще две—три секунды, и она прыгнет, а между тем бедняжка аксис продолжал беспечно пастись. Пантера уже присела, готовясь к прыжку, и в следующий миг бросилась бы на оленя, но как раз в этот момент Каспар чихнул. У него не было намерения предупредить аксиса: все трое были так поглощены действиями пантеры, что им не могло это прийти в голову. Может быть, чиханье было вызвано запахом цветущих магнолий; во всяком случае, Каспар чихнул как нельзя более кстати.

Услыхав этот звук, мать подняла голову и осмотрелась по сторонам.

Взгляд ее упал на прижавшуюся к земле пантеру, и мигом она прыгнула к олененку, схватила удивленного малыша в зубы, кинулась, как стрела, через лужайку и скрылась в чаще джунглей.

Пантера не слыхала чиханья. Она прыгнула, но ей не удалось схватить оленя. Она бросилась вдогонку, сделала новый прыжок—опять неудача! Увидев, что добыча ускользает от нее, пантера, как это делают все хищники

кошачьей породы, отказалась от дальнейшей погони. Повернув назад, она скрылась в чаще прежде, чем в нее успели выстрелить, и больше ее не видели.

Вернувшись на место привала, Карл заявил, что Каспар чихнул очень удачно. Каспар же уверял, что это была чистая случайность, что он очень сожалеет о случившемся, так как это помешало ему убить пантеру или добыть на ужин кусок оленины.

Глава XIX

БИЧ ДЖУНГЛЕЙ

Много было написано и сказано в похвалу яркому солнцу и синему небу тропиков. Путешественники красочно описывают великолепные плоды, цветы и листву тропических лесов. Тот, кто никогда не бывал в этих краях, мечтает о них, как о земном рае. Ему кажется, что обитатели тропиков — счастливейшие люди в мире, и все представляется в розовом свете.

Но природа никогда не бывает слишком расточительной, распределяя свои блага между различными странами, и, если вдуматься, мы найдем, что эскимос, зябнущий в своей снежной хижине, пожалуй, не менее счастлив, чем смуглый южанин, покачивающийся в гамаке под сенью пальм и баньяна.

Растительность жаркого пояса роскошна, но там водится множество всяких насекомых и гадов, поэтому жители жаркой страны нередко испытывают еще больше неприятностей и страданий, чем обитатели полярных областей.

Легче переносить недостаток растительной пищи и жестокий холод, чем укусы насекомых и пресмыкающихся, которые так и кишат между тропиками Рака и Козерога.

В тропической зоне Америки существуют целые области, где человеку невозможно жить из-за обилия москитов, комаров, муравьев и прочих насекомых.

Вот что пишет один крупный немецкий географ:

«Люди, которым не случалось плавать по рекам экваториальной Америки, не могут себе представить, какие мучения приходится там терпеть день и ночь от москитов, санкудо, хехенов и темпранеро; они облепляют вам лицо и руки, прокалывают одежду своими длинными, иглообразными хоботками, забираются в рот и в нос, вызывая кашель и чиханье, как только вы попытаетесь говорить на открытом воздухе.

Когда в воздухе кишат ядовитые насекомые, всегда кажется жарче, чем на самом деле. Нас страшно мучили днем москиты и хехены (маленькие ядовитые мошки), а ночью санкудо, крупные комары, которых боятся даже туземцы.

В различные часы дня на вас нападают различные виды. Но когда одни из них улетают, другие не сразу прилетают им на смену, и у вас есть несколько минут отдыха — иногда до четверти часа. С половины седьмого утра до пяти часов пополудни воздух полон москитов. За час до захода солнца москитов сменяют мелкие комарики, называемые темпранеро; они появляются и на восходе солнца. Их нападение продолжается полтора часа, и между шестью и семью часами вечера они исчезают. После краткой передышки вы чувствуете, что на вас напали санкудо — другой вид комара, с очень длинными ножками. Уколы санкудо, хоботок которого снабжен остроконечными присосками, особенно болезненны, и после них опухоль держится несколько недель.

Спасаясь от этих крохотных мучителей, туземцы прибегают к самым странным мерам. В Майпуре индейцы на ночь уходят из селения и спят на островках среди речных порогов. Там они наслаждаются отдыхом, так как водяные пары имеют свойство отгонять москитов.

Возле устья Рио-Унаре несчастные туземцы зарываются в песок, оставляя снаружи только голову, накрытую платком, и так проводят ночь».

Невероятные мучения пришлось претерпеть нашим охотникам за растениями, когда они шли по сырым лесам нижних Гималаев. Ночью и днем в воздухе тучами носились крупные и мелкие мотыльки, светляки, кры-

латые муравьи, маиские мухи, уховертки, жуки и долгоножки. Каждый миг их кусали муравьи или москиты или же нападали крупные отвратительные клещи, какие кишат в бамбуковых зарослях. Пробираясь в лесу, совершенно невозможно их избежать. Они забираются под одежду, иногда сразу по нескольку штук, незаметно, без всякой боли прокусывают кожу и вонзают глубоко в тело зазубренный хоботок. Такого клеща можно извлечь лишь с большим трудом, и это чрезвычайно болезненная операция.

Но самое ужасное мучение им пришлось испытать на другой день после приключения с медведем и пчелами. Они прошли с утра много миль и, когда жара стала нестерпимой, решили отдохнуть немного, пока не спадет зной. Сложив на землю багаж, все трое растянулись на траве возле маленького ручейка, в тени раскидистого дерева.

Они сильно устали, от зноя клонило ко сну, и вскоре все трое уснули.

Каспар проснулся первым. Сон его был беспокоен. Москиты или какие-то другие насекомые все время кусали его и не давали крепко уснуть. Наконец он очнулся и сел. Товарищи еще спали. Глаза Каспара случайно остановились на Оссару, тело которого было больше чем наполовину обнажено: ситцевый балахон распахнулся, и виднелась грудь, а ноги были голые, ибо шикари, шагая по мокрой траве, закатал штаны. Каково же было изумление Каспара, когда он увидел, что торс и ноги Оссару усеяны черными и красными пятнами, причем последние явно были пятнами крови! Каспар заметил, что некоторые из черных пятен шевелились, то удлиняясь, то сокращаясь; присмотревшись к ним внимательнее, он понял, что это такое. Это были пиявки. Оссару был покрыт пиявками.

Каспар вскрикнул так громко, что сразу разбудил своих спутников.

Оссару был крайне раздосадован, но Карлу с Каспаром было некогда ему сочувствовать, ибо, осмотревшись, они увидели, что сами с ног до головы покрыты ползучими кровопийцами.

Трудно описать сцену, которая последовала за этим открытием. Все трое сбросили с себя одежду и принялись вытаскивать пиявок пальцами — это единственный способ от них избавиться; добрых полчаса они вынимали одну за другой. Покончив с этим, быстро оделись и пустились в путь, стремясь поскорее уйти из этого опасного района.

Сухопутные пиявки — самый ужасный бич экваториального пояса Азии. Они прямо кишат в сырых лесах по склонам Гималаев, причем встречаются даже на высоте десяти тысяч футов.

Встречаются они также в горных лесах на Цейлоне, Суматре и в других частях Индии. В Гималаях на незначительной высоте попадаются крупные желтые особи, выше трех тысяч футов — мелкие черные особи. Эти пиявки не только отвратительны, но и опасны. Нередко они заползают людям в нос, горло, попадают в желудок, вызывая ужасные боли и даже смерть. Скот также подвергается нападению, и в результате погибают сотни голов.

Уберечься от них, путешествуя в этих лесах, почти невозможно. Если путник сядет хоть на минуту, пиявки незаметно наползают на него. Они двигаются с поразительной быстротой и обладают способностью очень сильно растягиваться и сокращаться. Растянувшись, они становятся похожи на нитку, но тотчас же могут сжаться в горошину. Это позволяет им быстро передвигаться с места на место и проникать в самые маленькие отверстия. Говорят, у них очень острое обоняние, и они сразу чуют человека, как только он сядет. Они сползаются со всех сторон, и через несколько минут их оказывается на человеке чуть ли не сотня.

Особенно много их в сырых, тенистых лесах; они покрывают листья, увлажненные росой. Во время дождя они так и кишат на тропинках; в сухую же погоду они прячутся в руслах ручьев и в темной чаще.

Эти жадные проворные маленькие хищники буквально изводят путешественников: забираются в волосы, виснут на ресницах, ползают по ногам, по спине, присасываются к подошвам ног. Если их не сорвать, они со-

сут кровь, пока не отвалятся. Нередко, окончив дневной переход, путешественник обнаруживает, что сапоги у него полны этих гнусных тварей. Причиненные ими раны вначале не болят, но потом образуются язвы, не заживающие по месяцам; шрамы остаются на несколько лет.

Известно немало средств против них. Натирают тело табачным соком или посыпают одежду табачной пылью, но если приходится идти сквозь сырые леса и высокую влажную траву, то табачный сок быстро смывается, и так надоедает им натираться, что большинство путешественников предпочитают носить сапоги с высокими голенищами.

Глава XX

МУСКУСНАЯ КАБАРГА

Еще несколько дней пути — и наши путники вышли из леса. Они снова увидели уходящие в облака снежные вершины центрального хребта. Я говорю — снова, ибо они уже видели эти вершины, находясь более чем в сотне миль от них на равнинах Индии, но, когда они приблизились к ним и проходили через предгорья, снеговых гор не было видно.

Это явление может показаться странным, но легко объяснимо. Стоя перед домом, вы не увидите шпиля церкви, находящейся позади него, а если отойдете подальше, сразу заметите высокий шпиль.

Так происходит и с горами. Самые высокие их вершины видны издали, но, когда вы подойдете поближе, более низкие цепи или предгорья заслоняют гигантов, и, лишь миновав их или поднявшись над ними, можно снова увидеть снеговые горы.

Наши путники теперь любовались снежными вершинами Гималаев; некоторые из них поднимаются на высоту пяти миль над уровнем моря, а две — три — даже выше.

Охотники за растениями не собирались подниматься на вершину этих гигантских гор. Им было известно, что

на такой высоте человек едва ли может жить. Однако Карл решил подняться до такой высоты, на какую поднимаются растения, ибо рассчитывал найти некоторые редкие виды у самой снеговой линии. Действительно, в зоне, которую можно назвать «полярной зоной Гималаев», растет несколько видов прекрасных рододендронов, можжевельников и сосен.

Итак, путники продвигались вперед, с каждым днем поднимаясь все выше и проникая все дальше в глубь Гималаев.

Несколько дней путники пробирались по диким, пустынным, совершенно необитаемым долинам; однако у них не было недостатка в еде, так как в долинах встречалось множество животных различных пород, и опытным охотникам ничего не стоило раздобыть дичи. Они встретили талина — разновидность дикой козы, самец которой весит до трехсот фунтов. Они застрелили также двух диких овец, называемых «беррелл», и горала — эту серну индийских «Альп».

Следует отметить, что в широко раскинувшихся Гималайских горах, так же как в высокогорных степях Азии, обитает немало видов диких овец и коз, а также оленей, серн и антилоп, еще не описанных натуралистами. То немногое, что о них известно, почерпнуто из записей предприимчивых охотников-англичан. Можно насчитать около двенадцати азиатских видов диких овец и столько же видов диких коз. Когда Азия будет тщательно исследована учеными, к списку жвачных прибавится немало новых названий. Почти в каждой обширной долине или на горном хребте обитает особая порода овец или коз. Одни живут в густых лесах, другие — в редких. Одни предпочитают травянистые склоны, другие — голые скалистые обрывы. Есть и такие, которые живут на границе растительности, проводя бо́льшую часть жизни в области вечных снегов. К ним относятся знаменитый каменный козел и крупный дикий баран — архар.

Но особенно интересовало путников небольшое создание, называемое мускусной кабаргой. Это животное имеет свойство выделять ароматичное вещество — мускус,

поэтому на него усиленно охотятся. Оно обитает в Гималаях, начиная с высоты восьми тысяч футов до границы вечных снегов. И местные охотники живут исключительно охотой на кабаргу; добывая мускус, они отвозят его на равнину и продают купцам. Мускусная кабарга вдвое меньше нашего красного оленя; она буровато-серой масти, пятнистая, причем задняя половина тела темнее передней. Голова маленькая, уши длинные и торчащие, рогов нет.

Самцы обладают одной особенностью, благодаря которой их легко отличить от других представителей оленьей породы: из верхней челюсти у них торчат книзу клыки дюйма в три длиной и толщиной с гусиное перо. Они придают животному весьма своеобразный вид. Мускус выделяют только самцы; его находят в виде шариков или зернышек в мешочке или сумке, расположенной около пупка; трудно сказать, что это за вещество и для чего оно служит животному. Оно оказалось роковым для кабарги: не будь мускуса, охотники мало интересовались бы этим безвредным животным, но выделяемое им ценное вещество создало ему много врагов, которые упорно его истребляют.

Охотники за растениями несколько раз видели мускусную кабаргу, пробираясь в горах, но, так как она чрезвычайно пуглива и очень быстро бегает, им до сих пор не удавалось подойти к ней на расстояние выстрела. Им хотелось добыть хоть одну кабаргу, и трудность задачи только подстрекала их.

Однажды, пробираясь по дикому ущелью, среди чахлых можжевельников и рододендронов, они спугнули крупную мускусную кабаргу. Им показалось, что она бежит не слишком быстро, и охотники решили ее преследовать. Они пустили по следу Фрица, и сами побежали за ней так быстро, как только позволяла неровная местность.

Вскоре лай собаки показал им, что кабарга покинула ущелье и свернула в боковую долину.

Пройдя некоторое расстояние, они увидели, что долина заполнена ледником. Это их не удивило, так как они уже встречали ледники в горных долинах.

Охотники поднялись наверх по крутой тропинке и на свежевыпавшем снегу увидали четко отпечатавшиеся следы кабарги.

Фриц остановился у края ледника, словно ожидая дальнейших распоряжений, но охотники недолго думая пошли по следам.

Глава XXI

ЛЕДНИК

С великим трудом охотники прошли больше мили вверх по склону ледника, по обеим сторонам которого поднимались отвесные утесы.

Следы кабарги доказывали, что она бежит где-то впереди. Да ей и некуда было свернуть — ведь она не могла подняться на вертикальную каменную стену.

По мере того как охотники продвигались вперед, утесы все сближались и впереди, в нескольких стах ярдов, казалось, смыкались, образуя острый треугольник; как видно, ущелье там оканчивалось, и в этом направлении выхода из него не было.

Это и было как раз на руку охотникам. Если ущелье окончится тупиком, они загонят туда кабаргу и смогут ее подстрелить.

Чтобы обеспечить себе успех, они разделились и пошли по одной линии по направлению к острому углу, образованному каменными стенами.

В том месте, где они разделились, ущелье имело в ширину ярдов четыреста, и они находились на расстоянии более ста ярдов друг от друга.

Охотники старались идти вперед по прямой линии, но на поверхности льда то и дело попадались трещины или огромные глыбы, которые нужно было обходить. Мало-помалу расстояние между охотниками уменьшалось, так как долина суживалась; наконец они оказались всего в каких-нибудь пятидесяти ярдах друг от друга. Теперь, если бы животное вздумало проскочить между ними, они наверняка бы его подстрелили. Надежда на успех придавала им рвения.

Кабарга перепрыгнула через страшную трещину.

Внезапно все их надежды рухнули. Охотники остановились, с удрученным видом глядя друг на друга. Перед ними во льду зияла огромная трещина, шириной в пять ярдов, пересекавшая все ущелье.

С первого же взгляда они убедились, что им не перейти через трещину — охота кончилась. Дальше не было пути. Это было всем ясно.

Ледник заполнял все ущелье — от утеса до утеса. Между льдом и скалистой стеной не было ни промежутка, ни тропинки. Стена поднималась вертикально футов на пятьсот и опускалась вниз, вероятно, на такую же глубину.

Когда они заглянули в эту страшную бездну, у них закружилась голова; из осторожности они приблизились ползком к краю трещины.

Нечего было и думать через нее перейти. Но как же перешла ее кабарга? Неужели она перепрыгнула эту страшную расселину?

Да, она ее перескочила. Следы на снегу вели к самому краю, и на уступе было видно место, с которого она прыгнула. А на другой стороне примятый снег показывал, где она опустилась, перепрыгнув пространство футов в шестнадцать — восемнадцать. Это ничего не стоило мускусной кабарге, которая на ровном месте может прыгнуть вдвое дальше; известно, что вниз по склону она может сделать прыжок на расстояние шестидесяти футов.

— Довольно! — сказал Карл, простояв несколько минут перед расселиной. — Ничего не поделаешь, приходится возвращаться назад. Что ты скажешь, Оссару?

— Вы сказать верно, саиб, — нам не помочь — не перейти... Слишком много прыгать, нет моста, нет бамбука сделать мост, нет дерева здесь!

И Оссару уныло покачал головой. Он был раздосадован — особенно потому, что кабарга была очень крупной и могла дать унции две мускуса, а на калькуттском рынке платили по гинее за унцию.

Индус снова поглядел на расселину, затем отвернулся, и у него вырвалось восклицание досады.

— Ну что ж, пойдем назад... — сказал Карл.

— Постой, брат, — прервал его Каспар, — мне пришла в голову одна мысль. Не подождать ли нам здесь немного? Кабарга не может далеко уйти. Наверняка она где-нибудь в самом конце ущелья, но там она долго не задержится. Ведь там ничего нет, кроме снега и льда, — чем она будет питаться? Если где-нибудь повыше нет выхода, она непременно вернется тем же путем. Так вот: я предлагаю устроить засаду; мы подстрелим ее, как только она появится. Что ты на это скажешь?

— Что ж, давай попытаемся, Каспар, — ответил Карл. — Но лучше разойдемся и спрячемся за утесами, иначе она увидит нас и повернет назад. Больше часа не станем ждать.

— Да ей наскучит так долго стоять на одном месте, — сказал Каспар, — и она еще раньше оттуда выйдет. Впрочем, посмотрим.

Охотники разошлись в разные стороны, чтобы спрятаться за утесом или снежным бугром. Каспар взял влево и дошел до края ледника; он скрылся среди скал, поднимавшихся над снегами. Вдруг он закричал:

— Ура! Идите сюда! Мост! Мост!

Карл и Оссару вышли из засады и поспешили к нему.

Пробравшись между обломками скал, они с радостью увидели, что огромная глыба гнейса лежала поперек трещины совсем как мост, воздвигнутый человеческими руками. Но такого моста не смогли бы построить даже гиганты, так как глыба была добрых десяти ярдов в длину и почти такой же ширины.

По всей вероятности, глыба оторвалась от каменной стены и упала на ледник, когда еще не было этой огромной трещины. Ее концы лишь на каких-нибудь два фута выдавались над краем расселины, и, казалось, глыба каким-то чудом держится на хрупком ледяном настиле; однако она пролежала здесь годы — может быть, сотни лет. Казалось, достаточно одного прикосновения, чтобы она рухнула в зияющую бездну.

Будь Карл возле брата, он удержал бы его от переправы по такому опасному мосту, но он не успел по-

дойти, как Каспар уже ступил на глыбу и быстро пробежал по ней.

Через несколько мгновений он оказался по ту сторону пропасти и, махая шапкой, кричал товарищам, чтобы они последовали за ним.

Они тоже перебежали по каменному мосту; затем снова разошлись и стали продвигаться вверх по ущелью, которое все суживалось и словно упиралось в отвесную стену.

Конечно, кабарга теперь не ускользнет от них!

— Как жаль, — заметил Каспар, — что мы не можем сбросить этот огромный камень в пропасть, чтобы кабарга снова не перескочила через трещину, — тогда мы заперли бы ее в ущелье.

— Ты прав, Каспар! — сказал Карл. — Но что сталось бы в таком случае с нами? Боюсь, что и мы оказались бы запертыми.

— Правда, брат, я не подумал об этом. Какой бы это был ужас — оказаться в каменной тюрьме! Что может быть страшнее?..

Не успел Каспар это сказать, как раздался оглушительный грохот, похожий на удар грома; по горам разнеслись гулкие раскаты, и все кругом загрохотало; казалось, огромные горы треснули и ломались на куски.

Адский шум прокатился по ущелью; орлы, сидевшие на утесах, с криком взвились кверху; дикие звери завыли в своих норах, и долина, до сих пор такая безмолвная, наполнилась грохотом, треском и гулом, — можно было подумать, что наступил конец света.

Глава XXII

ЛЕДНИК ПОПОЛЗ!

— Лавина!.. — крикнул Карл Линден, заслышав грохот, но, обернувшись, увидел, что ошибся. — Нет, — прибавил он, с ужасом озираясь по сторонам, — это не лавина! Боже мой! Боже мой! Ледник двигается!

Ему не нужно было указывать товарищам. Взгляд Каспара и Оссару уже был прикован к леднику. Насколько хватал глаз, поверхность ледника двигалась, напоминая бурное море: горы льда вздымались и перекатывались с оглушительным грохотом; огромные синеватые глыбы высоко поднимались над уровнем льда и с треском разбивались об утесы. Густое белое облако снега и ледяных осколков наполнилс ущелье, и под этим зловещим покровом некоторое время еще продолжались стук и скрежет.

Потом страшные звуки внезапно прекратились, и воцарившуюся тишину нарушали только крики птиц и вой зверей.

Бледные, дрожащие от страха охотники упали на четвереньки, ожидая, что вот-вот ледник под ними задвигается и их поглотит бездна или раздавят волны ледяного моря. И даже когда треск и грохот затихли, они оставались на месте, парализованные ужасом; вскоре они убедились, что под ними ледник не двигается. Но каждый миг они могли ожидать, что он начнет скользить вниз и похоронит их в глубокой расселине или раздавит глыбами льда.

Ужасная мысль! Прошло несколько минут, а они все еще оставались в неподвижности: боялись пошевельнуться, чтобы не потревожить ледяную массу, на которой стояли на коленях.

Но вскоре к ним вернулась способность рассуждать. Они сообразили, что нет смысла оставаться на месте. Ведь они все еще находились в опасности. Не лучше ли отсюда уйти? Но куда? Может быть, двинуться вверх по ущелью? В верхней его части лед оставался неподвижным. Разрушение происходило ниже трещины, которую они недавно перешли.

Может быть, искать спасения на скалах? Уж они-то, во всяком случае, не сдвинутся с места, даже если верхняя часть ледника также придет в движение. Но можно ли на них взобраться?

Охотники взглянули на ближайший утес. Он был отвесный, но, приглядевшись, они обнаружили на нем выступ — правда, очень узкий, но все же там уместят-

ся, пожалуй, все трое, а главное, до него легко добраться. Он вполне подходит.

Как люди, спасающиеся от сильного ливня или от грозящей опасности, все трое устремились к скале и через несколько минут вскарабкались на уступ. Стоять было тесно. Для четвертого не хватило бы места. Приходилось прижиматься друг к другу.

Но как ни узка была эта площадка, она все же была убежищем — ведь они стояли на твердом граните. Все трое вздохнули с облегчением.

Однако опасность еще не миновала, и у них были основания тревожиться за свою участь. Что, если придет в движение и верхняя часть ледника? Ведь лед может внезапно осесть, и они окажутся на головокружительной высоте над черной пропастью.

Даже если ледник в этом месте останется неподвижным, им было чего опасаться.

Карл знал, что́ случилось: это был ледниковый оползень — явление, которое редко кому удается наблюдать. Он подозревал, что оползень произошел на участке ледника ниже трещины. Если так, то трещина расширилась, огромная глыба гнейса рухнула в пропасть, и обратный путь отрезан.

Наверху ничего не было видно, кроме крутых, нависающих над головой утесов. Человек на них никак не сможет взобраться. Если в этом направлении нет выхода, шутливое пожелание Каспара может исполниться: они окажутся запертыми в этих гранитных стенах, где вместо постели — лед, а вместо крыши — небо. При этой мысли они холодели от ужаса.

До сих пор охотники еще не знали, действительно ли отрезан обратный путь. Выступ утеса закрывал от них ущелье. Инстинкт самосохранения заставил их опрометью броситься к скале. В этот момент никто не вспомнил о трещине и не оглянулся на глыбу. Но теперь они с замиранием сердца думали: не обрушился ли каменный мост?..

Часы шли за часами, а они все еще не решались спуститься на ледник. Стемнело, а они продолжали стоять на своей узкой площадке. Их мучил голод, но какой

смысл был спускаться на ледник, ведь все равно там не достать никакой еды.

Всю ночь простояли они на узком карнизе то на одной ноге, то на другой, то упираясь спиной в каменную стену; до утра не сомкнули глаз. Все еще не хватало решимости ступить на лед, который казался таким ненадежным.

Но больше терпеть не было сил. С первыми лучами солнца они решили спуститься.

Всю ночь лед оставался неподвижным. Шума больше не было слышно. Мало-помалу охотники осмелели, и, как только рассвело, они спустились с выступа и снова ступили на лед.

Сначала они держались ближе к утесам, но через некоторое время осмелились пройти немного подальше, чтобы посмотреть, что делается в нижней части ущелья.

Каспар взобрался на скалу, поднимавшуюся над ледником. С ее верхушки было видно на большое расстояние. Трещина стала шире на много ярдов. Каменный мост исчез!..

Глава XXIII

ПРОХОД

Причины движения ледников еще не вполне установлены. Ученые предполагают, что нижняя поверхность этих огромных ледяных масс отделяется от почвы в результате таяния, постоянно происходящего благодаря теплу, излучаемому землей. Вода также вызывает их отделение, так как под ледниками текут потоки и даже большие реки. Лежащие на наклонной плоскости массы, отделившись от своей опоры, увлекаются вниз собственной тяжестью.

Иной раз приходит в движение лишь небольшой участок нижней части ледника; тогда над сдвинувшимся участком образуется трещина, которая может закрыться, если вышележащий участок, в свою очередь, сдвинется. Сильное таяние льдов во время исключительно жаркого лета также может вызвать движение ледника;

порой ему дает толчок лавина или сильные оползни почвенных слоев.

Разумеется, тяжесть трех наших охотников была незначительна в сравнении с весом ледяных масс, и она не могла бы вызвать движения ледника; но возможно, что каменная глыба, по которой они переходили, находилась в неустойчивом равновесии. Лед вокруг нее подтаял, и она еле держалась; как перышко может опустить чашку весов, так и их переход мог нарушить равновесие глыбы и вызвать обвал.

Эта огромная глыба, вклинившаяся в глубокую трещину, могла, в свою очередь, привести в движение участок ледника, находящийся в неустойчивом равновесии, и вызвать катастрофу.

Но наши путники не собирались выяснять причины этого страшного явления. Они оказались в таком бедственном положении, что им было не до размышлений. Один за другим взобрались они на скалу и воочию убедились, что трещина расширилась, каменный мост исчез — обратный путь отрезан!

Через некоторое время они отважились приблизиться к ужасной пропасти. Они добрались до самого ее края и заглянули в глубь трещины. Она была шириной в несколько десятков ярдов, а глубина ее достигала, вероятно, нескольких сот футов. Не было никакой возможности перекинуть через нее мост. Итак, нельзя было надеяться вернуться назад, спускаясь по леднику. Потрясенные, они отошли от пропасти и начали подниматься по ущелью.

Они шли неуверенными шагами; почти не разговаривали, лишь изредка вполголоса перебрасываясь фразами; по дороге напряженно разглядывали скалы, обступившие ущелье.

Справа и слева возвышались черные утесы, хмурые и неприветливые, как тюремные стены. Ни выступа, ни площадки, ни ложбины, по которой можно было бы перебраться в соседнюю долину. На отвесных и гладких утесах не было опоры для человеческой ноги; на них могли взлететь только орлы и другие птицы, которые с криком носились над ущельем.

Но все же охотники не теряли надежды. Так уж устроен человек: он не поддается отчаянию, пока не убедится, что положение совершенно безнадежно. Они еще могли предполагать, что из ущелья имеется какой-нибудь выход, и продолжали идти вперед.

Вскоре они заметили на снегу следы мускусной кабарги. Но следы были не свежие — вчерашние.

У них появилась надежда, и они с радостью двинулись по этим следам. Но это не была радость охотника, который предвкушает добычу. Ничуть не бывало! Хотя их и мучил голод, они боялись нагнать кабаргу, боялись обнаружить свежие следы.

Это вас удивляет, а между тем это легко объяснить. Они рассудили, что, если наверху имеется выход, кабарга наверняка ушла туда из ущелья. Если же нет, животное можно настигнуть где-нибудь в верхнем его конце. Встреча с кабаргой была бы для них самым неприятным сюрпризом.

Казалось, их надежды были близки к осуществлению. На леднике не видно было свежих следов. Следы кабарги тянулись вверх по леднику. Видно было, что животное даже не останавливалось, не отклонялось в сторону. Оно бежало по прямой линии, словно направляясь к какому-то знакомому убежищу. Правда, по временам ему приходилось огибать трещины во льду или глыбы, загораживающие ему путь.

Охотники шли по следу с замиранием сердца, внимательно оглядывая утесы и снег.

Наконец они дошли почти до конца ущелья — оставалось лишь каких-нибудь сто шагов до замыкающей его каменной стены, а выхода все еще не было видно. Со всех сторон их обступили высокие отвесные скалы. Ни расселины, ни тропинки...

Куда же могла уйти кабарга?

Перед ними лежало лишь несколько крупных камней. Не спряталась ли она за ними? Если так, они вскоре ее найдут, ибо находятся всего в нескольких шагах от камней.

Охотники осторожно подошли с ружьями наготове. Хоть они и боялись увидеть кабаргу, но, если бы она

оказалась там, ее конечно бы подстрелили — ведь необходимо было утолить голод.

Каспара послали на разведку, а Карл и шикари остались на месте, чтобы перехватить кабаргу, если она вздумает повернуть назад.

Каспар беззвучно подползал к каменным глыбам. Приблизившись к самой крупной, он приподнялся и заглянул через нее.

За глыбой не было ни кабарги, ни следов на снегу.

Он осмотрел одну за другой все глыбы. Теперь он стоял на самом верху ледника, откуда можно было охватить взглядом все ущелье.

Кабарги не было и в помине, но открывшееся перед ним зрелище обрадовало Каспара куда больше, чем встреча с целым стадом оленей, и у него вырвался восторженный крик.

Он выскочил из-за камней и закричал, направляясь к Карлу:

— Сюда, брат! Мы спасены! Здесь есть проход! Есть проход!

Глава XXIV

ДОЛИНА, ЗАТЕРЯННАЯ В ГОРАХ

Действительно, между утесами открывался проход, похожий на большие ворота. Охотники не заметили его раньше, потому что ущелье поворачивало немного вправо, и казалось, будто каменные стены смыкаются.

Пройдя ярдов сто, они вошли в тесный проход между скалами, и перед ними открылся чарующий, восхитительный вид.

Трудно представить себе более причудливое зрелище. Прямо перед ними, несколько ниже уровня ледника, простиралась долина. Она была почти круглая, больше мили в поперечнике. Посередине было озеро диаметром в несколько сот ярдов. Дно долины было плоское — лишь немного выше уровня воды. Кругом расстилались изумрудные луга, были живописно разбросаны группы кустов и рощицы; листья деревьев от-

личались удивительным богатством оттенков. На лугах и в кустарниках бродили стада оленей и газелей, а в голубой воде озера плескались водяные птицы.

Уединенная долина была так похожа на парк, что глаз невольно искал человеческое жилье.

Казалось, вот-вот они увидят над деревьями вьющийся дымок, трубы и башни какого-нибудь за́мка или дворца, гармонирующего с красотой ландшафта.

Правда, они вскоре обнаружили дымок, но на поверку оказалось, что это белый пар, клубившийся на краю долины. Это удивило и озадачило путников. Они не могли понять, в чем дело, но ясно было, что это не дым от очага.

Долину такой же формы и размеров, с озером, лугами, деревьями, пасущимися стадами и стаями птиц, можно было бы встретить в другом месте земного шара. Не эти ее особенности заставили нас назвать пейзаж одним из самых причудливых в мире.

Дело в том, что долину со всех сторон опоясывала гигантская ограда. Это был ряд утесов, которые круто поднимались с ровного дна долины. Иначе говоря, долина была окружена неприступной стеной. На расстоянии стена казалась высотой всего в несколько ярдов, но это был обман зрения.

Над темной оградой скал поднимались голые каменистые склоны гор, над которыми высились снежные вершины самых причудливых форм: то острые, как шпиль, то закругленные, как купола, то конусообразные, как пирамиды.

Казалось, в эту странную долину можно проникнуть лишь через проход, в котором сейчас стояли путники. Они находились несколько выше уровня долины, но туда легко можно было спуститься по пологому скату, усеянному обломками скал.

Несколько минут охотники стояли в проходе, глядя на эту удивительную картину; они были охвачены восторгом, к которому примешивалось удивление и страх. Солнце только что поднялось над горами, и косые лучи, дробясь в мельчайших кристалликах снега, переливались всеми цветами радуги. Снег нежно розовел, а ме-

стами отливал золотом. В голубом диске озера отражались белые пики гор, черный пояс утесов и зеленые кроны деревьев, обступивших берега.

Карл Линден мог бы часами смотреть на эту сказочную сцену. Ее прелестью был очарован и Каспар, хотя и менее чувствительный к красотам природы. И даже Оссару, уроженец индийских равнин, осененных пальмами и бамбуковыми рощами, признался, что еще не видел места красивее. Всем были известны поверья местных жителей относительно Гималайских гор. Туземцы убеждены, что в одиноких долинах, затерянных среди неприступных вершин, обитают их боги. В этот момент путники были готовы поверить этой легенде.

Но вскоре поэтическая иллюзия рассеялась. Голод давал себя знать, и приходилось подумать о том, как бы поскорее его утолить.

Итак, они вышли из прохода и стали спускаться в долину.

Глава XXV

ХРЮКАЮЩИЕ БЫКИ

В долине на лугу паслось немало животных различных пород, но охотники были так голодны, что решили подстрелить первых попавшихся. Ближайшее к ним стадо состояло из особей разных размеров: одни величиной с крупного быка, другие — не больше ньюфаундлендской собаки. Их было около десяти, по-видимому, одной породы.

Ни один из охотников не мог сказать, какие это животные. Даже Оссару никогда не видел таких созданий на равнинах Индии. Но ясно было, что это какая-то порода быков или буйволов. Особенно выделялся вожак, этот патриарх стада, огромный бык, ростом с добрую лошадь. У него были могучие изогнутые рога, длинная густая волнистая шерсть, и он отличался свирепым видом, характерным для животных буйволовой породы. Но удивительнее всего были длинные густые

волосы, которые свисали бахромой с боков, с шеи и брюха, почти касаясь травы, так что он казался коротконогим.

Карл нашел у этого старого быка значительное сходство с редкостным мускусным американским быком, чучело которого он видел в музеях. Но наблюдалось между ними и заметное отличие. Мускусный бык почти бесхвостый, вернее — хвост у него такой короткий, что еле заметен в густой массе волос, украшающей его круп, а у странного животного, которое паслось на лугу, хвост был длинный и пышный, с огромной пушистой кистью волос на конце. Масть быка издали казалась черной, хотя в действительности была темно-шоколадной.

В стаде находился только один большой бык — очевидно, вожак и повелитель всех прочих. Остальные были коровы и телята. Коровы были чуть не вдвое меньше старого быка; рога у них были менее массивные, а хвост и волосяная бахрома не такие длинные и пышные.

Телят было несколько, различного возраста: от полувзрослых бычков до новорожденных малышей; последние катались по земле или прыгали возле своих матерей. У этих малышей наблюдалась одна особенность: у них еще не выросли длинные волосы на боках и спине, но шерсть была черная и курчавая, как у сеттера или ньюфаундленда. Издали они очень напоминали этих животных, и все стадо можно было принять за буйволов, среди которых замешалось несколько черных собак.

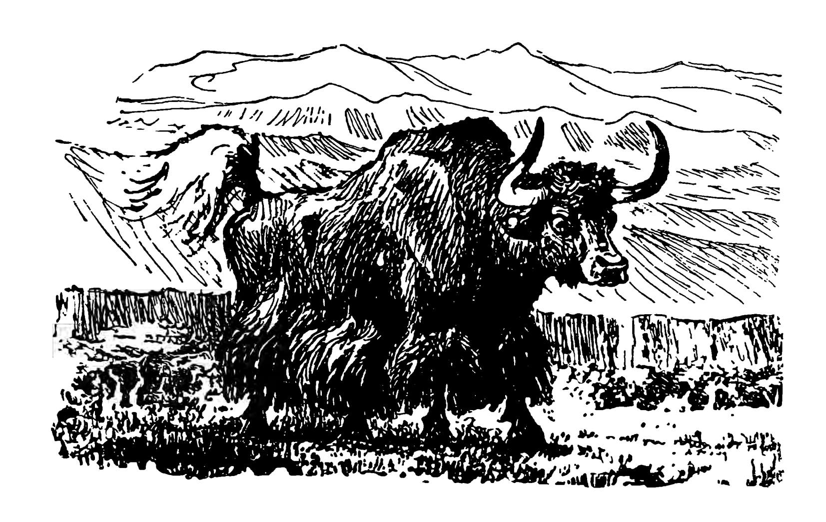
— Не знаю, что это за животные, — заметил Каспар, — но думаю, что мясо их вполне съедобно. Вероятно, это какая-то разновидность быков.

— Говядина, оленина или баранина — одно из трех, — добавил Карл.

Оссару в этот момент готов был съесть какое угодно мясо, даже волчатина показалась бы ему вкусной.

— Надо подкрасться к ним, — продолжал Карл. — Придется проползти сквозь эти заросли.

Без труда они достигли зарослей и, пробираясь ползком между деревцами, подкрались к самой опушке.



Бык стоял в стороне, карауля стадо, но

Это были вечнозеленые рододендроны. Их густая листва служила великолепным укрытием. Дикие быки не сразу почуяли приближение врагов. Стрела Оссару не долетела бы до животных, но в них вполне можно было попасть из ружья, которое было заряжено крупной дробью.

Карл шепнул Каспару, чтобы он взял на мушку одного из телят, а сам стал целиться в более крупное животное.

Бык был слишком далеко. Он стоял в стороне, видимо карауля стадо; правда, на этот раз он не проявил особой бдительности. Но вскоре он заподозрил, что не все в порядке, и не успели они выстрелить, как он стукнул о землю массивными копытами и издал странный звук, похожий на хрюканье свиньи. Сходство было так велико, что наши охотники даже оглянулись, подумав, что где-то поблизости свиньи.

Но в следующий миг они поняли, что хрюкал именно бык. Карл и Каспар прицелились и выстрелили.

Выстрелы эхом прокатились по долине, и тотчас же

вскоре заподозрил, что не все в порядке.

все стадо, с быком во главе, галопом понеслось по равнине. К великой радости охотников, на лугу остались лежать подстреленные теленок и корова. Выйдя из засады, охотники подошли к своей добыче.

Они решили сперва изжарить теленка, чтобы утолить голод, и уже начали его свежевать, как вдруг раздалось громкое протяжное хрюканье. Обернувшись, они увидели, что большой бык несется прямо на них, пригнув голову к земле и яростно сверкая главами. Он отбежал не слишком далеко, воображая, что за ним следует все его семейство, но, заметив, что двоих недостает, вернулся, чтобы помочь им или отомстить за них.

Хотя охотники в первый раз видели это животное, не приходилось сомневаться в его силе. Широко расставленные рога и сверкавшие бешенством глаза доказывали, что перед ними грозный враг. Нечего было и думать вступать с ним в бой. Спасая свою жизнь, охотники со всех ног бросились наутек.

Они устремились к зарослям, но молодые деревца не представляли надежной защиты. Их преследователь

бросился вслед за ними в кусты, с треском ломая их и громко хрюкая, как дикий кабан.

К счастью, среди молодняка росло несколько крупных деревьев, и на них было нетрудно взобраться. Через несколько мгновений все трое сидели уже высоко в ветвях и находились в безопасности — у их врага были на ногах не когти, а копыта, и он не мог взобраться на дерево.

Некоторое время бык с хрюканьем метался по зарослям, но, не обнаружив врагов, решил вернуться на луг, где лежали убитые животные. Он подошел сперва к корове, затем к теленку, потом стал переходить от одного к другому, обнюхивая их и издавая какое-то жалобное хрюканье. Выразив так свое горе, бык поднял голову, оглядел равнину и мрачно побрел в том направлении, куда скрылось стадо.

Охотники не сразу решились спуститься с деревьев. Но голод наконец взял верх над страхом; спустившись, они подобрали ружья, которые побросали на землю, вновь их зарядили и вернулись к своей добыче.

Они перетащили туши убитых животных к опушке рощи, чтобы, в случае если бык вздумает вернуться, можно было быстрей добежать до спасительных деревьев.

Вскоре теленок был освежеван, костер разведен, несколько кусков мяса зажарено на угольях и быстро съедено. Такой превосходной телятины им еще не приходилось есть. Дело было не только в голоде — мясо действительно было отменное, и этому не приходилось удивляться, ибо они теперь знали, кого подстрелили. Когда бык бежал к зарослям, Оссару, сидя на дереве, успел его рассмотреть и узнал по хвосту. Сомнений не было! Много таких хвостов видел и держал в руках в детстве Оссару. Немало мух отогнал он такпм хвостом, как же было его не узнать!

Когда они вернулись к добыче, Оссару указал на хвост коровы, который был вдвое короче, чем у быка, но такого же вида, и, многозначительно поглядев на товарищей, заявил:

— Я теперь знаю, саибы: это чоури!

Глава XXVI

ЯКИ

Оссару хотелось сказать, что он узнал хвост; он не имел понятия о животном, которому принадлежал этот придаток. Для Оссару хвост был чоури, то есть опахало, каким пользуются в жарких областях Индии, чтобы отгонять мух, москитов и других насекомых. Оссару нередко отгонял в детстве таким хвостом мух от старого саиба, своего хозяина.

Однако слово «чоури» навело на размышления охотника за растениями. Он знал, что чоури привозят в Индию через Гималаи, из Монголии и Тибета, что это хвосты одного вида быков, характерного для этих стран и известного под названием «яки» или «хрюкающие быки». Несомненно, убитые животные были яками.

Догадка Карла оказалась верной. Охотники столкнулись со стадом яков, так как в этих местах они встречаются в диком состоянии.

Линней назвал это животное хрюкающим быком. Трудно было бы придумать лучшее название, но оно не удовлетворило современных кабинетных ученых, которые, найдя некоторые различия между ним и другими быками, решили создать новый род для этого единственного вида и таким образом только затруднили изучение зоологии. Действительно, некоторым из этих господ хотелось бы создать отдельный род для каждого вида, даже для каждой разновидности, хотя эта абсурдная классификация порождает только путаницу в понятиях.

Як, которого называют также «сирлак» или «хрюкающий бык», весьма своеобразное и полезное животное. В Тибете и соседних странах он встречается не только в диком состоянии — там немало домашних яков. В самом деле, для народов, живущих в холодных горных странах, простирающихся к северу от Гималаев, як то же самое, что верблюд для арабов или северный олень для жителей Лапландии. Из его длинной темной шерсти изготовляют ткань для шатров или вьют веревки. Из шкуры выделывается кожа. На спине он таскает

поклажу или же людей, если им захочется ездить верхом; он тянет за собой повозку. Его мясо — прекрасная, вкусная еда, а молоко, доставляемое коровами, равно как сыр и масло, составляет основную пищу тибетских народов.

Хвосты яков являются ценным предметом торговли. Их вывозят во все области Индии, где они употребляются для различных целей — главным образом как чоури, или опахала от мух. Монголы носят их на шапке как знак отличия, что разрешается только вождям и прославленным военачальникам. В Китае их носят с той же целью мандарины, предварительно окрасив в ярко-красный цвет. Хороший, пышный хвост яка высоко ценится в Китае и в Индии.

Существует несколько разновидностей яков. Прежде всего дикий як — тот самый, с которым повстречались наши путники. Он значительно крупнее домашних пород, а быки отличаются огромной силой и свирепостью. Охота на них чрезвычайно опасна; обычно охотятся верхом и с крупными собаками.

Домашние яки разделяются на несколько классов: на одних пашут, на других ездят верхом и так далее; масть у них не темно-бурая, как у дикой породы, а серо-бурая; встречаются пятнистые яки и даже белоснежные. Однако преобладает бурая или черная масть, часто при белом хвосте. Мясо теленка — лучшее в мире, но, если отнять теленка у матери, та перестает давать молоко. В таком случае ей приносят телячьи ножки или даже чучело теленка, которое она облизывает, выражая свое удовлетворение коротким хрюканьем, и продолжает доиться.

Когда яка используют как вьючное животное, он может пройти в день двадцать миль, неся два мешка с рисом или с солью или же четыре — шесть сосновых досок, подвешенных у него по бокам. Обычно погонщики прокалывают якам уши и украшают их пучками красных шерстяных ниток. Подлинная родина яка — холодные плоскогорья Тибета и Монголии или же еще более высокие горные долины Гималаев, где он кормится травой или кустарниками. Яки пасутся на крутых склонах

и любят карабкаться на скалы; они спят или отдыхают на вершине одинокой глыбы, где их со всех сторон прогревает солнце. Перевезенные в более теплые страны, они начинают тосковать и вскоре умирают. Вероятно, их можно было бы акклиматизировать в различных европейских странах, если бы за это взялись правительства. Но тираны не слишком заботятся о благе своих подданных.

Глава XXVII

ЗАГОТОВКА МЯСА ЯКОВ

Путешественникам очень понравилось мясо теленка яка, и втроем они быстро уничтожили добрую его четверть.

Утолив голод, охотники стали совещаться, как действовать дальше. Они уже решили провести в этой прекрасной долине несколько дней, посвятив их охоте за растениями. Карл не сомневался, что флора здесь чрезвычайно богата и разнообразна. Действительно, проходя через заросли, он заметил множество любопытных, незнакомых растений, и ему хотелось открыть какие-нибудь новые виды, еще неизвестные в ботанике. Он мечтал привезти редкие, невиданные растения и обогатить свою любимую науку. Эта мысль заставила радостно биться его сердце.

Своеобразное положение долины, окруженной снеговыми горами, изолированной от других растительных зон и защищенной высокими утесами от ветров, давало надежду па своеобразную флору. К своему удивлению, Карл увидел здесь множество видов тропических растений, хотя долина находилась по меньшей мере на высоте пятнадцати тысяч футов, а снеговые горы, поднимавшиеся над ней, были чрезвычайно высоки. Тропическая растительность немало его озадачила, и он решил, что необходимо найти объяснение такому странному явлению.

Каспара обрадовало решение брата провести в долине несколько дней. Он не слишком интересовался ра-

стениями, но заметил, что в долине множество диких животных, и с удовольствием думал об охоте.

Быть может, Оссару вздыхал о жарких равнинах, о пальмовых рощах и зарослях бамбука, но и он был не прочь поохотиться в долине.

К тому же в долине было гораздо теплее, чем в окрестных ущельях.

Охотников очень удивила такая разница в температуре; и ее можно было объяснить лишь тем, что долина со всех сторон защищена от ветров.

Итак, они решили побыть здесь несколько дней; прежде всего необходимо было позаботиться о пропитании. Правда, дичи было, по-видимому, много, но охота не всегда бывает удачна, а тут под рукой у них туша самки яка, мяса которой могло хватить на несколько дней, — следовало заготовить его впрок.

Поэтому они тотчас же приступили к заготовке мяса. Без соли трудно справиться с этой задачей; на севере обычно засаливают мясо, но Оссару был жителем тропиков, где соли мало и она дорога, и знал другие способы заготовки мяса, кроме засола. Он умел его вялить. Этот способ прост и состоит в том, что мясо разрезают на тонкие ломтики и либо развешивают на деревьях, либо раскладывают на камнях, а солнце делает остальное.

Однако, как назло, день выдался облачный, и нельзя было провялить мясо на солнце. Но Оссару не так легко смутить: ему был известен еще один способ, применявшийся в подобных случаях, — он умел коптить мясо.

Набрав побольше хвороста, он развел костер и развесил мясо вокруг огня на шестах на таком расстоянии, что до него достигал дым, но оно не жарилось и не горело. Оссару уверял своих спутников, что, провисев таким образом день-другой, мясо прокоптится и высохнет и его можно будет сохранять месяцами без всякой соли.

Все эти заботы потребовали несколько часов; и, когда все было окончено, было уже далеко за полдень.

Затем приготовили и съели обед, что заняло еще час; и хотя было еще совсем светло, всех клонило ко сну

после бессонной ночи, проведенной на уступе, — они растянулись у костра и задремали.

После захода солнца резко похолодало, и только теперь охотники вспомнили о своих одеялах и других вещах, оставшихся на месте последней стоянки. Но при мысли о своем снаряжении они только вздыхали. Вернуться к брошенным ими вещам прежней дорогой было невозможно. Без сомнения, им придется сделать большой обход через горы, чтобы добраться до места стоянки.

Оссару придумал, чем заменить одеяло. Он растянул шкуру яка на раме и поставил ее перед огнем. К ночи она уже высохла, и в нее можно было закутаться. Действительно, Каспар завернулся в это необычайное одеяло, шерстью внутрь, и, проснувшись, уверял, что никогда в жизни не спал так сладко.

Все трое хорошо отдохнули. Но если бы они знали, какое открытие ожидает их утром, их сон не был бы таким крепким, а сновидения — такими приятными.

Глава XXVIII

КИПЯЩИЙ ИСТОЧНИК

Охотники позавтракали вяленым мясом яка и запили его водой. У них не было даже чашки, чтобы набирать воду; они становились на колени и пили прямо из озера. Вода была прозрачная, но не очень холодная, как можно было ожидать на такой высоте. Они заметили это еще накануне и были очень удивлены. У них не было термометра, чтобы измерить температуру воды, но было очевидно, что она теплее воздуха.

Откуда взялась вода в озере? Оно не могло образоваться от таяния снегов, так как в подобном случае вода в нем была бы куда холоднее. Может быть, где-нибудь поблизости есть горячий источник?

Это было весьма вероятно, ибо, как это ни странно, в Гималаях немало горячих источников, и некоторые из них бьют среди снега и льдов.

Карлу приходилось читать о таких источниках, и он высказал предположение, что где-то неподалеку находится именно такой источник. Иначе почему бы вода в озере была теплой?

Тут им вспомнилось, что накануне утром они заметили странное облачко пара, поднимавшееся над деревьями на краю долины. Теперь его не было видно, так как они спустились со склона; но они запомнили, в какой стороне его видели, и отправились разыскивать источник.

Вскоре они пришли к этому месту. Предположения их оправдались. Между камнями кипел и пенился горячий источник, который переходил в ручей, вливавшийся в озеро. Каспар опустил руку в воду и тотчас же выдернул ее с криком боли и удивления. Это был почти кипяток.

— Что ж, — сказал он, — это большое удобство. Как жаль, что у нас нет ни чайника, ни котелка! Но, во всяком случае, здесь можно иметь горячую воду в любое время дня.

— Теперь я все понял! — воскликнул Карл, осторожно окунув пальцы в источник. — Так вот чем объясняется высокая температура в этой долине, вот почему здесь такая роскошная растительность и встречается немало тропических растений! Посмотри на эти магнолии! Это любопытно! Я не удивлюсь, если мы встретим здесь пальмы или бамбук.

Внезапно внимание путников было отвлечено от горячего источника. К ним приближалось легкими прыжками красивое животное, но, не добежав ярдов двадцати, остановилось и несколько мгновений смотрело на пришельцев.

С первого же взгляда по ветвистым рогам они узнали оленя. Он был величиной почти с европейского оленя, масть у него была рыжевато-серая, на крупе белая салфетка. Но это был азиатский представитель того же рода, известный у натуралистов под названием «олень Валлиха».

Заметив людей, стоявших у источника, олень скорее удивился, чем испугался. Возможно, он впервые

Олень скорее удивился, чем испугался.

видел двуногих существ. Он не знал, друзья это или враги.

Бедняга! Скоро он понял, с кем имеет дело.

Раздался выстрел, и в следующий миг олень уже лежал на земле.

Выстрелил Карл, так как Каспар стоял дальше. Все трое бросились к добыче, но, к их огорчению, олень вскочил на ноги и кинулся в заросли. Фриц устремился за ним по пятам. Видно было, что олень бежит на трех ногах, а четвертая, задняя, перебита и волочится по земле.

Охотники погнались за ним, надеясь его настичь; но, выбежав из чащи, увидели, что олень мчится у подножия утесов, далеко опередив собаку.

Пес продолжал гнаться за оленем, и охотники со всех ног неслись за ним. Карл и Оссару бежали вдоль утесов, а Каспар — на некотором расстоянии от них, чтобы перехватить животное, если оно повернет в сторону озера.

Так пробежали они около мили, не видя оленя. Наконец громкий лай Фрица возвестил, что пес нагнал добычу.

Так и оказалось. Фриц загнал оленя к самым зарослям; но едва появились охотники, как тот метнулся в кусты и скрылся в чаще.

Они пробежали еще с полмили, и Фриц снова загнал оленя, но, как и в первый раз, с приближением охотников животное кинулось в заросли и исчезло.

Досадно было упустить такую прекрасную дичь, которая была почти в их руках, и они решили продолжать охоту, если даже она продлится целый день. У Карла были еще основания преследовать оленя. Он был на редкость добрый и чуткий человек: зная, что животное, у которого была перебита нога, все равно умрет от этой раны, он хотел положить конец его мучениям. К тому же он был очень не прочь добыть оленины.

Поводив за собой охотников, олень снова появился, но и на этот раз скрылся в кустах.

Олень казался прямо неуловимым, они уже начали терять надежду.

Почти все время он держался вблизи утесов, и охотники не могли не заметить, какая крутая каменная стена высится у них над головой. Утесы поднимались на высоту нескольких сот футов почти везде отвесно.

Но охотники были слишком поглощены погоней за оленем, чтобы обратить серьезное внимание на это обстоятельство; они бежали, не останавливаясь, — разве на минутку, чтобы перевести дыхание; шесть или семь раз показывался раненый олень, и Фриц загонял его, но в награду за свое усердие получал лишь свирепые удары рогов.

Охотники пробежали мимо прохода в скалах, через который они проникли в долину, и помчались дальше.

Громкий лай собаки оповестил их, что олень загнан, и они снова кинулись вперед.

На этот раз они увидели, что олень загнан в небольшой водоем и стоит по самые бока в воде. Каспару удалось подкрасться к нему на расстояние нескольких ярдов. Грянул выстрел, и с оленем было покончено.

Глава XXIX

ТРЕВОЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

Вы, конечно, подумали, что охотники очень обрадовались, успешно закончив погоню. Так было бы при иных обстоятельствах, но сейчас их занимали другие мысли.

Подойдя к водоему, чтобы вытащить оленя из воды, они заметили нечто, заставившее их обменяться многозначительными взглядами. Это был горячий источник, возле которого началась охота. Мертвый олень лежал в каких-нибудь ста ярдах от того места, где получил первую рану.

Действительно, водоем был образован тем самым ручьем, который вытекал из источника и впадал в озеро.

Я сказал, что охотники, увидав источник, обменялись многозначительными взглядами. Ясно было, что они вернулись туда, откуда начали погоню. Итак, пре-

следуя оленя, они обежали вокруг всей долины. Они ни разу не повертывали вспять, не пересекали долины, даже не видели озера в продолжение погони. Карл и Оссару все время бежали у подножия утесов — то сквозь заросли, то по открытому месту.

Что было в этом примечательного? Это значило, что долина небольшая, круглой формы и что ее можно обежать за час. Почему же наши охотники стояли как вкопанные, с недоумением глядя друг на друга? Быть может, их удивило, что олень вернулся умирать туда, где был ранен? Конечно, это было немного странно, но из-за такого пустяка не омрачились бы их лица. Взгляд их выражал не удивление, а тревогу, страх перед какой-то опасностью, еще не совсем ясной и определенной. Но что же это была за опасность?

Несколько минут все трое стояли молча: Оссару рассеянно вертел в руках свой лук, Карл опирался на ружье, а Каспар с немым вопросом смотрел брату в глаза.

Каждый хотел догадаться, о чем думают другие. Олень лежал у их ног в водоеме, над водой виднелись лишь его огромные рога, а пес стоял на берегу и лаял.

Но вот Карл прервал молчание. Казалось, он говорил сам с собой — так он был поглощен своими мыслями.

— Да, стена утесов идет вокруг всей долины. Я нигде не видел перерыва. Правда, кое-где есть ущелья, но они упираются в такие же утесы. Ты не видал выхода, Оссару?

— Нет, саиб. Мой бояться — долина закрыта, нет выход из эта ловушка, саиб.

Каспар промолчал. Он все время держался в стороне от скал, а иной раз и вовсе терял их из виду — деревья скрывали от него их вершины. Однако он вполне понимал беспокойство брата.

— Так ты думаешь, что скалы окружают долину со всех сторон? — спросил он Карла.

— Боюсь, что да, Каспар. Я не видел выхода, Оссару тоже. Правда, мы его не искали, но я все время смотрел на скалы — нет ли там выхода. Я не забыл, в каком опасном положении мы очутились вчера, и меня

беспокоит этот вопрос. Я заметил, что из долины ведет несколько ущелий, но, кажется, все они замкнуты отвесными скалами. Правда, погоня не позволила мне как следует все рассмотреть, но мы можем заняться этим сейчас. Если выхода из долины нет, то мы попали в неприятное положение. Эти утесы поднимаются на добрых пятьсот футов — они совершенно неприступны... Идемте! Я готов к самому худшему.

— Что ж, мы вытащим оленя? — спросил Каспар, указывая на рога, торчавшие из воды.

— Нет, оставим его здесь: с ним ничего не сделается до нашего возвращения. А если мои опасения оправдаются, у нас будет более чем достаточно времени... Идемте!

С этими словами Карл направился к подножию скал, а товарищи последовали за ним.

Фут за футом, ярд за ярдом осматривали они суровые отвесные утесы.

Они исследовали сперва их подножие, потом, отойдя, оглядывали до самых вершин. Расселин было немало, и все они напоминали морские заливы: дно у них было на одном уровне с долиной, и они были окружены отвесными гранитными утесами.

В некоторых местах утесы прямо нависали над головой охотников. Кое-где попадались груды камней и валялись обломки скал, иной раз огромного размера. Отдельные глыбы достигали пятидесяти футов в длину и высоту; порой встречались колоссальные груды камней на значительном расстоянии от утесов, и было ясно, что они не могли упасть сверху. Возможно, что они были занесены сюда льдами, но братьям в этот момент было не до геологических проблем.

Они шли все дальше, занятые обследованием скал. Они заметили, что утесы не везде одинаковой высоты, но даже в самых низких местах невозможно на них подняться, так как они были не менее трехсот футов в вышину, а отдельные участки стены поднимались чуть ли не на тысячу футов.

Итак, они продвигались вдоль подножия скал, внимательно осматривая ярд за ярдом. По этому пути они

уже однажды прошли, но более легким шагом и с более легким сердцем. На этот раз они сделали обход за три часа и остановились у каменных ворот, придя к безотрадному заключению, что это ущелье — единственный доступный человеку выход из таинственной долины.

Долина походила на кратер погасшего вулкана; можно было подумать, что лава прорвалась сквозь эту расселину, оставив «бассейн» пустым.

Охотники не стали вновь обследовать заполненное ледником ущелье. Они уже убедились, что в этом направлении нет выхода. Стоя у входа в долину, они смотрели на белый пар, курившийся над источником. Отсюда была видна каменная стена, поднимавшаяся позади него. В этом месте скалы были особенно крутые и высокие.

Охотники уселись на камнях. Все трое молчали и, казалось, были близки к отчаянию.

Глава XXX

ПЛАНЫ И ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Однако отважные люди нелегко поддаются отчаянию. Карл был человек мужественный, Каспар, несмотря на свой юный возраст, не уступал в храбрости брату. Шикари тоже был далеко не трус. Его не устрашил бы ни тигр, ни гайял, ни медведь, но, как и все индусы, он был суеверен. Теперь он уже не сомневался, что в этой долине обитает один из богов и что люди будут наказаны за то, что проникли в его священное убежище.

Но, несмотря на этот суеверный страх, Оссару не падал духом. Напротив, он всей душой был готов помогать своим спутникам, если они сделают попытку бежать из этой земли, принадлежавшей Браме, Вишну или Шиве [1].

---

[1] Брама, Вишну и Шива — три основных божества в браманистской (индусской) религии.

Все трое напряженно размышляли, стараясь найти выход из создавшегося положения. Этим и объясняется их молчание.

Но как они ни ломали голову, им не удавалось придумать ничего путного. Необходимо взобраться на утес высотой в пятьдесят футов. Как совершить такой подвиг?

Сделать лестницу? Нелепая мысль. Ни на какой лестнице в мире не доберешься и до четверти высоты скал. Будь у них даже под рукой веревки, их все равно нельзя использовать. С их помощью можно спуститься в пропасть, но для подъема они совершенно бесполезны.

У охотников мелькнула мысль — выдолбить ступеньки в скале и таким образом выбраться из долины. Издали это может показаться возможным. Но если бы вы сами оказались в положении наших путников — сидели, как они, перед мрачной гранитной стеной, — и если бы вам сказали, что вы должны взобраться на нее, своими руками высекая в ней зарубки, то вы, вероятно, отказались бы от такого предприятия.

Оставили эту мысль и охотники.

Несколько часов просидели они на камнях, погруженные в размышления. Почему у них нет крыльев, на которых можно было бы улететь из ужасной темницы?..

Не придумав никакого выхода, они печально направились к месту стоянки.

В довершение беды, дикие звери, вероятно волки, навестили стоянку во время их отсутствия и унесли вяленое мясо до последнего кусочка. Это было печальное открытие, ибо при создавшихся обстоятельствах провизия была им нужнее, чем когда-либо.

У них еще оставался олень. Может быть, его еще не унесли? И они поспешили к водоему, который находился неподалеку. К счастью, олень оказался на месте: вероятно, вода не позволила хищникам до него добраться.

Найдя, что место стоянки выбрано неудачно, охотники перетащили оленью тушу к горячему источнику, где можно было удобнее расположиться. Там ее ободрали, развели костер, пообедали жареной олениной, а все остальное мясо Оссару решил провялить, но теперь

он, из предосторожности, повесил его так, чтобы четвероногие разбойники не могли достать.

Они так дорожили олениной, что припрятали даже кости, и Фрицу пришлось поужинать внутренностями.

Благоразумный, как большинство его соотечественников, Карл предвидел, что им придется долго пробыть в этой странной долине.

Как долго, трудно было сказать и не хотелось об этом думать, но возможно, что всю жизнь. Он предвидел трудности, какие могут вскоре представиться — может даже не хватить еды, — и потому нельзя выбрасывать ни кусочка.

Вечером, сидя вокруг костра, они обсуждали, как добывать еду, говорили о животных, которые могут встретиться в этой долине, об их количестве и породах, о плодах и ягодах, о кореньях, которые можно откопать в земле, — словом, обо всем, что можно здесь найти для поддержания жизни.

Они проверили свои охотничьи припасы. Их оказалось даже больше, чем они предполагали. Большие пороховницы Карла и Каспара были почти полны. Им мало приходилось стрелять с тех пор, как они пополнили запасы пороха. Был также большой запас дроби и пуль, хотя без них и можно было обойтись: в случае нужды найдется чем их заменить.

Но порох ничем не заменишь!

Впрочем, если и порох придет к концу, у Оссару остается его меткий лук, для которого не требуется ни пороха, ни свинца. Тонкая камышинка или гибкая ветка — вот все, что нужно шикари, чтобы сделать смертоносную стрелу.

Они были уверены, что смогут убить всех животных, какие только им встретятся в этом месте. Если даже у них не окажется стрел, в таком замкнутом пространстве всегда можно будет окружить и поймать любую дичь. Они могли не опасаться, что какое-нибудь четвероногое от них уйдет. Ведь из долины нет иного пути, кроме того, каким они сюда пробрались. Только через ущелье входили в долину ее четвероногие обитатели: они, наверное, протоптали тропинку на леднике, но сейчас она

занесена снегом. Весьма вероятно, что это ущелье посещают самые разнообразные животные; возможно также, что некоторые из них постоянно живут в долине и там же размножаются. В самом деле, трудно было бы найти более подходящее местожительство для диких животных. И, судя по всему, их тут несметное количество.

Правда, охотники еще не потеряли надежду найти выход из своей необычной тюрьмы. Если бы они отчаялись отсюда выбраться, у них было бы тяжело на душе и они не могли бы так оживленно разговаривать. Птицы и животные, плоды и коренья в таком случае мало бы их интересовали.

Но они смутно на что-то надеялись. Приняв решение на следующий день снова обследовать утесы, охотники улеглись спать.

Глава XXXI

ИЗМЕРЯЮТ ТРЕЩИНУ

На следующее утро каменная стена была снова тщательно осмотрена и обследована. Еще раз совершили обход долины. Охотники даже взбирались на деревья, чтобы лучше разглядеть поднимавшийся над ними гребень утесов. Результатом была полная уверенность в том, что взобраться на обрыв решительно нигде нельзя.

До сих пор они не помышляли о том, чтобы вернуться в расселину, ведущую к леднику, но, потеряв надежду уйти другим путем, снова туда отправились.

Они шли не легким, быстрым шагом людей, уверенных в успехе, а как-то вяло, машинально, подчиняясь какому-то бессознательному импульсу. До сих пор они еще не обследовали ледяную пропасть.

Испуганные ледниковым оползнем, они поспешили уйти подальше от пропасти. Они бросили на трещину всего один взгляд, но сразу же увидели, что перейти через нее невозможно. В то время, однако, они не знали, что спасение так близко. Они не заметили высокого леса в каких-нибудь пятистах ярдах от трещины. Да

едва ли и могла возникнуть у них такая мысль, пока они еще не знали о безвыходности своего положения.

Но в ту минуту, когда они проходили сквозь каменные ворота в ущелье, эта мысль пришла в голову всем троим. Карл первый ее высказал. Внезапно остановившись, он произнес, указывая на лес:

— А что, если нам сделать мост?

Никто не спросил, о каком мосте он говорит. В этот момент все трое думали об одном и том же и знали, что он имеет в виду мост через трещину.

— Сосны здесь высокие, — заметил Каспар.

— Не довольно высокий, саиб, — возразил шикари.

— Можно их соединить, — продолжал Каспар.

Оссару ничего не ответил, только покачал головой.

У них снова появилась надежда, и все трое ускорили шаг. По пути они осматривали утесы со всех сторон, но эти скалы уже раньше были обследованы.

Они осторожно приблизились к краю расселины. Посмотрели на противоположную сторону. Расселина была не менее ста футов шириной. Став на колени, заглянули в зияющую бездну. Отвесные утесы уходили вниз на глубину нескольких тысяч футов. Пропасть суживалась книзу. Голубоватые у вершины, ледяные утесы становились все темнее и зеленее по мере того, как спускались вниз. Кое-где виднелись застрявшие в щелях каменные глыбы и смерзшийся снег; со дна пропасти доносился глухой шум воды. Глубоко подо льдами струился поток — без сомнения, там нашли себе выход избыточные воды озера.

Зрелище было великолепное, но жуткое; нельзя было смотреть в бездну без головокружения, а голоса, повторенные эхом, звучали так гулко и странно, что охотников прохватывала дрожь. Спускаться на дно провала было бы безумием, да они и не думали о таком предприятии. Они знали, что, даже если бы это им удалось, все равно невозможно будет вскарабкаться на противоположную отвесную стену.

Единственно, на что они могли надеяться, — это перебросить мост через трещину, и только об этом они и думали.

Такой проект может показаться нелепым. Люди, менее мужественные, сразу же отказались бы от него; так поступили бы и они сами, будь у них хоть малейшая надежда выбраться отсюда другим путем. Но теперь это был вопрос жизни или смерти.

Отказаться от всякой надежды вернуться домой, к друзьям, провести остаток жизни в этой каменной тюрьме — такая перспектива была бы не многим лучше смерти.

Все трое не могли даже допустить подобной ужасной мысли. Но сознание, что им угрожает трагическая судьба, если они не найдут выхода из этого тяжелого положения, заставляло их мысль напряженно работать, и каждый новый план горячо обсуждался.

Глядя на зияющую пропасть, они пришли к убеждению, что вполне возможно перебросить через нее мост.

Карл первый высказал эту мысль. Пылкий Каспар быстро присоединился к мнению брата. Оссару долго возражал, но в конце концов согласился, что стóит попытаться.

Изобретательный ботаник вскоре придумал план, правда требовавший больших усилий, но все же казавшийся выполнимым.

Прежде всего необходимо было определить ширину трещины. Но как это сделать?

Оценке на глаз нельзя было доверять, и в самом деле, все трое по-разному определили ширину трещины. Карл считал, что она шириной в сто футов, Оссару полагал, что сто пятьдесят, а Каспар,— что сто двадцать.

Необходимо было точное измерение. Но как его произвести?

Таков был первый вопрос, вставший перед ними.

Будь у них соответствующие инструменты, Карл вполне мог бы определить расстояние путем триангуляции, но у них не было ни квадранта, ни теодолита.

Я сказал, что трудные обстоятельства заставляли их пускаться на всякие изобретения. В самом деле, проблема измерения расселины вскоре была решена — и не кем иным, как Оссару.

Карл и Каспар стояли в стороне, обсуждая этот вопрос. Они даже не спрашивали мнения шикари. Внезапно они увидели, что он разматывает длинную бечевку, которую достал из кармана.

— Эй, Оссару, — крикнул Каспар, — что ты делаешь? Ты хочешь измерить пропасть бечевкой?

— Да, саиб, — ответил шикари.

— А кто перенесет твою бечевку на ту сторону, хотел бы я знать? — спросил Каспар.

Действительно, смешно было думать, что трещину можно измерить бечевкой; однако природная изобретательность Оссару подсказала ему простой и верный способ.

Вместо ответа он вынул из колчана стрелу и сказал, показывая братьям:

— Это, саиб, понести бечевка.

— Правильно! Верно, верно! — радостно воскликнули братья, сразу догадавшись о намерении шикари.

Оссару быстро привел в исполнение свой замысел. Он размотал бечевку во всю длину. Она оказалась длиной около ста футов. Ее туго натянули, чтобы расправить все завитки, и привязали одним концом к стреле. К другому ее концу привязали камень, затем шикари натянул тетиву — и стрела взвилась в воздух.

Крик радости вырвался у всех, когда они увидели, что стрела упала на снег по ту сторону трещины; видна была и бечевка, повисшая над бездной, как паутина.

Оссару схватил бечевку и осторожно подтянул стрелу к самому краю пропасти; отметив заранее на бечевке узлом это место, он дернул ее, сбросив стрелу в пропасть, и начал сматывать бечевку.

Через несколько минут и стрела и бечевка оказались у него в руках. Наступил важный момент: измерение бечевки.

Сердца у наших охотников усиленно бились, пока они отсчитывали фут за футом. У всех вырвался радостный возглас, когда оказалось, что оценка Карла ближе всех к истине. Ширина трещины равнялась примерно ста футам.

Глава XXXII

ХИЖИНА

Карл не сомневался, что им удастся перекинуть мост через пропасть. Правда, единственными их орудиями были ножи и небольшой топорик, случайно оказавшийся за поясом у Оссару, когда они пустились в погоню за мускусной кабаргой. Имелись у них ружья, но разве они могли пригодиться при постройке моста!

Нож Оссару, как мы уже говорили, имел длинное лезвие; это был полунож-полумеч, какие в ходу у обитателей джунглей. Топорик был не больше индейского томагавка. И при помощи таких орудий Карл Линден собирался построить мост длиною свыше ста футов.

Он подробно рассказал о своем замысле товарищам и сумел их убедить, что его план вполне осуществим. Не приходится и говорить, что у всех поднялось настроение.

Правда, они сознавали, что это трудная задача и предприятие может не удаться, но все же крепко надеялись на успех.

Сделав все нужные приготовления, измерив самую узкую часть трещины и хорошенько заметив это место, они вернулись в долину бодрые и веселые.

Сооружение моста было делом не одного дня и даже не одной недели; возможно, на это потребуется больше месяца. Если бы можно было строить мост сразу с двух сторон пропасти, они окончили бы его гораздо скорее. Но, как вам известно, им приходилось работать только на одной стороне и перебрасывать оттуда мост на другую. Если бы им удалось протянуть через трещину хотя бы канат, это вполне заменило бы для них мост. Но откуда взять канат? Придет время, и у них будет канат или толстая веревка, но покамест они могли пользоваться только бечевкой, которую должна была перенести на тот берег стрела.

Изобретательный Карл не только создал проект моста, но и придумал, как перебросить его через пропасть. Для этого потребуется немало сноровки и труда. Но не

приходится жалеть ни сил, ни времени, когда речь идет о жизни и свободе.

Прежде всего пришлось построить хижину. Ночи были свежие и становились все холоднее, так как приближалась гималайская зима, и уже нельзя было спать на открытом воздухе даже возле ярко пылающего костра.

Итак, они построили грубую хижину из бревен и каменных глыб; пришлось прибегнуть к камням, так как трудно было раздобыть достаточное количество бревен нужной длины, а распиливать стволы было нечем.

Стены были толстые и прочные; щели замазали глиной, взятой со дна ручейка; крышей служил настил из осоки, срезанной на озере, а пол устлали листьями душистого рододендрона. В крыше проделали отверстие для выхода дыма. Небольшие гранитные глыбы служили табуретами, в столах не было надобности; матрацы заменял толстый настил сена и сухих листьев.

Такое жилище вполне удовлетворяло охотников. Они были слишком заняты мыслями о будущем и легко мирились с самой убогой обстановкой.

На постройку хижины они потратили всего один день. Будь под рукой бамбук, Оссару построил бы дом вдвое скорее и гораздо красивее.

На следующее утро охотники приступили к постройке моста.

Они решили разделить между собой работу. Карл и Оссару работали как дровосеки, орудуя топориком и большим ножом, а Каспар ходил на охоту, добывая дичь, и в случае нужды помогал товарищам.

Но Каспар был полезен не только тем, что добывал мясо. Им нужны были веревки — длинные, прочные веревки, — и они решили заменить их ремнями, вырезанными из шкур животных. Поэтому роль Каспара была очень важной. Потребуются два крепких, толстых ремня, сказал ему Карл, длиной в сто футов и еще много других ремней и ремешков. Чтобы добыть их, придется усердно поохотиться. Ведь на ремни пойдет не меньше десяти шкур. Каспар был создан для такой работы и горячо принялся за дело.

Необходимо было выбрать деревья для постройки. С самого утра на четырех деревьях были сделаны зарубки.

Это были сосны, известные под именем тибетских; они очень высокие, стройные, и ветви у них начинаются на высоте добрых пятидесяти футов над землей. Карл не брал особенно толстых деревьев, так как их пришлось бы слишком долго обстругивать, а для этого не имелось соответствующих орудий.

Он выбирал деревья, подходящие по толщине, которые было легче обрабатывать. Ободрав кору и отрубив комель, необходимо было придать стволу одинаковую толщину на всем его протяжении.

Но труднее всего было соединить по длине два ствола — эта работа требовала особенной сноровки и внимания.

Итак, каждый приступил к своему делу. Карл и Оссару отправились в сосновый бор, а Каспар стал собираться на охоту.

Глава XXXIII

ЛАЮЩИЙ ОЛЕНЬ

«Хорошо бы напасть на след того самого стада яков! — сказал себе Каспар, вскидывая двустволку на плечо и выходя из хижины. — Мне думается, это самые крупные животные в долине, и мясо у них недурное, особенно молодое. Интересно знать, сколько ремней можно выкроить из шкуры старого быка?»

Тут Каспар принялся вычислять в уме, сколько ярдов сыромятного ремня шириной в два дюйма можно сделать из шкуры яка-самца. Карл сказал, что такая ширина будет вполне достаточной, если шкура яка окажется не менее прочной, чем бычья.

Мысленно сняв шкуру с большого быка, разостлав ее на земле и измерив, молодой охотник пришел к выводу, что из нее получится около двадцати ярдов крепкого ремня.

Затем он таким же образом измерил шкуру коровы.

В стаде четыре коровы: раньше было пять, но одну убили. Каспар решил, что из шкуры коровы выйдет десять ярдов ремня, ибо корова чуть ли не вдвое меньше быка. К тому же шкура у нее тоньше и не такая прочная.

Были также молодые бычки и телки — всего четыре. Каспар успел их пересчитать во время охоты. Из шкур этого молодняка можно нарезать всего каких-нибудь тридцать ярдов. Таким образом, все шкуры — быка, коров и годовиков, — по расчетам Каспара, могут дать ремень длиной в девяносто ярдов. Как жаль, что не сто! Ведь Карл сказал, что ремень должен быть именно такой длины. В стаде, правда, были и маленькие телята, но от них не было никакого толку.

«Может быть, в долине не одно стадо яков, — продолжал размышлять Каспар. — Если так, то все благополучно. Еще один бык — и дело сделано».

Тут охотник снял с плеча двустволку, проверил кремни и затравку, снова вскинул на плечо и весело зашагал дальше.

Каспар не сомневался, что рано или поздно перебьет все стадо. Ведь животные, как и сам охотник, не могли выбраться из долины. Если они имели обыкновение уходить на другие пастбища, то должны были идти через ледник, но теперь путь был отрезан. Они были во власти охотника — можно сказать, в загоне.

По правде сказать, долину нельзя было назвать загоном. Она была шириной в добрую милю и едва ли не больше в длину. Это был маленький мирок. Местность была пересеченная. Множество холмов, высокие утесы; хаотически нагроможденные глыбы, поднимавшиеся на высоту нескольких сот футов; глубокие лощины, где в трещинах скал росли деревья. Были в долине и дремучие леса и густые, трудно проходимые заросли. О, здесь имелось множество убежищ, и самое глупое животное могло спрятаться от самого хитроумного охотника! Но все же добыча не могла окончательно уйти, и, хотя яки на время могли скрыться, они должны непременно вернуться, и Каспар надеялся со временем истребить их всех.

Каспару представлялся замечательный случай показать свое охотничье искусство. Освобождение его друзей и его самого зависело от него — на юношу была возложена ответственная задача раздобыть шкуры. Неудивительно, что нервы его были до крайности напряжены.

Выйдя из хижины, он направился вдоль берега озера. Несколько раз ему попадались китайские гуси и дикие утки, но, предвидя встречу с яками, он зарядил оба ствола пулями. Это было сделано в расчете на большого быка, ибо даже крупная дробь не пробила бы его толстой шкуры. Нечего было и думать стрелять по водяной птице. Он мог легко промахнуться, а между тем порох и свинец следовало экономить. Итак, он приберег заряд для лучшей добычи и зашагал дальше.

Некоторое время он шел вдоль берега озера, но яков не было видно; тогда он направился к утесам. Он надеялся найти стадо среди скал.

Карл, знакомый по книгам с привычками этих животных, рассказал ему, что они любят пастись среди скал и утесов.

Каспар прошел через лесок, и перед ним открылась небольшая поляна, поросшая густой, высокой травой; кое-где были разбросаны группы кустов и низкорослых деревьев.

Он шел осторожно, как подобает охотнику, оглядываясь по сторонам и чутко прислушиваясь.

Когда Каспар пересекал поляну, его внимание привлек странный звук. Он очень напоминал тявканье лисицы, которое Каспару не раз приходилось слышать на родине. Однако этот лай показался ему громче и отрывистее лисьего.

Пройдя несколько шагов, он увидел животное, ничуть не похожее на лисицу, но именно оно издавало эти звуки.

Каспар чуть не расхохотался, увидав, что тявкает не лисица, не собака и даже не волк, а животное, от которого никак нельзя было этого ожидать, — олень!

Это было маленькое изящное создание, не выше двух футов, причем рога были длиной в семь — восемь дюй-

мов. Его легко было принять за антилопу, но Каспар заметил у него на рогах отростки, совсем крохотные, длиной около дюйма. Несомненно, это представитель семейства оленей. У него была светло-рыжая шерсть, короткая и гладкая. Присмотревшись, Каспар обнаружил, что из уголков рта у животного торчат клыки, как у мускусной кабарги. Действительно, это был ее близкий родственник — какур, или лающий олень, названный так благодаря издаваемому им звуку, привлекающему внимание охотников.

В Индии встречается немало разновидностей лающих оленей, еще почти неизвестных натуралистам; к ним относится так называемый мунтжак. У него также имеются клыки и один отросток на стволе рогов.

Лающие олени нередко встречаются в предгорьях Гималаев и обычно не заходят выше семи — восьми тысяч футов; но иной раз они поднимаются по течению реки или по долине на значительно бо̀льшую высоту. Тот, которого увидел Каспар, очевидно, забрел в эту прекрасную долину летом, идя по леднику и побуждаемый любопытством или каким-нибудь инстинктом. Бедное маленькое создание! Ему не суждено было вернуться назад...

Но Каспар не сразу решился выстрелить: некоторое время он колебался, стоит ли тратить заряд на такого крошку, и даже позволил ему уйти.

Когда олень убегал, охотника удивил странный звук, издаваемый им на бегу, похожий на стук костяшек или кастаньет. Этот стук был слышен ярдов за пятьдесят, а может быть, и дальше; но внезапно животное остановилось, повернуло голову и снова начало тявкать.

Каспар не понимал, чем вызван этот странный стук, да и ни один натуралист не мог бы объяснить это явление; может быть, этот звук издавали копыта, вернее — половинки копыт, ударявшиеся друг о друга, когда ноги взлетали над землей.

Известно, что подобный же звук, только гораздо более громкий, издают копыта крупного лося.

Каспар недолго ломал голову над этим вопросом. Животное, стоявшее на расстоянии выстрела, было

слишком заманчивой мишенью, и первый же выстрел оборвал его тявканье.

— Не тебя я хотел убить, — сказал Каспар. — Но у старого оленя слишком жесткое мясо. Уж, наверно, ты, малыш, окажешься более нежным, и я уверен, что из тебя получится замечательное жаркое. Я повешу тебя на дерево, а потом вернусь за тобой.

С этими словами Каспар связал какуру ноги и повесил тушу на дерево.

Потом, снова зарядив правый ствол, он двинулся дальше на поиски яков.

Глава XXXIV

АРГУС

Каспар шел по-прежнему осторожно, намереваясь незаметно подкрасться к якам. Он оставил Фрица в хижине, так как собака была бесполезна при такой охоте.

Он действовал с такой необычайной осторожностью по двум причинам: во-первых, нужно было подойти к якам на расстояние выстрела; во-вторых, он опасался свирепого нрава животного.

Юноша не забыл, как вел себя старый бык при их первом знакомстве. Перед уходом Каспара Карл настоятельно его предостерегал, советуя действовать осторожно и не попадаться на рога быку. Поэтому Каспар решил не стрелять, если поблизости не окажется дерева или другого укрытия, куда можно будет спастись от преследований быка.

Он выбирал подходящее место для нападения, и это значительно усложняло охоту.

Он бесшумно продвигался вперед, пересекая лужайки, минуя перелески, пробираясь сквозь густые заросли. Выходя на открытое место или на прогалину, он всякий раз останавливался. прячась в кусты, и зорко осматривался. Ему не хотелось наскочить на яков и оказаться носом к носу со старым быком. Он не собирался подходить к ним ближе чем на пятьдесят — шестьдесят яр-

дов. Его ружье как раз подходило для стрельбы с такого расстояния.

Несколько раз ему перелетали дорогу крупные птицы; он обратил внимание на прекрасных фазанов-аргусов, которые красотой своего оперения почти не уступают павлину.

Эти птицы, заметив охотника, замирают на ветке, и нужен исключительно зоркий глаз, чтобы различить их в листве. Действительно, яркая раскраска их оперения, делающая аргуса таким заметным среди других птиц, помогает ему оставаться незаметным в листве. С головы до хвоста птица испещрена яркими золотистыми крапинами и благодаря этому сливается с фоном листвы. Будь эта птица менее яркой окраски, но одноцветной, ее куда легче было бы заметить. К тому же листва деревьев, если смотреть на нее снизу, пронизана солнечными бликами, на которые так похожи крапины, усеивающие оперение аргуса.

Быть может, таким путем природа охраняет красивую и довольно беспомощную птицу, ибо этот пернатый красавец плохо летает, и не будь у него способности прятаться, он легко становился бы добычей врагов.

Натуралисты и охотники уже давно заметили, что дикие животные принимают окраску окружающей их среды. Казалось бы, ягуары, леопарды и пантеры с их желтыми пятнистыми шкурами должны бросаться в глаза, но в действительности их трудно различить среди зарослей, в которых они обитают. Животное такой же величины, но одноцветное, было бы заметнее, чем они. Самая пестрота делает их невидимыми, так как многочисленные пятна как бы раздробляют большое их тело на множество мелких пятен, и неопытному глазу нелегко уловить контуры зверя на пестром фоне зарослей.

По этой же причине фазана-аргуса крайне трудно заметить среди листвы и сучьев, когда он сидит на дереве. Но, незаметный для охотника, он видит все, что происходит внизу. Он назван очень метко. Хотя глазки на его оперении и слепы, но у него есть два глаза, которые могут соперничать по зоркости с глазами пресло-

вутого стража, чье имя он носит[1]: аргус все время следит за охотником и сразу почует, что его заметили, и в тот момент, когда щелкнет курок, улетает, громко хлопая крыльями.

Но, как мы уже говорили, аргус плохо летает. Его главные маховые перья слишком малы, а второстепенные малоподвижны, поэтому он летает тяжело, как все птицы его породы. Зато он быстро бегает по земле, помогая себе крыльями, подобно дикой индейке, которой он приходится сродни. Когда аргус спокоен, его оперение не так ярко и красиво. Во всей своей красе он предстает перед самками. Тогда он распускает свои пестрые крылья — совсем как павлин. Хвост также развертывается и поднимается кверху, между тем как в обычное время он вытянут в одну линию с телом и два его длинных пера лежат одно на другом.

Аргус обитает в южной части Азии, хотя пределы его распространения еще не вполне изучены. Он встречается повсюду в Индии, а также в Китае.

Но аргус не единственный красивый фазан этих стран. Индия, вернее — Южная Азия, является также родиной настоящих фазанов. Натуралистам уже известно больше десяти видов этих птиц. Некоторые из них гораздо красивее райской птицы. Когда фауна Индийского архипелага будет глубже изучена, вероятно, там откроют еще несколько пород фазанов.

Глава XXXV

ОХОТА НА ЯКОВ

Каспар не собирался охотиться за аргусами и потому дал красивым птицам улететь невредимыми. Ему нужен был хрюкающий бык.

Где могло находиться стадо? Он обошел уже поло-

---

[1] Аргус — в древнегреческой мифологии стоокий великан, который охранял возлюбленную Зевса — Ио, превращенную в белую корову.

вину долины, не встретив яков; но в этом не было ничего странного. Среди скал и деревьев очень легко укрыться, а дикие животные, даже крупные, обладают такой способностью прятаться, что нередко удивляют охотника. Даже гигантский слон может скрыться в реденькой заросли, а огромный черный буйвол иной раз неожиданно выскакивает из кустов, которые не выше его самого. Мы знаем, что куропатка может притаиться в низенькой травке, а белка — вытянуться вдоль тонкой ветки, но и крупные дикие животные умеют прятаться в самом незначительном укрытии.

Это было известно молодому охотнику, и потому он не слишком удивился, что не сразу встретил яков. Первое нападение на них, при котором они потеряли двоих, сделало яков осторожными, а шум, производимый при постройке хижины, несомненно, заставил их уйти в самую уединенную часть долины; туда-то и направлялся теперь Каспар.

Он рассчитывал найти их где-нибудь в чаще и уже начинал жалеть, что не взял с собой Фрица, как вдруг увидел все стадо. Животные спокойно щипали траву на открытой поляне. Телята, как и в тот раз, играли друг с другом, прыгали, тоненько похрюкивали, как поросята. Коровы и годовички беспечно паслись, по временам приподнимая голову и оглядываясь, но в их взгляде не было ни малейшей тревоги. Быка не было видно.

«Где же может он быть? — спросил себя Каспар. — Или это другое стадо? Раз, два, три... — И он начал пересчитывать животных. — Нет, по-видимому, это те же самые, — продолжал он рассуждать. — Три коровы, четыре годовика, телята — их как раз столько же, только нет быка. Где же спрятался этот старый негодяй?»

Каспар внимательно оглядел всю прогалину и опушку леса, но быка нигде не было видно.

«Куда же девался старый ворчун? — снова спросил себя Каспар. — Что, если он ушел один или с другим стадом? Нет, наверняка в долине оно только одно. Яки — животные общительные, — так говорил Карл.

Если бы их было больше, они собрались бы здесь все. Должно быть, бык ушел один, по какому-нибудь своему делу. Я думаю, что он недалеко. Вероятно, притаился в кустах. Готов биться об заклад, что старый як придумал какую-нибудь хитрость. Он охраняет стадо, а сам остается невидимым. Это дает ему преимущество перед всяким врагом, какой вздумает на них напасть. Если бы волку, медведю или другому хищнику пришло в голову сейчас напасть на телят, он наверняка стал бы подкрадываться в этих зарослях. Да я и сам бы так поступил, если бы не подозревал, что там находится бык. Прячась за деревьями и под кустами, я потихоньку подобрался бы как можно ближе. Но теперь я не стану этого делать: я почти не сомневаюсь, что старый як притаился вон в тех кустах. Он кинется на меня, как только я туда направлюсь, а в этой заросли нет ни одного большого дерева, так что и кошке не спастись, если он за нею погонится. Только мелкие кустики и терновник. Это не годится — я не стану подкрадываться к ним с этой стороны. Но откуда же мне подойти к ним? Другого прикрытия нет... А, вон тот валун пригодится!»

Каспар уже давно заметил валун — в тот самый момент, когда увидел стадо. Его нельзя было не приметить: он лежал посреди прогалины, и его не закрывали ни кусты, ни деревья. Это был огромный четырехугольный камень, величиной с сарай, с ровной, как площадка, вершиной. Но Каспар не собирался за ним прятаться: чаща кустарника казалась ему более надежной.

Однако теперь, когда Каспар боялся встретиться в зарослях с быком, он остановил внимание на валуне.

Если он будет идти так, чтобы валун оставался между ним и яками, животные его не заметят, и он сможет приблизиться к стаду на расстояние выстрела. Каспару казалось, что стадо тоже приближается к валуну, и он рассчитывал, что к тому времени, как сам доберется до камня, оно окажется достаточно близко и он сможет прицелиться в самое крупное животное.

Не выходя из зарослей, в которых он стоял все это время, Каспар стал продвигаться вдоль опушки, пока валун не оказался между ним и стадом. Хотя камень

был очень велик, он не вполне закрывал стадо, и нужно было подкрадываться крайне осторожно, чтобы приблизиться к животным, не испугав их. Каспар сообразил, что если ему удастся незаметно пройти первые сто ярдов, то валун заслонит его от стада и он сможет спокойно идти дальше. Но первые шаги будут очень опасны. Придется продвигаться ползком. Каспар не раз подкрадывался к сернам в своих родных горах, и ему частенько приходилось ползать по скалам и камням, по снегу и льду. Поэтому проползти каких-нибудь сто ярдов было для него сущим пустяком.

Недолго думая он опустился на колени, затем распластался на траве и пополз, как огромная ящерица. К счастью, трава, вышиной в добрый фут, скрывала его от взглядов животных. Он продвигался, толкая перед собой ружье и время от времени осторожно приподнимая голову над травой и следя глазами за стадом. Когда оно изменяло направление, он тоже слегка отклонялся в сторону и старался так держаться, чтобы валун все время находился между ним и стадом.

Минут через десять охотник очутился шагах в тридцати от валуна. Теперь камень целиком его скрывал. Каспару надоело ползти, и он рад был снова встать на ноги. Вскочив, он пустился бежать и через миг уже спрятался за валуном.

Глава XXXVI

КАСПАР ОТСТУПАЕТ К ВАЛУНУ

Только теперь Каспар заметил, что каменная глыба состоит из двух камней разной величины. Тот, что покрупнее, как мы уже сказали, был величиной с небольшой домик или с порядочный стог сена; тот, что поменьше, — не больше фургона. Они лежали почти вплотную друг к другу; между ними был узкий промежуток, шириной в фут, что-то вроде коридора. Этот промежуток напоминал трещину. Вероятно, обе глыбы некогда составляли одну огромную скалу, которая раскололась в результате какого-то землетрясения.

Каспар почти бессознательно отметил все эти особенности скалы. Он искал глазами место, откуда можно было бы стрелять в животных, оставаясь для них невидимым. На поверку валун оказался плохим прикрытием: у него были гладкие отвесные бока, ни одного выступа, на который можно было бы опереть ружье; ни одной выбоины, чтобы спрятаться. Вершина валуна слегка нависала, так как была шире основания. Вокруг него не было ни кустика, ни высокой травы — скрыться решительно негде. Земля была почти голая, вся растительность вытоптана — по-видимому, это было любимое место отдыха яков — их «скребница». В самом деле, кругом на земле виднелись следы яков — некоторые из них совсем свежие и такие крупные, что, без сомнения, это были следы быка.

Вид этих широких свежих следов навел Каспара на невеселые размышления: «Что, если як стоит по другую сторону валуна?» Охотник был в затруднении. До этой минуты ему не приходило в голову, что бык может оказаться за скалой.

«Гром и молния! — воскликнул про себя Каспар. — Если он там, то, чем скорее я вернусь в лес, тем лучше для меня. Как я об этом не подумал! Он затопчет меня в полминуты. Бежать некуда... А-а! Какая удача!»

Восклицание это вырвалось у охотника, когда он бросил взгляд наверх. Он заметил, что у того валуна, который поменьше, одна сторона была пологой и по ней легко будет взобраться на вершину, а оттуда можно перебраться на большой валун.

«Вот это здорово! — размышлял Каспар. — Там я буду в безопасности и смогу быстро туда взобраться, если бык за мной погонится. Валун ничуть не хуже дерева. Он меня спасет. Есть там бык или нет — я буду стрелять!»

Он еще раз осмотрел ружье и, опустившись на колени, пополз, огибая большой валун.

То и дело он осматривался по сторонам, глядя с опаской на выступ, за которым, как он думал, скрывался бык. По временам он прислушивался, ожидая услышать дыхание или хрюканье старого яка.

«Если бык за валуном, то я уже совсем близко от него, — подумал Каспар, — и вполне могу услышать его дыхание». Один раз охотнику даже почудилось, что он слышит хрюканье. Но сознание, что он сможет в любой момент взобраться на камень, придавало ему уверенность.

Все эти размышления и действия заняли не более пяти минут. Еще минуту-другую он полз, огибая валун, и наконец увидел стадо.

Быка все еще не было видно. Вероятно, он стоял за камнем. Теперь стадо находилось прямо против Каспара, на расстоянии выстрела, и, позабыв о быке, он решил стрелять в ближайшее к нему животное.

В одно мгновение юноша вскинул ружье, нажал на спуск — грянул выстрел, и эхо гулко прокатилось по долине.

Одна из коров упала на траву, убитая наповал. Раздался второй выстрел, и пуля перебила ногу молодому бычку, который, хромая, потащился к кустам. Остальные яки опрометью бросились прочь и мигом скрылись в зарослях.

Возле упавшей коровы остался маленький теленок. Он бегал вокруг, подскакивая к ней и тоненько похрюкивая; видимо, он был ошеломлен и не понимал, что такое стряслось с его матерью.

При других обстоятельствах Каспару стало бы жалко теленка, так как, несмотря на страсть к охоте, сердце у него было доброе. Но сейчас ему было не до жалости. Он поспешил снова зарядить ружье, прицелился в теленка, и палец его уже лежал на спуске, когда послышался звук, от которого у него ёкнуло сердце. Рука дрогнула — и годовичок получил пулю не в грудь, а в ногу. Каспара испугало хрюканье старого быка; оно показалось ему таким близким, что охотник опустил ружье и стал озираться по сторонам, думая, что животное рядом с ним.

Он не увидел быка, но был уверен, что тот находится всего в нескольких футах, за валуном. Опомнившись, Каспар вскочил на ноги, как молния бросился к камню и начал на него взбираться.

Глава XXXVII

ВСТРЕЧА С РАЗЪЯРЕННЫМ БЫКОМ

Каспар быстро поднимался по откосу более низкого валуна. Он озирался по сторонам, ожидая, что бык вот-вот выскочит из-за угла. Но, к его удивлению, як все не появлялся, хотя, огибая валун, Каспар несколько раз слышал его грозное хрюканье.

Очутившись на верху невысокого валуна, он решил взобраться оттуда на вершину большого. Там он окажется в полной безопасности, оттуда будет видна вся поляна, и он сможет следить за быком. Юноша ухватился за выступ и стал подтягиваться кверху. Задача была нелегкая, ибо край валуна приходился на уровне его подбородка. Пришлось пустить в ход всю свою силу и ловкость.

Подниматься было так трудно, что Каспар даже не заглянул на площадку. Но, очутившись наверху, охотник с ужасом увидел, что он не один. Бык тоже был там!

Да, он все время находился на широкой каменной площадке; вероятно, спокойно лежал, греясь на солнце и следя, как пасется внизу на лужайке его стадо. Так как он лежал на дальнем краю площадки, то охотник его не увидел, приближаясь к валуну. Каспар не подумал даже взглянуть в ту сторону, как не стал бы искать старого быка на вершинах деревьев. Он совершенно забыл слова Карла, уверявшего, что яки очень любят лежать на вершинах скал и на больших валунах, — иначе он не попал бы в такое затруднение.

Увидев быка, молодой охотник остолбенел от ужаса; несколько мгновений он стоял как вкопанный, не зная, что предпринять.

К счастью, бык стоял на дальнем конце площадки, наблюдая за тем, что делается в долине. Он очень тревожился за свое семейство и громко хрюкал, словно призывая своих назад. Он не мог понять, что вызвало такую суматоху, хотя был уже знаком с ужасными последствиями этих громких звуков. Он подошел к самому краю, словно собираясь спрыгнуть с вершины, за-

быв о том, что гораздо безопаснее спуститься по отлогому склону.

Когда Каспар карабкался на площадку, бык услыхал, как звякало ружье, ударяясь о камень, и как только юноша встал на ноги, як повернулся, и взгляды их встретились.

На мгновение оба замерли. Каспар оцепенел от ужаса; его противник, вероятно, был изумлен неожиданной встречей. Правда, пауза была краткой. В следующий миг разъяренный як ринулся вперед, издавая свирепое хрюканье.

Избежать столкновения было невозможно, увернуться некуда! Даже самый искусный матадор не мог бы уклониться от рогов быка на таком тесном пространстве. К тому же Каспар стоял у самого края валуна.

Оставалось только спрыгнуть с площадки на нижний утес и спуститься вниз тем же путем, каким он поднялся. Это и сделал Каспар, повинуясь инстинкту самосохранения.

Скатившись кубарем по склону нижнего валуна, он упал ничком на землю и услышал стук копыт по камню у себя за спиной, и через миг бык ринулся вслед за ним с валуна.

К счастью, Каспар не разбился, и, к счастью, сила инерции, заставившая его упасть ничком, бросила его врага на землю довольно далеко от него. И не успел бык подняться, как молодой охотник вскочил на ноги.

Но куда бежать? Деревья были слишком далеко — ему ни за что не добежать до них! Не успеет он пробежать и половину прогалины, как свирепый зверь догонит его и пронзит своими ужасными рогами... Куда деться? Куда?..

В смятении и нерешительности он повернулся и кинулся обратно к большому валуну.

На этот раз он быстрее взбежал по его склону и ловчее поднялся на площадку, но у него не было надежды на спасение. Он действовал безотчетно, в порыве смертельного ужаса.

Огромное животное мгновенно тоже взбежало по склону и вспрыгнуло на площадку с легкостью серны

Небо потемнело над Каспаром...

или дикой козы. С пеной у рта и горящими глазами бык бросился вперед.

Каспар почувствовал, что пришла его последняя минута. Он пробежал гранитную площадку и стоял на самом ее краю. Вернуться назад и спуститься по склону было невозможно: мстительный враг преграждал путь. Оставалось либо спрыгнуть с валуна, либо быть сброшенным вниз рогами свирепого быка. Высота была головокружительная — больше двадцати футов! — но другого выхода не было. И Каспар бросился в пустоту...

Он упал на ноги, но страшный толчок ошеломил его, и он свалился. В следующий миг небо над ним потемнело — это бросился вслед за ним огромный бык, — и тотчас же он услышал, как копыта яка тяжело стукнулись о камни.

Охотник с трудом поднялся на ноги и тут же снова упал. Одна нога отказывалась служить. Он понял, что случилось что-то неладное, — вероятно, у него сломана нога.

Но даже эта страшная мысль не сломила духа отважного юноши. Он увидел, что бык тоже очнулся и снова приближается к нему. Тогда Каспар подполз к валуну, волоча за собой больную ногу.

Вы подумаете, что надежды для Каспара больше нет и разъяренный бык, ринувшись, наверняка затопчет его насмерть. Так и случилось бы, если бы у Каспара не хватило духа на новое усилие.

Повернувшись к валуну, он увидел в нескольких шагах от себя расселину — и у него вспыхнула надежда.

Как мы уже говорили, она была шириной около фута, но кверху постепенно суживалась, так что глыбы соприкасались верхушками.

Каспар тотчас же сообразил, что́ ему делать. Если ему удастся добраться до трещины и вовремя в нее заползти, он будет спасен. Трещина достаточно широка, чтобы он мог туда залезть, но окажется слишком тесной для его врага.

Он быстро пополз на четвереньках, подгоняемый отчаянием. Очутившись возле трещины, он ухватился за выступ камня и забрался внутрь. Еще секунда — и бы-

ло бы поздно. Он услышал, как бык ударился рогами о края трещины; вслед за ударом раздалось свирепое хрюканье.

У охотника вырвался крик радости: он понял, что спасен.

Глава XXXVIII

КАСПАР В РАССЕЛИНЕ

Каспар глубоко вздохнул, переводя дух. От пережитого ужаса, от стремительного бега, от прыжков по скалам и от боли у него захватило дыхание. Еще минута — и он потерял бы сознание.

Встретив неожиданное препятствие, бык, казалось, еще больше рассвирепел. Он бросался из стороны в сторону, издавая гневное ворчание, и по временам ударял рогами о скалы, словно надеясь разбить их и добраться до своей жертвы. Один раз он даже просунул голову в трещину, и покрытая пеной морда чуть не коснулась Каспара. К счастью, широкая, мохнатая грудь быка не могла просунуться дальше, и ему с трудом удалось высвободить рога из расселины.

Каспар воспользовался этим и, схватив первый попавшийся камень, начал так яростно колотить быка по морде, что животное быстро отскочило от валуна. И хотя оно продолжало метаться у входа в расселину, но уже не решалось повторить нападение.

Почувствовав себя в безопасности, Каспар с беспокойством подумал, что у него сломана нога. Неизвестно, сколько времени ему придется просидеть здесь взаперти, — он знал, что мстительный як ни за что не уйдет, пока перед ним будет находиться его враг. Эти животные готовы разорвать на клочки разозлившее их существо, но, как только потеряют его из виду, словно забывают о нем.

Бык вовсе не собирался уходить. Он расхаживал взад и вперед, свирепо хрюкая и время от времени ударяя рогами о край расселины, как будто все еще надеясь достать свою жертву.

Каспар теперь смотрел равнодушно на маневры врага. Его гораздо больше занимала нога, и он стал ее исследовать, как только ему удалось поудобнее устроиться.

Он осторожно ощупал ногу книзу от колена, так как знал, что бедро у него цело. Он опасался, что кость сломана у щиколотки. Нога распухла и посинела, но признаков перелома Каспар не обнаружил.

«В конце концов, — сказал он себе, — возможно что я только ее вывихнул. Если так, то еще не беда».

Он продолжал осмотр, пока наконец не пришел к заключению, что у него только вывих.

К нему опять вернулось хорошее настроение; правда, нога сильно болела, но Каспар умел стоически переносить боль.

Он начал размышлять о своем положении. Как избавиться от этой свирепой осады? Услышат ли Карл и Оссару, если он закричит? Едва ли. Он почти в миле от них, их отделяют от него леса и холмы. К тому же они, вероятно, рубят деревья и ни за что не услышат его призыва. Но ведь они не все время будут работать, а он будет кричать без передышки. Он уже заметил, что в долине, со всех сторон замкнутой утесами, звуки разносятся на большое расстояние, повторенные эхом. Без сомнения, Карл и Оссару в конце концов его услышат, особенно если он пронзительно свистнет; ведь Каспар умел свистеть очень громко и часто вызывал эхо в Баварских горах.

Он готов был вызвать эхо и в Гималаях и уже поднес пальцы к губам, когда ему пришло в голову, что этого не следует делать.

— Нет,—сказал он после краткого размышления,— я не стану их вызывать. Я знаю, что мой свисток призовет Карла. Брат прибежит на мой сигнал. Я не смогу его остановить, и он побежит прямо к этим скалам и попадет на рога к быку! Нет, я не имею права рисковать жизнью Карла. Не буду свистеть!

И он отнял пальцы от губ.

— Если бы только у меня было ружье, — сказал он после паузы, — если бы только у меня было мое ружье,

я бы живо расправился с тобой, гадкая скотина! Благодари свою судьбу, что я его бросил!

Ружье выпало из рук Каспара в момент, когда он повалился ничком, спрыгнув с валуна в первый раз. Без сомнения, оно лежит там, где упало, но он не знал, в какую сторону оно отлетело.

— Если бы не нога, — размышлял он вслух,— я бы еще мог выбежать за ним. О, только бы мне достать ружье! Мне бы удалось прикончить старого ворчуна, прежде чем он успеет махнуть хвостом. Уж я бы с ним расправился!.. Постой! — продолжал охотник, помолчав несколько минут. — А ведь ноге, кажется, лучше. Она сильно распухла, но не очень болит. Это только вывих! Ура, это только вывих!.. Клянусь честью, я попытаюсь достать ружье!

Каспар встал на ноги и, держась за стенки, направился к выходу. Он мог свободно продвигаться вперед, так как расселина была всюду одинаковой ширины.

Но — странное дело! — увидев, что охотник направился к противоположному концу трещины, старый бык кинулся туда и уже приготовился поднять его на рога.

Каспар не ожидал от быка такой хитрости. Он надеялся, что ему удастся сделать вылазку с одной стороны валуна, пока враг сторожит другой выход; но теперь он убедился, что животное не уступает ему в хитрости. Валун был не так велик — бык живо обежит вокруг и догонит его, если он осмелится отойти футов на шесть от выхода.

Он попробовал было сделать такую вылазку, но был загнан обратно в расселину противником, который едва не задел его рогами. Теперь як стал еще внимательнее следить за своей жертвой, ни на минуту не спуская с нее глаз.

Однако охотник кое-что выиграл от своей вылазки. Он разглядел, где лежит его ружье, и рассчитал расстояние до него. Будь у него хоть тридцать секунд, он достал бы оружие. Он начал ломать голову, как бы отвлечь внимание врага.

Внезапно у Каспара возник план, и он решил его испробовать.

Як стоял у самого отверстия трещины, опустив голову чуть не до земли; он свирепо вращал глазами, и из пасти у него капала пена.

Каспар мог бы ткнуть быку в голову копьем, будь оно у него, или ударить дубиной.

«Нет ли способа ослепить это животное?» — подумал он.

— А, клянусь честью, я придумал! — воскликнул он, когда ему пришла счастливая мысль.

Он быстро снял через голову свою пороховницу и пояс; потом, сняв куртку, растянул ее, насколько позволяла ширина трещины. Затем он стал приближаться к выходу из расселины, надеясь, что ему удастся набросить куртку быку на рога и, ослепив его на несколько мгновений, выбежать за ружьем.

Идея была хорошая, но — увы! — ее не удалось привести в исполнение. Расселина была очень узкая — Каспар был стеснен в движениях и не смог достаточно метко бросить куртку. Она упала быку на лоб; он отшвырнул ее презрительным движением головы и продолжал наблюдать за противником.

На мгновение Каспар упал духом; понурив голову, он вернулся в глубь расселины.

«В конце концов, пожалуй, придется вызвать Карла и Оссару, — подумал он. — Нет, нет! Подожду их вызывать. Я нашел новый выход. И на этот раз мой план удастся, клянусь честью!»

Он схватил пороховницу и вынул из нее пробку. Затем снова подполз к выходу, возле которого стоял бык. Держа пороховницу за широкий конец и вытянув руку как можно дальше, он насыпал кучку пороха на самое ровное и сухое место, потом, постепенно притягивая пороховницу к себе, сделал дорожку длиной в несколько футов.

Хрюкающий як не подозревал, какой сюрприз его ожидает.

Каспар достал кремень, огниво, трут, в один миг высек искру и поджег пороховую дорожку.

Как он и рассчитывал, бык был напуган вспышкой и окутан густым сернистым дымом. Слышно было, как

животное мечется по сторонам, не зная, куда бежать. Этого мига и ждал Каспар, стоявший наготове, — он тотчас же выскочил из расселины и кинулся к ружью.

Он поспешно схватил его и, забывая о вывихнутой ноге, помчался назад с быстротой оленя. Но даже и теперь он едва успел отступить, так как бык, оправившись от неожиданности, увидел его, погнался и снова ударился рогами о валун.

— Ну, — сказал Каспар, обращаясь к своему свирепому врагу, — на этот раз ты скорее испуган, чем ранен, но в следующий раз, когда я зажгу порох, дело будет посерьезнее... Стой где стоишь, старик! Дай мне еще минуту — и я покончу с этой осадой. Не жди от меня пощады!

С этими словами Каспар стал заряжать ружье. Он зарядил оба ствола; впрочем, хватило бы и одного, потому что первый же выстрел сделал свое дело — свалил старого быка и навсегда прекратил его хрюканье.

Каспар вышел из расселины, приложил пальцы к губам — и громкий свист разнесся далеко по долине. Такой же свист раздался в ответ из леса. Через четверть часа Каспар увидел, что к нему бегут Карл и Оссару. Вскоре они слушали рассказ Каспара о его приключении и поздравляли со спасением.

Убитых яков ободрали, разрубили туши на куски и понесли к хижине. Неподалеку они заметили раненого молодого быка, и Оссару прикончил его ударом копья; его также ободрали и разрубили. Все это сделали Карл и шикари: у Каспара разболелась нога, и им пришлось нести его на спине.

Глава XXXIX

ТАР

У Карла и Оссару тоже было приключение, хотя и не такое опасное, как у Каспара. На этот раз они были скорее зрителями, чем участниками. Настоящим героем был Фриц: пес вышел живым из схватки, получив большую рану в бок.

Они выбрали сосну и начали ее рубить. Из лесу послышался странный шум — смесь тявканья и воя. Охотники прервали работу и стали прислушиваться. В этом месте лес был негустой; среди кустарника кое-где поднимались сосны, и можно было видеть на большое расстояние.

Внезапно мимо них пробежало, видимо спасаясь, какое-то крупное животное. Бежало оно не слишком быстро, и они успели хорошо его разглядеть. Крепкие заостренные рога, дюймов в двенадцать, показывали, что оно принадлежит к парнокопытным. Шерсть у него была жесткая и грубая, спина темно-бурая, бока рыжеватые, живот еще светлее; на шее, передних ногах и по бокам шерсть была очень длинной и свисала, словно грива; шея толстая, а голова довольно крупная. Рога были загнуты назад и почти касались шеи; ноги толстые и сильные; вид у этого животного был довольно нелепый, и бежало оно тяжело и неуклюже.

Ни Карл, ни Оссару еще не видели подобного животного, но они решили, что это тар — разновидность породы антилоп, называемая козерогом; в Ост-Индии их имеется несколько видов.

И в самом деле это был тар.

Но тар был не один. Правда, он бежал не слишком быстро, но со всей скоростью, на какую был способен. Он убегал от стаи зверей, которые гнались за ним по пятам. Карл принял их за волков, но Оссару сразу узнал диких красных собак. Их было около дюжины, каждая ростом с волка; у них были длинные шеи и туловища, довольно длинные морды, длинные прямые уши с закругленными концами. Шерсть рыжая, на животе светло-бурая; хвост длинный, пушистый, на конце темный, между глазами темное пятно, придававшее им свирепое, волчье выражение. Они-то и издавали вой и тявканье, яростно преследуя тара.

Услыхав этот дикий концерт, Фриц стал метаться, явно желая к ним присоединиться. Хорошо, что Карл перед началом работы привязал его к дереву, чтобы пес не попал в какую-нибудь беду. Фрицу волей-неволей пришлось остаться на месте.

Тар и собаки промчались мимо и вскоре исчезли из виду, хотя вой еще раздавался вдали.

Через некоторое время вой стал громче, и охотники, заметив, что животные возвращаются в их сторону, прервали работу, желая посмотреть, чем все это кончится. Снова на полянке показался тар, а собаки по-прежнему бежали за ним по пятам.

Они опять исчезли, но через некоторое время шум стал вновь нарастать, и охотники с удивлением увидели, что собаки снова гонят тара по лесу.

Видно было, что собакам ничего не стоит догнать тара, — они не отставали от него, и каждая могла бы вцепиться ему в горло. Казалось, они гонят его для забавы и могут окончить травлю когда захотят.

Охотники были отчасти правы. Дикие собаки могли бы в любой момент перегнать тара, но они и делали это, так как не раз уже заставляли его поворачивать. Но вместе с тем они гнали его не только для забавы. Они гоняли свою жертву взад и вперед для того, чтобы загнать ее ближе к своим логовищам и избавить себя от труда тащить туда ее тушу. Такова была цель красных собак, и этим объяснялось их странное поведение. Оссару, хорошо знакомый с дикими собаками, уверял Карла, что, когда у них родятся щенята, они гоняют крупных животных с места на место, до тех пор пока не загонят поближе к своим логовам, и там прыгают на жертву, перегрызают ей горло; а щенята сбегаются к туше и терзают ее в свое удовольствие.

Охотник за растениями уже слышал об этой странной повадке и наблюдал ее у диких собак Южной Африки, так что не очень удивился рассказу Оссару.

Впрочем, Карл и Оссару вели эту беседу несколько позже. В данный момент они были слишком поглощены этим зрелищем — тар снова промчался ярдах в двадцати от того места, где они стояли.

Казалось, он был вконец затравлен, и чувствовалось, что преследователи скоро его свалят. Но этого они, видимо, не хотели делать. Им нужно было угнать его еще немного подальше.

Однако животное не собиралось им уступать, хотя

Фриц никогда еще не видел тара,

выбивалось из сил. На пути ему попалось большое дерево — ствол имел несколько футов в диаметре; у основания оно разветвлялось в разные стороны, причем развилка была так глубока, что там вполне поместилась бы лошадь. Именно такого места искал тар — он бросился к дереву, вскочил в развилку и, повернувшись к врагам, приготовился к обороне.

Этот внезапный маневр, видно, сбил с толку свирепых преследователей. Многие из них были знакомы с таром и испугались направленных на них рогов. Они знали, что, заняв такую позицию, он становится опасным противником.

Поэтому почти все старые собаки отступили, поджав хвост. Но в стае было несколько молодых собак, быстрых и горячих, — им стыдно было опускать хвост перед врагом, и они тотчас же набросились на тара. Последовала сцена, глядя на которую Оссару хлопал в ладоши и хватался за бока от смеха. Завязалась отчаянная битва. Со всех сторон налетали дикие собаки, но в следующий миг с визгом отползали назад, раненые, ис-

по сразу кинулся на него.

калеченные. Одна или две уже лежали, пронзенные насмерть острыми рогами тара. Оссару наслаждался этой сцепой, так как питал большое отвращение к диким собакам, нередко отбивавшим у него добычу.

Неизвестно, чем окончился бы этот бой, так как он был внезапно прерван. Фрицу удалось сорваться с привязи, и он тотчас же помчался к месту свалки. Дикие собаки были испуганы его появлением не меньше, чем их жертва, и, не желая знакомиться с пришельцем, все как одна разбежались и вскоре исчезли в лесу.

Фриц никогда еще не видал тара, но, считая, что это настоящая дичь, сразу же кинулся на него. Легче было бы ему справиться с саксонским диким кабаном! Тар нанес псу несколько ударов рогами; борьба была упорная и длилась бы еще долго, если бы Карл не пришел на помощь Фрицу, одним выстрелом покончив с таром.

Охотников интересовала только шкура тара, так как мясо у него жесткое и невкусное. Однако жители Гималаев усердно охотятся на тара, тем более что охота эта считается нетрудной, а вкус у них неприхотливый.

Глава XL

ОССАРУ И ДИКИЕ СОБАКИ

Как мы уже сказали, Оссару всей душой ненавидел диких собак. Они часто перехватывали у него добычу, когда он уже готов был подстрелить антилопу или оленя, а сами не стоили выстрела: мясо у них несъедобное и шкуру почти невозможно продать. Оссару считал их нечистыми животными, которых следует уничтожать.

Поэтому шикари ликовал, видя, что старый тар избивает своих врагов.

Но Оссару суждено было в этот же вечер жестоко поплатиться за свое злорадство. Его ожидало еще одно приключение, о котором мы сейчас расскажем.

Поляна, где были убиты яки, находилась далеко от хижины — их разделяли добрых три четверти мили. Карлу и Оссару пришлось несколько раз ходить туда и обратно, чтобы перенести мясо и шкуры. Каспар лежал с вывихнутой ногой и не мог им помочь. Мы уже сказали, что его самого пришлось нести домой.

Они перетаскивали мясо до самого вечера; начало смеркаться, а между тем оставалось принести еще четверть туши. За этой последней четвертью Оссару отправился один, а товарищи занялись приготовлением ужина.

Разрубив туши на куски, охотники предусмотрительно развесили мясо высоко на ветвях, чтобы дикие звери не могли его достать. Они знали по горькому опыту, что в долине множество хищников, которые могут уничтожить бычью тушу в несколько минут. Правда, им было неизвестно, какой хищник утащил мясо самки яка. Карл и Каспар думали, что это волки, так как волки различных пород встречаются во всех частях света, а в Индии их несколько видов: например, ландгах, или индийский волк, бериа — волк желтой масти, ростом с борзую, с длинными прямыми ушами, как у шакала. Там встречается и шакал и обыкновенная, или пятнистая, гиена, поэтому трудно было сказать, какой из этих хищников произвел грабеж. По мнению Оссару, это сделали не волки, а дикие собаки — быть может, та самая

стая, которая в этот день гналась за таром. По существу, большой разницы нет, ибо эти дикие собаки — скорее волки, чем собаки, и не менее свирепы и прожорливы, чем волки. Но вернемся к Оссару.

Когда шикари возвратился на поляну, он был не слишком удивлен, увидев множество шнырявших там диких собак. С полдюжины их собралось под деревом, где висело мясо; некоторые подпрыгивали кверху, и все смотрели на соблазнительный кусок жадными, голодными глазами. С обрезками и потрохами они уже покончили — не оставалось ни кусочка. Оссару пожалел, что не захватил с собой ни лука со стрелами, ни копья — словом, никакого оружия. Даже свой длинный нож он оставил, чтобы удобнее было нести увесистую четверть туши.

Но Оссару не устоял перед искушением попугать проклятых собак и, набрав крупных камней, бросился прямо в середину стаи, швыряя камни направо и налево.

Ошеломленные внезапным нападением, собаки шарахнулись в кусты. Но Оссару заметил, что они не слишком-то испуганы: иные из них отступали нехотя, злобно ворча; отойдя на несколько шагов, останавливались и, казалось, готовы были вернуться.

Первый раз в жизни Оссару ощутил что-то похожее на страх перед дикими собаками. Он привык нападать на них, как только завидит, и они всякий раз разбегались, стоило ему крикнуть. Но таких огромных и свирепых собак ему еще не приходилось встречать, и у них был явно воинственный вид.

Между тем стемнело, а ночью такие звери становятся куда смелее, чем днем. Действительно, темная тропическая ночь — самое подходящее время для грабежа и нападений. К тому же эти собаки, вероятно, никогда еще не встречали человека, а потому и не обнаруживали перед ним страха.

Шикари стало не по себе — ведь он был совсем один, да к тому же безоружен.

Он расшвырял все камни, но несколько собак еще оставались на поляне; в серых сумерках они казались гораздо больше, чем на самом деле.

Оссару хотел было набрать еще камней, чтобы расправиться с собаками, но, поразмыслив, решил, что лучше их не затрагивать. Ведь он уже почти разогнал собак, а если их разозлить, они могут наброситься на него всей стаей. Итак, он решил оставить собак в покое и делать свое дело.

Он поспешно снял мясо с дерева и, взвалив его на плечи, зашагал по направлению к хижине.

Не прошел он и нескольких шагов, как ему стало казаться, что собаки идут за ним следом. Вскоре он в этом убедился, услыхав за спиной шелест сухих листьев и приглушенное рычание. Шикари шел, согнувшись под тяжестью мяса, и не мог повернуть голову и осмотреться по сторонам.

Но топот лап слышался все ближе, все громче тявканье и рычание. Опасаясь, как бы на него не напали сзади, Оссару остановился и обернулся.

Зрелище, которое ему представилось, могло нагнать ужас даже на храбреца. Он ожидал увидеть собак шесть, но их было несколько десятков разного возраста и размера. Казалось, на него ополчились все собаки, обитавшие в долине.

Но отважный шикари не упал духом. Он слишком презирал диких собак, чтобы их испугаться, и решил снова отогнать свору.

Прислонив свою ношу к дереву, он наклонился и начал шарить по земле. Набрав крупных камней, величиной с добрый булыжник, он отошел на несколько шагов и стал изо всех сил швырять их в своих преследователей, целясь прямо в морды. Ему удалось ранить нескольких собак, которые с воем убежали прочь; но самые сильные и свирепые не отступили, только злобно ощерились и зарычали; в лунном свете зловеще поблескивали их оскаленные зубы.

Оссару понял, что ничего не выиграл от этой новой стычки, и, взвалив мясо на плечи, двинулся дальше, но вскоре заметил, что собаки не отстают от него.

У него был уже соблазн бросить мясо, но внезапно ему пришла счастливая мысль — он придумал, как избавиться от своих отвратительных спутников.

Оссару уже приближался к озеру. Его отделяла от хижины широкая полоса воды — залив озера. Он знал, что залив довольно мелкий и его можно перейти вброд. Еще сегодня он переходил его, сокращая дорогу. Сейчас он находился ярдах в ста от этого брода; быть может, он успеет добежать до воды прежде, чем собаки нападут на него. Он бросится в воду, и это их отпугнет. Как ни дерзки его враги, они, конечно, не пустятся за ним вплавь.

Тут он снова вскинул мясо на плечи и быстро зашагал к озеру. Ему не было времени осматриваться по сторонам. Он и без того знал, что стая бежит за ним по пятам, ибо по-прежнему раздавались топот, взвизгивание и рычание. Эти звуки все приближались, и, когда наконец Оссару подошел к озеру, ему показалось, что он чувствует горячее дыхание зверей у себя на ногах.

Он спустился с берега и быстро пошел по дну, по колено в воде. Теперь он уже ничего не слышал, кроме плеска рассекаемой им воды, и не оглядывался на своих преследователей, пока не выбрался на другой берег залива. Тут он остановился и огляделся. К его досаде, вся стая плыла за ним, как гончие за оленем. Они уже находились на середине залива. Конечно, собаки не сразу решились пуститься вплавь, что позволило Оссару довольно далеко уйти вперед; если бы не это, они вышли бы на берег в одно время с ним. Но, во всяком случае, они скоро его нагонят.

Оссару хотел уже бросить мясо и убежать, но охотничья гордость не позволяла ему позорно отступить перед дикими собаками. Он побежал по тропинке со своей ношей. До хижины было уже недалеко. Он все еще надеялся добраться до нее, прежде чем псы решатся на него напасть.

Он бежал со всех ног. Но собаки его нагоняли — все ближе раздавались их ворчание, тявканье, рычание, горячее дыхание обдавало ему ноги. Тут он почувствовал, что его ноша становится все тяжелее. Внезапно она перетянула его — и он упал навзничь на землю. Несколько собак вцепились в мясо и повалили ношу и носильщика.

Но Оссару тут же вскочил и, схватив большую палку, которая случайно оказалась у него под рукой, начал изо всех сил колотить собак, громко крича.

Началась дикая свалка: собаки яростно боролись, хватали зубами палку, наскакивали на охотника, но шикари ловко действовал своим импровизированным оружием, отражая натиск врагов.

Он уже начал уставать; без сомнения, еще немного — и он окончательно выбился бы из сил, и собаки растерзали бы его на клочки. Но в эту страшную минуту какое-то большое пятнистое тело выпрыгнуло из темноты и ринулось в самую гущу собак.

Это был Фриц. А с Фрицем прибежал его хозяин Карл, вооруженный двустволкой; грянули выстрелы, и страшная свора рассеялась, как стадо баранов, оставив на месте несколько трупов.

Битва быстро закончилась, Оссару был спасен; но он дал страшную клятву отомстить диким собакам.

Глава XLI

МЕСТЬ ОССАРУ

Оссару так обозлился на собак, что поклялся не ложиться спать, пока им не отомстит. Карлу и Каспару любопытно было знать, что он собирается делать. Они предполагали, что собаки будут всю ночь бродить вокруг хижины. Действительно, невдалеке раздавался их вой. Но каким образом Оссару с ними расправится? Тратить порох и пули на этих гнусных тварей не стоило; к тому же вряд ли можно было бы застрелить хоть одну из них в такой темноте.

Может быть, Оссару хочет перестрелять их из лука? Но разве ночью в них попадешь! А между тем он грозился устроить им настоящую гекатомбу [1]. Разу-

[1] Гекатомба — у древних греков — жертвоприношение богам из ста быков; позднее — всякое большое общественное жертвоприношение.

меется, лук и стрелы не годились для этой цели. Но, в таком случае, как же он хочет с ними расправиться?

Братья знали, что ни в одну западню не поймаешь больше одной собаки; и даже самую простую западню было бы долго сооружать, не имея нужных инструментов. Правда, можно было в несколько минут сделать «медвежью ловушку» из бревен, которые валялись кругом, но она убьет только одну жертву, и Оссару придется снова и снова ее налаживать. Кроме того, умные собаки, увидев, что одна из них погибла, не полезут второй раз в ловушку.

Карл с Каспаром никак не могли догадаться, что именно задумал Оссару, но ясно было, что у него уже созрел какой-то план; поэтому они не задавали ему лишних вопросов и молча следили за его приготовлениями.

Первым делом шикари собрал жилы всех убитых ими животных: тара, лающего оленя, подстреленного утром, и яков, которых принесли неободранными. Вскоре в руках у него оказался целый пучок жил; он высушил их на огне, потом скрутил из них тонкие бечевки. Получилось больше двадцати штук. Карл с Каспаром работали под его руководством, помогая ему. Эти туго скрученные бечевки были похожи на грубые струны. Оставалось только завязать мертвую петлю — и струна превращалась в силок.

Теперь братья начали догадываться о намерении Оссару: он решил ловить собак в силки. Но как он будет ставить эти силки — разве годится для этого тонкая струна? Ведь собаки быстро перегрызут ее. Без сомнения, так бы и случилось, если бы силки были поставлены обычным способом. Но у Оссару была какая-то своя система, и он рассчитывал переловить всех собак.

Когда веревка была готова, Оссару вырезал из сырых шкур яков двадцать прочных ремней. Затем он нарезал в кустах штук двадцать палочек и заострил их с одного конца. Далее вырезал для приманки двадцать кусков из туши тара, мясо которого было не слишком хорошо на вкус. После всех этих приготовлений Оссару отправился ставить силки.

С ним вышли и братья. Прихрамывая на одну ногу, Каспар нес вместо факела ярко пылающую сосновую ветку — луна зашла, и для работы нужен был свет. Карл тащил ремни, палочки и куски мяса, а Оссару — силки.

Невдалеке от хижины росло множество деревьев, нижние ветви которых были горизонтально расположены над землей. Это была разновидность горного ясеня, называемая также «ведьмин орешник». Ветви у него длинные, тонкие, но крепкие и упругие, сучьев не так много, а листва негустая. Это было как раз то, что требовалось Оссару; он приметил эти деревья еще в сумерках, подходя к хижине и думая о том, как бы расправиться с дикими собаками. Он тотчас же подошел к деревьям.

Подпрыгнув, шикари поймал одну из веток, пригнул к земле, затем отпустил, чтобы испытать ее упругость. По-видимому, он остался доволен; тогда он оборвал с ветки листья, обломал сучья и привязал к ее верхнему концу сыромятный ремень. К другому концу ремня привязал палочку, которую затем воткнул в землю. Она прочно удерживала ветку в согнутом положении, но при малейшем толчке ветка должна была разогнуться.

Затем шикари привязал к ремню кусок мяса так, что до него нельзя было дотронуться, не вытащив из земли палочку, после чего ветка должна была подняться кверху. Наконец был поставлен силок с таким расчетом, что всякое животное, пытаясь схватить приманку, непременно попадало в скользящую петлю.

Поставив западню, Оссару перешел к другому дереву и там проделал то же самое; затем — к третьему, и так далее. Когда все двадцать силков были поставлены, охотники вернулись в хижину.

Все трое просидели еще с полчаса, чутко прислушиваясь. Они надеялись, что еще с вечера в западню попадется хоть одна дикая собака.

Но, вероятно, собак напугал яркий факел, потому что ни вой, ни лай, ни рычание не нарушали ночной тишины. Наконец охотникам надоело ждать — они затворили дверь своей хижины и крепко уснули.

Кажется, никогда в жизни им не приходилось так тяжело работать. Они до смерти устали и с наслаждением растянулись на душистых листьях рододендронов.

Не будь их сон так глубок, они всю ночь слышали бы разноголосый шум: лай, ворчание, тявканье, вой, рычание, отчаянный визг и треск ветвей. Этот адский концерт, казалось, разбудил бы и мертвеца. Перед рассветом все трое проснулись и, увидев, что в щели хижины проникает свет, быстро вскочили и бросились наружу. Солнце еще не взошло, но, когда они протерли заспанные глаза, им представилось зрелище, при виде которого Карл и Каспар разразились громким смехом, а Оссару стал прыгать как сумасшедший, издавая ликующие крики.

Почти в каждую западню попалась жертва — почти на каждом дереве в ветвях висела дикая собака; одни, повешенные за шею, уже издохли; другие, захваченные поперек тела, отчаянно барахтались; третьи, схваченные за лапу, висели головой вниз, почти касаясь земли, высунув покрытый пеной язык.

Зрелище было удивительное. Оссару сдержал свою клятву и жестоко отомстил собакам. Он довершил мщение: схватив свое длинное копье, прикончил тех, которые еще корчились в предсмертных судорогах.

Глава XLII

МОСТ ЧЕРЕЗ ТРЕЩИНУ

Я не стану утомлять тебя, юный читатель, описывая со всеми подробностями, как происходила постройка моста. Достаточно сказать, что все работали без передышки и днем и ночью, пока не закончили сооружение.

Строить мост пришлось целый месяц. Это была всего-навсего длинная жердь, дюймов шести в поперечнике и более ста футов длиной. Она была составлена из двух тонких сосновых стволов, крепко связанных сыромятными ремнями. Но этим стволам нужно было придать одинаковую толщину на всем протяжении, а в

распоряжении охотников был лишь небольшой топорик и ножи. Затем следовало просушить древесину на костре и как можно тщательнее и прочнее соединить стволы, чтобы они не разошлись под тяжестью людей. Кроме того, нужно было заготовить множество ремней, а для этого пришлось застрелить и поймать множество животных; необходимы были и другие приспособления; все эти приготовления заняли немало времени.

К концу месяца мост был готов. Вот он лежит в ущелье на снегу, и его конец находится в нескольких футах от трещины. Охотники перенесли его сюда и теперь собираются поставить на место.

Но как же они смогут уложить эту жердь поперек зияющей трещины? — спросите вы. Жердь достаточно длинна, чтобы достать до другого края трещины, — ведь они точно рассчитали ее длину. И по нескольку футов будет лежать по обоим краям. Но как они ее перебросят? Если бы кто-нибудь стоял на другом краю трещины, держа конец ремня, привязанного к жерди, то было бы нетрудно это сделать. Но как быть, когда у них нет такой возможности? Ясно, что толкать жердь вперед невозможно: конец такой длинной жерди опустится книзу прежде, чем дойдет до противоположного края, а как тогда его поднять? Действительно, когда жердь продвинется больше чем наполовину, она перегнется вниз, и тяжесть ее будет так велика, что им даже втроем ее не сдержать — она выскользнет у них из рук и упадет на дно пропасти, откуда, конечно, невозможно будет ее достать. Так печально окончится затея, стоившая им огромных трудов.

Но охотники не такие простаки, чтобы проработать целый месяц, не разрешив предварительно всех этих задач. Карл тщательно разработал проект переброски моста. Вскоре и вам будет ясно, как они собирались преодолеть эту трудность.

Вы видите здесь лестницу длиной футов в пятьдесят, прочный блок со шкивом и ремнями и несколько мотков крепкого сыромятного ремня.

А теперь они будут перебрасывать мост через пропасть. Для этого охотники и пришли сюда со всеми со-

оружениями. Не теряя времени, они приступили к работе.

Лестницу приставили к отвесной скале, нижний ее конец укрепили во льду как можно ближе к краю пропасти.

Мы сказали, что лестница была длиной в пятьдесят футов; следовательно, верхний ее край находился на высоте пятидесяти футов. На этом уровне в скале удалось найти небольшое углубление, вероятно выщерб, которое легко можно было углубить.

Работая топориком и железным острием копья, Оссару проделал в скале отверстие глубиной в фут. На это ушел час.

Затем в отверстие вставили крепкий деревянный кол, подогнав его как можно точнее, а чтобы он держался плотнее, вокруг него забили несколько клиньев.

Кол выдавался из скалы примерно на фут; на нем сделали глубокие зарубки и привязали ремнями блок.

Блок состоял из двух шкивов, оси которых были достаточно прочны, чтобы выдержать груз в несколько сот фунтов. Этот механизм был предварительно подвергнут испытанию.

Затем в утес, в нескольких футах от пропасти, вбили еще один кол, чтобы наматывать на него ремень, когда понадобится затормозить движение.

После этого ремень был накинут на шкив. Это было делом всего нескольких минут, так как ширина ремня была тщательно подогнана к желобам шкивов.

Затем ремень, или «канат», как его называли юноши, был привязан к длинной жерди, которая должна была служить мостом. Один канат был привязан к ее концу, другой — к середине, как раз у места соединения стволов.

Узлы затягивались чрезвычайно тщательно, особенно тот, что посередине: этот канат имел большое значение. Он должен был играть роль главной опоры или устоя моста — не только не позволять длинной жерди «нырнуть» вниз, но и не давать ей разломиться.

Если бы изобретательный Карл не придумал такой опоры, то сделанный ими тонкий шест не выдержал бы

веса человеческого тела, а сделай они его толще, им не удалось бы перебросить шест через трещину. Центральной опоре было уделено особое внимание, и этот канат и шкив, через который он перекидывался, были гораздо прочнее остальных. Второй канат должен был поддерживать дальний конец жерди с таким расчетом, чтобы, приблизившись к противоположному краю трещины, его можно было приподнять над поверхностью льда.

Закрепив хорошенько ремни, каждый занял свое место. Оссару, как самый сильный, должен был толкать жердь вперед, а Карл и Каспар — тянуть ремни. Под жердь подложили катки, ибо хотя она была всего шести дюймов толщиной, но вследствие значительной длины было бы трудно ее продвигать даже по скользкой поверхности мерзлого снега.

По сигналу Карла жердь пришла в движение. Вскоре ее конец уже выдвинулся над пропастью у подножия черной скалы.

Медленно, неуклонно он двигался вперед. Все работали молча, поглощенные своим делом.

Наконец передний каток подошел к краю трещины, и пришлось остановить движение, чтобы его переместить.

Сделать это было очень просто: несколько оборотов ремня вокруг болта — и механизм остановился. Шкивы работали превосходно, и ремни легко скользили по желобкам.

Катки были переставлены, ремни размотаны, и мост вновь пришел в движение.

Медленно, но уверенно продвигался он все дальше. И вот дальний его конец лег на противоположный край трещины и прополз еще несколько футов по твердому льду. Ближний конец жерди прочно закрепили другими ремнями — и зияющая пропасть была перекрыта мостом.

Только теперь строители остановились, чтобы взглянуть на дело своих рук; когда они увидели это странное сооружение, которое должно было вернуть им свободу, у них невольно вырвалось громкое, ликующее «ура».

Глава XLIII

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ТРЕЩИНУ

Вероятно, вам кажется смешным это жалкое подобие моста, и вам любопытно узнать, как по нему переправились охотники.

Взобраться на призовую мачту — сущий пустяк по сравнению с такой переправой. Подняться на шест толщиной в шесть дюймов на высоту нескольких ярдов — дело нетрудное, но когда речь идет о том, чтобы проползти по жерди добрую сотню футов да еще над страшной пропастью, от одного вида которой кружится голова и замирает сердце, это немалый подвиг. Но если бы не было другого способа переправы, наши герои, вероятно, на это отважились бы.

Оссару не раз приходилось взбираться по высоким стволам бамбука и пальм, и он легко бы с этим справился, но для Карла и Каспара, которые не были опытными верхолазами, такой переход был опасен. Поэтому они придумали более легкий способ.

Для каждого было сделано нечто вроде большого стремени. Для этого срéзали прочный молодой ствол, подержали его над огнем и согнули в виде треугольника. Этот грубый равнобедренный треугольник был крепко связан у вершины сыромятным ремнем, и к нему привязан другой ремень, образовавший петлю и скользивший по жерди, как ролик. Пассажир должен опираться ногами на стремя; одной рукой он будет держаться за шест, а другой постепенно передвигать ролик. Таким способом все переправятся через пропасть. Ружья и другие вещи привяжут на спину. Возьмут с собой лишь самое необходимое. Что же касается Фрица, то они долго ломали голову, как его переправить. Оссару решил эту задачу, предложив завернуть пса в шкуру, привязать себе на спину и перенести через пропасть. Для шикари это была сущая безделица.

Через каких-нибудь полчаса после наводки моста все трое были уже готовы к переправе. Каждый стоял, держа в руке свое стремя; вещи были крепко привязаны за спиной. Фриц был закутан в косматую шкуру

яка, и только его голова торчала над плечом шикари; у пса было крайне удивленное выражение, и в этот момент он был очень комичен. Казалось, он недоумевал, что с ним собираются делать.

Оссару вызвался переправиться первым, но отважный Каспар заявил, что он легче всех и должен идти первым. Однако Карл возразил, что так как проект моста принадлежит ему, то он первый обязан испытать свое сооружение. Карл был начальником отряда, самым авторитетным лицом и сумел настоять на своем.

Осторожно подойдя к концу жерди, лежавшему на льду, он перекинул через жердь ремень и опустил стремя. Затем крепко схватился руками за жердь и стал обеими ногами в стремя. Несколько раз он сильно давил на него ногой, испытывая его прочность, при этом он держался руками за жердь; потом левой рукой протолкнул петлю по жерди на фут вперед. При этом стремя продвинулось на такое же расстояние; Карл слегка покачнулся и повис над пропастью.

Зрелище было страшное, и товарищи с замиранием сердца следили за каждым движением Карла, но положение их было настолько трагично, что они сознательно шли на опасность.

Через несколько минут Карл был далеко от края ледника и, казалось, висел на ниточке между небом и землей.

Если бы тот или другой конец жерди соскользнул со скалы, отважный Карл полетел бы в бездну; но они приняли все меры предосторожности: ближний конец жерди они закрепили, навалив на него крупные камни, а дальний удерживался канатом, натянутым так туго, как только позволял блок.

Несмотря на все это, жердь сильно прогнулась посередине под тяжестью Карла, и было ясно, что, не будь системы блоков, им ни за что бы не переправиться. Когда Карл находился на полпути между берегом и опорным канатом, жердь прогнулась гораздо ниже уровня ледника, и ботанику пришлось подвигать петлю вверх по склону. Ему удалось, однако, благополучно добраться до места соединения стволов.

Карл повис между небом и землей.

Наступил «узловой» момент. Действительно, петля не могла двигаться дальше, ибо канат преграждал ей путь. Нужно было снять ее с жерди и снова надеть по другую сторону каната.

Карл зашел слишком далеко, чтобы отступить перед такой пустячной трудностью. Он уже обдумал, как ему поступить в данном случае, и только на миг остановился, чтобы передохнуть. Ухватившись рукой за канат, он уселся верхом на жердь и без особого труда перенес петлю по другую сторону каната. Сделав это, он снова «ступил в стремя» и продолжал свой путь.

По мере того как он приближался к противоположному краю пропасти, ему становилось все труднее двигаться, ибо приходилось подниматься кверху, но, вооружившись терпением и напрягая силы, он неуклонно продвигался вперед; все ближе, ближе... наконец стукнулся ногами о ледяную стену.

Еще последнее усилие — и он взобрался на ледник и, отойдя на шаг от края, сорвал шапку и стал махать товарищам. На его торжествующий крик ему ответило с другого края звучное «ура». Но еще более громкое и радостное «ура» огласило ледник, когда через каких-нибудь полчаса все трое стояли рядом, по ту сторону трещины, глядя на оставшуюся позади зияющую пропасть.

Только тот, кому случалось избегнуть страшной опасности, вырваться из тюрьмы или спастись от смерти, может понять, какое глубокое, радостное волнение овладело в этот момент Карлом, Каспаром и Оссару.

Но — увы! — недолго продолжалась их радость; пережитый ими восторг был как бы проблеском света, который быстро угас, когда надвинулась мрачная туча.

Прошло не более десяти минут. Они освободили Фрица из его мохнатой оболочки и направились вниз по леднику, спеша выбраться из этого мрачного ущелья. Но не сделали они и пятисот шагов, как вдруг остановились; все трое побледнели и в ужасе переглянулись между собой. Никто не произнес ни слова, но все с многозначительным видом указали друг другу на что-то видневшееся впереди. Слова были излишни, все было понятно и без слов.

Перед ними зияла вторая трещина — гораздо шире той, через которую они перешли. Она тянулась от утеса до утеса, пересекая весь ледник. Шириной она была по крайней мере в двести футов, а какая глубокая! Ух! Они едва осмелились заглянуть в эту ужасную бездну. Было ясно, что переправиться через нее нет никакой возможности. Даже пес, казалось, это понимал, так как испуганно остановился на краю и печально завыл.

Я не буду передавать их унылых разговоров. Не стану подробно описывать их возвращение в долину. Мне незачем рассказывать, как они переправлялись обратно через пропасть и какие чувства испытывали, совершая этот опасный подвиг. Все это нетрудно себе представить.

Приближалась ночь, когда, измученные, обескураженные, они добрались до хижины и бросились на свои подстилки.

— Боже мой, боже мой! — в отчаянии воскликнул Карл. — Долго ли еще эта конура будет нашим домом?!

Глава XLIV

НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Ночь прошла почти без сна. Печальные мысли никому не давали уснуть, а душу терзала острая боль обманутых надежд. Когда они засыпали, было еще хуже: им снились зияющие пропасти и отвесные утесы; снилось, что они висят в воздухе, каждый миг готовые упасть в страшную бездну, где ждет их гибель. Эти сны — искаженное отражение дневных испытаний — были необыкновенно ярки и еще ужаснее действительности. То один, то другой внезапно просыпался, разбуженный каким-то страшным переживанием, и предпочитал лежать без сна, чем снова испытать хотя бы во сне все эти ужасы.

Даже Фриц беспокойно спал в эту ночь. Его жалобные повизгивания доказывали, что и ему снятся тревожные, мучительпые сны.

Яркое солнечное утро подействовало на охотников благотворно: оно разогнало ночные страхи. За завтраком к ним вернулось хорошее настроение. Каспар быстро развеселился, уписывая за обе щеки жареное мясо. Правда, все ели с аппетитом, так как накануне у них почти не было времени поесть.

— Если уж нам суждено навсегда остаться здесь, — заявил Каспар, — то зачем морить себя голодом! Еды здесь достаточно, у нас может быть очень разнообразный стол. Почему бы нам не наловить рыбы? Я видел, как форель играет в озере. Что ты скажешь, Карл?

Каспар говорил все это, желая ободрить брата.

— Не возражаю, — спокойно ответил ботаник. — Я думаю, в этом озере есть рыба. Я слышал, что в гималайских реках водится очень вкусная рыба; ее называют «гималайская форель»; однако неправильно, потому что это не форель, а разновидность карпа. Вероятно, мы и здесь ее найдем, хоть я не представляю себе, как она могла попасть в это уединенное озеро.

— Я только не знаю, — продолжал Каспар, — как ее вытащить из воды. У нас нет ни сетей, ни удилищ, ни крючков, ни лесок. Да и сделать их не из чего... Ты не знаешь какого-нибудь способа ловить рыбу, Оссару?

— Ах, саиб! — ответил шикари. — Дать мне бамбук — я живо сделать сетка ловить рыбка... Нет бамбук — нет сетка! Нет ничего для сетка — Оссару отравить вода, достать вся рыбка!

— Как — отравить воду?! Как ты это сделаешь? Где же взять яду?

— Я скоро достать отрава — бикх-трава годится.

— «Бикх-трава» — что это такое?

— Идем, саиб! Я показать вам бикх-трава — тут много.

Карл и Каспар встали и последовали за шикари.

Пройдя несколько шагов, проводник остановился и указал на густые заросли. Травянистый стебель этого растения поднимался футов на шесть над землей и был увенчан негустой кистью ярко-желтых цветов; листья были широкие, лапчатые.

Каспар быстро схватил одно из этих растений и, сорвав соцветие, понюхал его, чтобы узнать, пахнут ли цветы. Но вдруг он выронил из рук цветок, испуганно вскрикнул и, теряя сознание, упал на руки брату. К счастью, он успел лишь неглубоко вдохнуть ядовитый аромат, иначе слег бы на несколько дней. Да и то он еще несколько часов спустя испытывал головокружение.

Карл с первого же взгляда узнал растение. Это был один из видов аконита, или «волчьего зелья», близкий к европейскому «борцу», из корней которого добывают очень сильный яд.

Растение все целиком ядовито: и листья, и цветы, и стебли; но самая эссенция яда содержится в корнях, похожих на маленькие брюквы. Во всех частях света встречается немало видов этого растения, а в Гималаях — около двенадцати. То, на которое указывал Оссару, называется у ботаников Aconitum ferox, и из него добывают знаменитый индийский яд бикх.

Оссару предложил отравить рыбу, бросив в озеро побольше корней и стеблей этого растения.

Но Карл отверг это предложение, заметив, что хотя таким способом можно добыть сразу очень много рыбы, но они уничтожат ее больше, чем смогут съесть, а может быть, и совсем истребят.

Карл уже помышлял о будущем, предполагая, что им придется провести немало времени на берегу этого прелестного озера. Все трое уже стали подумывать о том, что, быть может, никогда не найдут выхода из долины; правда, каждый старался скрыть от других эти печальные мысли.

Увидав, что Каспар повеселел, Карл тоже попытался шутить.

— Не будем больше мечтать о рыбе, — сказал он.— Правда, рыба всегда бывает на первое, но что поделаешь! Уж как-нибудь обойдемся без нее. Что до меня, то мне надоело жареное мясо без хлеба и овощей. Я думаю, что здесь можно раздобыть и то и другое, потому что благодаря своему необычному климату наша долина обладает богатой, разнообразной флорой, какую

можно увидеть только в ботаническом саду. Идемте же! Поищем, из чего бы нам сварить суп.

С этими словами Карл пошел вперед, а за ним Каспар, Оссару и верный Фриц.

— Посмотрите! — сказал ботаник, указывая на высокую сосну, стоявшую поблизости. — Взгляните на эти крупные шишки. Внутри мы найдем зернышки величиной с фисташку и очень приятные на вкус. Если их собрать побольше и поджарить, они вполне могут заменить хлеб.

— В самом деле, — воскликнул Каспар, — это сосна! Какие крупные шишки! Они не меньше артишока... Что это за порода, брат?

— Это один из видов, называемый «съедобные сосны», потому что их семена можно употреблять в пищу. Этот вид называется у ботаников «неоза». В других частях света также встречаются сосны со съедобными семенами: например, сибирская сосна или сибирский кедр, японский гик, сосна Ламберта в Калифорнии и несколько видов в Новой Мексике, где их называют «пиноны». Таким образом, сосна дает человеку не только ценную древесину, смолу, скипидар и канифоль, но и пищу. Из этих шишек ничего не стоит получить хлеб.

Карл шел все дальше по направлению к озеру.

— А вот и ревень! — воскликнул он, указывая на высокое растение. — Посмотрите-ка!

В самом деле, это был настоящий ревень, который нередко встречается в диком виде в Гималайских горах; на фоне крупных, широких листьев, окаймленных красной полосой, резко выделялась высокая пирамида желтых прицветников. Это одно из самых красивых травянистых растений. Жители Гималаев употребляют в пищу его толстые, кислые на вкус стебли в сыром или вареном виде, а листья высушивают и курят, как табак. Но невдалеке рос ревень другой породы, несколько мельче, листья которого, по словам Оссару, еще лучше подходят для этой цели. Оссару знал в этом толк: он высушивал и курил листья некоторых растений, с тех пор как охотники попали в долину. Действительно, у Оссару давно вышел бетель, и шикари очень страдал

без своего любимого возбуждающего средства. Он очень обрадовался, что сможет заменить бетель «чулой» — так называл он дикий ревень. Оссару пользовался весьма оригинальной трубкой, которую мог соорудить в несколько минут. Поступал он так: втыкал в землю палочку и проделывал под землей горизонтальный канал длиной в несколько дюймов, потом вынимал палочку с другой стороны; таким образом получалась норка с двумя отверстиями. В одно отверстие он вставлял камышинку вместо мундштука, другой конец набивал листьями ревеня и закуривал. Можно сказать, что ему служила трубкой сама земля.

Такой способ курения в ходу у полудиких обитателей Индии и Африки, и Оссару предпочитал свою трубку всем остальным.

Карл шел все дальше, указывая своим спутникам различные съедобные породы кореньев, плодов и овощей. Среди них был дикий порей, который годился на похлебку. Было немало ягод — несколько видов смородины, вишен, земляники и малины, — давно уже известных в европейских странах, и братья приветствовали их как старых знакомых.

— Посмотрите! — сказал Карл. — Даже в воде можно найти растительную пищу. Видите эти большие белые и розовые цветы? Это знаменитый лотос. Стебли у него съедобные; а при желании из полых стеблей можно сделать сосуды для питья. А вот рогатый водяной орех, он тоже очень вкусный. О! Нам нечего жаловаться на судьбу! Еды у нас вдоволь!

Хотя Карл старался казаться веселым, на сердце у него было тяжело.

Глава XLV

СНОВА ОБСЛЕДУЮТ УТЕСЫ

Да, у всех троих на душе скребли кошки, хотя охотники вернулись в хижину, нагруженные плодами, кореньями, орехами и овощами, и надеялись в этот день пообедать лучше, чем за последнее время.

Весь остаток дня они провели около хижины, усердно занимаясь кулинарией. Не то чтобы они уж так интересовались хорошим обедом, но это занятие отвлекало их от мрачных мыслей. Вдобавок им больше нечего было делать. До сих пор они целые дни напролет работали над изготовлением ремней и жерди для переправы, и за этим занятием время проходило незаметно, к тому же у них была надежда выбраться на свободу. Но теперь, когда надежда рухнула, когда затея кончилась неудачей, они не находили себе места и не знали, чем бы заняться.

Поэтому приготовление обеда из этих новых разнообразных овощей и плодов было приятным развлечением.

Все трое с удовольствием пообедали. В самом деле, они уже давно не ели овощей и отдали честь новым блюдам. Скромные дикие плоды показались им вкуснее самых лучших фруктов, созревающих в садах Европы.

Было уже за полдень, когда они приступили к десерту.

Они сидели под открытым небом, перед хижиной. Каспар говорил больше всех. Он изо всех сил старался развеселить товарищей.

— Давненько я не ел такой замечательной земляники, — заявил он. — Правда, с сахаром и сливками она была бы еще вкуснее... Как ты думаешь, Карл?

— Пожалуй, — кивнул головой ботаник.

— Напрасно, — продолжал Каспар, бросив выразительный взгляд на разостланную на земле шкуру яка,— мы перебили всех коров...

— Представь себе, — прервал его Карл, — я как раз думал об этом. Если нам суждено оставаться до конца наших дней в долине... Ах!.. — Это восклицание вырвалось у Карла против воли. Он не закончил фразу и снова погрузился в молчание.

Через несколько дней Карл вышел из хижины и, ни слова не сказав своим товарищам, направился к утесам. Правда, у него не было никакого определенного плана — ему просто захотелось на всякий случай

еще раз обойти долину и обследовать окружающие ее скалы.

Никто из товарищей не предложил его сопровождать, даже не спросил, куда он идет. Оба были заняты своими делами: Каспар вырезал палочку, готовя шомпол для ружья, а Оссару занялся плетением сети — ему хотелось поймать одну из больших красивых рыб, которых много было в озере.

Итак, Карл отправился один.

Добравшись до утесов, он медленно пошел вдоль каменной стены; чуть ли не на каждом шагу он останавливался, вглядываясь в скалы и утесы. Он осматривал обрыв на всем его протяжении, фут за футом, еще тщательнее, чем раньше, хотя они в свое время очень внимательно его исследовали.

Что, если взобраться на утесы?..

Обследовав скалы, охотники убедились, что на них невозможно вскарабкаться. Но ведь можно и другим способом подняться на отвесный обрыв, и у Карла уже зародился новый план.

Вы спросите: что же он задумал? Уж не хочет ли он взобраться при помощи веревок?

Ничуть не бывало! Веревки при подъеме на скалу были бы совершенно бесполезны. Другое дело, если бы они были укреплены на ее вершине, тогда и Карл и его товарищи сумели бы по ним взобраться. Они могли бы сделать лестницу даже из одной веревки, привязывая к ней на некотором расстоянии друг от друга палочки вместо ступенек. Такое приспособление вполне бы годилось, если бы им пришлось спускаться в пропасть; тогда они привязали бы к скале веревку и спустились бы по ней. Но им приходилось подниматься. Кто же привяжет им наверху веревку? Ведь для этого надо предварительно вскарабкаться на обрыв...

Ясно, как день, что в данном случае нельзя было использовать веревочную лестницу. Поэтому Карл и не думал о ней.

Но он все же подумывал именно о лестнице — не о веревочной, а о деревянной, состоящей из боковин и ступенек, как всякая другая лестница.

«Как! — удивитесь вы. — Вскарабкаться на утес по лестнице? Но ведь вы сказали, что он высотой в триста футов. Самая длинная лестница в мире не дойдет и до половины утеса».

«Совершенно верно, я это знаю не хуже вас, — ответил бы Карл. — Но я и не собираюсь подниматься на утес по лестнице. Я имею в виду не лестницу, а лестницы».

«Вот как! Ну, это другое дело».

Карл прекрасно знал, что одной лестницы не хватит, чтобы подняться на такую высоту. Если бы даже им и удалось построить такую лестницу, ее все равно невозможно было бы установить.

Но ему пришло в голову, что можно было бы подняться по нескольким лестницам, поставив их одну над другой на уступах утеса.

В самом деле, тут не было ничего невероятного, хотя Карл и понимал, какое это отчаянное предприятие. Лишь бы в каменной степе оказались подходящие уступы! С этой целью он и обследовал скалы.

Итак, он медленно шел вдоль скал, внимательно их оглядывая.

Глава XLVI

КАРЛ КАРАБКАЕТСЯ НА УСТУП

Шаг за шагом обследуя скалы, Карл дошел до края долины, то есть до места, наиболее удаленного от их хижины.

Однако его поиски не увенчались успехом. Правда, уступов было немало и некоторые из них достаточно широки, чтобы можно было поставить на них лестницу и придать ей нужный наклон. Уступы виднелись на разной высоте, но, к несчастью, нельзя было встретить несколько уступов друг над другом. В большинстве случаев они отстояли один от другого довольно далеко, так что, если бы даже и удалось взобраться на один из них по лестнице, все равно оттуда не перебраться на вышележащий.

Итак, все эти уступы явно не подходили для задуманной Карлом операции; со вздохом разочарования он шел дальше.

На дальнем краю долины среди скал темнела расселина. Как мы уже упоминали, на всем протяжении каменной ограды было несколько таких расселин, но эта была глубже остальных. Она была очень узкая, шириной всего в несколько ярдов и около ста ярдов в длину. Ее дно находилось почти на одном уровне с долиной, хотя в некоторых местах поднималось немного выше благодаря обвалившимся с утесов камням и обломкам скал.

Карл вошел в эту расселину и стал внимательно оглядывать ее каменные стены. Всякий, кто увидел бы его в эту минуту, был бы поражен тем, как внезапно изменилось его лицо, еще минуту назад такое мрачное: глаза его вспыхнули радостью, и на губах появилась улыбка. Что же вызвало такую резкую перемену в его настроении? По натуре молодой ботаник был серьезен, а теперь, после пережитых неудач, стал еще серьезнее. Что же его так обрадовало?

Достаточно было взглянуть на скалы, чтобы понять причину его радости. Дело в том, что окружавшие расселину утесы были ниже, чем в других местах, — вероятно, всего около трехсот футов в вышину. Но Карл не этому обрадовался — сделать лестницу длиной в триста футов все равно невозможно, — он увидел в стене скал ряд уступов, один над другим, напоминавших полки шкафа.

Хотя утес был гранитным, он состоял из нескольких пластов, лежащих горизонтально. Пласты были разной толщины, и уступы находились на различном расстоянии друг от друга. Одни из них были шире, другие у́же, но почти все — достаточной ширины, и на них можно было поставить лестницу.

Чтобы подняться на нижние уступы, казалось, хватило бы лестницы футов в двадцать—тридцать длиной, но было очень трудно определить ширину верхних уступов и промежутки между ними с такого расстояния. Промежутки были как будто не слишком велики, но верхние уступы казались очень узкими; если же это был оптиче-

ский обман, то Карл мог ошибаться и относительно ширины пластов, — возможно, что они окажутся такими толстыми, что никакая лестница не достанет до верха.

Если когда-нибудь вам приходилось стоять на дне глубокого оврага, то вы могли заметить, как трудно определить размер предметов, находящихся наверху. Уступ шириной в несколько футов покажется простой впадиной в скале, а сидящая на нем птица — совсем крохотной. Как человек осторожный, Карл принимал во внимание и это обстоятельство.

Он был знаком с законами перспективы и не торопился делать окончательные выводы. Чтобы точнее определить ширину пластов и расстояния между ними, он отошел как можно дальше от скал. К сожалению, расселина была узка, и отойти можно было лишь на несколько шагов.

Тогда он вскарабкался на один из крупных валунов и стал смотреть оттуда; правда, его не удовлетворял этот «наблюдательный пункт», но лучшего не было. И Карл довольно долго простоял на этом пьедестале, глядя на отвесную стену: он то пристально рассматривал какое-нибудь место скалы, то пробегал глазами весь утес сверху донизу.

Лицо Карла снова омрачилось, так как он обнаружил препятствие, показавшееся ему непреодолимым. Один из промежутков между уступами был слишком велик, чтобы перекинуть через него лестницу, к тому же находился очень высоко. Туда невозможно будет подняться по лестнице.

Он заметил, что нижний пласт самый тонкий, а следующий — уже вдвое толще его.

До сих пор он только старался определить на глаз высоту, но тут ему пришло в голову, что необходимо измерить толщину нижнего пласта. Это нетрудно сделать, а измерив этот слой, можно будет судить и о толщине вышележащих.

Но как измерить толщину пласта? Уступ отстоял от земли на добрых сорок футов — вряд ли можно было бы измерить его рулеткой. Но у Карла не было и рулетки, и он собирался действовать по-другому.

Вы думаете, что он стал искать у подножия скал высокое дерево, вершина которого достигала бы до уступа, а потом измерил бы его высоту? Конечно, это было бы очень удобно, и Карл охотно применил бы этот способ, если бы не подвернулся другой, который показался ему еще проще.

Он мог бы определить высоту путем триангуляции, но для этого тоже понадобилось бы дерево и вдобавок — нудные вычисления, отнимающие много времени и не дающие надежных результатов.

Если взобраться на уступ, будет очень легко измерить его высоту. Нужно только спустить с него бечевку с камешком на конце, вроде плотничьего отвеса.

Случайно у него оказался довольно длинный ремешок, вполне пригодный для этой цели, и Карл решил тотчас же подняться на уступ.

Вынув ремешок из кармана и привязав к нему камешек, он подошел к утесу и начал на него взбираться.

Это оказалось труднее, чем он думал, и он с немалым трудом вскарабкался на уступ. Для Каспара такое восхождение было бы сущей безделицей, так как молодой охотник привык лазить по альпийским скалам, гоняясь за сернами.

Но Карл был неважным альпинистом, — добравшись до уступа, он совсем запыхался и даже удивлялся своей смелости.

Пройдя несколько шагов по уступу до места, где обрыв был вертикальным, он опустил камешек на ремешке и быстро измерил толщину пласта. Увы! Уступ оказался гораздо выше, чем он предполагал, стоя внизу. Увидев результат измерения, Карл упал духом. Теперь он уже не сомневался, что верхние промежутки невозможно перекрыть никакой лестницей.

Грустный и унылый, он подошел к тому месту, где поднимался, собираясь спуститься вниз.

Но иной раз сказать легче, чем сделать; представьте себе смущение Карла, когда он увидел, что спуститься со скалы так же невозможно, как взлететь кверху. Сомнений не было: он оказался в тупике — буквально приперт к стене!

Глава XLVII

КАРЛ В ТУПИКЕ

Легко понять, почему Карл очутился в таком затруднении.

Всякий, кто поднимался по крутому склону — по стене, по мачте, даже по обыкновенной лестнице, — отлично знает, что подниматься гораздо легче, чем спускаться; а если подъем очень крут и труден, то зачастую человек, поднявшись наверх, не может спуститься обратно.

Но Карл не мог оставаться здесь на ночь. Нужно было что-то предпринять, чтобы выйти из этого неприятного положения, и, собравшись с духом, он сделал попытку спуститься.

Он встал на колени на краю уступа, лицом к утесу. Затем, вцепившись в край скалы обеими руками, осторожно спустил ноги. Ему удалось нащупать небольшой выступ и встать на него, но на этом дело и кончилось. Он не решался отпустить руки, чтобы сделать еще один шаг вниз, а опуская ногу в поисках новой опоры, не находил ничего. Несколько раз он прощупывал ногой поверхность скалы, стараясь найти впадинку или выступ, но опереться было решительно не на что, и в конце концов он был вынужден подтянуться наверх и снова очутился на уступе.

Карл решил поискать более подходящее место для спуска.

Можно было спокойно ходить по уступу, который был шириной в несколько футов. Он тянулся вдоль скалы футов на пятьдесят, и ширина его была почти одинакова на всем протяжении.

Но вскоре Карла постигло разочарование. Спуститься с уступа могла бы разве кошка или другое животное, вооруженное крючковатыми когтями — во всяком случае, не находилось места, удобного для спуска, — и он вернулся к тому месту, где вскарабкался на утес, сильно опасаясь, что ему так и не удастся спуститься.

Карл разыскивал спуск и был всецело поглощен осмотром нижней части утеса. Но, идя назад, он стал

осматриваться по сторонам и заметил в скале, в нескольких футах над уступом, темное отверстие. Оно было величиной с обыкновенную дверь, и, приглядевшись, Карл обнаружил, что это вход в пещеру. Он заметил также, что пещера постепенно расширяется и, вероятно, очень велика. Однако в данный момент она его не интересовала. У него лишь промелькнула мысль, что ему, может быть, придется там переночевать. Это было вполне вероятно, если, конечно, Каспар и Оссару не хватятся его до наступления ночи и не освободят из этой «тюрьмы». Но они вполне могли этого не сделать — ведь случалось, что тот или другой из них уходил надолго, и товарищи нисколько за него не тревожились. Вероятно, они начнут беспокоиться о нем, лишь когда стемнеет. Но в темноте они могут пойти не в ту сторону и будут долго блуждать по лесу, пока не приблизятся к месту, где он находится. Он был в самом дальнем конце долины, в расселине, замкнутой скалами и загороженной высоким лесом, поэтому издали не будет слышно его криков.

Он прекрасно понимал, что сам не в силах выбраться отсюда. Остается ждать прихода Оссару или Каспара. Итак, вооружившись терпением, Карл уселся на краю уступа.

Не думайте, что он сидел молча. Он понимал, что, если будет молчать, охотникам будет трудно его найти, поэтому по временам он вставал и зычно кричал; эхо подхватывало его крик и разносило по расселине. Но на его призыв отвечало только эхо. Хотя он кричал очень громко, ни Каспар, ни Оссару его не слышали.

Глава XLVIII

ТИБЕТСКИЙ МЕДВЕДЬ

Целых два часа просидел Карл на уступе. Он уже начинал терять терпение и ругал себя за свой легкомысленный поступок. Он не слишком тревожился за свою дальнейшую участь, так как был уверен, что товарищи

в конце концов выручат его. Правда, может случиться, что они не разыщут его в этот день или в эту ночь и ему придется просидеть до утра на уступе. Но это также его не смущало. Он может обойтись без ужина, может проспать ночь в пещере, это не в диковинку человеку, привыкшему недоедать и ночевать под открытым небом. Даже если бы у него не было никакого убежища, он преспокойно растянулся бы на уступе и проспал бы так всю ночь. Утром товарищи наверняка отправятся на поиски. Он криками подзовет их к себе, и приключение кончится благополучно.

Так размышлял Карл, утешая себя тем, что в его положении нет ничего опасного.

Но неожиданно его встревожил странный звук.

Сидя на краю уступа, он услыхал какое-то фырканье, похожее на то, какое издает осел, перед тем как зареветь.

Невдалеке от утеса росли кусты, и звук доносился из их чащи.

Карл начал прислушиваться и всматриваться в кусты. Через минуту звук повторился, хотя животное, которое его издавало, не показывалось. Однако ветка шевелилась, в чаще кто-то пробирался, а громкий треск сучьев и веток доказывал, что это животное большое и грузное.

Через мгновение Карл увидел, как из кустов на поляну вышел большой зверь.

Он сразу же узнал это животное. Не было сомнений, что перед ним медведь, хотя Карлу еще не приходилось встречать такой породы. Все члены семейства мишек так похожи друг на друга, что всякий, кто видел хоть одного — а кто их не видал! — легко узнает остальных.

Тот, которого увидел наш охотник за растениями, был средней величины, то есть меньше полярного медведя или гризли Скалистых гор, но крупнее породы, обитающей на Борнео, или малайского медведя. Он был немного меньше медведя-губача, с которым у Карла было такое смешное приключение в предгорьях Гималаев, и тоже совершенно черный, хотя шерсть была не такая

длинная и косматая. Как и у губача, нижняя губа у него была беловатая, а на шее красовалось белое пятно в виде буквы «У»: продольная полоска шла посередине груди, а развилки — к плечам; такое пятно характерно для нескольких пород медведей, обитающих на юге Азии.

Впрочем, вид у медведя был весьма своеобразный: у него была на редкость толстая шея, большие уши, плоская голова и странно вытянутая морда, в противоположность медведю-губачу, у которого очень крутой лоб. Был он приземистый и неуклюже переступал на толстых лапах, вооруженных короткими, тупыми когтями.

Таков был медведь, вышедший из кустов. Охотник никогда еще не встречал такой породы, но по описаниям узнал тибетского медведя — одну из пород, населяющих высокие плоскогорья Тибета; предполагают, что она обитает на всем протяжении верхних Гималаев, так как встречается в Непале и других местах.

Я сказал, что Карл очень испугался, увидев этого черного зверя, но он быстро оправился от страха. Во-первых, он читал, что эти медведи отличаются мирным характером, они не плотоядные, питаются только плодами и никогда не нападают на человека, пока их не раздразнят или не ранят. Тогда они, конечно, защищаются, как и всякое даже самое безобидное животное.

Кроме того, Карл находился на такой высоте, что медведь едва ли мог к нему залезть. Вероятно, зверь пройдет мимо скалы и, если Карл не будет шуметь, даже не посмотрит в его сторону. Итак, Карл замер на месте, притаившись, как мышь.

Но Карл ошибся, воображая, что медведь пройдет, не заметив его.

Медведь не собирался уходить — у него были совсем другие намерения.

Некоторое время он бродил среди камней, по-прежнему пофыркивая, затем подошел как раз к тому месту утеса, на котором сидел Карл. Потом выпрямился, оперся передними лапами о скалу, и глаза его встретились с глазами ошеломленного охотника за растениями.

Глава XLIX

ОПАСНЫЙ СПУСК

Должно быть, медведь в этот момент был ошеломлен не менее Карла, хотя и не так испуган. Он, по-видимому, встревожился, так как, заметив охотника, опустился на передние лапы и, казалось, некоторое время раздумывал, не повернуть ли ему назад и не скрыться ли в чаще.

Несколько раз он озирался, тревожно ворча; потом, словно победив свой страх, снова подошел к утесу, явно собираясь на него вскарабкаться.

Когда появился медведь, Карл сидел на краю уступа, в том месте, где поднялся на скалу. И по тем же самым выступам собирался подниматься и медведь. Разгадав его намерение, Карл вскочил и в ужасе заметался по уступу, не зная, что делать, куда бежать.

Нечего было и думать о том, чтобы остановить медведя. У Карла не было никакого оружия, даже ножа, а если он попытается бороться с медведем, надеясь только на свою силу, то борьба наверняка кончится тем, что огромный зверь задушит его в своих объятиях или сбросит с утеса. Поэтому Карлу даже не приходило в голову защищаться — он думал только об отступлении.

Но как отступить? Куда бежать? На тесном уступе от медведя все равно никуда не спрячешься, а если зверь намерен на него напасть, то Карл вполне может остаться на месте и встретить его здесь.

Карл все еще колебался, не зная, как поступить. Медведь уже начал карабкаться на утес, когда охотник вдруг вспомнил о пещере. Может быть, там он сможет спрятаться?

У него не было времени обдумывать свое решение. Подбежав к отверстию пещеры, он влез в нее и, пройдя в темноте два—три шага, спрятался за выступ скалы у входа.

К счастью, он прижался к стене. Он сделал это для того, чтобы скрыться в темноте. Если бы он остался на середине прохода, медведь задавил бы его, навалившись всей своей тушей, или задушил огромными лапами —

Глаза медведя встретились с глазами охотника.

Карл и пикнуть бы не успел. Едва он спрятался, как медведь вошел в пещеру, продолжая рычать и фыркать, но не остановился у входа, а побежал дальше; судя по удаляющемуся шуму, он ушел далеко в глубь пещеры.

Охотник за растениями спрашивал себя, что делать дальше: оставаться ли там, где он стоит, или вернуться на уступ?

Конечно, его положение не из приятных. Если медведь вернется, то наверняка увидит его. Карлу было известно, что эти звери обладают способностью видеть почти в полной темноте; поэтому медведь заметит его, а если и не приметит, то почует.

Оставаться в пещере было бесполезно, и хотя снаружи ему угрожала не меньшая опасность, он все же решил выйти. Во всяком случае, там будет светло, и он увидит неприятеля прежде, чем тот нападет,— его ужасала мысль, что он погибнет во мраке пещеры, задушенный невидимым врагом. Если он встретит там свою смерть, то ни Каспар, ни Оссару даже не узнают, что с ним случилось, — его кости навеки останутся в темной пещере; это было бы так ужасно!

При мысли об этом Карл бросился вон из пещеры.

Он мигом добежал по уступу до того места, где начинался спуск со скалы; здесь он остановился и простоял несколько минут, то тревожно озираясь на отверстие пещеры, то со страхом поглядывая на головокружительный спуск.

Карл был далеко не трус, хотя при других обстоятельствах едва ли решился бы спуститься с утеса. Но сейчас, когда он был так напуган, ему представлялось, что спуск не так уж опасен, к тому же мишка мог вот-вот вернуться, — и Карл решил сделать еще одну попытку.

Против ожидания, ему сразу удалось нащупать ногами выступ и встать на него. Это придало ему уверенности, и он уже начал надеяться, что через минуту-другую окажется внизу и сможет спастись от медведя на дереве или же выстрелить в него — ведь заряженное ружье лежало у подножия утеса.

Неудивительно, что он смотрел на уступ взглядом, полным тревоги. Если медведь сейчас нападет на него, как ужасна будет его судьба!

Но медведь все не показывался, а Карл мало-помалу спускался все ниже и ниже.

Карл проделал около половины спуска, и до земли оставалось еще добрых двадцать футов, когда внезапно он потерял опору под ногами. Он ступил было на выдававшийся камень, но тот отломился, — не оставалось даже места, куда упереться носком ноги. Карл успел ухватиться за выступ и повис на руках.

Это был страшный момент. Если он не найдет опоры для ног, то неминуемо свалится в расселину!

Поверхность утеса оказалась гладкой, как стекло, — ни малейшей опоры! Карл решил, что он погиб.

Он попытался было подтянуться и взобраться на уступ, но это ему не удалось. Спасения не было...

Но он все еще боролся с тем упорством, с каким юное существо цепляется за жизнь, и продолжал висеть на руках, сознавая, что каждый миг может оборваться.

Вдруг он услышал снизу голоса, возгласы ободрения, крики: «Держись, Карл! Держись!»

Он узнал голоса, но товарищи пришли слишком поздно. Он мог ответить им только слабым криком. Это было его последнее усилие. Руки у него разжались — и он полетел с утеса!

Глава L

ТАИНСТВЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Бедняга Карл! Наверно, он разбился насмерть о камни или переломал себе кости...

Не торопись, читатель! Карл не разбился, даже не ушибся. Падение повредило ему не больше, чем если бы он упал с кресла или скатился с мягкого дивана на ковер в гостиной.

Сейчас я расскажу, как он спасся.

Каспар и Оссару ожидали, что Карл вернется рано. Видя, что он долго не возвращается, они решили, что с

ним случилось что-то недоброе, и отправились на поиски. Они не нашли бы его так быстро, если бы не Фриц. Пес повел их по следу. Им не пришлось разыскивать Карла в долине, и вскоре они достигли расселины, где и разыскали его.

Они явились в тот критический момент, когда Карл делал последнюю попытку спуститься с утеса. Они кричали ему, чтобы он остановился, но он был так поглощен спуском, что даже не слыхал их. Это было как раз в тот миг, когда ботаник потерял опору, и Каспар с Оссару видели, как он беспомощно шарит по скале ногами.

Сообразительный Каспар быстро догадался, что делать. Они подбежали к скале и вытянули руки кверху, чтобы подхватить Карла при его падении. У Оссару на плечах оказался широкий кожаный плащ; он сбросил его по приказанию Каспара, и они поспешно растянули его, держа высоко над головой. Занимаясь этими приготовлениями, они кричали Карлу: «Держись!» Едва успели они поднять плащ, как Карл упал прямо на него. И хотя толчок свалил всех троих с ног, они тотчас же вскочили целые и невредимые.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Каспар. — Вот это называется поспеть вовремя! Ха-ха-ха! Сегодня для меня счастливый день, хотя можно ли назвать его счастливым, когда он чуть было не оказался роковым для обоих моих спутников?

— Для обоих? — удивленно спросил Карл.

— Ну да, брат! — ответил Каспар. — Сегодня я спас двух людей.

— Как, Оссару тоже угрожала опасность?.. Ба! Да он весь мокрый, до нитки! — сказал Карл, подойдя к шикари и потрогав его одежду. — Да и ты тоже, Каспар... Что это значит? Вы упали в озеро? Тонули?

— Ну да, — ответил Каспар, — Осси тонул. (Каспар часто называл Оссару этим уменьшительным именем.) Даже хуже, чем тонул. Нашему товарищу грозила еще более ужасная гибель — он чуть не был проглочен!

— Проглочен? — в изумлении воскликнул Карл. — Что ты хочешь сказать, брат?

Это был страшный момент...

— Только то, что я сказал: Оссару едва не был проглочен... Еще немного — и от него не осталось бы и следа...

— Ах, Каспар, ты, кажется, смеешься надо мной! В озере нет китов, и наш бедный шикари не мог очутиться в роли Ионы. Нет ни акул, ни других больших рыб, которые могли бы проглотить взрослого человека. Так о чем же ты говоришь?

— Честное слово, брат, я говорю совершенно серьезно. Мы с тобой чуть было не потеряли своего товарища — он находился на краю гибели, совсем как ты. И если бы мне не удалось спасти Оссару, мы с ним не пришли бы тебе на помощь, и я потерял бы и тебя. Я мог лишиться сразу вас обоих! Что бы тогда было со мной?.. Нет, сегодняшний день нельзя назвать удачным! Ведь о пережитых опасностях потом даже вспоминать тяжело. Меня бросает в дрожь, как подумаю, что нам сегодня угрожало...

— Говори же, Каспар! — перебил его ботаник. — В чем дело? Расскажи, что с вами случилось, почему вы такие мокрые. Кто собирался проглотить Оссару? Рыба, зверь или птица? Скорей всего, рыба, — прибавил он шутливо, — раз вы оказались в воде.

— Конечно, рыба играла тут известную роль, — отвечал Каспар. — Оссару доказал, что в озере есть крупные рыбы, — он поймал рыбину, пожалуй, не меньше его самого. Но едва ли там оказалась бы такая, которая могла бы его проглотить. А между тем то чудовище, которое собиралось совершить такой подвиг, наверняка проглотило бы его, и от бедняги осталось бы лишь одно воспоминание.

— Чудовище! — воскликнул Карл в крайнем изумлении и ужасе. — Каспар, ты раздразнил мое любопытство. Прошу тебя, не теряй времени и скорее расскажи мне, что с вами произошло!

— Я предоставляю это Осси, потому что приключение было с ним, а не со мною. Я даже не видел, как все это случилось, но, к счастью, пришел туда в решительную минуту и протянул руку помощи. Бедный Осси! Не приди я вовремя — интересно, где он был бы? На-

верно, на глубине нескольких футов под землей. Ха-ха-ха! Конечно, это дело серьезное, брат, и смеяться не следует, но, когда я увидел Оссару, прибежав ему на выручку, он находился в таком необычном положении и у него был такой потешный вид, что я никак не мог удержаться от смеха... Да и сейчас меня невольно разбирает смех, стоит мне представить себе эту картину.

— Каспар, — воскликнул Карл, раздосадованный недомолвками брата, — ты кого угодно можешь вывести из терпения!.. Рассказывай, Оссару, я хочу знать все, что с тобой произошло. Не обращай внимания на Каспара — пусть себе смеется. Говори же, Оссару!

Тут шикари рассказал о своем приключении, которое едва не стало для него роковым.

Глава LI

«БАНГ»

Оссару удалось сделать настоящую рыболовную сеть. Так как ему не позволили отравить озеро «волчьим зельем», а бамбука для верши у него не было, он стал искать другой материал для сети и вскоре нашел растение, которое в изобилии росло в долине, особенно же на берегах озера.

Это было высокое однолетнее растение с лапчатыми, зазубренными по краям листьями, увенчанное кистью зеленоватых цветов. С виду в нем не было ничего замечательного, только стебель его был покрыт короткими жесткими волосками и, не разветвляясь, поднимался на высоту двадцати футов. Много этих растений росло в одном месте; все трое уже обратили на них внимание, и Каспар сказал, что это растение похоже на коноплю. Он не ошибся — это и была конопля, ее индийская разновидность, вернее — вещество, из нее добываемое, называется индийской коноплей.

Как известно, конопля дает превосходный материал для выделки грубых тканей, всевозможных канатов и веревок. Для этой цели используют волокнистую обо-

лочку стебля, отделяемую от него почти тем же способом, каким обрабатывают лен. Коноплю связывают в пучки и некоторое время мочат в воде. Высушив, ее мнут, треплют, а когда отделятся волокна, их расчесывают, причем они становятся все более тонкими. Тонкость волокна не зависит от размеров стеблей, ибо высокие, грубые стебли итальянской и индийской конопли дают столь же тонкое волокно, как и более низкорослые мелкие северные сорта.

В России из семян конопли добывают масло, которое идет в пищу, а художники разводят на нем краски.

Конопляное семя дают также домашней птице, так как, по народному поверью, куры от него хорошо несутся. Мелкие птички также очень его любят, но при этом наблюдается странное явление: если кормить снегирей и щеглов исключительно конопляным семенем, то их яркое красное и желтое оперение постепенно чернеет.

Несмотря на все свои ценные свойства, это растение может быть не только вредным, но и опасным. Оно содержит сильное наркотическое вещество; любопытно, что индийская конопля и вообще южные сорта значительно богаче этим веществом, чем европейские ее виды. Это, конечно, объясняется разницей в климате. Всякий, кто долго пробудет в конопляннике, наверняка испытает неприятное действие конопли — головную боль и головокружение. В жарких странах конопля действует еще сильнее и вызывает своего рода опьянение.

Восточные народы давно уже обратили внимание на эти свойства конопли и стали приготовлять из нее снадобье, которое употребляют наряду с опиумом, — оно оказывает точно такое же действие: опьянение, экстатический подъем духа, за которым неизменно следует тяжелая реакция — полный упадок сил. Это снадобье известно у турок, персов и индусов под различными названиями: например, «банг», «гашиш», «кинаб», «ганга» и др.; оно разрушительно действует на весь организм и на умственные способности.

Но Оссару не задумывался о вредных последствиях курения этого наркотика; заметив в долине коноплю, он

вскрикнул от радости и принялся готовить себе порцию «банга».

Шикари был очень доволен, обнаружив в долине коноплю. Он давно страдал от отсутствия бетеля, который не могли заменить листья ревеня; конопля как нельзя лучше устраивала Оссару: из нее можно было получить опьяняющий напиток, а ее листья годились для курения; их нередко употребляют для этой цели, смешивая с табаком.

Но у Оссару были и другие основания радоваться этому открытию: он знал, что из волокон конопли может сделать бечевки, из бечевок — сеть, а сетью ловить рыбу.

Оссару тотчас же приступил к делу. Нарвав конопли, он связал ее в пучки, отнес к горячему источнику и погрузил в воду, где она некоторое время мокла. Замечено, что в горячей воде достаточно продержать коноплю или лен всего несколько часов, между тем как в холодной приходится мочить их несколько недель.

Оссару вскоре приготовил достаточное количество волокна, отделив его вручную. Работая без устали, он через несколько дней сделал настоящую сеть длиной в несколько ярдов.

Оставалось только забросить ее в воду и узнать, какая рыба ловится в этом уединенном горном озере.

А теперь перейдем к приключению Оссару.

Глава LII

СЕТЬ ЗАБРОШЕНА

Вскоре после Карла ушли и его товарищи. Каспар и Оссару отправились в разные стороны: Каспар с ружьем — на охоту, а Оссару — к озеру ловить рыбу.

Подойдя к озеру, шикари быстро выбрал место, где лучше всего было поставить сеть. На одном конце озера был небольшой залив, вдававшийся в берег ярдов на двадцать; в него впадал ручей, начало которому давал горячий источник.

Устье залива было узкое и напоминало небольшой пролив. Залив был довольно глубокий, но в проливчике не было и трех футов глубины. Дно его покрывал белый песок, блестевший на солнце, как серебро. В ясную погоду с берега можно было наблюдать, как рыбы всевозможных пород и размеров резвятся в прозрачной воде, на фоне серебристого песка. Охотникам доставляло удовольствие смотреть, как играют рыбы, и они не раз ходили на берег залива.

Оссару испытывал при этом скорее досаду, чем удовольствие: эти красивые рыбки, казалось, были совсем близко, но поймать их он не мог. Даже в заливе на самом мелком месте ему не удалось построить плотину. Оссару безуспешно перепробовал несколько способов рыбной ловли. Он попытался стрелять в рыбу, но она плавала слишком глубоко — и ему никак не удавалось в нее попасть. Дело в том, что Оссару еще никогда не приходилось стрелять в рыбу, и, не имея понятия о законах преломления света, он всякий раз промахивался, потому что целил слишком высоко.

Будь он индейцем, уроженцем Северной или Южной Америки, а не жителем Восточной Индии, его стрелы всякий раз попадали бы в цель.

Ему приходилось входить в воду лишь для того, чтобы вылавливать свои стрелы. Поэтому он испытывал досаду, глядя, как весело и беспечно играет рыба на серебристом песке; эта досада и подстрекнула его поскорее сделать сеть.

Но вот сеть была готова, и Оссару с торжествующей улыбкой понес ее к озеру, радуясь, что сможет наконец отомстить рыбам; он сердился на бедных рыбок за то, что они так долго ему не давались.

Шикари собирался поставить сеть поперек залива и сделал ее как раз такой длины, чтобы можно было растянуть от одного берега до другого.

К верхнему краю сети был привязан прочный ремень, сделать который было легче, чем веревку, к другому краю — веревка с закрепленными на ней грузилами. Грузила, а также поплавки из легкого, сухого дерева, привязанные к верхнему краю сети, должны были

как следует растягивать сеть и удерживать ее в вертикальном положении.

Сеть должна была перегородить устье залива так, чтобы рыба не могла ни войти, ни выйти из него. У сети были крупные ячейки, так как Оссару не нужна была мелкая рыбешка. Теперь уж рыба не уйдет от него!

Оссару поставил сеть в самом узком месте залива, как раз у самого выхода из него. Это ему легко удалось сделать. Он привязал ремень к молодому деревцу, стоявшему у самой воды. Потом, держа сеть за верхний край, чтобы она не запутывалась, он перешел залив вброд и закрепил веревку на другом берегу. Грузила потянули нижний край сети на дно, а поплавки удерживали верхний край на поверхности воды.

На другом берегу залива росло большое дерево, ветви которого простирались над водой чуть не до самой его середины. И когда солнце склонилось к закату, густая листва бросила тень на воду, придавая ей темноватый оттенок. В это время рыбу нелегко было увидеть, даже на фоне серебристого песка.

Но Оссару выбрал час, когда солнце скрывается за деревом, так как знал, что в ярком солнечном свете рыба заметит сеть, испугается и уйдет. Поэтому он решил заняться ловлей после полудня.

Закрепив оба конца сети, он уселся на берегу и, вооружившись терпением, стал ждать результатов.

Глава LIII

ОССАРУ КРЕПКО СХВАЧЕН

Больше часа просидел Оссару, следя за малейшей рябью на поверхности залива, за малейшим движением поплавков; но можно было подумать, что в озере нет ни одной рыбы. Раз или два набегала легкая рябь, поплавки чуть вздрагивали, и Оссару казалось, что «клюнуло»; но, войдя в воду и осмотрев сеть, он не находил там ни одной рыбешки и возвращался на берег с пустыми руками. Эту рябь вызывала либо мелкая рыбка, просколь-

знувшая сквозь сеть, либо крупная, которая, подойдя к сети и коснувшись ее носом, пугалась и уходила обратно в омут, откуда вышла.

Оссару уже начинал терять терпение и с досадой думал о том, что товарищи поднимут его на смех, когда он ни с чем вернется в хижину. Он рассчитывал блеснуть своим рыболовным искусством, а теперь ему грозил постыдный провал.

Внезапно ему пришла в голову блестящая мысль: нужно попросту загнать рыбу в сеть, войдя в озеро, наделав побольше шуму и взбудоражив воду. План был превосходный, и Оссару поспешил привести его в исполнение. Вооружившись длинной палкой и набрав крупных камней, он вошел в залив выше того места, где стояла сеть, и направился к ней, с шумом рассекая воду, колотя по ней палкой и швыряя камни в самые глубокие места; он наделал такого шуму, что перепугал всю рыбу в озере.

Его затея увенчалась успехом: не прошло и трех минут, как поплавки стали дергаться, доказывая, что в сеть попалась рыба. Шикари перестал будоражить воду и бросился вытаскивать добычу. Подойдя, он увидел, что рыба попалась довольно крупная. Она находилась в самой середине сети, и Оссару довольно быстро схватил ее. Рыба оказалась сильной и отчаянно билась, пытаясь вырваться из рук врага, но тот прикончил ее, стукнув по голове камнем.

Шикари уже хотел выйти со своей добычей на берег, когда, к своему изумлению, обнаружил, что не может ступить ни шагу. Он попытался двинуть одной ногой, потом другой — напрасно! Обе ноги были крепко схвачены, словно тисками. Сперва он был только озадачен и изумлен, но его изумление сменилось отчаянием, когда он почувствовал, что не в силах двинуть ногой, сколько бы ни старался. Он сразу же сообразил, в чем дело, ибо тут не было ничего таинственного. Пока шикари возился с рыбой, он незаметно начал погружаться в зыбучий песок. Он ушел в песок уже выше колен, так что даже не мог согнуть ноги и стоял неподвижно как вкопанный.

Я сказал, что Оссару в первый момент только удивился, но это чувство быстро сменилось отчаянием и ужасом, когда он обнаружил, что постепенно все больше погружается в песок. Да, сомнений нет: он уходит все глубже и глубже! Песок доходил ему уже до бедер, а так как вода здесь была глубиной почти в ярд, то его подбородок почти касался воды. Еще каких-нибудь шесть дюймов — и он утонет стоя; он захлебнется, и некоторое время его глаза будут над водой, а небесный свет будет отражаться в его мертвых зрачках. Ему грозила ужасная судьба!

Не надо думать, что Оссару молча переносил это страшное испытание, — как только он понял, что ему угрожает смерть, он принялся изо всех сил кричать и пронзительно засвистел; лес и скалы загудели вокруг, и эхо далеко разносило его отчаянные призывы.

К счастью, Каспар бродил с ружьем неподалеку от озера. Он тотчас же побежал на крики и вскоре очутился на берегу залива. Однако ему не сразу удалось вызволить Оссару. Каспар вошел в воду и приблизился к шикари, но был не в состоянии его вытащить. Действительно, стоило только Каспару остановиться, как он сам начинал погружаться в песок, поэтому ему приходилось все время двигаться и переступать с ноги на ногу. Было ясно, что у него не хватит сил спасти шикари, и наши друзья приуныли.

В первую минуту Каспар от души расхохотался, увидев, что Оссару стоит по горло в воде с убийственно мрачным видом, но, когда он понял, какая смертельная опасность угрожает шикари, его смех оборвался и лицо омрачилось тревогой.

Каспар был чрезвычайно сообразителен и не терял голову в момент опасности; он мгновенно придумал план спасения Оссару. Крикнув шикари, чтобы тот стоял спокойно, юноша выскочил на берег, отвязал сеть, выдернул ремень из ее верхнего края, обрезав ячеи и поплавки. Потом быстро влез на большое дерево и прополз вдоль горизонтальной ветки, нависавшей как раз над тем местом, где стоял шикари. Он захватил с собой ремень. Бросив Оссару один его конец и приказав

ему обвязаться вокруг пояса, он перекинул другой конец через ветку и спрыгнул в воду.

Оссару быстро обвязал себя ремнем под мышками, затем оба брата схватились за другой его конец и стали изо всех сил его тянуть. К великой их радости, у них оказалось достаточно сил.

Постепенно песок начал отпускать Оссару из своих цепких объятий. Братья продолжали изо всех сил тянуть и дергать ремень; наконец ноги шикари высвободились из песка — он был спасен! Оба выскочили на берег и радостными криками пробудили в скалах эхо, которое еще недавно повторяло отчаянные вопли шикари.

Глава LIV

НУЖЕН МЕДВЕЖИЙ ЖИР

Только что пережитая смертельная опасность отбила у Оссару охоту к рыбной ловле, по крайней мере на ближайшее время. К тому же сеть сильно пострадала, когда Каспар выдергивал из нее ремень, и ее необходимо было починить, прежде чем снова ставить. Итак, захватив пойманную рыбу и сеть, Каспар и Оссару направились к хижине.

Придя домой, они удивились, что Карл еще не вернулся. Уже вечерело. Не случилось ли с ним чего-нибудь? Сильно встревоженные, они тотчас же отправились его искать.

Как мы уже знаем, Фриц повел их по следу. И они подоспели как раз вовремя, чтобы спасти Карла.

— Скажи, брат, — спросил Каспар, — зачем ты туда полез?

Карл подробно рассказал о своем приключении и посвятил их в свой план, состоявший в том, чтобы подняться на утес по лестницам.

Когда он заговорил о медведе, Каспар насторожился.

— Как! Медведь? — воскликнул он. — Ты говоришь, медведь? Куда же он ушел?

— В пещеру. Он и сейчас там.

— В пещере? Отлично! Мы его захватим. Давайте сейчас же за ним полезем!

— Нет, брат, я думаю, опасно нападать на него в пещере.

— Ничуть, — возразил отважный охотник. — Оссару говорит, что здешние медведи — большие трусы и что он не побоялся бы выйти на такого зверя с копьем один на один... Правда, шикари?

— Да, саиб. Он медведь — большой трус, я его не бояться.

— Помнишь, Карл, как удрал от нас тот медведь? Ну совсем как олень!

— Но этот другой породы, — возразил Карл и подробно описал встреченного им медведя.

Оссару сразу же по описанию узнал зверя и заявил, что это животное почти такое же трусливое, как медведь-губач.

Он участвовал в одной экспедиции и охотился на тибетских медведей в горах Силхета, где их очень много. По его мнению, охотники вполне могли войти в пещеру к медведю.

В конце концов товарищи убедили Карла. Он стал думать, что медведь, быть может, вовсе и не гнался за ним, — иначе непременно выбежал бы наружу, не найдя его в пещере; скорее всего, он жил в пещере и бросился туда, убегая от Карла, чтобы спрятаться в своем логовище. Это легко можно было допустить — ведь охотники довольно долго простояли внизу, а мишка так и не появился на уступе.

Итак, решено было забраться в пещеру втроем и убить медведя.

Правда, решение приняли после длительного обсуждения. Были приведены весьма веские доводы, которые решили дело в пользу охоты на медведя.

Прежде всего зверь им действительно нужен.

Речь шла не только о теплой шкуре, хотя она может им очень пригодиться — ведь зима уже не за горами, и не простой охотничий азарт толкал их на это рискованное предприятие. Нет, у них совсем другая цель: им нужна медвежья туша, или, вернее, медвежий жир.

Зачем, спросите вы? Чтобы приготовить помаду для ращения волос? Но у всех троих волосы, уже давно не видавшие ножниц, были и без того очень длинные.

У Каспара кудри вились по плечам, а черные волосы Оссару спускались до пояса, жесткие и прямые, как конский хвост. Шелковистые локоны Карла придавали ему весьма романтический вид... Нет! Медвежий жир был им нужен не для ращения волос, а для готовки. Прежде всего они собирались на нем жарить. Медведь был особенно для них ценен, так как им приходилось большей частью охотиться на жвачных животных, у которых очень мало жира.

Тому, кто живет в стране, где сколько угодно сала и масла, трудно себе представить, как можно обходиться без этих важных продуктов. В большинстве культурных стран все необходимое количество жира дает свинья. И вы не можете себе представить, насколько важен этот продукт, пока не попадете в страну, где свиньи нет в числе домашних животных. В таких местах жир высоко ценится, так как без него трудно готовить.

Судьба медведя была решена. Охотники знали, что у этих зверей много жира, который был им нужен теперь и понадобится в долгие зимние ночи. Может быть, в пещере и не один медведь — тем лучше: они перебьют их всех. Каспар привел еще другой, более веский довод, окончательно убедивший Карла, что необходимо проникнуть в пещеру.

— А вдруг, — сказал он, — нам удастся выбраться наружу через эту пещеру? Что, если она ведет кверху и у нее есть выход где-нибудь наверху или по ту сторону горы?

Карл и Оссару невольно вздрогнули при его словах. Эта мысль сильно их взволновала.

— Я читал, что бывают пещеры, — продолжал Каспар, — которые прорезают гору насквозь. В Америке есть пещера, которую исследовали на протяжении двадцати миль, — кажется, она называется Мамонтовой. Ведь и эта пещера может оказаться сквозной. Ты говорил, она глубокая, Карл? Давайте исследуем ее и посмотрим, куда она ведет!

Правда, надежда была слабая, но все же следовало сделать попытку, тем более что обследовать, вероятно, пещеру будет легче, чем сооружать лестницы для подъема. Вдобавок после исследования каменной стены они убедились, что на утесы все равно невозможно взобраться, и почти отказались от мысли о лестницах. Если у этой пещеры окажется выход по ту сторону горы, они смогут уйти из своей ужасной «тюрьмы».

Они сознавали фантастичность своего замысла, но зародившаяся надежда все же вдохнула в них бодрость.

Решено было исследовать пещеру на следующий день. Хотя солнечный свет и помог бы им, они вполне могли бы начать свою разведку и ночью. Однако они не были готовы к ней. Необходимо было изготовить побольше факелов, срубить дерево и сделать зарубки на его стволе, чтобы взобраться по нему на утес. К завтрашнему утру все будет готово.

Они вернулись в хижину и сразу же начали заготовлять факелы и добывать ствол для лестницы. Работали до поздней ночи, и никто не думал о сне, пока не была закончена бóльшая часть приготовлений.

Глава LV

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ ПРИ СВЕТЕ ФАКЕЛОВ

Едва рассвело, они снова принялись за работу. Наконец все было готово, и маленький отряд направился к расселине.

Каспар и Оссару несли импровизированную лестницу — сосновый ствол футов сорока длиной, на котором были сделаны топором зарубки на расстоянии примерно фута друг от друга. На более тонкой части ствола зарубок не было, так как ветки, коротко обрубленные, вполне заменяли ступени.

Будь дерево свежим, даже двум сильным мужчинам было бы тяжело нести ствол длиной в сорок футов. Но им удалось найти давно упавшее, сухое дерево. Тем не менее нести его пришлось вдвоем. Карл нес ружья, фа-

келы и длинное копье шикари. Фриц не нес ничего, кроме своего хвоста, но нес его так лихо, словно знал, что замышляется что-то необычайное и что в этот день они убьют большого зверя.

Они шли медленно, делая частые передышки, и через два часа добрались до расселины и подошли к скале.

На установку лестницы потребовалось около часа. Ее водрузили почти против устья пещеры, а не на том месте, где взбирался Карл, так как в скале нашлась удобная трещина, в которой можно было прочно установить лестницу. Верхний конец ствола втиснули в трещину, и он плотно в ней засел. Нижнии конец неподвижно укрепили, навалив вокруг него целую кучу тяжелых валунов. Теперь оставалось только подняться, зажечь факелы и войти в пещеру.

Однако вставал вопрос: в пещере ли еще медведь? Этого никто не мог сказать.

Со вчерашнего вечера он сто раз мог уйти, и вполне можно было допустить, что он отправился на ночную прогулку. Но вернулся ли он домой, встретит ли гостей или еще бродит по чаще, обрывая ягоды с кустов и лакомясь медом из ульев диких пчел?

Невозможно было узнать, дома ли хозяин, но дверь была открыта и гости могли войти.

Некоторое время охотники колебались и обсуждали вопрос: не лучше ли подождать в засаде, пока медведь выйдет из пещеры или вернется в нее? Несомненно, его берлога находилась в пещере. Видно было, что медведь часто поднимался на уступ все тем же путем. Камни были исцарапаны его когтями. Карл это заметил еще в прошлый раз, и потому можно было именно здесь встретить медведя.

Его легко было бы поймать в ловушку, и это избавило бы их от борьбы, но такой способ не нравился ни Каспару, ни шикари, а Фриц энергично подавал голос за борьбу.

Оссару уверял, что охота на медведя не опаснее, чем охота на замбара, — ведь они так хорошо вооружены. Он высказал, кроме того, предположение, что может пройти несколько дней, прежде чем они увидят медве-

дя. Если зверь уснул в своей берлоге, он проспит целую неделю, а потому ждать его бесполезно. Медведя нужно разыскать в пещере и сразиться с ним в его мрачной крепости. Так советовал шикари. Карл, самый осторожный из всех, сперва настаивал на ловушке, но вскоре сдался: ему, как и всем остальным, не терпелось обследовать пещеру.

Слова Каспара произвели на него глубокое впечатление, и как ни слаба была надежда на освобождение, она все же могла оправдаться. Они хватались за нее, как утопающий за соломинку.

Охотники водрузили лестницу, и вскоре все четверо (считая Фрица) уже стояли на уступе перед устьем пещеры.

Каждый взял свое оружие: Карл — ружье, Каспар — двустволку, Оссару—копье, лук, стрелы, топорик и нож.

Факелов было два, длиной в ярд, причем рукоятка была такой же длины. Сделаны факелы были из сосновых щепок, валявшихся на месте, где обтесывали стволы для моста. Щепки хорошо высохли и, связанные в пучок, должны были превосходно гореть. Охотники не в первый раз применяли факелы. Им и раньше приходилось пользоваться таким освещением, и они знали, что факелы очень пригодятся в пещере.

Они вошли в пещеру, не зажигая факелов; решили прибегать к ним лишь в случае необходимости. Но, может быть, пещера окажется совсем небольшой. Правда, Карл этого не думал. В тот раз ему показалось, что медведь ушел довольно далеко, судя по его ворчанию и фырканью, которое становилось все глуше.

Этот вопрос был вскоре решен. Отойдя на несколько десятков шагов от входа, когда вокруг них уже сгущалась темнота, они заметили, что по мере углубления в недра горы подземный коридор все расширяется и своды его становятся всё выше, — он уходил во тьму, как огромный туннель. Ему не видно было конца.

Подожгли заранее приготовленный трут, поднесли к факелам, и они ярко вспыхнули.

Пещера заискрилась мириадами огней. Тысячи сталактитов, свешивающихся с ее сводов, всеми своими гра-

нями отражали колеблющееся пламя факелов; эти гигантские сосульки были усеяны каплями кристально чистой воды, сверкавшими алмазным блеском. Нашим юным охотникам чудилось, будто они очутились в сказочном дворце Аладдина.

Они шли все дальше по широкому проходу, держа факелы высоко над головой, останавливаясь на каждом повороте и исследуя все закоулки в надежде обнаружить медведя. До сих пор нигде не было видно его следов, хотя возбужденный лай Фрица доказывал, что не так давно здесь прошел либо сам мишка, либо другой зверь. Пес, очевидно, бежал по горячему следу, и так быстро, что охотники с трудом за ним поспевали.

Вдруг собака бросилась в темноту, что-то заметив в углублении скалы. Охотники остановились и приготовились стрелять, думая, что зверь загнан.

Но через несколько мгновений Фриц выскочил из-за угла и побежал дальше по следу. Заглянув в закоулок, они увидели при свете факелов большую груду сухих листьев и травы. Это была уютная берлога мишки; сено еще сохраняло тепло его огромной туши; но хитрого зверя не удалось захватить в «постели». Его поднял шум, и он отступил в глубину пещеры.

Фриц бежал по следу, по временам издавая рычание. Основным его достоинством была удивительная преданность хозяину и безумная отвага в схватке со зверем. На него вполне можно было положиться: если он пустился по следу, то можно было рассчитывать на добычу.

Охотники не сомневались, что Фриц ведет их прямо к медведю, и лишь старались не терять собаку из виду. Валявшиеся на пути камни и крупные сталагмиты не позволяли псу быстро бежать. Видно было, что медведь довольно часто сворачивал в сторону и останавливался — ведь ему нелегко было пробираться в темноте. Фриц то и дело останавливался на поворотах, и охотники почти все время его видели.

По временам пес исчезал в темноте, тогда все трое замирали и несколько мгновений стояли в нерешимости, но, услыхав вой собаки, гулко отдававшийся под сводами пещеры, бежали дальше.

Вас удивляет, что они по временам теряли направление. Вы думаете, что, продолжая идти вперед, они должны нагнать собаку или встретить ее, когда она будет возвращаться. Дело обстояло бы так, будь в этой огромной пещере только один ход, но им встречались десятки проходов, расходящихся в разные стороны. Они давно уже не раз сворачивали то вправо, то влево, заслышав вдалеке лай бежавшего по следу Фрица или увидав его рыжую спину.

Пещере, казалось, не будет конца — там было множество «залов», ходов, коридоров и «камер»; иные были так похожи друг на друга, что охотникам казалось, будто они блуждают по лабиринту, проходя все по одним и тем же местам.

Карл уже начал опасаться, что они продвигаются слишком быстро. Ему пришло в голову, что если они будут идти все дальше, не делая никаких отметок на стенах, то могут заблудиться.

Он хотел было окликнуть товарищей и обсудить с ними этот вопрос, как вдруг раздался своеобразный шум: яростный лай собаки смешивался со свирепым рычанием медведя. Ясно было, что мишка и Фриц схватились «врукопашную».

Глава LVI

ЗАБЛУДИЛИСЬ В ПЕЩЕРЕ

Сражение происходило где-то неподалеку — ярдах в двадцати, и охотникам нетрудно было найти дорогу. Они побежали на шум, спотыкаясь о сталагмиты, то и дело стукаясь головой об острые концы сталактитов, и увидали в свете факелов посередине огромного «зала» собаку и медведя. Бой был в самом разгаре: медведь стоял на обломке скалы фута в три высотой, а пес наскакивал на него, впиваясь ему в шерсть зубами. Медведь яростно оборонялся; порой, наклонившись, выбрасывал лапы вперед, стараясь схватить собаку.

Фриц понимал, как опасно попасть в лапы к медведю, поэтому нападал сзади, бросаясь на него с разных

сторон и кусая его в спину и за лапы. Защищая свой тыл, медведь все время поворачивался.

Сцена была весьма занятной, и, если бы охотники преследовали медведя только ради забавы, они дали бы драке еще некоторое время продолжаться, не вмешиваясь в нее. Но о забаве тут не могло быть и речи — надо было добыть медвежий жир. Вдобавок охотники понимали, что в этом гигантском подземном лабиринте нетрудно потерять медведя. Он мог от них убежать так же легко, как если бы они находились в дремучем лесу.

Итак, они спешили положить конец борьбе и завладеть своей добычей. Нельзя было упустить такой случай. Стоявший на каменном пьедестале медведь был превосходной мишенью и для ружейных пуль и для стрел. К тому же они, будучи меткими стрелками, не рисковали поранить Фрица.

Охотники прицелились — грянули выстрелы, просвистела стрела, вонзившись в толстую мохнатую шкуру, и в следующий миг черная туша тяжело рухнула со скалы и распростерлась на камнях; медведь дергал лапами в предсмертных судорогах. Тут Фриц прыгнул на зверя, вцепился мертвой хваткой в шею и душил, пока тот не застыл на месте.

Фрица оттащили. Поднеся поближе факелы, охотники стали разглядывать убитого ими зверя. Это был великолепный экземпляр, на диво крупный и увесистый; из его туши, конечно, можно будет получить немало драгоценного жира.

Но не успели они об этом подумать, как у них блеснула в голове другая мысль, от которой они невольно содрогнулись; несколько мгновений они стояли в молчании, глядя друг на друга с немым вопросом. Каждый ожидал, что заговорят другие, и, хотя никто не обмолвился ни словом, всем было ясно, что они попали в тяжелое положение.

Почему же в тяжелое положение? — спросите вы. Со зверем покончено. Разве так трудно вытащить его из пещеры и отнести домой, в хижину?

Но, любуясь своей добычей, они вдруг заметили, что факелы у них догорают. Правда, они еще не погасли, но

Бой был в самом разгаре.

ясно было, что при свете их можно будет пройти лишь каких-нибудь двадцать ярдов. Факелы уже начали меркнуть и мигать, — еще несколько секунд, и они совсем погаснут. А что тогда?

Да, что тогда? Эта мысль встревожила охотников; оттого-то они и стояли, тревожно глядя друг на друга.

Они еще не осознали весь ужас своего положения. Они знали, что сейчас окажутся в темноте — в абсолютном мраке подземелья! — но им не приходило в голову, что они могут больше никогда не увидеть света.

Они думали только о том, как неприятно остаться без факелов и что, пожалуй, будет трудно найти выход из пещеры. К тому же — как они потащат медведя? Им сперва придется ощупью выбраться из пещеры, запастись новыми факелами и вернуться за добычей; но это не беда: главное — у них будет медвежий жир, а теплая мохнатая шкура, из которой получится превосходная шуба, вознаградит их за все пережитые трудности.

Но вот факелы погасли и охотники очутились в непроглядном мраке. И только когда они несколько часов пробродили в темноте, ощупывая стены, спотыкаясь о камни, проваливаясь в глубокие трещины, когда они потеряли надежду выбраться на свет и окончательно заблудились в подземном лабиринте, — они наконец осознали весь ужас своего положения и начали опасаться, что им больше не суждено увидеть свет.

Проблуждав несколько часов, охотники остановились в полном изнеможении, держась за руки, съежившись, прижавшись друг к другу и чувствуя себя безнадежно затерянными в глубоком, беспросветном мраке...

Глава LVII

БЛУЖДАНИЯ ВО МРАКЕ

Надо сказать, что их страхи не были лишены оснований. В самом деле, пещера тянулась в глубь горы на целые мили, в ней было столько запутанных ходов и наши друзья так далеко зашли в погоне за медведем, а

кругом царил такой мрак, что трудно было надеяться найти выход.

Особенно угнетала их темнота: они не видели друг друга, нельзя было разглядеть даже собственной руки.

Если вы окажетесь в полной темноте, то удивитесь, как трудно пройти в том или ином направлении. Действительно, вы не сможете идти по прямой линии, даже если у вас не будет никаких препятствий на пути.

Пройдя несколько шагов, вы начнете уклоняться в сторону и, возможно, через некоторое время даже опишете полный круг. Нет нужды об этом говорить: ведь вы играли в жмурки и сами прекрасно знаете, что, повернувшись два — три раза, вы не можете сказать, к какой стене стоите лицом, пока не прикоснетесь к роялю или к какому-нибудь другому знакомому предмету.

Наши друзья находились совершенно в таком же положении, как играющие в жмурки, с той лишь разницей, что в пещере не было ни рояля, ни мебели, ни других предметов, по которым можно определить, где находишься. Они не знали, куда повернуть, — окончательно потеряли ориентацию.

Довольно долго простояли они в странном оцепенении, крепко держа друг друга за руки. Они не решались разжать руки, боясь потерять товарищей. Правда, этого нечего было бояться, так как всегда можно было позвать друг друга, но ими овладел ужас, они чувствовали свою беспомощность и по-детски жались друг к другу.

Простояв некоторое время, они снова пустились в путь, держась за руки. Во время ходьбы эта предосторожность была нужнее, чем при остановке, — охотники боялись, как бы кто-нибудь из них не свалился с высокого уступа или в глубокую расселину, а если они будут держаться друг за друга, то меньше шансов упасть.

Так проблуждали они несколько часов. Им казалось, что они прошли уже много миль; в действительности же они продвигались очень медленно, так как приходилось на каждом шагу нащупывать путь. Все трое выбились из сил; по временам они садились на камни, чтобы передохнуть, но владевшая ими тревога гнала их даль-

ше, — тогда все поднимались снова и брели в темноте неизвестно куда.

Долго блуждали так охотники; они уверяли друг друга, что прошли немало миль, но не видели ни одного проблеска света, ни одного предмета, по которому можно было бы ориентироваться. Порой им казалось, что они отошли на несколько миль от входа в пещеру; иногда им чудилось, что они второй или третий раз проходят по одному и тому же коридору; наконец все трое узнали скалы, мимо которых уже проходили.

У них появилась надежда, что со временем можно будет изучить различные повороты и проходы и выбраться из лабиринта. Но на это уйдет немало времени, а чем они будут питаться, занимаясь этим изучением? Поразмыслив, они поняли неосновательность этой надежды.

Фриц шел то впереди, то рядом, а то и позади своих хозяев. Казалось, он тоже был смущен и испуган. Он не издавал ни звука и только когда перебирался через лежащую на дороге глыбу, было слышно царапанье его когтей. Но какой толк от Фрица? В такой тьме он не видит даже кончика своей морды. Но нет, ему очень может пригодиться его чутье, и, пожалуй, он может выручить своих хозяев.

— Постойте! — воскликнул Каспар, когда эта мысль пришла ему в голову. — Брат, Оссару! Разве Фриц не может нас вести? Разве он не может найти чутьем дорогу из этой ужасной темницы? Ведь ему здесь осточертело не меньше, чем нам!

— Что ж, попробуем, — откликнулся Карл, но в его тоне слышалось, что он не слишком-то надеется на этот опыт. — Подзови его, Каспар, ведь он к тебе так привязан!

Каспар окликнул собаку, прибавив несколько ласковых слов, и Фриц тотчас же к нему подбежал.

— Как нам поступить? Не предоставить ли его самому себе? — спросил Каспар.

— Боюсь, что он будет стоять на месте и не пойдет вперед, — возразил Карл.

— Посмотрим.

Все трое остановились и стали прислушиваться.

Они стояли долго, выжидая, что будет делать собака, но Фриц не понимал, что от него требуется, и терпеливо стоял рядом с ними, не обнаруживая желания идти вперед. Опыт не удался.

— Ну что же, — предложил Карл, — пусть он идет вперед, мы за ним. Быть может, он выведет нас.

Фрицу приказали идти вперед, и он двинулся в путь, слабо повизгивая; но, к своей досаде, они не могли догадаться, в каком направлении он ушел. Когда он бежал по следу какого-нибудь животного, то лаял, и легко было определить направление его пути, как это имело место при погоне за медведем. Но теперь он бежал бесшумно, и, хотя порой царапал когтями о камни, этот звук был слишком слаб, чтобы по нему ориентироваться. Опыт опять не удался, и Фрица снова подозвали.

Однако этот опыт все же имел благие последствия. Как и другие неудачные опыты, он заставил задуматься и вызвал усовершенствования.

Каспар ломал голову, придумывая новый выход. Оссару тоже напряженно размышлял. Вдруг он воскликнул:

— Веревка на хвост!

— Нет, — возразил Каспар, — не на хвост — так он не пойдет. Давайте сделаем ему ошейник и поводок по всем правилам. Так будет лучше, я ручаюсь!

Сказано — сделано. Сняли пояса и ремни с пороховниц и сумок, сделали поводок, повязали его собаке вокруг шеи и пустили ее вперед.

Каспар держал поводок, а остальные шли на голос Каспара.

Так прошли они еще около ста ярдов, как вдруг пес заскулил, потом залаял, словно напал на след, и через несколько секунд внезапно остановился.

Поводок натянулся, и Каспар понял, что пес прыгнул вперед и что-то схватил. Юноша нагнулся и стал ощупывать рукой камни. Неожиданно он почувствовал под рукой густую косматую шерсть.

Увы! Надежды их рухнули, — вместо того чтобы привести к выходу из пещеры, Фриц привел их обратно к медвежьей туше.

Глава LVIII

ПЕЩЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Все трое были сильно разочарованы. Особенно же их огорчило, что, придя к убитому медведю, пес не пожелал идти дальше. Ни приказания, ни ласковые слова не могли заставить его расстаться с тушей. Даже когда его оттаскивали на несколько шагов и снова отпускали, он всякий раз приводил Каспара все на то же место. Было от чего прийти в отчаяние!

Так им сперва казалось, но, поразмыслив, Карл пришел к заключению, что этот неприятный инцидент имеет свою хорошую сторону. Он уверял товарищей, что судьба им благоприятствует и что у них есть шансы благополучно выбраться из унылого подземелья, куда они так неосторожно попали.

Слова Карла ободрили охотников, и они согласились, что это большая удача: не будь у них туши, им нечего было бы есть и они вскоре погибли бы от голода.

Но теперь, найдя медведя, они смогут несколько дней прокормиться его мясом и за это время, наверно, найдут выход. Необходимо тщательно изучить место, где лежит туша. Делая отсюда вылазки в разные стороны, они всегда будут оставлять отметины, по которым смогут вернуться назад.

К счастью, в пещере имелась вода. Кое-где со скал падали капли, и можно было напиться, а совсем недавно они перешли через ручеек, бежавший в одном из проходов. Они знали, что его легко будет найти, а потому не беспокоились о питье.

Вопрос был лишь в том, долго ли они будут искать выход и хватит ли им на это время медвежатины.

Находка туши открывала новые перспективы, и, когда охотники уселись обедать, на душе у них было веселей.

Кругом было так темно, что вполне можно было назвать эту трапезу ужином. К тому же с тех пор, как они позавтракали утром, прошло уже много часов, хотя они не могли бы сказать, сколько именно; но так как после завтрака они ничего не ели, то назвали свою трапезу

обедом. Никогда еще обед или ужин не был так быстро приготовлен, потому что он вовсе не готовился — ведь у них не было огня.

Но охотники были не склонны привередничать. Прошло уже очень много времени после их скудного завтрака. Карл и Каспар сперва не решались есть сырое мясо, но муки голода становились нестерпимыми, и сырая медвежатина показалась достаточно вкусной. Для Оссару это был ужин — он не страдал такими предрассудками и давно уже съел свой обед, поэтому был далеко не так голоден, как его спутники.

Карл и Каспар ели с таким аппетитом, как если бы обедали при свете канделябров. Быть может, отсутствие света даже помогло им победить свое отвращение. Обед был весьма изысканный — медвежий окорок; ведь охотники уверяют, что вареный, жареный или даже сырой медвежий окорок — вкусное блюдо.

Пообедав, все трое ощупью направились в ту сторону, где слышалось журчание ручейка.

Они нашли место, где вода сочилась из расселины скалы, падая частыми каплями, и, припав губами к этому подземному источнику, быстро утолили жажду.

Затем они вернулись в свою «столовую». Утомленные долгими странствованиями, все трое растянулись на камнях; их сильно клонило ко сну. Правда, ложе было жесткое, но совсем не холодное, так как в больших пещерах никогда не бывает холодно. Температура там ровнее, чем на открытом воздухе: там холоднее летом и теплее зимой, так что разница между временами года почти не ощущается; во всяком случае, там не бывает ни мороза, ни жары. Таковы климатические условия в Мамонтовой пещере в Кентукки и в других больших пещерах; поэтому у врачей возникла мысль, что людям с больными легкими полезно жить в пещерах. Это побудило многих туберкулезных больных поселиться в Мамонтовой пещере, где они живут в прекрасном отеле и наслаждаются комфортом и даже роскошью.

Но Карл, Каспар и Оссару не обращали внимания на приятную, умеренную температуру в пещере. Они с радостью променяли бы ее на самую знойную страну эква-

ториального пояса или на самое холодное место полярной области. Злые москиты или свирепая стужа были бы им куда желаннее, чем мягкий, ровный климат пещеры, где никогда не сияло солнце и не шел снег.

Несмотря на их угнетенное состояние, усталость наконец взяла верх, и все трое уснули крепким сном.

Глава LIX

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПЕЩЕРЫ

Охотники проспали долго и, когда проснулись, не могли определить, день сейчас или ночь. Они только гадали об этом, вспоминая, сколько времени прошло с тех пор, как они проникли в пещеру; но такого рода суждениям вообще нельзя доверять. И в самом деле, они сильно разошлись в своих предположениях: Карл считал, что они блуждают уже два дня и ночь, а по мнению его товарищей, они находились в пещере всего сутки.

Карл приводил в доказательство тот факт, что они зверски проголодались, — значит, прошло много времени; кроме того, он уверял, что они спали именно ночью, ибо инстинкт подсказал им это время отдыха. Впрочем, Карл и сам сознавал всю шаткость второго своего довода: ведь после бессонной ночи они вполне могли заснуть в любое время дня.

Возможно, однако, что Карл был и прав. Они долгое время блуждали взад и вперед и много раз отдыхали. Терзавшая охотников смертельная тревога гнала их вперед, и неудивительно, ведь они потеряли всякое представление о пройденных расстояниях и о времени, потраченном на бесплодные поиски. Охотники долго возились, устанавливая лестницу, и день уже клонился к вечеру, когда они вошли в пещеру. Поэтому можно допустить, что они уснули лишь на вторую ночь после того, как попали в это мрачное подземелье.

Так или иначе, они спали долго и крепко, хотя и неспокойно; им снилось, что на них нападают медведи и

свирепые косматые яки. Они падали в бездонную пропасть и тщетно старались взобраться на высокие утесы. Впрочем, неудивительно, что в подобных обстоятельствах они видели такие страшные сны.

Пробуждение было мучительно. Вместо радующего глаз солнечного света и синего утреннего неба они не увидели ничего — кругом царил мрак. Вместо пения птиц или просто веселых звуков они не услышали ничего — кругом стояла могильная тишина.

В самом деле, эта пещера могла оказаться их могилой: сперва они будут здесь заживо погребены, но рано или поздно она станет усыпальницей, где будут покоиться их кости.

Таковы были их мысли при пробуждении. Действительность оказалась ужаснее сновидений.

Если отсутствие света не мешает человеку превосходно спать, то на аппетит оно влияет еще меньше. Трапеза снова состояла из сырой медвежатины без хлеба и соли.

Насытившись, они принялись за дело, решив привести в исполнение замысел Карла. Он уже успел сообщить свой план товарищам.

Они должны были делать вылазки во все стороны от того места, где был убит медведь. Отсюда расходилось лучеобразно множество проходов — они заметили это, когда факелы еще горели. Решено было исследовать их все, один за другим. Исследовать постепенно, отрезок за отрезком, пока не изучат проход, идущий в каком-нибудь направлении. Шаг за шагом они будут ощупывать скалы по обе стороны прохода, пока не запомнят всех выступов или других ориентиров. Если ориентиров не окажется, то они их сделают, насыпая кучки камней или отбивая куски сталактитов топориком. Они хотели «переметить» все проходы, чтобы потом их узнавать, подобно тому как охотник отмечает свой путь в непроходимом лесу.

Это была очень удачная мысль, и при известном терпении и настойчивости их усилия могли увенчаться успехом. При таком планомерном обследовании пещеры была некоторая надежда выбраться из нее — ведь нель-

зя рассчитывать на счастливую случайность, находясь в сложном лабиринте путаных ходов.

Они знали, что для выполнения такого плана нужно время и терпение, но терпению все трое уже научились. Сооружение моста было хорошей школой. Возможно, что этот план потребует немного времени, но вполне вероятно, что его удастся осуществить не очень скоро. Они должны быть готовы и к тому и к другому.

Но, скорее всего, пройдет немало времени, прежде чем они снова увидят солнечный свет. О, как они мечтали увидеть светлый круг у входа в пещеру, на который они едва взглянули, уходя в глубь прохода!

Поэтому охотники решили избрать одно направление и тщательно обследовать данный проход, прежде чем входить в другие. Когда первый будет пройден до конца или они убедятся, что взяли неверное направление, они оставят его и начнут исследовать другой. Таким образом, рано или поздно они неизбежно найдут проход, который выведет их из этой гигантской «тюрьмы».

Прежде чем приступить к работе, они еще раз подвергли испытанию Фрица, но пес ни за что не хотел расставаться с тушей, и, хотя Каспару порой удавалось увлечь его за собой на некоторое расстояние, он всякий раз возвращался назад к медведю. Убедившись, что Фриц не может быть их проводником, они отвязали его с поводка и приступили к выполнению плана.

Они применили довольно остроумный способ: ощупывали стены, пока не обнаружили широкий проход, который вел из «зала», где они находились. Этот проход они решили обследовать в первую очередь.

Чтобы не заблудиться на обратном пути, один из них оставался на определенном месте, а двое других шли вперед, по временам останавливаясь и отмечая свой путь. Если бы двое разведчиков свернули в неправильном направлении и заблудились, они стали бы кричать — и третий указал бы им дорогу.

Таким образом они продвигались без особых затруднений, но очень медленно. Вы можете подумать, что они могли бы идти быстрее, зная, что не заблудятся на об-

ратном пути. Но по дороге встречалось множество препятствий. Каждый боковой проход — а их были десятки — нужно было как-то отметить для будущих разведок, и знаки следовало сделать очень приметные, на что требовалось довольно много времени. Отметки делались на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы их легче было найти на обратном пути. Приходилось также перебираться через большие валуны и переправляться через трещины, повсюду пересекавшие их путь, — все это тоже отнимало время.

Итак, они продвигались медленно и с большой осторожностью, и, когда настала ночь, то есть когда они устали и проголодались, по их расчетам, они прошли примерно полмили. За эти долгие, трудные часы их не порадовал ни один луч света, но, когда они вернулись к месту отдыха, в сердце у них теплилась надежда. Завтра или послезавтра, или днем позже — не все ли равно! — они твердо верили, что снова увидят солнце.

Глава LX

ЗАГОТОВКА МЕДВЕЖАТИНЫ

Их тревожил вопрос о пище: надолго ли хватит медвежатины? Медведь был большой и жирный, в этом можно было убедиться на ощупь, и если они будут есть его понемногу, то его хватит надолго. Но как сохранить мясо? Если тушу оставить неободранной, мясо вскоре испортится, хотя и не так скоро, как на открытом воздухе: в достаточно глубоком погребе мясо сохраняется лучше, чем когда оно выставлено на солнечный свет...

Хотя местами в пещере имелась вода, но в основном там было очень сухо. Камни повсюду были сухие, а в некоторых местах покрыты слоем пыли. Они заметили это, еще когда преследовали медведя. Приблизившись с факелами к месту побоища, они увидели, что медведь и собака окутаны облаком пыли. О сухости воздуха можно было судить и по тому, что у них пересыхало в горле.

Опасаясь, что мясо может испортиться, прежде чем они выберутся из пещеры, охотники начали придумывать способ его сохранить. Соли у них не было, так что о засолке не могло быть и речи. Будь у них материал для костра, они могли бы обойтись и без соли, прокоптив мясо; но дрова было так же трудно найти, как и соль. Находись они на открытом воздухе, под горячим солнцем, они могли бы высушить мясо так, что оно сохранялось бы долгие месяцы.

Увы, солнечные лучи были столь же недоступны, как соль и дрова!

Обнаружив чрезвычайную сухость воздуха, они подумали, что если нарезать мясо тонкими ломтиками и развесить их или разложить по камням, то оно может долго сохраняться — продержится дольше, чем если бы лежало сплошной массой. Эту мысль подал Оссару, и мысль была удачной. Во всяком случае, невозможно было придумать ничего лучшего, и после зрелого размышления они принялись заготавливать мясо.

Но где достать огня? Как ободрать медведя, не видя его? Как резать и раскладывать мясо?

Задача эта была не из трудных и отнюдь не смущала наших искателей приключений. К этому времени они уже освоились с темнотой, а Оссару ничего бы не стоило ободрать медведя. Итак, с помощью товарищей, державших тушу в правильном положении, он начал работать своим острым ножом почти так же ловко, как если бы ему светила дюжина свечей, и, сняв мохнатую шкуру, отложил ее в сторону на камни.

Разрезать мясо на полоски и ломтики было нетрудно, хотя это заняло много времени, так как приходилось работать с величайшей тщательностью: слишком толсто нарезанное мясо быстрее бы испортилось.

Но шикари был очень опытен в этом деле и так ловко справился со своей задачей, что, если бы вынести нарезанные куски на свет, никто не догадался бы, что они сделаны в темноте.

Ломтики, нарезанные Оссару, переходили в руки его товарищей, а те, расстелив на земле шкуру шерстью вверх, раскладывали их на ней.

Возник вопрос, как лучше высушить мясо, — разложить на камнях или развесить на бечевках.

— Развесить, конечно, лучше, — подал мысль Оссару, и все с ним согласились.

Они считали, что таким образом мясо высохнет быстрее; кроме того, оно не попадется Фрицу, который, если за ним не усмотрят, может прокрасться к туше и истребить чуть не половину всего запаса.

Как бы то ни было, лучше держать мясо подальше от него.

Но как это осуществить? Где достать веревок? У них не было ни шестов, ни веревок, чтобы протянуть между шестами. Правда, у Оссару имелась длинная веревка, которую он свил из пеньки, когда готовил свою сеть, но ее все равно бы не хватило. Для такого количества мяса нужно было много ярдов веревки. Что же делать?

— Разрезать шкуру на полоски! — воскликнул Каспар.

Сказано — сделано. Сырую медвежью шкуру растянули на камнях, нарезали из нее ремней шириной около дюйма, и когда их связали вместе, то получился ремень длиной от одной стены большого «зала» до другой. Концы его прикрепили к скале: один перекинули через высокий камень, другой положили на небольшой выступ и закрепили, придавив тяжелым обломком, — таким образом ремень протянули через весь «зал» наподобие веревок для сушки белья.

Испытав его прочность и убедившись, что он пригоден для намеченной цели, они стали приносить мясо, кусок за куском, и аккуратно развешивать его на ремне.

Когда на ремне уже не оставалось свободного места, пришлось сделать второй ремень; как и первый, его прикрепили к камням. На него повесили остальное мясо. Дневной труд был закончен; правда, охотники не знали — ночь это или день, но они долго работали и, закончив работу, рады были отдохнуть.

Поужинав, они улеглись, намереваясь проспать лишь несколько часов, а затем встать и с новыми силами устремиться на поиски солнца и свободы.

Глава LXI

СНОВИДЕНИЯ

Люди, находящиеся в темноте, всегда мечтают о свете, и Карлу приснилось, что в пещере вдруг стало светло. Ее стены и своды заискрились алмазным блеском; он мог разглядеть все закоулки, все расходящиеся отсюда проходы и коридоры. Но ни он, ни его товарищи не удивлялись свету — только радовались, что смогут найти выход. И вот, без сожаления бросив медвежью тушу, пройдя множество галерей и «залов» (некоторые из них они пробежали в погоне за медведем и узнавали теперь), они достигли наконец входа в пещеру и снова увидели небо и солнце.

Эта развязка так взволновала Карла, что он проснулся, громко вскрикнув от радости. Но его восторг быстро сменился разочарованием. Все это было только сном — обманчивой иллюзией, действительность была по-прежнему мрачной и безотрадной.

Восклицание Карла разбудило его товарищей, и он почувствовал, что Каспар очень возбужден. Он не видел брата, но сразу понял это по его голосу.

— Я видел сон, — сказал Каспар, — странный сон!

— Сон? Что же тебе приснилось?

— О! Я видел во сне свет! — ответил Каспар.

В сердце Карла шевельнулось что-то похожее на суеверный страх. Неужели Каспару приснилось то же, что и ему?

— Какой же это свет, Каспар?

— О! Яркий свет, который может вывести нас отсюда! Но пусть меня повесят, если это мне приснилось! Клянусь честью, брат, я уже наполовину проснулся, когда эта мысль пришла мне в голову! Ведь правда замечательная мысль?

— Какая мысль? — спросил Карл, изумленный и несколько встревоженный, — ему пришло в голову, что Каспар во сне лишился рассудка. — Какая же это мысль, Каспар?

— О чем же мне думать, как не о свечах!

— О свечах? О каких свечах?

«Ну конечно, — с ужасом подумал Карл, — бедняга помешался! Эта ужасная тьма свела его с ума...»

— Ах, я еще не рассказал тебе свой сон, если только это был сон! Я сам не знаю, что говорю... Не помню себя от радости! Мы не будем больше ходить ощупью в этой проклятой темноте — у нас будет свет... много света, обещаю вам! Как это мы до сих пор об этом не подумали!

— Но в чем дело, брат? Что ты видел во сне? Расскажи!

— Теперь, когда я окончательно проснулся, мне кажется, что это был не сон или, вернее, не совсем сон. Я думал об этом, засыпая, вот и увидел свои мысли. Помнишь, брат, я тебе говорил, что, когда я размышляю над каким-нибудь вопросом, ко мне нередко приходит решение в полусне; так было и на этот раз. Я уверен, что нахожусь на верном пути.

— На каком же это верном пути, Каспар? Уж не выведет ли нас этот путь из пещеры?

— Надеюсь, что да.

— Но что же ты предлагаешь?

— Заняться производством сальных свечей.

— Производством свечей?! «Бедный мальчик! — снова подумал Карл. — Так оно и есть — бедняга потерял рассудок!..»

Но, конечно, он не высказывал вслух своих грустных мыслей.

— Да, именно этим производством... — продолжал Каспар все тем же слегка шутливым тоном. — И наделать побольше свечей.

— А из чего же ты сделаешь свечи, милый Каспар? — спросил Карл, делая вид, что сочувствует идее брата, — он боялся ему противоречить, чтобы не раздражать больного.

— Ну конечно, из медвежьего жира! — заявил Каспар.

— Вот как! — воскликнул Карл. Он сразу изменил тон, заметив, что в этом безумии есть своя логика. — Ты говоришь — из медвежьего жира?

— Ну конечно, Карл! Ведь его брюхо битком наби-

то жиром. Почему бы нам не наделать из жира свечей, которые помогут нам выбраться из этого чудовищного каменного лабиринта?

Карл уже больше не думал, что его брат сошел с ума. Он понял, что Каспара осенила замечательная мысль. И хотя он еще не знал, как ее привести в исполнение, было ясно, что это не пустая выдумка.

Глава LXII

НАДЕЖДЫ

Оссару разделил радость своих друзей, и все трое стали обсуждать предложение Каспара и способы его выполнения.

Но ни Карлу, ни Оссару не пришлось высказывать своего мнения, так как изобретатель уже как следует обдумал свой план. В самом деле, он думал о свечах перед сном, а потому, когда проснулся, ему показалось, что он увидел это во сне. Когда они разрезали на ломтики медвежатину, у него зародилась мысль о свечах из медвежьего жира.

— Представьте себе, — начал Каспар, — мне пришла в голову эта мысль, когда мы с Оссару разделывали тушу медведя. Когда я брал в руки некоторые куски, то чувствовал на ощупь жир. Тут я спросил себя, не может ли гореть медвежий жир. Ведь в брюхе медведя пропасть жира, а из него можно делать свечи. Только будет ли он гореть? Вот какой вопрос меня занимал. Я боялся, что если не вытопить жира и не вставить в него фитиль, то гореть он не будет. Но откуда достать огонь, чтобы вытопить жир, и где взять для него сосуд? Вот в чем загвоздка!

— К сожалению, это так, — сказал Карл разочарованным тоном.

— Так думал и я и совсем было оставил эту мысль. Даже вам ничего не сказал. Я ведь знал, что мы не можем наделать дров из камней, и мне стало ясно, что я зашел в тупик.

— Да, в тупик, — машинально повторил Карл.

— Да нет же, брат, нет! — возразил Каспар. — Слушай дальше. Я никак не мог отделаться от этой мысли и продолжал размышлять. Как добыть огонь, чтобы вытопить жир? Я знал, что ничего не стоит высечь искру, ведь у нас есть трут и порох. Но где взять топлива для костра и сосуд, чтобы собрать жир? Сначала я думал исключительно об огне. Если только нам удастся развести костер, можно обойтись и без сосуда — мы можем нагревать тонкий, плоский камень и понемногу топить на нем жир. Если нельзя сделать настоящие свечи, можно обмакнуть в жир фитиль, и получится светильня. Я знал, что у нас есть фитиль, — я вспомнил про длинную веревку, которую сделал Оссару из пеньки. Она отлично сойдет. Со всеми этими задачами легко справиться, но труднее всего добыть дров для костра.

— Очень остроумно, Каспар! Признаюсь, мне это никогда не пришло бы в голову. Продолжай, брат!

— Так вот, друзья мои, я нашел дрова!

— Браво! Молодец! — воскликнули в один голос Карл и Оссару. — Ты нашел дрова?

— Да, я придумал, как их достать, в тот момент, когда засыпал, а потом мне показалось, что я видел это во сне. Когда я начал просыпаться, то снова принялся об этом думать — и придумал сосуд, в котором можно топить жир. Мне думается, нам удастся его сделать.

— Ура! Вот это замечательно!

— Сейчас вам расскажу свой способ. Я все время его обдумывал, пока говорил. Может быть, вы мне еще что-нибудь подскажете. Но вот что я предлагаю.

— Говори, Каспар, поскорей!

— У нас два ружья. У Оссару копье, топорик, лук и полный колчан стрел. К счастью, колчан тоже бамбуковый, толстый и сухой, как трут. Итак, я предлагаю прежде всего расщепить топориком приклады ружей вместе с шомполами — мы сделаем другие, когда выберемся отсюда, — а также древко копья, лук, стрелы и колчан... Ничего, Оссару, ты потом сделаешь новые... Этого материала у нас хватит на большой

костер, на котором мы сможем натопить сколько угодно жира...

— Хорошо, — перебил его Карл. — Но где мы возьмем котел?

— Сначала это мне тоже казалось непреодолимой трудностью, — ответил молодой изобретатель, — но внезапно я вспомнил про свою пороховницу; ты знаешь, ведь она патентованная и крышка у нее отвинчивается. Мы можем снять крышку, высыпать порох в карман и пустить в ход пороховницу. Жаль только, что она мала. Ну что ж, можно топить сало маленькими порциями.

— Значит, ты предлагаешь наделать из веревки фитилей и обмакивать их в растопленный жир?

— Ничуть не бывало, — отвечал торжествующим тоном Каспар, — ничего мы не будем макать! Правда, сперва я подумывал о светильне, но она меня не удовлетворила. У нас будут настоящие свечи — литые!

— Как — литые свечи? Как же ты их сделаешь?

— Со временем узнаете. Когда Оссару собирался поймать тигра, он не захотел нам открыть свой план, и в отместку ему я тоже покамест ничего не скажу. Ха-ха-ха!

И Каспар залился веселым смехом. Они смеялись в первый раз с тех пор, как вошли в пещеру; впервые под ее мрачными сводами раздавался человеческий смех.

Глава LXIII

ИЗ МРАКА К СВЕТУ

Не теряя времени, все трое принялись за работу под руководством Каспара. Первым делом они разобрали ружья, вывинтили замки, отделили от ложа все железные части. Затем осторожно сняли ложе и раскололи топором на мелкие щепки, не пощадили даже шомполов, сохранив их головки и шурупы. У охотников теперь была твердая надежда выбраться из пещеры. И они знали, что им еще пригодится ценное оружие, ко-

торое они сейчас разрушают. Поэтому они не выбрасывали ни одной части, которую нельзя было бы впоследствии заменить: пожертвовали только деревом, но тщательно сохранили все железные части, до малейшего гвоздика и винтика; отделив от дерева, их собрали и связали в один пакет.

Затем так же разделались с оружием Оссару. С копья сняли наконечник, а древко разрубили на куски. С лука сняли тетиву и превратили его в щепки, затем разломали стрелы и расщепили колчан. Это был прекрасный горючий материал, который должен был вспыхнуть, как порох.

Неожиданно у них оказались еще новые ресурсы топлива. Охотники вспомнили о длинных рукоятках, приделанных к факелам, — они были сделаны на манер ручек для метлы. Когда факелы догорели, рукоятки бросили, и, вероятно, они валялись где-нибудь поблизости. Все трое принялись шарить по земле и вскоре нашли рукоятки, из которых получилось довольно много смолистых сосновых щепок.

Это была большая удача — им не хватало как раз сосновых щепок, чтобы разжечь огонь. Хорошо просушенные и пропитанные смолой, стекавшей с горящих факелов, они должны были мгновенно воспламениться.

Когда собрали все топливо, получилась порядочная груда. Решили покамест пощадить топорик Оссару. С него можно будет в любую минуту снять ручку, но, вероятно, это не понадобится.

Однако было очевидно, что, если разжечь обычный костер, дрова сгорят, прежде чем они успеют отлить свечи. Вот будет беда! Необходимо было принять меры во избежание такой катастрофы.

Поэтому они сложили небольшой очаг, дюймов шести — восьми в поперечнике. Его быстро соорудили из валявшихся кругом камней. В очаг положили лишь немного дров. Как известно, очаг требует гораздо меньше топлива, чем костер. Весь жар направляется кверху, и сосуд, поставленный над огнем, получает вдвое больше тепла, чем если бы он висел над костром, где пламя мечется во все стороны.

Вскоре они сообразили, что, когда дерево разгорится, можно замедлить процесс горения, положив сверху куски медвежьего сала. Таким способом они не только продлят горение дерева, но и получат более жаркий огонь. Мысль была очень удачная — теперь им должно было хватить топлива. Очаг суживался кверху; отверстие было сделано как раз по размерам пороховницы.

Работали сначала без света. Но вот очаг был сложен. На дно его положили щепки, высекли искру из кремня, подожгли трут, поднесли его к просмоленным сосновым щепкам — и через мгновение обширный зал озарился ярким пламенем, стены его заискрились, словно усыпанные алмазами.

Освещение позволило значительно ускорить работу. Все стали действовать увереннее. Склонившись над тушей, Оссару вырезал из нее большие куски жира и раскладывал их на камнях. Карл поддерживал огонь в очаге. Когда он подбросил в пламя несколько кусков жира, оно стало гореть ярко и ровно. Каспар, стоя рядом, что-то проделывал со своей двустволкой.

Что делает Каспар с ружьем? Конечно, оно сейчас никуда не годится без замка и без ложа! Ошибаетесь! Именно теперь оно стало полезным и даже незаменимым. Понаблюдайте немного за Каспаром, и вы увидите, что он возится со стволами. Смотрите! Вот он отвинтил оба бойка и продевает в каждый из стволов по куску бечевки. Это и есть фитили, приготовленные из пеньковой веревки. И мне нечего говорить вам, как намерен Каспар использовать свои превосходные стволы: ведь вы уже сами теперь догадались.

«Свечные формы!» — воскликнете вы.

«Разумеется, свечные формы, — отвечу я. — Это будут замечательные формы, лучших не бывает!»

Итак, работа продолжалась: фитили были вставлены, и, как только первая порция жира была вытоплена, его влили в один из стволов. Эта процедура повторялась несколько раз, пока, ко всеобщему восторгу, оба ствола не наполнились доверху.

Правда, они были еще горячие, и жир внутри совсем жидкий. Приходилось терпеливо ждать, пока они осты-

нут и свечи затвердеют. Чтобы ускорить остывание, стволы отнесли в проход, где со сводов капала холодная вода, и поставили вертикально, чтобы вода стекала вдоль стволов; затем вернулись к очагу.

Огонь в нем немедленно погасили, оставив лишь несколько искорок, чтобы его можно было снова разжечь. Необходимо было экономить топливо, так как они намеревались отлить еще две свечи. У них оставалось достаточно топлива, чтобы вытопить жира еще на две свечи; веревки для фитилей тоже должно было хватить, а жира в огромной туше было более чем достаточно.

Вы спросите: почему не пустили в ход ствол от ружья Карла? Это легко объяснить. У Карла была винтовка, и ее нарезной ствол не годился для этой цели. Если бы они вздумали отливать в нем свечу, то ее невозможно было бы вытащить, и их труды пропали бы даром.

Пока остывали стволы, охотники занялись изготовлением фитилей из пеньковой веревки. Затем они поджарили на маленьком огне несколько кусков медвежатины, с аппетитом их съели и почувствовали новый прилив сил.

Они терпеливо ждали, пока остынут стволы и можно будет вынуть свечи. Ждать пришлось довольно долго; наконец стволы сделались холодными, как лед, а жир внутри окончательно затвердел.

Тогда снова в очаг подбросили дров, слегка разогрели железные формы и начали медленно извлекать из них свечи. У всех троих вырвался крик радости, когда появился белый стержень, медленно и плавно выходивший из ствола. Так же удачно вытащили вторую свечу. Теперь к их услугам были две огромные свечи, длиною в три фута.

Их тут же испытали, и оказалось, что обе превосходно горят.

Через некоторое время появились еще две свечи. Теперь в распоряжении охотников был запас свечей, которого могло хватить на сто часов. Они могли бы наделать и еще свечей — у них оставалось достаточно

жира и топлива, — но и этих было вполне достаточно. Разве за сто часов они не выберутся на солнечный свет!

И они увидели его гораздо скорее: не прошло и восьми часов, как они уже выбрались из пещеры.

Я не буду описывать подробно их странствования по сводчатым переходам этой гигантской пещеры. Достаточно сказать, что они наконец увидели яркое, как метеор, пятно, указывавшее на выход из пещеры. Бросив свечи, они ринулись вперед и с восхищением смотрели на сияющие небеса...

Глава LXIV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы можете подумать, что после такого опасного приключения в огромной пещере охотники никогда больше не вступят под ее мрачные своды. Разумеется, они ни за что бы туда не вернулись, если бы существовал выход из долины, которая стала их тюрьмой. Но они все еще надеялись, что один из ходов пещеры выведет их по ту сторону горы.

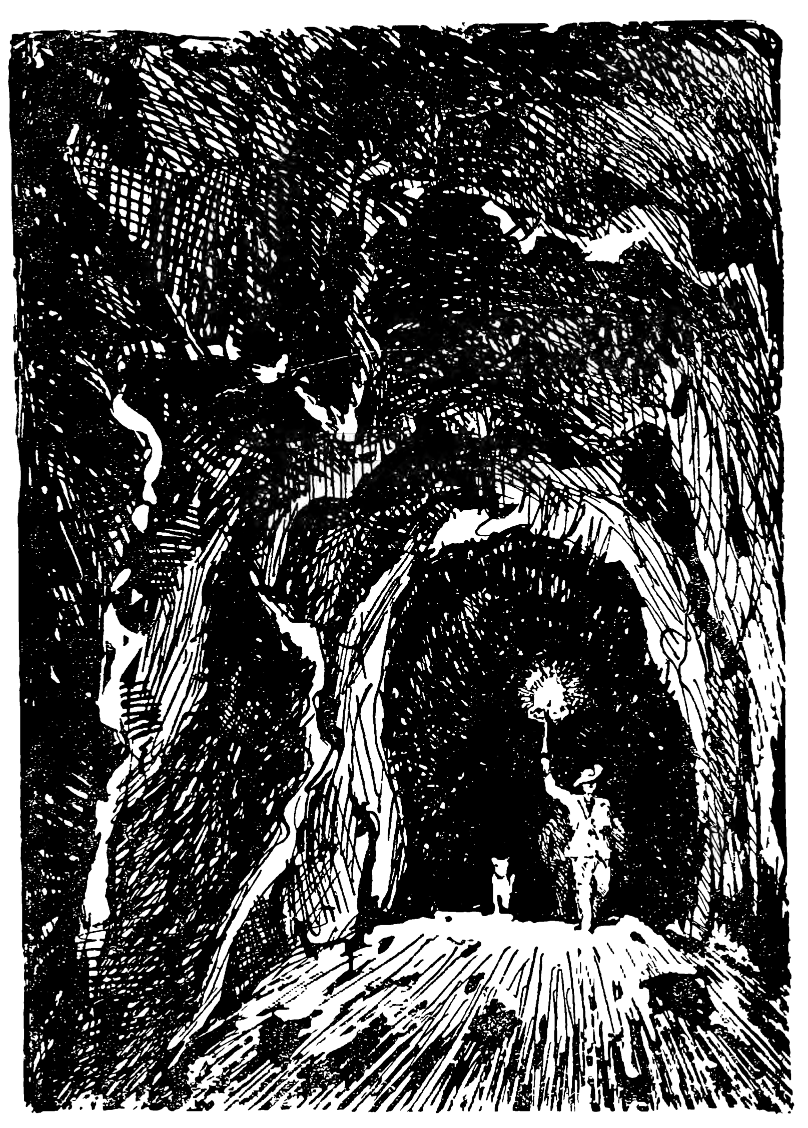
Упорно цепляясь за эту надежду, они решили тщательно обследовать пещеру и целую неделю занимались приготовлением больших факелов и отливкой свечей.

Заготовив их в достаточном количестве, отправились на разведку.

День за днем, упорно и методически они обследовали пещеру. Но попытки их не увенчались успехом. Второго выхода из нее не существовало.

Прошло несколько недель. Охотники побывали во всех закоулках этого гигантского лабиринта, исследовали все его проходы и, лишь когда убедились, что все они заканчиваются тупиком, отказались от своей затеи.

Итак, они вышли из пещеры, решив больше в нее не возвращаться. Теперь у них уже не оставалось надежды выбраться из долины. В полном отчаянии все трое уселись на камнях у входа в пещеру. Долго



День за днем они обследовали пещеру.

сидели они молча. У всех была одна и та же мысль — печальная мысль о том, что они навсегда отрезаны от всего света и больше никогда не увидят человеческих лиц, кроме лиц своих товарищей.

Каспар первым нарушил молчание.

— О, — простонал он, — какая ужасная судьба! Здесь суждено нам прожить всю жизнь, здесь мы и умрем — вдали от родины, от людей, в полном одиночестве!

— Нет, Каспар, — возразил Карл, пытаясь подбодрить брата, — это нельзя назвать одиночеством! Нас здесь трое, и мы будем поддерживать друг друга. Постараемся же найти какой-нибудь другой выход, а пока эта долина пусть будет нашим домом!

ПОЛЗУНЫ ПО СКАЛАМ ИЛИ ХИЖИНА, ЗАТЕРЯННАЯ В ГИМАЛАЯХ

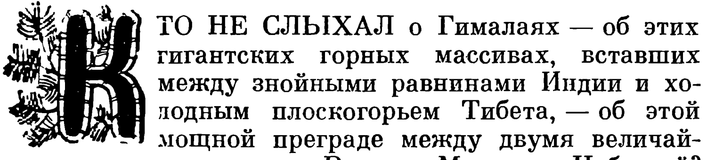
Перевод с английского

Е Бируковой и *З. Бобырь*

ХИЖИНА
Карта долины у подножия Чомо-Лари
N
S
W
O
0 200 400 700 ярдов
МАСШТАБ

Глава I

ГИМАЛАИ


КТО НЕ СЛЫХАЛ о Гималаях — об этих гигантских горных массивах, вставших между знойными равнинами Индии и холодным плоскогорьем Тибета, — об этой мощной преграде между двумя величайшими империями в мире: Великих Моголов и Небесной? Самый невежественный в географии новичок и тот скажет вам, что это высочайшие на земле горы, что не менее шести их вершин поднимается над уровнем моря на высоту больше пяти миль; что более тридцати вершин достигает высоты свыше двадцати тысяч футов и макушки этих гор одеты вечными снегами. Более опытный географ или геолог расскажет сотни других любо-

пытных фактов, относящихся к этим величественным горам. Интереснейшими сведениями об их фауне, лесах и флоре можно было бы заполнить толстые тома. Но в рамках этой повести, мой юный читатель, мы сможем набросать лишь несколько наиболее характерных черт; они дадут тебе представление о титаническом величии этих мощных, увенчанных снегами горных массивов, которые высоко вздымаются, то хмурясь, то сияя улыбкой, над великим королевством Индии.

В литературе Гималаи называют обычно «горной цепью». Испанские географы именуют их «сьерра» (пила) — термин, который они применяют к американским Андам. Но ни то, ни другое название не подходит для Гималаев, так как огромное пространство, ими занимаемое — свыше двухсот тысяч квадратных миль — и втрое превосходящее площадь Великобритании, никак нельзя сравнить по форме с цепью. Длина Гималаев всего в шесть — семь раз больше их ширины; они тянутся почти на тысячу миль, в то время как их ширина охватывает чуть ли не два градуса географической широты.

Кроме того, на всем своем протяжении от западных отрогов, в Кабуле, до восточных, у берегов Брамапутры, они несколько раз прерываются, не оправдывая названия «горная цепь». Между этими двумя точками они прорезаны огромными долинами, которые образованы руслами больших рек; а эти реки, вместо того чтобы течь на восток и запад, как тянутся сами горы, текут в поперечном направлении, нередко прямо на север или на юг.

Правда, путешественнику, направляющемуся к Гималаям из любой части Великой Индийской равнины, эти горы представляются одним непрерывным рядом, тянущимся вдоль горизонта с востока на запад. Однако это лишь оптический обман. Гималаи следует считать не одним горным кряжем, а целым пучком горных цепей, покрывающих пространство в двести тысяч квадратных миль, причем эти цепи идут в стольких же направлениях, сколько румбов на компасе.

В пределах этой обширной горной страны климат, почва и растительность сильно меняются. В районе не-

высоких холмов, примыкающих к Индийской равнине, и в некоторых глубоких долинах центральной части Гималаев флора носит тропический или субтропический характер. Здесь в изобилии растут пальмы, древовидный папоротник и бамбук. Выше появляется растительность умеренной зоны, представленная лесами гигантских дубов различных пород, смоковницами, соснами, орехами и каштанами. Еще выше растут рододендроны, березы и вереск, за которыми простирается область травянистой растительности — склоны и плоскогорья, покрытые густой травой. Еще выше, вплоть до линии вечных снегов, встречаются тайнобрачные — лишаи и мхи альпийского типа, какие растут за пределами Полярного круга. Таким образом, путешественник, начинающий восхождение из какого-нибудь пункта Индийской равнины к высоким гребням Гималаев или поднимающийся из глубокой долины к снежной вершине, за несколько дней пути испытает смену всех климатов и будет наблюдать представителей всех видов растительности, какие только известны на земле.

Гималаи нельзя считать необитаемыми. Напротив, в их пределах находятся одно крупное королевство (Непал) и множество мелких государств, каковы Бутан, Сикким, Гурвал, Кумаон и знаменитый Кашмир; некоторые из них обладают известной политической независимостью, но большинство находится под протекторатом либо Англо-Индийской империи (на юге), либо Китая (на севере). Жители этих государств принадлежат к смешанным расам и сильно отличаются от народов Индостана. К востоку — в Бутане и Сиккиме — живут главным образом монгольские племена, одеждой и обычаями напоминающие тибетцев и, подобно им, исповедующие буддистскую религию. В Западных Гималаях смешиваются горцы-гурки, индусы, пришедшие с юга, сикхи — из Лагора и магометане — из древней империи Моголов. И здесь можно встретить в полном расцвете все три великие азиатские религии: магометанскую, буддистскую и браманистскую.

Однако население весьма немногочисленно по сравнению с пространством, по которому оно рассеяно: в не-

которых областях Гималаев на пространстве тысячи квадратных миль не живет ни одно человеческое существо, не дымится ни один очаг. Встречаются также, особенно среди высоких, покрытых снегами гор, огромные долины и ущелья, которые либо никогда не были исследованы, либо исследованы лишь случайно, каким-нибудь отважным охотником. Есть места совершенно недоступные. А высочайшие пики — Чомо-лари, Кинчинджунга, Даулагири и другие им подобные — находятся высоко за пределами досягаемости даже для самых отважных альпинистов. Кажется, еще никто никогда не поднимался на высоту пяти миль над уровнем моря, и еще вопрос, может ли человек существовать на такой высоте. Вероятно, на таком уровне всякая жизнь прекращается вследствие крайнего холода или разреженности атмосферы.

Хотя Гималаи известны были еще на заре истории (древние писатели называют их «Имаус» или «Эмодус»), но в Европе только в XIX веке стали получать сколько-нибудь точные сведения об этих горах. Португальцы и голландцы — первые европейские колонисты в Индии — упоминают о них лишь изредка, и даже англо-индийские писатели долго не затрагивали этой интересной темы. Преувеличенные рассказы о враждебности и жестокости гималайских горцев — точнее называемых гурками — удерживали частных лиц от исследований. О Гималаях было написано всего каких-нибудь пять—шесть книг, в которых главным образом говорилось о западной части этих гор и которые представляли лишь небольшую научную ценность, так как авторы их не обладали достаточными познаниями. Таким образом, эта обширная область оставалась до наших дней очень мало известной.

Однако в последнее время мы глубже ознакомились с этой интересной страной. Ботаники, привлеченные богатой флорой Гималаев, открыли нам целый новый мир растительности, а Ройлу и Гукеру[1] удалось до-

[1] Ройл и Гукер — английские ботаники, проводившие в первой половине XIX века ботанические исследования в Северной Индии.

полнить эти открытия. Зоологи, которых привлекло сюда разнообразие фауны, познакомили нас с новыми формами жизни животных. Мы также многим обязаны спортсменам и охотникам Маркхему, Данлопу и Уилсону-«горцу».

Но, кроме имен исследователей, которые прославились, опубликовав отчеты о своих работах, есть и другие имена, никому не известные. Охотник за растениями — этот скромный, но полезный служитель предприимчивого владельца питомника — продолжил свой путь в Гималаи; он проник в самые отдаленные ущелья, карабкался на крутые утесы, бродил у границ вечных снегов. В поисках новых форм листа и цветка он переходил вброд мутные реки, отважно пересекал вплавь бурные потоки, боролся с сокрушительной лавиной и переправлялся через глубокие трещины в ослепительно сверкающих ледниках; и хотя в печати не встретилось отчетов о его отважных подвигах, он значительно помог нам ознакомиться с этим обширным горным миром. О его достижениях можно прочесть в цветнике — по цветам пурпурной магнолии, деодару, рододендрону. Их можно встретить в теплице — в образе причудливых орхидей и странной, закрученной винтом сосны; в саду — в виде ценных кореньев и плодо́в, давно уже ставших нашим любимым десертом. Нам предстоит рассказать историю одной скромной экспедиции такого рода — повесть о приключениях молодого охотника за растениями, который состоял на службе у предприимчивого, небезызвестного в Лондоне семеновода.

Глава II

ВИД С ЧОМО-ЛАРИ

Место действия — самое сердце Гималаев, область, наименее исследованная английскими путешественниками, хотя и не слишком удаленная от англо-индийской столицы — Калькутты. Интересующая нас точка находится к северу от этого города — в той части Ги-

малаев, которую охватывает большая излучина Брамапутры.

Это место действительно можно назвать точкой по сравнению с окружающим его обширным, пустынным пространством, беспредельной пустыней, пересеченной каменистыми гребнями, где сверкают ледники и снежные вершины вздымаются одна над другой или нагромождены беспорядочно, как тучи в небесах.

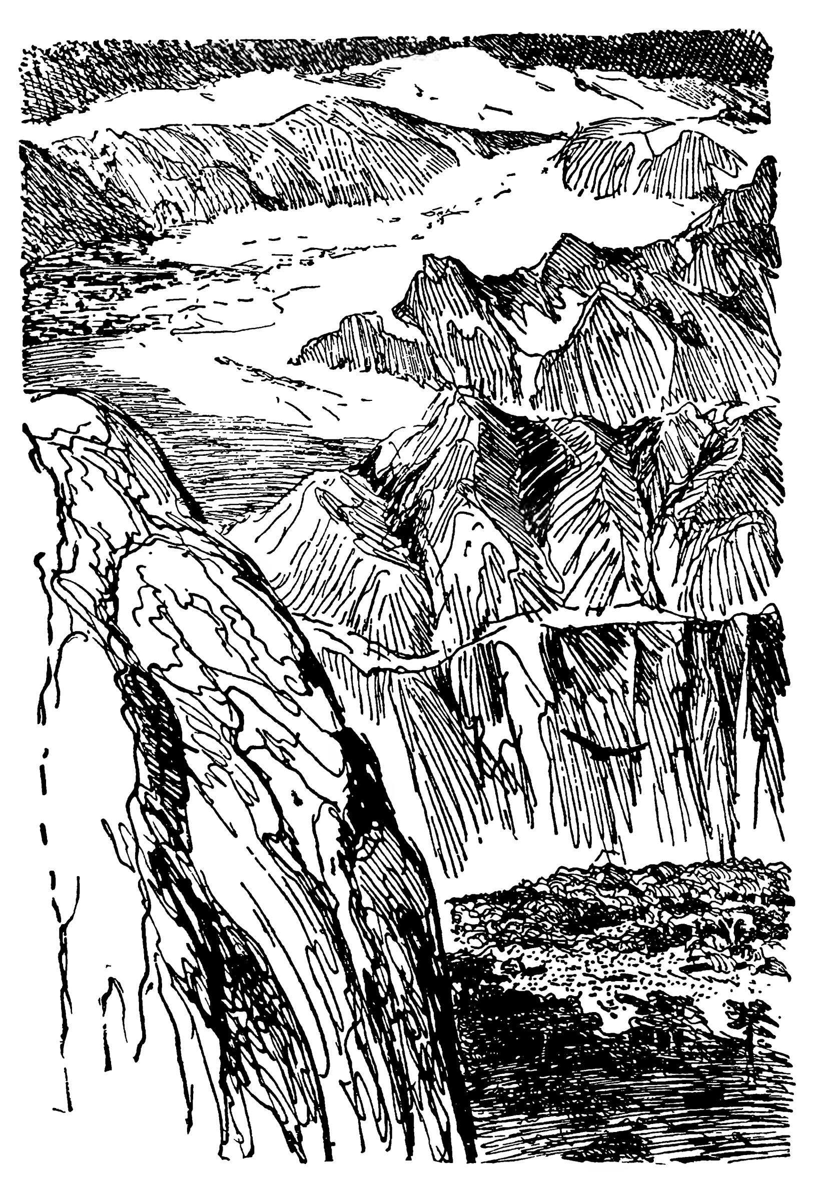
Посреди этого хаоса камней, льдов и снегов поднимает свое величавое чело Чомо-лари в белых ризах и белом венце, как и подобает священной горе. Вокруг нее толпятся другие вершины — ее спутники и свита, — уступающие ей высотою, но все же могучие горы, подобно ей облаченные в одеяния, сверкающие вечной белизной.

Если бы вы стояли на вершине Чомо-лари, то внизу под вами, на глубине нескольких тысяч футов, оказалось бы место действия нашей повести — арена, где разыгрывались различные ее эпизоды. Место это напоминает амфитеатр, отличаясь от него лишь малым количеством действующих лиц и полным отсутствием зрителей.

Глядя вниз с Чомо-лари, вы увидели бы среди скал, у подножия этой величавой горы, долину необычайного вида, до того необычайного, что она сразу же привлекла бы ваше внимание. Вы заметили бы, что она правильной овальной формы и не окружена покатыми склонами, но, по-видимому, со всех сторон обнесена почти отвесными утесами. Эти темные гранитные утесы круто встают на высоту нескольких сот футов прямо со дна долины. Над зубцами этих утесов поднимается темный склон соседней горы; она увенчана пиком и гребнями, которые, находясь выше снеговой линии, вечно покрыты чистой, белой мантией, упавшей на них с небес.

Все эти подробности вы заметили бы с первого взгляда.

Затем ваш взгляд вновь устремился бы на долину, лежащую внизу, и остановился бы там, привлеченный необычностью картины, зачарованный ее мягкой



...пустыня, где сверкают ледники и снежные вершины...

прелестью, резко отличающеися от суровых окрестностей, на которые вы до сих пор смотрели.

Форма долины внушает мысль, что это огромный эллиптический кратер какого-нибудь давно погасшего вулкана. Но вместо черных сернистых шлаков, которые там можно было ожидать, вы увидите прелестный зеленый пейзаж, где лужайки перемежаются с рощами и группами деревьев, как в парке, а там и сям виднеются груды скал, словно нагроможденные искусственно, для украшения. Вдоль утесов тянется темно-зеленый пояс лесов, а в центре долины лежит прозрачное озеро, на серебристой поверхности которого в известный час дня отражается увенчанная снегами вершина, где вы стоите, — конус Чомо-лари.

С помощью хорошей подзорной трубы вам удастся увидеть животных различных пород, пасущихся на зеленых лугах; птиц всевозможных видов, летающих над долиной или отдыхающих на воде озера.

Вам приятно было бы увидеть среди этих красот природы какой-нибудь прекрасный замок. Но напрасно вы будете обводить взглядом долину в надежде заметить над деревьями башни и трубы.

Правда, в одном месте, у подножия утеса, вы увидите белые пары, клубящиеся над землей. Но не подумайте, что это дым, — это всего лишь пар, поднимающийся над горячим источником, который вытекает, кипя, из скал и образует маленький, похожий на серебряную ниточку ручеек, впадающий в озеро.

Очарованные видом этой прелестной долины, вы захотите посетить ее.

Вы спуститесь по длинному склону Чомо-лари и, с трудом пробравшись сквозь лабиринт крутых отрогов у подножия, подойдете к краю отвесных скал, окружающих долину; но здесь вам придется остановиться — дороги вниз нет; и если вам все же захочется попасть на берега этого озера, то вам придется спускаться с утесов по веревке или веревочной лестнице длиной в несколько сот футов.

С помощью товарищей вам это удастся; но, попав в долину, вы сможете выбраться из нее, лишь снова

поднявшись по веревочной лестнице, так как иного пути оттуда нет.

В одном конце долины вы заметите среди утесов расселину и, пожалуй, подумаете, что через нее можно выбраться на склон соседней горы. Вы быстро до нее дойдете, поднимаясь по отлогому склону; но, пройдя по расселине, вы попадете в ущелье, огражденное, как и долина, с обеих сторон отвесными утесами. Это ущелье наполовину заполнено ледником, спускаясь по которому вам удастся продвинуться вперед на некоторое расстояние. В конце спуска вы увидите, что ледник прорезан огромной трещиной, футов ста глубиной и такой же ширины. Не перейдя этой трещины, нельзя двигаться дальше; а если вам удастся через нее перебраться, то, спускаясь по леднику, вы встретите другие трещины, еще более глубокие и широкие, переправиться через которые невозможно.

Вернитесь же и исследуйте странную долину, в которую вы попали. Вы встретите здесь различные породы деревьев, зверей, птиц, насекомых; вы найдете всевозможные виды животных, кроме человека. Но если вы не найдете человека, то обнаружите его следы. Близ горячего источника вы увидите грубую хижину, что-то вроде навеса, прислоненного к скале; стенами ей служат каменные глыбы, скрепленные илом, взятым со дна ручья. Войдите в хижину. Она пустая, холодная и выглядит нежилой. Мебели нет. Каменные ложа, устланные осокой и травой, на которых люди спали, два—три гранитных обломка, на которых они сидели, — вот и всё. Несколько шкур, развешанных по стенам, и кости животных, валяющиеся на земле, снаружи, показывают, чем питались обитатели хижины. Они, конечно, были охотниками. К такому выводу вы неизбежно придете.

Но как они вошли в долину и как оттуда выбрались?

Разумеется, спустились, а потом поднялись по веревочной лестнице, так же как и вы.

Вот какое напрашивается объяснение; и оно было бы удовлетворительным, если бы не одно обстоятельство, которое только сейчас вам бросится в глаза.

Оглядывая «фасад» утеса, вы остановитесь на странной подробности. Вы заметите прерывистую линию, вернее — ряд линий, идущих от основания скалы в вертикальном направлении. Подойдя ближе, вы увидите, что это лестницы, из которых нижняя стоит на земле и доходит до уступа, на котором стоит другая; эта вторая доходит до второго уступа, служащего опорой третьей лестнице, и так далее, до шестой. На первый взгляд вам покажется, что бывшие обитатели хижины выбрались из долины с помощью этих лестниц, и этот вывод был бы правильным, не будь тут одной подробности, опровергающей его: лестницы не достигают до верхнего края утеса. Между верхней лестницей и краем обрыва остается большой промежуток, для преодоления которого понадобились бы еще две или три такие лестницы. Добраться доверху без добавочных лестниц невозможно. Где же они? Едва ли их могли втащить наверх; а если бы они свалились в долину, они лежали бы на земле. Однако их не видно, нет даже обломков.

Но оставим эти догадки. Достаточно короткого обследования утеса, чтобы убедиться, что план выбраться с помощью лестниц не удался. Уступ, о который опирается верхний конец верхней лестницы, оказался, вероятно, слишком узким, чтобы на него можно было поставить следующую лестницу, или, вернее, этому помешала нависшая над ним скалистая стена. Очевидно, этот план был испробован и оставлен.

Из этой попытки видно, что люди, ее предпринявшие, находились в отчаянном положении — они оказались запертыми в этой окруженной утесами долине, откуда не было возможности вырваться, и им приходилось изобретать способы спасения.

Более того, обследовав это место вдоль и поперек, вы не придете к убеждению, что они вообще вырвались из своей странной «тюрьмы»; и вам остается лишь строить догадки о том, что за люди попали в эту затерянную долину, как они вошли сюда, как выбрались, да и удалось ли им выбраться. Ваши догадки окончатся, когда вы прочтете повесть о «Ползунах по скалам».

Глава III

ОХОТНИК ЗА РАСТЕНИЯМИ И ЕГО СПУТНИКИ

Карл Линден, молодой немецкий студент, принимавший участие в революционной борьбе 1848 года, был выслан из Германии и нашел себе убежище в Лондоне.

Подобно большинству изгнанников, он оказался без средств; однако он не опустился морально, а стал искать работу и устроился в одном из великолепных питомников, какие встречаются в пригородах этой столицы. Вскоре своими ботаническими познаниями он привлек внимание владельца питомника. Это был один из тех предприимчивых, смелых людей, которые, не удовлетворяясь простым разведением обычных садовых и тепличных цветов и деревьев, тратят крупные суммы на посылку разведчиков во все страны света; эти посланцы должны находить и привозить в Англию все новые редкие и красивые виды растений.

Эти разведчики, собиратели флоры, или «охотники за растениями», как их можно назвать, выполняя свои задачи, исследовали и продолжают исследовать самые дикие и отдаленные места земного шара: дремучие, темные леса на Амазонке, Ориноко и Орегоне в Америке, жаркие экваториальные области Африки, тропические джунгли Индии, девственные леса на островах Востока — словом, они побывали всюду, где только можно открыть и добыть новые украшения для цветника или парка.

Исследование Гималаев в Сиккиме выдающимся ботаником Гукером, описанное в книге, посвященной его путешествиям и не уступающей трудам великого Гумбольдта, привлекло внимание к богатой и разнообразной флоре этих гор. Поэтому владелец питомника, давший Карлу Линдену временную работу в своем саду, выдвинул его на более ответственный и интересный пост, послав в качестве охотника за растениями в Тибетские Гималаи.

В сопровождении своего младшего брата, Каспара, молодой ботаник прибыл в Калькутту и, пробыв там

некоторое время, направился в Гималаи, на север от столицы, расположенной на Ганге.

Он взял себе в проводники известного местного охотника, или шикари, по имени Оссару; этот охотник был единственным спутником и помощником братьев, если не считать крупного пса охотничьей породы, привезенного из Европы, которого звали Фрицем.

Молодой ботаник прибыл в Индию с рекомендательным письмом к директору Калькуттского ботанического сада — учреждения, всемирно известного. Там его приняли радушно, и, проживая в столице, он проводил на территории сада немало часов. К тому же тамошние руководители, заинтересовавшись его экспедицией, сообщили ему всё, что знали, о намеченном им маршруте, — правда, знали они очень мало, ибо та часть Гималаев, которую он собирался обследовать, была в то время «белым пятном» даже для англичан, проживавших в Калькутте.

Нет нужды подробно рассказывать о всех приключениях, выпавших на долю нашего охотника за растениями и его спутников по дороге в Гималаи и после того, как они вступили в величавые ущелья этих гор. Достаточно сказать, что, преследуя изящное маленькое животное — мускусную кабаргу, они попали в ущелье, заполненное огромным ледником, каких немало в верхних Гималаях; что это преследование завело их далеко вверх по ущелью и затем привело в странную, напоминающую кратер долину, уже описанную нами; что, попав в эту долину, они не нашли другого выхода из нее, кроме ущелья, по которому туда проникли; и что, возвращаясь по своим стопам, они обнаружили, к великому своему ужасу, что трещина в леднике, через которую они перешли, за время их отсутствия расширилась и перебраться через нее стало невозможно.

Они приняли смелое решение перебросить через эту трещину мост и потратили немало времени, чтобы построить его из сосновых стволов. Им удалось наконец переправиться через пропасть; но ниже по леднику они встретили другие трещины, перейти через которые не смогли при всей своей изобретательности.

Пришлось им оставить эту мысль и вернуться в долину, прелестную на вид, но сделавшуюся им ненавистной, так как они знали, что она стала их тюрьмой.

Пока они жили в долине, у них было немало приключений с дикими животными различных пород. Там обитало небольшое стадо яков, или хрюкающих быков, мясом которых они некоторое время питались. Каспар, младший брат Карла, был более опытным охотником; он едва спасся от нападения старого самца-яка; в конце концов он убил это опасное животное. Оссару едва не был растерзан стаей красных собак, которых вскоре ему удалось перебить всех до одной; и тот же Оссару оказался в большой опасности, так как его чуть не поглотил враг совсем особого рода — зыбучие пески, в которых он завяз, выбирая рыбу из сети.

Карл также едва не погиб и спасся в последний миг: за ним по уступу скалы гнался медведь, и Карлу пришлось совершить крайне опасный прыжок. Впоследствии наши охотники соединенными усилиями, с помощью пса Фрица, затравили медведя в его пещерном логове и наконец убили.

Эта медвежья травля завела их в беду; правда, им удалось убить зверя, но они заблудились в обширной пещере со множеством запутанных, как в лабиринте, ходов; им удалось найти выход из нее, лишь когда они развели костер из обломков ружейных прикладов и, растопив жир медведя, сделали из него свечи.

Преследуя медведя, а затем разыскивая выход наружу, наши искатели приключений были поражены огромными размерами пещеры, в которой скрывался зверь; надеясь, что один из подземных проходов ведет сквозь гору и позволит им уйти из долины, они сделали свечи и исследовали пещеру из конца в конец. Все было напрасно!

Убедившись, что через пещеру выбраться невозможно, они отказались от разведок.

Отсюда мы будем продолжать более подробно повесть об их попытках вырваться из горной «тюрьмы», а это, как они убедились, можно было сделать, лишь вскарабкавшись на скалы, ее окружавшие.

Глава IV

НАЗАД В ХИЖИНУ!

Выйдя из пещеры после своих бесплодных исследований, все трое — Карл, Каспар и Оссару — уселись на камнях у подножия утеса и некоторое время сидели молча. В их глазах отражалось глубокое отчаяние. У всех была одна и та же мысль. Печальная это была мысль: они отрезаны от всякого сообщения с миром людей и, вероятно, больше никогда не увидят другие человеческие лица, кроме лиц своих товарищей.

Каспар первый высказал это мрачное предчувствие.

— Ах, брат! — простонал он, обращаясь к Карлу, сидевшему рядом с ним. — Какая ужасная судьба! Здесь мы должны жить, здесь должны и умереть — далеко от дома, от людей, одни, совсем одни!

— Нет, — ответил Карл, до глубины души потрясенный отчаянием своего брата, — нет, Каспар, ты не будешь один! Нас здесь трое, и мы будем поддерживать друг друга; это уже не одиночество. Мы будем искать другой выход, а пока не найдем его, пусть эта долина будет нашим домом.

Хотя Каспар и сознавал, что брат его прав, но слова Карла не подбодрили его. Он, конечно, заметил, что Карл сказал их не слишком уверенно, явно желая утешить его. Ясно было, что Карл изо всех сил старается сохранить бодрый вид и внушить надежду своим спутникам, но именно это и убеждало их, что у него в душе не было ни бодрости, ни надежды.

На утешительные слова Карла его брат ничего не ответил, а Оссару с сомнением покачал головой.

Каспар и Оссару, казалось, были совершенно подавлены. Карл же, по-видимому, смотрел на вещи не так мрачно и, сидя на камне, о чем-то напряженно размышлял.

Через некоторое время товарищи заметили это, но не решились оторвать его от размышлений. Они догадывались, что он вскоре сам расскажет им, о чем думает.

Они не ошиблись — через несколько минут Карл заговорил:

— Будет вам! Разве можно так отчаиваться! Не будем сдаваться, пока мы не разбиты в пух и прах! Я говорил вам, какая у меня была цель, когда я в первый раз взобрался на этот уступ и обнаружил пещеру с ее ворчливым обитателем — медведем. Я думал тогда, что, если нам удастся найти несколько уступов один над другим и достаточно близко друг от друга, можно будет поставить на них лестницы и таким образом добраться доверху. Вы видите такой ряд уступов прямо перед нами. К несчастью, там, наверху, где утес всего темнее, есть один промежуток шириной не менее шестидесяти — семидесяти футов. Я установил это, сравнивая его с высотой пещеры над землей, но не успел его измерить, как встретился с медведем. Мы, конечно, не сможем сделать лестницу такой длины, а если даже и сделаем, нам ни за что не поднять ее наверх. Поэтому нечего и думать взобраться на утес в этом месте!..

— Может быть, — перебил его Каспар, уловив мысль брата, — на обрыве есть какое-нибудь другое место, где уступы находятся ближе друг от друга? Всё ли ты осмотрел вокруг?

— Нет. Я дошел только до этого места, когда встретился с мишкой. И вы знаете, что наше приключение с ним и разведки в пещере с тех пор занимали все время и вытеснили у меня из головы мысль о лестницах. Но теперь мы можем этим заняться. Прежде всего нам нужно обойти долину и посмотреть, нельзя ли найти место получше этого. Сегодня уже поздно. Начинает темнеть, а для такого дела нужен дневной свет. Пойдемте домой, в хижину, поужинаем и ляжем спать. Мы встанем в более бодром настроении и с самого утра отправимся на разведки.

Ни Каспар, ни Оссару ничего не возразили. Напротив, при упоминании об ужине — оба были очень голодны — они живо вскочили на ноги. Карл зашагал впереди, товарищи за ним, а Фриц позади всех.

Они вернулись в хижину. Ужин был приготовлен и съеден с усердием, какое человеку придает голод, даже если мясо не из вкусных. Затем все трое улеглись на свои травяные ложа с новой надеждой в сердце.

Глава V

ПОЛУНОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Они проспали уже несколько часов, когда их внезапно разбудил лай Фрица. Верное животное обычно ночевало в хижине, лежа на подстилке из сухой травы. Услышав снаружи необычный шум, пес всегда выскакивал и некоторое время бродил вокруг хижины; удостоверившись, что врагов поблизости нет, он тихонько возвращался на свою подстилку.

Фриц был далеко не шумливым псом. Он слишком долго нес службу и многому научился, чтобы лаять попусту; он подавал голос лишь в серьезных случаях. Но тогда уж он лаял оглушительно.

На этот раз — дело было около полуночи — трое спящих были разбужены его тревожным воем; зловещие звуки, отражаясь от утесов, разносились по всей долине. Издав предостерегающий клич, собака кинулась из хижины, и теперь ее лай доносился со стороны озера.

— Что это такое? — одновременно вырвалось у охотников, разбуженных Фрицем.

— Видно, что-то сильно испугало Фрица, — ответил Каспар, знавший характер пса лучше других. — Он не станет так лаять на зверя, если знает, что может одолеть его. Ручаюсь, что это был какой-то зверь не слабее его самого. Если бы старый як был еще жив, я сказал бы, что это он и есть.

— В долине могут быть и тигры. Мне это раньше не приходило в голову, — заметил Карл. — А сейчас я вспомнил, что читал об этом в учебниках по зоологии; да, это вполне вероятно. Считается, что тигр живет только в тропических или субтропических областях. Это неверно. На Азиатском материке королевский бенгальский тигр распространен далеко к северу и встречается на той же широте, на какой находится Лондон. Я знаю, что тигры попадались на Амуре, у пятидесятого градуса широты!

— Боже мой! — воскликнул Каспар. — Это может быть тигр, а мы и не подумали сделать дверь у своей хижины! Если это он...

Слова Каспара были прерваны доносившимся издали странным звуком, к которому примешивался лай Фрица.

Звук этот несколько напоминал трубный, только был резче и выше по тону. Казалось, трубили в грошовый игрушечный рожок, и все же в этом звуке было нечто, наводящее ужас.

Должно быть, этот звук напугал Фрица: едва заслышав его, пес вбежал в хижину, словно за ним гналось целое стало диких быков; хотя Фриц и продолжал сердито лаять, он вовсе не собирался выходить наружу.

Только одному из троих охотников приходилось в своей жизни слышать такого рода звуки. Это был Оссару. Шикари сразу же их узнал. Ему было хорошо известно, какой инструмент их производит, но сперва он не осмеливался сказать об этом товарищам, до того он был поражен и испуган, услыхав это гудение в долине.

— Клянусь колесницей Джаггернаута! [1] — пробормотал он. — Так не бывать... не бывать... Невозможно ему бывать здесь!

— Кому? Чему? — в один голос спросили Карл и Каспар.

— Смотри, саиб! Это он... он! — поспешно ответил Оссару зловещим шепотом. — Мы все погибнуть — это он... Он... бог могучий... страшный, страшный!..

В хижине не было света, кроме слабого отблеска луны, ярко сиявшей снаружи; но и без света было видно, что шикари напуган чуть не до потери рассудка. По звуку его голоса товарищи заметили, что он пятится в самый удаленный от двери угол хижины. Тут же они услыхали его слова, сказанные шепотом: он советовал им притаиться и молчать.

Не зная, в чем заключается опасность, братья повиновались и продолжали сидеть на своих ложах в

---

[1] Колесница Джаггернаута. — Джаггернаут (санскритск.) — одно из воплощений индусского бога Вишну; его статуя находится в Пури. Ежегодно эту статую вывозят из храма на колеснице, в которую впрягаются богомольцы.

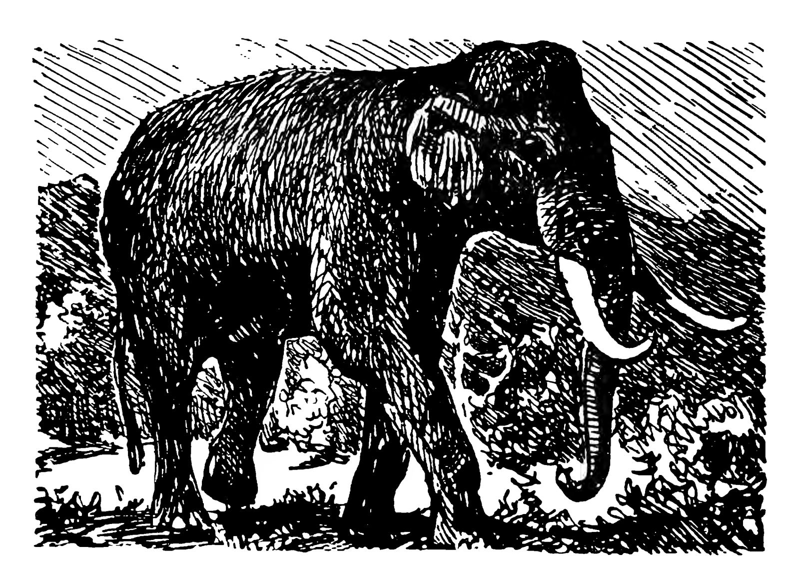
Они увидели удаляющуюся

полном молчании. Оссару, прошептав слова предостережения, тоже умолк.

Странный звук раздался снова — на этот раз казалось, что производивший его инструмент просунут в дверь хижины. В тот же миг лужайка, освещенная яркой луной, покрылась какой-то огромной тенью, словно царица ночей внезапно скрылась за черной тучей. Между тем луна сияла по-прежнему. Затмило ее не облако, а какое-то гигантское существо, медленно ступавшее по земле и остановившееся перед хижиной.

Карлу и Каспару показалось, что снаружи стоит чудовищных размеров животное с огромными, толстыми ногами. Оба они были напуганы этим видением так же, как и Оссару, хотя и по другой причине. Фриц, вероятно, испугался не меньше людей и от страха, как и Оссару, лишился голоса. Забившись в угол, пес не издавал ни звука, словно родился безгласным динго.

Безмолвие, царившее в хижине, видимо, оказало действие на страшную тень: испустив еще раз пронзи-



к озеру черную массу...

тельный трубный клич, она удалилась беззвучно, как призрак.

У Каспара любопытство взяло верх над страхом. Увидев, что странный гость уходит от хижины, юноша прокрался к выходу и выглянул наружу. Карл последовал его примеру. И даже Оссару отважился выйти из своего укрытия.

Они увидели удаляющуюся по направлению к озеру черную массу, напоминавшую гигантское четвероногое. Она двигалась в величавом безмолвии; но это, конечно, не была тень, ибо когда она переправлялась через ручей — у того места, где он впадал в озеро, — послышалось тяжелое шлепанье ног по воде и по зеркальной глади разбежались волны. Разумеется, тень не могла бы взбудоражить воду.

— Саибы, — сказал Оссару с таинственным видом, — это... или сам бог Брама, или...

— ...или что? — спросил Каспар.

— Старый бродяга.

Глава VI

РАЗГОВОР О СЛОНАХ

— «Старый бродяга»? — повторил Каспар. — Что ты хочешь сказать, Осси?

— Вы, феринги, называть его бродячий слон.

— А, слон! — в один голос воскликнули Карл и Каспар, которых сразу успокоило это естественное объяснение.

— Конечно, так и надо было ожидать, — заметил Каспар. — Но как же слон попал в эту долину?

Оссару не мог ответить на этот вопрос. Его тоже озадачило появление огромного животного; по правде сказать, он был все еще склонен думать, что это один из троицы браманистских богов[1] принял образ слона. Поэтому он не задавался вопросом, как слон проник в долину.

— Возможно, что он забрел сюда из низины... — задумчиво заметил Карл.

— Но как он мог попасть в долину? — снова спросил Каспар.

— Тем же путем, как и мы, — ответил Карл. — Вверх по леднику и через расселину.

— А трещина, которая преградила нам путь? Ты забыл о ней, брат? Слону ни за что не перебраться через нее — ведь у него нет крыльев.

— Разумеется, — согласился Карл. — Я и не говорил, что он перебрался через трещину.

— А-а, ты хочешь сказать, что он пришел сюда раньше нас?

— Вот именно. Если это действительно был слон, — продолжал Карл, — то он, конечно, пришел в долину раньше нас. Удивительно, что мы до сих пор не обнаружили его следов. Ты, Каспар, исходил окрестности вдоль и поперек. Не случалось ли тебе видеть чего-нибудь похожего на слоновьи следы?

— Ни разу. Мне и в голову не приходило их разы-

---

[1] Троица браманистских богов — см. примеч. к стр. 110.

скивать. Кто бы мог подумать, что сюда вскарабкается большущий слон? Разве могут такие неуклюжие животные подниматься на горы?

— Ошибаешься, друг мой. Как это ни странно, слон прекрасно умеет лазить и может пробраться почти повсюду, где пройдет человек. Достоверно известно, что на острове Цейлон слонов нередко встречают на вершине Адамова пика; а подняться туда — тяжелая задача даже для самых выносливых альпинистов. Ничего нет удивительного, что слон оказался здесь. Теперь я уверен, что мы видели именно слона. Он вполне мог попасть в долину раньше нас — подняться вверх по леднику, как и мы, и перейти через трещину по каменному мосту: я уверен, что слон на это способен. А может быть, — продолжал Карл, — он пришел сюда уже давно, еще до того, как образовались трещины. Кто знает, возможно, что он прожил здесь уже очень долго — всю свою жизнь, а это означает добрую сотню лет.

— Я думал, — заметил Каспар, — что слоны водятся только на равнинах, где богатая тропическая растительность.

— Еще одно обычное заблуждение, — возразил Карл. — Слоны не любят тропических низин и предпочитают держаться повыше в горах, куда взбираются при первом же удобном случае. Они любят прохладную атмосферу горных высот, где их не так мучат мухи и другие назойливые насекомые: ведь, несмотря на свою огромную силу и на толщину своей кожи, они сильно страдают от таких крохотных существ, как мухи. Как и тигров, их нельзя считать исключительно тропическими животными — они прекрасно могут жить в горах, где прохладный климат, или в высоких широтах умеренного пояса.

Карл добавил, что ему совершенно непонятно, каким образом никто из них до сих пор не встречал следов этого гигантского животного, которое, очевидно, жило с ними по соседству все время, пока они находились в долине. Каспар разделял его удивление. Но Оссару был далеко не так удивлен. Шикари все еще был

во власти той суеверной мысли, что они видели не земное животное, а воплощение Брамы или Вишну.

Не пытаясь опровергать эту нелепую фантазию, его товарищи терялись в догадках, почему они не встретили слона раньше.

— В конце концов, — высказал предположение Каспар, — тут нет ничего странного. В долине есть немало мест, которые мы еще не обследовали, — например, широкая полоса темного леса у верхнего ее края. Мы побывали там только в первые два дня, когда гонялись за оленем и когда осматривали утесы. Что до меня, то я ни разу не ходил на охоту в ту сторону, — я всегда встречал добычу в открытых местах у озера. А слон мог найти себе убежище в этом лесу и, вероятно, выходит оттуда только по ночам. Я уверен, что следов множество, но мне не приходило в голову их искать. Дело в том, что сперва мы были поглощены постройкой моста, а потом занялись исследованием пещеры. Где же нам было думать о чем-нибудь другом!

Карл согласился с доводами брата; по-видимому, все обстояло именно так.

С тех пор как они оказались запертыми в долине, их не покидала тревога за будущее, и они только и думали о том, как бы им оттуда выбраться, и мало обращали внимания на все, что не имело непосредственного отношения к их задаче. Даже бродивший с ружьем Каспар обошел только часть долины; впрочем, он не слишком часто выходил на охоту. В три или четыре дня ему удалось сделать большой запас мяса. Оссару тщательно прокоптил его, и оно составляло их основную пищу. Лишь в редких случаях пользовались ружьями, чтобы добыть свежего мяса, — подстрелить на озере нескольких диких уток или другую мелкую дичь, которая почти каждое утро приближалась к хижине на ружейный выстрел. Поэтому многие участки долины остались необследованными, и легко можно было допустить, что слон все время жил в лесу, не замеченный охотниками.

Все трое просидели больше часу, делая различные предположения. Но предмет их тревоги, по-видимому,

удалился, и вскоре они решили, что в эту ночь он не вернется. Успокоившись, все трое снова улеглись спать, решив в дальнейшем зорко следить за неожиданно появившимся опасным соседом.

Глава VII

ПОЧИНКА РУЖЕЙ

На следующее утро все поднялись спозаранку и на рассвете вышли из хижины. Карлу и Каспару не терпелось поскорее узнать, что это был за слон, но Оссару все еще сомневался в его существовании. В самом деле, слон издал всего три — четыре резких крика, появился и исчез так беззвучно и таинственно, что охотникам начало казаться: уж не во сне ли они его видели?

Но такое огромное животное не могло не оставить после себя следов. А так как оно переходило через ручей, или, вернее, через маленький залив, куда впадал ручей, то следы его должны были остаться на песчаном берегу. Поэтому, едва рассвело, все направились к тому месту, где животное переходило вброд.

Придя туда, они убедились, что ночью к ним приходил именно слон. Огромные следы — величиной чуть ли не с днище бочонка — глубоко вдавались в рыхлый песок, и такие же следы виднелись на берегу по ту сторону залива, где животное вышло из воды.

Оссару уже не сомневался, что эти следы принадлежат слону. Он охотился на слонов в бенгальских джунглях и был хорошо знаком с этими огромными животными. Такие следы мог оставить только настоящий слон.

— Да еще какой большой! — уверенно заявил шикари и добавил, что может определить рост слона с точностью до дюйма.

— Как ты это сделаешь? — не без удивления спросил Каспар.

— Я это узнать легко, саиб, — ответил Оссару, — только нужно смерить бродяге ногу. Вот так, саиб...

С этими словами шикари вытащил из кармана кусок бечевки и, выбрав самый отчетливый след, старательно уложил бечевку вокруг него. Таким образом он узнал окружность стопы слона.

— Вот, саибы... — сказал Оссару, показывая, какой длины бечевка, уложившаяся вокруг слоновьего следа. — Два раза эта длина достать до верха плеча; отсюда Оссару узнать — он большой слон.

Стопа оказалась шести футов в окружности; из этого следовало, как уверял шикари, что слон был ростом около двенадцати футов. Значит, слон из очень крупных, решил Карл. Он не сомневался, что вывод правилен: ему приходилось слышать от опытных охотников, что рост слона, как правило, вдвое больше окружности его стопы.

Отказавшись от мысли, что в образе слона явился один из его богов, Оссару с уверенностью заявил, что этот слон — не кто иной, как бродяга. Карл сразу же его понял. Он знал, что слон-бродяга — это старый самец, поссорившийся со своим стадом и изгнанный из него за дурной нрав. Отрезанный от своих сотоварищей, он ведет одинокую жизнь, становится поэтому чрезвычайно угрюмым и раздражительным и не только нападает на всякое животное, встретившееся ему на пути, но даже ищет таких случаев, словно для того, чтобы сорвать свою злость. Таких слонов немало и в индийских, и в африканских джунглях; они нападают без разбора на всех и каждого, в том числе и на человека. Поэтому такой слон считается в местности, где он повадился бродить, крайне опасным животным. Известно много случаев, хорошо проверенных, когда жертвой ярости этих гигантских чудовищ становились люди; в других случаях слон-бродяга прятался в засаду у проезжей дороги, чтобы убивать неосторожных путников. В долине Дхейра-Дун слон-бродяга (когда-то он был приручен, но потом бежал из плена) убил около двадцати прохожих, прежде чем его удалось уничтожить.

Хорошо зная такие наклонности слона-бродяги, Оссару посоветовал товарищам впредь соблюдать су-

губую осторожность. Благоразумный Карл охотно принял его совет; не стал возражать даже отважный, порывистый Каспар.

Поэтому было решено первым делом привести в порядок оружие на случай встречи со слоном, а затем уже продолжать обследование утесов.

Нужно было сделать для ружья новые приклады, насадить топорик на новую рукоятку, а копье Оссару — на новое древко, так как все деревянные части оружия были расколоты и сожжены, когда пришлось изготовлять свечи из медвежьего жира, освещавшие путь из пещеры.

Приходилось отложить поиски уступов и сперва как следует вооружиться, чтобы быть готовыми встретить любого врага.

Придя к этому мудрому решению, они вернулись к хижине, развели огонь и приготовили завтрак. Подкрепившись, они отправились на поиски дерева, необходимого для починки оружия.

Им легко удалось найти нужный материал, так как в долине росло множество деревьев самых ценных пород. Вблизи хижины лежали деревья, срубленные для других целей и уже достаточно высохшие.

Охотники знали, что, дружно взявшись за работу и упорно трудясь с утра до темноты и в ночные часы, они быстро справятся с таким пустячным делом, как изготовление нового приклада для ружья или древка для копья.

Глава VIII

ОБСЛЕДОВАНИЕ УТЕСОВ

Усердно проработав ножами два дня подряд, охотники привели в исправность ружья, топорик и копье. Оссару сделал себе также новый лук и колчан, полный стрел.

На третий день, позавтракав, все трое отправились на разведку, решив исследовать утесы все до одного.

Часть каменной стены между хижиной и пещерой

была уже тщательно обследована Карлом, поэтому они начали разведку прямо с того места, где он кончил.

Правда, они однажды уже осматривали все утесы кругом; но это было сразу после того, как они попали в долину, и тогда у них была совсем иная цель.

Тогда они только искали, где бы им выбраться, и мысль об установке лестниц еще не приходила им в голову.

Теперь, имея в виду этот план, они снова отправились на разведку, с целью убедиться, выполним ли он. На этот раз они искали совсем другое — смотрели, не найдется ли ряд уступов, лежащих один над другим, которые можно было бы соединить лестницами. Лишь бы хватило сил сделать их в нужном количестве!

Охотники не сомневались, что им удастся сделать очень длинные лестницы, только надо будет долго и напряженно работать.

Им было известно, что недалеко от хижины растет множество тибетских сосен, из каких они строили мост через трещину; выбрав самые тонкие, стройные стволы, они получат боковины для нужного числа лестниц — почти готовые боковины длиной в сорок — пятьдесят футов.

И если бы удалось найти ряд уступов на расстоянии не более сорока футов один от другого, у них появилась бы твердая надежда вскарабкаться на утесы и уйти из этой долины; этот прелестнейший в мире уголок стал для них отвратительным, как мрачная темница.

Ко всеобщей радости, вскоре были обнаружены такие уступы; казалось, они отвечали всем необходимым условиям. Отстояли они, по-видимому, не более чем на тридцать футов друг от друга; часть каменной стены, где находились эти уступы, была несколько выше утесов, которые в свое время измерял Карл. Она была вышиной не более трехсот пятидесяти футов — высота, конечно, огромная, но казавшаяся незначительной по сравнению с другими участками того же обрыва.

Чтобы добраться до ущелья, потребуется всего каких-нибудь десять лестниц длиной в двадцать — три-

дцать футов каждая. Сделать такие лестницы при помощи инструментов, какими они располагали, будет чрезвычайно трудно. Но не думайте, что эта колоссальная трудность заставила их отказаться от своей задачи. Постарайтесь вникнуть в их положение, примите во внимание, что это была единственная надежда вырваться из горной «тюрьмы», и вам станет ясно, что они охотно взялись бы даже за гораздо более тяжелую работу. Правда, на ее скорое окончание нельзя было надеяться. Речь шла не о нескольких днях или неделях, даже не о месяце — они знали, что потребуется несколько месяцев, чтобы изготовить эти лестницы, а затем предстоял еще новый труд — поставить их на место: придется втаскивать их одну за другой по крутизне на уступы и там устанавливать. Всякий скажет, что невозможно поднять на такую высоту лестницы длиной в тридцать футов, не имея под руками необходимых механизмов.

Разумеется, невозможно, если иметь дело с лестницами обычного веса. Но охотники предвидели эту трудность и решили сделать лестницы очень легкими, чтобы они только могли выдержать тяжесть человека.

Они были почти убеждены, что в этом месте можно подняться на обрыв задуманным ими способом, и решили исследовать утесы подробнее; затем охотники намеревались обойти всю долину и посмотреть, не найдется ли место, где подняться будет еще легче.

Место, где они остановились, находилось возле густого леса, о котором говорил Каспар и куда никто из них еще ни разу не заглядывал. Между деревьями и утесом тянулась узкая безлесная полоса, где валялись скатившиеся с горы камни. В траве довольно близко друг от друга лежало несколько крупных валунов, а один был в виде столба, высотой футов в двадцать и диаметром в пять — шесть футов. Этот валун походил на обелиск, и можно было подумать, что он поставлен руками человека. Однако это была игра природы; вероятно, его оставил при своем отступлении когда-то находившийся здесь ледник. На одной из граней валуна виднелись ложбинки, по которым ловкий человек мог

бы на него взобраться. Оссару и сделал это, отчасти для забавы; к тому же ему хотелось лучше осмотреть утес. Шикари постоял на вершине лишь несколько минут и, удовлетворив свое любопытство, спустился.

Глава IX

ПРЕРВАННАЯ РАЗВЕДКА

Хотя все трое, отправляясь утром на разведку, помнили о слоне и благоразумно решили действовать с оглядкой, — им до того не терпелось обследовать обнаруженные накануне уступы, что мысль о гигантском животном вскоре вылетела у них из головы. Они только и думали, что об уступах и лестницах, и громко обсуждали, как бы их получше сделать и покрепче установить. Но как раз в тот миг, когда Оссару спускался с похожего на обелиск камня, Фриц, рыскавший на опушке леса, принялся отчаянно лаять — точь-в-точь, как ночью, когда слон посетил хижину.

В его лае звучал дикий ужас; казалось, пес был в опасности и чем-то очень напуган. Мысль о слоне мелькнула у охотников, и они мигом повернулись в ту сторону, откуда доносился лай. Инстинктивно все схватились за оружие: Карл вскинул ружье, Каспар — двустволку, а Оссару натянул свой лук.

Все были ошеломлены и еще острее почувствовали опасность, когда Фриц внезапно выскочил из кустов и кинулся к ним с поджатым хвостом. Пес глухо урчал. По-видимому, на него напал какой-то зверь, а его хозяева знали, что доблестного Фрица мог обратить в позорное бегство лишь очень страшный враг.

Им не пришлось долго гадать о том, кто напугал Фрица: вслед за ним из кустов высунулся длинный, змееобразный серый предмет, торчавший между двумя желтоватыми полумесяцами, похожими на огромные костяные рога. Потом показались громадные уши, похожие на лохмотья толстой кожи, и наконец круглая, массивная голова гигантского слона.

Проломившись сквозь кусты, чудовище выбралось из чащи и помчалось по поляне, угрожающе крутя перед собой хоботом. Слон гнался за Фрицем, который, очевидно, вызвал его ярость.

Выскочив из чащи кустов, пес кинулся прямо к своим хозяевам и таким образом направил слона на них.

Нечего было и думать защищать Фрица от страшного преследователя. Увидя новых врагов, более достойных его бивней, слон, казалось, забыл о рассердившем его маленьком четвероногом и сразу же напал на двуногих, словно решил наказать их за дерзость слуги.

Охотники, стоявшие бок о бок, с первого взгляда поняли, что ярость слона направлена уже не на Фрица, ибо чудовище мчалось теперь прямо на них.

Совещаться было некогда — в такой момент не до советов! Каждый должен был действовать, как ему внушал инстинкт. Так они и поступили. Карл послал пулю из ружья в промежуток между бивнями надвигавшегося врага, а Каспар выпалил сразу из двух стволов в голову чудовища. В хобот слону вонзилась стрела Оссару, и в следующий миг мелькнули пятки шикари.

Карл и Каспар тоже побежали, так как оставаться еще хоть миг в этом опасном соседстве было бы явным безумием. Однако справедливость требует сказать, что Карл с Каспаром побежали первыми, так как первыми стреляли, а выстрелив, каждый спасался как мог. Они бежали рядом. На счастье, поблизости оказалось большое дерево с низкими горизонтальными ветвями, по которым удалось быстро вскарабкаться на вершину.

Оссару обратился в бегство всего секундой позже их, но этот краткий миг определил выбор слона, и его гнев обрушился на шикари.

Шикари хотел было броситься к дереву, к которому мчались остальные, но хобот слона уже протянулся в этом направлении и схватил бы его прежде, чем он успел вскарабкаться на нужную высоту. Несколько мгновений Оссару стоял в нерешительности, видимо потеряв обычное хладнокровие.

Между тем слон надвигался на него, размахивая тонким, как веревка, хвостом и вытянув горизонтально хобот, в котором торчала стрела Оссару. Очевидно, он знал, кто воткнул ему в хрящеватый хобот эту колючку, которая, вероятно, ранила его больнее, чем свинцовые шарики, расплющившиеся о его толстый череп; поэтому он решил прежде всего отомстить шикари.

Положение Оссару было крайне опасным; Карл и Каспар, находившиеся в сравнительной безопасности, вскрикнули от ужаса, решив, что их верному проводнику и спутнику пришел конец.

Казалось, Оссару был ошеломлен надвигавшейся гибелью. Но это продолжалось только миг, пока он колебался, не кинуться ли ему к дереву. Увидев, что спастись таким образом невозможно, он бросился в противоположную сторону.

Куда? К обелиску? Да, к счастью, каменный столб, с которого он только что спустился, был всего шагах в десяти, и Оссару в пять прыжков домчался до него. Он отшвырнул бесполезное теперь оружие и, цепляясь за выступы камня, вскарабкался наверх с быстротой белки.

Шикари блестяще доказал свою ловкость. Еще секунда, еще полсекунды — и было бы поздно: не успел он достигнуть вершины, как слон схватил его остроконечным хоботом за край балахона, и будь его одежда из более прочного материала, Оссару был бы сдернут и мгновенно скатился бы наземь.

Однако изношенная, повидавшая виды бумажная ткань разорвалась с громким треском: «фалды» у шикари оторваны, но он был без памяти рад, что ветхая одежда спасла ему жизнь.

Глава X

ОССАРУ НА ОБЕЛИСКЕ

Еще миг — и Оссару стоял на вершине обелиска. Но он далеко еще не был уверен, что избежал опасности, так как слон не потерял надежды добраться до

него. Обнаружив свою неудачу, разъяренное животное презрительно отшвырнуло хоботом оторванный клок ткани, поднялось на задние ноги и, выпрямившись, уперлось передними в каменный столб.

Можно было подумать, что слон хочет вскарабкаться на обелиск; к счастью, он не мог этого сделать. Во всяком случае, Оссару далеко не был в безопасности: слон стоял на задних ногах, и его гибкий, вытянутый во всю длину хобот был на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от ног шикари.

Оссару стоял на своем пьедестале, выпрямившись, как статуя, хотя лицо его, искаженное ужасом, ничуть не напоминало статую. Весь его вид говорил о крайнем смятении. И неудивительно: он понимал, что, если слону удастся вытянуть хобот еще на несколько дюймов, он будет сброшен с обелиска, как ничтожная муха.

Поэтому он стоял в крайней тревоге, наблюдая, как чудовище изо всех сил старается до него добраться.

Слон действовал разумно и энергично. Сперва он выпрямился во весь рост — можно сказать, встал на цыпочки, — потом, найдя, что этого недостаточно, упал на четвереньки и снова выпрямился, пытаясь вытянуться еще выше.

Он старался достать шикари с различных сторон обелиска, словно надеясь найти у его подошвы маленькую возвышенность, которая позволила бы ему подняться еще на несколько дюймов и схватить свою жертву.

К счастью для Оссару, наибольшей высоты слон достиг, когда в первый раз поднялся на задние ноги; и хотя он продолжал бродить вокруг обелиска, ему удавалось коснуться хоботом лишь края маленькой ровной площадки, на которой стоял шикари.

Оссару был уже доволен и этим; он мог бы считать себя в безопасности, если бы не одно встревожившее его обстоятельство. Стоя на крохотной площадке, диаметр которой едва превышал длину его ступни, он с большим трудом сохранял равновесие. Будь он на земле, это не представляло бы для него затруд-

нения; но на высоте двадцати футов дело обстояло иначе, а так как нервы у него были до крайности напряжены перед лицом грозившей ему опасности, то он удерживал равновесие с большим трудом.

Хотя Оссару был всего лишь «кротким индусом», он обладал незаурядной отвагой — он был уже много лет охотником и привык рисковать жизнью. Будь Оссару трусом и человеком, не привыкшим к опасностям, он, вероятно, умер бы от страха и свалился на спину к безжалостному чудовищу. Однако при всей храбрости он был в состоянии лишь сохранять равновесие. К несчастью, Оссару не мог опираться на большое копье, так как бросил его, когда полез на скалу. Он вытащил из-за пояса охотничий нож, но не для обороны, а чтобы лучше балансировать. Правда, его подмывало отхватить кусочек хрящеватого хобота, но он не рисковал наклониться, опасаясь потерять равновесие.

Ему ничего не оставалось, как сохранять вертикальное положение; собрав все мужество, он стоял прямо и неподвижно, как бронзовая статуя.

Глава XI

ВСЕ РУХНУЛО!

В таком положении Оссару оставался несколько минут, и все это время слон пытался дотянуться до него.

Карл и Каспар, сидевшие высоко на дереве, были свидетелями этой сцены с начала до конца. Положение Оссару могло бы показаться Каспару забавным, если бы не опасность, какой подвергался шикари. Она была так очевидна, что Каспар и не думал смеяться и смотрел на Оссару с тревогой. Карл тоже с волнением ожидал развязки. Но братья ничем не могли ему помочь, так как были безоружны — они побросали свои ружья, когда полезли на дерево.

Понаблюдав некоторое время за слоном, Каспар убедился, что животное не может дотянуться до Оссару, пока тот сохраняет равновесие на вершине скалы.

Чудовище изо всех сил старалось добраться до Оссару.

Карл пришел к такому же выводу. И они стали криками ободрять шикари, чтобы он держался крепче. Но вскоре Карл обнаружил одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания Каспара, и это открытие заставило его содрогнуться. Он заметил, что всякий раз, как слон вставал и опирался на обелиск, тот слегка покачивался. Оссару тоже это заметил и не на шутку встревожился, потому что ему становилось все труднее сохранять равновесие. Наконец и Каспар обратил внимание, что скала покачивается, но это не слишком его обеспокоило — зная ловкость шикари, он был уверен, что тот сумеет устоять на обелиске. Но молодой ботаник не только боялся, что Оссару упадет со скалы, — его приводила в отчаяние одна мысль, которая не приходила в голову менее проницательному брату.

Колебание скалы заставило Карла подумать о весьма опасных последствиях. Но каких? Нам всё объяснят слова, с которыми он в этот момент обратился к Каспару.

— Ах, брат! — воскликнул он, заметив опасность. — Что, если скала упадет...

— Не бойся, — прервал его Каспар, — она стоит достаточно прочно. Правда, она слегка вздрагивает, когда эта скотина прыгает на нее. Но я думаю, пока нечего опасаться.

— А по-моему, опасность налицо, — возразил Карл, и в голосе его прозвучала тревога. — Вернее сказать, — прибавил он, — сейчас, пока слон пытается достать Оссару, шикари ничего не грозит, но слон может изменить тактику. Эти твари удивительно умны. И если только он заметит, что столб покачивается от его тяжести, ему в голову придет новая мысль, и тогда для Оссару все будет кончено!

— А, я начинаю тебя понимать, — сказал Каспар, заражаясь тревогой брата. — Так вот в чем опасность! Что же теперь делать? Будь у нас ружья, мы могли бы открыть огонь по чудовищу. Быть может, мы его и не убили бы, но, во всяком случае, нам удалось бы отвлечь внимание от Оссару или помешать зверю додуматься до того, о чем мы сейчас говорили. Нам

нужно спуститься и достать ружья. Что может нам помешать? Слон сейчас слишком занят своим делом, чтобы заметить нас.

— Верно, прекрасная мысль, Каспар!

— Ну, так приведем ее в исполнение. Я спущусь на землю, ты спускайся за мной — до нижней ветки, и я передам тебе ружья... Держись крепко и не бойся, Осси! — громко крикнул молодой охотник. — Мы сейчас его прогоним... пощекочем ему толстую шкуру — вкатим унцию-другую свинца!

С этими словами Каспар начал быстро спускаться с ветки на ветку, а Карл следовал за ним на некотором расстоянии. Каспар добрался уже до нижней ветки, а Карл до предпоследней, как вдруг раздался оглушительный грохот и пронзительный крик. Братья в ужасе обернулись. За короткое время, пока они не смотрели на обелиск, в этой любопытной картине произошла коренная перемена. Каменный столб высотой в добрых двадцать футов уже не стоял вертикально, а лежал на земле чуть не горизонтально, придавив своей вершиной целую кучу древесных ветвей. Основание обелиска было вывернуто из земли, а возле него находился слон уже не на двух ногах и даже не на четырех — он лежал на спине, дрыгая всеми четырьмя ногами и изо всех сил старался подняться. Оссару нигде не было видно.

Случилось то, чего опасался Карл. Сообразив, что ему не достать до шикари хоботом, и почувствовав, что обелиск пошатывается, слон встал на ноги, уперся в скалу могучей грудью, навалившись на нее всей своей тяжестью; столб рухнул на стоявший рядом высокий каштан — дерево сломалось и с треском упало. Неуклюжий гигант потерял равновесие и свалился на землю вслед за обелиском. Словом, все четверо не устояли на месте: ни дерево, ни животное, ни скала, ни человек, ибо Оссару, разумеется, упал вместе с обелиском

Но куда же исчез Оссару? Это было первое, о чем подумали и Карл и Каспар.

— Ах, брат, — простонал Каспар, — боюсь, что он погиб!..

Карл промолчал, но все же громко сказанные слова Каспара не остались без ответа. Едва они слетели с его уст, как из ветвей рухнувшего каштана послышался знакомый голос, от которого сердца у братьев радостно забились.

— Нет, молодой саиб, — отвечал невидимый Оссару, — меня не убить, мне не повредить. Только уйти от старый бродяга, и я здоровый, как всегда. Вот я бежать!..

В тот же миг шикари выскочил из ветвей дерева, в которых временно был погребен, и со всех ног помчался к дереву, на котором братья нашли убежище.

Не успел слон подняться на ноги, как Оссару уже занял безопасную позицию на верхних ветвях высокого дерева, куда взобрались и Карл с Каспаром, позабыв о своих ружьях.

Глава XII

БЕГ ПО КРУГУ

Все трое сидели высоко в ветвях. Слона уже не приходилось бояться, и они могли наблюдать за ним, чувствуя себя в полной безопасности. Опасность угрожала только Фрицу; но псу были уже хорошо известны злобные повадки гиганта, и он был настолько умен и бегал так быстро, что всегда мог от него спастись.

Слон же, поднявшись на ноги, несколько мгновений стоял, хлопая своими громадными ушами, в явном недоумении, словно ошеломленный неожиданным приключением. Однако он недолго сохранял эту спокойную позу. Стрела, все еще торчавшая у него в хоботе, пробудила в нем жажду мщения. Сердито задрав хвост и издавая пронзительные крики, он кинулся к рухнувшему дереву и погрузил свой длинный хобот в его ветви. Он перебрал их одну за другой, словно что-то разыскивая, — он искал шикари.

Через некоторое время он бросил это занятие и стал оглядываться с явно озадаченным видом, не понимая, куда девался человек. Он не видел, как убегал

шикари, так как тот успел скрыться, пока он еще валялся на спине. Но тут ему попался на глаза Фриц, — пес притаился под ветвями дерева, на котором укрылись его хозяева, и явно завидовал их удачной позиции.

Фриц сразу привлек внимание мстительного зверя. Ведь он первый напал на слона, когда тот брел по чаще, он подвел его под этот ужасный град пуль и стрел. И как только взгляд слона упал на собаку, ярость проснулась в гиганте с удвоенной силой: круто задрав хвост, слон стремглав кинулся на своего заклятого врага.

Напади на него кабан или даже бык, Фриц ни за что бы не убежал — он отскочил бы в сторону, чтобы избегнуть удара и, в свою очередь, напал бы на врага. Но это четвероногое было величиной с дом, и Фриц, не будучи уроженцем Востока, был мало знаком с ним. Да и что можно было с ним поделать, когда у этого великана такое страшное оружие — язык длиной в несколько футов и чудовищные клыки? Поэтому неудивительно и ничуть не позорно для Фрица, что он повернулся и помчался прочь. Бежал он так быстро, что уже через полминуты не только его хозяева, сидевшие на дереве, но и гнавшийся за ним слон потеряли его из виду. Пробежав за ним несколько десятков футов, животное сообразило, что гонится впустую, и отказалось от дальнейшей погони.

Когда слон погнался за псом, у охотников появилась надежда, что погоня завлечет опасного зверя подальше и они успеют спуститься на землю и убежать.

Однако их постигло разочарование, так как, отказавшись преследовать пса, толстокожий гигант вернулся назад, снова перешарил хоботом сломанные ветви каштана и принялся бродить вокруг поверженного обелиска, причем все время описывал правильные круги, словно готовясь исполнить какой-то цирковой номер.

Больше часа продолжал слон эту круговую прогулку, изредка останавливаясь и издавая пронзительный вопль, но почти все время он двигался в угрюмом молчании. Порой он устремлял взгляд и даже протягивал хобот к ветвям упавшего дерева, словно все еще подо-

зревая, что там прячется тот, кто пустил ему в хобот стрелу. Действительно, глядя на его движения, можно было подумать, что он сторожит это место, чтобы враг не убежал. Он давно уже вытащил из хобота стрелу, наступив на нее ногой и вздернув голову.

Между тем Фриц прокрался к опушке леса и залег в кустах, припав к земле, так что слону не было его видно.

Охотники, засевшие на дереве, были сильно раздосадованы, что их плен так затянулся, и начали подумывать, как бы им вырваться отсюда. Было предложено сделать вылазку и подобрать ружья, но Карлу это показалось слишком опасным. От дерева до рухнувшего обелиска было не более двадцати ярдов, а слон, внимательно оглядывавший все вокруг, конечно, заметит, как они будут спускаться с дерева. Хотя это грузное животное обычно выступает неспешным, плавным шагом, но оно может бежать почти со скоростью лошади, несущейся галопом, и если сразу их приметит, то они едва ли избегнут его цепкого хобота.

Кроме того, если даже им удастся вернуться на дерево, при виде их слон снова разъярится и тогда уж не уйдет отсюда.

Было и еще одно соображение, заставившее их терпеливо сидеть на дереве. Охотники захватили с собой порох и пули лишь в ограниченном количестве, заряды подходили к концу, и благоразумие требовало их экономить. У Карла осталось всего две пули и пороху ровно на два выстрела, да и у Каспара в пороховнице и в сумке было не гуще. Они рискуют истратить весь запас свинца и все-таки не убить животное, которое может преспокойно ходить с двумя десятками пуль в толстой коже. Эти выстрелы могут только разозлить его, и оно ни за что не уйдет.

Это был настоящий «бродяга», как назвал его Оссару, да к тому же старый клыкач — поэтому он был крайне опасен. И хотя они знали, что не будут в безопасности в этой долине, пока не убьют его, все согласились, что разумнее будет оставить его в покое, пока не представится более удобный случай покончить с ним.

Взвесив все эти обстоятельства, они решили смирно сидеть на дереве и терпеливо ожидать окончания странного бега по кругу, который все еще выполнял старый клыкач.

Глава XIII

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Добрый час терпение охотников, угнездившихся на дереве, подвергалось жестокому испытанию. Бродяга по-прежнему расхаживал вокруг скалы, пока не вытоптал дорожку, похожую на цирковую арену после вечернего представления.

Разумеется, для зрителей время тянулось очень медленно, не говоря уже о Фрице, который, конечно, удовлетворился бы куда более короткой программой.

Что касается людей, то им пришлось бы пережить весьма неприятный час, если бы это скучное представление не было прервано интермедией, весьма их заинтересовавшей, — особенно же натуралиста Карла. Увлекшись ею, они даже позабыли о близости свирепого врага и о том, что находятся в осаде.

Сидя на дереве, они случайно стали свидетелями любопытной сцены, какую можно подсмотреть лишь в самом уединенном уголке девственного леса.

Невдалеке от дерева, на котором они сидели, стояло другое, таких же размеров, но иной породы. Даже Каспар, совершенный профан в ботанике, сразу определил, что это за дерево. Оно обладало гладкой корой и широко раскинутыми ветвями: это была смоковница, ничем не отличающаяся от своего европейского родича.

Это красивое дерево с годами становится дуплистым. Большие дупла образуются не только у корня, но встречаются в стволе на значительной высоте и даже в толстых ветвях.

Смоковница стояла в нескольких ярдах от дерева, на котором сидели Карл, Каспар и Оссару. Она нахо-

дилась прямо перед ними, и порой, когда им надоедало следить за однообразными движениями слона, они бросали взгляд на смоковницу. Сквозь редкую листву виднелся ствол и отходившие от него в разные стороны толстые ветви.

Чуть ли не с первого взгляда Каспар обнаружил на дереве что-то странное. У этого юноши был зоркий взгляд и острая наблюдательность. На главном стволе смоковницы, футах в шести над первым разветвлением, он приметил нечто, сразу же привлекшее его внимание: это было что-то вроде большого козьего рога; вернее, это можно было сравнить с изогнутым рогом носорога или с клыком очень молодого слона; рог этот ничуть не походил на сук.

Раз или два Каспару показалось, что этот предмет движется, но он еще не был в этом уверен и ничего не сказал товарищам, боясь, что его поднимут на смех. Карл нередко посмеивался над братом, уличая его в невежестве.

Странное явление, замеченное Каспаром, заинтересовало его, и он начал украдкой следить за ним. Вскоре он заметил вокруг изогнутого рога что-то похожее на диск дюймов восьмидесяти в диаметре и гораздо темнее коры смоковницы. Сразу же было видно, что этот диск — не из дерева: он резко выделялся на фоне ствола, как и торчавший из него костяной изогнутый предмет. Если бы Каспара спросили, что́ ему напоминает вещество этого диска, он ответил бы: оно удивительно похоже на грязь, из которой ласточки лепят свои гнезда.

Каспар продолжал наблюдать оба эти любопытных предмета: рогообразный нарост и темный круг, из которого он торчал; и, только убедившись, что первый принадлежит живому существу, решил сообщить об этом своим товарищам. Он пришел к такому выводу, увидев, что рог внезапно исчез, словно втянутый внутрь дерева, и на его месте осталось лишь круглое темное отверстие. Потом желтоватый рог снова появился в отверстии и высунулся наружу, заполняя его целиком.

Каспар был слишком поражен, чтобы хранить про себя такой секрет, и немедленно рассказал о своем открытии Карлу и Оссару.

Оба одновременно взглянули в указанном направлении. Карл был озадачен этим явлением так же, как и Каспар.

Но не Оссару. Едва увидев изогнутый костяной рог и темный круг, он сказал равнодушным тоном, каким говорят о самых обычных предметах:

— Носорог-птица на гнезде.

Глава XIV

ЛЮБОПЫТНОЕ ГНЕЗДО

В этот момент изогнутый нарост исчез в дупле, и осталось лишь темное отверстие. Карл смотрел в полном недоумении, как и Каспар за минуту перед тем.

— Гнездо? — повторил Каспар, удивленный словами шикари. — Птичье гнездо? Ты говоришь о птичьем гнезде, Осси?

— Да, саиб. Гнездо большой-большой птица. Феринги называть ее носорог.

— Да, — сказал Каспар, который немногое понял из объяснений шикари, — это очень любопытно. Мы видели что-то вроде рога, торчавшего из дерева, хотя это больше похоже на кость, чем на рог. Может быть, это птичий клюв. Но скажи, пожалуйста, где же сама птица и ее гнездо?

Оссару ответил, что гнездо находится в дупле, а птица на гнезде, где ей и полагается быть, и они видели только ее клюв.

— Как! Птица сидит в той дыре, откуда торчит эта белая штука? Да ведь рог заполняет целиком всю дыру, и если птица действительно там, если этот предмет — ее клюв, то я могу сказать, что клюв у нее, должно быть, величиной со все ее тело. Иначе, как же она пройдет в такую маленькую дыру? Другого отверстия, кроме этого, нет. А может быть, эта птица — ту-

кан? Я слыхал, что тукан пройдет везде, куда просунется его клюв... Не тукан ли это, Оссару?

Оссару не мог сказать, тукан это или нет, так как никогда не слыхал о такой птице. Его орнитологические познания не шли дальше птиц Бенгалии, а тукан живет в Америке. Он повторил, что эту птицу феринги называют «носорог» или «птица-носорог». Оссару добавил, что она величиной с гуся и что туловище у нее в несколько раз толще клюва, хотя клюв кажется очень толстым.

— И ты говоришь, что гнездо у нее там, в дупле? — спрашивал Каспар, указывая на маленькое круглое отверстие, едва ли больше трех дюймов в поперечнике.

— Ну да, молодой саиб, — был ответ Оссару.

— Разумеется, там должно находиться какое-то живое существо, раз мы видели, что этот рог двигается; а если эта птица величиной с гуся, то не объяснишь ли ты нам, как она входит в дупло и выходит оттуда? Вероятно, с другой стороны ствола есть второе отверстие, побольше?

— Нет, саиб! — твердо возразил Оссару. — То, что вы видать перед собой, — один вход в гнездо носорога.

— Вот это здорово, Осси! Ты хочешь сказать, что птица величиной с гуся может входить и выходить через эту дыру? Да в нее воробей с трудом протиснется!

— Птица-носорог не входить, не выходить. Он остаться там, пока птенцы готовы уйти из гнездо.

— Будет тебе, Осси! — насмешливо сказал Каспар. — Эта сказка хороша для маленьких детей. Неужели ты думаешь, что мы этому поверим? Разве птица может оставаться в гнезде, пока птенцы не вырастут? А тогда что? Разве птенцы помогут матери выбраться оттуда? И как они выберутся сами? Ведь я полагаю, они не уйдут из гнезда, пока не вырастут... Слушай, добрый шикари, довольно с нас загадок, и расскажи нам все как есть!

Тут шикари рассказал все, что знал об этой удивительной птице. Готовясь выводить птенцов, сказал он, птица-носорог выбирает в дереве дупло как раз такого

размера, чтобы там могли поместиться она сама и гнездо, которое она строит. Когда гнездо построено и яйца снесены, самка садится на них и остается в дупле не только до тех пор, пока выведутся птенцы, но и долгое время спустя — пока птенцы не оперятся и не смогут жить самостоятельно. Чтобы защитить ее на это время от нападения куниц-лакати, мангуст и прочей «нечисти», самец, едва только самка сядет на яйца, принимается за работу каменщика. Пользуясь своим большим клювом сперва как ведерком, потом как лопаткой, он замуровывает вход в гнездо, оставляя лишь небольшое отверстие, которое целиком заполняет клюв самки. Материалом служит ему глина, добываемая из ближайшего ручья или болота и напоминающая тот материал, из какого сооружает свое удивительное гнездо обыкновенная ласточка. Высохнув, глина становится такой твердой, что может выдержать нападение любой птицы или зверя. А когда огромный клюв самки торчит наружу, целиком заполняя отверстие, в дупло не может пробраться даже скользкая древесная змея. Находясь таким образом в полной безопасности, самка спокойно высиживает птенцов.

Тут Каспар прервал Оссару вопросом.

— Как? — сказал он. — Она просиживает на гнезде целые недели, ни разу не выходя наружу? Чем же она кормится?

Не успел Оссару ответить на этот вопрос, как они услыхали страшный шум, доносившийся сверху, словно с неба. Этот шум мог бы испугать человека, слышащего его в первый раз и не знающего, в чем дело. Это был какой-то хлопающий, щелкающий звук, вернее — ряд звуков, похожих на лесной шум во время бури.

Оссару сразу же узнал этот звук. Не отвечая на вопрос Каспара, он сказал:

— Погоди, саиб. Старый носорог приходить. Он показать, как кормить самку.

Не успел он договорить, как его товарищи поняли, что вызвало странный шум. Это была большая птица, которая, сильно хлопая крыльями, пролетела мимо дерева, где они сидели, к тому, где находилось гнездо.

Через миг они обнаружили, что птица сидит на остром суку, непосредственно под дуплом, и Оссару мог уже не объяснять товарищам, что это самец птицы-носорога. Большой клюв с отростком, похожим на рог, как и у того клюва, что высовывался из отверстия, был увенчан чем-то вроде огромного шлема, поднимавшегося над головой и прикрывавшего клюв сверху, так что его можно было принять за второй клюв; такой странный «головной убор» мог принадлежать только самцу птицы-носорога.

Глава XV

ПТИЦА-НОСОРОГ

Правда, Карлу еще не приходилось видеть живых птиц-носорогов, но он видел их чучела в музее, и ему нетрудно было узнать птицу. Он даже мог определить, к какому виду она принадлежит, так как существует несколько разновидностей носорогов. Перед ними сейчас находился топау, или рогатая индийская ворона, ибо по внешности и по повадкам она напоминает эту примелькавшуюся нам птицу.

Оссару не преувеличил размер этой птицы, сравнив ее с гусем. Напротив — он скорее приуменьшил, так как самец был гораздо крупнее гуся. Он был более трех футов длиной, считая от кончика хвоста до конца изогнутого клюва, который сам был почти в фут длиной. Оперение у самца было сверху черное, а брюшко бледно-желтое; на хвосте перья ярко-белые, пересеченные посередине черной полосой. Клюв, как и у самки, был бледно-желтый, красноватый у основания, а «шлем» — пестрый, черный с белым.

Оссару пришлось рассказать все, что он знал об этой любопытной птице. Правда, в Индии живет несколько разновидностей птицы-носорога, но встречаются они там не так часто.

Карл знал гораздо больше шикари об этой породе птиц, о ее характерных особенностях и повадках, и, конечно, рассказал бы товарищам, не будь они поглощены

другим. В самом деле, разъяренный слон держал их в осаде, они лишь ненадолго отвлеклись, наблюдая за птицей, и у Карла не было никакой охоты читать лекцию по орнитологии. Он мог бы рассказать, как долго спорили орнитологи относительно классификации птицы-носорога: одни причисляли его к туканам, другие полагали, что его нужно отнести к семейству ворон. Его сближает с туканом не только огромный клюв. Как и тукан, он подбрасывает добычу кверху, подхватывая и проглатывая ее на лету. Но, в противоположность тукану, эта птица не может лазить по деревьям, так что ее нельзя отнести к лазающим. Ее считают всеядной, но, как мы уже сказали, есть немало разновидностей птицы-носорога, и большинство авторов, вероятно, смешивают повадки различных видов, сильно отличающихся друг от друга. Существуют африканские виды, индийские и индонезийские, один или два своеобразных вида можно встретить на Новой Гвинее. Все эти виды различаются между собой не только по размерам, цвету, форме клюва и нароста над ним, но и по употребляемой ими пище. Например, африканская птица-носорог и некоторые азиатские виды являются плотоядными, а иные даже питаются падалью. Это отвратительные птицы, у которых мясо и оперение издают резкую вонь, как у коршунов. С другой стороны, в Индонезии, особенно на Молуккских островах, обитает разновидность, питающаяся только мускатными орехами, благодаря чему ее мясо отличается восхитительным вкусом и ароматом и высоко ценится восточными гастрономами. На клюве у этих птиц в известном возрасте появляются желобки, или бороздки. Наблюдаются эти бороздки только у старых птиц, и голландские колонисты, живущие на Молуккских островах, пытаются определять по ним возраст птицы, считая, что каждая бороздка соответствует одному году. Поэтому носорог получил у них название «годовая птица».

Как мы уже сказали, Карлу были хорошо известны все эти разновидности птицы-носорога. Но в данный момент он и не думал делиться своими знаниями с товарищами, так как все трое пристально следили за

самцом. Несомненно эта птица принадлежит к плотоядным, так как, когда самец спускался, видно было, что у него из клюва свешивается что-то длинное, похожее на кусок веревки; они разглядели, что это кусок змеи — голова и часть туловища. Очевидно, и самка не привыкла к растительной пище, так как по движениям самца наблюдатели поняли, что змея предназначается ей. Без сомнения, это был ее обед, так как время близилось к полудню.

Ей не пришлось долго ждать.

Опустившись на длинный сук, ее кормилец движением головы подбросил кусок змеи в воздух и поймал его на лету — не для того, чтобы проглотить, а чтобы схватить поудобнее и половчее всунуть в клюв самки, торчавший из отверстия и раскрытый в ожидании еды.

Еще миг — и лакомый кусочек перешел из клюва самца в клюв самки; могучие щипцы, словно сделанные из слоновой кости, крепко зажали змею и мгновенно скрылись в дупле.

Самец ни на минуту не задержался на дереве. Он принес самке обед и, вероятно, должен был принести десерт. Он тут же взлетел, громко хлопая крыльями, причем его роговые челюсти щелкали, как кастаньеты, и этот необычный звук мог бы напугать человека, незнакомого с подобными птицами.

Глава XVI

ЧЕТВЕРОНОГИЙ БАНДИТ

Когда улетела птица, о которой молодые искатели приключений узнали столько интересного, слон снова занял их внимание. Не потому, что он изменил свою тактику — он по-прежнему описывал круги, — но охотники знали, что, пока он здесь, им нельзя спуститься с дерева; и они обернулись к слону — посмотреть, не собирается ли он уходить. Но, увы! Слон не обнаруживал намерения покинуть это место.

Наблюдая за своим врагом, они отвернулись от смоковницы и, вероятно, не скоро бы на нее взглянули, если бы не услышали звук, доносившийся со стороны гнезда птицы-носорога. Это был тихий, довольно жалобный звук, не похожий на крик птицы, да и вообще его не могла издавать птица. Казалось, это крик животного или даже человека — отчетливо раздавалось: «ва-ва-ва».

Но это не был человек. Оссару с первого звука догадался, кто это; братья тоже быстро поняли, в чем дело. Повернувшись к смоковнице, они увидели на длинном суку, где недавно сидел самец-носорог, существо совсем другого рода — представителя четвероногих.

У него было массивное округлое туловище и очень толстый пушистый полосатый хвост; морда у зверька была короткая и круглая, вроде кошачьей; гладкий, блестящий мех одевал его с головы до пят пушистой шубкой. У него была темно-рыжая, с золотистым отливом спина, глянцевитый черный живот, белые щеки и желтая полоска на морде. Каспар должен был признаться, что ему редко приходилось видеть такое красивое создание.

В ответ на восторженное восклицание, вырвавшееся у брата, Карл сказал, что известный натуралист Кювье еще задолго до Каспара оценил красоту этого животного.

Оссару знал, что его называют «ва» (звукоподражательное название), а иногда «читва» или «панда».

Услыхав это название от Оссару (да и сам зверь «назвал» себя), Карл сразу же понял, с кем имеет дело.

Увидев зверька на высоком суку, Карл и Каспар с первого же взгляда убедились в его ловкости, а в следующий миг убедились, что он не прочь полакомиться птичьими яйцами. Не прошло и минуты, как они сообразили, что он охотится за яйцами птицы-носорога, а может быть, собирается отведать мяса самой птицы.

Стоя на суку, он поднялся на свои массивные задние лапы, как маленький медведь, и начал царапать передними длинную стенку, на возведение которой самец затратил столько времени и труда. Быть может,

если бы зверьку никто не препятствовал, ему и удалось бы проникнуть в гнездо; во всяком случае, у него было такое намерение. Однако ему помешали. Правда, самка, находившаяся в дупле, не очень-то могла обороняться, хотя все время то высовывала, то втягивала обратно клюв, и ее сердитое шипение доказывало, что она понимает грозящую ей опасность и знает, какой враг атакует ее крепость.

Зверек изо всех сил царапал стенку, и возможно, что она развалилась бы под ударами его когтей, но вдруг над деревьями раздалось громкое хлопанье, щелканье и стук; а еще через миг широкие, раскидистые крылья старого самца засвистели над головой четвероногого разбойника и длинный, острый, подобный кинжалу, клюв мигом прервал его злодейские труды.

Захваченный врасплох, панда струсил, ибо старый самец, подобно всякому главе семейства, который, возвращаясь домой, находит там грабителя, налетел на него с бешеной яростью.

Однако разбойник, видимо привыкший к такого рода отпору, вскоре овладел собой: вместо того чтобы убежать, он плотнее укрепился на суку и, повернувшись к своему пернатому противнику, приготовился к битве.

И битва началась: птица то и дело налетала на врага, била его своими мощными крыльями и клевала огромным клювом, а зверь бешено отбивался зубами и лапами, иной раз вырывая пучки перьев из груди своего крылатого противника.

Глава XVII

ФРИЦ ВМЕШИВАЕТСЯ

Чем окончилось бы единоборство панды и птицы-носорога, об этом можно лишь догадываться. По всей вероятности, четвероногое одержало бы победу над двуногим, стенка гнезда была бы взломана, самка

Панда повернулся к противнику и приготовился к битве.

сброшена с гнезда, скорее всего, убита и съедена, а вслед за нею были бы истреблены и яйца.

Но, видно, в книге судеб была предначертана иная развязка этой маленькой драмы, так как внезапно произошло нечто, изменившее характер борьбы, и после ряда инцидентов битва окончилась совершенно неожиданным образом как для ее участников, так и для наблюдателей.

Первый инцидент, резко изменивший положение дел, был весьма забавного свойства и рассмешил зрителей, сидевших на дереве.

В пылу борьбы стоящий на задних лапах панда отвернулся от маленького отверстия, представлявшего вход в гнездо. Не помышляя об опасности с этой стороны, грабитель старался уберечь свои глаза от самца, нападавшего сверху. Но самка в гнезде, которой было довольно хорошо видно все происходящее снаружи, и не думала оставаться пассивной зрительницей; улучив момент, когда враг оказался совсем близко от дупла, она тихонько высунула свой длинный, твердый, как слоновая кость, клюв и изо всех сил ударила панду в глаз; острие клюва, словно кирка, вонзилось до самой кости.

Ошеломленный этим неожиданным нападением, зверек испустил от боли резкий крик и мигом скатился с дерева; казалось, он думал только о бегстве. Это ему, несомненно, удалось бы, несмотря на потерю глаза; но за ним следил еще один враг, с которым ему предстояло схватиться. Привлеченный шумом стычки, Фриц выглянул из кустов, окружавших дерево, и, подойдя поближе, следил за сражением. Честный Фриц не мог не сочувствовать безвинной птице, на которую напал подлый враг; и едва панда появился внизу, как пес бросился на него и начал трепать, словно этот зверек был его давнишним, заклятым врагом.

Положение панды было отчаянным, но разъяренный зверек не хотел сдаваться без борьбы. И хотя напавший на него пес был гораздо сильнее его, он все же хотел оставить врагу на память одну—две царапины, следы которых тот носил бы до могилы.

Но в этот миг Фрицу грозила куда более серьезная опасность, чем удары когтей панды. Если бы в пылу битвы он не взглянул случайно в сторону обелиска, то оказался бы во власти противника, который проявил бы к нему не больше милосердия, чем он сам к злополучному панде.

Но случай ему помог: бросив взгляд на своего недавнего преследователя, он увидел, что слон направляется прямо на него; в глазах его сверкала ярость и хобот был угрожающе вытянут вперед. Фриц мгновенно решил, как ему поступить. Бросив панду, словно почуяв, что мясо его ядовито, он метнулся прочь от слона и через несколько мгновений скрылся в зарослях.

Из всех принимавших участие в этой необычной схватке больше всего пострадал злополучный панда, так как вместе с этой драмой окончилась и его жизнь. На него нападали всё новые враги, а под конец он повстречался с самым ужасным врагом, который вскоре с ним покончил. Это был слон. Он собирался уничтожить Фрица, но, увидев, что тот убежал, решил не упустить подвернувшуюся ему жертву. Итак, он не стал преследовать Фрица в чаще, и его ярость обрушилась на панду. Гигант понимал, что зверьку не уйти от него: наполовину ослепленный клювом птицы, полузадушенный Фрицем, он не заметил приближения слона. Быть может, он и увидел опасность, но было уже поздно: слон стоял над ним — и ему нельзя было убежать.

Не успел панда опомниться, как слон обвил его цепким хоботом и поднял кверху, будто перышко. Потом безжалостное чудовище сделало несколько шагов к поверженному обелиску и, словно выбрав подходящее место, опустило барахтающегося панду наземь, наступило на него огромными передними ногами и принялось его топтать, пока от раздавленного зверька не остался лишь бесформенный комок кровавого мяса и клочки шерсти.

Для сидевших на дереве зрителей это было неприятное зрелище; но за ним последовало другое, доставившее им радость: слон повернул в сторону леса и стал удаляться, видимо решив совсем уйти отсюда.

Удовлетворил ли он жажду мести, убив панду, или отправился на поиски Фрица — этого никто не мог бы сказать; во всяком случае, он уходил — что-то заставило его снять осаду, которая порядком уже надоела охотникам.

Глава XVIII

«СМЕРТЬ БРОДЯГЕ!»

Когда слон скрылся из виду, осажденные начали совещаться: можно ли им сойти на землю? Они очень устали сидеть на дереве всё в той же позе. Правда, ничего не стоит просидеть несколько минут верхом на ветке, но если такое сидение затягивается, оно становится мучительным, почти невыносимым. Каспар больше всех страдал от вынужденного бездействия и был очень зол на бродягу. Несколько раз он собирался покинуть свой насест и прокрасться за ружьем, но Карл догадывался о его намерениях и убеждал брата, что благоразумие требует подождать.

Всем троим не терпелось сойти с дерева, и они спустились бы на землю, как только исчез страшный враг, если бы были уверены, что он больше не вернется. Но они подозревали, что он ушел только на время, — быть может, бродяга пустился на эту уловку, чтобы выманить их из убежища: ведь известно, что слоны-бродяги умеют хитрить не хуже двуногих бродяг.

Они не могли сразу решить, как лучше поступить, но тут Оссару положил конец их колебаниям, предложив спуститься первым. Он решил прокрасться по следам слона, чтобы удостовериться, действительно ли тот ушел отсюда или стоит в засаде на опушке леса.

Шикари умел скользить в кустах бесшумно, как змея, и братья знали, что он не будет подвергаться чрезмерной опасности, если только не заберется слишком далеко. Он, конечно, своевременно заметит слона, а в случае, если тот вернется и погонится за ним, сможет снова найти убежище на дереве.

Не успели товарищи дать согласие, как Оссару на-

чал спускаться по ветвям, а очутившись на земле, быстро и бесшумно зашагал в том направлении, в каком скрылся слон.

Карл и Каспар оставались на дереве еще минут пять; но так как шикари все не возвращался, они потеряли терпение и тоже спустились на землю.

Первым делом они разыскали ружья и перезарядили их; потом встали около дерева, чтобы в случае внезапного нападения можно было снова взобраться на ветви, и начали поджидать Оссару.

Прошло довольно много времени, а от шикари не было ни слуху ни духу. Не слышно было вообще ничего; царило глубокое молчание, лишь изредка нарушаемое хлопаньем крыльев птицы-носорога. Самец все еще держался близ гнезда, видимо озадаченный таинственным стечением обстоятельств, так внезапно избавившим его от четвероногого врага.

Но птица больше не интересовала ни Карла, ни Каспара, которых беспокоило долгое отсутствие Оссару.

Вскоре, однако, они с радостью увидели, что шикари вынырнул из зарослей и быстро к ним приближается. Их обрадовало также, что по пятам за Оссару следовал Фриц. Оссару встретил пса на опушке, где тот спрятался от разъяренного слона.

Когда Оссару подошел ближе, Карл и Каспар заметили по выражению его лица и поспешности, с какой он шагал, что тот хочет сообщить им нечто важное.

— Ну, Осси, — спросил Каспар, — что нового? Видел ты бродягу?

— Ах, он бродяга, это верно, — ответил Оссару, и в его голосе послышался затаенный страх. — Вы верно говорить, саиб, — он бродяга, если не хуже.

— Что случилось? Ты видел что-нибудь?

— Видел, саиб! Вы думать, куда он пойти?

— Куда же?

— К хижине.

— К хижине?..

— Прямо. Ах, саибы, — продолжал шикари, понижая голос, и на лице его отразился суеверный ужас, —

он уж слишком умный для зверя, слишком много знать! Боюсь, он не слон совсем, а злой дух принять вид слона. Зачем он пойти туда?

— Да, зачем, интересно знать? — повторил Каспар. — Ты думаешь, он хочет подстеречь нас возле хижины? Если так, — продолжал он, не дожидаясь ответа, — то нам не будет покоя, пока он жив. Одно из двух: либо мы должны его убить, либо он нас.

— Саиб, — заметил шикари, многозначительно покачав головой, — мы не убить его: слон не умирать никогда.

— Что за ерунда, Осси! — возразил Каспар, которому был смешон суеверный страх шикари. — Впрочем, думай как хочешь, но я-то не сомневаюсь, что мы сможем его убить, как только он подвернется под хороший выстрел. Честное слово, чем скорее мы это сделаем, тем лучше! Он недаром пошел в нашу хижину — ясно, что у него какое-то скверное намерение. Может быть, он вспомнил, что Фриц там в первый раз напал на него, и так как он думает, что пес ушел туда, то и отправился его искать... Э, Фриц, старина, тебе нечего бояться! Ты можешь ускользнуть от него в любой миг. Твоим хозяевам хуже приходится, чем тебе, дружище.

— А ты уверен, Оссару... — спросил Карл после минутного раздумья, — ты уверен, что он пошел к хижине?

Оссару, конечно, не мог утверждать, что слон направился именно туда, где стояла хижина; но он прошел по следам слона по густому лесу, а потом, взобравшись на дерево, видел, что гигант двинулся в сторону хижины. Оссару почти не сомневался, что слон пошел именно туда, но он был так напуган, что ничего не соображал и даже не пытался догадаться о намерениях слона.

— Ясно одно, — снова заговорил Карл, поразмыслив некоторое время: — бесполезно продолжать задуманную нами разведку, пока мы не избавимся от слона. Ты верно сказал, Каспар! Теперь он выследил нас, и к тому же он разъярен ранами, которые мы ему на-

несли, и едва ли забудет об этом приключении. У нас не будет ни минуты покоя, и нечего думать о безопасности, пока не удастся уничтожить его. Почему бы нам не заняться этим делом сейчас же? Речь идет о нашей жизни, и над нами будет висеть угроза, пока мы с ним не расправимся.

— Идемте же! — вскричал Каспар. — И пусть нашим девизом будет: «Смерть бродяге!»

Глава XIX

ХИЖИНА В РАЗВАЛИНАХ

Наши охотники немедленно направились к хижине: именно туда пошел слон, как можно было судить по его следам, которые уже обнаружил зоркий шикари и на которые по дороге указал своим спутникам. Там и сям на мягкой почве виднелись огромные отпечатки, а где их не было, путь бродяги обозначался сбитыми на землю листьями и поломанными сучьями, а также крупными ветвями, валявшимися в траве; видно было, что слон волок их некоторое время, а потом бросил.

Шикари не раз приходилось выслеживать диких слонов в джунглях Бенгалии, и он был знаком с их повадками. Он сообщил товарищам, что бродяга и не думал пастись, так как на сучьях и листьях не видно было следов зубов; слон шел довольно быстро и, казалось, с определенным намерением. Валявшиеся на земле ветки были сломаны, вероятно, с досады — он просто срывал на них свою злобу.

Оссару не приходилось напоминать товарищам об осторожности. Они знали не хуже его, что с разъяренным слоном, будь то бродяга или обыкновенный слон, лучше не встречаться; а этот бродяга был до крайности разъярен — в этом они убедились и сами, и со слов шикари.

Поэтому они продвигались крайне осторожно, осматриваясь по сторонам и чутко прислушиваясь; шли они в полном молчании, лишь изредка перешептываясь.

Они возвращались домой не тем путем, каким шли на разведку. Обследование утесов завело их довольно далеко, и теперь они шли по следам слона, которые вели, как и предполагал Оссару, прямо к хижине.

Приближаясь к своему примитивному жилищу, они догадались по некоторым признакам, что враг где-то совсем близко. Зная, что вблизи горячего источника, у которого стояла хижина, нет ни крупных деревьев, ни других безопасных мест, куда можно было бы укрыться в случае нападения, они удвоили осторожность. Они могли увидеть хижину лишь с довольно близкого расстояния, подойдя к ней ярдов на двести. Сперва надо было пройти полосу невысоких зарослей, закрывавших ее.

Охотники углубились в эти заросли и вскоре с тревогой обнаружили свежие следы слона. Не оставалось сомнений, что он недавно прошел здесь, направляясь прямо к хижине.

Что ему там было нужно? Этот вопрос, конечно, пришел в голову всем троим. Право, было похоже, что слон их там разыскивал! Вероятно, потеряв их из виду, он подумал, что они вернулись домой, и решил нанести им визит.

После того, что им пришлось увидеть, невольно являлась мысль, что это гигантское животное наделено каким-то сверхъестественным умом. Разумеется, они гнали эту нелепую мысль, но все же в душе оставалась странная, гнетущая тревога. То, что они обнаружили, выйдя из чащи, усилило эту тревогу; более того — привело их в ужас.

Хижины больше не существовало. Виднелись лишь ее развалины. Крупные валуны, из которых были сложены стены, балки и настил, составлявшие крышу, травяные постели, примитивная посуда и другая утварь, — все это было разбросано по земле. Никто бы не догадался, что на этом месте недавно находилось человеческое жилье. Да, охотники нашли одни руины — не осталось и камня на камне.

Они смотрели на это разрушение с невольным ужасом. Теперь они уже не решились бы обвинить в суеве-

рии язычника, поклонявшегося Браме или Вишну. Его молодые спутники-христиане, казалось, готовы были также поверить в чудесное. Им было ясно, кто разрушил хижину. Хотя самого злодея нигде не было видно, но они знали, что это был слон. Другого объяснения не оставалось; и пугал их не сам факт, а мысль о том, что это животное обладало прямо-таки человеческим, вернее — дьявольским, разумом, который толкнул его на такое мщение; значит, можно было ожидать чего-нибудь еще более ужасного.

Хотя хижина была разрушена всего за несколько минут до их прихода, слон, по-видимому, уже ушел отсюда. По крайней мере, поблизости его нигде не было видно, хотя они тщательно разыскивали его. Опасаясь с ним повстречаться, охотники держались под прикрытием кустов и лишь издали смотрели на развалины. Прошло немало времени, пока наконец они решились выйти из зарослей и приблизиться к месту катастрофы.

Подойдя, они убедились, что хижина совсем разрушена.

Охотники остались без крова. Но еще больше их огорчила потеря находившегося в хижине небольшого запаса зарядов — порох, который они так старательно сберегали, был рассыпан среди мусора и безвозвратно потерян. Они хранили его в большой тыквенной фляге, сделанной специально для этой цели, а она вместе с остальной утварью погибла под ногами слона. Запасы провизии были вытащены из кладовой и втоптаны в землю. Но это еще не такая беда. Провизию можно снова заготовить, хотя это будет и не так легко сделать. Но как восстановить порох?

Глава XX

СНОВА НА ДЕРЕВЕ

Охотники еще долго бы стояли на месте разрушения, оплакивая свою безвозвратную потерю, если бы не боялись, что слон вернется. Куда он ушел? Они спраши-

вали об этом друг друга, тревожно озираясь по сторонам.

Бродяга ушел, должно быть, всего несколько минут назад: раздавленная его тяжелыми стопами трава была еще влажна, выпущенный ею сок не успел высохнуть. И все же вокруг, на расстоянии доброй четверти мили, слона нигде не было видно. Вблизи хижины не было зарослей, где могло бы скрыться такое крупное животное, как слон.

Так думали Карл и Каспар, но Оссару был другого мнения. Он заявил, что слон вполне может укрыться в полосе зарослей, из которых они недавно вышли. Ему было известно на основании охотничьего опыта, что слон, даже очень крупный, умеет ловко спрятаться в самом незначительном укрытии, выбрав подходящее место, хотя бы и такое, где ему не повернуться; он зачастую ухитряется, стоя совершенно неподвижно, обманывать самого опытного охотника. Карл с Каспаром не слишком-то ему верили, но Оссару был убежден, что слон спрятался в неширокой полосе джунглей совсем близко от них.

К несчастью, мнение Оссару очень скоро подтвердилось.

Пока они стояли, зорко оглядывая джунгли и напряженно прислушиваясь, чтобы уловить малейший звук, доносящийся оттуда, вершины высоких молодых деревьев, поднимавшихся над зарослями, вдруг закачались. Еще миг — и оттуда вылетели, шумя крыльями, два великолепных аргуса; они издавали громкие, тревожные крики.

Птицы пролетели над головой наших искателей приключений и так громко кричали, что Фриц залился продолжительным лаем.

Выжидал ли враг в засаде удобного случая напасть или лай собаки, уже знакомый ему и ненавистный, донесся до него и снова разжег в нем ярость, но не успели охотники перекинуться словом, как из редких кустов появились длинный хобот и толстые, массивные ноги, и они увидели, что чудовище идет прямо на них. Казалось, слон приближался неспешной трусцой, но на

самом деле он мчался с быстротой лошади, несущейся галопом.

Еще мгновение охотники стояли неподвижно — не потому, что ожидали нападения и хотели его отразить, а просто потому, что не знали, куда бежать.

Нападение слона их ошеломило так, что в первый момент им даже не приходил в голову никакой план спасения.

Инстинктивно, почти автоматически, Карл и Каспар прицелились, хотя у них было мало надежды, что пули, пущенные из их малокалиберных ружей, остановят такую страшную атаку.

Оба выстрелили одновременно, затем Каспар выпустил второй заряд, но, как они и ожидали, слон продолжал наступление.

К счастью, шикари не воспользовался своим луком. Он знал по опыту, что в таких обстоятельствах стрела — бесполезное оружие. С таким же успехом он мог бы лягнуть слона или воткнуть ему в хобот булавку — это значило бы только еще пуще его разозлить.

Итак, шикари и не думал обороняться; он поспешно осматривался по сторонам, соображая, куда бы укрыться.

По правде сказать, окружающая их местность не обещала ничего хорошего.

На скалах не видно было уступов, где можно было бы спастись от бродяги; правда, чаща могла временно их приютить, но смышленый зверь быстро бы их там разглядел. К тому же слон находился как раз между ними и джунглями, и отступать в эту сторону — значило бежать навстречу врагу.

Что делать? На что решиться? Но вот взгляд шикари упал на одинокое дерево, стоявшее неподалеку. Это дерево однажды уже спасло ему жизнь. Оно росло на самом берегу залива, где Оссару ставил свои сети, и, сидя на его ветвях, Каспар вытащил шикари из зыбучих песков.

Дерево было очень высокое; оно стояло на открытом месте, и его ветви широко раскинулись во все стороны, нависая над заливом.

Оссару не стал терять драгоценные мгновения на пустые раздумья: криком и жестом приказав молодым саибам следовать его примеру, он кинулся к дереву со всей быстротой, на какую был способен, и, только взобравшись на третий или четвертый ярус ветвей, оглянулся, ища глазами товарищей.

Братья сломя голову бросились вслед за шикари и вскоре очутились на дереве.

Глава XXI

ЯРОСТНАЯ ОСАДА

Фриц добежал вместе со своими хозяевами до подножия дерева, но, разумеется, не мог на него взобраться вслед за ними. Однако он не собирался оставаться под деревом, так как это означало бы верную гибель; не медля ни минуты, он кинулся в воду и поплыл через залив.

Выбравшись на берег, он нырнул в заросли камыша и притаился там.

На этот раз слон не обратил на него внимания. Взгляд его был устремлен на охотников, и на них была обращена вся его ярость. Он гнался за ними по пятам, когда они бежали по открытому месту, и видел, что они взобрались на дерево. Он был так близко, что Карлу и Каспару пришлось снова бросить ружья, чтобы удобнее было карабкаться.

Малейшая задержка могла бы оказаться для них роковой.

Карл карабкался вслед за братом и едва успел перебраться с одной ветки на следующую, повыше, как бродяга обвил ветку хоботом и сломал ее пополам, точно хворостинку.

Но Карл находился уже в безопасности, и все трое порадовались своему спасению.

Слон был до крайности разъярен. Враги снова от него ускользнули, и вдобавок он получил три свежие раны; правда, пули только оцарапали его толстую шку-

ру, но все же причинили немалую боль. Испустив резкий, трубный клич, он высоко взметнул хобот и стал хватать ветку за веткой и отламывать их от ствола, как тонкие прутики.

Ветви были густые и начинались близко от земли. Вскоре все они были обломаны до высоты примерно двадцати футов, а земля вокруг дерева усеяна сучьями и листьями; чудовище в ярости топтало обломанные ветви своими широкими, грузными стопами, смешивая их с землей.

Но этого было ему мало — старый клыкач обвил хоботом ствол и начал тянуть изо всех сил, словно надеясь вырвать дерево с корнем.

Убедившись, что такой подвиг ему не под силу, он переменил тактику и принялся толкать дерево грудью.

Правда, дерево содрогалось от его толчков, но вскоре он увидел, что оно стоит слишком прочно, и бросил эти попытки.

Однако он стоял под деревом и вовсе не собирался уходить, видимо задумав новую каверзу.

Хотя охотники знали, что в настоящий момент им нечего бояться, но им было не до веселья, так как понимали, что лишь на время укрылись от врага и, если он в конце концов уйдет и они смогут спуститься, угроза останется и на будущее. У них было мало надежды убить этого могучего противника, так как оставался всего один заряд. Им казалось, что слон умышленно рассыпал порох, с целью поставить их в беспомощное положение.

Какой бы охотники ни построили себе дом, они будут в нем не в большей безопасности, чем на открытом месте, так как бродяга уже доказал, что способен разрушить самые крепкие стены; итак, придется спасаться от него на вершине дерева, а им вовсе не улыбалось вести жизнь обезьян или белок.

Тут Каспару пришла в голову счастливая мысль. Он вспомнил о пещере, где они убили медведя. Туда можно добраться только по лестнице, и пещера недоступна для слона. Как только окончится осада, можно будет искать убежища в пещере.

Глава XXII

ДОСТАЛИ ВОДУ!

Мысль о пещере обрадовала и несколько успокоила охотников. Но она не вполне их удовлетворяла; правда, слон туда не проберется, но они не смогут там делать все, что захотят. Отсутствие света не позволит им сооружать лестницы, а когда они будут заняты рубкой деревьев и работой над лестницами, то в любой миг могут подвергнуться нападению беспощадного врага.

Перспектива была довольно мрачной, хотя пещера являлась бы надежным убежищем, куда можно скрыться в случае нападения.

Некоторое время слон стоял сравнительно спокойно, и охотники могли обдумать планы на будущее. Чувствуя себя в данный момент в безопасности, они даже забыли о своем тяжелом положении.

Но вскоре к ним снова вернулась тревога. Они задали себе вопрос: сколько времени придется еще просидеть на дереве?

Хотя никто не мог ответить на этот вопрос, всем было понятно, что осада обещает затянуться, — быть может, она продлится гораздо дольше той, какую пришлось недавно испытать: бродяга был крайне озлоблен и жаждал мести, а его мрачный вид доказывал, что он не скоро отсюда уйдет. Охотники снова встревожились. Их положение было не из приятных: приходилось сидеть верхом на тонких ветвях. Мало того, в случае если осада затянется, им, как и большинству осажденных, будет угрожать голодная смерть. Еще выходя из дому, они были голодны, как волки. Они лишь наспех позавтракали и с тех пор ничего больше не ели, так как некогда было приготовить обед. Было уже далеко за полдень, и, если враг останется здесь на всю ночь, им придется лечь спать без ужина. Лечь спать? Не тут-то было! Видно, в эту ночь нельзя будет ни лежать, ни спать. Разве уснешь на этих жестких ветках! Если они хоть на миг потеряют сознание, то свалятся прямо на своего безжалостного врага. Даже если они привяжут себя к дереву, все равно на таком ложе не уснуть.

Итак, в тот вечер не приходилось думать ни об ужине, ни о сне. Но вскоре они подверглись новому испытанию, еще более мучительному, чем голод или дремота. Это была жажда.

Весь день, с самого утра, они были в непрестанном движении: карабкались по деревьям, пробирались в густой чаще, несколько раз находились на волосок от смерти; естественно, что у них давно пересохло в горле и они начали изнемогать от жажды. Вдобавок совсем близко внизу блестела вода, и от этого жажда усиливалась, становясь нестерпимой.

Довольно долго терпели они эту муку без всякой надежды на избавление. Глядя, как сверкает на солнце озеро и как струится течение в заливе, они переживали поистине танталовы муки. Не видно было конца этим мучениям. Но вдруг у Каспара вырвалось восклицание:

— Гром и молния! О чем мы думаем? Мы сидим на дереве и умираем от жажды, а между тем вода у нас под руками!

— «Под руками»? Хотел бы я, Каспар, чтобы это было так, — возразил Карл довольно безнадежным тоном.

— Ну конечно, под руками. Смотри!

С этими словами Каспар достал свою медную пороховницу, которая была почти пуста. Карл все еще не понимал, в чем дело.

— Что мешает нам, — спросил Каспар, — спустить ее, зачерпнуть воды и снова поднять?.. Есть у тебя веревочка, Осси?

— Да, саиб, — живо ответил шикари, вытаскивая из-за пазухи моток пеньковой бечевки и подавая молодому охотнику.

— Она достаточно длинна, — заметил Каспар и обвязал ее вокруг горлышка пороховницы.

Высыпав порох в мешочек для пуль, он стал спускать пороховницу, пока она не погрузилась в воду. Подождав, пока она наполнилась, он поднял ее и с радостным возгласом подал Карлу, посоветовав ему пить в свое удовольствие. Карл охотно исполнил совет.

Пороховница быстро опустела. Ее опять спустили в воду, наполнили и снова опустошили; так проделывали они несколько раз, пока все не напились. Таким образом сидевшие на дереве охотники избавились от жажды.

Глава XXIII

ГИГАНТСКИЙ ШЛАНГ

Достав благодаря изобретательности Каспара нужное количество воды, осажденные подбодрились и набрались сил. Призвав на помощь философию, они готовы были потерпеть еще некоторое время, как вдруг, к их великому изумлению, на них обрушились целые потоки воды, причем самым неожиданным образом.

Трудно сказать, догадался ли слон, увидя пороховницу, погружавшуюся в воду, или эта мысль пришла ему в голову без всякой подсказки, но в тот момент, когда «фляжка» в последний раз была поднята наверх — не успели еще разбежаться круги по воде, — бродяга кинулся в озеро и глубоко погрузил в воду хобот, словно намереваясь пить.

Некоторое время он оставался неподвижным, очевидно наполняя водой свой объемистый желудок.

Разумеется, он должен был испытывать не меньшую жажду, чем сидевшие на дереве люди, и они сперва подумали, что огромный зверь пошел напиться.

Однако он слишком долго оставался в воде, как-то по-особому ее втягивал, и, казалось, у него была другая цель; в этом охотники скоро убедились, когда он начал действовать. При других обстоятельствах выходка слона могла бы показаться забавной. Но в данном случае зрители сами стали жертвами шутки — если это можно было назвать шуткой, — и, пока она продолжалась, ни у одного из них не было ни малейшей охоты смеяться. Вот как поступил слон: наполнив хобот водой, он высоко его поднял; затем повернулся к дереву и, нацелившись так же спокойно и точно, как астроном наводит свой телескоп, выпустил воду обильной струей

прямо в лицо осажденным. Сидевшие рядом охотники были окачены с головы до ног и в несколько мгновений промокли до нитки; одежда их пропиталась водой, словно они провели несколько часов под проливным дождем.

Но слон не ограничился одним душем. Как только запас воды у него иссяк, он снова погрузил хобот в озеро, набрал воды, прицелился и опять выпустил ее им в лицо.

Он продолжал таким образом набирать воду и выбрасывать ее своим мускулистым хоботом; раз двенадцать подряд окатил он охотников.

Положение их было крайне незавидным, так как водяная струя, пущенная с огромной силой, словно из брандспойта, могла их смыть с ненадежного насеста, не говоря уже о том, что такой душ был весьма неприятен.

Трудно сказать, какая цель была у слона. Может быть, у него появилась надежда прогнать их с дерева или сбросить с его ветвей, а может быть, просто хотелось досадить им и хоть немного удовлетворить свою злобу.

Трудно было также сказать, долго ли будет продолжаться эта забава — быть может, много часов, так как запас воды был неисчерпаем... Но внезапно ей пришел конец, совершенно неожиданный и для самого слона, и для его жертв.

Глава XXIV

ПРОВАЛИЛСЯ!

Забава была в разгаре: слон усердно работал своим насосом, явно злорадствуя. Но вдруг он остановился, и его большое тело стало раскачиваться из стороны в сторону: он поднимал то одну, то другую ногу, а длинный хобот описывал в воздухе круги; животное издавало резкие крики, говорившие о боли или о страхе.

Что это означало? Слон был, очевидно, чем-то сильно испуган. Но что же могло так его напугать?

Мысленно задавали себе вопрос Карл и Каспар. И не успели они высказать свое недоумение, как шикари уже ответил им.

— Го-го! — закричал он. — Здорово, очень здорово! Слава богам великого Ганга! Смотри, саибы! Бродяга пойдет вниз — он тонуть в песке, который чуть не глотил Оссару! Го-го! Тонуть... он тонуть!..

Карл с Каспаром быстро поняли смысл восторженной речи Оссару. Следя за движениями животного, они убедились, что шикари прав: слон явно погружался в зыбучие пески.

Они заметили, что, когда он вошел в воду, она была ему немного выше колен. Теперь она омывала его бока и медленно, неуклонно поднималась все выше. Отчаянные попытки, какие делал слон, вздергивая плечи и голову, издавая яростные крики; хобот, лихорадочно метавшийся из стороны в сторону, словно в поисках опоры, — всё подтверждало слова Оссару: бродяга погружался в песок. И он погружался быстро. Не прошло и пяти минут, как вода плескалась уже почти на уровне спины слона и все поднималась, дюйм за дюймом, фут за футом, пока не покрыла его круглую спину, и над поверхностью оставалась только голова с длинным хоботом.

Вскоре спина перестала двигаться, и огромное тело медленно погрузилось в пески.

Хобот был все еще в движении, то яростно взбивая пену на воде, то слегка шевелясь и непрестанно издавая отчаянные вопли.

Наконец поднятая кверху голова и гладкие длинные клыки исчезли под водой и остался только хобот, торчавший, как огромная болонская колбаса. Резкие трубные звуки прекратились, слышалось лишь тяжелое дыхание, иногда прерываемое бульканьем.

Карл с Каспаром оставались на дереве, с невольным ужасом наблюдая эту сцену. Не так поступил шикари: его уже не было на дереве. Увидев, что слон цепко схвачен смертельными объятиями зыбучего песка, который не так давно едва не поглотил его самого, Оссару ловко спустился с ветвей.

Слон был чем-то сильно испуган.

Некоторое время он стоял на берегу, следя за тщетными усилиями, которые делал слон, чтобы освободиться, и все время говорил со своим врагом, осыпая его язвительными насмешками; особенно был возмущен шикари ущербом, нанесенным его балахону. Когда над водой оставался только конец хобота, шикари больше не мог удержаться. Выхватив свой длинный нож, он бросился в воду и одним ударом отсек кончик хобота, как срезают серпом сочные побеги травы.

Отрезанный конец хобота упал в воду и пошел ко дну; несколько красных пузырьков поднялось на поверхность, свидетельствуя о том, что гигантский слон окончательно исчез с лица земли. Он погрузился в глубокие пески, где ему суждено было окаменеть, возможно, для того, чтобы через много веков быть откопанным лопатой какого-нибудь изумленного землекопа.

Таким образом, необычайный случай избавил охотников от неприятного соседа, вернее — от опасного врага, с которым им было бы чрезвычайно трудно справиться. Ведь нечего было и думать его застрелить. Драгоценный порох был весь рассыпан, а трех оставшихся у них зарядов было бы недостаточно, чтобы его прикончить из таких мелкокалиберных ружей.

Без сомнения, со временем такие отважные охотники, как Каспар и Оссару, и такой остроумный изобретатель, как Карл, придумали бы способ окружить бродягу и покончить с ним; но все же они были очень рады, что странное обстоятельство избавило их от этого труда, и поздравляли друг друга со счастливым исходом дела.

Услышав голоса хозяев и увидев, что они спустились с дерева, Фриц, скрывавшийся неподалеку, выскочил из своего укрытия и кинулся к ним. Переплывая залив, Фриц едва ли подозревал, что огромное животное, преследовавшее его, находится в этот момент очень близко и что его лапы, рассекающие воду, только на дюйм не достают до страшного хобота, от которого оставался лишь обрубок.

И хотя Фриц ничего не знал об удивительном происшествии, случившемся в его отсутствие, и, быть может, недоумевал, куда скрылся враг, но, когда он переплывал

залив, красный цвет воды в одном месте, или, вернее, запах крови, сказал ему, что здесь произошла какая-то кровавая сцена, и, легко рассекая грудью волны, он разразился возбужденным лаем.

Фриц явился получить поздравления. Хотя верное животное убегало всякий раз, как подвергалось нападению, этим оно не запятнало собачьей чести. Пес обнаружил разумную осторожность, так как разве у него были шансы устоять перед таким грозным противником? Поэтому он правильно поступал, обращаясь в бегство; глупо было бы оставаться на месте: тогда он был бы убит при первой же встрече у обелиска, а слон, вероятно, был бы жив и все еще осаждал их на дереве. К тому же Фриц первый подал сигнал тревоги и таким образом дал людям время приготовиться к встрече с врагом.

Охотники считали, что Фриц достоин награды, и Оссару решил угостить пса куском слонового хобота. Но, снова войдя в ручей, шикари, к своей досаде, увидел, что доблестный пес останется без награды: кусок, так ловко отсеченный им, разделил судьбу слоновой туши и находился теперь глубоко в песке.

Оссару не пытался его откапывать. Предательский грунт внушал ему страх; осторожно ступая, он тотчас же вернулся на берег и последовал за саибами, которые уже направлялись к разрушенной хижине.

Глава XXV

ДЕОДАР

Теперь охотники отказались от мысли поселиться в пещере. Эта мысль была внушена опасным соседством слона, но его больше не существовало. Трудно было допустить, чтобы в долине находился другой бродяга. Оссару быстро успокоил товарищей на этот счет, заверив их, что в одном и том же районе он никогда не встречал двух подобных животных, ибо два существа с таким злобным характером наверняка не могли бы ужиться вместе.

Возможно, что по соседству обитали и другие звери, не менее опасные, чем слон. Могли встретиться пантеры, леопарды и тигры или даже еще один медведь; но пещера не была бы надежным убежищем от этих врагов; от нее было бы не больше толку, чем от их прежней хижины. Придется построить новую, еще прочнее старой, и навесить крепкую дверь, чтобы обезопасить себя от ночных посещений. За это дело они принялись, как только пообедали и высушили свою одежду, насквозь промокшую после чудовищного душа, каким угостил их слон незадолго до своей гибели.

Несколько дней ушло на постройку хижины, — это было гораздо более совершенное жилище. Зимняя погода почти установилась, и необходим был теплый очаг; поэтому охотники тщательно замазали все щели глиной, соорудили очаг с трубой и сделали крепкую дверь.

Они знали, что им понадобится немало времени, чтобы изготовить лестницы — более дюжины длинных лестниц, каждая из которых должна быть легкой, как тростинка, и прямой, как стрела.

В более теплые зимние дни они смогут работать на воздухе; вообще бóльшую часть работы придется производить вне хижины. Но все же им необходимо жилище, не только на ночь, но и на время бурь и холодов.

Итак, они проявили предусмотрительность и приняли все меры предосторожности, прежде чем думать о сооружении лестниц, а также сделали свое жилище уютным и удобным.

Теперь им не страшны были зимние холода — у них имелось жилье; к тому же уцелело несколько шкур, содранных с яков, пригодился и мех зверей, которых подстрелил из двустволки Каспар. Таким образом охотники были обеспечены теплой одеждой для дневной работы, и им было чем укрыться во время сна.

Их гораздо больше беспокоило то, чем они будут питаться зимой. Слон не только уничтожил все средства для добывания пищи, но испортил уже имевшиеся запасы, втоптав их в грязь. Уцелевшие куски сушеной оленины и мяса яков были собраны и спрятаны в надежное место; возможно, что охотникам больше не

удастся раздобыть мяса, поэтому решено было растянуть мясные запасы на все время, какое придется пробыть в этой скалистой тюрьме. Правда, пороха больше не было, но они не теряли надежды увеличить свои запасы продовольствия. У Оссару были стрелы, а капканами и ловушками можно будет поймать немало диких животных, которые, подобно им, забрели в эту своеобразную, отрезанную от всего мира долину и оказались здесь в «тюрьме».

Окончив приготовления к зиме, они снова отправились на разведку утесов, которую слон заставил прервать.

Внимательно осмотрев уступы, обнаруженные в тот богатый событиями день, они продолжали обход, пока не сделали полного круга по долине. Они не пропустили ни одного фута скалистой стены: все было обследовано самым тщательным образом; разумеется, утесы, ограждавшие ущелье, заполненное ледником, были исследованы так же, как и все остальные.

Оказалось, что удобнее всего подниматься на обрыв по лестницам как раз в том месте, которое они уже присмотрели; и хотя не было полной уверенности, что они смогут выполнить эту громадную работу, все же они решили попробовать и тотчас занялись изготовлением лестниц.

Первым делом необходимо было выбрать достаточное количество деревьев нужной длины и свалить их. Сперва они остановили выбор на красивых тибетских соснах, из которых в свое время построили мост через трещину, когда вдруг обнаружили еще одно дерево, столь же красивое и более подходящее для их целей. Это был деодар, один из видов кедров. Оссару снова пожалел, что здесь нет его любимого бамбука: будь он здесь в достаточном количестве, шикари сделал бы сколько угодно лестниц, причем вчетверо скорее, чем из сосен. Оссару нисколько не преувеличивал: срубленный ствол большого бамбука — это готовая боковина для лестницы; в нем только нужно вырезать отверстия для ступенек. К тому же бамбук легок и пригодился бы для задуманных ими лестниц лучше всякого дерева: подни-

мать бамбуковые лестницы на уступы было бы куда легче, чем всякие другие. Хотя в долине рос один вид тростника, который жители холмов называют «рингалл», его стволы не обладали нужной для этой цели длиной и толщиной. Оссару сетовал, вспоминая гигантский бамбук тропических джунглей, заросли которого им попадались по дороге в более низких отрогах Гималаев: нередко его стволы поднимались на высоту ста футов.

В благоприятных условиях деодар достигает крупных размеров: выше в горах встречаются деревья в поперечнике до десяти футов и высотой до ста футов. Такие длинные стволы весьма пригодились бы им и сократили бы их работу.

Поэтому, за неимением бамбука, они выбрали лучший материал, какой мог предоставить им лес, — высокий деодар.

Это дерево, известное жителям Гималаев под именем кедра, давно уже произрастает в английских садах и парках под названием «деодар» — так оно именуется в ботанике. Это настоящая сосна; она нередко встречается в Гималаях почти на любой высоте и на любой почве, как в низких, знойных долинах, так и у границы вечных снегов, но чаще всего — на невысоких холмах. Хотя это дерево не отличается красотой, оно высоко ценится, так как из его сока извлекают смолу.

Если деодары растут близко друг от друга, их высокие стволы утончаются кверху, ветви становятся короче, и они принимают конусообразную форму, характерную для елей. Если же дерево стоит одиноко, далеко от других, то у него бывает совсем другой вид. Оно протягивает длинные, массивные ветви горизонтально во все стороны; а так как отдельные мелкие ветви и сучья растут тоже горизонтально, каждая ветвь становится плоской, как стол. Деодар нередко достигает высоты ста и более футов.

Деодар высоко ценится решительно повсюду. Он весьма пригоден для строительных целей, хорошо обрабатывается, почти не гниет и легко расщепляется на доски — неоспоримое достоинство в стране, где пилы почти неизвестны. В Кашмире из него строят мосты, ко-

торые служат по многу лет. Иные из этих мостов остаются под водой больше чем по полугоду, и, хотя им уже больше ста лет, они еще в хорошем состоянии.

Если подвергнуть деодар тому процессу, каким из других сосен извлекают смолу, он дает жидкость, гораздо более текучую, чем смола, темно-красного цвета, с очень неприятным запахом. Эта жидкость известна под названием «кедрового масла», и горцы применяют ее как средство от кожных заболеваний и от парши у скота.

Деодар растет очень медленно, поэтому в европейских странах он пригоден лишь для украшения парков и садов.

Деодар был выбран для изготовления лестничных боковин именно потому, что он легко расщепляется на доски или небольшие, правильной формы, куски. Охотники не были опытными плотниками, к тому же не располагали необходимым инструментом, и им пришлось бы чрезвычайно долго обтесывать крупные стволы до нужной им толщины. Это был бы каторжный труд. Топорик Оссару и ножи — вот все их орудия. Но так как деодар можно раскалывать с помощью клиньев, он был как раз подходящим деревом.

Когда они обследовали деодар, им попался на глаза еще один вид сосны, так называемая «чиль».

Может быть, они прошли бы мимо нее, не обратив внимания, если бы не Карл: как опытный ботаник, он осмотрел сосну и обнаружил, что чиль обладает очень ценными для них свойствами. Карл знал, что чиль принадлежит к соснам, древесина которых богата скипидаром и годится на факелы; ему приходилось читать, что именно так ее используют жители Гималаев, для которых эти факелы заменяют свечи и лампы.

Карл мог бы также сказать своим спутникам, что сочащаяся из дерева живица применяется как мазь для заживления ран. Сосна чиль почти всегда встречается по соседству с деодаром, главным образом в лесах, преимущественно состоящих из деодаров.

Карл мог бы также сообщить им, что в Гималаях растут не только деодар и чиль, но и другие сосны. Он мог

бы назвать различные породы. Например, моренда — стройное, красивое дерево с очень темной хвоей, один из самых высоких представителей хвойных, нередко достигающий поразительной высоты: до двухсот футов. Сосна рай, высотой почти не уступающая моренде и, пожалуй, еще красивее. Колин, или обыкновенная сосна, образующая обширные леса на хребтах, имеющих высоту от шести до девяти тысяч футов над уровнем моря; эта сосна лучше всего чувствует себя на сухой, каменистой почве, и можно лишь удивляться, в каких местах она иногда укореняется и растет. Крупные деревья этой породы встречаются на отвесных обрывах гранитных скал. В обрыве оказалась еле заметная трещинка. Туда каким-то образом попало семечко, проросло и с годами превратилось в могучее дерево, которое растет на голых камнях, где, по-видимому, нет ни крупицы земли; можно подумать, что оно извлекает соки прямо из скалы.

Карл не без удовольствия смотрел на чили, которых было так много вокруг. Он знал, что из них можно приготовить сколько угодно факелов, и в темные зимние вечера, вместо того чтобы сидеть, ничего не делая, в темноте, они смогут работать в хижине до позднего часа, изготовляя ступеньки для лестниц и занимаясь другими мелкими поделками.

Глава XXVI

ЛЕСТНИЦЫ

Рубка деревьев отняла не много времени. Охотники выбирали лишь тонкие стволы: чем тоньше, тем лучше, лишь бы они были достаточной длины. Больше всего подходили деревья высотой футов в пятьдесят; когда обрубали тонкие верхушки, оставался ствол длиной футов в тридцать, а иногда и больше. Деревья эти были в среднем всего лишь нескольких дюймов в диаметре, и из них легко получались боковины для лестниц — стоило только ободрать кору и расколоть ствол пополам.

Делать ступеньки было тоже нетрудно, но на это ушло много времени, так как их требовалось огромное количество.

Как они и предвидели, труднее всего было просверлить отверстия для ступенек, и это заняло больше всего времени — больше, чем рубка и обтесывание стволов вместе взятые. Будь у них сверло, долото или хотя бы хороший бурав, они легко бы справились с такой задачей. Но им нечем было просверлить хотя бы такое отверстие, чтобы всунуть мизинец. А между тем требовалось проделать сотни отверстий. Как их сделать? Небольшим ножом трудно выдолбить ямку, и пришлось бы долго работать. А ведь им предстояло выдолбить по крайней мере четыреста таких ямок! Сколько бы им пришлось потратить на это времени и сил! Это была бы нудная и бесконечная работа, и еще неизвестно, удалось бы ее выполнить. Лезвия ножей могли затупиться или сломаться задолго до ее завершения.

Правда, будь у них в нужном количестве гвозди, они обошлись бы и без отверстий. Ступеньки просто-напросто прибивались бы к боковинам. Но — увы! — у них не было ни гвоздей, ни инструментов. Гвозди имелись только в подошвах, да, пожалуй, в ружейных прикладах.

Итак, охотники оказались в большом затруднении. Но Карл предвидел эти трудности и заранее принял нужные меры. Решив сооружать лестницы, он обдумал и этот вопрос, найдя удачное решение. Правда, только теоретическое; но позже, когда его теория была применена на практике, она блестяще подтвердилась, чего нельзя сказать об иных научных теориях.

Карл утверждал, что отверстия можно сделать с помощью огня, — иначе говоря, просверлить их раскаленным докрасна железом.

Но где достать железо? Задача, казалось бы, невыполнимая. Но изобретательный Карл и здесь нашел выход. К счастью, у молодого ботаника имелся одноствольный карманный пистолет с совершенно гладким стволом, на котором не было ни мушки, ни колечек для шомпола. Карл предполагал раскалить ствол пистолета и превратить его в сверло. Так он и сделал: сотни раз

подряд он его нагревал и вдавливал в боковины лестниц, и в конце концов ему удалось прожечь необходимое число отверстий, то есть вдвое больше, чем было сделано ступенек.

Нет нужды говорить, что эта необычная работа потребовала значительного времени. Прошло много дней, пока ботанику удалось просверлить таким путем четыреста отверстий. Немало пролил он пота, немало пролил и слез — правда, не от досады, а от дыма медленно тлеющего кедрового дерева.

Когда Карл закончил взятую им на себя работу, оставалось сделать уже немногое: сложить каждую пару боковин, вставить ступеньки, прочно связать по концам — и лестница готова.

Они заканчивали их одну за другой и относили к подножию утеса, на который собирались взобраться.

Но эта попытка была сделана наугад и, к сожалению, окончилась неудачей. Одну за другой лестницы поднимали на уступы, пока не поднялись на три четверти высоты утеса. Но — увы! — тут пришлось внезапно остановиться ввиду непредвиденного обстоятельства. Добравшись до одного уступа (это был четвертый, считая сверху), они с досадой обнаружили, что скала над ним не отступает немного назад, как над остальными уступами, а нависает, выдаваясь на несколько дюймов над его краем. Приставить лестницу к такой скале было невозможно: никакая лестница не встала бы на этом уступе, даже отвесно. Они и не стали поднимать сюда лестницу. К несчастью, стоя у подножия скалы, нельзя было увидеть, что в этом месте утес так нависает над уступом. Но, взобравшись на верхнюю лестницу, Карл сразу же увидел глазом инженера, что это непреодолимая трудность. Убедившись в этом, молодой охотник за растениями медленно, с тяжелым сердцем спустился к своим товарищам, чтобы сообщить им неприятную весть.

Ни Каспар, ни Оссару не собирались снова подниматься. Они уже побывали на уступе и пришли к такому же выводу. Заключение Карла было окончательным.

Все их надежды были разбиты, все труды пропали даром, время потрачено впустую, выдумка не удалась, светлое небо их будущего снова омрачено черными тучами, — и все это из-за одного непредвиденного обстоятельства...

Как и в тот раз, когда они вернулись из пещеры после долгих, бесплодных поисков выхода, — они опустились на камни у подножия скалы, печальные, обескураженные, в полном отчаянии.

Они сидели, то устремив глаза в землю, то переводя их на утес; в каком-то отупении глядели они на прерывистые линии, напоминавшие сеть, сплетенную гигантским пауком, — на длинные лестницы, установленные с таким трудом, по которым они взбирались только один раз и никогда больше не поднимутся!

Глава XXVII

ПУСТАЯ КЛАДОВАЯ

Долго просидели охотники в глубоком молчании. Воздух был очень холодный, так как была уже середина зимы, но они даже не замечали этого. Глубокое разочарование и горькая досада овладели ими, и теперь им было все безразлично: если бы в этот момент они увидели, что на них катится со снежных высот лавина, никто из них и не подумал бы спасаться.

Им давно уже стала ненавистной эта огромная «тюрьма»; они с ужасом думали, что, быть может, обречены остаться здесь навсегда.

Соломинка, за которую они так долго, с такой надеждой цеплялись, вырвáна у них из рук. Они снова тонут.

Охотники просидели с добрый час в мрачном унынии. Пурпурные блики, заигравшие на вершинах снеговых гор, сказали им, что солнце спустилось уже низко и надвигается ночь.

Карл первый это осознал и прервал молчание.

— Братья, — сказал он, называя братом и Оссару,

как товарища по несчастью, — идемте! Незачем оставаться здесь. Пойдемте домой!

— «Домой»! — повторил Каспар, грустно улыбнувшись. — Ах, Карл, лучше бы тебе не произносить этого слова! Раньше оно было таким приятным, а сейчас звучит для меня, как эхо из глубины могилы. «Домой»! Увы, милый брат, мы никогда не вернемся домой!

Карл ничего не ответил на безнадежную речь брата. У него не находилось слов надежды или утешения. Он молча поднялся с камня, остальные за ним, и все трое уныло направились к своему первобытному жилищу, которое сейчас уже по праву могли назвать своим домом.

Но охотников ожидало новое разочарование. Запас провизии, уцелевший после разрушительного набега слона, расходовался очень экономно. Но они были так заняты лестницами, что не могли тратить время на что-нибудь другое, и в кладовую ничего не добавлялось: ни рыбы, ни мяса. Запасы быстро таяли, и к тому дню, когда они решили испробовать лестницы, у них оставался лишь кусок сушеного мяса, которого могло хватить только на один раз.

Проголодавшись после целого дня, проведенного в напрасных трудах, они рассчитывали поужинать куском мяса и не без удовольствия предвкушали еду — ведь природа предъявляет свои права при любых обстоятельствах, и даже самые тяжкие душевные муки не заглушат приступов голода.

Когда они приблизились к хижине и заметили грубую дверь, приветливо открытую им навстречу, когда, взглянув на камышовую крышу, подумали о том, как тепло и уютно там внутри, когда, голодные и озябшие, они представили себе, как трещит на очаге огонь, как шипит в пламени мясо яка, — настроение у них повысилось, и бедняги значительно приободрились.

Так уж устроен человек, и, быть может, это к лучшему. В человеческой душе происходит примерно то же, что и на небе: тучи время от времени скрывают солнце, но оно всякий раз выходит из-за туч.

В этот миг нашим друзьям казалось, что темная туча скрылась, и в сердце снова блеснул луч надежды.

Но это был лишь краткий просвет. Они высекли искру и развели огонь; вскоре пламя ярко разгорелось. Одна потребность была удовлетворена — они могли согреться. Оставалось утолить другую потребность, гораздо более сильную; они стали искать кусок сушеного мяса, из которого хотели приготовить себе ужин, но мясо исчезло.

За время их отсутствия в хижину прокрался неведомый грабитель. Кладовая была опустошена.

Какой-то дикий зверь — волк, пантера или другой хищник — вошел в дверь, которую утром они забыли закрыть, торопясь испытать лестницы. Дверь нашли открытой; но пословица говорит, что незачем запирать конюшню, когда лошадь уже украдена; так было и на этот раз.

Не оставалось ни куска мяса, не было никакой другой еды, и нашим охотникам, а с ними и Фрицу в этот вечер пришлось лечь спать без ужина.

Глава XXVIII

НА ПОИСКИ ЗАВТРАКА

Они так измучились, таская и устанавливая лестницы, что быстро уснули, несмотря на пустоту в желудке. Их сон, однако, не был ни глубок, ни продолжителен; то один, то другой просыпался среди ночи и лежал без сна, размышляя о выпавшей им печальной судьбе и безотрадных перспективах.

У них не было даже обычного утешения, что утром они смогут что-нибудь поесть. Они знали, что, прежде чем позавтракать, придется поискать завтрак в лесу. Пока они не подстрелят какую-нибудь дичь, нечего и думать о еде.

Но их тревожил вопрос не только о завтраке, но и об обеде и об ужине — словом, они не знали, что будут теперь есть. Обстоятельства резко изменились. До сих пор кладовая постоянно пополнялась, ибо Каспар был искусным охотником, но теперь она была пуста. Будь

у него порох, он быстро снова наполнил бы ее. Но без пороха искусство Каспара было ни к чему; олени и другие животные, которых в долине было множество — не говоря уже о ее пернатом населении, — будут только смеяться, если Каспар вздумает пугать их своей двустволкой. От такого ружья не больше толку, чем от железной палки.

Оставалось всего два заряда, по одному на каждый ствол, и еще один — для винтовки Карла. Когда эти заряды будут истрачены, ни один выстрел не нарушит больше царящую в долине тишину и не разбудит эхо в окружающих ее утесах.

Но охотники даже не допускали мысли, что им больше не убить ни одного из животных, которых кругом так много. Если бы они так думали, то поистине были бы несчастны, и, вероятно, им не удалось бы уснуть в эту ночь ни на миг. Но они не смотрели на будущее безнадежно. Они надеялись, что и без ружей добудут достаточно мяса для пропитания. Перед рассветом они уже проснулись и обсуждали этот вопрос.

Оссару сильно надеялся на свой лук и стрелы; если от них не будет проку, то у него имелась сеть для рыбы; а если бы и она оказалась пустой, опытный шикари знал десятка два других способов перехитрить зверей на суше, птиц в воздухе и чешуйчатых обитателей воды. Карл заявил, что намерен с наступлением весны разводить некоторые съедобные растения и коренья; их было здесь не так много, но при умелом уходе они могли дать хороший урожай. Кроме того, охотники решили в наступающем году запасать съедобные плоды и ягоды и таким образом обезопасить себя от голода в зимние месяцы. Отчаявшись выбраться отсюда при помощи лестниц, они уже не сомневались, что до конца своих дней обречены жить в этой горной долине: никогда им не выйти за пределы окружавшей их гигантской тюремной стены!..

Под впечатлением этой неудачи они обсуждали, на что им можно сейчас рассчитывать и чем они будут питаться в ближайшем будущем. Так незаметно прошел предрассветный час.

Когда первые лучи восходящего солнца озарили снежные вершины, которые можно было увидеть из дверей хижины, все трое были уже заняты какими-то важными приготовлениями. Легко было догадаться, что́ именно собираются они предпринять. Каспар заряжал двустволку, и заряжал тщательно, ибо это был «последний его заряд».

Карл тоже возился с ружьем, а Оссару вооружался на свой лад, осматривая тетиву лука и наполняя остро отточенными стрелами плетеный мешочек, служивший ему колчаном. Очевидно, они решили заняться охотой и пойти втроем. Действительно, они отправились поискать себе чего-нибудь к завтраку. А так как хороший аппетит — залог успеха, им едва ли грозила неудача, ведь все трое были голодны, как волки.

Фриц был голоден не меньше своих хозяев, и видно было, что он изо всех сил постарается помочь им раздобыть дичи на завтрак. Попадись ему в это утро какой-нибудь зверь или птица — им ни за что бы не вырваться из его могучих челюстей!

Решено было, что охотники пойдут в разные стороны, ибо тогда у них будет больше шансов встретить дичь. А чем скорее они добудут себе что-нибудь на завтрак, тем лучше. Если Оссару удастся застрелить птицу или зверя из лука, он громко свистнет, созывая товарищей к хижине; а если братья подстрелят какую-нибудь дичь, то сигналом будет самый выстрел.

Сговорившись об этом и шутливо поспорив, кто из них настреляет больше всех, охотники разошлись: Каспар двинулся направо, Оссару — налево, а Карл с Фрицем — прямо вперед.

Глава XXIX

КАСПАР В ЗАСАДЕ

Через несколько минут охотники потеряли друг друга из виду. Карл и Каспар пошли в обход озера с противоположных сторон, а Оссару направился вдоль подножия утеса, надеясь, что здесь ему больше повезет.

Каспар рассчитывал прежде всего встретить на своем пути какура, или лающего оленя.

Этих маленьких животных в долине, казалось, было больше всего. Каспар видел их чуть не каждый раз, как выходил на охоту, а в иных случаях какур оказывался его единственной добычей.

Юноша научился остроумному способу подманивать этих животных на расстояние выстрела — надо было спрятаться в засаду и подражать их крику, который, как можно догадаться по их названию, похож на лай или, скорее, на тявканье лисицы, только гораздо громче.

Какур издает это тявканье всякий раз, как заподозрит, что поблизости притаился враг, и то и дело повторяет его, пока не решит, что опасность миновала, или сам не уйдет подальше от опасности.

Это простоватое небольшое жвачное животное не подозревает, что звук, которым оно, вероятно, предостерегает своих товарищей, нередко приносит гибель ему самому, выдавая его присутствие охотнику или другому смертельному врагу. Не только человек, но и тигр, леопард, чи́та и другие хищники пользуются этой глупой повадкой лающего оленя и, незаметно подкравшись, убивают его.

Человек легко может подражать его лаю. И Оссару обучал этому искусству Каспара, который с одного урока постиг его в совершенстве. Даже Карл, только присутствовавший на уроке, научился воспроизводить эти характерные звуки.

В настоящий момент голод заставлял Каспара охотиться на какура, так как его было легче всего встретить. Мясо других оленей и птиц гораздо вкуснее, чем у лающего оленя. Оленина такого сорта не слишком ценится. Осенью и зимой она бывает вполне съедобна, но ни в какое время года не бывает вкусной.

Но в это утро Каспар был не слишком разборчив и знал, что товарищи тоже не откажутся от мяса какура: голод лишил их всякой привередливости. Поэтому Каспар шел все в одном направлении, не блуждая по сторонам, как обычно делают охотники в поисках дичи.

Он знал место, где какура можно было встретить почти наверняка. Это была живописная прогалина, окруженная густыми зарослями вечнозеленых кустарников; она находилась невдалеке от озера, на противоположном от хижины берегу.

Каспару случалось заглядывать на эту прогалину, и всякий раз ему попадались какуры, которые или паслись в густой траве, или лежали в тени кустов. Поэтому сейчас он надеялся, как всегда, встретить на прогалине этих животных.

Он шел, не останавливаясь, пока не очутился в нескольких шагах от места, где надеялся раздобыть мяса на завтрак; тут он вошел в кусты и стал продвигаться медленно и крайне осторожно. Чтобы вернее добиться успеха, он опустился на четвереньки и пополз в зарослях бесшумно, как кошка, крадущаяся за добычей. Так добрался он до края прогалины, старательно прячась за густыми кустами, чтобы его не приметил какур или какое-нибудь другое животное, которое могло находиться на полянке.

Подкравшись к краю прогалины, Каспар остановился; осторожно приподнявшись, он слегка раздвинул густые ветки и выглянул. Достаточно было нескольких секунд, чтобы оглядеть прогалину, и, когда осмотр был окончен, на лице охотника отразилось разочарование. Вокруг не было видно никакой дичи: ни какура, ни других четвероногих.

Молодой охотник не без досады обнаружил, что полянка совершенно пуста; он был огорчен, увидав, что не достанет здесь мяса на завтрак. К тому же он надеялся, зная местность лучше других, первым раздобыть дичи, что польстило бы его охотничьему самолюбию, а теперь это едва ли удастся.

Однако неудача не обескуражила Каспара. Если какуров нет на полянке, они могут быть в окружающих ее зарослях; может быть, ему удастся выманить одного из них на открытое место, применив уловку, к которой он уже прибегал.

Итак, он присел на корточки за кустом и залаял, искусно подражая какуру.

Глава XXX

ПОДКАРАУЛИЛИ ДРУГ ДРУГА

Довольно долгое время призывы Каспара оставались без ответа; по-видимому, кругом не было ни одного живого существа.

Несколько раз он принимался лаять, потом чутко прислушивался, и ему уже казалось, что в этих местах нечего рассчитывать на добычу.

Он залаял в последний раз, старательно подражая оленю, и хотел уже встать и перейти на другое место, как вдруг на его призыв ответил настоящий какур; казалось, крик доносился из чащи, с другой стороны прогалины.

Звук был слабый, словно животное находилось далеко, но Каспар знал, что раз какур ответил на его зов, то вскоре непременно приблизится. Поэтому он снова принялся лаять, потом стал прислушиваться, надеясь уловить отклик.

Тявканье какура снова донеслось по ветру, и эти звуки были до того похожи на издаваемые Каспаром, что он принял бы их за эхо, если бы не знал, что издает их олень. Обнадеженный успехом, Каспар еще раз повторил свой зов.

На этот раз, к удивлению молодого охотника, ответа не последовало. Он чутко вслушивался в тишину, но до него не донеслось ни звука.

Он пролаял еще раз и снова прислушался. Кругом царило глубокое, ненарушимое безмолвие.

Но вдруг тишину нарушил другой звук — это не был лай какура, но звук, не менее приятный для слуха молодого охотника. По ту сторону полянки листья зашелестели, словно в зарослях пробиралось какое-то животное.

Присмотревшись, Каспар заметил (или ему только показалось?), что в той стороне, откуда доносился звук, шевельнулись ветки. Нет, ему не показалось: еще через минуту он различил позади шевелившегося куста какой-то темный предмет. Это мог быть только какур. Хотя животное находилось совсем близко — ведь полянка

была шириной в каких-нибудь двадцать ярдов, — Каспару никак не удавалось его разглядеть. Оно было скрыто листвой, к тому же его не позволяли рассмотреть предрассветные сумерки. Было, однако, достаточно светло, чтобы прицелиться, а так как оленя закрывали лишь тонкие ветки, то Каспар не боялся, что они помешают пуле. Медлить не приходилось. Нельзя упустить такой случай; если он будет еще ждать или снова залает, то какур может заметить обман и скрыться в зарослях.

— Ну так вот же тебе! — пробормотал Каспар; он привстал на одно колено, вскинул ружье и прицелился.

У правого ствола его ружья был великолепный замок — из тех, что громко щелкают, когда их взводят, и этим доказывают, что спускная пружина в порядке.

В глубокой утренней тишине щелканье раздалось так громко, что его вполне можно было услышать по ту сторону прогалины или несколько дальше. Каспар даже подумал, что оно вспугнет оленя, и, взводя курок, не спускал глаз с кустов. Животное не шевельнулось. Но почти одновременно со щелканьем его курка, словно это было эхо, до слуха охотника донеслось другое щелканье, явно исходившее из кустов, где стоял какур.

К счастью, курок Каспара щелкнул достаточно громко; к счастью, он услыхал ответный звук, иначе он мог бы застрелить своего брата, или брат застрелил бы его, или же они убили бы друг друга.

Как бы то ни было, второе щелканье заставило Каспара вскочить на ноги. В тот же миг по другую сторону полянки вскочил и Карл, и оба стояли с наведенными друг на друга ружьями, словно готовые начать смертельную дуэль.

Если бы кто-нибудь увидел их в этот момент, то по их позам, по их возбужденным взглядам решил бы, что намерения их именно таковы, и не сразу бы отказался от этой страшной мысли, ибо прошло несколько секунд, прежде чем братья смогли произнести хоть слово, — так они были потрясены.

Это было не просто удивление — это был леденящий страх, ужас: ведь чуть было не разыгралась трагедия. Но мало-помалу они пришли в себя и стали благослов-

лять счастливый случай, который спас их от братоубийства.

В течение нескольких секунд братья молчали, затем у них вырвались краткие, прерывистые восклицания. Словно повинуясь одному и тому же импульсу, они разом швырнули ружья наземь. Потом ринулись с двух сторон через полянку и сжали друг друга в объятиях.

Объяснений не требовалось. Карл, обходя озеро с другой стороны, случайно уклонился в сторону этой прогалины. Приближаясь к ней, он услышал тявканье какура, не подозревая, что это лает, приманивая добычу, Каспар. Он ответил на зов и, видя, что какур не двигается с места, направился к полянке, чтобы подстеречь и убить его. Подойдя ближе, он перестал отвечать на зов, полагая, что найдет какура на открытом месте. А когда он был уже на опушке, Каспар снова изобразил какура, да так искусно, что Карл невольно поддался обману. Разглядев сквозь зелень листвы темное пятно, он уже не сомневался, что перед ним какур; Карл готов был взвести курок и пронзить оленя пулей, когда раздалось щелканье двустволки Каспара, и этот зловещий звук вовремя остановил охотника. Таким образом дело обошлось без трагедии.

Глава XXXI

СИГНАЛ ШИКАРИ

Братья всё еще были под впечатлением пережитого ими смертельного ужаса, когда их мысли отвлек новый звук, долетевший со стороны озерка. Это был резкий, раскатистый свист, повторенный эхом. Через некоторое время сигнал донесся уже из другого места, доказывая, что Оссару что-то раздобыл и возвращается к хижине.

Услыхав сигнал, Карл и Каспар многозначительно переглянулись.

— Итак, брат, — сказал Каспар, как-то странно улыбаясь, — ты видишь, Оссару со своим жалким луком и стрелами опередил нас. Но что было бы, если бы один из нас выстрелил раньше него?

— Или, — заметил Карл, — если бы выстрелили мы оба? Слушай, Каспар, — прибавил он содрогнувшись, — ведь мы чуть было не уничтожили друг друга! Страшно и подумать!..

— Не будем же об этом думать, — ответил Каспар, — а пойдем домой и посмотрим, что принес нам на завтрак Осси. Интересно знать, дичь это или рыба?.. Одно из двух, — продолжал он, помолчав. — Должно быть, дичь, потому что, обходя озеро, я слышал какие-то странные крики со стороны утесов, куда направился Оссару. По-видимому, это кричали какие-то птицы, но, мне кажется, я в первый раз слышу такой крик.

— А мне приходилось его слышать, — возразил Карл. — Кажется, я догадался, какая птица издает такие дикие крики. И если шикари застрелил одну из них, у нас будет царский завтрак. Думаю, сам Лукулл не отказался бы от него... Но пойдем на зов шикари и посмотрим, действительно ли нам выпало такое счастье.

Братья уже успели подобрать свои ружья. Повесив их за плечо, они покинули полянку, едва не ставшую местом трагических событий, и, пройдя по берегу озера, быстро зашагали к хижине.

Подходя к ней, они увидели шикари, сидевшего на камне у порога, а на коленях у него — великолепную птицу, самую красивую из всех, какие только летают в воздухе, плавают по воде или ходят по суше: павлина. Это была не та похожая на индюка птица, что важно расхаживает по птичьему двору, гордясь своей красотой, а дикий индийский павлин, на диво изящный и стройный, с оперением, сверкающим, как драгоценные камни, и — что всего важнее для охотников — с нежным и вкусным мясом, как у самой лучшей дичи. Было ясно, что Оссару ценит павлина именно за это его качество. Изящную форму он уже уничтожил, блистательное оперение обрывал и пускал по ветру, как самый обыкновенный куриный пух.

И жесты шикари показывали, что к великолепным хвостовым перьям и роскошному пурпурному нагруднику он питает не больше уважения, чем если бы на коленях у него лежал старый гусь или индюк.

Оссару не проронил ни слова, когда подошли товарищи. С первого взгляда он обнаружил, что молодые саибы возвращаются с пустыми руками, и в глазах у него блеснуло торжество. Впрочем, Оссару, и не глядя, уже был уверен, что с добычей вернулся он один. Ведь если бы один из братьев убил дичь или только нашел ее, шикари услыхал бы ружейный выстрел, а между тем ни один звук такого рода не будил отголосков в долине. Поэтому Оссару знал, что охотники идут с пустыми ягдташами.

Не в пример молодым саибам, с ним не было никаких особых приключений. Его охота протекала без малейшего звука и, как большинство подобных охот, окончилась смертью преследуемой птицы. Он услышал крик старого павлина, сидевшего на вершине высокого дерева, подкрался к нему на расстояние выстрела и, пронзив стрелой сверкающее горло, свалил наземь. Потом он грубо схватил прекрасную птицу за лапки и поволок крыльями по земле, словно нес на калькуттский базар обыкновенную курицу, пойманную на навозной куче.

Карл с Каспаром решили не тратить времени, рассказывая шикари о происшествии, в результате которого он чуть было не остался единственным и неоспоримым владельцем их уединенного жилища и всех земель вокруг него. Голод подгонял их; пришлось отложить рассказ на будущее время и помочь Оссару в его кулинарных приготовлениях. С их помощью вскоре был разведен яркий огонь, и над ним жарился павлин, не слишком тщательно ощипанный, а Фриц быстро управился с потрохами.

Глава XXXII

КАМЕННЫЙ КОЗЕЛ

Правда, павлин был крупный, однако после столь изысканного завтрака от него почти ничего не осталось — одни кости, да и те были начисто обглоданы, так что Фриц имел бы основания жаловаться, если бы уже не угостился потрохами.

Вкусный завтрак значительно подбодрил охотников; но все же они с тревогой помышляли о том, как будут впредь добывать себе провизию: обстоятельства резко изменились с тех пор, как погиб их порох.

У Оссару еще оставались лук и стрелы; можно было сделать и другие луки, если этот сломается.

Каспар собирался даже завести собственный лук и упражняться в стрельбе под руководством шикари, пока не овладеет этим старомодным и всемирно известным оружием.

Старомодным его вполне можно назвать, так как он существовал еще на заре истории, и всемирно известным — также, ибо, куда бы мы ни отправились, даже в самых отдаленных закоулках земного шара, мы найдем в руках у дикаря лук, не скопированный с какого-либо образца и не привезенный из других мест, но, очевидно, искони находившийся в этой стране и у этого племени, словно это оружие было вложено человеку в руки, как только он был создан.

В самом деле, факт распространения лука и его неизбежной союзницы — стрелы — среди диких племен, которые обитают в различных странах света и, разумеется, не могли заимствовать друг у друга это изобретение, — один из самых странных фактов в истории человечества; его можно объяснить лишь тем, что использование энергии туго натянутой струны было, вероятно, весьма ранним открытием человеческого разума и что эта идея зародилась самостоятельно у различных народов, всякий раз воплощаясь по-новому.

Лук и стрела, безусловно, очень древний вид оружия и чрезвычайно распространенный. Опытному этнографу этот предмет может рассказать немало интересного о быте и нравах наших далеких предков...

Как уже сказано, после вкусного жаркóго охотники почувствовали себя бодрее, но все же их весьма беспокоил вопрос, как добывать пищу.

Ловкость Оссару обеспечила им завтрак. Но как быть с обедом, а потом с ужином? Даже если для следующей трапезы и подвернется что-нибудь, в дальнейшем им не всегда будет так везти. Ведь питаться лишь

тем, что попадется под руку, — ненадежный способ существования, и они постоянно будут под угрозой голодной смерти.

Поэтому, как только покончили с павлином и пока Оссару, который ел медленнее всех, еще шлифовал зубами павлиньи косточки, братья уже завели речь о необходимости иметь запасы. И все согласились, что главная задача — наполнить кладовую провизией. Поэтому они решили заняться охотой, пользуясь всеми известными им средствами и придумывая новые, если этих окажется недостаточно.

Итак, надо прежде всего решить, что у них будет на обед: рыба, дичь или мясо? Они не надеялись достать сразу и то, и другое, и третье — в их положении не приходилось думать о настоящем обеде. Хватит с них и одного блюда, лишь бы быть уверенным, что оно у них всегда будет.

Идти ли им за рыбой с сетью, которую сплел Оссару, или попытаться поймать еще одного павлина, фазана-аргуса или несколько гусей, или же им лучше пойти в лес и разыскивать там более крупную добычу — этот вопрос все еще оставался открытым, когда произошел случай, сразу решивший проблему их обеда. Без малейшего усилия, не затратив ни одного патрона, ни одной стрелы, им удалось раздобыть мясо не только на один обед, но и на целую неделю, а обрезков хватило и для Фрица.

Они сидели, по своему обыкновению, на больших камнях, лежащих перед хижиной. Утро было ясное и тихое, но холодное; ослепительно сверкали снега на горных вершинах; охотники отдыхали и грелись на солнышке.

В хижине было немного дымно, так как пришлось долго жарить павлина, поэтому они предпочли завтракать на воздухе и там же совещались о своих дальнейших предприятиях.

Беседуя, они услышали звук, несколько напоминавший блеяние козы; казалось, он доносится с неба, но они знали, что его издает какое-то животное, которое находится на вершинах утесов.

Взглянув наверх, они увидели это животное, и если его голос показался им похожим на козий, то и внешность подтверждала это сходство.

Сказать по правде, это и была коза, хотя и необычной породы, вернее — это был каменный козел.

У Карла еще раз оказалось преимущество перед своими спутниками: как опытный естествоиспытатель, он сразу определил породу животного.

С первого же взгляда он решил, что это каменный козел. Он никогда еще не видел их живыми, но по характерному облику, по лохматой шкуре и особенно по огромным кольчатым рогам, плавно загибающимся назад, Карл узнал это животное, сравнив его с рисунками, какие приходилось видеть в книгах, и с чучелами, которые рассматривал в музеях.

Оссару тоже подтвердил, что это козел, — верно, какая-то порода диких коз, решил он; но Оссару раньше никогда не поднимался так высоко в горы, не бывал в тех местах, где часто встречается каменный козел, а потому и не знал его. Он сразу увидел только, что животное похоже на козла, и это сходство уловил и Каспар.

Животное, величаво стоявшее на выступе скалы, было видно им с ног до головы; с такого расстояния оно казалось не больше козленка, хотя в действительности было гораздо крупнее всякой домашней козы. На ярко-синем небе четко вырисовывались контуры его стройного тела и длинные, красиво изогнутые рога.

Первой мыслью Каспара было схватить ружье и выстрелить в козла, но товарищи поспешили его остановить, сказав, что в него невозможно попасть с такого расстояния. С первого взгляда казалось, что козел не так далеко, но на самом деле он находился от них значительно дальше, чем в ста ярдах, ибо стоял на утесе высотой по крайней мере в четыреста футов.

Поразмыслив об этом, Каспар отказался от своего намерения и через минуту сам подивился своему безрассудству: он чуть было не потратил заряд, да еще предпоследний, на животное, находящееся в добрых пятидесяти ярдах за пределами досягаемости для его пули.

Глава XXXIII

КОЗЫ И ОВЦЫ

Каменный козел все еще оставался на краю обрыва, видимо не собираясь уходить; он стоял неподвижно, как статуя, и охотники продолжали за ним наблюдать. Но это не мешало им вести беседу. Животное стояло, словно позируя для портрета, и Карл решил набросать его портрет словами. Он говорил, обращаясь к обоим своим спутникам, но ему хотелось сообщить эти сведения главным образом Каспару.

— Каменный козел, — начал он, — это животное, еще издавна знаменитое, о котором кабинетные ученые написали немало ерунды, как, впрочем, почти обо всех животных, существующих на Земле. По их мнению, это попросту коза — конечно, дикая, но все-таки коза, повадками и внешностью весьма напоминающая свою домашнюю тезку. Как известно, разновидностей обычной козы примерно столько же, сколько стран, где она водится. Впрочем, это не совсем так, ибо в пределах одной страны можно встретить три — четыре породы, — например, в Великобритании. И эти козьи породы почти так же различаются между собой, как и породы собак; поэтому среди зоологов было немало споров о том, от какой именно породы диких коз они произошли. И вот, по моему мнению, — продолжал охотник за растениями, — домашние козы, встречающиеся у различных народов, произошли не от одного дикого вида, а от нескольких, подобно тому как породы домашних овец произошли от нескольких диких видов, хотя многие зоологи отрицают этот очевидный факт.

— Значит, существует несколько видов диких коз? — спросил Каспар.

— Да, — отвечал молодой ботаник, — правда, их не слишком много — вероятно, десять — двенадцать. До сих пор зоологам известны далеко не все породы диких коз, но несомненно, когда центральные области Азии и Африки с их обширными горными цепями будут исследованы учеными-натуралистами, будет установлено, что этих пород не менее двенадцати.

Отвлеченные теоретики, определяющие род и вид животных на основании какого-нибудь маленького бугорка на зубе, уже создали удивительную путаницу в семействе коз. Они разделили это семейство на пять родов, которые почти все состоят лишь из одного вида. Таким образом, они напрасно усложняют и затрудняют изучение предмета.

Не подлежит сомнению, что все козы, дикие и домашние, включая каменного козла, образуют в мире животных отдельное семейство, которое легко отличить от овец, оленей, антилоп и быков. По внешнему виду дикие козы иногда очень похожи на некоторые породы диких овец, но козы гораздо смелее диких овец и вообще значительно отличаются от них всеми своими повадками.

Вот этот каменный козел, — продолжал Карл, бросив взгляд на животное, стоящее на утесе, — относится к диким козам. В Гималаях есть и другие виды дикой козы — например, тагир, который сильнее и крупнее каменного козла. Можно думать, что когда эти великие горы как следует обшарят, — тут Карл невольно улыбнулся, поймав себя на том, что употребил далеко не научное выражение, — то обнаружат еще несколько видов.

Существуют и другие виды каменного козла, обитающие в Альпах, в Пиренеях, на Кавказе и в горах Африки.

Что касается животного, находящегося перед нами, или, вернее, над нами, то оно мало отличается от других представителей этого семейства; а так как оно превосходно описано одним знаменитым натуралистом, то я лучше всего процитирую вам его слова.

«Самец, — пишет он, — бывает величиной почти с тагира. Кроме периода непосредственно после линьки, когда шерсть у него сероватая, каменный козел бывает обычно грязного желтовато-бурого цвета. Шерсть у него короткая и в холодное время года смешана с очень мягким, пушистым подшерстком, похожим на тибетскую шалевую шерсть. Характерный вид каменному козлу придают главным образом красивые рога, подаренные

ему природой. У взрослого животного рога, грациозно изогнутые над спиной, достигают трех — четырех футов в длину. Борода у него черная, лохматая, длиной в шесть — восемь дюймов. Самка отличается светлой желтовато-бурой окраской и втрое меньше самца; рога у нее трубчатые, суживающиеся к концу, длиной всего в десять — двенадцать дюймов. Это очень ловкое и грациозное создание.

Летом каменные козлы поднимаются в поисках корма как можно выше.

Это переселение начинается, едва станет сходить снег, и совершается постепенно: животные переходят с холма на холм и остаются на каждом месте по нескольку дней.

В это время года самцы держатся большими стадами отдельно от самок. В жаркое время дня они обычно спят на снежных сугробах в лощинах или на скалах и голых, каменистых склонах выше границы растительности. К вечеру они отправляются на свои пастбища. Сперва они идут очень медленно, но если им предстоит пройти большое расстояние, то пускаются рысью. Как можно заключить из рассказов туземцев, самцы остаются на высотах до конца октября, когда начинают смешиваться с самками и мало-помалу спускаются с гор, направляясь на зимние квартиры. Самки не забираются так высоко; многие остаются на одном и том же месте круглый год. Они приносят детенышей в июле, обычно двоих зараз, хотя, как и у других стадных животных, многие оказываются бесплодными.

Каменные козлы — осторожные животные, одаренные очень острым зрением и превосходным обонянием. Они чрезвычайно пугливы, и бывали случаи, когда целое стадо при виде человека обращалось в бегство, не подпустив его на выстрел.

Известно, что каменный козел с необычайной ловкостью карабкается по скалам и легко перепрыгивает через пропасти. Иной раз он взбирается на самую неприступную с виду высоту. Кажется, ничто не может его остановить. Поразительное зрелище представляет собой вспугнутое выстрелом стадо каменных козлов, ко-

торое мчится по прямой линии в диких, непроходимых горах: они прыгают с утеса на утес, проносятся у самого края отвесного обрыва, прорываются сквозь осыпь, ускользают от лавины и, нырнув в ущелье, из которого, кажется, нет выхода, через несколько секунд из него выбегают: при этом они ни на миг не уклоняются от прямого направления и делают до пятнадцати миль в час. Трудно найти животное, быстротой и ловкостью превосходящее каменного козла».

Глава XXXIV

ПОЕДИНОК КОЗЛОВ

Не успел Карл окончить свой рассказ, как с животным, которое они наблюдали, произошел любопытный случай, наглядно показавший им нравы каменных козлов.

Внезапно на утесе появился еще один козел, направлявшийся к первому. Это был тоже самец, что подтверждали его огромные, изогнутые рога; он был не меньше первого и похож на него, как родной брат. Однако это было маловероятно. Во всяком случае, второй козел не обнаруживал братских чувств. Напротив, он двинулся вперед с явно враждебными намерениями: опустил голову так, что борода коснулась земли, а рога взметнулись высоко вверх; короткий хвост был поднят и болтался из стороны в сторону, выдавая его злобные намерения. Все это охотники могли разглядеть даже на таком большом расстоянии, так как козлы отчетливо выделялись на фоне неба и легко было уловить их малейшие движения.

Сперва второй козел приближался медленно, крадучись, словно намеревался внезапно прыгнуть на соперника и столкнуть его с утеса. Впоследствии обнаружилось, что таковы и были его замыслы, и, если бы первый козел еще пять — шесть секунд простоял все в той неподвижной позе, его врагу сразу же удалось бы выполнить свой коварный замысел.

К сожалению, через некоторое время это ему удалось — правда, после яростной борьбы, во время которой он сам рисковал свалиться в пропасть, куда хотел сбросить соперника. Крик Каспара отсрочил роковую развязку, но, увы, ненадолго. При виде коварно подкрадывавшегося козла у молодого охотника невольно вырвался предостерегающий возглас. Козел, находившийся в опасности, не понял, в чем дело, но сразу же насторожился и стал оглядываться по сторонам. Тут он заметил опасность и мгновенно принял меры, чтобы ее предотвратить. Взвившись на дыбы, он повернулся вокруг своей оси и снова встал на четыре ноги, глядя в упор на противника. Он и не думал отступать и принял вызов как что-то вполне естественное. Правда, ему не так просто было отступить. Утес, на котором он стоял, выдавался вперед наподобие мыса, и всякое отступление было отрезано противником. С трех сторон был отвесный обрыв. Если он не примет битву, то будет сброшен в бездну. Волей-неволей ему приходилось обороняться.

Едва он успел принять защитную позицию, как противник ринулся на него. Оба одновременно испустили свирепое фырканье и, взвившись на дыбы, стояли друг против друга вертикально, как два борца. Именно так дерутся обыкновенные козлы, которые унаследовали воинственные повадки своих диких предков. Вместо того чтобы бодаться, оттесняя друг друга назад, как это делают бараны, козел поднимается на дыбы и снова падает на ноги, выставив рога, чтобы ринуться, как таран, на врага и, пригнув его к земле, раздавить в лепешку.

Раз за разом, без передышки, противники поднимались на дыбы и ударяли рогами сверху вниз; но вскоре стало очевидным, что тот, кто напал первым, будет победителем. Положение у него было более выигрышным: площадка, на которой стоял его противник и с которой ему нельзя было уйти, была недостаточно широка, чтобы как следует развернуться, а боязнь поскользнуться и сорваться с утеса, видимо, стесняла движения злополучного козла. Нападавший, у которого было больше простора, мог налетать и отступать, сколько ему угодно, то

пятясь назад шаг за шагом, то бросаясь вперед, вновь поднимаясь на дыбы и снова падая на ноги. Всякий раз он повторял нападение с новым пылом, так как сознавал все преимущества своего положения и, промахнувшись, всегда мог повторить удар; между тем для его противника один неудачный удар или даже неверный шаг повлек бы за собой неизбежную гибель.

Был ли козел, подвергшийся нападению, слабее другого или же он занимал слишком невыгодное положение, но вскоре стало ясно, что ему не устоять перед противником. С самого начала он, по-видимому, только оборонялся, и, вероятно, если бы ему было куда бежать, он сразу же пустился бы наутек. Но о бегстве нечего было и думать с самого начала поединка, и податься было некуда. Его мог бы спасти только огромный прыжок: надо было перескочить через противника, не задев его рога.

Кажется, это и пришло ему в голову, так как, внезапно переменив тактику, он взметнулся высоко вверх, вероятно пытаясь перемахнуть через рога противника, чтобы искать спасения на снежных вершинах.

Если таково и было его намерение, оно окончилось роковой неудачей. В то мгновение, когда он, оттолкнувшись от земли, высоко подпрыгнул, противник со страшной силой ударил его в бок своими огромными рогами и отшвырнул, словно мяч, далеко от утеса.

Удар был так страшен, что козел стремглав полетел вниз; перевернувшись в воздухе несколько раз, он тяжело рухнул на дно долины, где, ударившись о камни, подпрыгнул на добрых шесть футов и неподвижно растянулся на земле.

Зрители были так поражены этим неожиданным происшествием, что не сразу пришли в себя. Однако подобные случаи нередко происходят в диких ущельях Гималаев, где постоянно разыгрываются битвы между самцами каменных козлов, тагиров, беррелов, диких баранов или гигантских архаров.

Иной раз такие поединки происходят на краю отвесного обрыва, так как все эти животные любят бродить высоко в горах, и тогда исход битвы бывает таким, ка-

кой видели наши охотники: один из противников поднимает другого на рога или сталкивает его в пропасть.

Не следует думать, что побежденный всякий раз бывает убит. Если обрыв не так высок, тагир, каменный козел или беррел после падения встает на ноги и убегает или уходит, хромая, и, быть может, поправившись, опять попытает счастья в новой схватке с тем же врагом. Поразительный случай такого рода описан ученым-охотником, полковником Маркхемом. Приведем его описание: «Я был свидетелем невероятного подвига, совершенного старым тагиром. Я выстрелил в тагира, когда он стоял на высоте примерно восьмидесяти ярдов, на самом краю скалы. Он пролетел это расстояние по вертикали, не касаясь каменной стены, упал на землю, подскочил и свалился ярдах в пятнадцати дальше. Я думал, что он разбился вдребезги, но он поднялся на ноги и побежал прочь, и, хотя мы долго шли за ним по кровавым следам, нам все-таки не удалось его найти».

Мои юные читатели, вероятно, вспомнят, что немало подобных случаев наблюдалось в Скалистых горах в Америке, где живут горные бараны — крупные дикие животные, которые так похожи на гималайских архаров, что некоторые натуралисты относят их к одному виду. Местные охотники уверяют, что горный баран бесстрашно бросается вниз с высокого утеса, ударяется о землю рогами и, подскочив, словно мяч, как ни в чем не бывало встает на ноги, ничуть не ошеломленный этим страшным, головоломным прыжком.

Разумеется, в этих «охотничьих рассказах» есть некоторая доля преувеличения, но не подлежит сомнению, что большинство разновидностей диких баранов и коз, а также некоторые горные антилопы — например, серна и козерог — могут проделывать поразительные прыжки, которые кажутся прямо невероятными человеку, незнакомому с повадками этих животных. Трудно понять, каким образом тагиру, о котором рассказывает полковник Маркхем, удалось упасть с высоты двухсот сорока футов, не говоря уж о вторичном падении в сорока пяти футах от места первого, и не разбиться вдребезги. Но как ни трудно поверить такому факту, его все же не

следует отрицать. Кто знает, может быть, кости у этих животных обладают особой эластичностью, позволяющей им выдерживать такие необычайные падения.

У некоторых животных можно встретить органы, назначение которых не совсем еще выяснено. Как известно, природа чудесно приспосабливает свои создания к окружающей их среде. Можно допустить, что дикие козы и овцы — своего рода Блондены [1] и Леотары [2] среди четвероногих — снабжены известными приспособлениями, которые отсутствуют у других животных. Не изучив в совершенстве анатомию животных, мы не вправе оспаривать слова такого авторитета, как полковник Маркхем, который, конечно, не имел оснований преувеличивать.

Но в данном случае нельзя было ожидать, что козел уцелеет. Он упал с такой страшной высоты на камни, что в нем не могла сохраниться хотя бы искра жизни. И в самом деле, подойдя поближе, охотники увидели, что животное лежит неподвижно, безжизненно распростертым на земле.

Глава XXXV

БЕРКУТЫ

Охотники от души порадовались, что их кладовая так неожиданно пополнилась мясом, упавшим к ним прямо с неба, как библейская манна.

— Наш обед! — весело крикнул Каспар, услышав стук падения. — А также ужин! — добавил он. — Нет, больше того: такой туши хватит на целую неделю!

Все трое вскочили и готовы были кинуться за своей добычей, когда услыхали дважды повторенный резкий крик, раздавшийся, по-видимому, с вершины утеса или даже с горного склона над ней.

---

[1] Блонден — известный в свое время канатоходец, переходивший по канату Ниагару и другие реки.

[2] Леотар — французский гимнаст и цирковой артист, прославившийся в конце 50-х годов прошлого века воздушными полетами с одной трапеции на другую.

Может быть, это крик победителя-козла, торжествовавшего победу? Нет, козел не мог так кричать; не могло и ни одно четвероногое. Охотники не сомневались в этом. Взглянув кверху, они увидели существо — вернее, два существа, издававшие эти крики.

Козел-победитель все еще стоял на скале. Несколько секунд, пока внимание зрителей было занято другим, он, казалось, любовался только что совершенным злодеянием и, возможно, наслаждался победой над неудачливым противником. Во всяком случае, он остановился на выступе скалы, где только что стоял его враг.

Однако крик, услышанный охотниками, в тот же миг долетел и до слуха козла; подняв голову, они увидели, что козел озирается с явной тревогой. В воздухе, в нескольких ярдах над ним, виднелись два силуэта, в которых легко было узнать летящих птиц. Они были крупные, черного цвета; по четким очертаниям и по огромному размаху крыльев сразу было видно, что это хищные птицы.

Охотники живо определили их породу: это были орлы того вида, который в Гималаях и в Тибетских степях известен под названием «беркут».

Они описывали в воздухе короткие, изломанные кривые, время от времени резко вскрикивая одновременно, и по их возбужденному виду, по всем движениям можно было догадаться об их намерениях. Они готовились напасть на врага, и этот враг был не кто иной, как каменный козел.

Козел, видимо, понимал, что ему угрожает. Несколько мгновений он словно колебался, как ему поступить. У него уже не было гордого, вызывающего вида, как недавно, когда он нападал на противника одной с ним породы: он стоял, как-то съежившись, точно парализованный страхом. Такого эффекта и добивались своими криками орлы, и это как нельзя лучше удалось свирепым птицам.

Охотники не спускали глаз с действующих лиц этой новой драмы, с величайшим интересом следя за движениями птиц и животного. Всем хотелось увидеть, какую кару понесет козел за свой зверский поступок.

Как видно, их желание должно было исполниться — убийце суждена была гибель. Они ожидали, что сражение будет длительным, но обманулись. Стычка оказалась столь же краткой, как и приготовления к ней: не прошло и десяти секунд, как беркуты ринулись с высоты, напали на козла и стали бить его то клювом, то когтями.

Несколько мгновений козел был почти скрыт широко раскинутыми крыльями беркутов; но по временам можно было увидеть, что он не слишком-то энергично обороняется. Внезапная атака столь странных врагов, видимо, ошеломила козла, и он был словно скован страхом.

Но вскоре козел опомнился и, взвившись на дыбы, стал яростно отбиваться рогами. Однако беркуты были начеку: всякий раз, как животное бросалось вперед, они легко избегали удара, отлетали в ту или другую сторону, а потом, быстро повернув, нападали на него сзади.

Во время битвы козел оставался там же, где подвергся нападению, и то бросался в разные стороны, то стоял, сдвинув передние копыта, то поднимался на дыбы, поворачиваясь вокруг своей оси.

Ему лучше было бы стоять на четырех ногах, так как в этой позе он смог бы дольше продержаться — быть может, до тех пор, пока не отбил бы своих крылатых противников или не измотал их продолжительной обороной.

Но сражаться «на четвереньках» было не в его обычаях. Это противоречило традициям его племени, все представители которого с незапамятных времен привыкли сражаться, стоя на задних ногах.

Следуя этому правилу, он выпрямился во весь рост и нацелился было ударить в грудь одного из беркутов, налетавшего на него спереди, когда другой, слегка отлетев назад для разгона, бросился на него, как стрела, и, вцепившись когтями козлу в шею, коротким, сильным толчком загнул ему голову так далеко назад, что тот потерял равновесие и свалился с утеса. В следующий миг козел очутился в воздухе, падая с той самой страшной высоты, которую недавно измерила его жертва.

Зрители ожидали, что он упадет на землю, больше не подвергаясь нападению своих крылатых врагов. Но

случилось по-другому. Не успел козел пролететь и половины высоты утеса, как второй беркут молнией упал на него и снова ударил, отклонив от вертикального падения. Наконец туша упала наземь довольно далеко от места, где лежал первый козел, а вместе с нею спустился и беркут, распустив крылья, растопырив лапы, словно все еще держа ее в когтях.

Непонятно было, почему беркут продолжает сжимать козла когтями, — животное умерло, вероятно, еще прежде, чем достигло земли. В поведении птицы было что-то необычное, и последние сорок — пятьдесят ярдов она спускалась как-то странно. Теперь она отчаянно взмахивала крыльями и сидела на туше в такой неестественной позе, что, казалось, с ней творится что-то неладное.

Вскоре охотники поняли, в чем дело. Беркут попрежнему взмахивал крыльями или, вернее, яростно и беспорядочно хлопал ими, но было ясно, что он остается на трупе своей жертвы не по собственному желанию, а делает все, что может, чтобы уйти от него. Это стало еще очевиднее, когда он начал издавать дикие крики, не злобные и угрожающие, как раньше, а выражавшие величайший ужас.

Охотники бросились к нему, полагая, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Когда они подбежали к птице, которая продолжала биться и кричать, загадка сразу разъяснилась.

Они увидели, что беркут попал в ловушку: его когти погрузились в тело козла и увязли так крепко, что, несмотря на всю мощь своих жилистых лап и упругих крыльев, он не мог освободиться.

Налетев на падавшего козла, птица глубоко вонзила ему в мягкое брюхо свои крючковатые когти, но, когда хотела их вытащить, оказалось, что лапы запутались в густой, свалявшейся шерсти; и чем больше она билась, пытаясь высвободиться, чем больше вертелась во все стороны, тем прочнее и туже становилась веревка, свивавшаяся из этого прославленного материала — шалевой шерсти Кашмира.

Беркут, конечно, попал в скверное положение, и хотя его вскоре освободили от шерстяных уз, но лишь для

Козел взвился на дыбы и стал яростно отбиваться рогами.

того, чтобы еще надежнее связать более прочной веревкой, вынутой Оссару из кармана.

Другой беркут не отлетал от них, словно намереваясь спасти своего товарища из рук похитителей; издавая громкие крики, он подлетал то к одному, то к другому, всем поочередно угрожая длинными, острыми когтями.

Так как все трое были вооружены, им удалось отогнать разъяренную птицу; но для Фрица, который, в свою очередь, стал предметом ее яростных атак и у которого не было другого оружия, кроме зубов, дело могло бы кончиться печально.

Зубы были плохой защитой против орлиных когтей, и Фриц, вероятно, лишился бы глаза, а то и двух, если бы не стрела, пущенная Оссару. Пронзенная ею прямо в горло, огромная птица с глухим стуком рухнула на землю.

Но она была еще жива. Увидя, что она простерта на земле, пес хотел было схватить ее, но, когда к нему протянулись острые когти и могучий, крючковатый клюв, он предпочел отступить и держаться на почтительном расстоянии; покончить с беркутом он предоставил шикари, который тут же пронзил птицу своим длинным копьем.

Глава XXXVI

НАДЕЖДА НА БЕРКУТА

Итак, охотники получили неожиданно богатый запас провизии, которая в буквальном смысле слова свалилась с неба.

Оставалось только благословлять счастливый случай, а шикари благодарил своих богов.

Некоторое время они с любопытством разглядывали и козлов и беркута: их волновала мысль, что еще совсем недавно эти создания блуждали далеко за пределами горной «тюрьмы» и прибыли сюда из внешнего мира, куда так рвались охотники. Чего бы они ни дали, чтобы иметь крылья подобно беркуту! С их помощью они бы-

стро выбрались бы из этой долины, которая поистине стала для них долиной слез, за грани окружающих ее снежных гор.

Когда Карл размышлял об этом, в его философском уме зародилась мысль, от которой лицо у него немного прояснилось.

Правда, эта мысль была далеко не блестящей. Но она что-то сулила, а так как утопающий хватается и за соломинку, то Карл, несмотря на странность этой идеи, продолжал упорно размышлять и через некоторое время поделился своим замыслом с товарищами.

На эту мысль навел его беркут. Это была сильная, мускулистая птица; как и все орлы, беркут может взлететь вверх, как стрела. В несколько минут — даже в несколько секунд — он достигнет снежных вершин, возвышающихся над ними...

— Что ему помешает, — неуверенным тоном спросил Карл, указывая на птицу, — понести?..

— ...понести что? — перебил брата Каспар. — Ведь не нас же, Карл? — добавил он с оттенком легкой иронии. — Надеюсь, ты не думаешь этого?

— Разумеется, не нас, — серьезно ответил Карл, — а веревку, которая может нас поднять.

— А-а! — воскликнул Каспар, просияв от радости. — Пожалуй, это идея!

У Оссару тоже вырвалось радостное восклицание.

— Что ты думаешь об этом, шикари? — серьезно спросил его Карл.

Шикари не выразил пылких надежд, но был готов помочь им советами. Этот план будет нетрудно привести в исполнение. Нужно только свить длинную веревку из пеньки, которой у них достаточно, привязать ее к лапе беркута и выпустить птицу на волю. Можно не сомневаться, куда полетит орел. Ему опостылела долина, и он, конечно, захочет улететь отсюда при первой же возможности.

С первого взгляда план казался выполнимым, но, когда его подвергли подробному обсуждению, встретились два значительных затруднения, и внезапно вспыхнувшая надежда чуть было не погасла.

Во-первых, можно было опасаться, что беркут при всей своей силе не поднимет веревку, достаточно толстую, чтобы выдержать вес любого из них. Бечевку он легко занесет не только на вершину утеса, но и гораздо дальше, но простая бечевка будет бесполезна. Чтобы выдержать вес человека, да еще энергично карабкающегося на скалы, понадобится очень толстая веревка. Она должна быть и весьма длинной — ярдов в двести или больше, — а с каждым ярдом возрастает тяжесть, которую должен поднять орел.

Не надо думать, что охотники намеревались подняться по этой веревке «на руках». Будь скала высотой ярдов в двенадцать или около того, это им, пожалуй, и удалось бы. Но надо было подниматься на высоту ста пятидесяти ярдов, и самый ловкий на свете моряк — даже сам легендарный Синдбад-мореход — не одолел бы и половины такого расстояния. Они предвидели эту трудность с самого начала, и изобретательный Карл, как мы увидим дальше, сразу же нашел средство ее избегнуть.

Второй вопрос был такой: если даже беркут сможет поднять достаточно толстую веревку, удастся ли за что-нибудь зацепить ее там, наверху?

Разумеется, тут уже они ничего не могли поделать, и можно было лишь надеяться на счастливый случай. Когда птица будет перелетать через горы, веревка легко может запутаться среди утесов или ледяных глыб. Оставалось только сделать попытку, у которой, конечно, были известные шансы на успех.

Первая трудность была, пожалуй, устранима, так как они легко могли определить толщину и вес веревки. Некоторые данные можно было получить опытным путем, другие — путем соответствующих вычислений. Охотникам было нетрудно определить, какой толщины потребуется веревка, чтобы выдержать вес любого из них, а по такой веревке можно будет подняться на утес. Силу орла также можно было определить довольно точно, и не приходилось сомневаться, что беркут постарается изо всех сил вырваться из долины, где с ним так бесцеремонно обошлись.

Вопрос обсуждался с различных сторон, и вскоре они пришли к заключению, что важнее всего — приготовить нужную веревку. Если удастся сделать ее достаточно тонкой, чтобы не перегрузить беркута, и достаточно прочной, чтобы выдержать вес человека, то первую трудность они преодолеют. Поэтому веревку необходимо было сделать с величайшей тщательностью. Волокна должны быть из самой лучшей конопли, нити скручены совершенно одинаковыми по толщине и пряди свиты весьма аккуратно. Такую веревку мог сделать только Оссару. Он умел прясть не хуже манчестерских прядильщиц, работающих на станках, и у него получалась безупречная продукция.

В конце концов решено было изготовить веревку. Оссару будет руководить работой, а остальные — посильно помогать ему.

Однако, прежде чем приступить к работе, они решили обезопасить себя от голода, заготовив впрок мясо козлов. Мясо беркута решили съесть в свежем виде.

Итак, в этот день у них была на завтрак «птица Юноны» [1], а на обед — «птица Юпитера» [2].

Глава XXXVII

КОЛОДКА НА ЛАПЕ

Развесив куски козлятины на веревках, чтобы их провялить, и распялив шкуры для просушивания, охотники занялись изготовлением веревки, которая должна была им помочь выбраться из «тюрьмы». К счастью, у них имелся большой запас пеньки. Этот запас сделал Оссару, когда плел рыболовную сеть, а так как пенька хранилась в сухой впадинке утеса, то была в прекрасном состоянии. Имелась также большая веревка, доволь-

---

[1] «Птица Юноны». — Юнона — в древнеримской мифологии одно из верховных божеств, супруга Юпитера, покровительница женщин; она изображалась в скульптуре с павлином.

[2] «Птица Юпитера». — Юпитер — в древнеримской мифологии верховное божество; он изображался с орлом, который был его вестником.

но прочная, но, к сожалению, недостаточно длинная. Это была та самая, которой они пользовались, перебрасывая через трещину бревенчатый мост; веревку уже давно сняли с блоков и перенесли в хижину. Она была как раз нужной толщины: более тонкая едва ли выдержала бы тяжесть человека. Им предстояло висеть на головокружительной высоте, и следовало позаботиться о прочности веревки. Они могли бы сделать прочную, толстую веревку, которая выдержала бы эту операцию, но в таком случае у орла могло не хватить сил ее поднять. Если веревка окажется слишком тяжелой для беркута, все их труды пропадут даром.

— Почему бы нам не выяснить все это заранее? — предложил Карл.

— Но как это сделать? — возразил Каспар.

— Я думаю, нам это удастся, — отвечал ботаник, видимо занятый какими-то сложными вычислениями.

— Ничего не могу придумать, — сказал Каспар, вопросительно взглянув на брата.

— Ну, а я, кажется, придумал, — произнес Карл. — Что мешает нам узнать вес веревки и установить, может ли птица ее поднять?

— Но как же ты узнаешь вес веревки, когда она еще не сделана?

— Очень просто, — заявил Карл. — Вовсе не обязательно закончить веревку, чтобы узнать ее вес. Мы примерно знаем, какой длины веревка нам нужна, а взвесив тот кусок, который у нас под руками, сможем вычислить вес для любой ее длины.

— Ты забываешь, брат, что у нас нет никакого прибора для взвешивания, даже для самого маленького веса. Ни коромысла, ни чашек, ни гирь!

— Пустяки! — заявил Карл тоном знатока. — Все это нетрудно достать. Коромыслом может служить любая ровная палочка, если ее хорошо уравновесить, а чашки сделать так же просто, как и коромысло...

— Но гири? — прервал его Каспар. — Как быть с гирями? Чашки и коромысла будут бесполезны, если не окажется подходящих гирь. Что мы будем делать без фунтов и унций?

— Я удивляюсь, Каспар, твоему легкомыслию! Ты не даешь себе труда как следует подумать. Мне кажется, я могу сделать набор гирь в любых условиях, лишь бы у меня был нужный материал, а именно — дерево и камни.

— Но как же это, брат? Расскажи нам, пожалуйста.

— Ну так вот: прежде всего я знаю вес собственного тела.

— Допустим. Но ведь ты знаешь только общий свой вес. Как же ты получишь его составные единицы — фунты и унции?

— Я сделаю коромысло и уравновешу на нем свое тело с кучей камней. Затем я разделю камни на две кучки, которые также уравновешу. Таким образом я получу половину своего веса, то есть известной мне величины. Разделив эту кучку камней пополам, я получу еще меньший вес, и так далее, пока не дойду до такого малого веса, какой мне нужен. Таким способом я могу получить и фунт, и унцию, и любую весовую единицу.

— Правильно, брат, — ответил Каспар, — и очень остроумно! Твой план безусловно удался бы, если бы не одно маленькое обстоятельство, которое ты, наверно, упустил из виду.

— Какое же именно?

— Точные ли у тебя данные? — простодушно спросил Каспар.

— Что ты имеешь в виду?

— Исходную величину, с которой ты хочешь начать и на которой основываешь все свои расчеты. Я говорю о весе твоего тела. Ты его знаешь?

— Конечно, — отвечал Карл. — Во мне ровно сто сорок фунтов.

— Ах, брат, — возразил Каспар, грустно покачивая головой, — в тебе было сто сорок фунтов в Лондоне, я это знаю, да и во мне почти столько же; но ты забываешь, что от всех перенесенных нами испытаний и тревог мы оба похудели. Да, дорогой брат, я вижу, что ты сильно исхудал с тех пор, как мы покинули Калькутту, а ты, конечно, замечаешь, такую же перемену во мне. Разве это не так?

Карл был вынужден признать, что Каспар прав. Его данные оказались неточными. Вес человеческого тела — непостоянная величина, из которой никак нельзя исходить. Им предстояло произвести весьма ответственные расчеты, требующие величайшей точности. Карл сразу понял свою ошибку, но это его не обескуражило.

— Что же, брат, — сказал он с улыбкой, взглянув на Каспара (видимо, его радовала догадливость брата), — должен признаться, что на этот раз ты меня переспорил, но это не заставит меня отказаться от своего плана. Можно определить вес предмета и другими способами. И если бы я поразмыслил, то, конечно, придумал бы что-нибудь, но, к счастью, нам не нужно больше ломать голову над этим вопросом. Если не ошибаюсь, весовая единица у нас уже есть.

— Какая же? — спросил Каспар.

— Свинцовая пуля твоего ружья. Ты как-то говорил, что у тебя унцевые пули?

— Их идет ровно шестнадцать на фунт — значит, в каждой ровно унция. Ты прав, Карл, это и есть нужная нам весовая единица.

Больше обсуждать было нечего, и они немедленно принялись определять вес веревки длиной в двести ярдов. Вскоре весы были готовы, и чашки уравновешены так тщательно, словно охотники собирались взвешивать золотой песок. Моток веревки был уравновешен камнями, вес которых определили уже при помощи пуль, и таким образом узнали, сколько в нем содержится фунтов и унций. Восьмикратный вес соответствовал веревке длиной в сто шестьдесят ярдов, которую им предстояло сделать.

Необходимо было узнать, сможет ли орел поднять такую ношу на значительную высоту. Правда, птице не придется поднимать всю веревку сразу, так как часть ее будет оставаться на земле, но если беркут поднимется до вершины каменной стены даже в самом низком месте, то все же на лапе у него будет висеть добрых сто ярдов веревки, а если он взлетит еще выше, то и значительно бóльший груз.

Естественно было предположить, что беркут устремится туда, где каменная стена ниже всего, особенно если почувствует, что его полет тормозит странная ноша, привязанная к лапе, а если случится именно так, то тяжесть будет не очень велика. Направить беркута к самому низкому месту можно при помощи этой же веревки, которую они будут держать в руках.

Взвесив все эти обстоятельства, братья слегка приободрились, так как убедились, что у них есть шансы на успех.

Теперь предстояло испытать силу орла.

Задача была также весьма ответственной, и они приступили к ней лишь после долгих размышлений. Они взяли обрубок дерева и обтесали его так, чтобы вес его равнялся весу веревки длиной в двадцать ярдов (уже применявшейся ими раньше с другой целью). Затем привязали эту веревку одним концом к чурбану, а другой обвязали вокруг лапы орла.

Когда все было готово, птицу освободили от остальных пут и отошли в сторону, чтобы дать ей свободно расправить крылья.

Вообразив, что он наконец на воле, беркут вскочил с камня, на который его положили, расправил свои широкие крылья и взмыл кверху почти по вертикали.

Первые двадцать ярдов он пролетел легко и быстро, и у зрителей вырвались радостные восклицания.

Увы! Их надежды погибли, едва успев родиться. Развернувшись во всю длину, веревка сдернула орла на несколько футов книзу. В то же время чурбан поднялся от земли всего на несколько дюймов. Птица забила крыльями, ошеломленная этой неожиданной помехой, затем, найдя равновесие, вновь попыталась взлететь ввысь.

Веревка снова натянулась, но, как и в первый раз, чурбан был лишь слегка приподнят над землей, между тем как орел, словно ожидавший на этот раз толчка, был задержан в полете не так уж резко.

Но все же он должен был опуститься, пока его якорь не «коснулся дна». После новой попытки взлететь, столь же неудачной, он, казалось, убедился, что

ему невозможно подняться кверху, и направил полет горизонтально вдоль линии утесов.

Чурбан потащился по земле, подпрыгивая на бугорках, иногда взлетая в воздух, но всякий раз лишь на несколько секунд.

Наконец зрители пришли к убеждению, что беркут не в силах взлететь на вершину утеса с привязанной к лапе веревкой, равной по весу чурбану.

Словом, план оказался неудачным. Потеряв надежду на успех, наши охотники предоставили орлу волочить свой деревянный якорь, куда ему вздумается.

Глава XXXVIII

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОПЫТКИ

Трое зрителей, наблюдавших неудачные попытки орла, некоторое время хранили молчание, какое обычно следует за разочарованием. Каспар казался менее подавленным, чем остальные, но никто не спросил его, о чем он думает.

Молчание длилось недолго, как и вызвавшая его досада. Она была мимолетна, как летняя тучка, которая на миг омрачает небо, — скроется тучка, и по-прежнему сияет ясная лазурь.

Этой счастливой перемене настроения охотники были обязаны Каспару. Юноше пришла в голову мысль — вернее, новый план, — и он тотчас же поделился им с товарищами.

Строго говоря, план Каспара нельзя было назвать новым. Он был только дополнением к тому, который был предложен Карлом, и беркут, как и раньше, играл в нем главную роль.

Рассчитывая, какой длины потребуется веревка, чтобы добраться до вершины утеса, Каспар уже подумывал о том, как ее укоротить, то есть как добиться, чтобы хватило более короткой. Некоторое время он обдумывал это, но не хотел говорить товарищам, пока они не испытают силу орла. Теперь, когда беркут

был «взвешен и найден легковесным», можно было предположить, что им больше не будут интересоваться, — разве что просто съедят. Так думали Карл и Оссару, но Каспар думал иначе. Он был уверен, что птица еще может быть им полезной.

Каспар полагал, и вполне справедливо, что орлу мешает подняться лишняя тяжесть. Однако она не слишком превышала его силу. Будь веревка вдвое легче или даже немного меньше, чем вдвое, беркуту удалось бы поднять ее до края обрыва.

Что, если эту тяжесть уменьшить?

Каспар не считал нужным сделать веревку тоньше. Он знал, что это невозможно, так как вопрос уже обсуждался и был решен отрицательно.

Но что будет, если они пустят в ход более короткую веревку: например, длиной не в сто пятьдесят ярдов, а только в пятьдесят? Тогда орел, конечно, сможет взлететь так высоко, как позволит длина веревки.

Никто не возражал Каспару: это была бесспорная истина, но что из нее следовало?

— Ну и пусть себе орел заносит веревку хоть на луну, — сказал Карл, — да нам-то на что такая короткая веревка? Ведь если даже беркут поднимет один ее конец на вершину утеса в самом низком его месте, все равно другой конец будет болтаться в добрых пятидесяти ярдах над землей.

— Ни на ярд, брат, ни на фут над землей! Другой конец будет у нас в руках, — у нас в руках, говорю тебе!

— Хорошо, Каспар, — спокойно возразил его брат. — Ты говоришь уверенно, но, по правде сказать, я не вижу, к чему ты клонишь. Ты же знаешь, что этот проклятый обрыв нигде не бывает ниже ста ярдов.

— Знаю, — ответил Каспар все так же твердо, — но мы можем держать веревку в пятьдесят ярдов — даже вдвое короче — за один конец, а другой будет над краем обрыва.

Карл был озадачен, но шикари, на этот раз оказавшийся сообразительнее философа, уловил мысль Каспара.

— Ха-ха-ха! — воскликнул он. — Молодой саиб думать лестницу! Вот что он думать!

— Совершенно верно! — сказал Каспар. — Ты угадал, Осси. Именно об этом я и думал.

— Ну, тогда в самом деле можно... — медленно произнес Карл и погрузился в раздумье. — Может быть, ты и прав, брат, — добавил он после паузы. — Во всяком случае, попробовать нетрудно. Если твой план удастся, нам не придется делать новые веревки. Той, что у нас имеется, вполне хватит. Давайте сейчас же попробуем!

— Где беркут? — спросил Каспар, оглядываясь по сторонам.

— Вон там, саиб, — ответил Оссару, указывая на утес. — Вон там он сидеть на камне.

Орел сидел, как-то странно скорчившись, на нижнем уступе скалы, куда опустился после неудачных попыток взлететь. Он выглядел измученным, и, казалось, его можно взять голыми руками. Но когда Оссару приблизился к нему с таким намерением, птица, вероятно вообразив себя на свободе, снова отважно взвилась кверху.

И она вновь почувствовала, что веревка тянет ее за лапу вниз.

Напрасно хлопая крыльями, птица спустилась, притянутая сперва тяжестью чурбана, а потом сильной рукой шикари.

Чурбан убрали, а вместо него к лапе орла привязали веревку более пятидесяти ярдов длиной.

Беркута снова отпустили, причем Оссару крепко держал обеими руками конец веревки; на этот раз великолепная птица взмыла ввысь так стремительно, словно пределом ее полета была не вершина утеса, а величавый пик Чомо-лари.

На высоте пятидесяти ярдов ее гордый полет был внезапно остановлен Оссару, который, потянув за веревку, напомнил орлу, что он все еще пленник.

Опыт оказался удачным. План Каспара обещал многое, и они тотчас же стали делать необходимые приготовления.

Глава XXXIX

БЕГСТВО ОРЛА

Прежде всего следовало проверить качество веревки и испытать ее прочность. Лестницы по-прежнему стояли там, где их поставили. Проверив веревку, нужно было только привязать ее к лапе беркута, подняться на последний уступ, до которого достигали лестницы, и отпустить птицу.

Если беркут поднимется над утесом и веревка за что-нибудь зацепится, они могут считать себя свободными. Это казалось им вполне возможным, и при мысли о близком освобождении все трое заметно повеселели.

Они не надеялись, что им удастся подняться на руках по веревке длиной почти в пятьдесят ярдов: перед таким подвигом встал бы в тупик самый ловкий матрос, когда-либо вязавший шкоты на ноке брам-стеньги. Они и не собирались подниматься по веревке таким способом, а давно уже придумали и обсудили другой. Они намеревались — как только убедятся, что веревка плотно зацепилась наверху, — сделать на ней ступеньки, всовывая между ее прядями на больших промежутках деревянные палочки, на которые можно будет ставить ногу при подъеме. Как мы уже сказали, все это было обдумано заранее, и теперь уже ничто не мешало им заняться испытанием веревки, от прочности которой будет зависеть их жизнь.

Карл с Каспаром думали, что достаточно будет привязать веревку к дереву и тянуть ее соединенными усилиями. Но Оссару был другого мнения. У этого сына Востока родился в голове иной план, который показался ему лучше, и он начал приводить его в исполнение, несмотря на возражения товарищей. Захватив один конец веревки, он взобрался на высокое дерево, прополз по горизонтальной ветви и на высоте пятидесяти футов над землей крепко привязал веревку. По его указанию молодые саибы схватились за веревку, и оба, поджав ноги, на несколько секунд повисли в воздухе.

На веревке не было обнаружено ни малейшего растяжения или разрыва, и было очевидно, что она сво-

бодно выдерживает тяжесть двух человек и, во всяком случае, выдержит одного. Убедившись в этом, шикари спустился с дерева.

Взяв орла под мышку правой руки, а в левую руку сверток веревки, Оссару направился к тому месту каменной стены, где были приставлены лестницы. Карл с Каспаром шли за ним по пятам, а Фриц — в арьергарде; все четверо двигались молча и как-то торжественно; видно было, что они заняты важным делом.

Новый опыт, как и испытание силы орла, не отнял много времени. Если бы он удался, наши охотники потратили бы несколько часов и в результате с торжеством стояли бы на вершине утеса, а Фриц весело носился бы по снежному склону, словно желая загнать какого-нибудь большого архара на поднебесную вершину Чомо-лари.

Ах, как отличалась от этой картины та, какая представилась вечером этого богатого событиями дня! Незадолго до захода солнца можно было видеть, как охотники печально и медленно возвращаются в свою хижину — в ту опостылевшую им хижину, которую они так жаждали навсегда покинуть.

Увы! В длинный список безуспешных попыток им пришлось внести еще одну неудачу.

Оссару с беркутом под мышкой поднялся по лестницам до самого верхнего уступа. Отсюда он «запустил» орла, дав ему взлететь на всю длину веревки. Это был опыт весьма опасный для шикари и чуть было не оказавшийся последним актом его жизненной драмы.

Шикари стоял, балансируя на узком уступе, вполне уверенный, что беркут взлетит прямо кверху, и то, что произошло в следующий миг, было для него полной неожиданностью: вместо того чтобы взмыть вверх, орел ринулся по горизонтали и летел все в том же направлении, пока не вытянул за собою всю свою привязь; потом, никуда не сворачивая, даже не задержавшись в полете, но волоча все пятьдесят ярдов веревки, за другой конец которой Оссару, к счастью, больше не держался, он полетел через всю долину к утесам на противоположной ее стороне и без труда достиг их вершины.

Не без досады следили Карл и Каспар за полетом беркута; некоторое время им казалось, что Оссару не справился с задачей, которую ему поручили.

Но вскоре они услышали объяснения Оссару и признали их справедливость. Было очевидно, что, не выпусти он вовремя веревку, ему бы пришлось сделать такой скачок, после которого он уже был бы не в состоянии объяснить товарищам, как и почему улетел орел.

Глава XL

ФРИЦ И КОРШУНЫ

С чувством глубокого, горького разочарования наши искатели приключений покинули лестницы, которые снова обманули их надежды, и направились к хижине.

Как и в тот раз, они шли медленно, с понурым видом. Фриц уныло брел за ними, разделяя их настроение.

Они молча подходили к хижине, но при виде примитивного жилища, с которым им никак не удавалось расстаться, Карлу пришла в голову новая мысль, заставившая его нарушить молчание.

— Вот наш истинный друг! — произнес Карл, указывая на хижину. — Пусть все другие нам изменят — она останется нам верна! Правда, она грубая, но ведь грубыми бывают и самые верные друзья. Мне становится мила наша честная хижина, и я уже начинаю смотреть на нее, как на свой домашний очаг.

Каспар ничего не ответил. Он только вздохнул. Юный охотник, преследовавший когда-то серн в Баварских Альпах, думал о другом очаге, находившемся далеко, в стороне заходящего солнца, и, пока им владела такая мысль, он не мог примириться с вынужденным пребыванием в Гималаях.

Мысли Оссару были тоже далеко. Он думал о бамбуковой хижине на берегу хрустального ручья, под сенью пальм и других тропических деревьев. Еще больше мечтал он о рисовом пилаве и четни, но более все-

го — о своем любимом бетеле, который не мог ему заменить конопляный банг.

Но у Каспара была еще одна мысль, доказавшая, что он не потерял надежды вернуться в свой родной дом. И когда они покончили с ужином, состоявшим из вареной дичи, он поделился замыслом с товарищами.

Юноша не решился первым нарушить молчание. Он лишь ответил на вопрос Карла, который, заметив рассеянный вид брата, спросил, что с ним.

— Я напряженно размышлял, — сказал Каспар. — С тех самых пор, как орел улетел, я думал о другой птице, о которой мне кое-что известно. Эта птица может сослужить нам службу не хуже беркута, а то и лучше.

— О другой птице? — спросил Карл. — О какой птице ты говоришь? Уж не думаешь ли ты о китайском гусе, что живет на озере? Правда, его нетрудно поймать живьем, но позволь тебе сказать, брат, что его крылья способны поднять лишь собственное увесистое тело, а если ты прибавишь еще фунт-другой, привязав ему к лапе веревку, то он не сможет улететь из долины, совсем как мы с тобой. Нет, нет! Об этом нечего и думать. Кроме орла, никакая другая птица не в силах выполнить то, что ты от нее требуешь.

— Птица, о которой я думал, — возразил Каспар, — принадлежит к тому же роду, что и орел... Кажется, я выражаюсь вполне научно. Не так ли, ученый брат? Ха-ха-ха! Ну что же, называть мне ее? Наверно, ты уже догадался?

— Конечно, нет, — ответил Карл. — В этой долине нет птиц, принадлежащих к одному роду с орлом, кроме разве коршунов; впрочем, по мнению некоторых натуралистов, они не одного с ним рода, а лишь одного семейства. Если ты думаешь о коршуне, то их здесь несколько пород, но самый крупный из них поднимет на вершину утеса разве что толстую бечевку... Смотри, вот два коршуна, — продолжал он, указывая на птиц, круживших в воздухе ярдах в двадцати над землей. — Их называют «черки». Это самые крупные из гималайских коршунов. Ты имел в виду эту птицу, брат?

— Так это коршуны? — спросил Каспар, переводя взгляд на крылатые существа, которые описывали круги в воздухе, словно выслеживая добычу.

— Да, — ответил натуралист. — И они принадлежат к одному семейству с орлами. Надеюсь, ты не их имеешь в виду?

— Нет, не совсем... — протянул Каспар, многозначительно улыбаясь. — Но посмотри на них: они парят совсем как воздушные змеи... О! Что это? — воскликнул он, заметив, что птицы ведут себя как-то странно. — Что они делают? Клянусь жизнью, они нападают на Фрица! Неужели они думают, что могут справиться с нашим славным старым псом?

Действительно, коршуны внезапно спустились с высоты, на какой до сих пор парили, и теперь описывали быстрые круги над головой у баварского пса, который прилег в траве, на опушке маленькой рощицы, ярдах в двадцати от хижины.

— Может быть, там, в рощице, у них гнездо? — высказал предположение Карл. — Потому-то они и злятся на собаку. У них явно рассерженный вид.

И впрямь это можно было подумать, судя по поведению птиц, которые нападали на пса: они то поднимались на несколько футов, то бросались вниз по кривой, напоминавшей параболу. С каждым взлетом они все приближались и приближались к Фрицу, пока не начали задевать его морду крыльями. При этом коршуны издавали резкие крики, похожие на лай рассерженных лисиц.

— Должно быть, у них где-то поблизости детеныши, — заметил Карл.

— Нет, саиб, — ответил Оссару. — Нет гнездо, нет детки. Фриц уйти ужинать — кусок мяса от козла. Черки хотеть забрать ужин у собаки.

— А, так Фриц ужинает? — сказал Каспар. — Тогда все понятно. Но как же глупы эти птицы, если воображают, что им удастся отнять ужин у нашего отважного Фрица, особенно когда он так им наслаждается!.. Смотрите, он даже не обращает на них внимания!

Действительно, до сих пор Фриц едва ли замечал своих крылатых врагов, и их враждебные демонстра-

Фриц прыгнул, чтобы схватить коршуна,

ции лишь изредка вызывали у него отрывистое рычание. Когда же они стали подлетать ближе, ударяя его крыльями по глазам, Фрицу стало уже невмоготу, и он начал выходить из себя. Его рычание становилось все громче, и раза два он привставал, чтобы вцепиться в перья врагу.

Эта странная сцена между собакой и птицами продолжалась минут пять, причем финал был довольно любопытен и весьма неприятен для Фрица.

С самого начала коршуны действовали порознь. Один налетал спереди, а другой вел атаку с тыла. Ввиду такой тактики врагов пес был вынужден бороться на два фронта, и ему приходилось бросаться из стороны в сторону.

То он рычал и хватал врага, нападавшего спереди, то быстро поворачивался, чтобы пригрозить более трусливому черку, налетавшему на него с тыла. Однако второй черк оказался назойливее и крикливее и наконец, не довольствуясь случайными ударами крыльев,

а в это время другой похитил у него ужин.

осмелился вонзить свои острые когти в его почтенное седалище.

Это было уже чересчур — терпение Фрица лопнуло. Бросив кость, которую он все время глодал, пес вскочил, быстро повернулся к оскорбителю-черку и прыгнул, чтобы его схватить.

Но осторожная птица предвидела это, и пес еще не успел вцепиться в нее зубами, как она уже взмыла кверху — гораздо выше, чем может прыгнуть любое четвероногое.

Заворчав с досады, Фриц повернулся и хотел снова взяться за свой кусок, но досада его еще усилилась, когда он обнаружил, что мяса больше нет. Первый черк только оцарапал ему шкуру, но второй отнял у него ужин.

В последний раз Фриц увидел свой кусок козлятины в клюве у коршуна, высоко в воздухе, и птица становилась все меньше и меньше, быстро удаляясь, пока не исчезла в туманной дали.

Глава XLI

ФРИЦ ОСКОРБЛЕН

Занятный маленький эпизод с собакой и черками прервал беседу братьев на тему, затронутую Каспаром. Но беседа не возобновилась сразу по окончании этой сцены, ибо у Фрица был такой смешной вид, когда он смотрел на улетающих птиц, ловко выманивших у него кусок мяса, что зрители разразились громким, продолжительным хохотом.

На «физиономии» Фрица отражались самые необычайные чувства. Не только глаза, но и вся поза собаки выражала крайнее изумление, досаду и вместе с тем невероятную ярость; некоторое время он стоял, подняв голову, вытянув морду кверху, следя за коршуном взглядом, в котором сквозила неукротимая жажда мести.

Ни разу в жизни, даже когда над ним трубил слон, не приходилось Фрицу так сожалеть об отсутствии крыльев. Никогда еще он так не сетовал на несовершенство своего сложения и на отсутствие этих столь полезных придатков, и будь у него волшебная палочка, он воспользовался бы ею в этот момент, чтобы получить пару крыльев, — не «прекрасных», это для него было дело десятое, а сильных и широких, которые позволили бы ему догнать черков и покарать их за неслыханную дерзость.

Фриц был глубоко оскорблен и жестоко обманут тварями, к которым он относился с величайшим презрением, и именно эта смесь изумления и ярости, придававшая ему столь трагикомический вид, так рассмешила людей. У него было весьма забавное выражение, когда, повернувшись, он взглянул на своих товарищей-людей. Он увидел, что они потешаются над ним, и в его глазах можно было прочесть и укор и мольбу, что еще пуще их рассмешило. Переводя взгляд с одного на другого, он словно искал сочувствия поочередно у Карла, Каспара и Оссару.

Но мольба его была напрасна. Охотниками овладело неукротимое веселье, и бедняга Фриц не встретил сочувствия.

Несколько минут не смолкал их громкий, раскатистый хохот, но предмет их веселья не стал дожидаться, пока они успокоятся, и поспешил покинуть недоброе место, где у него отняли ужин. Ограбленный и униженный, он скрылся под сенью хижины. В пылу веселья никто не заметил его исчезновения. И через несколько минут все трое перестали думать о Фрице.

Быть может, вы удивитесь, что в столь тяжелых обстоятельствах наши друзья могли поддаться такому буйному веселью. Но тут нет ничего удивительного. Наоборот, вполне естественно, что они так развеселились, ибо такова уж человеческая природа: веселье и грусть так же неизбежно сменяют друг друга, как день следует за ночью или ясная погода наступает после бури.

Правда, мы не знаем, почему так бывает, но все это в природе вещей. Один сладкогласный поэт сказал:

Была бы скучным временем весна,
Когда б одна весна царила в мире, —

и мы по собственному опыту знаем, насколько справедливы его слова.

Тот, кто живет в тропических странах, где царит вечная весна, где листья никогда не опадают и цветы никогда не вянут, может подтвердить этот факт: даже весна со временем надоедает! Мы жаждем зимы, с ее инеем, снегами и холодными, бурными ветрами. Хотя все мы так любим веселый, зеленый лес, порой нам радует глаз его пожелтевший наряд, и мы любуемся мрачным небом, по которому несутся причудливые свинцовые тучи. Как это ни кажется странным, не подлежит сомнению, что наша душа, так же как и природа, нуждается в бурях.

Глава XLII

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Как только утих порыв веселья, Карл и Каспар вернулись к разговору, который так внезапно был прерван.

— Итак, брат, — сказал Карл, возвращаясь все к этой же теме, — ты говоришь, что есть птица из поро-

ды орлов, которая в силах поднять канат на утесы. Какую именно птицу ты имеешь в виду?

— Ах, Карл, ты сегодня что-то очень недогадлив! Мне кажется, коршуны могли бы навести тебя на мысль.

— Так ты говоришь о какой-то разновидности ястреба?

— Да, о ястребе с очень широкой грудью, очень тонким туловищем и очень длинным хвостом: как раз о таком, каких мы с тобой, бывало, делали еще не так давно.

— А-а, о бумажном змее!.. — произнес Карл и погрузился в раздумье. — А знаешь, брат, — прибавил он, помолчав, — в твоем предложении, пожалуй, есть смысл. Будь у нас бумажный змей — разумеется, очень большой, — он мог бы занести веревку на вершину обрыва; но, увы!..

— Можешь не продолжать, Карл, — прервал его Каспар. — Я знаю, что ты хочешь сказать: что у нас нет бумаги, из которой можно было бы смастерить змея. Да, тут уже ничего не поделаешь. Нечего больше и думать о змее, раз у нас нет нужного материала. Его корпус и хвост мы легко могли бы сделать. Но ведь нужны еще крылья — ах, крылья! Как бы я хотел иметь под руками пачку старых газет! Но что пользы желать — ведь у нас их нет!

Карл молчал и, казалось, не слышал слов Каспара, — во всяком случае, не обращал на них внимания. Он, видимо, снова погрузился в глубокие размышления.

— Может быть, — заговорил снова Карл через некоторое время, с надеждой поглядывая на лес, — у нас окажется не так уж мало материала, о котором ты говорил.

— Ты хочешь сказать — бумаги?

— Мы находимся в той области земного шара, где она растет, — продолжал Карл, не отвечая на вопрос брата.

— Как!.. Где растет бумага?

— Нет, — возразил Карл, — я не хочу сказать, что

здесь растет бумага, но здесь имеется сырье, из которого можно сделать эту полезную вещь.

— Что же это такое, брат?

— Это дерево, или, вернее, кустарник, принадлежащий к семейству ягодковых, или дафнад. Разновидности этого отряда встречаются во многих странах, но главным образом в более прохладных областях Индии и Южной Америки. Представители его имеются даже в Англии, так как красивый волчеягодник лавровый наших лесов и живых изгородей, который так помогает от зубной боли, — самая настоящая дафнада. Пожалуй, самая интересная разновидность их — это пресловутая лагетта, или кружевное дерево Ямайки, из коры которого дамы на этом острове делают воротнички, манжеты и накидки. Они так искусно вырезают узоры и так прекрасно отбеливают свои изделия, что те имеют вид настоящих кружев! До отмены рабовладения марроны и другие ямайские беглые негры делали себе одежду из лагетты, в изобилии растущей в горных лесах этого острова. Хозяева этих же негров, тоже до отмены рабовладения, находили для кружевного дерева другое применение, менее приятное. Жестокие тираны из его волокон сплетали ремни для своих бичей.

— И ты думаешь, что из этих деревьев можно сделать бумагу? — спросил Каспар, которому не терпелось узнать, есть ли какая-нибудь возможность раздобыть покрышку для змея.

— Существует несколько видов дафнад, — ответил ботаник, — кору которых можно превратить в бумагу. Одни встречаются на мысе Доброй Надежды, другие на Мадагаскаре; но самые подходящие для нас виды растут в Гималаях и в Китае. В Непале имеется дафнада бхолуа, из которой непалийцы приготовляют плотную, прочную упаковочную бумагу, и у меня есть основания думать, что она растет также в Бхотанских Гималаях, которые совсем недалеко от нашей долины. Кроме того, в Китае и Японии, по другую сторону этих гор, есть два или три вида этого растения, из которого китайцы выделывают желтоватую бумагу — ты, вероятно, видел их книги — и сю же оклеивают свои чайные

коробочки. Итак, — прибавил ботаник, пытливо глядя на лес, — поскольку годная на бумагу дафнада растет в Китае, восточнее нас, и в Непале и Бхотане, западнее нас, то естественно предположить, что какие-нибудь ее виды растут и в этой долине, где климат как раз подходящий для нее. Птицы вполне могли занести сюда семена дафнады, так как многие виды птиц любят ее ягоды и поедают их без всякого вреда для себя, что очень странно, так как ягоды эти ядовиты для всех видов четвероногих.

— Как ты думаешь, брат, ты узнал бы такой куст, если бы его увидел?

— По правде сказать, я не думаю, чтобы сразу его узнал, но если бы я увидал цветок дафнады, я, непременно, отличил бы его по ботаническим особенностям. Листья у годных на бумагу видов дафнады — продолговатые и красноватого оттенка, гладкие и блестящие, как у лавра, с которым дафнады в близком родстве. К сожалению, кусты в это время года не цветут, но если нам удастся найти ягоды и несколько листьев, то я думаю, что смогу их опознать. Кроме того, у них характерная, очень жесткая кора. В самом деле, у меня есть основания думать, что мы найдем их не очень далеко отсюда. Вот почему я так уверенно сказал, что у нас может оказаться не так уж мало материала для выделки бумаги.

— Какие же у тебя основания, брат? Может быть, ты видел что-нибудь похожее?

— Видел. Не так давно я забрел в заросли невысоких кустов, достигавших мне до середины груди. Они были тогда в цвету; цветы были сиреневые и росли на концах веток небольшими зонтиками. Венчиков у них не было — одни только чашечки. А все это характерно для дафнады. К тому же листья были продолговатые, бархатистые, красноватого оттенка, а у цветов очень сладкий запах, как у всех дафнад. Я и не думал тогда их исследовать, но теперь, вспоминая все эти признаки, я почти уверен, что кусты относились к этому виду.

— А как ты думаешь, сможешь ты разыскать этот кустарник?

— Ну конечно! Он растет не очень далеко от того места, где у нас с тобой чуть не произошел страшный поединок.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Каспар в ответ на многозначительные слова брата. — Постой, брат, — сказал он через мгновение, — предположим, что это именно тот самый куст. Но какой нам от этого прок, если мы не знаем, как превратить его в бумагу?

— Почему ты так уверен, что мы не знаем? — возразил Карл. — Мне кое-что об этом известно. Один старинный автор в своей книге описывает этот способ. Он очень прост, и, кажется, я его хорошо запомнил и смогу применить. Может быть, бумага получится слишком грубая для письма, но она вполне пригодится для наших целей. Нам не нужен лучший, «кремовый» сорт. Ведь, к сожалению, здесь нет почтового отделения. Но если нам удастся сделать что-то вроде толстой упаковочной бумаги, то, я думаю, она вполне будет годиться для змея.

— Правильно! — ответил Каспар. — Даже лучше, если бумага будет толстая и крепкая. Но послушай, дорогой Карл, почему бы нам сейчас же не отправиться на поиски этих кустов?

— Этим мы немедленно и займемся, — заявил Карл, поднимаясь с камня.

Они пошли на разведку в полном составе, так как Оссару был не меньше товарищей заинтересован в ее результатах, а Фриц, заметив, что его хозяева отправляются в какую-то новую экспедицию, забыл свое огорчение и, выйдя из хижины, побрел вслед за ними.

Глава XLIII

БУМАЖНОЕ ДЕРЕВО

К величайшей радости охотников, предположения Карла вскоре оправдались. Заросль, о которой он говорил, состояла главным образом из кустов дафнады, судя по опавшим листьям и по нескольким сохранившимся

на ветках ягодам. Карл решил, что кусты принадлежат именно к данному виду.

Это доказывала и кора, весьма эластичная и очень едкая на вкус: она обожгла рот Оссару, который имел глупость ее пожевать.

Внимательно исследовав листья, ягоды и кору, ботаник пришел к выводу, что перед ним настоящая дафнада. Так оно и было в действительности: это был вид, известный в Непале как дафнада бхолуа, из которой, как уже говорилось, непалийцы вырабатывают толстую, мягкую бумагу.

Убедившись, что это именно так, охотники решили привести план Каспара в исполнение и сделать опыт с воздушным змеем.

Если бы Карл был только ботаником-теоретиком и, хорошо зная особенности растений и деревьев, не владел бы практическими познаниями и не был знаком со способами их применения, от найденной ими дафнады не было бы никакой пользы. Глядя на это растение, никак нельзя было догадаться, что из него можно получить бумагу. Со многих других деревьев кора снималась более широкими полосами и больше напоминала бумагу, между тем как кора дафнады, снимавшаяся узкими полосками, казалась меньше всего пригодным для воздушного змея материалом. Но Карл знал способ превратить ее в бумагу и немедля принялся за дело, а товарищи ему помогали, следуя его указаниям.

Все трое усердно принялись работать ножами, и в невероятно короткий срок несколько десятков деревьев были ободраны от самых корней до нижних веток. Деревьев не срубали, так как в этом не было надобности. Их легко было обдирать на корню, и потому их оставили на месте.

До самого заката солнца проработали наши «каскарильеры», сделав перерыв лишь на несколько минут, чтобы пойти в хижину и наскоро поесть козлятины. И когда солнце опускалось за величавую вершину Чомо-лари, можно было увидеть, как они медленно возвращаются домой с тяжелыми связками коры, а Фриц весело бежит за ними.

Взглянув на заросли, где охотники проработали весь день, можно было догадаться, чем они занимались. У всех деревьев на площади свыше полуакра с тонких стволов была полностью ободрана кора, словно здесь паслось огромное стадо коз.

Вернувшись в хижину, они и не подумали отдыхать и тотчас же занялись производством бумаги.

Было уже поздно, и работать пришлось при свете сосновых факелов, заготовленных заранее. Факелы горели ярким, ровным пламенем, не хуже свеч.

Первичная обработка материала не требовала особой тщательности, и ее можно было выполнить в хижине не хуже, чем в гигантском цехе бумажной фабрики. Требовалось лишь искрошить кору на мелкие кусочки. Это заняло весь вечер. Во время работы они весело разговаривали, перебрасываясь шутками. Им вспомнилось, что в тюрьмах арестанты обычно треплют пеньку; да, они не без оснований могли сравнить себя с заключенными.

Закончив эту работу, они поужинали, как всегда, куском мяса и легли спать, думая лишь о том, что будут делать завтра.

На другое утро дела у них было немного, так как следующий процесс требовал не столько труда, сколько терпения.

Тщательно искрошенную кору дафнады насыпают в большой чан или котел с водой. Затем добавляют щелок, приготовленный из древесной золы, и кипятят массу в продолжение нескольких часов.

Но у наших «фабрикантов» не было ни чана, ни котла, и они могли бы стать в тупик перед непреодолимым препятствием, не будь у них обильного запаса непрерывно кипящей воды в горячем источнике близ хижины.

По-видимому, им нужно было только засыпать приготовленную кору в источник и оставить ее там на какой-то срок. Но там, где вода была горячее всего, она находилась в непрестанном движении — бурлила, кипела и клокотала, как в котле, и очень скоро не только были бы унесены волокна коры, но и зола отделилась

бы от остальной массы, и от нее не было бы никакого толку.

Как преодолеть это затруднение? Довольно легко. У них уже заранее был намечен план работ, согласно которому кору вместе с золой следовало поместить в одну из больших шкур яков, прекрасно сохранившихся, связать ее в узел, как белье для стирки, опустить шкуру вместе с содержимым в источник и оставить там до тех пор, пока кипящая вода не сделает свое дело. Этот остроумный способ позволил им обойтись без всякого котла.

Когда Карл нашел, что кора достаточно разварилась, ее вынули из воды, а затем из шкуры яка и положили на плоский камень, чтобы она обтекла и обсохла.

Пока кора кипятилась, а потом обсыхала на камне, никто не сидел без дела. Каспар был занят изготовлением крепкого деревянного песта, необходимого для некоторых дальнейших операций, а Оссару мастерил другую, также очень нужную вещь. Это было что-то вроде сита из тонких бамбуковых полосок, вставленных в раму из более толстых полос того же бамбука рингалл.

Оссару взялся за эту работу потому, что умел искусно изготовлять из бамбука всевозможные предметы, и, хотя он сейчас был занят совершенно новым для себя делом, ему удалось под руководством Карла смастерить сито, которое вполне отвечало своему назначению. С какой целью было сделано сито, будет сказано ниже.

Как только кора высохла, пустили в ход пест: с его помощью кусочки коры разбивали на поверхности плоского камня, пока не получилась густая масса.

Массу сложили в шкуру яка, собранную по краям, и этот примитивный чан снова погрузили в воду, но не в кипящий ручей, а в холодное озеро, и держали там, пока чан не наполнился водой. Затем массу перемешали палочкой, отчего крупные частицы всплыли на поверхность; их удалили. Эта процедура была повторена несколько раз, пока вся масса, первоначально немного слизистая, не сделалась чистой и мягкой на ощупь.

Следующей и последней операцией было изготовление бумаги, и она была проведена самим Карлом. Опе-

рация была довольно простой, но требовала известной ловкости и сноровки. Некоторое количество массы клали в бамбуковое сито и покачивали его из стороны в сторону, держа все время горизонтально под водой, пока масса не распределится равномерно по всей поверхности. Потом сито осторожно вынимали из воды, удерживая в горизонтальном положении, чтобы не потревожить ровного слоя массы. После этого оставалось лишь положить рамку на подставки и дать мякоти обтечь и высохнуть. Высохнув, она превращалась в бумагу.

Правда, пользуясь лишь одним ситом, нельзя было получить все нужное количество бумаги за один раз; но как только лист высыхал, его снимали с сита и туда снова наливали массу, и так далее, пока вся разваренная кора не была превращена в бумагу; оказалось, что больших листов так много, что можно сделать змей величиной хоть с дверь каретника.

Так как приходилось дожидаться, пока высохнет каждый лист, то процесс этот занял несколько дней; но и в эти дни охотники не теряли времени даром. Карл с Каспаром усердно трудились над «скелетом» змея, а Оссару взялся сделать для него хвост.

Веревка, на которой предстояло запустить змей, отняла много времени, и ее приготовление оказалось значительно сложнее остальных процессов. Каждую ее прядь необходимо было чрезвычайно тщательно свить и проверить прочность чуть не каждого волокна. Если бы они сделали очень толстую веревку, им не приходилось бы так усердствовать, но змей мог не поднять толстой веревки.

Понятно, что веревка средней толщины должна была быть безупречного качества, иначе они бы рисковали жизнью при подъеме.

Нечего и говорить, что Оссару приложил все усилия, чтобы сделать веревку как можно лучше, — каждую ее прядь он скручивал между большим и указательным пальцами так ровно и гладко, как если бы готовил ее для лески.

Рамку для змея они сделали из расщепленных пополам стволов бамбука рингалл, который превосходит

прочностью, упругостью и легкостью все остальные виды деревьев; клей для наклеивания бумаги — из корня аронника, который мелко наскоблили и разварили, пока он не превратился в клейкий крахмал.

Через какую-нибудь неделю после того, как мысль о змее шевельнулась в мозгу у Каспара, «птицу» уже можно было видеть перед дверью хижины, вполне оперенную и готовую к полету.

Глава XLIV

ПУСКАЮТ ЗМЕЙ

Изготовив таким образом змей, они стали ожидать, когда ветер станет достаточно сильным и будет дуть в нужную сторону, то есть по направлению к той части каменной стены, куда они предполагали направить бумажную птицу. Это было то самое место, где все еще стояли лестницы и откуда они неудачно пытались запустить беркута.

Охотники уже поднимались на большую каменную глыбу, стоявшую в долине почти напротив этой части обрыва, и с ее вершины им удалось рассмотреть — хотя и не слишком хорошо — часть горного склона над обрывом. Казалось, он был покрыт снегом, на поверхности которого кое-где выступали большие темные бугры — вероятно, валуны или льдины. Наши охотники напряженно в них вглядывались, как и в тот раз, когда они готовились выпустить беркута. Теперь эти бугры подавали им надежду. Если удастся запустить змея так, чтобы он упал на эти бугры, то не только возможно, но и весьма вероятно, что либо веревка запутается среди них, либо сам змей достаточно прочно застрянет между ними. Чтобы вернее добиться успеха, они снабдили крылья змея «шпорами», то есть приладили к ним поперечную палку, выступающую почти на фут за края бумажного щита, а по концам его прочно привязали под прямым углом еще несколько палок, которые должны были цепляться, как лапы якоря.

Они не жалели трудов, проявляли чудеса изобретательности и сделали всё, что только было в человеческих силах, чтобы обеспечить успех предприятию.

Судьба, видимо, благоприятствовала им — не пришлось слишком долго ожидать. Всего через каких-нибудь два—три дня ветер стал дуть в нужную сторону — именно так, как они хотели. Это был ровный бриз, тянувший в одном направлении и достаточно сильный, чтобы поднять самый большой воздушный змей в мире.

Придя к месту, где стояли лестницы, стали приготовлять змей к полету. Карл должен был запустить и управлять его подъемом, а Каспар и шикари — постепенно отпускать веревку, ибо только соединенными усилиями можно было удержать такую широкогрудую птицу, летящую против ветра.

Они предусмотрительно срéзали все кусты на большой площади против утеса, расчистив себе поле действий; таким образом, ничто не мешало им разматывать веревку.

Уговорились, что Карл будет направлять движение змея и подаст сигнал ко взлету.

Все трое сильно волновались, когда встали на заранее определенные места: Карл со змеем, держа его одной рукой за среднюю планку, а другой за хвост; Оссару, схватившись за веревку; а Каспар рядом с ним, держа моток веревки наготове.

Карл поставил птицу на хвост, с трудом поднял ее на несколько футов над землей и звонким, высоким голосом выкрикнул сигнал.

Тотчас же Каспар и шикари отбежали назад, натягивая веревку, и змей взмыл кверху, словно огромный коршун с распростертыми крыльями. Он поднимался величаво и ровно и вскоре взлетел над соседними деревьями, держа направление к вершинам утесов.

Карл вскрикнул от радости, увидев его удачный взлет. Остальные были слишком заняты каждый своим делом, и им было не до радостных возгласов; лишь когда змей взлетел высоко в небеса и, казалось, взмыл над краем обрыва, Каспар и Оссару ответили на восклицание Карла, выразив свой восторг длительным «ура».

— Теперь отпускай, Оссару! — крикнул Карл, стараясь перекричать ветер. — А ты, Каспар, крепко держи за конец веревки!

Оссару, повинуясь приказанию, отпустил веревку и в тот же миг подбежал к Каспару, чтобы вместе с ним ухватиться за конец.

Отпущенный таким образом змей, как огромная, раненная насмерть птица, ринулся головой вниз; описывая в воздухе спирали и вертя длинным хвостом из стороны в сторону, он устремился к горному склону. Наконец, перемахнув через край утеса, птица скрылась от взглядов людей, которые помогали ей в гордом взлете, а потом дали беспомощно упасть.

До сих пор желания охотников исполнялись как нельзя лучше. Змей опустился именно там, где было нужно.

Но теперь встал вопрос: останется ли он на месте? Иначе говоря, застрял ли он между камнями и удержится ли там?

Если нет, то им придется запускать его снова и снова, до тех пор пока он не застрянет наверху или пока все их попытки не закончатся полным крахом.

Карл шагнул вперед, чтобы выяснить, как обстоит дело, а остальные следили за ним жадным взглядом, в котором отражалось лихорадочное нетерпение.

Рука у Карла слегка дрожала, когда он взялся за веревку. Сперва он потянул ее слегка, осторожно, только чтобы выбрать провис.

Потом веревка начала натягиваться, и нужно было тянуть ее все сильнее, словно змей был еще свободен и волокся по снегу.

Это не обещало ничего хорошего, и по мере вытягивания веревки — фут за футом, дюйм за дюймом — лица наших охотников омрачались.

Но тень, набежавшая на их лица, быстро исчезла, когда веревка вдруг остановилась и натянулась в руках у Карла. Тот дернул ее сначала не слишком сильно, словно опасаясь, что она опять поползет. Потом, убедившись в ее неподвижности, дернул изо всех сил — веревка не подалась ни на дюйм.

Тут Каспар и Оссару также взялись за веревку, и все трое потянули вместе.

Ура! Змей не сдвинулся с места! Веревка больше не подавалась, натянувшись во всю длину, как корабельная ванта.

У всех вырвались радостные восклицания. Некоторое время они стояли, крепко схватившись за веревку, не выпуская ее, словно опасаясь, что она будет вырвана у них какой-то невидимой враждебной силой.

Продолжая натягивать веревку — ибо, ослабив, они могли бы сдвинуть якорь наверху, — они осторожно приблизились вплотную к подножию каменных утесов. И пока Карл с Каспаром крепко держали веревку, Оссару выбрал провис позади них и, несколько раз обмотав веревку вокруг большого камня, надежно ее закрепил. Оставалось лишь сделать ступеньки, закрепить их в нужных местах, затем взобраться на вершину утеса — и они станут свободны, как горный ветер, который будет веять вокруг них!

У всех радостно билось сердце при мысли о близком освобождении, и они стояли вокруг камня, к которому была привязана веревка, поздравляя друг друга, словно уже вырвались из своей «тюрьмы».

Они знали, что еще потребуется немало времени, чтобы сделать и укрепить ступеньки; но так как они больше не сомневались, что смогут подняться наверх, это время пройдет довольно весело. Итак, они вернулись в свою мастерскую в самом лучшем настроении и приготовили себе такой вкусный обед, какой им еще не приходилось есть с того дня, как они обнаружили кусты дафнады.

Глава XLV

ВЕРЕВОЧНАЯ ЛЕСТНИЦА

Понадобился еще день, — причем они работали ножами с утра до ночи, — чтобы приготовить палочки, которые должны были стать ступеньками веревочной лестницы. Их предстояло сделать больше сотни, так как

утес в том месте, где застряла веревка, был высотой более ста ярдов.

Ступеньки решено было помещать на равных расстояниях, примерно в двух футах друг от друга.

Сперва они хотели вставлять ступеньки между прядями, образующими веревку, но потом передумали. Ведь если раздвигать пряди для просовывания палочек, то веревка может растрепаться и легко порваться. Поэтому решили не портить веревку и накрепко привязывать к ней перекладины прочными бечевками. Перекладины будут крепко держаться на месте, тем более что ни одной из них не придется выдерживать целиком всю тяжесть человека, ибо он будет, карабкаясь, хвататься руками за веревку. Таким образом, если даже одна из перекладин и сдвинется с места, это не вызовет несчастного случая.

Весь следующий день они вили бечевки для привязывания перекладин, а на третий день вернулись к утесу, чтобы превратить веревку в веревочную лестницу.

Придуманный ими способ был очень прост. Перекладины накладывались поперек веревки и привязывались так крепко, чтобы не могли выскользнуть. Первую нужно было привязать на уровне пояса человека, вторую — на уровне подбородка. Затем, встав на первую перекладину и держась левой рукой за веревку, можно было привязать следующую, снова на уровне подбородка. Поднявшись на вторую, можно было привязать четвертую еще выше, и так далее, до самой вершины утеса.

Разумеется, никто из них не воображал, что один человек, работая без передышки, сможет привязать все перекладины; не думали они также, что им удастся быстро покончить с этим делом. Напротив, все знали, что эта работа займет несколько дней и что всякому, кто возьмется ее выполнить, будут необходимы длительные перерывы для отдыха. Подолгу стоять на такой ненадежной опоре будет утомительно и неприятно. Им хотелось представить себе все трудности этой работы, прежде чем к ней приступить.

Подойдя к веревке, они тотчас же принялись за дело. Вернее, принялся только один из них, так как эту работу — вероятно, последнюю, которую им придется проделать в этой уединенной долине, — можно было выполнить только поодиночке.

Привязывать перекладины к веревке должен был Оссару, так как он умел обращаться с веревками. Братьям оставалось быть только зрителями и подбадривать шикари своим присутствием и словами.

К счастью, на протяжении тридцати футов перекладины не нужно было привязывать. Подняться на такую высоту без помощи перекладин позволяла одна из ранее сделанных длинных лестниц. Можно было бы подняться и по остальным лестницам, если бы змей занес веревку поближе к ним. К сожалению, этого не случилось, и удалось использовать лишь одну из них.

Водрузив лестницу почти параллельно веревке, Оссару поднялся по ней и, стоя на верхней ступеньке, начал привязывать перекладины. Он захватил их с собой около дюжины, положив вместе с бечевками в сумку, сделанную из полы ситцевого балахона.

Карл с Каспаром, сидевшие на камнях внизу, и Фриц, лежавший у их ног на земле, молча, с напряженным вниманием следили за движениями шикари.

Первые две перекладины Оссару привязал довольно быстро; затем, покинув лестницу и встав обеими ногами на первую поперечину так, чтобы они уравновешивали друг друга и поддерживали ее в горизонтальном положении, он принялся привязывать третью на уровне своего подбородка.

Для такой процедуры требовалась незаурядная ловкость, но Оссару был одарен этим качеством в высшей степени и чувствовал себя на веревке так непринужденно, словно был одной из священных обезьян, которых чтят браманисты.

Всякий другой быстро устал бы, стоя на столь тонкой перекладине, но Оссару привык карабкаться на высокие, статные пальмы, и пальцы его ног приобрели цепкость; маленькой веточки и выступа на стволе дерева или узла на веревке было для него достаточно,

чтобы продержаться несколько минут. Поэтому ему нетрудно было балансировать на уже привязанных перекладинах или подниматься с одной на другую, по мере того как он их привязывал. Он продолжал работать, пока захваченный им запас перекладин не иссяк и сумка не опустела. Тогда, переступая с перекладины на перекладину и осторожно перейдя на деревянную лестницу, он спустился к подножию утеса.

Карл и Каспар могли бы избавить его от спуска, так как им ничего не стоило подняться по лестнице и принести ему новый запас перекладин, но у Оссару для спуска имелась другая причина: ему необходимо было отдохнуть и освежиться.

Он оставался внизу недолго — ровно столько времени, чтобы кровь стала снова циркулировать в его босых ногах, а затем со вздувшейся, наполненной перекладинами сумкой он опять поднялся по лестнице, повис на веревке и вскарабкался по уже привязанным поперечинам. Опустошив сумку, он снова спустился вниз, отдохнул и опять поднялся.

Оссару продолжал работать весь день, причем большой перерыв был сделан для обеда, который Карл с Каспаром, не занятые ничем другим, приготовили очень старательно. Они не уходили в хижину для кулинарных операций. От этого не было бы толку, так как кухонное оборудование в хижине было ничуть не лучше, чем там, где они находились, а в кладовой не было ничего, кроме того, что они уже захватили с собой, то есть козлятины. Но Карл не сидел все это время сложа руки и набрал различных плодов и кореньев, которые послужили отличной приправой к мясу: обед показался восхитительным, ибо все трое уже давно стали неприхотливыми в еде.

После обеда Оссару долго курил свой любимый банг и, подбодрившись, с новой энергией взялся за дело.

Работа шла успешно, и до заката солнца он успел привязать целых пятьдесят ступенек, так что можно было подняться почти на треть всей высоты.

Только темнота положила конец этому тяжелому труду. Исполнитель и зрители направились обратно к

хижине, намереваясь продолжать эту работу на следующий день, причем Карл и Каспар оказывали Оссару такое уважение, словно он был архитектором, а они — простыми каменщиками. Даже Фриц явно считал шикари самым важным лицом в их отряде: всякий раз, как Оссару спускался с утеса, пес «воздавал ему должное», бегая и прыгая вокруг него и упорно заглядывая ему в глаза, словно радуясь, что шикари вскоре их освободит.

По дороге домой Фриц продолжал свои демонстрации, прыгая вокруг шикари так, что иногда мешал ему идти; видимо, пес был убежден, что Оссару — герой дня.

Глава XLVI

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЙ СПУСК

На следующее утро, наспех позавтракав, они вернулись к работе, то есть по-прежнему работал Оссару, а остальные наблюдали.

К несчастью, в этот день погода была неблагоприятной для работы. Дул сильный ветер, налетавший резкими, бурными порывами.

Когда Оссару висел на веревке на высоте нескольких десятков футов, ветер, подхватывая его, относил иногда на несколько футов от утеса и сильно трепал из стороны в сторону, хотя веревка была закреплена с обоих концов.

Страшно было смотреть, как он висит и качается высоко над землей. По временам у зрителей замирало сердце: казалось, вот-вот отважный шикари либо разобьет голову об отвесный утес, либо, сорвавшись с веревочной лестницы, отлетит далеко в сторону, упадет на камни и разобьется вдребезги.

Вначале Карл и Каспар так за него боялись, что нередко кричали Оссару, чтобы он поскорее спустился, а когда он спускался, уговаривали его больше не подниматься, пока ветер не затихнет и опасность не уменьшится.

Однако все уговоры были напрасны. Шикари, привыкший всю жизнь воевать со стихиями, не страшился

их; напротив, бросая вызов опасности, он испытывал какую-то гордость и настоящее наслаждение.

Даже относимый ветром от утеса и качаясь вдоль каменной стены, как маятник гигантских часов, он продолжал затягивать бечевки и закреплять деревянные ступеньки так хладнокровно, словно стоял на твердой земле у подножия скал.

Таким образом Оссару усердно проработал почти до полудня — правда, с обычными перерывами для отдыха, во время которых Карл с Каспаром уговаривали его отложить работу до более благоприятного времени. Фриц ласкался к отважному охотнику и как-то пытливо заглядывал ему в лицо, словно знал, какой опасности подвергается шикари во время работы.

Однако шикари не слушал их уговоров — казалось, он презирал опасность и после отдыха всякий раз без колебаний вновь принимался за свое дело.

И он, наверно, успешно выполнил бы свою задачу, если бы обстоятельства не изменились. Ветер ни за что не стряхнул бы его с веревки, на которой он держался цепко, как паук; будь прочна опора, ему не страшен был бы даже ураган.

Смертельная опасность нагрянула совершенно неожиданно, и за минуту перед тем о ней никто не думал.

Время было около полудня, и Оссару уже удалось сделать ступеньки почти до половины высоты утеса. Он спустился за новым запасом перекладин и, поднявшись по деревянной лестнице, перешел на веревку и начал карабкаться кверху, как это делал уже десятки раз.

Карл и Каспар не отрываясь следили за его движениями, так как, хотя он уже много раз поднимался, опасность всегда ему угрожала и зрелище было поистине потрясающее.

Не успел Оссару перейти с лестницы на веревку, как у него вырвался крик, от которого зрители содрогнулись, так как это был крик ужаса. Они вскоре поняли, какая опасность грозит шикари. Он не по своей воле спускался по веревке вдоль утеса, а веревка ползла вместе с ним; как видно, змей высвободился из камней и под тяжестью Оссару съезжал вниз по снежному склону.

В первый момент казалось, что Оссару спускается медленно; если бы не его крики и не ослабевшая веревка, стоящие внизу не поняли бы, в чем дело. Но уже через несколько мгновений они увидели, какой ужасной опасности подвергается их верный шикари.

Теперь уже не оставалось сомнений, что змей высвободился и вслед за веревкой неуклонно ползет к краю обрыва.

Встретит ли он на пути какую-нибудь преграду или будет продолжать медленно скользить? Или волочащийся по снегу якорь попадет на гладкий склон и быстро скатится вниз? Другими словами, угрожает ли Оссару падение с высоты тридцати футов?

Но зрителям в этот момент было не до рассуждений. Они знали только одно: что их товарищ на краю гибели, а они ничем не могут ему помочь.

С ужасом они заметили, что Оссару скользит все быстрее и быстрее; порой он двигался плавно, иногда резко срывался вниз и наконец оказался футах в двадцати над землей. У них блеснула надежда, что, если он таким образом опустится еще на несколько ярдов, опасность минует, но как раз в этот момент над краем утеса показалась широкая грудь змея, и он, как огромная птица, спрыгнул со скалы и взмыл над долиной.

Оссару, все еще висевшего на веревке, отнесло на несколько футов от утесов, но его тяжесть, к счастью, превысила сопротивление, какое оказывал воздух широкой поверхности змея, не то шикари подняло бы еще выше. И перевес этот был настолько мал, что не вызвал слишком быстрого падения.

Как бы то ни было, Оссару опустился плавно, как голубь, встал на ноги и выпрямился во весь рост, как Меркурий [1] на вершине «поднебесной горы».

Ощутив под своими ногами твердую почву, шикари упруго отскочил в сторону и отшвырнул от себя веревку, словно это было раскаленное железо.

Оказавшись на свободе, огромный змей стал метаться по ветру из стороны в сторону, с каждым поворотом

---

[1] Меркурий — вестник олимпийских богов.

спускаясь все ниже и ниже, — наконец, собрав остаток сил, обрушился на Оссару, как гигантская хищная птица на свою жертву.

Шикари едва успел отскочить в сторону, счастливо избегнув удара, который наверняка раскроил бы ему череп.

Глава XLVII

ЗМЕЙ УЛЕТЕЛ

Чудесное спасение Оссару так обрадовало братьев, что они не слишком досадовали на свою неудачу со змеем, тем более что считали беду поправимой. Вероятно, виной всему был ветер, поднявший змей с того места, где он застрял, и отцепивший его от камней или других предметов, которые его задерживали.

Охотники не сомневались, что им удастся снова запустить змей и закрепить, как раньше, и это позволило им довольно легко перенести свою неудачу.

Так как ветер в этот день дул не в том направлении, какое им было нужно, они решили отложить следующую попытку до более благоприятного случая, а чтобы змей не испортился от дождя, его подняли и вместе с веревкой унесли в хижину.

Прошло около недели, прежде чем подул благоприятный для них ветер, но охотники не сидели в бездействии. Допуская, что им придется пробыть еще некоторое время в этой долине, они решили пополнить запасы провизии и охотились целые дни напролет: им не хотелось трогать заготовленное впрок мясо каменного козла, которого оставалось еще довольно много.

Охотники совсем не пользовались ружьями. Последние заряды еще оставались в стволах, но их надо было сохранить на тот случай, если больше нельзя будет добывать пищу другими способами.

Теперь у них была твердая уверенность, что они выберутся из своей «тюрьмы», и порой они уже воображали, как будут спускаться с гор, и говорили, что придется держать ружья наготове, так как на обратном

Как огромная птица, змей взмыл над долиной.

пути можно встретить крупных зверей. Они знали, что в долине вполне можно обойтись без ружей, достаточно было лука Оссару. Звон его тетивы то и дело раздавался в лесу, и стрела шикари пронзала грудь какой-нибудь прекрасной птицы: павлина, фазана-аргуса или красивого китайского гуся, каких было немало на озере.

Сети и удочки у Оссару также не оставались без дела. Рыба попадалась различных сортов и превосходного качества. Одна порода рыб встречалась в несметном количестве. Это были крупные угри; вода прямо кишела ими, и стоило забросить крючок с червем, чтобы мгновенно вытащить угря добрых шести футов длиной.

Так как угри им не нравились, они не слишком часто занимались их ловлей. Но все же приятно было сознавать, что этих скользких тварей такое неисчерпаемое множество и, если даже все прочие ресурсы иссякнут, они всегда будут обеспечены обильной, здоровой пищей.

Наконец подул благоприятный ветер, и змей снова перенесли на то же место, что и раньше. Его опять запустили, и он точно так же взвился и зареял над утесом, а когда веревку отпустили, упал на горный склон.

Они порадовались такому удачному началу, но — увы! — вскоре их постигло горькое разочарование.

Потянув веревку, они увидели, что якорь не зацепился. Веревка без сопротивления поползла назад; чувствовалось, что ее лишь слегка тормозит трение о край утеса и тяжесть змея, скользившего по снежному склону.

Они осторожно вытягивали веревку фут за футом, ярд за ярдом, пока над краем утеса не появилась широкая, изогнутая дугой грудь бумажной птицы.

Снова запустили змея в воздух; опять веревка была отпущена, пока птица не поднялась на всю длину своей привязи, и снова ей дали упасть.

Затем веревку потянули вниз — и она опять стала подаваться, и вновь светлая дуга появилась над краем утеса, четко вырисовываясь на фоне синего неба, но это была не радуга, символ доброй надежды, а скорее символ разочарования и досады.

Опять взлет — опять неудача... опять и опять. Все трое уже теряли терпение и выбивались из сил.

Ведь это была не игра. Они запускали змей не для забавы, — запускали его, чтобы вырваться на свободу, и все трое были кровно заинтересованы в удаче, ведь от этого зависела их жизнь.

Но силы и терпение их явно подходили к концу. Все же сдаваться было нельзя, и они продолжали свои попытки, хотя с каждой неудачей у них оставалось все меньше и меньше надежд.

Больше двадцати раз подряд запускали они змея и подтягивали его к краю утеса, причем делали это в разных местах.

Но всякий раз результат был один и тот же. Птица упорно не хотела вцепиться когтями в скалы, в ледяные глыбы или в кучи мерзлого снега, которыми был усеян горный склон.

Наши искатели приключений никак не могли понять, чем вызваны все эти неудачи, — ведь в первый раз змей сразу же зацепился; если бы он не зацепился ни разу, они, пожалуй, пришли бы к убеждению, что план невыполним, и отказались бы от дальнейших попыток. Но достигнутый ими с самого начала успех был залогом того, что успеха можно добиться еще раз, и они убеждали друг друга продолжать попытки.

Еще добрых шесть раз запускали они змей, но фортуна по-прежнему от них отворачивалась, и они прекратили попытки, оставив бумажную птицу на краю утеса; казалось, она сидела там, готовясь к новому полету.

К этому времени у змея был уже весьма потрепанный вид — оперение его сильно пострадало от острых скал и ледяных глыб. Когда он взлетал, в его щите светилось немало дыр, и его полет уже не был величав, как прежде. В скором времени предстояло его починить. Наши охотники на несколько минут прервали свою работу, чтобы обсудить, когда можно будет заняться починкой и следует ли попытаться запустить змей в другом месте.

Бросив с досады веревку на землю, все трое отошли от нее на несколько шагов и стояли в тяжелом раздумье. На этот раз они и не подумали закрепить веревку, ибо никому не приходило в голову, что рискованно оставлять ее непривязанной.

Они поняли свою ошибку слишком поздно — когда увидели, что веревка вдруг дернулась кверху, словно притянутая незримой рукой.

Все трое кинулись ее ловить, но опоздали. Конец веревки болтался уже на такой высоте, что самый рослый из них, даже встав на цыпочки, не мог дотянуться до нее.

Оссару высоко подпрыгнул, стараясь поймать веревку. Каспар кинулся за длинным шестом, надеясь ее зацепить, а Карл быстро поднялся на приставленную к утесу лестницу, близ которой болталась веревка.

Но все усилия оказались напрасными. Секунду или две конец веревки висел, вздрагивая, у них над головой, словно дразня неудачников; потом будто незримая рука вновь дернула за веревку — она быстро поднялась кверху и вскоре исчезла за гребнем утеса.

Глава XLVIII

БУМАЖНЫХ ДЕРЕВЬЕВ БОЛЬШЕ НЕТ

В исчезновении веревки не было ничего таинственного. Змея больше не было видно на вершине утеса. Ветер унес его, а вместе с ним, конечно, и веревку.

Когда первый момент изумления миновал, охотники обменялись взглядами, в которых сквозило нечто большее, чем разочарование. Сколько бы раз змей ни отказывался зацепиться, один раз он уже держался крепко, и было естественно предположить, что это снова ему удастся. К тому же в некоторых местах каменная стена была даже ниже, чем там, где они делали попытки, и это давало им шансы на успех. Словом, все говорило за то, что, не упусти они змея, рано или поздно им удалось бы выбраться из этой скалистой «тюрьмы» по веревочной лестнице; но теперь всякая возможность была потеряна, унесена дуновением ветра.

Вы можете подумать, что это несчастье не было непоправимым. Можно соорудить еще один змей, скажете вы, и из такого же материала, из какого был сде-

лан улетевший. Но утверждать это — значит говорить, не зная всех обстоятельств.

Эта мысль уже возникала у охотников, когда они заметили, что змей с каждым разом все больше рвется и приходит в негодность.

— Нам нетрудно будет сделать второй, — сказал Каспар.

— Нет, брат, — ответил Карл, — боюсь, что нам это не удастся. У нас осталось достаточно бумаги, чтобы починить змей, но не хватит на второй.

— Но ведь мы можем сделать новый запас бумаги, не правда ли? — настаивал Каспар.

— Нет, — ответил Карл, покачав головой, — нам это не удастся — ни одного листа!

— Но почему же? Ты думаешь, что больше нет кустов дафнады?

— Думаю, что нет. Ты ведь помнишь, мы ободрали все, какие были в той заросли, а потом, предполагая, что нам понадобится еще бумага, я обошел всю долину и обследовал ее вдоль и поперек, но не нашел ни кустика дафнады. Я почти уверен, что их больше нет.

Разговор о бумаге происходил задолго до потери змея. Когда это случилось, они уже знали, что нельзя будет сделать змей: потеря была невозместима.

В какую сторону улетел змей? Разве ветер не мог протащить его вдоль утесов и снова сбросить в долину?

На это можно было надеяться, и все трое отбежали от утеса, чтобы получше разглядеть вершину обрыва.

Долго стояли они, надеясь увидеть, как большая бумажная птица возвращается к месту своего рождения. Но она не вернулась, и наконец они убедились, что никогда не вернется. В самом деле, приостановившись, чтобы определить направление ветра, они увидели, что змей никак не может вернуться. Ветер дул от утесов, по направлению к снежным склонам. Несомненно, змей был унесен вверх по склону и либо перелетел через гору, либо застрял где-нибудь в глубокой расселине, откуда ветер уже не сможет его поднять. Во всяком случае, было ясно, что и змей и веревка навсегда для них потеряны.

— Ах, какое несчастье! — с досадой воскликнул Каспар, убедившись, что змей потерян безвозвратно. — Горькая наша судьба!

— Нет, Каспар, — с упреком сказал ему Карл, — не вини судьбу в том, что сейчас случилось. Я согласен, что это большое несчастье, но ведь мы сами во всем виноваты. Только по своей небрежности мы лишились змея, а вместе с ним, быть может, и последней возможности вырваться на свободу.

— Ты прав, — ответил Каспар, и в голосе его прозвучало раскаяние, — это наша вина, и мы наказаны по заслугам... Но уверен ли ты, Карл, — продолжал он, возвращаясь к прежнему разговору, — вполне ли ты уверен, что в долине больше не осталось бумажных деревьев?

— Я не стану утверждать, что их больше нет, — ответил охотник за растениями, — но боюсь, что это так. Мы сможем ответить на этот вопрос, когда тщательно обследуем долину. Быть может, найдется какое-нибудь другое растение, которое тоже пригодится для этой цели. В Гималайских горах растет береза, встречающаяся и в Непале, и в Тибете. Береста с нее снимается широкими полосками и пластами, которых бывает не меньше восьми, каждый толщиной с лист писчей бумаги, и эти пласты вполне могут заменить ее...

— Как ты думаешь, она годится для змея? — прервал его Каспар.

— Я в этом уверен, — ответил ботаник. — Эти пласты даже прочнее, чем бумага из дафнады, и если бы я надеялся найти здесь эту березу, то предпочел бы сделать змея именно из ее коры. Но мы едва ли ее найдем. Я не встречал здесь ни одной березы, и мне известно, что большинство разновидностей берез предпочитает более холодный климат, чем в этой долине. Весьма возможно, что она растет где-нибудь высоко в горах, но нам до нее все равно не добраться... Но не будем отчаиваться, — добавил он, стараясь казаться веселым, — может быть, она попадется нам здесь, а если не она, то еще одна заросль дафнады... Пойдемте на поиски!

По правде сказать, у Карла было мало надежды на

успех. И в самом деле, потратив на поиски целых три дня, обшарив вдоль и поперек всю долину, им не удалось разыскать ни столь желанной им березы, ни милой их сердцу дафнады, ни какого-нибудь другого вида дерева, из которого можно было бы приготовить бумагу.

Итак, больше нечего было думать о змее, и мало-помалу их мысли приняли другой оборот.

Глава XLIX

ВОЗДУХОПЛАВАНИЕ

Едва ли можно говорить о бумажном змее, не думая о другом, более крупном летательном аппарате — воздушном шаре.

Карл уже давно о нем думал; думал и Каспар, так как змей в одно и то же время внушил эту мысль им обоим.

Вы спросите, почему же они оставили ее и не пытались осуществить, — ведь шар мог бы вынести их из горной «тюрьмы» гораздо скорее, чем змей!

Но они не оставляли мысли о воздушном шаре, во всяком случае Карл, который тщательно обдумывал этот вопрос. Каспар вскоре охладел к этому плану, решив, что им не удастся сделать шар, а Карла останавливало лишь отсутствие материала. Он думал, что, если бы у них был подходящий материал, он сумел бы сделать шар, правда самый простой, но все же вполне пригодный для их цели.

Пока они были заняты бумажной птицей, он продолжал обдумывать этот проект, так как, по правде сказать, не слишком-то надеялся на успех змея.

Долго и напряженно думал он о воздушном шаре, стараясь припомнить все, что ему было известно по аэростатике, и мысленно проверял все доступные им материалы и предметы, надеясь обнаружить что-нибудь, из чего можно было бы соорудить шар.

К сожалению, ему не удавалось придумать ничего подходящего. Бумага из дафнады, будь ее даже много,

все равно не годилась бы, так как даже самая плотная бумага не обладает достаточной прочностью, и, если сделать из нее большой шар, рассчитанный на подъем значительного груза, он не выдержит давления атмосферы. Но о бумаге вообще не могло быть речи, ибо ее оставалось очень мало. Из чего же, в таком случае, сделать оболочку шара?

Карлу было известно, что воздушный шар должен быть непроницаем для воздуха. Сперва он подумал о шкурах животных, но те шкуры, которые можно было достать в нужном количестве, не годились, будучи слишком толстыми и тяжелыми. Правда, кругом росло множество конопли, из которой удалось бы соткать ткань и пропитать ее смолой, потому что в долине было несколько видов изобилующих смолой деревьев. Но еще вопрос: удастся ли им сделать из конопли ткань, достаточно легкую и после просмаливания? Во всяком случае, пришлось бы долго упражняться в ткацком искусстве, прежде чем они добились бы нужного результата. Итак, не приходилось надеяться на успех; об этом плане не стоило серьезно думать, и Карл отказался от него.

Это было еще до опыта со змеем, так неудачно окончившегося. Но теперь, когда все надежды на змей рухнули, мысль о шаре снова засела у него в мозгу; явилась она и Каспару; и братья впервые заговорили на эту тему.

— Мы можем наделать сколько угодно веревок, — заметил Каспар, — но они будут бесполезны, раз у нас не из чего сделать большой шар. Его делают из шелка, не правда ли?

— Да, — ответил Карл, — шелк — самый подходящий для него материал.

— Почему? — спросил Каспар.

— Потому, что он обладает тремя ценными качествами: легкостью, прочностью и плотностью; он значительно плотнее всех других тканей.

— А из чего еще можно сделать покрышку шара?

— О, небольшой шар, способный поднять лишь незначительный груз, можно сделать из различного мате-

риала, даже из бумаги. Такой шар выдержит груз в несколько фунтов — например, кошку или собаку. И в некоторых странах находились такие жестокие люди, которые отправляли этих тварей в воздушное путешествие, нимало не заботясь об их дальнейшей судьбе.

— Конечно, это было очень жестоко с их стороны,— согласился Каспар, который, хотя и был охотником, далеко не отличался жестокостью. — Таких людей самих следовало бы заставить летать на бумажном шаре.

— Да, если бы бумажный шар мог их поднять, но, к сожалению, он не выдерживает тяжести человека. Даже будь у нас неограниченный запас бумаги, она бы нам не пригодилась. Нам нужен более прочный и тонкий материал.

— Не придумать ли нам что-нибудь? Попробуем, Карл!

— Ах, милый брат, я день и ночь ломаю голову, и все напрасно! В этой долине нет ничего подходящего для нашей цели.

— Может быть, годится парусина? Ты о ней думал?

— Думал. Она слишком груба и тяжела.

— Но мы постараемся сделать ее достаточно легкой. Можно выбрать самые тонкие конопляные волокна, выпрясть и соткать их самым тщательным образом. Оссару в этом отношении — настоящая Омфала. Ручаюсь, что за прялкой он превзойдет самого Геракла [1].

— Однако, — не без удивления воскликнул Карл,— сегодня ты разглагольствуешь, как какой-нибудь классик! Откуда ты знаешь историю Геракла? Ведь тебя никогда не видали в стенах университета.

— Ты забываешь, Карл, что сам занимался со мной классическими предметами. Впрочем, должен признаться, эти знания мне не пригодились в жизни, и я прибегаю иногда к ним лишь для украшения речи. Думаю, что и впредь от них не будет никакого толку.

— Я с тобой согласен, Каспар,— ответил ботаник,— и не стану защищать классическое образование. Прав-

[1] Омфала — мифическая царица Лидии, у которой три года прожил легендарный герой Геракл и прял вместе с ее рабынями.

да, я познакомил тебя с мифологией, но в ту пору у нас с тобой было много свободного времени, иначе я бы не стал этим заниматься. Ты уже знаешь мое мнение на этот счет — я убежден, что от изучения классической древности для мыслящего человека не больше пользы, чем от китайской мнемоники. Я только даром потратил время на изучение мертвых языков, и все приобретенные мною знания не поднимут нас ни на фут. Ни Юпитер, ни Юнона не помогут нам выйти из положения, и мое знакомство с Меркурием не даст нам крыльев. Итак, оставим мифологию и посмотрим, не помогут ли нам научные знания. У тебя изобретательный ум, Каспар. Не придумаешь ли ты, из чего бы нам сделать непроницаемую для воздуха оболочку шара? Конечно, я имею в виду доступный нам материал.

— Но сможешь ли ты сделать шар, если у тебя будет нужный материал? — спросил Каспар, которому все еще не верилось, чтобы такой чудесный аппарат мог соорудить кто-нибудь другой, кроме опытного аэронавта.

— Ба! — возразил философ. — Сделать шар ненамного труднее, чем мыльный пузырь. Возьми мешок из непроницаемого для воздуха материала, надуй его горячим воздухом — вот тебе и воздушный шар! Весь вопрос в том, какую тяжесть он может поднять, включая материал, из которого сделан.

— Но как же ты наполнишь шар горячим воздухом?

— Очень просто: внизу шара сделаю отверстие и разведу под ним костер.

— Но ведь воздух быстро остынет!

— Да, и тогда шар упадет на землю, так как находящийся в нем воздух, остыв, сделается таким же тяжелым, как и наружный. В самом деле, — продолжал философ, — ты знаешь, что горячий воздух гораздо легче холодного; вот почему шар, наполненный горячим воздухом, поднимается кверху, пока не достигнет такой высоты, где окружающий его разреженный воздух не тяжелее заключенного в нем. Дальше он не может подниматься, и вес оболочки заставит его упасть. Пред-

ставь себе плавающий пузырь или закупоренную бутылку, погруженную в воду, и ты поймешь, как это происходит.

— Я и так понимаю, — возразил Каспар, несколько обиженный тем, что ученый брат говорит с ним, как с ребенком. — Но я думал, что необходимо постоянно поддерживать огонь в очаге, который находился бы в корзинке, подвешенной к шару. Ну, а если бы у нас был шелк и мы сделали большой шарообразный мешок, то где найти железо, чтобы сделать очаг?

— Нам не понадобится очаг, о котором ты говоришь. Он необходим лишь в том случае, если шар должен оставаться довольно долго в воздухе. А если требуется лишь кратковременный подъем, то достаточно наполнить шар горячим воздухом, и он взлетит. Собственно говоря, нам только это и нужно. Даже если бы нам понадобилось поддерживать огонь в очаге, подвешенном к шару, я полагаю, тебе ничего не стоит изобрести что-нибудь в этом роде.

— Ну, я не вполне уверен, что это бы мне удалось... А как бы ты вышел из положения?

— Да сделал бы обыкновенную корзину и обмазал ее глиной. Она держала бы огонь не хуже железного или чугунного очага и вполне пригодилась бы. Но в настоящее время не пользуются огнем для надувания шаров. Горючий газ более пригоден для этой цели; но так как его у нас нет, то нам пришлось бы прибегнуть к старому способу — тому самому, какой применили братья Монгольфье, изобретатели воздушного шара.

— Значит, ты думаешь, что можно обойтись без очага и вся задача в том, чтобы сделать из необходимого материала большой шарообразный мешок и наполнить его горячим воздухом?

— Да, — ответил Карл. — Придумай что-нибудь, и я обещаю тебе сделать шар.

Каспар охотно принял вызов брата и долго сидел молча, погрузившись в размышления. Он перебирал в уме всевозможные материалы, какие только можно было найти в долине.

— Ты говоришь, он должен быть легким, непроницаемым и прочным? — спросил он через некоторое время, видимо имея в виду какой-то материал.

— Легким, непроницаемым и прочным, — подтвердил Карл.

— Последние два качества налицо, — продолжал Каспар, — я сомневаюсь только насчет первого.

— А что это? — живо спросил Карл, видимо заинтересованный словами брата.

— Шкурки угрей, — был лаконичный ответ.

Глава L

КОЖАНЫЙ ШАР

— Да, шкурки угрей, — повторил Каспар, видя, что Карл не спешит высказать свое мнение. — Как ты думаешь: они годятся?

Карл чуть было не воскликнул: «Это как раз то, что нужно!», но что-то заставило его удержаться от такого высказывания.

— Может быть, может быть... — сказал он, видимо обдумывая этот вопрос, — вполне возможно, и все же я боюсь...

— Чего ты боишься? — спросил Каспар. — Ты думаешь, они недостаточно прочны?

— Они достаточно прочны, — возразил Карл. — Я не этого боюсь.

— Но ведь воздух не пройдет сквозь шкурку угря?..

— Дело не в этом.

— Ты думаешь, он пройдет сквозь швы? Но Оссару сошьет их не хуже любого сапожника.

Шикари был мастер на все руки, Карл знал это. Видимо, он опасался чего-то другого.

— Так ты имеешь в виду их вес? — снова спросил Каспар.

— Вот именно, — ответил Карл. — Боюсь, что они окажутся слишком тяжелыми. Принеси-ка одну, Оссару, посмотрим.

Шикари поднялся с камня, вошел в хижину и вскоре вернулся, неся какую-то длинную сморщенную ленту, — это и была высушенная шкурка угря.

В хижине их было немало, так как охотники тщательно сохраняли шкурки всех пойманных ими угрей, — что-то подсказывало им, что эти шкурки когда-нибудь понадобятся.

И на этот раз мудрая предусмотрительность сослужила им службу.

Карл взял шкурку и положил на ладонь, пытаясь определить ее вес.

Каспар следил за выражением лица брата и ждал, что он скажет, но Карл выразил свои мысли лишь покачиванием головы; это, по-видимому, означало, что он отвергает шкурку угря.

— Их можно сделать гораздо более легкими, брат,— предложил Каспар, — надо их выскоблить. А потом, почему бы их не прокипятить, тогда они станут еще легче. Кипячение удалит из них все маслянистые, жировые вещества.

— Ты дело говоришь, — ответил Карл, которому понравилось предложение брата. — Если их как следует прокипятить, они станут значительно легче. А ну-ка, попробуем...

С этими словами Карл направился к кипящему источнику и погрузил шкурку в воду.

Она оставалась там с полчаса. Затем ее вынули, выскоблили ножом и расстелили на камне, чтобы просушить на солнце.

Все терпеливо ждали, пока просохнет шкурка. Их так волновал вопрос, будут ли пригодны шкурки, что не хотелось заниматься ничем другим.

Наконец шкурка просохла, и можно было приступать к испытанию. Карл снова положил ее на ладонь.

Даже на таких несовершенных весах он сразу обнаружил, что шкурка стала значительно легче, и по глазам философа было видно, что теперь ее вес кажется ему более подходящим.

Все же он не питал особых надежд и высказался весьма сдержанно:

— Вполне вероятно. Что ж, попытка не пытка. Итак, попробуем...

«Попробуем» означало: «сделаем шар». Товарищи, не возражая, приняли его предложение.

Решено было тотчас же приступить к этой сложной работе.

Хотя шкурок было много, их не хватило бы на оболочку шара, — поэтому Оссару взялся за свои лески и крючки, чтобы наловить еще несколько сот угрей. Карл мог сказать, сколько их потребуется, — вернее, приблизительно определить нужное количество. Он задумал шар двенадцати футов в диаметре, так как знал, что шар меньших размеров не поднимет и одного человека. Разумеется, Карл умел вычислить, чему будет равна поверхность шара диаметром в двенадцать футов. Для этого достаточно было умножить диаметр на длину окружности, или квадрат диаметра на постоянное число 3,1416 (или определить поверхность описанного цилиндра, или же учетверенную поверхность большого круга шара).

Любым из этих способов можно было получить правильный результат.

Сделав вычисления, он нашел, что поверхность шара диаме́тром в двенадцать футов равна четыремстам пятидесяти двум квадратным футам и нескольким дюймам. Итак, на его оболочку потребуется четыреста пятьдесят два квадратных фута шкурок угря.

Так как угри были крупные — в среднем длиной более ярда и четырех дюймов в окружности, — то в распластанном виде шкурка занимала площадь, равную примерно одному квадратному футу. Принимая во внимание, что будут попадаться и небольшие шкурки, и учитывая, что придется отрезать головы и хвосты, Карл вычислил, что на оболочку шара пойдет пятьсот шкурок. Но так как их приходилось срезать наискось, чтобы получить шаровую поверхность, то могло потребоваться еще больше, а потому Оссару должен был держать свои снасти в воде, пока не наловит достаточного количества угрей.

Оссару была поручена еще одна работа, отнимав-

шая у него больше времени, чем ловля угрей (за удочками приходилось лишь время от времени приглядывать): предстояло выпрясть нитки для сшивания шкурок, и это была сложная, кропотливая работа, ибо нити должны были быть тонкими и прочными. Как сказал Каспар, Оссару искусно владел веретеном, и из-под его ловких пальцев уже вышло несколько больших мотков тончайших ниток.

Покончив с нитками, Оссару принялся за бечевки и за более толстые веревки, которые были необходимы, чтобы подвесить гондолу и удерживать шар, когда он будет готов к полету.

Каспару приходилось обдирать угрей, затем выскабливать шкурки, кипятить их и просушивать, а Карл, взявший на себя роль главного инженера, следил за всеми работами, занимался окончательной отделкой материала и выкраивал из шкурок полоски, которые следовало потом тщательно стачать.

Карл совершил также экскурсию в лес и принес большое количество смолы, которую извлек из дерева, принадлежащего к породе фикусов; эта смола — своего рода каучук и содержится в различных видах фикуса, растущих в нижних Гималаях. Он знал, что это вещество потребуется для проклейки швов, чтобы сделать их непроницаемыми для воздуха.

В таких делах прошло около недели. Наконец они решили, что у них уже достаточно всех этих материалов, и Оссару принялся стачивать шкурки. К счастью, у них имелись иголки, так как охотники за растениями, отправляясь в экспедицию, непременно берут их с собой.

Ни Карл, ни Каспар не владели этими острыми орудиями — и шитье было поручено Оссару. Прошла еще неделя, прежде чем он закончил эту сложную работу скорняка.

Наконец огромный мешок был готов, но его следовало еще просмолить. На это ушел один день. Теперь оставалось лишь прикрепить «лодку», или «гондолу», которая должна понести их в отважном полете в «лазурные поля небес».

Глава LI

ПОДГОТОВКА К ПОЛЕТУ

Из всех троих один Карл был немного знаком с аэростатами и имел некоторое понятие о том, как их надувают. Если бы им предстояло лететь долгое время, то понадобился бы прибор для поддержания огня. Карл уже давно его придумал: плетеная корзинка, обмазанная глиной, могла заменить очаг; но так как нужно было лишь взлететь на вершину утеса, то не требовалось поддерживать огонь, достаточно было лишь наполнить шар горячим воздухом, поэтому никто не думал об очаге.

Корзина для пассажиров, называемая иногда гондолой, в большинстве случаев имеет вид лодки, и если бы они собирались в продолжительный полет, ее изготовление заняло бы немало времени; но в данном случае можно было ограничиться глубокой плетеной корзиной, подвешенной на веревках. Она была уже готова, и оставалось лишь прикрепить ее к дну огромного мешка.

В данном случае «дно мешка» — лишь риторический оборот. По существу говоря, никакого дна не было; вместо него было круглое отверстие, обрамленное прочным кольцом из бамбука ригалл, к которому была пришита кожаная оболочка; к этому кольцу предстояло прикрепить веревки для подвешивания корзины и канат для удерживания шара.

Легко понять назначение этого отверстия. Сквозь него внутрь шара должен поступать горячий воздух.

Но как получить горячий воздух? На этот вопрос мог ответить один Карл. Правда, воздух можно нагреть, разведя костер, но как наполнить им мешок? Способ был известен только Карлу. И теперь, когда пришло время проделать эксперимент, он наконец соблаговолил объяснить своим помощникам, что именно он собирается сделать.

Мешок следовало подвесить, прикрепив к высоким, воткнутым в землю шестам, так чтобы нижний конец с отверстием находился над землей. Непосредственно под отверстием нужно было развести костер, но лишь тогда,

когда все остальное будет готово. Горячий воздух, поднимаясь к отверстию, войдет в мешок и раздует его, придав шарообразную форму. Если впустить еще больше горячего воздуха, весь холодный будет вытеснен, шар станет легче наружного воздуха, и давление атмосферы заставит его подняться кверху. Охотники ожидали, что все так и произойдет, — они на это надеялись.

По правде сказать, сам «инженер-конструктор» далеко не был уверен в успехе, у него была лишь смутная надежда. Он отлично видел, что даже после тщательной обработки шкурки угрей были тяжелее шелка, и вполне допускал, что их опыт может и не удаться. Карла тревожило и другое обстоятельство, которое могло помешать шару подняться. Он не забывал, что их долина находится на высоте почти десяти тысяч футов над уровнем моря. Ему было известно, что на такой высоте воздух весьма разрежен и что шар, на уровне моря легко поднимающийся на несколько тысяч футов, может и не подняться над землей, если его перенести на вершину горы высотой в десять тысяч футов. Все это сильно тревожило молодого философа, и он не питал особых надежд на успех своего предприятия.

Он с самого начала хорошо понимал положение вещей и несколько раз был готов отказаться от этого проекта. Но он недостаточно знал законы аэродинамики, чтобы убедиться в том, что их постигнет неудача, и продолжал работать, упорно добиваясь успеха.

Так обстояло дело в тот день, когда должен был впервые взлететь их большой воздушный корабль.

Все было готово с раннего утра. Огромный мешок помещен между шестами; к нему подвешена гондола и прикреплены канаты, которые должны удерживать шар на месте; другим концом они привязаны к прочным колышкам, глубоко вбитым в землю, а под шаром сложен из камней небольшой очаг для костра.

Топливо для костра было заранее заготовлено на этом месте. Но это не было ни дерево, ни хворост; правда, пригодиться могло бы то и другое, но Карл предпочел иной материал. Он вспомнил, что Монголь-

фье и другие воздухоплаватели до изобретения светильного газа применяли для надувания шаров рубленую солому и шерсть, считая это самым подходящим веществом. Карл решил следовать их примеру и заготовил рубленой травы вместо соломы, а вместо бараньей шерсти собрал в большом количестве шерсть каменного козла и других убитых животных — драгоценную шалевую шерсть Кашмира.

Гондола, представлявшая собой глубокую корзину, имела в поперечнике не более трех футов. Там, конечно, не могли поместиться трое пассажиров да еще большая собака, ибо, разумеется, Фрица не собирались здесь оставлять. Верный пес слишком долго разделял участь охотников, чтобы его можно было покинуть на произвол судьбы.

Но гондола вполне соответствовала своему назначению, ибо она была рассчитана только на одного человека.

Карл отлично знал, что шар не сможет поднять сразу всех троих, так как их общий вес превышал четыреста фунтов. Он был бы счастлив, если бы удалось подняться хоть одному из них. Только бы высадиться на вершине утеса, тогда воздушный корабль можно бросить! Совершив это путешествие, шар может совершить и другое — направиться либо на юг, в Калькутту, либо на восток, в Гонконг, если ему больше нравится Китай.

В самом деле, если одному из них удастся подняться на утес, то он сможет быстро переправиться через горы, дня через два добраться до одного из туземных селений, какие встречались им по пути в долину, и в скором времени привести спасательный отряд с веревочными лестницами.

Даже если бы и нельзя было рассчитывать на постороннюю помощь, они все равно вышли бы из положения. Пусть лишь один из них поднимется на утес — и он спустит веревочную лестницу, чтобы могли подняться и его товарищи.

Легко догадаться, что роль воздухоплавателя взял на себя Оссару. Шикари сам вызвался совершить опас-

ный подъем; товарищи охотно приняли его предложение. Не потому, что они боялись за свою жизнь — оба уже не раз доказали свою храбрость, — но Оссару мог лучше других справиться с этой задачей: выбравшись из долины, он быстро спустится с гор, дойдет до ближайшего селения и сумеет объясниться с туземцами на их родном языке, растолковав им, какая от них требуется помощь.

Глава LII

ЕЩЕ ОДНА НЕУДАЧА

Наконец наступила решительная минута. Всеми владела одна мысль: выдержит ли испытание их воздушный корабль?

Все трое стояли перед кучкой травы и шерсти, которую оставалось только поджечь.

Карл держал в руке пылающий факел. У Каспара в руках была толстая веревка, и он должен был удерживать шар от слишком быстрого подъема. А Оссару с дорожным мешком за плечами стоял у гондолы, готовый в нее вскочить.

Увы! Как обманчивы людские предположения! Самые точные расчеты иной раз оказываются ошибочными, а в данном случае не могло быть и речи о непредвиденной ошибке, ибо с самого начала Карл сомневался в успехе и теперь был скорее разочарован, чем обманут в своих надеждах.

Оссару не суждено было сесть в плетеную корзину и совершить подъем на воздушном шаре.

Карл прикоснулся факелом к кучке рубленой травы и шерсти.

Вспыхнуло пламя, взвился дым, стебельки быстро обуглились; подбросили еще топлива — костер ярко разгорелся. Горячий воздух проникал в отверстие, раздувая мешок, который мало-помалу принимал шарообразную форму.

Еще миг — и шар дрогнул и стал метаться из стороны в сторону, как огромный раненый зверь. Он под-

нялся на несколько дюймов над землей, упал, снова взлетел, опять упал и продолжал подпрыгивать, но — увы! — ему ни разу не удалось поднять корзину хотя бы на высоту человеческого роста.

Карл снова и снова подбрасывал в костер рубленую траву и пучки шерсти, но все было напрасно. Шар был наполнен доотказа горячим воздухом, и, если бы они находились на уровне моря и оболочка была из более легкого материала, он мог бы взлететь на огромную высоту.

Итак, все их усилия оказались напрасными. Гигантский шар не мог подняться и на шесть футов над землей. Ему не поднять бы даже кошку — не то что человека. Словом, их постигла еще одна неудача, увеличив и без того длинный список горьких разочарований.

Более часа поддерживал Карл огонь в костре. Он даже пробовал жечь ветки смолистой сосны, надеясь, что сможет заставить шар подняться ввысь, но от этого не было никакого толку. Шар подпрыгивал, как и прежде, но упорно отказывался взлететь.

Наконец терпение истощилось, и, окончательно потеряв надежду, инженер отвернулся от аппарата, который стоил им таких огромных трудов. С минуту он стоял в нерешительности. Потом тяжело вздохнул, сожалея о потраченных даром усилиях, и медленно, с поникшей головой побрел прочь. Каспар вскоре последовал за братом, также испытывая жестокое разочарование.

Но Оссару расстался с надутым чудовищем по-другому. Подойдя к шару, он несколько секунд молча смотрел на него, словно скорбя о том, что ему пришлось так долго корпеть над ним понапрасну, и, выкрикнув фразу, означавшую: «Ни к черту не годен — ни на земле, ни в воде, ни в воздухе!», он с такой яростью пнул шар ногой, что туго натянутые шкурки лопнули по швам. Шикари гневно отвернулся и ушел, бросив бесполезную махину на произвол судьбы. Участь шара была весьма печальна. Не успели наши горе-воздухоплаватели отойти, как находившийся в нем воздух начал остывать, огромный шар стал морщиться, сжи-

маться и наконец грузно осел на сосновые угли, еще тлевшие под ним. В следующий миг просмоленные по швам шкурки, веревки и деревянные части вспыхнули, как солома. Пламя бурно взметнулось кверху; алые змеи поползли по шару и лизали его огненными языками, и, когда наши неудачники, стоя на пороге хижины, обернулись в его сторону, они увидели, что шар пылает, как огромный факел.

Случись этот пожар двумя часами раньше, это было бы для них величайшим несчастьем. Но теперь они взирали на пылающий шар так же равнодушно, как, по преданию, некогда взирал Нерон на пожар великого города, расположенного на семи холмах [1].

Глава LIII

ПРИСТУП ОТЧАЯНИЯ

Кажется, за все время своего пребывания в этой «долине скорби» охотники еще ни разу не испытывали такого отчаяния, как в тот злополучный день, когда лопнул их огромный мыльный пузырь. Все средства исчерпаны. Больше ничего нельзя было придумать! Да и не хотелось больше бороться. Все трое упали духом и, казалось, были морально убиты. Было ясно, что теперь им уже не на что надеяться.

Правда, это было не то отчаяние, какое овладевает человеком перед лицом надвигающейся на него неотвратимой гибели, — их жизни ничего не угрожало, и все же ими владело горькое чувство. Они знали, что, быть может, проживут в этой долине так же долго, как прожили бы в любом другом месте земного шара. Но какую цену имеет такая жизнь? Ведь они навсегда отрезаны от мира людей, и им суждено влачить жалкое, одинокое существование.

Ни у кого из них не было ни малейшей склонности к отшельничеству. Никто из них не пожелал бы стать

---

[1] Имеется в виду Рим.

вторым Симеоном Столпником[1]. Вы, пожалуй, подумаете, что ревностно изучавшему природу Карлу было бы легче переносить такое уединение. Правда, у него были приятные спутники, с которыми не скоро соскучишься, но едва ли Карл стал бы уделять им много внимания, ибо человека, знающего, что он одинок в мире, и одинок навсегда, уже ничто не интересует: ни человеческая душа, ни книга природы.

Что до Каспара, то при одной мысли, что ему предстоит до конца дней прожить в этой долине, у него кровь холодела в жилах.

Оссару был опечален не менее своих товарищей по несчастью и вздыхал по своей бамбуковой хижине на жаркой равнине Индостана так же, как они по родному очагу в далекой Баварии.

Правда, их все же было трое, и это было огромное преимущество. Им мог бы позавидовать любой мореплаватель, потерпевший крушение и выброшенный на необитаемый остров. Они сознавали это и благодарили судьбу. У каждого было двое товарищей. Но у них невольно сжималось сердце, когда они думали о будущем: кто знает, быть может, недалек тот час, когда один из них покинет долину без помощи веревочной лестницы и воздушного шара, за ним другой, и последний останется в полном, безотрадном одиночестве...

В таких печальных размышлениях провели они этот вечер и весь следующий день. Они не замечали времени, и у них даже не было желания хоть что-нибудь приготовить себе на обед. Мысль отказывалась работать, и, казалось, их навсегда покинула энергия.

Но такое положение вещей не могло долго продолжаться. Как мы уже говорили, в душе человека таятся неисчерпаемые силы, и она способна возрождаться. Человек может оправиться после самого тяжелого удара. Иной раз кажется, что сердце его разбито, но пройдет время, затянутся глубокие сердечные раны, и вновь восстановится душевное равновесие. Закованный в цепи раб, узник в мрачной темнице, беглец, приютивший-

---

[1] Симеон Столпник — по преданию, отшельник, проживший двадцать шесть лет на вершине колонны.

ся на пустынном острове, — порой испытывают такую же яркую, живую радость, как царь, восседающий на троне, или победитель на своей триумфальной колеснице.

Не существует на земле счастья без примеси горечи и, должно быть, не бывает безутешной печали.

Не прошло и двух дней после этого тяжелого потрясения, как все трое начали выходить из оцепенения: они снова почувствовали голод и жажду, ибо эти потребности всегда настойчиво заявляют о себе.

Карл первым вернулся к действительности.

Если им и не суждено выбраться из этой долины, рассуждал он, все же незачем предаваться отчаянию. Какой толк, если они будут мрачно сидеть целые дни напролет, как плакальщики на похоронах? Лучше вести деятельную жизнь, создать хорошие условия и питаться как следует, — ведь при некоторой изобретательности ничего не стоит добыть еду. Правда, перспектива не из веселых, но, если они будут постоянно заняты делом, им будет не до меланхолии.

Вот о чем думал Карл, проснувшись утром через день после неудачи с воздушным шаром. Карл решил подбодрить Каспара, который был до крайности подавлен. Оссару также нуждался в ободрении, и ботаник постарался поднять дух товарищей.

Сначала это ему плохо удавалось, но мало-помалу он их убедил, что необходимо действовать, — хотя бы для того, чтобы не умереть от голода. И они тут же решили вернуться к своим прежним занятиям и всеми доступными средствами добывать съестные припасы.

Каспару, как и прежде, была поручена охота, а Оссару — рыбная ловля, так как он лучше других умел обращаться с крючками, лесками и сетями.

Ботаник занялся прежним своим делом: стал обходить долину в поисках съедобных семян, растений и корней, не забывая и о лекарственных травах, которые могли пригодиться в случае болезни. Молодому охотнику за растениями приходилось встречать немало таких растений, и он отметил их на случай, если они понадобятся.

К счастью, до сих пор еще никто не прибегал к лечебным средствам, какие Карл достал в аптеке природы, и можно было надеяться, что им никогда не придется проверять их на себе. Тем не менее Карл собрал несколько видов лекарственных растений и, тщательно обработав, спрятал в хижине.

Одним из самых питательных растительных продуктов были семена сосны. Шишки этой замечательной сосны были крупные, величиной с артишок, и в каждой — по нескольку семян, с виду похожих на фисташки.

Они запаслись также диким петушиным гребешком. Из его семян, поджаренных и растертых между камнями, получалось что-то вроде муки, из которой Оссару пек лепешки. Эти лепешки, хотя и не такие аппетитные, как домашний хлеб или даже выпеченный в рядовой пекарне, казались достаточно вкусными людям, у которых не было другого хлеба.

Озеро, кроме рыбы, вылавливаемой Оссару, давало и растительную пищу. Исследуя его, ботаник обнаружил несколько видов съедобных растений, в том числе любопытный рогатый водяной орех, известный туземцам гималайских областей под названием «сингара» и широко употребляемый ими в пищу.

Встречались также великолепные водяные лилии — лотосы с очень широкими листьями и крупными белыми и розовыми цветами.

Семена и корневища их были съедобны, и Карлу приходилось читать, что ими питаются бедняки в Кашмире. Лотос в изобилии растет на озерах этой знаменитой долины.

Увидя впервые прекрасные лотосы, которых было так много на маленьком озере в их долине, Карл воспользовался случаем рассказать брату (Оссару тоже внимательно слушал), какую пользу приносит это растение обитателям Кашмира. Юноши, отплывая в лодках в жаркие дни, срывают широкие блестящие листья лотосов и покрывают себе голову, защищаясь от палящих лучей, а также утоляют жажду, пользуясь как трубками их полыми стеблями. Молодой ботаник со-

общил товарищам немало интересных случаев применения этого красивого водяного растения, но интереснее всего для них был тот факт, что его семена и корневища съедобны, — это сулило им обильный запас растительной пищи.

Глава LIV

«ПИФАГОРОВЫ БОБЫ»

Лотос не был для них новостью. Они и раньше знали о его существовании и не раз посещали озерную заводь, где он рос в изобилии. Это растение привлекло их внимание через несколько дней после прибытия в долину и не потому, что бросалось в глаза, — его широкие круглые листья, лежащие на воде, трудно заметить с берега, правда, когда распускались большие бело-розовые цветы, их было видно даже издали, — нет, их привлекло к заводи, где росли лотосы, одно странное явление, сперва казавшееся им загадочным и необъяснимым.

Заросль лотосов, в то время находившихся в полном цвету, была хорошо видна с того места, где они устроили свой первый лагерь; и каждое утро, тотчас после восхода солнца, а иногда и среди дня, они видели возле этих цветов каких-то птиц, которые проделывали необычный трюк: казалось, они ходили по воде.

Это были крупные птицы, стройные и длинноногие. Карл с Каспаром признали в них представителей семейства водяных курочек.

Не приходилось сомневаться, что они ходят по воде — то медленно, то быстро, — но еще невероятнее было то, что они иногда стояли на воде. А что всего поразительнее — они проделывали этот фокус на одной ноге!

Это могло бы показаться таинственным, но Карл сразу же сообразил, чем вызвано такое «нарушение» закона тяготения. Он предположил, что птицы ходят по каким-то плавающим водяным растениям, образовавшим плотный ковер между поднимающимися над водой черешками лотоса.

У ботаника была хорошая память. Он вспомнил похожий случай. Не так давно он читал опубликованный за несколько лет перед тем доклад об открытой в тропической Америке гигантской водяной лилии — Виктория Регия; в статье упоминалось о крупных птицах из семейства голенастых, которые опускаются на ее огромные листья и спокойно по ним расхаживают, как по твердой земле.

Придя через некоторое время к озеру, они обнаружили широкие круглые листья лотоса, почти такие же крупные, как у его американского сородича.

Карл рассказал своим спутникам об особенностях этого лотоса, росшего на озере. Ему было известно, что семена нелюмбии и есть знаменитые «пифагоровы бобы», о которых упоминают греческие писатели, особенно Геродот и Теофраст. Эти писатели говорят, что «пифагоровы бобы» в изобилии растут в Египте; несомненно, что в древности их там разводили, но в наши дни они позабыты. Изображения этого цветка встречаются на египетских памятниках, а у греческих авторов это растение описано весьма подробно.

Некоторые ученые предполагают, что именно это растение и было пресловутым лотосом древности, которым питались некоторые сказочные народы; это весьма возможно, ибо жители стран, где оно растет, едят его, причем не только его корневища, но и семена, или бобы. Бобы эти весьма питательны, а стебель так сочен, что хорошо утоляет жажду. Китайцы называют эту лилию «льен вэй» и приготовляют утонченные блюда из ее семян и ломтиков корневища, смешанных с орехами и зернами абрикосов и переложенных слоями льда; этим лакомством знатные мандарины угощают английских послов, посещающих Небесную империю.

Корневища льен вэй сохраняют на зиму в маринованном виде. Японцы не употребляют в пищу это растение: они считают его священным и нередко изображают своих богов сидящими на его широких листьях.

Цветы лотоса испускают чудесное благоухание, несколько напоминающее запах аниса, а их похожие на желуди семена вкусом и ароматом не уступают миндалю.

Глава LV

ВОДЯНОЙ УРОЖАЙ

Карл еще раньше рассказывал своим спутникам о любопытных особенностях лотоса. Им было известно, что семена этого растения съедобны: Каспар и Оссару частенько их пробовали и убедились, что это настоящее лакомство.

Поэтому они сразу же подумали о лилиях. Над водой больше не видно было огромных розоватых венчиков, а это означало, что бобы созрели и готовы для уборки.

Итак, выйдя из хижины, все трое отправились на своеобразную жатву; над озером на длинных стеблях колыхалось множество плодов, и сбор обещал быть богатым.

Каждый захватил с собой по корзинке; шикари плел их в долгие зимние вечера для других целей, но теперь их решили использовать для сбора «пифагоровых бобов», потому что они были как раз подходящей формы и размеров.

Карл и Каспар закатали брюки выше колен, чтобы не замочить их, бродя в воде, а Оссару, у которого брюк не имелось, попросту подобрал подол своего ситцевого балахона и заткнул его за пояс.

Они обогнули берег озера, направляясь к тому месту, близ которого находились лотосы. Водяные курочки, завидя «жнецов», полетели в заросли осоки, надеясь там найти более надежное убежище.

Войдя в воду, «жнецы» принялись срывать плоды и высыпать из них семена в корзинки. Они и раньше бывали в этой заводи и знали, что здесь неглубоко.

Корзинки быстро наполнились «пифагоровыми бобами», и «жнецы» собирались уже возвращаться на сушу, когда внимание их привлекла какая-то темная тень, скользнувшая по зеркальной поверхности озера; вслед за нею пронеслась и вторая точно такая же тень.

Все трое заметили тени и подняли головы, чтобы посмотреть, какая птица их отбросила. То, что они увидели, живо их заинтересовало.

Над озером, и прямо у них над головой, кружили две большие птицы. Крылья у них были добрых пяти ярдов в размахе, а вытянутая горизонтально шея поражала своей длиной; тонкий заостренный клюв удивительно напоминал пестик полевой герани.

В самом деле, сходство между этими двумя предметами так поразительно, что в латинском наименовании герани звучит название этой птицы.

Это были аисты. Не заурядные птицы, вьющие гнезда на крышах домов в Голландии или находящие уютное пристанище на кровле венгерского крестьянина, но гораздо более крупная порода — словом, самые крупные представители племени аистов — «адъютанты».

Карл с первого взгляда определил породу этих птиц, да и Каспар тоже.

Не требуется ни длительных наблюдений, ни глубокого знания орнитологии, чтобы опознать знаменитого «адъютанта». Необходимо только хоть раз видеть его раньше на картинке или живого, а братья видели представителей этой породы на равнинах Индии, в окрестностях Калькутты.

Что же касается шикари, то как мог он не узнать этих крылатых гигантов, этих долговязых мусорщиков, когда тысячу раз наблюдал, как они важно стоят на песчаном побережье священного Ганга. Сомнений не было: перед ним священные птицы Брамы. От изумления он вскрикнул диким голосом и уронил весь свой сбор бобов в воду.

Оссару с первого же взгляда узнал их характерное оперение — черно-бурое на спине и белое на брюшке, голую, как у грифа, шею с кирпично-красным, похожим на сумку придатком, шелковистые белые, чуть голубоватые перья хвоста, драгоценные перья, хорошо известные дамам в различных странах под названием «перья марабу».

Птицы летели медленно, тяжело взмахивая крыльями; видно было, что они устали. Казалось, они ищут место, где бы сесть и отдохнуть.

Через несколько мгновений стало ясно, что для этого они и залетели в долину, так как, описав круг над

озером, они перестали взмахивать длинными крыльями и, вдруг сложив их, плавно опустились на берег.

Место для отдыха они выбрали на мысу, которым заканчивался небольшой полуостров.

Заросли лотосов начинались почти у самого мыса; с него-то и сошли в воду трое сборщиков и теперь стояли среди водяных растений, по колено в воде, всего в каких-нибудь двадцати шагах от мыса.

Аисты стояли на берегу, не обращая ни малейшего внимания на охотников, словно это были лишь высокие стебли «пифагоровых бобов».

Глава LVI

«АДЪЮТАНТЫ»

Две гигантские птицы, опустившиеся на берег озера, были, мягко выражаясь, странные создания; во всем мире едва ли можно найти такую причудливую птицу, как «адъютант».

Прежде всего он шести футов ростом, и ноги у него длинные и прямые, а его длина от кончика клюва до кончиков когтей — добрых семь с половиной футов. Клюв у него длиной в целый фут, толщиной в несколько дюймов; он слегка горбатый и кончик его загнут книзу.

Крылья у взрослого «адъютанта» достигают в размахе пятнадцати футов, или пяти ярдов, приближаясь к крыльям чилийского кондора или «бродячего» альбатроса.

Принято говорить, что оперение у «адъютанта» сверху черное, а снизу белое, но ни тот, ни другой цвет не бывает чистым. Спина у него черно-бурого оттенка, а брюшко грязно-белого — от примеси серых перьев и просто от грязи, — ведь «адъютант» постоянно кормится в болотах и роется в мусорных кучах. Если бы лапы у «адъютанта» не были так грязны, они были бы темного цвета, но у живой птицы они серые от пыли и облеплены мусором.

Хвост сверху черный, снизу белый, — особенно чистого белого цвета нижние перья. Они высоко ценятся под названием «перья марабу»; название это возникло вследствие ошибки натуралиста Темминка, который спутал индийского «адъютанта» с африканским аистом марабу.

Для «адъютанта», или «аргала», как называют его индусы, весьма характерна чрезвычайно безобразная голая шея, красная как мясо, с дряблой, сморщенной кожей, поросшей бурыми волосками. У молодых птиц эти щетинки бывают гуще, но с возрастом редеют, так что у старых особей голова и шея совершенно голые.

Эта особенность придает «адъютанту» сходство с грифом, с которым сближают его и другие черты, и есть основания считать его грифом из рода голенастых.

Под голой шеей у него свисает на грудь огромный придаток в виде сумки, иной раз длиной более фута; подобно шее, он бывает различных оттенков: от розового, телесного до ярко-красного. На тыльной стороне шеи имеется еще одно странное приспособление, назначение которого орнитологам еще не удалось определить. Это придаток в виде пузыря, который надувается воздухом. Как предполагают, он служит своего рода поплавком и помогает птице держаться в воздухе во время полета. Он вздувается также, когда птица находится под знойными лучами солнца, поэтому естественно предположить, что тут играет роль разреженность воздуха. Так как «адъютанты» нередко летают на большой высоте, то возможно, что этот шарообразный придаток им необходим, чтобы держаться в разреженном воздухе. Ежегодные перелеты этих птиц через заоблачную цепь Гималаев, вероятно, были бы невозможны, если бы «адъютанты» не обладали способностью, набирая воздух в этот пузырь, уменьшать вес своего тела.

Само собой разумеется, «адъютант», как и все птицы того же семейства, жаден и неразборчив в еде, весьма плотояден и предпочитает падаль и отбросы всякой другой пище. Он убивает и поедает лягушек, мелких

зверьков, птиц, причем даже довольно крупных — известно, что он может проглотить курицу. В его объемистом зобу может поместиться даже кошка или заяц, но он не нападает на этих животных, так как, несмотря на свой огромный рост, он один из самых отъявленных трусов. Любой ребенок может прогнать хворостинкой «адъютанта», а рассерженная курица обратит его в бегство, если он приблизится к ее цыплятам. Но прежде чем отступить, «адъютант» встанет в угрожающую позу, шея у него покраснеет, и он широко разинет клюв, издавая рокочущие звуки, напоминающие рычание тигра или медведя. Однако это лишь пустое бахвальство, и, если враг продолжает наступать, он тотчас же задает стрекача.

Таковы особенности этой гигантской разновидности аистов. Остается лишь прибавить, что есть еще несколько видов очень крупных аистов, хотя и менее крупных, чем этот, которых долго смешивали с ним. Один из них — марабу, живущий в тропическом поясе Африки, перья которого весьма ценятся модницами. Однако перья африканской породы далеко не так красивы и не так ценятся, как перья из хвоста «адъютанта».

Еще одна крупная разновидность аиста, отличающаяся и от азиатского аргала, и от африканского марабу, обитает на острове Суматра. Туземцы называют его «буронг камбэ», а на Яве (соседнем острове) обнаружен еще один вид этих огромных птиц, до сих пор мало исследованный.

Можно удивляться, что такие необычайные создания оставались столь долго неизвестными ученому миру. Всего лет пятьдесят назад появились хоть сколько-нибудь точные их описания, и даже в настоящее время эта порода птиц еще недостаточно изучена. Это тем более удивительно, что на берегах Ганга, и даже в самой Калькутте, «адъютант» — одна из самых обычных птиц; он постоянно стоит возле дома и преспокойно входит во двор наряду с домашней птицей.

Он бывает очень полезен в роли мусорщика, поэтому его не преследуют и не только терпят, но и стараются привадить, хотя он иногда оказывает слишком на-

зойливое внимание утятам, цыплятам и другим обитателям птичьего двора.

Иной раз «адъютант» не довольствуется добычей, какая попадается во дворе: проникнув в дом, он может стащить со стола горячее жаркое и проглотить его прежде, чем хозяева или слуги успеют выхватить лакомый кусок из его длинного, цепкого клюва.

Когда стая «адъютантов» бродит по воде, по обыкновению распустив крылья, издали их можно принять за стайку парусных шлюпок. А когда они стоят на песчаном берегу или подбирают всевозможные отбросы на отмели священной реки, то напоминают группу туземных женщин, занятых таким же делом.

Порой они жадно бросаются на самую отвратительную падаль, не брезгуют и разлагающимся трупом человека. Набредя на тело какого-нибудь фанатика, раздавленного колесницей Джаггернаута, которое было брошено в так называемую священную реку и затем вынесено волнами на берег, огромные аисты оспаривают его у бродячих псов и грифов.

Глава LVII

СПЯЩИЕ СТОЯ

Прилет аистов произвел сильное впечатление на охотников, — на Оссару, быть может, еще большее, чем на остальных. Они были для него совсем как старые друзья, пришедшие навестить его в темнице. Хотя ему не приходило в голову, что «адъютанты» могут содействовать его освобождению, все же он им обрадовался. Эти странные птицы были ему знакомы с раннего детства и будили самые приятные воспоминания; он решил, что появившаяся неожиданно чета аистов — как раз те старые самец и самка, которых он так часто видел на ветвях огромного баньяна, осеняющего родное бунгало.

Разумеется, это была лишь фантазия Оссару. Тысячи аистов ежегодно совершают перелет из равнин

Индостана на север Гималаев, и было слишком маловероятно, что у них над головой сейчас кружат именно те аисты, которые много лет исполняли обязанности мусорщиков в родном селении шикари. Эта приятная мысль мелькнула у Оссару, когда птицы были еще в воздухе. Едва ли он подумал это всерьез, да и подумал-то всего на мгновение, но он все же был рад увидеть аистов, явившихся из его родных равнин — с берегов прославленной реки, в воды которой он жаждал еще раз погрузиться.

Каспару эти огромные птицы внушили совсем другого рода мысли. Увидя их огромные крылья, распростертые в медленном, но легком полете, он подумал, что одна из них может оказаться достаточно сильной, чтобы исполнить задачу, бывшую не по силам беркуту.

— Слушай, Карл! — воскликнул он. — Как ты думаешь, не сможет ли одна из этих больших птиц занести канат наверх? Они такие большущие, что, кажется, могли бы поднять на вершину утеса любого из нас.

Карл не сразу ответил — видимо, он размышлял над словами брата.

Молодой охотник продолжал:

— Если бы только нам удалось поймать одну из них живьем! Как ты думаешь, они опустятся? Похоже, что они собираются отдохнуть... Что скажешь ты, Оссару? Ты знаешь об этих птицах больше, чем мы.

— Да, молодой саиб, вы сказать верно. Они спуститься. Вы видеть — они лететь долго. Крылья устать — не лететь больше. Потом, тут озеро, вода, — они хотеть пить и есть тоже. Они сесть, ясно...

Не успел Оссару договорить, как предсказание его уже исполнилось. Птицы одна за другой, сделав крутой поворот, плавно, на распростертых крыльях спустились на берег озера, как уже было сказано, шагах в двадцати от того места, где стояли среди листьев лотоса сборщики бобов.

Все трое не отрываясь смотрели на новоприбывших, которые вели себя очень чудно́.

Едва их лапы коснулись земли, длинноногие создания, вместо того чтобы разыскивать пищу на берегу

или направиться к воде за питьем, как ожидали от них зрители, поступили совсем по-другому. Видимо, они не помышляли ни о пище, ни о питье. Если они и были голодны, то в данный момент им было не до еды — так хотелось отдохнуть! Не прошло и десяти секунд, как «адъютанты» втянули длинную шею, спрятав ее между плечами, так что на виду оставалась лишь часть головы с огромным, загнутым клювом, прижатым к груди и свешивающимся вниз.

Вслед за этим обе птицы подогнули одну из длинных, тощих лап, спрятав ее в пушистых перьях на брюшке, — это движение было проделано обеими одновременно, словно они повиновались одному и тому же импульсу.

Еще каких-нибудь десять секунд — и птицы, казалось, уже уснули. Во всяком случае, глаза у них были закрыты и они не шевелились.

Было очень смешно смотреть, как эти огромные, долговязые создания удерживаются на одной ноге, ловко балансируя на тонком прямом сучке; казалось, они ничуть не боятся упасть; да им и не грозила такая опасность.

Оссару уже давно привык к такому зрелищу и не находил в нем ничего смешного. Каспар сразу же весело расхохотался.

Беспечность, с какой аисты опустились наземь, и живописная поза, в которой они спали, заставили рассмеяться даже всегда серьезного Карла.

Их громкий хохот прокатился над озером и отразился раскатами от соседних утесов.

Можно было подумать, что этот шум встревожит новоприбывших и заставит их снова прибегнуть к крыльям.

Ничуть не бывало — они лишь приоткрыли глаза, слегка вытянули шею, покачали головой и несколько раз щелкнули клювом, но вскоре клюв снова закрылся и сонно опустился, зарывшись в перья.

Невозмутимость птиц еще больше рассмешила молодых охотников, и они несколько минут простояли на месте, заливаясь звонким, неудержимым хохотом.

Глава LVIII

«ПЕРЬЯ МАРАБУ»

Давно они так не смеялись. Каспар успокоился, лишь когда у него заныло под ложечкой от этого приятного упражнения.

Корзинки были почти полны, и решено было отнести их в хижину, а потом вернуться к аистам и поймать их. Оссару полагал, что это легко им удастся; по его словам, птицы такие смирные, что ничего не стоит подойти к ним и накинуть петлю на шею. Вероятно, он сразу бы это сделал, будь у него веревка для петли. Но они с собой ничего не захватили, кроме камышовых корзинок для сбора семян лотоса. Чтобы достать веревку, нужно было вернуться в хижину.

Трудно сказать, зачем понадобились аисты охотникам за приключениями. Быть может, Карл все еще не оставил мысль, подсказанную ему братом.

Возможно, у них были и другие побуждения, особенно у Оссару. Если от аистов и не будет особого толка, во всяком случае, недурно бы их приручить. Шикари невольно подумал о том, что им придется прожить еще долгие годы в этой уединенной долине. При такой перспективе даже чопорный аист покажется веселым спутником.

Как бы там ни было, охотники решили заманить «адъютантов» в ловушку.

Все трое направились к берегу, решив подальше обойти спящих. Теперь, когда Карл и Каспар задались новой целью, они поднимали ноги из воды и опускали их так осторожно, словно ступали по яйцам. Оссару потешался над их чрезмерной осторожностью, уверяя, что нечего бояться вспугнуть аистов, и он, разумеется, был прав.

Аисты, обитающие в областях Индии, омываемых Гангом, чувствуют себя в полной безопасности, ибо их считают священными птицами и они охраняются законом; они так привыкли к человеку, что при встрече с ним не сразу уступают ему дорогу. Но возможно, что эти два аиста принадлежали к какой-нибудь дикой

стае, каких немало в болотах Сендербенда. В таком случае к ним было бы труднее подойти.

Оссару согласился принять все предосторожности, на каких настаивал Карл.

Дело в том, что Карла осенила замечательная мысль. Она зародилась у него в мозгу, еще когда он от души смеялся вместе с братом. И, к удивлению Каспара, веселость его быстро прошла, — во всяком случае, уже не выражалась так бурно.

Наш философ внезапно стал молчалив и серьезен, словно решив, что при данных обстоятельствах смех неуместен. Каспар был заинтригован молчанием брата и стал его расспрашивать, но тот не пожелал поделиться с ним своей мыслью. Не надо думать, что Карл все время молчал, — он давал товарищам советы и указывал, как надо действовать, чтобы наверняка поймать аистов, при этом он говорил с необычным жаром.

Через несколько минут они дошли до хижины. Это был скорее бег, чем ходьба. Карл шагал впереди и добежал раньше остальных. Они мигом швырнули на пол корзинки с бобами, словно там не было ничего ценного, затем извлекли из тайников бечевки и лески, искусно свитые Оссару, и подвергли их осмотру.

Забросить скользящую петлю несложное дело для шикари. Нетрудно и прикрепить ее к длинному стеблю бамбука ринталла. Вооружившись бечевками, наши охотники снова вышли из хижины и направились к спящим аистам.

Подойдя ближе, они с удовольствием увидели, что птицы все еще наслаждаются полуденным отдыхом. Очевидно, им пришлось долго лететь и необходимо было отдохнуть. Их крылья вяло свисали по бокам, доказывая, как они устали. Может быть, аистам снились сны — гнездо на каком-нибудь высоком фиговом дереве, приютившая их башня древнего храма, где чтили Будду, Вишну или Дэву, или же великий Ганг и плывущие по его волнам пахучие отбросы, в которые они так любят погружать свой длинный клюв...

Оссару, которому было поручено метнуть петлю, не задумывался над вопросом, чтó снится аистам и вооб-

ще снится ли им что-нибудь. Убедившись, что они спят, он пригнулся и, бесшумно скользя, как тигр в джунглях, начал подкрадываться к беспечным «адъютантам», пока не подошел к ним так близко, что можно было бросить петлю.

Шикари был уверен в успехе, но старая пословица «Поспешишь — людей насмешишь» подтвердилась и на этот раз.

Когда попытка была сделана, петля все еще оставалась в руках у шикари, а «адъютанты» уже парили в воздухе, поднимаясь все выше и выше, щелкая клювами, как кастаньетами, и издавая гневные звуки, похожие на рычание льва.

Неудачу следует приписать не Оссару, а одному его неосторожному спутнику, следовавшему за ним по пятам. И этим спутником был Фриц.

Как раз в тот момент, когда Оссару готовился набросить петлю на шею спящего «адъютанта», Фриц, последовавший за охотниками, заметил птиц, кинулся вперед и схватил одну из них за хвост. Мало того, словно желая завладеть драгоценными «перьями марабу», он вырвал из хвоста большой пук.

Что же вызвало столь неожиданное и свирепое нападение Фрица?

Ведь умному, хорошо обученному псу еще ни разу не случалось пугать дичь, на которую охотились его хозяева. И если Фриц изменил своим охотничьим привычкам, виною была дичь, попавшаяся ему на глаза. Дело в том, что из всех живых существ, встречавшихся Фрицу за время пребывания в Индии, ни одно не внушало ему таких враждебных чувств, как «адъютанты». Живя в Королевском ботаническом саду, в Калькутте, где его хозяева, как вы помните, гостили некоторое время, Фриц нередко встречался с двумя огромными аргалами, также гостившими там; они проживали в ограде, где им позволяли беспрепятственно расхаживать и подбирать всевозможные объедки, которые выбрасывала кухарка директора.

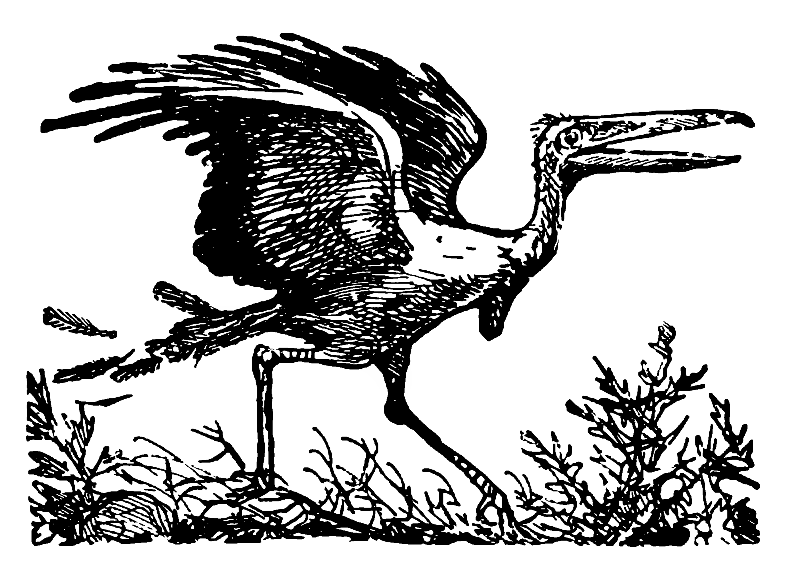
Эти птицы были до того ручные, что охотно брали еду из рук у всех, кто им ее предлагал. Так же охотно

Фриц кинулся на одного из «адъютантов»

они брали и то, чего им не давали, но что могли достать своим длинным, цепким клювом. Они часто воровали лакомства, которые им не предлагали. Одного их воровского подвига Фриц не мог им простить. Он собирался пообедать вкусным куском мяса, полученным от кухарки, а они стащили у него этот кусок. Одна из птиц имела наглость схватить мясо клювом, вырвать из пасти у собаки и проглотить прежде, чем пес успел помешать ей.

С тех пор Фриц питал лютую ненависть ко всем птицам этого рода, в особенности же к аргалам. Поэтому, едва увидев «адъютанта» (пес находился возле хижины, когда прилетели эти птицы, и не мог их видеть), он кинулся к ним, оскалив зубы, и схватил одного из них за хвост.

Нет нужды добавлять, что птица, подвергшаяся нападению, тотчас же взлетела, сопровождаемая своим более удачливым, но не менее испуганным спутником, а разъяренный Фриц обошелся с «перьями марабу» так,



и вырвал из хвоста большой пук перьев.

как, вероятно, еще никто не обходился с ними, даже когда какая-нибудь ревнивая особа срывала их с тюрбана ненавистной соперницы.

Глава LIX

АИСТЫ ПОЙМАНЫ

Наши искатели приключений с разочарованием и досадой смотрели на улетавших аистов, а Фриц рисковал быть сурово наказанным. Каспар уже занес над ним палку, когда возглас Карла заставил молодого охотника остановиться и спас Фрица от трепки.

Но Карл вскрикнул не потому, что пожалел собаку. Вырвавшийся у него возглас означал совсем другое и прозвучал так необычно, что Каспар тут же обернулся к брату. Карл стоял, неотрывно глядя вверх на удалявшегося аиста — того самого, с хвостом которого Фриц обошелся столь непочтительно.

Но Карл смотрел не на взъерошенные, наполовину сырванные «перья марабу», свисавшие из хвоста аиста, а на его длинные ноги, которые во время взлета были подогнуты наискось, далеко выдаваясь за конец хвоста. И даже не сами ноги привлекли внимание охотника, а нечто, прикрепленное к ним — вернее, к одной из них, — и сверкнувшее ярким металлическим блеском в солнечных лучах. Блеск был желтоватый, словно сверкало золото или ярко начищенная медь, и так слепил глаза, что невозможно было определить форму предмета или угадать, что это такое. Но озадачены были только Каспар и Оссару. Карл знал, что за метеор сверкнул на миг, как луч надежды, а теперь медленно, но верно удалялся, погружая его в мрачное отчаяние.

— Ах, брат, — вскричал он, когда аист взлетел, — какое несчастье!

— Несчастье? Что ты хочешь сказать, Карл?

— Ах, если бы ты знал... Ведь у нас была надежда на освобождение... Увы, увы! Она исчезает!..

— Это ты про птицу говоришь? — спросил Каспар. — Что же за беда, что она улетела? Я не думаю, чтобы она могла поднять веревку. Какой толк, если мы ее поймаем? Она несъедобна, а перья нам не нужны, хотя бы они стоили целое состояние.

— Нет, нет, — поспешно возразил Карл, — не то, совсем не то!

— Что же тогда, брат? — спросил Каспар, которого удивила бессвязная речь охотника за растениями.

— Смотри туда!.. — сказал Карл, указывая на парящих аистов. — Видишь что-то блестящее?

— А, на ноге у одной из птиц? Да, я вижу что-то вроде кусочка желтого металла. Что бы это могло быть?

— Я знаю, что это, — ответил Карл с сожалением в голосе, — отлично знаю! Ах, если бы мы поймали эту птицу! У нас, пожалуй, была бы надежда. Но теперь все кончено! Она исчезла — увы, исчезла... Ну и беду ты нам натворил, Фриц, — до конца дней придется нам об этом горевать!

— Я тебя не понимаю, брат, — сказал Каспар. — Но если ты так огорчен, что аисты улетели, то, пожа-

луй, можешь утешиться. Похоже, что они не так уж торопятся нас покинуть, несмотря на такую негостеприимную встречу. Смотри, они кружат в воздухе, словно собираются опять спуститься. Взгляни сюда! Оссару протягивает им приманку. Я ручаюсь, что старому шикари удастся уговорить их вернуться. Он в совершенстве знает их привычки.

— Ах, если бы это удалось!.. — вскричал Карл, взглянув сперва на парящих аистов, затем на Оссару.— Каспар, держи Фрица. И пусть Оссару действует. Ни за что на свете не дай собаке вырваться! Ради бога, держи ее покрепче, ради самого себя, ради всех нас!..

Каспар все еще удивлялся возбуждению брата, но это не помешало ему исполнить приказ: кинувшись к Фрицу, он схватил его, поставил между колен, стиснул руками и коленями так крепко, что Фриц оказался как в тисках.

Взгляды всех (не исключая собаки) были устремлены на Оссару. Каспар следил за его движениями с любопытством, а Карл с сильно бьющимся сердцем.

Хитрый шикари хорошо подготовился к ловле. Предвидя, что могут возникнуть затруднения, он запасся приманкой; если бы птицы оказались пугливыми, он рассчитывал заманить их поближе и пустить в ход петлю. Этой приманкой была большая рыба, которую он, уходя из хижины, захватил в кладовой и теперь, чтобы привлечь внимание аистов, держал на виду. Он отошел на некоторое расстояние от товарищей и, стоя на холмике на берегу озера, изо всех сил старался подманить птиц, так напуганных Фрицем.

Оссару, как и остальным, было ясно, что аистам поневоле пришлось взлететь и что им вовсе не хотелось подниматься на воздух. Они, без сомнения, очень устали и жаждали отдыха.

Что именно их заставило спуститься снова?

Впрочем, Оссару не задавался этим вопросом. Увидев по поведению птиц, что они заметили рыбу у него в руках, он бросил соблазнительную приманку подальше от себя и стал ожидать результатов.

На этот раз он не обманулся в своих расчетах.

Ни внешность, ни поза Оссару не могли внушить подозрений «адъютантам». Им тысячу раз приходилось видеть таких, как он, смуглолицых индусов, точно в таком же наряде, и, встретив шикари в этом странном, пустынном уголке земного шара, они не заподозрили в нем врага.

Им был страшен только Фриц, но Фриц сейчас был где-то далеко, и его можно было не опасаться. К тому же пустой желудок властно требовал пищи, и, глядя на рыбу, лежавшую на траве без всякой охраны, аисты позабыли страх и дружно бросились на желанную добычу.

Оба одновременно вцепились в рыбу, и каждый стремился ею завладеть.

Так как одна из птиц схватила рыбу за голову, а другая за хвост, то между ними завязалась драка — они старались вырвать друг у друга лакомый кусок. Потом обе стали заглатывать рыбу с двух сторон, пока их клювы не встретились и не стукнулись друг о друга.

Ни одна не хотела уступить другой добычу, и несколько секунд продолжалась забавная борьба.

Неизвестно, сколько времени она бы еще продлилась, но ей положил конец Оссару: видя, что птицы поглощены дракой, он кинулся к ним и, широко взмахнув руками, обхватил сразу обоих аистов, которые стали отчаянно отбиваться.

С помощью Карла и Каспара, который уже успел привязать Фрица к дереву, огромных птиц вскоре осилили и так крепко связали, что им невозможно было вырваться.

Глава LX

НАДПИСЬ НА КОЛЬЦЕ

— Вот оно! Вот оно! — воскликнул Карл, внезапно наклонившись и хватая одну из птиц за лапу.

— Что такое? — спросил Каспар.

— Смотри, брат! Смотри, что у аиста на ноге! Разве тебе не приходилось видеть эту драгоценность?

— Медное кольцо? О да, — ответил Каспар, — теперь я вспоминаю. В ботаническом саду был «адъютант» с медным кольцом на лапе, точно таким же. Какой странный случай!

— Точно таким же? — повторил Карл. — Да это и есть то самое кольцо! Наклонись и рассмотри его получше. Видишь эти буквы?

— «К.Б.С., Калькутта», — медленно произнес Каспар, прочитав надпись на кольце. — «К.Б.С.». Интересно, что это значит?

— Отгадать нетрудно, — наставительно сказал Карл: — «Королевский ботанический сад»! Что же еще может быть?

— Ничего больше. Конечно, это те самые птицы, которых мы там видели и с которыми так часто играли!

— Те самые, — подтвердил Карл. — В этом нет сомнений.

— А Фриц, должно быть, тоже узнал их, поэтому так внезапно на них напал. Помнишь, он то и дело с ними ссорился?

— Помню. Но ему больше не следует позволять на них нападать. Они мне пригодятся.

— Пригодятся?

— Ну да, и даже очень. Птицы окажут нам весьма важную услугу. Хотя они противны и безобразны, за ними нужно ухаживать, как за какими-нибудь драгоценными болонками. Мы должны обеспечить их кормом и водой; мы должны стеречь их днем и ночью, словно священный огонь, который надо все время поддерживать.

— Ну вот еще!

— Именно так, брат! Этих аистов надо во что бы то ни стало сберечь — они необходимы для нашего спасения. Если они околеют или улетят от нас, если мы потеряем хоть одного из них, мы погибли. Это наша последняя надежда. Я не сомневаюсь, что последняя!

— Какая же это надежда? Чего ты ждешь от них? — в недоумении спросил Каспар, который никак не мог понять, к чему клонит брат.

— Какая надежда? Да решительно все надежды! И даже больше, чем надежда, ибо я вижу здесь перст судьбы. Наконец-то она сжалилась над нами.

Каспар молча смотрел на брата. В глазах Карла светились радость и благодарность, но Каспар не мог догадаться, что происходит в его душе.

Оссару был также озадачен странным видом и словами саиба Карла, но вскоре перестал об этом думать; занявшись «адъютантами», он ласкал то одного, то другого, разговаривал с ними и обнимал, как своих братьев.

Накрепко связав лапы аистам, Оссару разрезал рыбу на небольшие куски и принялся кормить птиц так заботливо, словно это были люди, прибывшие сюда после долгого путешествия и изнемогавшие от голода.

Аисты не обнаруживали ни малейшего страха. Они хватали на лету и проглатывали куски рыбы так жадно и спокойно, словно их кормили на берегу большого бассейна в ботаническом саду Калькутты.

Лишь время от времени они пугливо озирались на Фрица, но, по приказу Карла, пса держали подальше от них, пока они не покончили с трапезой, предложенной им Оссару.

Каспар, все еще озадаченный, снова спросил у охотника за растениями, что он думает делать с аистами.

— Ах, брат, — ответил Карл, — ты нынче на диво непонятлив! Неужели ты не угадал, почему я так обрадовался этим птицам?

— Конечно, нет, если только...

— Если что?

— Если ты не надеешься, что они занесут веревку на утес.

— Занесут веревку? Ничего подобного... Впрочем, тут есть что-то общее. Но раз ты не догадался, то я помучу тебя еще некоторое время.

— Ах, брат!..

— Нет, не скажу. Я хочу, чтобы вы сами догадались.

Каспар и Оссару пустились было в догадки, но Карл прервал их:

— Погодите, сейчас некогда. Вы можете проявить

свою догадливость, когда мы вернемся в хижину. Первым делом мы должны как следует связать наших пленников. Эта веревка слишком тонка — они могут перепилить ее клювом и освободиться. Тут потребуется самая крепкая веревка, какая только у нас есть. Бери, Оссару, одного. Я понесу другого. А ты, Каспар, присмотри за Фрицем. Веди его на привязи. Теперь его нужно держать привязанным, чтобы не случилось какой-нибудь непоправимой беды. Не дай бог, он сорвет нам этот замечательный план.

С этими словами Карл обхватил руками одного из «адъютантов», Оссару в то же время обнял другого, и, несмотря на издаваемые ими грозные, рокочущие звуки и на щелканье клювов, огромных птиц отнесли в хижину.

Там им обмотали лапы прочными веревками, которые привязали к толстым бревнам, образующим стропила крыши. Уходя из хижины, всякий раз закрывали дверь, ибо Карл, сознавая все значение таких гостей, хотел быть уверенным в сохранности своей добычи.

Глава LXI

КРЫЛАТЫЕ ПИСЬМОНОСЦЫ

Лишь покончив с неотложными делами, Каспар и Оссару снова пустились в догадки. Оба взялись за дело всерьез: уселись на лежащие возле хижины большие камни, где они так часто строили планы своего освобождения; оба молча размышляли; каждый думал про себя, не делясь соображениями с товарищем. Казалось, между ними возникло соперничество: кто первый отгадает замысел Карла?

Ботаник стоял рядом, также погруженный в размышления. Он был занят усовершенствованием своего плана, еще неизвестного его спутникам.

Аистов вынесли из хижины и привязали к тяжелому обрубку дерева, валявшемуся поблизости. Необходимо было, чтобы птицы привыкли к этой местности.

К тому же их следовало еще раз покормить: рыбы, съеденной ими вдвоем, было явно недостаточно.

Взгляд Каспара упал на аиста, у которого было кольцо на лапе, затем он обратил внимание на надпись: «К.Б.С., Калькутта». И эта надпись внушила молодому охотнику мысль, какая пришла в голову его брату при виде кольца. Этот кусочек меди содержал определенные сведения. Они были доставлены прямо из Калькутты птицей, носившей на лапе это блестящее кольцо. Почему бы не переслать другие сведения в Калькутту тем же способом? Почему бы...

— Нашел, нашел! — крикнул Каспар, обрадованный своим открытием. — Да, милый Карл, теперь я знаю, что у тебя за план, знаю! И, клянусь Юпитером Олимпийским, это замечательный план!

— Так ты наконец догадался! — не без иронии сказал Карл. — Давно пора! Надпись на медном кольце сразу же должна была подсказать тебе разгадку. Но послушаем, что ты скажешь, и посмотрим, правильно ли ты угадал.

— Еще бы неправильно! — отвечал Каспар, подхватывая шутливый тон брата. — Ты хочешь дать новое звание нашим знатным гостям. — Он указал на аистов. — В этом и состоит твой план, не так ли?

— Продолжай.

— В настоящее время — это военные, офицеры... Ведь адъютант — офицерский чин?

— Ну так что же?

— Боюсь, что они не очень-то тебя поблагодарят за тот чин, каким ты хочешь их наградить, ибо это едва ли будет для них повышением. Не знаю, как посмотрят на это птицы, но люди не очень-то склонны менять военную службу на гражданскую.

— О каком чине ты говоришь?

— Если не ошибаюсь, ты собираешься сделать аистов письмоносцами, или почтальонами, если это название тебе больше нравится.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Карл, которому понравилось остроумное сравнение Каспара. — Верно, брат, ты отгадал мой план! Именно это я и задумал сделать.

— Ох, клянусь колесами колесницы Джаггернаута! — вскричал шикари, который прислушивался к их разговору и прекрасно его понял. — Хорошо придумал! Эти аисты вернутся в Калькутта, — конечно, вернутся. Они понести письмо саибам феринги. Саибы узнать, мы тут в тюрьме. Получить письмо и прийти спасать нас... Ха-ха-ха! — Тут Оссару вскочил с места и с дикими криками как помешанный заплясал вокруг хижины.

Ломаная речь Оссару доказывала, что он вполне постиг замысел охотника за растениями.

Этот замысел смутно забрезжил в мозгу у Карла, когда тот впервые увидел аистов, паривших высоко в небе; но, когда на лапе у птицы он заметил блестящую желтую полоску, этот план стал принимать более четкие очертания.

Когда же аисты были пойманы и Карл, расшифровав надпись на кольце, узнал своих старых знакомых из К.Б.С., он благословил счастливый случай, пославший в долину птиц, которые должны были в скором времени принести освобождение ему и товарищам.

Глава LXII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освобождение пришло, хотя и не так скоро. Нашим охотникам пришлось вытерпеть еще несколько месяцев этой одинокой, однообразной жизни.

Нужно было дождаться дождливого времени года, когда разольются реки, протекающие по обширным равнинам Индостана. Тогда огромные «адъютанты» возвращаются из своего летнего путешествия на юг, пролетая над гордыми вершинами Имауса. Карл и его товарищи надеялись, что их «адъютанты», руководимые тем же инстинктом, вернутся в К.Б.С. — Королевский ботанический сад в Калькутте.

Карл был уверен, что аисты это сделают. Он словно стоял на берегу священной реки[1] в К.Б.С. и смотрел,

[1] У индусов река Ганг считается священной рекой.

как они, закончив перелет, спускаются на землю в ограде ботанического сада.

Директор ботанического сада рассказывал ему, что птицы уже много лет совершают такие путешествия и всякий раз в одно и то же время, так что можно было предсказать день их отлета и прилета.

К счастью, Карл запомнил эти сроки,— правда, приблизительно. Все же он знал, когда можно было ожидать отлета гостей, а этого было для него достаточно.

Они все время так ухаживали за «адъютантами», словно чтили их, как священных птиц.

Мяса и рыбы у аистов было вдоволь — об этом заботился Оссару. Им не грозили никакие враги — даже Фриц, хотя пес давно уже перестал быть их врагом. Все их потребности удовлетворялись; им было предоставлено все, кроме свободы.

Наконец им ее возвратили.

Выбрав прекрасное лучезарное утро, манившее птиц к полету, их выпустили на свободу и предоставили лететь, куда им вздумается.

Единственной помехой в полете была кожаная сумочка, привязанная к шее аиста так, чтобы он не мог достать клювом. У обоих было по такому мешочку, ибо Карл, потратив последние листки записной книжки, написал послание в двух экземплярах и доверил каждой птице по письму на случай, если одно потеряется.

Некоторое время птицы, казалось, не хотели покидать своих добрых друзей, которые так долго кормили их и лелеяли, но инстинкт, увлекавший их к солнечным равнинам Юга, взял верх — и, испустив прощальный крик, на который ответили ободряющие возгласы людей и долгий лай Фрица, они взмыли ввысь в плавном, торжественном полете. Поднявшись над утесами, они вскоре скрылись за гребнем окружавших долину гор.

Настал день, и на краю обрыва появилось десятка два людей — отрадное зрелище для Карла, Каспара и Оссару! Даже Фриц залаял от радости, увидев их.

На синем фоне неба можно было разглядеть в руках этих людей свернутые кольцом веревки, шесты и другие орудия, необходимые для подъема на утесы.

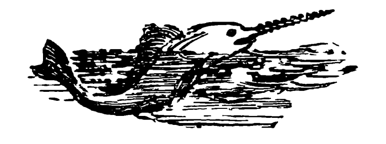
Птицы взмыли ввысь в плавном, торжественном полете.

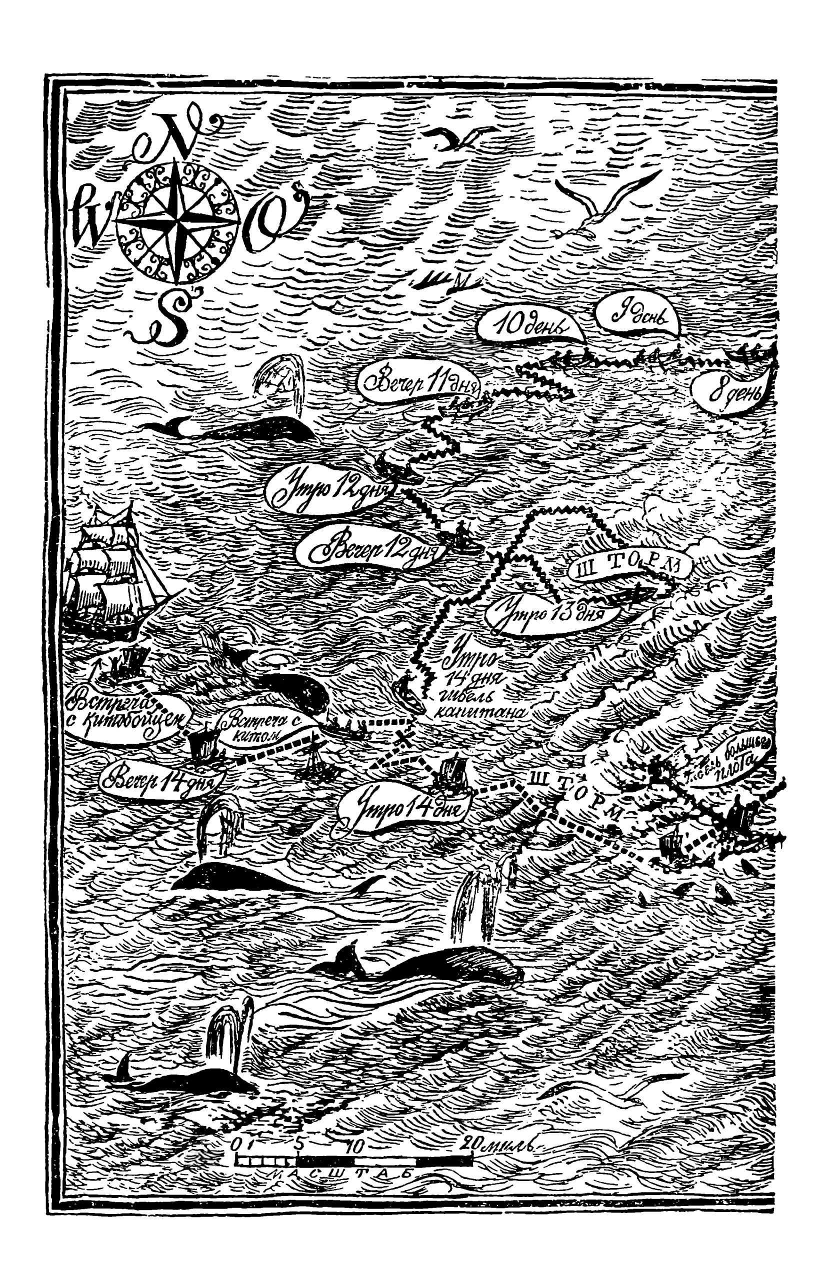
Итак, «адъютанты» исполнили свою миссию и доставили письма в Калькутту.

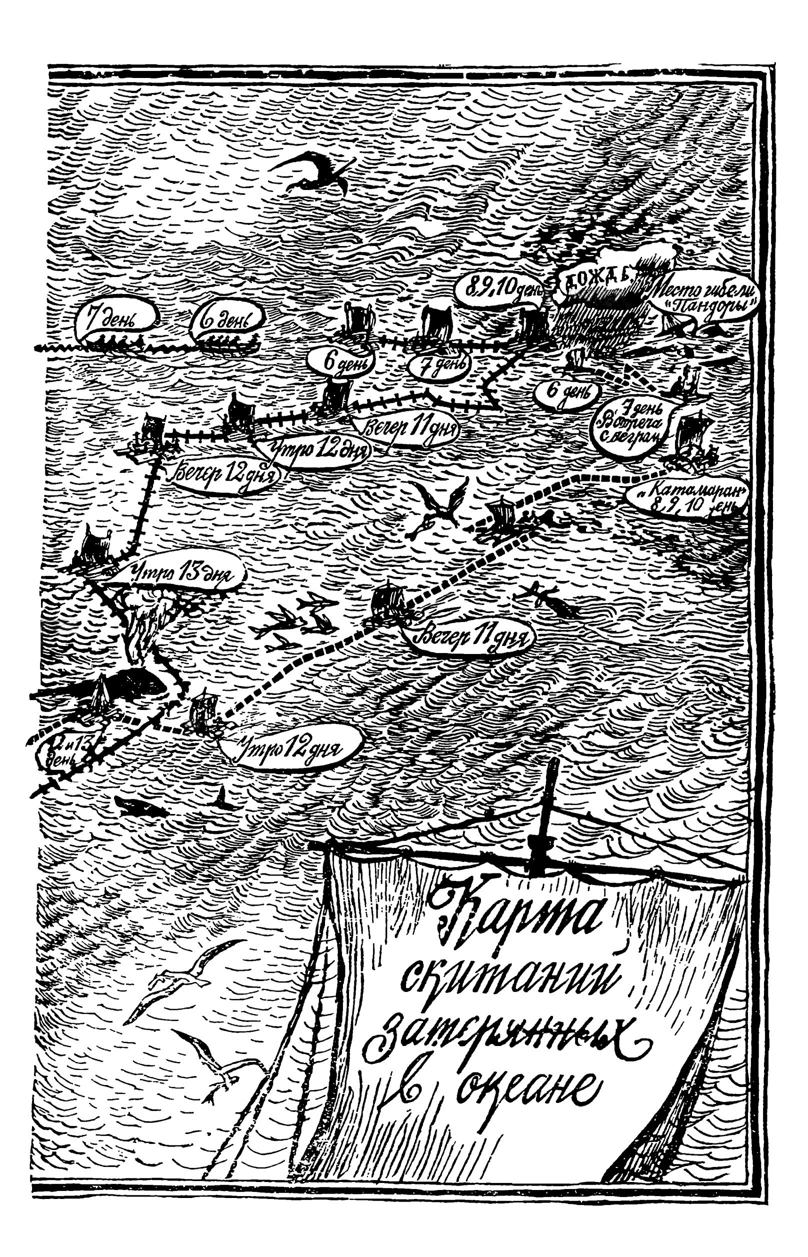
Вскоре туда вернулись и охотники. По спущенным сверху веревочным лестницам они благополучно поднялись на утес, причем Фриц совершал восхождение на плечах у шикари.

Все трое вместе со своими спасителями и с Фрицем, следовавшим за ними по пятам, спустились по южному склону Гималаев и вскоре опять увидели священный Ганг. Вновь вступили они в гостеприимные ворота Королевского ботанического сада и возобновили знакомство не только со своими учеными-друзьями, но и с крылатыми вестниками, благодаря которым им удалось наконец выбраться из роковой горной «тюрьмы» и вернуться в мир людей.

ЗАТЕРЯННЫЕ
В




N
W
O
S
10 день
9 день
8 день
Вечер 11 дня
Утро 12 дня
Вечер 12 дня
ШТОРМ
Утро 13 дня
Утро 14 дня гибель капитана
Встреча с китобойцем
Встреча с китом
Вечер 14 дня
Утро 14 дня
ШТОРМ
Гибель большого плота
0 1 5 10 20 миль
МАСШТАБ

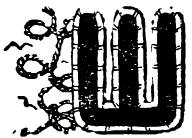


Дождь
8,9,10 день
Место гибели "Пандоры"
7 день
6 день
6 день
7 день
6 день
7 день Встреча с неграми
Вечер 11 дня
Утро 12 дня
Вечер 12 дня
«Катамаран» 8,9,10 день
Утро 13 дня
Вечер 11 дня
12 и 13 день
Утро 12 дня
Карта скитаний затерянных в океане

Перевод с английского
Н. Аверьяновой и *Р. Миллер Будницкой*
Редактор *Е. Валишевская*

Глава I

АЛЬБАТРОС



ИРОКОКРЫЛЫЙ морской коршун [1], реющий над просторами Атлантического океана, вдруг замер, всматриваясь во что-то внизу. Внимание его привлек маленький плот, размером не больше обеденного стола. Два небольших корабельных бруса, две широкие доски с несколькими небрежно брошенными на них полотнищами парусины да две—три доски поу́же, связанные крест-накрест, — вот и весь плот.

И на таком гиблом суденышке ютятся двое людей: мужчина и юноша лет шестнадцати. Юноша, видимо, спит, растянувшись на куске мятой парусины. А муж-

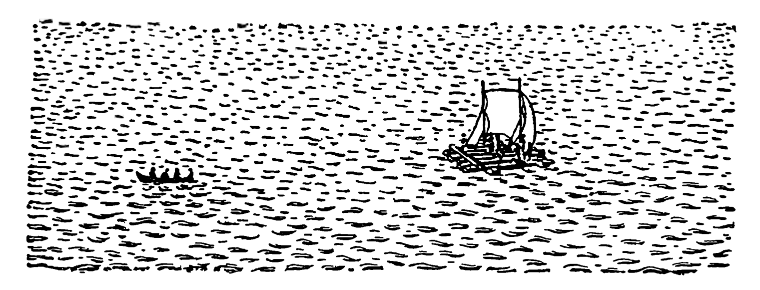
[1] Морской коршун — альбатрос.

чина стоит и, прикрыв глаза от солнца ладонью, напряженно всматривается в безбрежные дали океана.

У ног его валяются гандшпуг [1], два лодочных весла, кусок просмоленного брезента, топор; ничего больше на плоту не увидеть даже зоркому глазу альбатроса.

Птица несется дальше на запад. Пролетев еще миль десять, она снова замирает, паря на широко раскинутых крыльях, и снова впивается глазами в океан.

Птица увидела другой, тоже неподвижный плот. Он



Вот что увидел альбатрос на

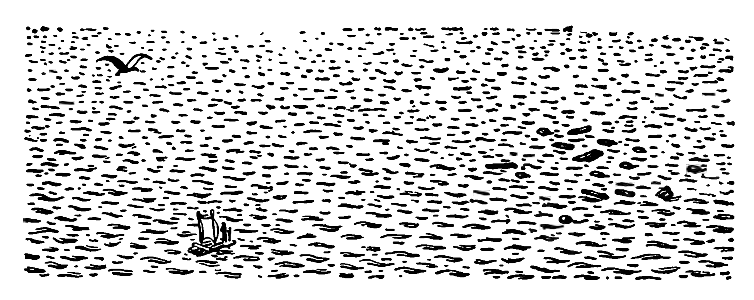
совсем не похож па первый, хотя и один и другой зовутся плотами. Второй — раз в десять больше. Он сооружен из всевозможных крупных обломков деревянных частей корабля. По краям к нему привязаны большие порожние бочки; они помогают плоту держаться на плаву. Чего только на нем нет! И брезент, натянутый между двумя шестами, как на мачте, и два — три бочонка, и пустой ящик из-под морских сухарей, и весла, и много других предметов морского обихода. Среди этого хаоса вещей расположились человек тридцать. Они сидят, лежат, стоят — словом, занимают самые разнообразные положения.

Некоторые неподвижны, словно спят. Однако их разметавшиеся тела и багровые, возбужденные лица наводят на подозрение, что сон вызван опьянением. Глядя на другую группу людей, на их движения, слыша, как они шумят и горланят, уже не приходится сомне-

[1] Гандшпуг — род багра.

ваться: эти-то, несомненно, пьяны — оловянная кружка все время ходит вкруговую, и запах рома так и бьет в нос. Есть тут и трезвые, но их немного и выглядят они как живые мертвецы — до того измождены, до того изголодались. Со слабой надеждой, кто стоя, кто сидя, поглядывают они временами на водную ширь океана и тут же снова застывают в безысходном отчаянии.

Недаром альбатрос, глядя на этих людей, томится таким нетерпением. Инстинктом хищной птицы он чу-



шестой день после гибели «Пандоры».

ет, что скоро, очень скоро его ожидает богатое пиршество.

А пока он летит дальше, все дальше на запад. Вот он пролетел еще с десяток миль и снова застыл на месте. Опять какой-то необычный предмет на воде! Только зоркий глаз альбатроса мог его приметить, люди на большом плоту его не видят. На таком расстоянии это сооружение кажется пятнышком, не больше самой птицы. На деле же это хотя небольшая, а все же лодка — корабельная гичка, в которой сидят шестеро. Паруса на гичке нет, да его, видно, даже и не пытались поставить. Есть весла, но никто ими не гребет. Видимо, люди, отчаявшись, побросали их, и теперь гичка, как и плоты, носится в океане по прихоти волн и ветра А во время штиля гичка, как и оба плота, подолгу застывает на месте.

Если бы альбатрос умел рассуждать, он сообразил бы, что плоты и гичка очутились здесь, вероятно, по-

тому, что где-то неподалеку произошло кораблекрушение и судно либо пошло ко дну, либо погибло в пламени. А миль за десять на восток от меньшего плота он заметил бы более явные доказательства происшедшего несчастья. Там плавали обугленные доски, балки, поручни и другие части корабля, и это означало, что судно погибло не от бури, а от огня. А по множеству всяких обломков, рассеянных по океану на целую милю вокруг, альбатрос догадался бы, что на судне произошел не только пожар, но и страшной силы взрыв.

Если бы альбатрос умел еще и читать, он прочел бы слово «Пандора» и на корме уцелевшей от гибели гички, и на бочках, благодаря которым большой плот стал мореходным, и на двух поперечных досках маленького плота. На них это слово написано еще более крупными буквами. Эти доски, видимо, находились по обеим сторонам бугшприта[1] погибшего корабля. А сорвали эти доски, чтобы построить свой плотишко, те, кто сейчас и ютится на нем. Да, сомнений нет: где-то здесь погибло судно, называвшееся «Пандора».

Глава II

ПОЖАР НА КОРАБЛЕ

В этой главе мы расскажем историю «Пандоры» во всех ее ужасающих подробностях.

«Пандора» — увы, далеко не единственное невольничье судно, снаряженное в Англии и вышедшее из английского же порта, — занималась перевозкой черных рабов. Как и на всех таких кораблях, его команда, состоявшая большей частью из самых отъявленных негодяев, набиралась где и как придется, так что редко можно было встретить среди этих людей хотя бы двоих одной национальности.

В свой последний перед крушением рейс судно отправилось за «товаром» к берегу Гвинейского залива.

---

[1] Бугшприт — передняя мачта, лежащая горизонтально на носу судна.

Там, скупив и погрузив в трюм пятьсот несчастных чернокожих — пятьсот «тюков», как их, посмеиваясь, называли работорговцы, — судно повезло свой «груз» в Бразилию, на позорный рынок, где в те дни еще процветала торговля неграми. Там существовали специальные приемные пункты, на которых людей с черной кожей открыто покупали и продавали в рабство.

На пути из Африки в Южную Америку глубокой ночью, когда судно плыло в открытом океане, на нем внезапно вспыхнул пожар. Потушить его не удалось. В поднявшейся спешке и панике стали спускать на воду гребные суда. На «Пандоре» их было три. Но катер оказался непригодным, а баркас от свалившейся на него сверху бочки получил пробоину и затонул. В исправности оставалась одна гичка, и, воспользовавшись темнотой, капитан вместе со своим помощником и четырьмя матросами тайком сели в нее и сбежали.

Остальные матросы — их было около тридцати человек — успели соорудить большой плот. Не прошло и нескольких секунд после того, как они отвалили от горящего судна, а пламя уже добралось до бочки с порохом и страшный взрыв потряс корабль, довершив катастрофу.

Но что же стало с «черным грузом»? Об этом страшно даже рассказывать.

Несчастные до последней минуты оставались запертыми за решетками люков, наглухо прибитых к палубе брусьями. Они бы там и погибли, задохнувшись в дыму или сгорев заживо среди пылающих досок, если бы среди покидавших корабль не нашлась одна милосердная душа. Это был юноша, почти подросток. Орудуя топором, он сбил один за другим запоры этой плавучей тюрьмы и помог страдальцам-неграм выбраться наружу.

Увы! Им суждено было спастись от пламени только для того, чтобы погибнуть в черной пучине океана.

Минут через десять после взрыва от всех пятисот негров, насильственно увезенных из родных мест, на поверхности океана не осталось ни одного! Не умевшие плавать сразу пошли ко дну, а умевших пожрали акулы: океан вокруг так и кишел ими.

После этого трагического события прошло несколько дней. С этого момента и начинается наш рассказ. Теперь нетрудно догадаться, что это были за люди, о которых говорилось ранее. Волей случая они оказались на одной параллели и плывут сейчас одни за другими, разделенные лишь несколькими десятками миль.

Небольшая лодка, плывшая на запад, — это та самая гичка, которую захватили свирепый капитан «Пандоры» и его не менее свирепый помощник. С ними — плотник и три матроса, которым они разрешили, предательски бросив остальных, бежать вместе с собой. Темнота помогла им в этом. Однако как ни быстро они гребли, до них еще успели донестись те бешеные проклятия и угрозы, которые посылали им вслед обманутые спутники.

Последние и плывут сейчас на большом плоту.

Но кто же те двое, отважившиеся довериться третьему, утлому судну, такому жалкому, что, кажется, поднимись только ветер покрепче, и он разнесет его вдребезги, а пассажиров отправит ко дну? Но, к счастью, почти все время после гибели судна на океане царил полный штиль.

Почему же все-таки эти двое, матрос и юнга, будучи членами команды «Пандоры», плывут отдельно ото всех?

На это была своя причина, о которой мы вкратце сейчас и расскажем. Старший пассажир маленького плота звался Бен Брас и считался из всей команды на судне самым лучшим, самым отважным матросом. Никогда не нанялся бы он на такое судно, если бы не натерпелся множества обид на службе во флоте родной Англии. Они-то и довели его до этого безрассудного поступка, и он давно уже в нем раскаивался.

Его юный товарищ тоже оказался жертвой такого же необдуманного шага. Сгорая жаждой повидать свет, он решил стать моряком и убежал из дому, чтобы наняться юнгой. На свое несчастье, он поступил на «Пандору», не подозревая, что она собой представляет. Однако там так жестоко с ним обращались, что он быстро понял опрометчивость своего поступка. С первой же минуты, как юный Вильям ступил на борт этого неволь-

ничьего корабля, жизнь стала для него сплошным мучением. И он, конечно, не выдержал бы такого существования, не найдись у него столь мужественного друга, как Бен Брас. Матрос вскоре взял его под свою особую защиту. Друзья чувствовали, что у них нет ничего общего со всей этой шайкой разбойников, — с ними их просто столкнула случайность. И они твердо решили при первой возможности расстаться с этой гнусной компанией.

К несчастью, гибель корабля помешала их намерению. Волей-неволей они очутились со всеми на большом плоту. Если бы Брас и юнга остались на том утлом сооружении, на котором они спаслись с горящего корабля, то они потеряли бы и последний, пусть ничтожный, но все-таки шанс на спасение. Поэтому они и пришвартовались к большому плоту, привязав к нему свой.

Несколько дней и ночей пришлось им опять пробыть в обществе этих отвратительных людей, соединив с ними и свою судьбу. Ночью, по воле изменчивых ветров, их носило на сдвоенных плотах из стороны в сторону, а днем, в штиль, они подолгу стояли на месте.

Однако что же все-таки заставило в конце концов Бена Браса вместе с его юным спутником покинуть большой плот? И каким образом они опять оказались на своем маленьком?

Мы не можем не открыть читателю причину, хотя дрожь берет при одной мысли об этом. Дело в том, что если бы Бен Брас не спас своего юного друга, тот был бы съеден. Отважному матросу удалось предотвратить эту страшную трапезу только благодаря хитро задуманному плану, и притом с риском для собственной жизни.

Произошло это так. Скудные запасы провизии, которые этим негодяям удалось захватить с горящего судна, кончились. Они дошли до той степени голода, когда люди не гнушаются самой омерзительной пищей. Но им даже в голову не пришло прибегнуть к принятому в таких страшных случаях обычаю кинуть жребий. Они поступили проще, единодушно договорившись меж-

ду собой умертвить мальчика и съесть его. Один только Бен воспротивился такому злодеянию.

Но его голос не был принят во внимание. Озверевшие матросы стояли на своем. Единственное, чего удалось добиться защитнику юнги, — это обещания отложить убийство до следующего утра.

Матрос знал, что делал, добиваясь этой отсрочки. Ночью поднялся ветер, и сдвоенные плоты тронулись в путь. А когда океан окутался тьмой, Бен Брас перерезал канат, соединявший оба плота. Вот каким образом они оказались опять только вдвоем и отделались от своих опасных спутников. Как только их отнесло на такое расстояние, что шум весел не мог быть услышан, они принялись грести, уходя все дальше и дальше.

Всю ночь гребли они против ветра. И только когда настало утро и на океане опять начался штиль, они решили передохнуть, зная, что недавние спутники теперь их не видят, потому что они опередили большой плот на добрый десяток миль.

После такой утомительной гребли, да еще пережив до этого столько часов напряженной тревоги, юнга так изнемог, что, едва растянулся на парусине, уже крепко спал. Но Бен, опасаясь погони, и не подумал ложиться. Он так и простоял все утро на вахте, прикрыв глаза от солнца ладонью и тревожно вглядываясь в сверкающую на солнце поверхность океана.

Глава III

МОЛИТВА

Тщательно осмотрев океанскую гладь со всех сторон горизонта и особенно с запада, Бен Брас повернулся наконец к Вильяму, за все утро так ни разу и не проснувшемуся.

— До чего устал. бедняга! — пробормотал, глядя на него, матрос. — И не диво, ведь какую неделю мы пережили! Подумать только, как близко он был от смерти! Не мудрено и обессилеть! Но думаю, что не

избавился он от этой беды. Как только мальчуган отдохнет, надо снова взяться за весла, а то как бы нас опять не отнесло назад к ним. Конец тогда нам обоим! Не только мальчика, они и меня сожрут за то, что я увез его. Провалиться мне на месте, если это не так!

Матрос помолчал минуту, размышляя, пустятся за ними в погоню или нет.

— Конечно, — забормотал он опять, — против ветра им наш плот не догнать. Только не взялись бы они теперь за весла... Вот и ветер унялся — океан ровно стеклышко. Гребцов там много, да и весел достаточно, — чего доброго, они нас в самом деле нагонят.

— Ой, Бен, милый Бен, спаси меня! Спаси от этих разбойников! — испуганно, должно быть во сне, забормотал юнга.

— Разрази меня гром, если ему не привиделась какая-нибудь дрянь! — сказал матрос, уловив слова юнги. — Уже и во сне разговаривает. Ему, верно, чудится, будто на него собираются наброситься, как той ночью. Не разбудить ли его? Лучше пускай проснется, раз ему такие страхи снятся. А жалко будить, хорошо бы ему еще немного поспать.

— А-а-а! Они хотят меня убить и съесть! — застонал опять во сне мальчик.

— Разрази меня гром, если им это удастся! Вильм, малыш, проснись, проснись! Слышишь? — И, наклонившись над спящим, Бен растолкал его.

— Ах, Бен, это ты? А где же они? Где эти разбойники?

— За тридевять земель от нас. Они тебе только снились. Вот я и разбудил тебя.

— Как хорошо ты сделал! О, какой страшный сон! Мне снилось, будто они меня съели.

— Полно, Вильм, не съели они тебя и не съедят; вот только если сперва меня прикончат.

— Бен, дорогой, какой же ты хороший! — вскричал юноша. — Ты даже своей жизнью рискнул, чтобы спасти меня. Ах, смогу ли я доказать тебе когда-нибудь, как ценю твою доброту!

— Не стоит об этом и толковать, малыш. Боюсь

только, что мало будет проку от того, что мы удрали. Но уж если нам суждено помереть, то какой угодно смертью, лишь бы не такой. По мне, пускай лучше акулы нас сожрут, только не свой брат, не люди. Тьфу! Даже подумать тошно! Ну, а теперь, малыш, не вешай нос! Правда, положение наше с тобой незавидное! Но кто знает, как еще может повернуться дело. Бог не оставит нас. Мы с тобой не видим, а он, может, в эту минуту смотрит на нас. Жалко, не умею я молиться, не обучали меня этому делу. А ты умеешь?

— Умею. Я знаю молитву «Отче наш». Она нам подойдет?

— Конечно! Лучшей молитвы я и не слыхал. Становись-ка, дружок, на колени и читай ее, а я буду повторять за тобой. Совестно сказать, но я, кажется, забыл ее.

Юнга послушно опустился на колени и начал читать молитву. Бесхитростный душой матрос в такой же позе, молитвенно сложив руки на груди, сосредоточенно слушал, вставляя временами слово, два, всплывавшие у него в памяти.

Кончив, оба торжественно сказали «аминь», и Брас, словно почувствовав прилив новых сил, поднял весло и велел юнге взять второе.

— Только бы нам удалось пройти на восток, — сказал он, — и тогда не видать им нас, как своих ушей. Поработаем веслами часа два — три, пока солнце не начнет припекать, и прости они, прощай тогда навеки! Ну, малыш Вильм, за дело! Давай погребем еще немного, а там отдыхай сколько захочешь!

Усевшись на краю плота, матрос опустил весло в воду, действуя им, как гребец, плывущий в каноэ[1]. Вильям сел с противоположного края, и плот, несмотря на полный штиль, двинулся вперед.

Хотя юнге едва исполнилось шестнадцать лет, он мастерски управлялся с веслом, умея грести на разные лады. Вильям овладел этим искусством еще задолго до того, как стал мечтать о море, и теперь его умение при-

[1] Каноэ — индейский челнок, у которого нет уключин, как в обычной лодке.

шлось как нельзя более кстати. Вдобавок он был для своих лет очень силен и потому не отставал от матроса. Правда, Бен работал не во всю силу.

Но как бы там ни было, плот под согласными ударами двух весел шел довольно быстро — не так, конечно, быстро, как лодка, но все же делая по два — три узла в час.

Долго грести им не пришлось. С запада подул слабый попутный ветер, помогая им плыть в желаемом направлении. Казалось, это было им на руку. А между тем матрос был, видимо, недоволен, заметив, что ветер дует с запада.

— Не нравится мне этот ветер! — крикнул он юнге. — Дул бы себе откуда угодно, я бы слова не сказал. А этот ветер хоть и помогает нам двигаться на восток, да что толку? Ведь он и их туда же гонит. И с парусом они идут быстрее, чем мы с нашими веслами.

— А почему бы и нам не поставить парус? Как ты думаешь, Бен, смогли бы мы? — откликнулся юнга.

— Об этом самом я сейчас и думаю, дружок. Надо только сообразить, из чего бы нам его сделать. Есть у нас брезент от кливера. На нем мы с тобой сейчас сидим. Но брезент слишком толст. А как насчет веревок? Постой, у кливера есть кусок кливер-шкота — это то, что нам нужно. Есть гандшпуг и два весла. Поставим-ка весла торчком и натянем между ними брезент.

Матрос так и сделал. Оторвав кусок брезента, он натянул его между веслами и крепко привязал к ним. И вот самодельный парус, вздувшись, уже подставлял ветру свои несколько квадратных ярдов, что для такого плота было вполне достаточно.

Теперь оставалось только править и следить за тем, чтобы плот шел по ветру в нужном направлении. Для этого матрос пустил в ход гандшпуг вместо руля или рулевого весла.

Бен Брас, усевшись позади паруса с гандшпугом в руках, с удовлетворением смотрел, как отлично он работает. И действительно, едва только ветер надул парус, как плот поплыл по воде со скоростью не меньше пяти узлов в час.

Едва ли большой плот с его шайкой головорезов, чуть не ставших людоедами, двигался быстрее. Следовательно, на каком бы расстоянии он ни находился, маловероятно, что он их нагонит.

Убедив себя в этом, матрос больше не думал о недавно угрожавшей ему и его юному спутнику опасности. Но, чувствуя, однако, как много страшного ждет их еще впереди, они не могли позволить себе ни обменяться хотя бы единым словом радости, ни поздравить друг друга.

Долго молча сидели они, охваченные отчаянием. Лишь слышно было, как в тишине журчит и плещется вода, вскипающая жемчужной пеной по обеим сторонам плота.

Глава IV

ГОЛОД — ОТЧАЯНИЕ

Но ветер оказался слабым и дул недолго. Такой ветер моряки называют «кошачья лапка». Силы его хватает только на то, чтобы чуть взволновать воду, и длится он обычно не больше часа. И вот опять наступил мертвый штиль, и поверхность океана стала ровной, как зеркало.

Маленький плот недвижимо лежал на воде: самодельный парус был бессилен сдвинуть его с места. Все же он и теперь приносил пользу, заслоняя наших скитальцев от солнца; только что поднявшись над горизонтом, оно тем не менее жгло уже со всей беспощадной силой, свойственной ему в тропиках.

Бен больше не предлагал грести, несмотря на то что угроза погони не миновала. Правда, они подвинулись на пять — шесть узлов к востоку. Но ведь и враги сделали, должно быть, столько же; следовательно, расстояние между ними не увеличилось.

Но оттого ли, что усталость и сознание безнадежности их положения подавили энергию Браса, или, может, матрос, поразмыслив хорошенько, действительно стал меньше бояться погони, только он не проявлял

прежнего беспокойства из-за того, что они стоят на месте. Еще раз поднявшись, Бен внимательно, со всех сторон осмотрел горизонт, после чего растянулся в тени паруса, посоветовав юнге сделать то же. Вильям не заставил себя упрашивать и, как только улегся, сразу заснул.

«Хорошо, что он может спать! — подумал Брас. — Малый тоже ведь зверски голоден, вроде меня, ну, а пока спит, меньше мучится. Говорят, кто спит, может дольше продержаться. Не уверен я — так оно или не так. Одно знаю, что сколько раз, бывало, наемся я до отвала перед сном, а утром, смотрю, просыпаюсь такой голодный, будто лег, не взяв в рот и кусочка. Ох-хо-хо! Нечего и пробовать заснуть. Кишки в животе такой марш играют, что не только мне — самому старику Морфею[1] вздремнуть не дадут. Хоть бы крошка чего-нибудь съестного на плоту! Последнюю четвертушку сухаря я проглотил больше полутора суток назад. Ох, чего бы такого съесть?.. Ничего не придумаешь. Башмаки, что ли, пожевать? Да нет, они так просолены морской водой, что от них только пуще пить захочется, а мне и без того больше невмоготу терпеть жажду. Вот беда! Ни еды, ни питья! Что ж это будет? Господи, услышь ты хотя бы молитву малыша Вильма! Моей молитвы ты, конечно, не станешь слушать — слишком большой я нечестивец. Ох-хо-хо! Еще день, два такой голодухи, и мы с Вильмом, пожалуй, оба заснем так, что больше уже и не проснемся».

Всю эту речь, произнесенную им про себя, отчаявшийся матрос закончил таким жалобным стоном, что Вильям сразу очнулся от своего беспокойного, чуткого сна.

— Что случилось, Бен? — спросил он, приподнявшись на локте и тревожно всматриваясь в лицо своего покровителя.

— Ничего особенного, — ответил матрос. Ему не хотелось пугать юношу своими мрачными мыслями.

---

[1] Морфей — в древнегреческой мифологии бог сновидений, сын Сна и Ночи.

— Ты стонал или это мне только показалось? Я испугался — думал, они нас догоняют.

— Нет, малыш, этого я не боюсь. Они, должно быть, от нас здо́рово отстали. При этаком штиле им лень будет и пальцем шевельнуть, не то что грести — по крайней мере, пока у них в бочонке остается хоть капля рома. Ну, а когда они весь его выдуют, то и вовсе не поймут, двигаются они или это их так спьяну качает. Нет, Вильм, не их нам сейчас надо бояться...

— Ох, Бен, я так голоден!.. Я бы что угодно сейчас съел!

— Знаю, малыш, знаю. Мне тоже до смерти есть хочется.

— Тебе-то, должно быть, еще больше моего, Бен. Ведь из двух твоих сухарей ты больше половины отдал мне. Ах, зачем я только взял! Теперь ты, наверно, ужасно мучишься от голода.

— Верно, Вильм, страх как хочется есть. А съел ли я сухаря кусочком больше или меньше, от этого дело не меняется. Все равно придется нам...

— Что «придется нам», Бен? — спросил юнга, заметив, какая тень легла на лицо его друга: таким мрачным и печальным он никогда еще его не видел.

Матрос промолчал. Он ничего не сумел выдумать, а сказать правду не захотел, жалея мальчика, и, отвернувшись, так ничего и не ответил.

— Я знаю, что ты хотел сказать, Бен. Ты думаешь, что нам придется умереть.

— Что ты, что ты, Вильм! Еще есть надежда. Кто знает, как еще дело обернется. Может, мы на нашу молитву получим ответ? Вот что, малыш: давай-ка снова ее всю прочитаем. На этот раз я больше смогу тебе помочь. Когда-то и я ее знал, а послушав, как ты читал, многое вспомнил. Начинай.

Вильям, укрывшись в тени паруса, стал на колени и опять произнес молитву. Матрос, тоже на коленях, своим огрубевшим голосом повторял за ним каждое слово.

Когда они кончили, Бен поднялся и долго-долго смотрел на океан.

Молитва облегчила бесхитростную душу матроса, и на минуту его лицо осветилось надеждой... но только на минуту. Ничего утешительного глазам его не представилось. По-прежнему кругом простирался все тот же беспредельный, синий океан, а над ними все то же беспредельное синее небо.

Ненадолго согревшая душу надежда сразу же сменилась полным отчаянием, и матрос снова улегся ничком позади паруса. И опять оба друга молча лежали рядом. Но ни тот, ни другой не спали. Они словно оцепенели, сраженные полнейшей безнадежностью.

Глава V

ВЕРА — НАДЕЖДА

Как долго матрос и юнга пролежали в этом полубесчувственном состоянии, они не заметили. Во всяком случае, оно длилось, должно быть, не больше нескольких минут, потому что в таких обстоятельствах ум человека не в силах долго оставаться бездейственным.

Из этого состояния их неожиданно вывела не мысль, возникшая в сознании, а скорее чисто внешнее, зрительное впечатление.

Они лежали на спине с открытыми глазами, устремленными в небо. На нем не было ни облачка, которое сколько-нибудь разнообразило бы его однотонную, бескрайнюю синеву.

И вдруг эта однообразная синева вся расцветилась, запестрела множеством каких-то живых существ, которые, сверкая и искрясь, словно серебряные стрелы, пронеслись мимо них над плотом. В ярком солнечном свете мелькнули они изголуба-белыми пятнами, и в этих светлых ярких созданиях, которых по полету можно было принять за птиц, матрос узнал обитателей океанских глубин.

— Косяк летучей рыбы, — вяло заметил он, даже не приподнявшись.

И вдруг, увидев, как эти рыбы низко, чуть не заде-

вая за парус, продолжают летать над плотом, матрос вскочил на ноги и крикнул:

— А что, если нам сбить одну из них?! Где гандшпуг?

Впрочем, последний вопрос он задал совершенно машинально, потому что тут же, не дожидаясь ответа, резким движением схватил гандшпуг, лежавший неподалеку от него, и высоко занес его над головой.

Возможно, ему удалось бы сбить одно из этих крылато-плавающих созданий, стаей носившихся над ними, выскакивая из океана на поверхность, чтобы спастись от альбакоров и бонит. Но гандшпуг не понадобился: на самом плоту нашлось более верное средство добыть рыбу — сделанный Беном парус. Только матрос собрался было замахнуться гандшпугом, как что-то сверкнуло прямо перед его глазами, а до ушей донесся радостный возглас Вильяма: одна из летучих рыб с размаху ударилась о парус и, конечно, свалилась на плот. Слышно было, как она трепыхалась, путаясь в брезенте, видимо более изумленная, чем сам Брас, свидетель ее несчастья, или чем юнга Вильям, на лицо которого она свалилась. Если, как говорят, птица в руках сто́ит двух в кустах, то, руководствуясь той же поговоркой, рыба в руках сто́ит, должно быть, двух в воде и уж гораздо больше двух в воздухе.

Такие мысли мелькнули, вероятно, в голове у Бена Браса, потому что он, перестав размахивать гандшпугом в надежде оглушить и вторую рыбу, швырнул его на плот, а сам, нагнувшись, рванулся за той, которая по своей доброй воле или, вернее, вопреки ей оказалась их жертвой.

Она так металась, что могла, очутившись у края плота, вот-вот уйти в воду. Этого, несомненно, очень хотелось самой рыбе, но совсем не хотелось обитателям плота. И чтобы этого не случилось, они бросились на колени и, ползая, стали охотиться за рыбой, напоминая в эту минуту двух терьеров, которым не терпится поскорее вцепиться в мечущуюся между ними полевую мышь.

Юнге дважды удавалось схватить рыбу, но это скользкое создание со своими колючими плавниками-

Бен Брас схватил гандшпуг и занес его над головой.

крыльями всякий раз ухитрялось выскочить из рук. Еще неизвестно было, поймают ли они ее или им суждено только испытать танталовы[1] муки и, глядя на рыбу, касаясь ее, раздразнив свой аппетит, так и не полакомиться своей добычей.

Одна мысль о таком печальном исходе заставила Бена Браса напрячь все свои усилия, всю энергию. Он даже решил, что, если рыба упадет в воду, он тут же кинется следом за ней, поскольку рыбу, которая снова попадает в свою родную стихию, надо ловить, не медля ни одной секунды, пока она еще не успела опомниться. И только он подумал об этом, как ему подвернулся более надежный способ поймать ее, для чего совсем не было надобности прыгать за ней в океан и промокнуть до нитки.

Судорожно метавшаяся рыба действительно очутилась у самого края плота. Но ей не суждено было двинуться дальше. Брас сообразил, какой козырь идет ему в руки, и незакрепленным краем паруса накрыл забившуюся под ним пленницу. Сильно притиснув ее ладонью, Бен положил таким образом конец ее бешеным усилиям освободиться. И когда он приподнял парус, то увидел, что рыба лежит, чуть сплющившись, и, лишнее, конечно, добавлять, мертвая, как соленая селедка.

Простодушный матрос усмотрел в этой так вовремя посланной им пище всемогущую руку провидения. И, не задумываясь, приписал это силе дважды ими прочитанной молитвы.

— Видишь, Вильм, это нам ответ на молитву. Давай-ка прочитаем ее еще разок, как бы в благодарность. Пославший нам еду может послать и пресную воду в открытом океане. Ну, малыш, как говорил, бывало, наш священник в церкви: господу нашему помолимся!

И, закончив эту речь, хотя и произнесенную с торжественной серьезностью, но прозвучавшую довольно комически, матрос опустился на колени, вторя своему юному товарищу.

---

[1] Тантал — царь Лидии. Согласно мифу, был осужден богами за убийство сына на вечный голод и жажду.

Глава VI

ЛЕТУЧАЯ РЫБА

Летучая рыба является одним из самых примечательных «чудес» океана. Вот почему мы в нашем повествовании, посвященном главным образом описаниям его глубин, не можем ограничиться краткой заметкой о ней.

Еще в самые давние времена, когда люди впервые стали плавать по морям и океанам, они с изумлением наблюдали одно явление, которое и в наши дни не только поражает каждого, кто впервые его видит, но и поныне остается загадкой. Рыба, существо, которому самой природой положено всегда пребывать в воде, выскакивает вдруг из глубин океана на поверхность и совершает прыжок высотой чуть ли не с двухэтажный дом! К тому же, прежде чем вернуться в свою естественную стихию, она, находясь в воздухе, может пролететь в длину на расстояние одной стадии [1]. Удивительно ли, что это зрелище поражает даже самого равнодушного наблюдателя, заставляет задуматься любознательного, а для естествоиспытателя служит предметом самых интересных исследований.

Летучая рыба редко где водится, кроме теплых широт. Поэтому не многим из тех, кто не бывал в тропиках, случалось наблюдать ее в полете.

Существует не один вид летучих рыб; больше того, они столь разнообразны, что образуют два семейства, весьма разнящихся между собой.

Прежде всего мы скажем о двух видах летучих рыб, принадлежащих к роду летучек.

Один из этих видов — летучка европейская — водится не только в умеренных и тропических частях Атлантического океана, но и в Средиземном море. Эта пятнисто-бурая рыба достигает полуметра в длину. Ее огромные грудные плавники с острыми лучами придают головастой рыбе странный вид: во время полета она выглядит колючей «растопырой».

---

[1] С т а д и я — 1/8 английской мили, около 185 метров.

Другой вид летучек — летучка восточная — живет в Индийском океане.

Выскакивая из воды, летучки пролетают до ста метров и опускаются на воду. Нужно сказать, что летают они тяжеловато.

Долгоперы — вот кого можно назвать хорошими летунами! И сама их внешность говорит об этом.

У долгоперов — стройное вытянутое тело, небольшая голова, глубоко вырезанный хвостовой плавник и очень длинные заостренные грудные плавники. Огромный плавательный пузырь занимает половину объема тела долгопера. Это очень важное обстоятельство: уменьшается вес рыбы и облегчается ее полет.

Известно много видов долгоперов.

По своим повадкам они очень схожи друг с другом, но различаются окраской и теми или иными особенностями строения.

Долгоперы встречаются не только во всех морях жарких и тропических стран. Один из видов долгоперов живет в Средиземном море, можно увидеть его и у берегов Англии. Есть долгоперы и в северной части Японского моря.

Пищей долгоперам служат рачки, плавающие моллюски и мелкая рыба. И сами они — добыча для более крупных рыб, например тунцов. Охотятся за ними и дельфины.

Спасаясь от врагов, долгоперы выскакивают из воды и несутся по воздуху. Но не всегда им удается уцелеть. В воздухе тоже есть враги: альбатросы и другие птицы открытого моря.

Летит долгопер наподобие бумажной стрелы — он планирует. Движущая сила — толчок хвостом, удар им по воде.

Спасаясь от преследователя, рыба мчится в воде, изо всех сил работая хвостом. Вот она поднялась к самой поверхности, высунула из воды голову... Мгновение — и сильный толчок-удар хвостом выбрасывает рыбу из воды.

О силе толчка можно судить по тому, что рыба поднимается на четыре, пять и даже шесть метров над

водой. И она летит сто, полтораста и даже более метров. Конечно, прыжок может быть и ниже, а полет короче.

Продолжительность полета — от нескольких секунд до минуты. И понятно, чем сильнее разогналась рыба еще в воде, чем сильнее был последний удар хвостом, тем выше над водой она поднимется. А это означает, что тем дольше она продержится в воздухе: длиннее окажется спуск на воду.

Против ветра летучая рыба летит дальше, чем по ветру.

Во время полета долгопер, как и всякая летучая рыба, не машет своими огромными плавниками. Он не работает ими, как птица крыльями. Плавники помогают рыбе удержаться в воздухе — они служат своеобразным парашютом, но и только.

Летучие рыбы нередко взлетают около судна: врезавшись в стаю, судно вспугивает рыб. И они спасаются от него своим обычным способом: летят. Но они не так уж часто падают на палубу судна, особенно днем. В ветреные ночи это случается при боковом ветре. Причина проста: ветер заносит летучих рыб на судно.

Стайку долгоперов, поднявшихся в воздух, по ошибке легко принять за белокрылых птиц. Но сверкающий — особенно на солнце — блеск чешуи говорит о том, что перед нами рыбы.

Какое это очаровательное зрелище! Никто не может им вдоволь налюбоваться: ни старый «морской волк», наблюдающий его, должно быть, в тысячный раз, ни юнга, совершающий свой первый рейс и увидевший его впервые в жизни.

Сколько раз долгие часы скуки, томящие пассажира корабля, когда он сидит на корме, неустанно глядя на бесконечное водное пространство, сразу сменялись веселым оживлением при виде стайки летучих рыб, внезапно, сверкая серебром, поднявшихся из глубин океана!

Кажется, на свете нет существа, у которого было бы столько врагов, как у летучей рыбы.

Она ведь и в воздух-то поднимается для того, чтобы спастись от своих многочисленных преследователей

в океане. Но это называется «попасть из огня да в полымя». Спасаясь от пасти своих постоянных врагов: дельфинов, альбакоров, бонит и других тиранов океана, она попадает в клюв к альбатросам, глупышам и прочим тиранам воздуха.

Многие испытывают жалость, или, во всяком случае, говорят, что ее испытывают, по отношению к этим прелестным и на вид столь невинным, слабеньким жертвам. Их состраданию наносится жестокий удар, когда они узнают, что эта «милая» рыбка ничем не лучше щуки и, подобно ей, является одним из тиранов океана. Она, оказывается, тоже самым безжалостным образом истребляет мелкую рыбешку — любую, какая только может пролезть ей в глотку!

Кроме этих двух описанных нами видов летучей рыбы, существуют еще некоторые другие обитатели океана, способные держаться в воздухе, — правда, всего в течение нескольких секунд. Они наподобие летучих рыб выскакивают из воды и целыми стаями поднимаются в воздух, спасаясь, как и летучие рыбы, от своих врагов — альбакоров и бонит. Это скорее головоногие моллюски. Китобои на Тихом океане называют их «летучие каракатицы».

Глава VII

ЖИВИТЕЛЬНАЯ ТУЧА

Летучая рыба, столь чудесно попавшаяся к двум смертельно голодным, затерянным в океане людям, принадлежала к особому виду «экзоцетус эволанс», или, как называют ее моряки, «испанская летучая рыба», — общеизвестная обитательница жарких широт Атлантического океана. Спинка и бока у нее были голубовато-стального цвета, брюшко — оливкового, отливающего серебристо-белым, а крупные плавники-крылья — пыльно-серого оттенка. Пойманная рыба была сравнительно крупным экземпляром — длиной в фут и почти в фунт весом.

Что и говорить, двум таким изголодавшимся людям ее хватило, что называется, на один зуб. Но все-таки немножко она их подкрепила.

Надо ли даже упоминать о том, что съели они ее сырой. Конечно, при других обстоятельствах они сочли бы это тяжелым испытанием, но сейчас им даже в голову не пришло разбирать, сырая она или вареная. Она им показалась настоящим деликатесом, и они только пожалели, что им досталось так мало.

Между прочим, летучая рыба — конечно, не сырая — является действительно одним из самых лакомых блюд, напоминая по вкусу свежую, хорошо приготовленную сельдь.

Но вот пришла новая беда. Теперь, когда они слегка заморили червячка, жажда, которая и без того изрядно их мучила, еще усилилась. Может быть, виновата в том была рыба с ее солоноватыми соками, но только не прошло и нескольких минут после того, как они ее съели, а жажда стала уже нестерпимой.

Переносить сильную жажду всегда и везде очень тяжело. Но нигде она не бывает так мучительна, как в море. Самый вид обилия воды, которую нельзя пить, потому что ею так же невозможно утолить жажду, как и сухим песком в пустыне, непосредственная близость этой водной стихии скорее распаляют жажду, чем облегчают ее. Что толку от того, что вы, окунув пальцы в соленую воду, попытаетесь охладить ею горящий язык и губы или смочить рот? Проглотить-то ее все равно нельзя! Это то же, что пытаться утолить жажду горящим спиртом. Стоит только взять в рот немножко этой горьковато-соленой влаги, как слюнные железы моментально пересыхают и всю внутренность начинает жечь с удвоенной силой.

Бен Брас хорошо знал это и раз или два, когда юнга, зачерпнув ладонью немного морской воды, подносил ее к губам, чтобы выпить, матрос уговаривал его не делать этого, потому что это только усилит мучения. Обнаружив у себя в кармане свинцовую пулю, Брас дал ее мальчику, посоветовав взять в рот и сосать. Это, учил его Бен, усилит выделение слюны и рот не будет

так пересыхать. Конечно, это жажды не утолило, но стало как будто легче терпеть.

Сам Бен приложил топор лезвием к губам и, то прижимая язык к железу, то покусывая его, пытался добиться такого же результата.

Но все это служило только жалкими средствами уменьшить страшную жажду, которая вытеснила у них все мысли, все чувства — и веселые и грустные. Ни о чем, кроме нее, они больше не в силах были думать: все было заслонено этой мукой. Даже мысль о голоде отошла на задний план, ибо чувство даже сильнейшего голода куда менее мучительно, чем чувство сильной жажды. От голода тело слабеет, и от физического истощения притупляются нервы, отчего тело становится менее восприимчивым к переносимым страданиям. Между тем даже при самой нестерпимой жажде тело не теряет прежней силы и потому ощущает ее острее.

Так они мучились уже в течение нескольких часов и все это время не проронили почти ни слова. Лишь изредка матрос пытался ободрить своего юного друга, но чувствовалось, что слова утешения слетали с его уст совершенно механически и что, произнося их, он сам потерял всякую надежду на спасение. Но как ни мало осталось ее, он временами вставал, чтобы изучать горизонт; когда же его поиски заканчивались полным разочарованием, он опять опускался на брезент и, то лежа, то стоя на коленях, на короткий миг словно цепенел от отчаяния.

Из этого настроения его внезапно вывело одно обстоятельство, на которое юнга, хотя и заметивший его, не обратил никакого внимания. Неведомо откуда вдруг взявшаяся туча закрыла солнце — только и всего.

«Что это его так удивило?» — подумал Вильям, увидев, как поразило его товарища это незначительное явление. Действительно, Бен Брас, заметив тучу, вскочил и жадно уставился на небо. Лицо его преобразилось. Глаза, в которых только что читалось одно мрачное отчаяние, заблестели надеждой. Поистине, туча, омрачившая лик солнца, произвела, казалось, прямо противоположное действие на лицо матроса.

Глава VIII

БРЕЗЕНТОВЫЙ «БАК»

— Что с тобой, Бен? — спросил Вильям охрипшим, сдавленным голосом — так пересохло у него от жажды горло. — У тебя такой сияющий вид. Ты увидел что-нибудь хорошее?

— Вот что я увидел! — показал матрос на небо.

— Ничего не вижу, кроме этой большой тучи... только что за ней пряталось солнце. Что же тут особенного?

— Что особенного? Если мне это не показалось, туча несет нам то, чего мы с тобой хотим больше всего на свете!

— Воду?! — задыхаясь, крикнул Вильям, и глаза у него засияли от радости. — Ты думаешь, это дождевая туча?

— Я не буду Бен Брас, если это не дождевые тучи. Ты только взгляни, сколько их нашло! Мне никогда не приходилось видеть, чтобы такая гряда туч не разразилась дождем. И если ветер нагонит их сюда, они угостят нас таким ливнем, что только держись. Главное — они спасут нас от смерти... Смотри-ка, малыш! — закричал матрос. — Ветер гонит их к нам. Там, на западе, их немало собралось, и ветер дует оттуда. Ура, Вильм! Там уже идет дождь. Это так же верно, как меня зовут Бен Брас! Посмотри, какая мгла стоит в той стороне над океаном! Дождь от нас еще далеко, примерно милях в двадцати, но ничего, ничего: если только ветер не переменит направления, дождь должен дойти до нас.

— Но если б это и случилось, Бен, нам-то что толку от этого? Дождем не напьешься, в рот попадут только отдельные капли. А набрать воду нам не во что.

— Как — не во что? А на что наше платье, наши рубахи? Если только начнется дождь, он хлынет как из ведра. Я знаю, какой он бывает в этих местах. На нас и нитки сухой не останется: штаны, куртка, рубаха — все до последнего лоскуточка насквозь промокнет. Мы выжмем из них досуха воду и ею напьемся.

— Но куда же мы ее выжмем? Посуды-то у нас нет!

— Куда выжмем? Прежде всего себе в рот, а потом... В самом деле... Вот жалость! Как же это я не сообразил! Ведь нам и вправду некуда ее девать... Во всяком случае, главное сейчас — это вволю напиться, а там потерпим опять. И рыбки мы уж как-нибудь да наловим, только бы сейчас, сию минуту, хорошенько напиться воды! Эх! А дождь, смотри, все ближе к нам и ближе. Видишь те черные тучи? Молния по ним так и чиркает. Значит, наверняка сейчас и здесь хлынет дождь. Давай все с себя снимем и расстелим на плоту, чтобы дождь нас не застал врасплох.

И Бен Брас быстро принялся стаскивать с себя матросскую куртку, как вдруг, остановив на чем-то взгляд, задержал это движение на мгновение, и у него вырвалось одно слово: «Брезент!»

И матрос показал рукой на просмоленный брезент, служивший им теперь парусом, а раньше, на «Пандоре», навесом для кормового люка. Однако юнга не понял, что он хотел сказать этим движением.

Заметив недоуменный взгляд мальчика, Бен не стал его томить:

— По-твоему, нам не во что набрать воды? Так, кажется, ты сказал? А это что, Вильм?

— О! — вскрикнул юнга, поняв наконец мысль матроса. — Ты думаешь...

— Я думаю, Вильм, что нам этой тары хватит с излишком: в нее войдут десятки галлонов воды.

— А разве брезент не даст ей просочиться?

— Конечно, недаром мы сделали его непромокаемым! Я ведь сам помогал промазывать его смолой. Из него получится такой бак, что лучше не надо. Расстелем брезент так, чтобы в середке у него образовалась впадина, и, когда начнется дождь, он столько нальет в нее воды, что хоть плавай в нем, как по озеру. Ура-а-а! Сейчас и здесь польет!.. Погляди-ка туда вон — дождь совсем рядом!.. Готовься! Убирай грот-мачту, отвязывай снасти! Вместо того чтобы, как поется в песне «Раскинем наш парус ветру навстречу»,

раскинем-ка мы его на плоту навстречу дождю. Живее, Вильм, живее, дружок!

Миг — и юнга уже был на ногах. Оба быстро принялись отвязывать веревки, удерживающие брезент, и через несколько секунд парус лежал на плоту. «Мачты» решено было оставить пока на месте, потому что они были прочно установлены в гнезда.

Сначала матрос решил, что они будут держать брезент на весу. Но у него было время хорошенько все обдумать, и он изменил свой первоначальный план. План этот тем не годился, что руки обоих оказались бы заняты. Положим, водичка и попала бы к ним в брезент, ну а потом? Что они стали бы с ней делать, как пить?

И Бен нашел выход. Взяв с плота парусину кливера, вместе с юнгой они соорудили из нее род низкого замкнутого барьера овальной формы, затем наложили брезент так, что он не только накрыл этот барьер, но часть его еще заходила за края. Потом они вдавили брезент в середине, отчего в нем получилось углубление достаточной емкости.

Они очень тщательно, что было необходимо в данном случае, просмотрели весь брезент, нет ли в нем прорех — как бы не вытекла драгоценная влага! Убедившись, что брезент цел, матрос взял Вильяма за руку, и, опустившись на колени, два друга жадно уставились на небо, глядя, как приближаются низкие, черные тучи, несущие им спасение.

Глава IX

ОСВЕЖАЮЩИЙ ДУШ

Ждать им пришлось недолго. Гроза надвигалась все ближе и, к величайшему блаженству матроса и юнги, разразилась таким ливнем, словно у них над головой пронесся водяной смерч.

Не прошло и минуты — углубление в брезенте наполнилось водой на целую четверть. И оба жаждущих уже лежали ничком над ним, почти касаясь головами,

и, приникнув к воде губами, жадно всасывали в себя чудесную влагу почти с такой же быстротой, с какой она лилась сверху.

Долго лежали они все в той же позе, наслаждаясь льющейся с неба водой. Ничего более вкусного они в жизни не пили! И так поглощены они были этим блаженным занятием, что, пока не напились до отвала, не произнесли ни одного слова. Зато промокли они насквозь: тропический ливень — непрерывный поток тяжелых, крупных капель — сразу же промочил их до нитки. Но наши друзья не сетовали на это, а, наоборот, наслаждались душем. Прохладная дождевая вода приятно освежила тело, сожженное палящим солнцем.

— Ну, малыш, — сказал Бен, отдуваясь после того, как проглотил не меньше галлона дождевой воды. — не говорил ли я тебе, что если мы получили в самое трудное для нас время еду, то получим и воду? Ты только посмотри, сколько ее натекло! Теперь нам надолго хватит воды и наше дело — не дать ей испариться. Если это случится, мы сами будем виноваты и, значит, стоим того, чтобы помереть от жажды.

— Но что мы можем сделать, когда нам не в чем ее сохранить?

— Надо что-то придумать. Дождь скоро перестанет. Возле экватора всегда так: хотя он и ливмя льет, а длится всего полчаса или того меньше. И только ливень кончится, снова выглянет солнце и начнет попрежнему припекать. Тогда погибла наша вода — высохнет еще быстрее, чем налилась, если мы, конечно, оставим ее здесь... Увидишь, через полчаса наш брезент будет таким же сухим, как пух на спинке у глупыша.

— Неужели? Что же нам сделать, чтобы вода не испарилась?

— Дай подумать, — ответил матрос, почесывая в затылке. — Может, к тому времени, как дождь кончится, я что-нибудь соображу.

Несколько минут матрос просидел молча, озабоченно размышляя. Вильям с нетерпением следил за ним, ожидая результатов.

И вдруг вся физиономия матроса расплылась в

улыбку — юнга понял, что он нашел удачный способ сберечь воду.

— Ну, малыш, дело наше, кажется, пойдет на лад. Я придумал, как нам обойтись без бочки.

— Правда, Бен? Ну как, как?

— Обойдемся брезентом. Он будет держать воду не хуже стеклянной бутылки. Я сам его промазал смолой, а уж если я что делаю, то делаю на совесть. Так и нужно, Вильм, правда?

— Правда, Бен.

— То-то оно и есть, малыш. Возьми и ты себе за правило — работать только добросовестно! Хорошая работа редко когда подводит. Зато плохая против тебя же оборачивается. Увидишь, мой брезент нас еще выручит...

Матрос прервал свои наставления, потому что дождь прошел и солнце, выглянув из-за туч, стало припекать по-прежнему.

— Ну, Вильм, давай приниматься за дело — у нас считанные минуты. Только сперва выпьем еще немножко воды, пока я не заткнул пробкой нашу бутыль.

Вильям, правда, не совсем понял, про какую бутыль с пробкой говорит матрос, однако послушно опять растянулся над углублением в брезенте и стал усердно пить. Бен сделал то же самое и втянул в свой объемистый желудок по меньшей мере еще несколько пинт живительной влаги. Затем поднялся, удовлетворенно крякнул и знаком велел подняться Вильяму.

Перед тем как приступить к работе, Бен рассказал юнге, в чем состоит его план. Благодаря этому Вильям мог быстро, толково ему помочь, ни на минуту не задерживая, что значительно облегчило дело, так как выполнить его можно было только вдвоем и работая во всю силу.

План Бена был довольно остроумен и в то же время прост. Сначала надо было приподнять все четыре угла брезента, а потом и все края, да так, чтобы не выплеснуть воду через кромку полотнища, и затем свести все концы вместе. Таким образом у них получился мешок с туго стянутым отверстием. Правда, немного

воды при этом все-таки вылилось. И в то время как Бен держал мешок, плотно сжав складки у горловины, юнга ловко перехватил его под самыми руками Бена заранее приготовленной из толстой веревки петлей. Другой конец веревки он обмотал вокруг одной из «мачт» и стал ее затягивать. Когда он туго затянул брезент и матрос мог освободить руки, они уже вдвоем обхватили мешок второй петлей пониже и на всякий случай, дважды обмотав вокруг него веревку, завязали ее крепким узлом.

Лежавший на плоту брезент с водой походил на гигантское брюхо какого-нибудь диковинного зверя, вымазанное смолой. Но для того чтобы вода не просачивалась через складки, его нужно было держать всегда горловиной кверху. Это было делом нетрудным. Они подвесили мешок к верхушке весла-мачты, дважды обмотав другой конец веревки вокруг нее и тоже завязав крепким узлом. Теперь вода в брезентовом «баке» могла бултыхаться сколько ей угодно — вылиться ей все равно неоткуда.

Итак, им удалось запастись по меньшей мере двенадцатью галлонами питьевой воды, и хранилась она в надежной таре, полностью удовлетворявшей Бена.

Глава X

ЛОЦМАН-РЫБА

После чудесного избавления от самой мучительной из всех видов смерти — смерти от жажды, матрос стал еще больше надеяться, что им удастся найти выход из отчаянного положения. И они с юнгой решили сделать все, чтобы эта надежда осуществилась.

Теперь у них был основательный запас воды, и при достаточной экономии им должно было хватить его надолго. Обеспечить бы себя теперь таким же запасом пищи, и тогда они, возможно, и продержатся, пока какой-нибудь проходящий мимо корабль не подберет их. А какое же еще могло быть средство спасения?

Раздобыть пищу — значило для них выловить ее из воды. Конечно, в этом бескрайном океанском бассейне еды было сколько угодно — дело было только за способом ее получить.

Матрос хорошо понимал, что рыб, этих пугливых обитателей океана, не так-то легко поймать. При тех жалких способах рыбной ловли, какие у них имелись, все усилия поймать хотя бы одну рыбку могут окончиться неудачей.

Однако попытаться стоит. И матрос с юнгой приступили к работе с той бодрой уверенностью, с какой энергичные люди обычно берутся за трудное дело.

В первую очередь надо было приготовить удочки и крючки. Случайно у них нашлось несколько булавок, и Бен смастерил изрядное количество крючков. Для лесок они рассучили на отдельные пряди канат и сплели из них веревки нужной толщины. Из кусочков дерева подходящего размера сделали поплавки, а на грузило пошла та самая свинцовая пуля, с помощью которой бедняжка Вильям еще так недавно и безуспешно пытался утолить муки жажды. Кости и плавники летучей рыбы — все, что от нее осталось, — послужат наживкой. Не очень, правда, заманчивая приманка: на ней не осталось и намека на мясо, но Бена это не смущало. Он по опыту знал, что в океане много таких рыб, которые проглотят, не разбирая, хотя бы кусок тряпки.

В течение дня они много раз видели рыбу у плота. Но, страдая от жажды больше, чем от голода, и отчаявшись утолить ее, они и не думали заняться рыбной ловлей. Зато теперь они решили взяться за это дело всерьез.

Дождь прошел, ветер утих, океан походил на стекло. Тучи растаяли, и на ясном небе опять ослепительно сверкало знойное солнце.

Бен стоял на плоту, держа удочку, наживленную кусочком плавника летучей рыбы, и внимательно всматривался в воду. Она была так прозрачна, что на глубине в несколько саженей можно было бы разглядеть даже самую маленькую рыбку.

Вильям стоял у противоположного края с удочкой в руках, тоже в полной боевой готовности.

Долгое время их усилия оставались безрезультатными: вода кругом словно вымерла. Ни единого живого существа, ничего, кроме бесконечной синевы океана — прекраснейшего зрелища, угнетавшего их сейчас своим однообразием.

Так простояли они с час, когда вдруг юнга радостно вскрикнул. Обернувшись, матрос увидел, что к краю плота, где стоял Вильям, подплыла рыба. Она-то и вызвала радостный возглас мальчика, уже собиравшегося забросить удочку. Но его радость сразу померкла: он заметил, что его покровитель совсем ее не разделяет. Наоборот, Бен при виде этой рыбы почему-то нахмурился.

Но почему? Что ему в ней не понравилось? Рыба была очень красива — маленькая, безукоризненной формы и прелестной расцветки: светло-голубая с поперечными кольцами более темного оттенка. Отчего же у Бена при взгляде на нее так вытянулось лицо?

— Незачем тебе забрасывать удочку, Вильм, — сказал он. — Эта рыбка не возьмет твоей наживки... не она ее возьмет.

— Почему? — удивленно спросил юнга.

— А потому, что у нее найдутся дела поважнее; ей сейчас не до того, чтобы промышлять для себя пищу. Верно, где-то здесь близко ее хозяин.

— Хозяин? Я что-то тебя не понимаю, Бен. Что это за рыба?

— Лоцман-рыба... Видишь, она уходит? Возвращается к тому, кто послал ее.

— Да кто же мог ее послать, Бен?

— Понятно кто: акула!.. Ну что, говорил я тебе? Взгляни-ка в ту сторону. Черт возьми, их целых две! Да какие крупные! Разрази меня гром, если мне когда-либо приходилось видеть этакую парочку! Ты посмотри, какие у них плавники, словно паруса! Лоцман-рыба уходила за ними, чтобы проводить их сюда... Пускай меня повесят, если они не к нам плывут!

Взглянув туда, куда указывал Бен, Вильям заметил два громадных, торчащих на несколько футов из-под

воды, спинных плавника. Он сразу узнал по ним белых акул, так как ему уже не раз приходилось видеть этих океанских чудищ.

Действительно, все произошло так, как говорил Бен Брас. Рыба, только что плывшая саженях в двадцати от плота, вдруг круто повернулась и поплыла назад к акулам. А теперь она снова плыла сюда, держась на несколько футов впереди акул, словно в самом деле вела их к плоту.

«Но отчего у Бена такой встревоженный голос? — подумал юнга. — Видно, близость этих безобразных тварей таит в себе опасность!» Вильям угадал: Бен действительно был встревожен. Конечно, находясь на борту большого судна, можно было бы без страха глядеть на подплывавших акул. Но совсем другое дело — этот зыбкий помост, такой плоский, что ноги у них находились почти вровень с водой: акулы легко могли напасть на них.

Матрос сам не раз был свидетелем таких случаев. И потому неудивительно, что, по мере того как акулы приближались, он испытывал уже не тревогу, а настоящий страх.

Но события развертывались так стремительно, что Брас не успел даже подумать, что предпринять в случае нападения, а юнга — расспросить его о повадках белых акул.

Едва Бен договорил последние слова, как акула, плывшая впереди, яростно хлестнула по воде своим широким, раздвоенным хвостом и, одним броском кинувшись к плоту, ударилась об него с такой силой, что он чуть было не перевернулся.

Вторая акула тоже метнулась к плоту, но, взяв почему-то в сторону, вцепилась своей огромной пастью в выступ одного из брусьев плота и перекусила его, словно брус был из пробкового дерева.

Мигом проглотив целиком огромный кусок, она перевернулась в воде, собираясь ринуться в новую атаку.

Брас с Вильямом побросали удочки. Матрос инстинктивно схватился за топор, юнга — за гандшпуг, и

вот уже оба стояли рядом, приготовившись к новому нападению врага.

Оно не замедлило повториться. Только что нападавшая акула вернулась первая. Стрелой устремилась она вперед, выскочив чуть не всем туловищем из воды, и ее отвратительная морда очутилась над самым краем плота.

Еще секунда — и шаткий плот перевернулся бы или погрузился бы в воду, и тогда они достались бы акулам.

Но Бен Брас и его юный товарищ вовсе не собирались расстаться с жизнью, не попытавшись нанести хотя бы один удар, защищая себя. И матрос действительно нанес его — да такой, что мгновенно избавился от своего противника.

Для большей устойчивости обхватив одной рукой весло, служившее мачтой, другой он поднял топор и что было силы хватил им по гнусной образине. Удар, направленный меткой и сильной рукой, пришелся по морде акулы как раз между ноздрями.

Удачнее места для удара нельзя было и выбрать: нос у акулы — один из самых важных жизненных центров. Как ни велика акула, как ни сильна, но один удар гандшпуга или простой дубины между ноздрями, нанесенный сильной и уверенной рукой, — и уже никогда больше хищнику не преследовать свою добычу!

Так и случилось. Довольно было такого удара, какой отвесил ей Брас, чтобы страшная тварь мгновенно перевернулась брюхом вверх. Раза два еще взмахнула она своим огромным хвостом, по ее телу прошла сильная судорога, и вот она уже поплыла по воде, недвижная, как бревно.

Вильяму меньше посчастливилось со своим противником, хотя ему все-таки удалось отогнать его. Только чудище, ощерив свою огромную пасть, сунулось головой на плот, как юнга, замахнувшись, угодил ему гандшпугом прямо между челюстями.

Акула вцепилась в гандшпуг тройным рядом своих страшных зубов и, выбив его одним движением головы из рук Вильяма, понеслась прочь, дробя его

Бен Брас что было силы хватил топором по гнусной образине.

зубами и глотая кусок за куском, словно это были хлеб или мясо.

Через несколько минут от гандшпуга осталось только несколько плавающих по воде обломков. Но куда бо́льшим удовольствием было видеть, как акула, превратившая гандшпуг в фарш, исчезла под водой и больше не показывалась!

Вильям и Брас удивились этому исчезновению; удовлетворила ли она свой ненасытный аппетит деревянным лакомством или же испугалась при виде участи, постигшей ее спутницу, гораздо более крупную, чем сама она, — так и осталось для них неразрешенным. Да это и мало их интересовало — важно было одно: они избавились от ужасного хищника.

Решив, что акула убралась от них навсегда, и глядя на вторую, перевернувшуюся белым брюхом кверху, они не смогли сдержать своей радости, и над океаном раздался громкий, ликующий клич победы.

Глава XI

СКУДНЫЙ ОБЕД

Убитая топором акула все еще шевелила плавниками, словно продолжая плыть.

Человеку, незнакомому с особенностями этих океанских чудищ, могло показаться, что она еще жива и в самом деле собирается уплыть. Но Бен Брас знал, что это не так. Много он брал их на крюк приманкой, помогая потом втаскивать на борт по сходням и рубить на куски. Бывалый матрос, много раз пересекавший Атлантику, он хорошо изучил повадки этих прожорливых тварей, так что на этот счет смело мог бы поспорить с любым кабинетным ученым-естествоиспытателем, никогда не видавшим акулу в ее естественной стихии. Брасу не раз приходилось наблюдать, как эту тварь втаскивали на борт с проглоченным ею огромным стальным крюком, а потом, вспоров брюхо и вынув внутренности, снова выбрасывали обратно в воду,

и животное не только шевелило плавниками, но даже отплывало на порядочное расстояние от корабля. Более того, он видел однажды, как акулу разрезали надвое и отсекли ей голову, и все-таки обе части туловища долго еще обнаруживали признаки жизни. Говорят о живучести кошки или угря. Да акула перенесет смертельных мучений куда больше, чем двадцать кошек, вместе взятых, и все-таки будет еще некоторое время жить!

— А здо́рово я ее трахнул! — произнес, торжествуя, матрос при виде плывущей вверх брюхом акулы. — Угодил ей в самую середку морды! Теперь не станет к нам приставать... А где же твоя?

— Вон она куда убралась! — ответил юнга, показывая в ту сторону, куда исчезла меньшая акула. — Вырвала у меня из рук гандшпуг и изломала его в куски. Видишь, там на воде плывет несколько обломков? Это все, что осталось от нашего гандшпуга. Так рванула, что я выпустил его из рук. Едва на ногах удержался.

— Еще дешево отделался. Удивительно, как она тебя с плота не стащила вместе с твоим гандшпугом. Хорошо, что ты вовремя его бросил. Думаю, теперь она больше не сунет к нам носа после такого угощения. Моя-то, пожалуй, уж не очухается... Черт возьми, и о чем это я думаю? Ведь моя акула может пойти ко дну. Ну уж нет!.. Скорее, Вильм, давай мне сезень [1], надо привязать эту рыбину, а то как бы она в самом деле не затонула. Н-да... Вздумали ловить рыбу удочкой! Много бы мы наловили!.. Давай-ка привяжем акулу, и тогда рыбьего мяса хватит нам на весь великий пост. Станька на тот край плота, а то как бы я не перетянул и не бултыхнулся в воду... Так, так...

Последние указания матрос сделал, успев уже завязать петлю на конце протянутой ему Вильямом веревки. Миг — и петля в воде. Вот он подвел ее к пасти хищника — и петля уже на морде. Еще миг — и она затянута. Теперь другой конец привязать к мачте, и

[1] Сезень — плетеная веревка.

дело готово. И ей уже не утонуть. А чтобы акула не вздумала воскреснуть, Бен, перегнувшись через край плота, нанес топором ряд сильных ударов по голове, отчего ее верхняя челюсть стала похожей на колоду для рубки говядины в мясной. Теперь этой твари уже не ожить!

— Ну, Вильм, — сказал Бен, — вот у нас рыбы в избытке — досыта наедимся. Потерпи немного, я вырежу тебе такой кусочек, что ты пальчики оближешь. Из самого нежного места у акулы — возле хвоста... Возьмись за веревку да подтяни ко мне эту тушу поближе, чтобы я смог достать до нее.

Юнга исполнил его приказание, а Бен, присев на корточки у самого края плота и взявшись за хвостовой плавник, живо отмахнул ножом такой кусок, что даже таким голодным, как они, его должно было хватить с избытком.

Излишне, конечно, говорить, что мясо акулы, как и летучую рыбу, они съели сырым, ничуть не пострадав от этого. Сколько племен, живущих на островах Южного моря, и вовсе не таких уж диких, едят мясо белой и синей акулы сырым, не считая нужным его варить! Ни матрос, ни юнга тоже не видели в этом необходимости. Но даже если бы у них и была возможность развести огонь, они все равно не стали бы возиться со стряпней — слишком уж они были голодны. И поэтому матрос и юнга без всяких церемоний пообедали сырым мясом акулы.

Наевшись досыта и еще раз утолив жажду из самодельного «бака», наши скитальцы почувствовали не только прилив новых сил, но и радостную веру в будущее. Воспрянув духом, они принялись обсуждать: что бы еще такое сделать, что предпринять, как спастись от смерти?

Да, опасность по-прежнему угрожала им. Если поднимется шторм или хотя бы свежий ветер, они не только лишатся всех своих запасов воды и пищи, но и самый плот разлетится вдребезги или погибнет во вспененных океанских волнах. Счастье еще, что они находились в той части океана, где неделями подряд царит

полное затишье. Где-нибудь в высоких широтах — на юге или на севере — их плот продержался бы недолго: при первой же буре ему бы несдобровать. Умудренный опытом матрос хорошо это знал. Его беспокоило другое: гораздо чаще в этих местах кораблям угрожает противоположная опасность — штили. Недаром эти широты Атлантического океана ранние испанские мореплаватели прозвали «Лошадиные Широты». Дело в том, что в те времена из Европы в Новый Свет перевозили лошадей, и так как на кораблях, попадавших надолго в штиль, не хватало пресной воды, то лошади гибли в огромном количестве и их трупы выбрасывались за борт.

Гораздо более поэтичным и красивым именем те же испанцы прозвали другую зону Атлантического океана — за особенно тихий, ласково веющий здесь ветерок — «Море Прекрасных Дам».

И так как Бен Брас знал, что штормы в «Лошадиных Широтах» явление очень редкое, он был твердо уверен, что в конце концов они непременно спасутся, и поэтому не сидел и минуты без дела.

Глава XII

ПЛАСТАЮТ АКУЛУ

При умелом хранении и экономном расходовании так удивительно доставшихся им запасов воды и мяса акулы их могло хватить надолго.

За сохранность воды они не беспокоились: чтобы ее сберечь, было сделано все, что можно; разве еще только следовало накрыть брезентовый «бак» сверху куском сложенной в несколько раз парусины и тем предохранить его от солнечных лучей.

Другое дело — мясо акулы. Если не принять никаких мер, оно быстро протухнет и станет негодным в пищу, и тогда, даже умирая от голода, они не смогут к нему притронуться. Значит, надо что-то придумать. Посоветовавшись между собой, матрос и юнга остано-

вились на самом простом и легком способе в условиях той знойной жары, какая царит в этих широтах: они решили провялить мясо акулы, как вялят всякую другую рыбу. Для этого требуется только разрезать его на тонкие пласты и развесить на веревках между мачтами-веслами, а остальное докончат солнце, ветер и воздух. В таком виде оно сможет сохраняться неделями, а то и месяцами.

Друзья тут же принялись за дело. Вильям снова подтянул огромную тушу акулы поближе к плоту, а Бен, раскрыв свой матросский складной нож, стал разрезать мясо на широкие, тонкие до прозрачности пласты.

Обрезав самые лакомые кусочки около хвоста, Бен велел юнге подтянуть к нему акулу поближе и приготовился уже пластать остальную часть, как вдруг громко рассмеялся.

Вильям обрадовался, увидев веселое лицо друга, — последнее время это так редко случалось.

— В чем дело, Бен? — улыбаясь, спросил он.

В ответ матрос, обняв рукой его за шею, заставил пригнуться к самой воде:

— Погляди в воду и скажи, что ты там видишь.

— Где? — спросил юнга, не понимая, куда смотреть.

— Неужто ты не видишь этой диковинки на акульем брюхе?

— Вижу, вижу! — закричал Вильям, только сейчас разглядевший эту «диковинку». — Маленькая рыбка, да? Она шевелит головой, прижавшись к акуле. Впрочем, маленькой она кажется только рядом с акулой. На самом деле она, верно, не меньше фута в длину. Но что она делает в этом странном положении?

— Что делает? Сосет акулу!

— Сосет акулу?! Ты серьезно это говоришь, Бен?

— А то как же? Она присосалась к ней так же прочно, как ракушка к медной обшивке корабля, и не отстанет, пока я ее не стащу, что сейчас и сделаю... Дай-ка поскорее веревку!

Мальчик протянул веревку и с любопытством стал следить за действиями друга. Матрос, сделав такую же петлю, как ранее для акулы, быстро закинул ее в воду и ловко обхватил ею туловище рыбы, казалось крепко-накрепко присосавшейся к акуле. Впрочем, это не только казалось. Рыба и в самом деле так прочно прикрепилась к брюху акулы, что Бен Брас при всей его силе с трудом ее оторвал.

Резко дернув веревку, ему все-таки удалось оторвать паразита-рыбу и втащить ее, живую, на плот, где она заметалась из стороны в сторону.

— Эге, голубушка, ты хоть и ленивая, сама плавать не любишь, а если захочешь удрать, только тебя и видели! — сказал Бен и, чтобы этого не случилось, пригвоздил рыбу ножом к плоту.

— Что это за рыба, Бен? — спросил Вильям, с интересом рассматривая так странно выглядевшее и не менее странно попавшее к ним существо.

— Прилипала! — кратко ответил матрос.

— Прилипала? Никогда о такой не слыхал. Почему она так называется?

— Потому что она прилипает...

— К чему?

— К акуле. Ты разве не видел, как она прилипла к акульим соскам, а? Ха-ха-ха!

— Нет, Бен, это неправда! Ты просто шутишь! — сказал Вильям, заинтригованный словами друга.

— Ладно уж, не стану тебя дурачить... Она и в самом деле прилипает к акулам и почему-то только к белым. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы она пристала к другой какой-нибудь акуле, а ведь их много — и все разные. А то, что она будто сосет ее и этим питается, — враки, хотя люди так говорят и даже называют ее «сосун-рыба». Но если тебе так скажут, не верь. Я-то уж видел, что точно так же она присасывается и к медному днищу судна или к подводной скале. А что она может высосать из меди или из камня? Как, по-твоему, может она себе добыть из них пропитание?

— Конечно, нет!

— То-то и есть. Значит, она их не сосет. Я не раз вспарывал брюхо такой рыбе, чтобы посмотреть, чем она питается, и видел только всяких мелких водяных гадов — их в океане тьма-тьмущая, и притом самых различных. Вот давай и эту взрежем. Увидишь, у нее в брюхе то же самое.

— А тогда зачем же она присасывается к акуле или к кораблю?

— Мне говорили зачем. И мне кажется, что это больше похоже на правду, чем чепуха, будто рыба присасывается к акуле или к медной обшивке корабля, чтобы их сосать. На военном фрегате, где я прослужил два года, был один ученый-доктор... Здо́рово он разбирался во всяких таких мудреных делах! Так вот: он говорил, что прилипала очень плохо плавает. И это правильно: откуда ей хорошо плавать, если у нее такие маленькие плавники? И будто поэтому она и присасывается к акулам или к кораблям, чтобы ей не приходилось много плавать и легче было перебираться с места на место. А к скале будто она пристает, чтобы отдохнуть. Вздумается ей — она от нее отцепится, поохотится за добычей и опять вернется или к другому чему пристанет.

— А что это у нее за странная штука на голове? Это благодаря ей она присасывается?

— Правильно, Вильм: с помощью этого щитка она и присасывается. И заметь, малыш: если захочешь снять ее, потянув вверх или назад, ты ни за что не оторвешь, сколько ни старайся. Даже я не мог бы этого сделать. Чтобы сорвать с места, надо двинуть рыбу немножко вперед, как я сейчас сделал, или отрывать по кускам, иначе ее не снимешь... Однако мы с тобой заболтались. Давай-ка примемся опять за дело. А после, как опять проголодаемся, полакомимся прилипалой. Вкуснее еды во всем свете не сыщешь. Я ее не раз едал, когда бывал на островах Южных морей. Местные жители ловят ее удочкой. Только та̄мошняя прилипала не чета этой — она фута три длиной, а то и побольше, — заключил матрос и принялся опять резать мясо акулы на широкие, тонкие пласты.

Глава XIII

ПРИЛИПАЛА

Прилипала, или, как ее называют ученые, «эхенеис ремора», — одно из самых своеобразных существ, населяющих океан. Но она своеобразна не так по внешности, как по своим повадкам. Однако и внешность у нее тоже довольно-таки странная. При виде ее невольно возникает мысль: вот самый подходящий компаньон акуле, этому свирепому тирану океанских глубин. И действительно, эта рыба — ее постоянный спутник.

У прилипалы черное гладкое туловище с короткими, широко раздвинутыми плавниками. Уродливой формы голова, громадный рот, причем нижняя челюсть выдается вперед, далеко заходя за верхнюю, что придает особенное безобразие ее физиономии, если можно назвать рыбью морду физиономией. Губы и челюсти густо усеяны зубами, а глотка, нёбо и язык сплошь в коротких шипах. Глаза темные, высоко поставленные. Присоска, находящаяся на голове, так называемый щиток, состоит из нескольких поперечных складок, овалом установленных в ряд.

Все, что рассказывал Брас об этой рыбе, было совершенно правильно, но он не упомянул о многих не менее интересных ее особенностях.

У прилипалы нет плавательного пузыря и очень слабо развиты плавники. Поэтому, вероятно, она одарена, как бы в вознаграждение за то, что природа ее так обделила, способностью прилипать к плавающим в океане существам или предметам. Белая акула с ее медленными, крадущимися движениями хищника очень подходит для этой цели. Она является для прилипалы одновременно и средством передвижения и местом отдыха — вот почему белая акула всегда плавает, окруженная этими странными спутниками.

Прилипала присасывается и к другим предметам, плавающим на поверхности воды: бревну или к днищу корабля. Как утверждал матрос, случается ей отдыхать и на подводной скале. Присасывается она и к черепахам, к китам, даже к альбакорам размером покрупнее.

Питается прилипала главным образом креветками, моллюсками и тому подобной океанской мелюзгой. Но через аппарат для присасывания никакой пищи к ней не поступает, и, прилипнув к какому-нибудь животному, прилипала совершенно не причиняет ему вреда. Этим аппаратом она пользуется лишь иногда. А остальное время плавает вокруг — если можно так выразиться — «места своего жительства», одновременно выслеживая себе добычу. Плавает она с помощью поперечных движений хвоста, быстрых, но очень неровных и неуклюжих.

В свою очередь, прилипала является добычей для других рыб, вроде, например, двузуба или альбакора. Зато акула щадит ее, как щадит она и лоцман-рыбу, никогда не преследуя ни одной из них.

Прилипала бывает как совсем белого, так и черного цвета.

Часто они оба совместно сопровождают акулу. Белая прилипала, вероятно, разновидность черной, так называемый альбинос.

Если акулу, подцепив на крюк, втащить на борт судна, то сопровождающие ее прилипалы несколько дней будут, не отставая, плыть за судном. Тогда их можно ловить удочкой, наживленной кусочком мяса: они клюют даже в самой тихой воде. Но как только прилипала схватит приманку, надо немедленно вытаскивать удочку, не то она тотчас же подплывет к борту корабля и так крепко присосется к нему, что никакими усилиями ее не оторвешь.

Хорошо известны два вида прилипал. Один, о котором мы сейчас говорили, самый распространенный. А другой, более крупного размера и реже встречающийся, водится в Тихом океане и называется «эхенеис аустралис». Последнего вида прилипала благообразнее своего сородича, быстрее плавает и вообще более подвижна и активна.

Пожалуй, самой интересной подробностью в истории этой рыбы является следующая. Оказывается, это та самая рыба, которую ранние испанские мореплаватели знали под названием «ремора». Колумб видел ее

на Кубе и Ямайке, где туземцы с их помощью ловят черепах.

Делалось это так. Привязав пальмовую плетеную веревку к кольцу, которое предварительно надевали на хвост реморы в самой узкой его части, между брюшными и хвостовыми плавниками, они пускали рыбу обратно в воду. Другой конец веревки привязывали к дереву или обматывали вокруг скалы на берегу. Затем рыбе, закинутой на манер удочки, предоставлялась полная свобода делать все, что ей нравится. Конечно, она первым делом присасывалась к одной из тех крупных морских черепах, которые испокон веков славились своим нежным мясом и подавались на пирах у знати и современными чревоугодниками ценятся так же, как некогда ценились древними касиками[1] на острове Куба.

Время от времени охотник за черепахами посматривает за своей «удочкой». Если веревка чрезмерно натянулась, значит, ремора уже прилипла к черепахе, и тогда охотник вытягивает веревку с ее двойным грузом. Хороший удар дубинкой по черепахе — и добыча поймана.

Таким способом вылавливают черепах колоссального веса. Вытаскивая ремору на веревке вместе с черепахой, ее тянут за хвост, то есть в таком направлении, что она никак не может — разве что рывок будет уж очень силен — оторваться от черепахи.

Самое удивительное, что так ловят черепах и в наше время на берегу Мозамбика, и делают это люди, которые никогда не общались со старожилами Вест-Индских островов и потому не могли научиться у них этому любопытному способу использовать рыбу как удочку.

Более мелкие экземпляры этого вида рыб встречаются и в Средиземном море. Эта рыба была хорошо известна еще в древние времена, и о ней много рассказывают тогдашние писатели. Впрочем, как и бо́льшая часть таких существ, наделенных какими-нибудь необычайными свойствами, она являлась скорее предметом всяких фан-

---

[1] Кацики (касики) — индейские князьки (вожди) племен в эпоху открытия Америки.

тастических небылиц, нежели реальной истории естествознания. О ней, например, рассказывали, что она пристает к килю и тянет корабль в противоположную сторону, пока тот не остановится. Ей приписывали еще более удивительное свойство, уверяя, что если преступник, убоявшись правосудия, хитростью сумеет накормить судью мясом этой рыбы, то он надолго избавится от преследования закона, так как судья не скоро вынесет ему обвинительный приговор.

Глава XIV

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПАРУС

Солнце уже садилось, когда матрос и юнга кончили разделывать акулу. Плот теперь выглядел совсем поиному. На веревках, протянутых в несколько рядов между веслами-мачтами, были развешаны широкие, тонкие пласты мяса акулы. Издали все это множество висевших вплотную друг к другу беловатых лоскутов можно было принять за парус.

Они и действовали наподобие паруса, подставляя поднявшемуся к вечеру ветру довольно широкую поверхность и помогая таким образом плоту быстрее двигаться.

Править плотом не было смысла; на это и сил не стоило тратить: наши скитальцы понимали, что все равно на таком плотишке до земли им не добраться. Единственным средством спасения мог оказаться какой-нибудь проходящий мимо корабль, который подберет их. А так как нельзя было отгадать, с какой стороны он может появиться, то не все ли равно, к какому из тридцати двух румбов компаса их несет волной или ветром!

«Нет, не все равно! — подумал вдруг Брас. — Беда, если плот отнесет на запад. Где-то там дрейфует большой плот с этой шайкой негодяев и пьяниц, чуть не ставших людоедами. Они тоже, должно быть, по прихоти ветра или течения носятся по океану из стороны в сторону. Может, они еще больше нашего страдают от

страшной жажды и голода. А может быть, кому-нибудь из них пришлось покориться той жуткой судьбе, которую они готовили юнге Вильму, — ведь не миновать бы ему ее, если бы я не вмешался... Хорошо, что он спасся от них. Но попади он второй раз к ним в лапы, ему уже не вырваться».

Озверелая банда не пощадила бы и самого Бена Браса, мстя за нанесенный им «ущерб».

Вот почему Бен, как только подул ветер, тотчас же повернулся к солнцу, чтобы определить, в каком направлении движется их плот. И неудивительно, что его тревога сразу прошла: их относило на восток.

— А ведь действительно на восток! — сказал он. — Вот странно! В этих местах, как я замечал, ветер почти всегда дует с востока на запад, а теперь наоборот. Но ветерок этот недолго продлится. Это опять всего-навсего «кошачья лапка». Как только он стихнет, сразу же начнется штиль. Ну да ладно, только бы не подул ветер, который отнесет нас к большому плоту!

Его явное нежелание, чтобы ветер отнес их назад, было вполне понятно Вильяму. Страшная картина вчерашнего дня была еще свежа в его памяти. Он не забыл, как десяток озверевших негодяев угрожали ему смертью и только один мужественный человек не побоялся вступиться за него, рискуя собственной жизнью. Слишком страшная картина, чтобы ее можно было так скоро забыть!

И он не забывал ее, не забывал ни на минуту. Правда, когда на них напали акулы, непосредственная опасность вытеснила у него из памяти страшные воспоминания. Но как только опасность миновала, они вернулись вновь. Хотя весь день он был занят работой, но нет-нет, да и вставала перед ним эта картина, словно жуткий кошмар наяву. Чуть не каждые несколько минут он бессознательно поворачивался к западу, тревожно вглядываясь, не виднеется ли вдали страшный плот вместо ожидаемого им корабля.

Но вот работа окончена. Даже матрос, а не только его более слабый товарищ, почувствовал сильную усталость. Не присев ни на минуту, Бен Брас стал опять

внимательно вглядываться в горизонт; мальчик же улегся на голые доски плота.

— Устал, малыш? — мягко спросил матрос. — Постелил бы остаток парусины, да и заснул бы как следует. Зачем же обоим мучиться и не спать. Я отстою свою вахту до самых потемок и тоже улягусь. Ложись, выспись хорошенько.

Вильям слишком устал, чтобы возражать. Подложив под себя парусину, он лег и, уютно свернувшись клубком, тут же заснул.

А матрос все стоял и тщательно оглядывал горизонт, то беспокойно всматривался в поверхность воды, слабо журчавшей у края плота, то опять устремлял взор в темнеющие дали океана. Но все его старания разглядеть что-нибудь были тщетны.

Так стоял он до тех пор, пока вечерние сумерки — очень короткие в этих широтах — не сменились полной тьмой.

Все предвещало безлунную ночь. Только несколько слабо мерцающих звезд, скупо рассеянных по небосводу, помогали ему отличить небо от воды. Пройди сейчас на расстоянии кабельтова от плота судно под всеми парусами, и то его не заметишь. Продолжать бодрствование в такой темноте было не к чему. Придя к такому заключению, матрос тоже улегся возле спящего дружка и скоро, так же как он, забылся сладким сном, в котором растворились все их бесконечные беды и треволнения.

Глава XV

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Так спали они несколько часов подряд, забыв о минувших злоключениях, не думая ни о тех опасностях, которые их окружают, ни о тех, которые еще ожидают их впереди.

Какая картина! И никого, кто бы ее видел! На маленьком, немногим длиннее их самих, утлом плоту среди безбрежного, беспредельного, как сама вечность,

океана спят два человека — так безмятежно, словно покоятся на мягкой постели на твердой земле и с надежной крышей над головами. Да, этот жалкий, затерянный в океане плотишко и мирно спящие люди на нем было редкостное зрелище!

К счастью, вот уже несколько часов, как они наслаждались тем глубоким, сладостным сном, в котором все забывается: все страхи, все беды. И как же не назвать такой сон наслаждением! Было уже далеко за полночь, а они все еще спали. Да и что могло их разбудить? Все тот же западный ветерок и нежное журчание воды у плота скорее лишь усыпляли их, как ребенка колыбельная песенка.

Юнга проснулся первым. Он дольше спал, и отдохнувшие, успокоившиеся после сна нервы острее воспринимали внешние впечатления. Проснулся он от того, что несколько крупных, тяжелых капель упало ему на лицо.

Что это? Брызги воды, долетевшие к нему от краев плота, бороздящих воду?

Нет, это были капли дождя. Небо было черным-черно. Но в ту минуту, как Вильям взглянул на него, сверкнула молния, ярко озарив своим светом океан и небо. И тут же все вокруг опять погрузилось в глубокую тьму.

Мальчик снова прижался щекой к брезенту, собираясь уснуть.

Его не испугала эта беззвучная, похожая на зарницу, молния. Не испугали и зловещие дождевые тучи. Его так часто мочило и ливнем и брызгами океанской волны, что он не боялся промокнуть лишний раз.

И он бы преспокойно заснул, если бы вдруг не услышал какой-то таинственный звук. Может быть, никакого звука и не было и он ему только почудился, но все равно он не мог уже заснуть и так испугался, что у него вообще пропало всякое желание спать. Что ж это такое было? Человеческий голос?..

Но, может быть, это вскрикнула чайка, фрегат или качурка? Нет, это кричали не они. Юнга умел различать голоса как этих птиц, так и многих других. Не-

ожиданно послышавшийся звук совсем не походил на крик птицы.

Это был человеческий голос, вернее — голос ребенка, причем не младенца, а девочки лет десяти.

И в этом голосе не слышалось жалобы, он был просто немного грустный. Может быть, со сна Вильяму показалось, что девочка с кем-то разговаривает?

Но это было невероятно, просто немыслимо! Его, должно быть, обмануло воображение, или он действительно принял за голос человека сонное бормотание какой-нибудь неизвестной ему океанской птицы.

Разбудить Бена и рассказать ему про всё? А вдруг окажется, что это не человеческий голос, а чирикает спросонья какая-нибудь океанская пичуга, и он зря его разбудит? Бен ведь так нуждается в отдыхе. Конечно, он не рассердится, что Вильям его разбудил, но зато здорово высмеет, если он ему скажет, что в такое время ночи среди Атлантического океана разговаривает какая-то маленькая девочка. Чего доброго, еще скажет, что это морская сирена, и начнет отпускать на его счет всякие шуточки. Нет, он не хотел быть посмешищем даже для своего лучшего друга. Лучше уж промолчать.

И Вильям решил не будить матроса, а выбросить весь этот вздор из головы: все это ему только почудилось.

Но стоило только ему опуститься на свое жесткое ложе, как опять послышался тот же голос. На этот раз он звучал еще явственнее, словно девочка говорила громче или была ближе.

«Если это не голос маленькой девочки, — подумал Вильям, — значит, я никогда не слышал, как щебетала моя сестренка или болтали в детстве мои подружки по играм. А если это голос маленькой сирены, значит, сирены умеют разговаривать, потому что произнесено было не одно, а много слов подряд. Нет, надо разбудить Бена. Это не обман слуха, не игра воображения. Где-то поблизости разговаривает либо маленькая сирена, либо девочка. Ничего не поделаешь, придется разбудить Бена».

— Бен! Бен!..

— А-а-а! О-о-ох! Что за шум? Никак, семь склянок? Да ведь я не на «собачьей вахте» [1]. А-а-а! Это ты, Вильм? Что случилось, малыш?

— Бен, я слышу какие-то звуки.

— Звуки? Ну и что же? Тут посреди океана всегда что-нибудь услышишь. Мало ли здесь всякого зверья да птицы... Эх, малыш, мне снился такой хороший сон, когда ты меня разбудил! Будто я опять на своем старом фрегате... Ну, а что, собственно, хорошего было в моем сне? Ничего будто и не было: боцман поднял меня со сна, разорался над ухом, чтобы я скорее шел на вахту. А все-таки на той вахте было полегче, чем на теперешней. Так ты говоришь, будто что-то слышал, а?

— Я слышал голос. Во всяком случае, мне показалось, что это — голос.

— Голос? Человеческий голос?

— Да, по-моему, это был голос девочки.

— Голос девочки? Ты что, малыш, рехнулся? Ну-ка, подвинься ближе. Дай мне взглянуть на тебя.

— Совсем я не рехнулся, Бен. Я действительно слышал человеческий голос. Дважды слышал. Первый раз я подумал, что ошибся. Но сейчас услышал второй раз, и я...

— Если бы тут не водились буревестники, чайки, я не знал бы, что тебе и ответить. Они ведь кричат да плачут в точности как малые дети. Это их голоса ты и слышал. Тут их полным-полно, да и сирен тоже. Сам подумай, откуда тут взяться девочке? Ну, мужчине — это еще куда ни шло, и то...

Матрос не договорил и, вздрогнув, весь выпрямился и стал напряженно прислушиваться. Сквозь ветер, сквозь шум воды к ним донесся голос мужчины.

— Мы пропали, Вильм! — прошептал он, уже больше не слушая. — Это голос Легро! Самого главного из этих кровожадных людоедов на большом плоту. Значит, большой плот где-то здесь близко. А мы-то думали, что навсегда от них избавились! Приготовься, друг! Пришел, видно, наш смертный час...

---

[1] «Собачья вахта» — полувахта от 12 часов ночи до 4 часов утра.

Глава XVI

ЕЩЕ ЛЮДИ, ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

Если бы все эти события происходили днем, а не ночью, Брас и его юный товарищ не испугались бы так незнакомого голоса, доносившегося к ним с ветром. При свете дня они разглядели бы много такого, что не только бы не ужаснуло их, а, наоборот, заставило бы приблизиться.

А несло к ним сейчас вовсе не большой плот и услышали они не голос Легро или кого-нибудь из его гнусных спутников, о которых они с перепугу прежде всего подумали...

Если бы их глаза могли проникнуть сквозь глубокую темноту, окутавшую океан, они бы увидели множество вещей, носившихся, подобно им самим, по воле ветра или волн. Они заметили бы обгорелые бревна, обломки рей с остатками снастей и парусов, бочки и бочонки, почти затонувшие от тяжести своего содержимого. И чего только не было среди этих вещей! Доски упаковочных ящиков, вдребезги разлетевшихся, словно от страшного взрыва, каютная мебель, всевозможные плошки, миски, клетки-курятники, весла, гандшпуги и еще много всякой всячины. Все это носилось, покачиваясь на волнах, гонимое туда-сюда ветром.

Многие вещи плыли, сбившись в кучу, а многие рассеялись по океану на целую милю кругом. И если бы сейчас было светло, матрос с юнгой, увидев эти вещи, повсюду пестревшие на гладкой поверхности океана, сразу узнали бы в них остатки сгоревшей «Пандоры», с которой они едва спаслись.

А как бы им пригодились многие из этих вещей! Выловив их, они перестроили бы свой шаткий плот, сделали бы его надежнее, крепче. Плот явно в этом нуждался: он с трудом выдерживал тяжесть двоих людей и, уж конечно, развалился бы при первом же натиске шторма. Кроме того, среди всех этих блуждающих в океане предметов они увидели бы один, совсем не похожий на остальные, которому они бы сильно удивились и обрадовались.

Это был плот, немногим больше того, на котором они плыли сами, но построенный совсем по-иному. Несколько полусожженных досок, диван, бамбуковое кресло и еще какая-то легкая мебель — все это было кое-как связано вместе веревками. Плот этот был неуклюжий и, пожалуй, еще менее подходил для плавания по Атлантическому океану, чем тот, на котором находились Бен Брас с Вильямом. Но он выгодно отличался от их плота. Его мореходность обеспечивалась одним приспособлением, до которого не додумался или не успел додуматься матрос. Со всех сторон к нему были подвязаны пустые, плотно закупоренные бочки, благодаря которым он мог плыть, выдерживая на себе тяжесть примерно тонны в две. Кроме того, за плотом на буксире плыл небольшой бочонок, привязанный к плоту явно не для того, чтобы увеличить его плавучесть: бочонок, наполовину погруженный в воду, был не пустой.

Конечно, все эти вещи, случайно или по прихоти волн, могли сбиться в кучу и плыть вместе. Но не мог же плот связаться сам собой. Ясно, что это было сделано руками человека. И действительно, на плоту, окруженном со всех сторон бочками, сидел сам строитель этого странного сооружения. Это был человек примечательный, он привлек бы внимание каждого при любых обстоятельствах — чистокровный негр с лоснившейся, как эбеновое дерево, кожей, с крупным, почти квадратным черепом, покрытым низкой шапкой курчавых волос, да таких густых, что, казалось, это не волосы, а плотно свалявшаяся, словно приросшая к голове шерсть. Большие, сильно оттопыренные уши, широкий, как говорится, до самых ушей, рот с толстыми, выпяченными губами напоминали гориллу или шимпанзе.

И все же, несмотря на довольно безобразные черты, лицо негра вовсе не было отталкивающим или даже неприятным. В обычное время улыбка, сверкающие белые зубы и ярко-красные губы делали его лицо даже привлекательным. Во всяком случае, это говорило о том, что негр — человек неплохой и добрый.

Но сейчас, когда он сидел на своем оригинальном плоту и глядел через фальшборт из бочек, он не улы-

бался; наоборот, лицо у него было хмурое и озабоченное.

В этом не было ничего удивительного, потому что негр был не один: с ним на плоту находилась девочка на вид лет восьми — десяти.

Она сидела, слегка съежившись, словно в испуге, пристально глядя на своего черного спутника и только иногда безучастно переводя их на темную поверхность океана. На лице этого совсем юного существа было столько грусти и отчаяния, что видно было: она потеряла всякую надежду на спасение.

Хотя она не была негритянкой, ее нельзя было назвать и белой. У нее была оливкового цвета кожа, но вьющиеся волосы, падавшие на плечи длинными локонами, и румянец на щеках говорили о том, что в ней больше кавказской, чем негритянской крови.

Тот, кто побывал на западном берегу Африки, увидев девочку, сразу бы догадался по типу ее лица, что она происходит из той смешанной расы, которая возникла в результате долгого общения между португальцами-колонистами и чернокожими туземцами.

Глава XVII

КАК СНЕЖОК СПАССЯ С НЕВОЛЬНИЧЬЕГО СУДНА

Читатель, вероятно, догадался, что негр и девочка, как и Бен Брас с Вильямом, тоже являются жертвами крушения невольничьего судна «Пандора». Поэтому мы расскажем лишь, кто были эти новые лица и как им удалось спастись от страшного жребия, от которого не спасся ни один из черных на этом невольничьем судне.

Негр, хотя и был чернее многих из его злосчастных соплеменников, не входил в их число и не был на этом судне «грузом». Он был членом команды «Пандоры» и служил на ней коком [1]. Этого полновластного хозяина камбуза [2], словно в насмешку, звали на судне Снежком.

[1] Кок — повар.

[2] Камбуз — кухня на корабле.

Африканец по происхождению, он родился свободным, но был продан в рабство. Затем, уже снова обретя свободу, он перебывал коком или стюардом[1] на многих кораблях и не раз плавал вокруг света, избороздив чуть не все моря и океаны земного шара.

По натуре своей неплохой человек, он все же не совестился наниматься на невольничьи суда и не гнушался их команд, только бы ему платили хорошее жалованье и не скупились на запасы из корабельных кладовых. А так как на судах, занятых перевозкой негров-рабов, были щедры на этот счет, то Снежок часто на них и служил. Правда, с такой гнусной компанией, как команда на «Пандоре», Снежок столкнулся впервые и, надо отдать ему справедливость, стал откровенно ею тяготиться еще задолго до страшной гибели «Пандоры». Его желание убраться с корабля было почти таким же горячим, как и у Бена Браса с юнгой.

Однако он не рискнул бежать, когда они стояли у берегов Африки, так как хорошо знал, что там его поймают и снова продадут в рабство, от которого ему много лет уже как удалось освободиться.

Нельзя сказать, чтобы Снежок отличался безукоризненной нравственностью, но все же одной добродетелью он был наделен с избытком — способностью всю жизнь чувствовать благодарность к тому, кто сделал ему добро. Не обладай он этой добродетелью, он был бы сейчас один на плоту и не тревожился при мысли о безвыходности положения. Но именно оттого, что он умел сильно чувствовать благодарность, мысль о судьбе этой девочки, спасения которой он жаждал не меньше, чем собственного, нестерпимо мучила его.

В чем же была причина такой самоотверженной заботливости? Ведь девочка не была ему дочерью. Цвет кожи, черты лица говорили о том, что между нею и ее черным покровителем не может существовать близкое родство.

И в самом деле, никакого родства между ними не было. Девочка приходилась дочерью человеку, который стал его злейшим врагом, продав его в рабство. Но этот

[1] Стюард — буфетчик.

же человек впоследствии выкупил Снежка и этим на всю жизнь завоевал его благодарность.

Человек этот был прежде владельцем торговой фактории на побережье Африки. Последние же несколько лет он жил в столице Бразилии, в Рио-де-Жанейро. Вот почему его дочка, родившаяся в Африке еще до его отъезда оттуда, оказалась в качестве пассажирки на борту «Пандоры» под покровительством Снежка. Она плыла к отцу, в его новую резиденцию на западе.

И как добросовестно негр выполнял свой долг ее защитника! Когда все покинули горящее судно и палуба уже пылала, верный негр сквозь дым и пламя, с риском для собственной жизни, спустился вниз в каюту, где девочка крепко спала, не подозревая об опасности, поднял ее и вместе со своей ношей на руках выбросился через окошко кормовой каюты в океан.

Плавал Снежок превосходно. Благодаря своей громадной физической силе он, и обремененный таким грузом, мог некоторое время продержаться на воде.

К счастью, ему попалась снасть шлюпбалки, с помощью которой спускали гичку, и, сунув ногу в петлю на конце ее, он полустоял, полуплыл в воде.

В эту самую минуту раздался взрыв, и судно с грохотом развалилось. Океан сразу же был усеян обломками дерева, бочками, бочонками, матросскими вещевыми сундуками, каютной мебелью и тому подобными вещами. Выловив кое-какие из них, Снежок соорудил нечто вроде плота и провел на нем вместе с ребенком остаток ночи.

Утром, как только забрезжило, Снежок с ужасом увидел, что они с маленькой Лали совершенно одни и что его несчастных соплеменников на воде уже нет и в помине.

Вывезенные из глубины Африканского материка, из тех мест, где нет больших озер и рек, не многие из них умели плавать, и они, конечно, сразу же пошли ко дну. Остальных разорвали акулы — их очень много в этой части океана. И когда солнце поднялось над водой, осветив место, где разыгралась эта трагедия, Снежок с ужасом убедился, что среди всего этого безбрежного

океана не осталось ни одной живой души, кроме него, маленькой Лали и акул с их спутниками.

Негр, однако, знал, что команда «Пандоры» спаслась. Он видел также, как тайком сбежал на гичке капитан горящего судна со своими сообщниками. И прежде чем решиться на отчаянный прыжок в воду, Снежок из окошка каюты видел, как они садились и как отчалила гичка. Он видел и как отвалил от судна большой плот, уносивший остальную часть команды.

У читателя, естественно, может возникнуть вопрос: почему Снежок не подплыл к большому плоту, к своим прежним спутникам? Почему он не попытался спастись вместе с ними? Причину этого мы вам сейчас откроем. Пожар на судне возник отчасти по небрежности самого кока. И он это знал, как знал и то, что об этом известно капитану и всей команде. Едва капитан, услышав крики «Пожар!», узнал о его причине, он вместе со своим помощником, не менее жестоким, чем он сам, так исколотили Снежка, что эти побои останутся ему памятными на всю жизнь. А когда и команда узнала причину пожара, то негра чуть было не растерзали на месте. Матросы уже схватили его, чтобы вышвырнуть за борт, как вдруг из люка, окутав всю палубу, вырвалось густое облако дыма. Забыв о Снежке, все бросились спасаться и, соорудив плот, отчалили от пылающего корабля.

Вот почему Снежок не стал искать спасения на большом плоту вместе с остальными. Ведь они будут ему беспощадно мстить и со злорадством, с яростью оттолкнут его от плота, нарочно для того, чтобы его разорвали акулы, которые, предвидя добычу, так и шныряли вокруг.

И Снежок решил лучше положиться на собственные силы, на удачу, а не ждать жалости от своих бывших товарищей, тем более что они за последнее время сильно его невзлюбили.

Может быть, это оказалось и к лучшему. Если бы он доплыл до плота и эта шайка негодяев резрешила ему остаться с ними, вполне вероятно, что они покусились бы на жизнь маленькой Лали, как покушались на жизнь юнги, лишь случайно избегнувшего страшной смерти.

Глава XVIII

СНЕЖОК НА ДРЕЙФУЮЩЕМ ПЛОТУ

Приключения, пережитые Снежком и Лали за шесть суток с момента гибели «Пандоры», были, правда, не так разнообразны, как те, что пережили матрос и юнга, но все же достаточно интересны, чтобы о них стоило рассказать.

Остаток ночи после взрыва судна Снежок провел на связанных им вместе обломках. Долго еще отдавались у него в ушах дикие, яростные вопли проданных в рабство чернокожих людей, когда они цеплялись за большой плот, а их от него безжалостно отталкивали. Он видел, как смутно забелел в темноте внезапно поднятый на плоту парус и плавно заскользил по волнам. Снежок слышал предсмертные крики и стоны тех немногих, которые хорошо умели плавать, но, выбившись из сил, пошли ко дну или были заживо съедены шнырявшими кругом акулами. Но вот до его ушей долетел чей-то последний вскрик, и стало тихо, как в могиле. Затихла, успокоившись, и темная поверхность океана. Даже хищные акулы и те на несколько минут покинули страшное место, словно вдоволь обеспечив себя пищей; они ушли вглубь, чтобы пожрать ее без помехи в бездонной океанской пучине.

Настало утро. Негр с девочкой увидели множество предметов, плававших вокруг места кораблекрушения, но ни одного живого человеческого существа. Тут-то Снежок понял, что, кроме шестерых, захвативших гичку, и команды на большом плоту, никто больше не ушел от гибели.

Эти негодяи и парус-то на плоту подняли, для того чтобы уплыть подальше от бедных утопающих, моливших о спасении и цеплявшихся за плот, который, конечно, скоро скрылся из виду. Шестеро в гичке тоже гребли изо всех сил, чтобы их не смогли догнать прежние друзья и спутники.

Снежок задавал себе вопрос, почему же никто из оставшихся в живых не попытался спастись, ухватившись за какую-нибудь доску, за бревно — ведь их кру-

гом так много плавало. Читатель, должно быть, тоже недоумевает, почему они этого не сделали.

А между тем причина была очень проста. Негры, умевшие плавать, ринулись вслед за большим плотом и заплыли так далеко, что у них уже не хватило сил плыть назад к горящему судну, а когда раздался взрыв и судно разлетелось на части, их уже не было в живых. Другие же, почти потеряв рассудок, при виде того, как огонь подбирается к ним все ближе, в отчаянии попрыгали в воду и тут же утонули.

И вот Снежок очутился один вместе с маленькой Лали среди этой безлюдной пустыни океана на нескольких деревянных обломках, без еды, без капли питьевой воды.

Ужасное положение, от которого самый мужественный человек может впасть в полное отчаяние!

Но Снежок не знал, что значит отчаиваться. Сколько раз в жизни бывал он в самых трудных переделках, сколько изведал опасностей и на море и на суше! И вместо того чтобы в эту тяжелую минуту пасть духом и сложить руки, он стал думать о том, как бы ему вернее выпутаться из страшной беды.

Едва только стало светать, как среди множества обломков, плававших вокруг, ему бросилось в глаза нечто, сразу настроившее его — и без того не особенно унывавшего — на еще более радостный лад. Теперь-то уж он сделает все, чтобы выловить этот десятигаллоновый бочонок, плававший около самого плота, и спасет свою беспомощную спутницу и себя самого. По какой-то примете Снежок сразу же его узнал. Он вспомнил, что поставил этот бочонок у себя в камбузе, в укромном уголке, незадолго до пожара; в нем было несколько галлонов пресной воды, он сам наливал ее в этот бочонок, взяв украдкой из общего запаса до того еще, как команда судна согласилась перейти на строго ограниченный суточный паек питьевой воды.

Бывший кок «Пандоры» мигом выловил бочонок и крепко привязал его к одной из досок плота, на которой сидел верхом.

Если бы не этот так неожиданно найденный запас

воды, Снежок при всей его жизнерадостности неминуемо в конце концов впал бы в отчаяние, потому что без воды ему с Лали долго бы не протянуть.

Неожиданная находка бочонка побудила его к дальнейшим поискам среди обломков разбившегося корабля.

Среди них оказалось много самых диковинных вещей. Одна из них особенно привлекла его внимание. Лениво покачиваясь на маленьких волнах, плыл нескладной формы бочонок: в таких обычно держат муку. Снежок узнал в нем своего давнишнего знакомца по кладовой на «Пандоре» и вспомнил, что он доверху полон отборными сухарями из личных запасов капитана.

Так как бочонок не был герметически закупорен, то, конечно, сухари в нем насквозь пропитались морской водой. Но бывшего повара это обстоятельство нисколько не смутило — на жарком солнце они живо высохнут. Не очень, правда, будет вкусно, но есть можно.

Бочонок был мгновенно выловлен и помещен в безопасное место на плоту.

Теперь, решил Снежок, прежде всего надо позаботиться о перестройке плота: его нужно сделать более крепким и надежным. И, выловив из воды весло, он, гребя им, стал разъезжать вокруг, подбирая все, что могло ему для этого пригодиться.

В самое короткое время он набрал множество различных деревянных обломков, среди которых нашел и часть своего камбуза. Из этого строительного материала он соорудил основательной крепости и величины плот, когда вдруг, к великому своему удовольствию, заметил, что, покачиваясь на волнах, невдалеке плавают шесть порожних бочек. Вот так повезло! Теперь он сделает свой плот мореходным. На судне этих бочек было чересчур много, и пожар-то произошел потому, что их слишком усердно опустошали. Но для его теперешней цели было бы лучше, если бы их оказалось как можно больше. Работая веслом, Снежок подплывал на плоту то к одной, то к другой, пока все их не выловил. И когда он привязал их к плоту, они, поднимаясь над водой, образовали вокруг него нечто вроде фальшборта.

Закончив свою работу, Снежок еще несколько дней кружил на том же месте, где погибла «Пандора», и собирал все, что могло ему в дальнейшем оказаться полезным. Время от времени поднимался слабый, быстро стихавший ветер. И плот был неразлучен со всей этой массой окружавших его вещей — их несло ветром вместе, и куда плыл он, туда плыли и они.

Негру ни разу не пришла в голову мысль поставить парус и, отплыв подальше, отделаться от всех этих неодушевленных предметов, которые, окружая его, напоминали о страшном бедствии.

А может быть, мысль о парусе у него и возникла, но он отбрасывал ее как нестоящую. Снежок, правда, не имел никакого понятия о судоходстве, но зато он хорошо знал его практически и на собственном опыте проверил, что представляет собой необъятный Атлантический океан, особенно та часть, где лежит путь страшного, надолго запомнившегося ему «центрального маршрута», — по этому пути везли и его, как проданного раба. Он был неплохо знаком и с той частью океана, где они сейчас находились, и понимал, что, если он поставит на плоту парус, тот, послушный воле ветра, будет носить их из стороны в сторону, что нисколько не увеличит шансов на спасение от этой водяной могилы. Вся надежда Снежка была на то, что какой-нибудь проходящий корабль подберет их. И, твердо веря, что рано или поздно это случится, он предпочитал дрейфовать, пока ничего не предпринимая, вместе с другими неодушевленными жертвами кораблекрушения.

Глава XIX

СНЕЖОК СПАСАЕТСЯ, УХВАТИВШИСЬ ЗА КЛЕТКУ ДЛЯ КУР

Уже шесть дней Снежок вместе с маленькой Лали вели такую жизнь, питаясь одними просоленными морской водой сухарями и кое-какой другой провизией, которая случайно попадалась им среди плавающих ве-

щей и обломков. Мучений жажды они не испытывали благодаря бочонку с водой.

Вероятно, поэтому Снежок все эти дни оставался бодрым и деятельным и ни разу не впал в уныние. Это было не первое в его жизни кораблекрушение и не впервые приходилось ему, старому морскому коку, блуждать затерянным в океане. Однажды во время шквала его сдуло ветром за борт и он отстал от своего судна. Сильный ветер помешал судну повернуть назад, чтобы его спасти. Снежок был отличным пловцом и продержался на воде, борясь с громадными волнами, чуть не целый час. В конце концов он все же, конечно, пошел бы ко дну, так как находился за сотни миль от берега. Но в ту минуту, как он уже потерял надежду на спасение, мимо проплыла клетка для кур, за которую он моментально уцепился. Клетка была очень большая и, несмотря на тяжесть Снежка, не дала ему потонуть.

Снежок сразу догадался: кто-то из товарищей сбросил ее с корабля для его спасения. Однако самого судна и след простыл. Несчастного пловца, несмотря на эту клетку, ждала несомненная гибель. К счастью, шторм пошел на убыль и ветер переменил направление. Судно, с которого Снежок упал, отнесло назад по его прежнему курсу. И когда оно оказалось от Снежка на расстоянии человеческого голоса, к нему на помощь подоспели товарищи и спасли его.

Снежок, вспоминая теперь об этом случае и оглядываясь на свою прошлую жизнь, решил, что таких страшных событий он пережил немало. И потому он будет действовать не как человек, который может еще надеяться на спасение, а как человек, уверенный в том, что непременно спасется.

В течение всех шести дней Снежок даже часа не провел без дела. Как мы уже говорили, он собрал много обломков погибшего корабля, плавающих вокруг, и соорудил солидный по размерам и прочности плот, затратив на это немало времени и труда, и бережно сложил на нем все съедобное, что ему удалось отыскать среди остатков судна. Закончив эту работу, Снежок занялся рыбной ловлей.

Около места, где произошло кораблекрушение, было много рыбы, большей частью акул. Прожорливые хищники, насытившиеся мясом несчастных негров, все же не покинули места катастрофы. На милю вокруг, где были рассеяны обломки судна, виднелись головы этих чудовищ. Они плавали то попарно, то группами, выставив из воды огромные, похожие на паруса, плавники, и шныряли по океану во всех направлениях в поисках новой добычи.

Снежку, как он ни старался, не удалось поймать ни одной акулы. Однако здесь было немало и другой довольно крупной рыбы, привлеченной надеждой поживиться, которую сулило разбившееся судно. То были альбакоры, бониты и много других океанских рыб. А вообще-то, исключая подобные печальные случаи, их можно лишь редко увидеть на поверхности океана.

С помощью гарпуна на длинной рукоятке — и когда только Снежок успел его смастерить! — он убил несколько рыбин. Таким образом к концу шестого дня его «кладовая» значительно пополнилась запасами: тут оказался альбакор, несколько бонит и три спутника акулы — лоцман-рыба и две прилипалы.

Выпотрошив рыб, Снежок нарезал их мясо тонкими пластами и разложил на бочках, чтобы оно хорошенько провялилось на солнце.

Стояла прекрасная погода, и повеселевший Снежок развил самую энергичную деятельность, стараясь любым способом раздобыть побольше еды, что, как мы видим, ему вполне удалось.

Теперь Снежок был спокоен: он и Лали продержатся не только несколько дней или недель, а, пожалуй, и целый месяц.

Водой они тоже были сравнительно обеспечены. Смерив бочонок каким-то одному ему известным способом, он точно рассчитал количество воды в нем и на сколько ее может хватить. Он с удовольствием убедился, что при строжайшей экономии они будут обеспечены водой на несколько недель.

И с этой мыслью он, впервые за все это время, спокойно и крепко уснул.

Не подумайте, что Снежок в продолжение всех ночей, проведенных ими на плоту, совсем не спал. Нет, часа два в ночь ему все же удавалось подремать. Ночи были темные, безлунные, кругом, на воде и на небе, одна чернота — и Снежку приходилось проводить их настороже, всматриваясь в темноту: вдруг пройдет какой-нибудь корабль и, проскользнув мимо, неслышный и незримый, лишит их единственной возможности спастись!

Маленькая Лали тоже принимала участие в этих ночных бдениях и сменяла Снежка, когда он, устав, уже не мог бороться со сном.

Но в эту ночь сторожить было бесполезно — ни луны, ни звезд не было, вокруг царила такая беспросветная тьма, что корабль мог пройти чуть ли не вплотную мимо плота и остаться незамеченным. Снежку и Лали ничего не оставалось делать, как лечь спать. И они растянулись на подстилках из парусины, как на самой удобной и мягкой постели, дожидаясь прихода волшебного сна.

Глава XX

ПРИ ВСПЫШКЕ МОЛНИИ

Не успел Снежок улечься, как сразу же захрапел.

Такой мощности звуки, какие издавал носом во сне Снежок, на океане редко услышишь, разве только если фыркнет кит, разбрызгивая воду, или запыхтит дельфин.

Но могучий храп Снежка не разбудил Лали. Раньше она его очень боялась, а теперь привыкла, и этот храп не только не мешал ей спать, но, наоборот, словно убаюкивал ее.

Было уже далеко за полночь, а они все спали. Но потому ли, что Лали спала более чутко, или потому, что Снежок всхрапнул особенно оглушительно, но только Лали вдруг проснулась.

Догадавшись, что ее разбудило, Лали улеглась поудобнее, собираясь опять заснуть, как вдруг увидела не-

что такое, что сильно напугало ее, заставив забыть о сне.

В эту самую минуту непроницаемо-черное небо озарилось молнией, но сверкнула она не стрелой, не зигзагами, как обычно, а широкой полосой, которая на секунду закрыла весь небесный свод сплошным огненным покровом.

Поверхность океана тоже озарилась ярким блеском. И среди множества обломков и вещей, усеявших океан далеко вокруг — к ним глаза Лали за эти дни успели уже привыкнуть, — она увидела что-то необычное.

То была фигура красивого мальчика. Он, как ей показалось, стоял на коленях в воде или на чем-то едва над ней возвышавшемся.

При яркой вспышке света она успела разглядеть и кое-какие предметы возле него; среди них — два тонких шеста, поставленных стоймя, с какими-то белыми лоскутьями между ними.

Неудивительно, что это неожиданное явление так сильно поразило Лали. Откуда взяться человеку здесь, среди открытого океана, и как он удерживается на поверхности, стоя на коленях в воде? Неужели это действительно настоящий, живой мальчик? Или это только видение, внушенное ей воображением или вызванное причудливым сном, от которого она только что очнулась? Поэтому первым ее порывом было разбудить своего спутника.

Не дожидаясь вторичной вспышки молнии, она бросилась к своему черному опекуну.

— Что, что? — встрепенулся Снежок, внезапно разбуженный среди великолепного храпа. — Ты говоришь, увидела что-то? Да что же ты могла увидеть? Кругом ведь темно, как под землей. В таких потемках, Лали, дитятко, собственного носа и то не разглядишь. Небо черно, как кожа у меня, старого негра, и ни одной звездочки на нем. Ты, верно, ошиблась, моя чернушечка, ошиблась!

— Нет, Снежок, — уверяла Лали, путая португальские слова с негритянскими, — я не ошиблась. Когда это видела, сверкнула молния, и на минутку стало свет-

ло-светло, как днем. И мне показалось, что я... нет, я действительно увидела кого-то!

— Мужчину или женщину? — недоверчиво спросил Снежок.

— Не мужчину и не женщину.

— Не мужчину и не женщину? Как же это? Тогда, верно... Может, это была сирена?

— Нет, Снежок! Тот, кого я видела, был похож на мальчика. Да, да, теперь я ясно припоминаю... на того мальчика!

— На какого же мальчика? Что ты болтаешь, Лали?

— На того самого мальчика, который был на судне. Помнишь молоденького англичанина, который служил на «Пандоре» юнгой?

— А-а-а! Так это ты о нем говоришь? Ну, этот мальчуган, мне думается, давно уже утонул либо плывет с остальными на большом плоту. Я знаю наверняка, что капитан его с собой не взял, потому что видел малыша возле камбуза уже после того, как гичка отчалила... Ну-ка, постой!.. Честное слово, там, в наветренной стороне, кто-то разговаривает! Слышишь, малютка?

— Слышу, Снежок. Это тот же голос, и он похож на голос того мальчика. Да, да, в точности, как у него.

— У кого — у него?

— Ах, да у этого юнги... Ой! Слышишь? Он опять что-то сказал, и кто-то ему отвечает.

— Боже милостивый! А ведь верно, моя чернушечка, я тоже слышу, что разговаривают двое. Один, как тот мальчик, о котором ты говоришь, а другой мужским голосом. Кто бы это мог быть? Неужто души кого-либо из утопленников или разорванных акулами? Прислушайся еще, Лали! Может, разберешь, кто это такие.

С этими словами негр быстро приподнялся и, положив руку на одну из бочек импровизированного фальшборта, замер, прислушиваясь.

Маленькая Лали тоже приподнялась и, стоя подле своего спутника, стала всматриваться в темноту. Она надеялась, что вот-вот опять блеснет молния и она увидит того мальчика с «Пандоры». Какой он красивый! Недаром она его не забыла.

Глава XXI

ВЕСЛА НА ВОДУ!

— Пришел наш смертный час!

С этими страшными словами Бен Брас поднял голову с плота и стал, напряженно прислушиваясь, всматриваться в темноту.

Вильям ужаснулся словам своего защитника, но ничего не ответил — он тоже весь превратился в слух и зрение.

Было так темно, что наши скитальцы не видели друг друга. В такую ночь не только плота или лодки — корабля под всеми парусами не разглядишь, даже если он пройдет совсем рядом.

Но они не только ничего не видели, но ничего и не слышали: вокруг царила полная тишина, нарушаемая лишь шорохом ночного ветра и журчанием воды, которую разрезал их утлый плотик.

Несколько минут ничего не было слышно, кроме этого дуэта ветра и воды, и Брас начал думать, что они ошиблись или их обманул слух. Человеку спросонья может что угодно померещиться. И голос-то был неясный, похожий на бормотание. Может быть, это пыхтел дельфин или еще какой-нибудь неизвестный ему житель океана. Много их таких, которых даже самому бывалому матросу не приходилось ни видеть, ни слышать, потому что они редко показываются из воды. А может, это проворчал один из тех обитателей океана с человеческим обличием, у которых такое странное название, вроде манати или ламантина, или как их там еще звать!

Самое же удивительное, что Вильям все еще стоит на своем, будто слышал голос девочки, как матрос его ни уверял, что это ему показалось и что он принял за голос крик птицы или морской сирены. Бен готов уже был остановиться на последнем предположении, но одно его смущало: нежный голосок был не один — ему отвечал мужской голос, и этому обстоятельству матрос никак не мог найти объяснения.

— А ты, Вильм, тоже слышал голос мужчины? — спросил он наконец таким тоном, словно хотел либо

окончательно рассеять свои сомнения, либо полностью их подтвердить.

— Да, Бен, конечно, слышал. Он говорил негромко, вернее — бормотал. Но не думаю, чтобы это был Легро. О, если это он!..

— Кому-кому, Вильм, а тебе-то следовало бы запомнить голос Легро! Неужто ты забыл воронье карканье этого негодяя с его французским говором? Будем надеяться, что это был не он. Хорошо, если мы ошиблись, потому что, когда мы опять попадем к ним в лапы, пощады нам не будет. А теперь и подавно, потому что они, должно быть, и жадные и голодные, как акулы.

— Ох, Бен, хорошо, если это не они! Тогда бы...

— Тише, тише, малыш! — прервал его матрос. — Говори шепотом. Если это они и так близко, лучше, чтобы они нас не услыхали. А увидеть нас, пока не рассветет, они не смогут. Хорошо бы еще раз услышать эти голоса и проверить, откуда они идут. Я не помню, с какой стороны их слышал.

— А я помню. Оба голоса шли оттуда. — Вильям показал в подветренную сторону.

— Оттуда, думаешь?

— Уверен в этом.

— Странно все это, — сказал матрос. — Если это те, что на большом плоту, они должны были быть с другой стороны от нас. Или, может, ветер переменился? Потому что, когда мы от них уходили, мы были у них с подветренной стороны. Неужто ветер в самом деле переменился? Впрочем, это возможно — в этих местах ветер редко дует с запада. Да и без компаса не угадаешь, где находишься: кругом темно, на небе ни звездочки. А хоть бы даже и была какая, все равно по ней ничего не узнаешь. Вот Полярная звезда — это дело другое! Только в этих широтах ее не увидишь. Так ты верно говоришь, будто голоса шли с подветренной стороны?

— Я в этом уверен, Бен: голоса шли оттуда.

— Тогда давай и мы двинемся, чтобы уйти от них. Живее за дело, малыш! Уберем-ка наш парус из мяса акулы, а то он нас толкает по ветру, прямо к ним. Придется грести. Значит, весла наши нам понадобятся.

Постараемся до света уйти от них подальше, чтобы нам их больше не видеть и не слышать.

Они быстро поднялись и стали снимать с веревок мясо, чтобы разложить его на парусине, а «мачтам», то есть веслам, на которых оно висело, вернуть их прежнее назначение.

Работали они молча, временами останавливаясь, чтобы прислушаться.

Бен Брас и Вильям сняли уже мясо и принялись отвязывать веревки, закрепленные на веслах. И в этот момент внимание их задержалось на той из них, которая, стягивая горловину брезентового «бака» с водой, удерживала его в том положении, которое не давало воде вылиться. К счастью для них, они действовали с осторожностью. Не прояви они ее и вытащи весло, к которому эта веревка была привязана, — запас воды быстро бы уменьшился, а то и весь вылился бы в океан, прежде чем успели бы заметить несчастье.

Но на одном весле далеко не уедешь, а другое, оказывается, нельзя освободить, потому что оно выполняет крайне ответственную функцию. Тут они вспомнили, что у них имеется несколько обломков от гандшпуга, съеденного акулой. Хорошо, что Бен Брас выловил их из воды. Теперь один из них можно приспособить к делу. Они вынули весло, вставили вместо него самый длинный из обломков и привязали к нему мешок с водой — вся операция заняла несколько минут. Теперь, когда у них было опять два весла, они уселись по краям плота и, работая каждый своим, принялись грести против ветра, уходя прочь от таинственных голосов.

Глава XXII

«ЭЙ, НА КОРАБЛЕ!»

Не успели они и десяти раз взмахнуть веслами (оба гребли совершенно бесшумно и все время прислушиваясь), как до них донеслись те же звуки, которые Вильям принял за голос девочки. Как и прежде, эти

звуки были едва слышны, словно говорившие вели спокойную беседу.

— Не значиться мне больше в судовых списках Беном Брасом, если это и вправду не голос девочки! — вскричал матрос. — Но что за черт! С кем она там разговаривает? И девочка-то совсем маленькая, ну не больше гайки. Да что это, черт возьми, может значить?

— Не знаю. Неужели это сирена?

— А что ж, возможно...

— А разве сирены существуют?

— Существуют ли? Вот так вопрос! Кто посмеет сказать, что их нет? Одни лишь сухопутные крысы, которые над всем смеются да ни во что не верят. А почему не верят? Да потому, что сроду ничего диковинного не видали, разве только телят о двух головах да цыплят о четырех ногах. Ясное дело, сирены водятся в море — тут и разговаривать не о чем! Я сам их видел, и не одну. Мне пришлось плавать с одним товарищем, так тот мне рассказывал, что он их в Индийском океане встречал целыми косяками. Волосы у них, рассказывал он, длинные, ниже плеч, как у молоденьких школьниц, которые прогуливаются стайками где-нибудь на окраине в Портсмуте или Грэйвсэнде... Тише! Опять она!

И действительно, в эту минуту опять послышался тоненький, высокий голосок девочки лет восьми — десяти. Вибрируя, он ясно отдавался на воде, и, судя по его интонациям, девочка с кем-то разговаривала.

И тут же, отвечая ей, послышался другой, мужской голос.

— Если то была сирена, — шепотом проговорил Бен, — значит, это дедушка-водяной. Занятная, шут возьми, парочка! Вот задали загадку! Что это, по-твоему, значило бы, малыш?

— Не знаю, — машинально ответил юнга.

— Важно одно, — облегченно вздохнул матрос, — что это не большой плот! На нем никакой девочки не было. И мужчина не каркает, как Легро. Мне спросонья сперва почудилось, будто это он... А коли тут близко косячок маленьких сирен да между ними затесалось несколько водяных, то пугаться нечего... Главное дело, это

не француз и не кто-либо из его гнусной компании. Слава тебе, господи!.. Слушай, малыш, а может, это подходит к нам какой-нибудь корабль?

Одна мысль об этом заставила его разом вскочить, как будто он хотел скорее убедиться, так ли это или не так.

— Знаешь что, Вильм, подам-ка я им голос! Будь что будет, подам — и всё! А ты слушай хорошенько, что мне ответят!.. Эй, на корабле!

Крик был направлен в ту сторону, откуда раздавались эти таинственные голоса. Ответа на его оклик не последовало. Матрос секунду, две внимательно прислушался и повторил свое: «Эй, судно!» — более громким голосом.

Чей-то голос, словно эхо, повторил его слова, но то было не эхо. На океане эха не бывает. К тому же тот, кто повторил этот принятый между моряками оклик «Эй, на корабле!», произнес его иначе, чем матрос, совсем с другим, неанглийским произношением, да и звук его голоса был не как у англичанина. Но все же это был человеческий голос, и притом голос мужчины. Довольно-таки грубый, резкий голос, но стоит ли говорить, что он показался нашим скитальцам приятнее всякой музыки! И за словами: «Эй, на корабле!» — последовали и другие, исходившие из тех же уст.

— Боже милосердный! — кричал этот странный голос. — Кто это там, черт возьми, орет? С «Пандоры» кто-нибудь? Это вы, капитан? Или вы, масса Легро?

— Негр! — всплеснул руками Брас. — Ей-богу, это Снежок, наш кок с «Пандоры»! Клянусь Нептуном, это он! Не пойму только, как этот черный тут оказался. И на чем он плавает? На большом плоту его с остальными не было. Я думал, он удрал вместе с капитаном. А если это так, значит, он кричит с гички.

— Нет, это не гичка, — ответил юнга. — Я своими глазами видел Снежка возле камбуза уже после того, как гичка отчалила. А так как и на большом плоту потом его не оказалось, я думал, что он утонул или не успел сойти с горящего судна... Но ведь это в самом деле его голос. Слышишь? Опять кричит!

Несчастные скитальцы увидели друг друга, и

— Эй-эй, э-э-эй, на корабле! — еще раз громко прокатилось над водой. — Слушай, корабль, кто это у вас сейчас кричал? Какой это корабль? Как его звать? Или это вовсе и не корабль? Может, кто с «Пандоры»? Потерпевшие кораблекрушение?

— Да, это мы! — ответил Бен. — Потерпевшие кораблекрушение с «Пандоры». Кто зовет? Снежок, это ты?

— Да, да, я! А вы кто? Это вы, масса капитан?

— Нет.

— Значит, вы, масса Легро?

— Да ну тебя с твоим массой Легро! Это я, Бен! Бен Брас!

— Боже ж ты мой! Неужто масса Брас? Да как вы тут оказались? Вы же были на большом плоту!

— Был, да сплыл! А теперь на своем собственном... А ты, Снежок, тоже на своем?

— На своем, на своем, масса Бен! Построил его из обломков да из бочек.

через несколько секунд плоты оказались рядом.

— Ты один на плоту?

— Не совсем. Со мной моя чернушечка! Девочка из каюты. Помните маленькую Лали?

— Так это она? — пробормотал Бен, припоминая маленькую пассажирку на «Пандоре». — А-а! Помню, помню, Снежок!.. Ты стоишь на месте или двигаешься?

— Торчу, словно бревно, все на одном месте! Мы и мили не прошли с тех пор, как порох взорвался.

— Ну так жди нас! У нас есть весла. Мы сейчас к вам подойдем.

— Вы сказали «мы»? Разве вы не один на плоту?

— Со мной малыш Вильм.

— Малыш Вильм?! Ох, и хороший же он мальчуган и до чего храбрый! Я видел, когда спускался вниз в каюту за моей чернушечкой, как он топором отбивал решетки люка, чтобы выпустить из трюма негров... Эх, все равно ничего хорошего для них не получилось! Одних сожрали акулы, а другие утонули! Господи, как они кричали, прыгая с судна в воду, чтобы спастись от огня!

Из этого разговора, вернее — монолога, произносимого Снежком, к ним долетали только отдельные слова. И Бен с юнгой, торопясь скорее двинуться в путь, не стали бы и слушать его, если бы голос негра не служил им ориентиром, помогающим добраться к нему в этой темноте. Теперь, когда они знали, что невдалеке Снежок, они повернули плот и двинулись в ту самую сторону, откуда только недавно еще так стремительно убегали.

Они неслись так быстро — теперь их подгонял еще и попутный ветер, — что к тому времени, как Снежок заканчивал свой бессвязный рассказ, они были уже в полукабельтове от него, различая сквозь темноту неясные очертания оригинального «судна», которое Снежок смастерил для себя и для Лали.

В эту минуту опять сверкнула молния, и пассажиры обоих плотов увидели друг друга. Через несколько секунд плоты оказались рядом, и обе команды так горячо и радостно кинулись навстречу, так весело приветствовали друг друга, словно с этим неожиданным свиданием миновали все опасности и самая угроза смерти.

Глава XXIII

ПЛОТЫ СОШЛИСЬ

Путешественники, даже незнакомые друг другу, повстречавшись в безлюдной пустыне, вероятно, не пройдут мимо, не обменявшись хотя бы несколькими словами. А если они старые знакомые, то наверное задержатся друг возле друга, откладывая как можно дольше минуту расставания. И если случайно окажется, что путь их лежит в одном направлении, как же они будут счастливы, что очутились вместе, что отныне смогут делить и труд и компанию!

В точности так же, как два путешественника или две группы путешественников встретились бы в пустыне на суше, так встретились среди водной пустыни океана оба эти плота. Их пассажиры были не чужие друг другу, а старые знакомцы. Если они до сих пор и не бы-

ли друзьями, то теперь, в подобных обстоятельствах, они неизбежно должны были стать ими. Страх перед общей опасностью заставляет ягненка жаться ближе ко льву, а свирепого ягуара ластиться к робкой лани, которая уже не трепещет от такого опасного соседства.

Но между этими двумя так удивительно соединившимися группами не было вражды.

Естественно, что после такой встречи не могло быть и речи о том, чтобы опять расстаться. Все четверо понимали, что у них одно стремление, одно желание, —

Плоты Бена Браса и Снежка встретились на седьмой день после катастрофы. Эта встреча произошла милях в десяти к востоку от большого плота и недалеко от места, где сгорела «Пандора» и где еще плавало много разных остатков после кораблекрушения.

ведь они были жертвами кораблекрушения, все скитались по океану и потому только и мечтали о том, чтобы вырваться из этой водной пустыни, избавиться от опасности, грозившей им смертью. Оставаясь вместе, они могли скорее добиться спасения. Тогда для чего же им было разделяться и добиваться своей цели порознь?

Надо прямо сказать, что они даже и не помышляли о разлуке. С минуты их встречи разум говорил им, что у них теперь одна судьба, одна общая цель, а потому необходимо объединить свои усилия, работая в дальнейшем сообща.

И тут же, после первых приветствий и расспросов, Бен Брас и Снежок решили соединить плоты.

— Вот что, Снежок, — сказал матрос: — найдется у тебя лишний канат?

— У меня его тут хоть завались, — ответил бывший повар «Пандоры». — Целая бухта крепчайшего сезеня. Годится?

— Еще как годится! — сказал матрос и, перекинув через бочку фальшборта сооруженного Снежком плота один конец переброшенного ему сезеня, крикнул: — Крепи на ней канат, дружище Снежок! До света мы этим, пожалуй, обойдемся, а когда рассветет, свяжем плоты покрепче.

Бывший повар, повинуясь команде матроса, схватил брошенный ему конец и привязал его к одной из досок своего оригинального «судна». Бен в это время привязал другой конец к обломку гандшпуга, послужившего в свое время рулем на его плоту.

Выполнив свою часть работы и рассказав затем друг другу о том, что каждый из них пережил с момента гибели злосчастной «Пандоры», они решили, что всем им — благо теперь еще ночь — надо отдохнуть, чтобы встать с первой же зарей и подумать, как получше соединить оба плота в один.

Глава XXIV

ПЕРЕСТРОЙКА ПЛОТА

Едва занялся рассвет, все уже были на ногах. Первым поднялся Бен Брас и мигом всех разбудил. Лучи восходящего солнца вновь осветили фигуры четверых скитальцев, но выражение их лиц было совсем иное, чем накануне вечером. Конечно, до настоящего веселья было далеко, но они стали живее, бодрее, ибо эта новая встреча родила в них и новые надежды на спасение. Даже маленькая Лали и та понимала, что, так нежданно объединившись, они станут сильнее и им легче будет бороться с опасностью: двое таких крепких людей, как Снежок и матрос, работая сообща, сумеют сделать много такого, что было бы не по силам каждому из них

в отдельности, не говоря уже о том, что и работа будет спориться лучше.

Самый факт их удивительной встречи казался Снежку и матросу не простой случайностью. Недаром обстоятельства до сих пор складывались для них самым счастливым образом — они не только выходили в прошлом из самых, казалось, затруднительных положений, но и в дальнейшем их жизнь на какое-то время была ограждена от гибели.

И хотя сам Бен Брас приложил все старания, чтобы избежать этой встречи, теперь их уверенность в спасении окрепла, и они с еще большей надеждой смотрели в будущее.

Вот почему Бен Брас вскочил с первыми же лучами и поднял остальных.

Матрос слишком хорошо знал, как мало можно доверять причудам погоды даже в такой штилевой полосе океана: долго царившее затишье может в любую минуту смениться штормом. Надо поторопиться с перестройкой плота — пусть это будет один плот, зато такой большой и прочный, что никакая буря ему не будет страшна.

Умелому матросу Брасу построить такой плот не казалось трудным делом. Теперь, когда в их распоряжении было два плота да кругом еще плавало столько строительного материала, оно казалось вполне осуществимым. Словом, надо попытаться!

Наскоро посоветовавшись между собой, они решили разобрать меньший плот, для того чтобы его доски пошли на достройку второго плота, так как он был больше и надежнее.

Они не собирались вносить больших изменений в плот Снежка, устройство которого свидетельствовало о немалой изобретательности бывшего кока «Пандоры», а тем более полностью его перестраивать. Решено было сделать плот только попросторнее и понадежнее.

Однако, прежде чем приняться за работу, следовало подкрепиться. И Снежок не поскупился на угощение: сухари и вяленая бонита... из тех запасов, которые он заготовлял с таким усердием все эти дни.

За неименнем огня бывший кок был лишен возможности показать себя во всем блеске своего поварского искусства. Намокшие в морской воде сухари слегка горчили на вкус. Но какое это имело значение для волчьего аппетита нашей голодной четверки! Завтрак показался им превосходным, тем более что горьковатые сухари они запивали пресной водой с добавленным в нее вином.

Вином? Откуда же у них взялось вино? — удивится, должно быть, читатель. С таким же вопросом обратился к Снежку и матрос, пораженный такой роскошью, как бочонок вина на плоту у кока.

Ответ был прост. Маленький бочонок с канарским, хранившийся у капитана в каюте, попал в океан вместе со многими другими вещами, а так как он был неполон, то преспокойно плавал, слегка лишь погрузившись в воду, откуда Снежок его и выловил.

Сразу же после завтрака закипела работа по перестройке плота. Прежде чем начать разбирать меньший плот, сняли вялившееся на нем мясо акулы и перенесли на второй. После этого опорожнили брезентовый «бак» — великое изобретение матроса,— теперь уже ненужный, и с величайшей осторожностью перелили из него воду в более надежное хранилище — в один из пустых бочонков, служивших фальшбортом. Туда же перенесли весла, обломок гандшпуга, топор и брезент, и, только когда меньший плот совсем опустел, его разобрали, а доски, два бруса и обломки рей, из которых он состоял, закрепили на должных местах.

Так они работали не покладая рук весь день, позволив себе передохнуть один час, чтобы пообедать. С помощью весел переезжали они на недостроенном плоту с места на место, выуживая из воды всякие полезные для них вещи, которые Снежок не успел или не сумел один выловить.

Солнце близилось уже к закату, а работа далеко еще не была закончена. Но они легли поспать, не тревожась: небо обещало назавтра такой же ясный день. И если погода останется хорошей, то к полудню они закончат работу. У них будет такой просторный плот, что на нем

хватит места и для них самих, и для всех их запасов, а уж крепок он будет настолько, что устоит против самого сильного ветра, какой только возможен в этой зоне Атлантического океана, где царит вечный штиль.

Глава XXV

«КАТАМАРАН» [1]

На следующее утро, как только рассвело, они возобновили работу.

Уложив и тщательно пригнав друг к другу бревна, они связали их вместе канатом, и все трое — матрос, Снежок и юнга — принялись изо всех сил затягивать его.

Плот получился продолговатой формы, напоминая дощаник для ремонта судов или плоскодонный паром. Он был футов в двадцать длиной, а шириной, в средней части, — около десяти. По краям его были опять размещены в должном порядке порожние бочки: одна уложена поперек у носа, другая тоже поперек — у кормы. Остальные четыре — всего их было шесть штук — вдоль обоих бортов, по две с каждой стороны. Этим достигались равновесие и симметрия вновь построенного плота. В общем, выглядел он теперь как настоящее мореходное судно, и Брас, его главный строитель, торжественно окрестил его «Катамараном».

На другой день, часам к двенадцати, «Катамаран» был готов. Если бы Снежок действовал один, он бы его в этом виде и оставил: негр все еще не верил, что у них есть хотя бы незначительная, но все же какая-то возможность добраться до берега на такой посудине. Однако матрос — а уж он-то в этих делах разбирался лучше — думал иначе. Он считал, что такое предприятие вполне осуществимо. Сейчас они находились в самом центре южного пассата. Даже будучи предоставлен са-

[1] Катамараном называют в Индии особый вид плота. Этим же именем называются небольшие суда, состоящие из двух соединенных между собой корпусов, с парусом посередине.

мому себе и плывя по течению, плот со временем неминуемо должен пристать где-нибудь у берегов Южной Америки. Под парусами же его скорость еще увеличится. Правда, очень быстро такая неуклюжая посудина не пойдет, но все-таки они вполне могут рассчитывать, что хотя медленно, зато наверно они доберутся до твердой земли. Бен понимал, что это только вопрос времени и все зависит от того, насколько им хватит продовольствия и в особенности запасов воды.

Обдумав все, матрос решил, что у них есть кое-какие шансы на успех; счастья попытать стоит и поэтому следует установить на плоту мачту с парусом. На худой конец, они ведь ничем не рискуют: их смогут подобрать и в том случае, если они будут идти под парусом, а не только плыть по течению.

К счастью, материалов для постройки мачты и паруса у них было под руками сколько угодно. Неподалеку плавала контрбизань «Пандоры» со всей оснасткой. Из нее выйдет хорошая мачта и поперечная рея, и останется лишь натянуть парус, а тогда уж «Катамаран» даст ходу!

И матрос приступил к оснастке «Катамарана». Снежок и юнга помогали ему. К концу третьего дня посередине этого диковинного судна уже высилась настоящая мачта с поперечной реей, а на ней бессильно повис широкий парус, словно ожидая первого дуновения западного ветра.

Надо сказать, что тот ветер, благодаря которому Бен и Вильям добрались до обломков невольничьего судна, где они встретились со своим товарищем Снежком, дул не туда, куда матрос собирался повести судно, а как раз в противоположную сторону. Правда, это не был ветер, какого им хотелось бы в этих широтах, а всего лишь легкий бриз, и, если не считать его, вот уже много дней после гибели невольничьего судна стоял полный штиль. Начался он в ту ночь, когда два плота соединились вместе, и с тех пор штиль длился непрерывно, включая и те три дня, когда они были заняты постройкой «Катамарана».

На четвертый день — никаких перемен. Ни малейшего движения ветра. Поверхность океана как полиро-

ванная. Несуразный, необычный корабль со своими шестью бочками, укрепленными по бортам наподобие фальшборта, с массивной, сужающейся кверху мачтой, одиноко торчащей посередине, отражался в воде, как в зеркале.

Однако ни «капитан» посудины Бен Брас, ни те из его команды, которые были достаточно взрослыми, чтобы задуматься о будущем и принять меры на случай всяких неожиданностей, не жалели об этом вынужденном бездействии. хотя катамаранцы не оставались без дела и на неподвижном плоту. Без устали работая веслами — на их счастье, у них оказалось несколько весел, — они избороздили вдоль и поперек все тот же небольшой, в квадратную милю, кусочек океана, по которому плавали уцелевшие обломки злополучной «Пандоры».

Таким образом им удалось выловить и сложить на плоту много таких «блуждающих» находок: в будущем все могло пригодиться.

Среди них Бен неожиданно обнаружил... свой собственный матросский сундучок! В нем нашлась смена белья, полный парадный костюм, который он надевал, когда сходил на берег, и множество различных мелочей, которые могли пригодиться им в предстоящем путешествии.

Сам же сундучок решено было использовать как шкаф.

В таких же трудах провели они и четвертый день.

Едва только на следующее утро взошло солнце, как зеркально гладкая до того поверхность океана внезапно вся сморщилась от ряби; казалось, ветер дует прямо с солнца.

Полотнище паруса скользнуло вверх по гладкой мачте. И когда оно туго натянулось, закрепленное шкотами, «Катамаран» понесся по волнам.

Роковое место, где погиб невольничий корабль, осталось позади.

— На запад! Так держать! — закричал Бен Брас, глядя, как надулся парус и плот, создание его собственных рук, полетел по волнам, словно ожившая птица.

— На запад! Есть так держать! — закричали одновременно Снежок и юнга.

А у Лали глазки так и засияли от радости — такой ликующий вид был у ее спутников!

Глава XXVI

ВИЛЬЯМ И МАЛЕНЬКАЯ ЛАЛИ

Это был во многих отношениях благоприятный ветер. Во-первых, он дул в нужном направлении, во-вторых, дул ровно и постоянно, не превышая по силе легкого бриза, но и не затихая до штиля, мучившего их до этого. Штиля «капитан» «Катамарана» опасался не менее, чем урагана.

Это был как раз такой ветер, в каком они нуждались для испытания нового плота. Чуть рябивший поверхность воды, он в то же время так надувал паруса, что шкоты были натянуты, как тетива лука.

Так как ветер дул точно с востока, то та часть «Катамарана», которую Бен именовал носом, была обращена прямо на запад. А чтобы судно не бросало из стороны в сторону и не крутило ветром — не поворачивало через фордевинд, как говорят моряки,— наши кораблестроители соорудили на корме рулевое приспособление, чтобы управлять им. Это было просто длинное весло от большой шлюпки «Пандоры». Весло положили вдоль, опустив одним концом в воду, а посередине прикрепили его веревками к бочке, находившейся у кормы, причем так, что оно могло двигаться как рычаг — влево и вправо — и, таким образом, служить рулем. С помощью этого нехитрого приспособления «Катамаран» можно было поворачивать в любом направлении — не только по ветру, но и в наветренную сторону, лишь бы только ветер не дул прямо навстречу.

Правда, теперь кому-либо из них все время приходилось стоять у «штурвала», как называл шутливо Бен рулевое приспособление.

Первую вахту «капитан» выстоял лично сам, считая

это, поскольку судно проходило испытание, слишком ответственным делом, чтобы его можно было доверить Снежку или Вильяму. Ну, а уж потом, когда судно по-настоящему ляжет на курс и его мореходные качества будут проверены и окажутся безукоризненными, придется постоять на вахте и остальным двум членам экипажа.

Итак, «Катамаран» плыл по курсу уже больше часа. Все было в полном порядке, происшествий никаких. «Капитан» сидел на корме, его вахта у штурвала еще не кончилась. Он один только следил за ходом своего корабля. Снежок возился среди припасов, разбросанных по плоту, наводя среди них некое подобие порядка; для всякой вещи он старался отыскать место, где та всего менее страдала бы от разрушительного действия волн и ветра.

Вильям и маленькая Лали находились около бочки, на носу плота. Бочка была почти совсем пуста и потому высоко держалась над водой. Они ничем не были заняты, если не считать делом их тихий, задушевный разговор и по временам радостные восклицания по поводу того, что судьба так счастливо свела их снова вместе, дав им двух таких храбрых защитников.

Надо сказать, что на корабле во время короткого путешествия, столь ужасно и неожиданно закончившегося, они виделись мало, а знали друг о друге еще меньше. Хорошенькая креолка находилась почти все время в своей каюте — девочке редко разрешалось покидать ее, а юный англичанин, живя в вечном страхе, чтобы ему не досталось от капитана или его помощников, не осмеливался показываться на запретной территории, разве только выполняя какое-нибудь поручение своего свирепого начальства.

Да и в тех случаях он бывал там ровно столько, сколько требовалось для выполнения поручений, зная, что стоит ему задержаться около каюты, как его или немедленно изругают, или даже столкнут в шпигат [1], а то грубыми пинками заставят убраться к себе на бак.

Неудивительно поэтому, что при таких неблагопри-

---

[1] Шпигат — отверстие, куда стекает вода с палубы.

ятных обстоятельствах юнге редко приходилось видеться с креолочкой, ставшей, как уже мы рассказывали, благодаря особым обстоятельствам его спутницей на злосчастном судне.

Хотя он почти не говорил со своей юной попутчицей и совсем не знал ни ее душевных свойств, ни характера, зато внешность ее он изучил прекрасно, до мельчайших подробностей. Не было ни одной черточки на хорошеньком личике, ни единого колечка вьющихся, черных, как смоль, волос, которые ускользнули бы от его взгляда.

Ах, как часто стоял он, наполовину скрытый парусами, и следил за ней, когда ей случалось задержаться на мгновение у двери каюты! В окружении грубых негодяев, составлявших команду «Пандоры», она напоминала ему беззащитного ягненка, попавшего в стаю волков.

Как часто при виде ее у него сильнее начинало биться сердце от непонятного ему самому чувства, в котором смешались и боль и радость!

Теперь же, сидя рядом с этим прелестным созданием на борту «Катамарана» — пусть это было всего лишь хрупкое суденышко, которое в любую минуту мог разнести в щепы ветер или навсегда поглотить черные океанские волны, — Вильям больше не чувствовал страха и, любуясь ее личиком, ощущал лишь непонятное, но радостное чувство.

Глава XXVII

СЛИШКОМ ПОЗДНО!

Уже почти два часа, как «Катамаран» шел под парусом, а наши друзья все еще оставались на прежних местах, занимаясь своими делами. Наконец Снежок, покончив с укладкой припасов, предложил сменить Бена у штурвала, на что матрос с готовностью согласился и, оставив весло, направился на середину плота к своему сундучку. Встав на колени, он начал в нем рыться: Бену хотелось перебрать содержимое сундучка — может, в

нем найдется что-нибудь такое, что пригодилось бы в их трудном положении.

Вильям и маленькая Лали все еще сидели на носу плота. По привычке взор юноши был устремлен вдаль; однако он то и дело посматривал на свою спутницу, стараясь развлечь ее разговором.

Девочка не говорила по-английски — она знала только несколько фраз, услышанных ею от английских и американских моряков, посещавших факторию ее отца на побережье Африки. Однако эти немногие фразы, повторяемые ею, были не только грубоваты, о чем она по своей наивности не подозревала, но и не совсем понятны, чтобы с их помощью можно было поддерживать хоть сколько-нибудь длительный разговор. Поэтому они говорили на родном языке креолочки. Вильям знал много португальских слов, так как большинство моряков на «Пандоре» были португальцами. Правда, этот жаргон был в большом ходу на побережье Африки, но он совсем не похож на португальское наречие, распространенное по берегам и большим рекам в тропиках Южной Америки.

Тем не менее, изъясняясь на этом жаргоне, Вильям был в состоянии, помогая себе знаками и жестами, коекак поддерживать тот немногословный, отрывистый разговор, который он вел со своей спутницей.

В течение более двух часов, которые матрос простоял у штурвала, ничто не нарушило мирных занятий наших скитальцев.

Вскоре, однако, внимание Вильяма и его подружки привлекла очень странная рыба, плававшая на расстоянии около кабельтова впереди плота. Оба даже вскочили со своих мест и, сгорая от любопытства, следили за диковинным созданием.

Однако интерес, вызванный у них этой рыбой, был не из приятных. Наоборот, они смотрели на нее с чувством отвращения, почти с ужасом: это было одно из самых отвратительных чудовищ, обитающих в морских глубинах.

Длиной рыба была больше метра, и ее туловище постепенно сужалось к хвосту. У обычных рыб нет шеи, у

этой же шея как будто была. Так, по крайней мере, казалось. Причина скрывалась в странной форме головы: короткая, но очень широкая, она далеко выдавалась в стороны. Голова и передняя часть туловища рыбы выглядели молотком на рукоятке. На обоих концах «молотка» находились большие глаза золотистого цвета.

Ноздрей сверху не было видно: они оказались на нижней стороне головы. А немного сзади них темнела подковообразная щель — рот. И когда пасть раскрывалась, в ней видно было несколько рядов острых зубов с пильчатыми краями.

Вильям не знал, какая это рыба, хотя она довольно часто встречается в некоторых частях океана. Но ему, к счастью или к несчастью, не приходилось видеть подобных тварей. Так как Лали спросила у него, что это за рыба, да и ему самому тоже хотелось знать, как она называется, он обратился к Бену. Бен, высунув голову из-за крышки сундучка и взглянув в направлении, указанном мальчиком, немедленно определил, что за чудовище плыло за кормой в виде почетного эскорта.

— Это молот-рыба, — коротко ответил он. — Один из видов акулы, причем самый что ни на есть отвратительный.

Сказав это, матрос снова погрузился в свои поиски, и голова его исчезла за откинутой крышкой сундучка. На рыбу он не обращал ни малейшего внимания. Этого животного, думал он, им нечего опасаться.

Да, так полагал Бен Брас сначала. Но какой обманчивой оказалась его спокойная уверенность! Через каких-нибудь десять минут он оказался футах в шести от страшной пасти, и ему угрожала непосредственная опасность быть растерзанным четырьмя рядами ужасных зубов чудовища.

Когда «капитан» «Катамарана» лаконично определил животное как молот-рыбу, Вильям вспомнил, что когда-то читал о ней в книгах по естественной истории и в романах о путешествиях. Действительно, это была молот-рыба, разновидность акулы; из-за устройства головы ее называют также «балансир-рыба». Научное ее название — «зигэна». Она считается одной из самых

прожорливых из всего семейства акул, к которому она принадлежит.

Итак, чудовище было на расстоянии кабельтова от плота, прямо впереди по ходу. Оно вырисовывалось сквозь прозрачную воду океана во всем своем ужасающем безобразии. Акула плыла все в том же направлении, с равномерной скоростью, держась, таким образом, на одном и том же расстоянии от плота,—ну прямо разведчик или почетный курьер, сопровождающий «Катамаран» в его путешествии через Атлантический океан.

Некоторое время Вильям и Лали еще следили за рыбой, но так как картина не менялась: акула плыла попрежнему, держась на том же расстоянии от плота, то это занятие быстро им надоело и они стали смотреть по сторонам.

Вскоре, однако, внимание юнги было привлечено новым зрелищем, и он даже вскрикнул дважды.

Первый раз в его возгласах слышалось веселое удивление, но затем их сменили тревога и смятение.

— Эй! — закричал он сначала, повернувшись и глядя на корму «Катамарана». — Смотрите, Снежок заснул! Ха-ха-ха, вот так старый кок! Смотрите, как спит, даже весло выскользнуло у него из рук!..

Но тут же у юноши вдруг вырвался тревожный крик, а затем торопливые восклицания, говорившие о непосредственной опасности:

— Ой, весло! Смотрите, весло!.. Оно поворачивается!.. Осторожней! Лали, осторожней!

Закричав, чтобы предупредить об опасности, юноша, расставив руки, подскочил к своей спутнице, словно желая защитить ее.

Но было уже поздно — выскользнувший из рук заснувшего штурвального конец рулевого весла повис над водой.

Оставшись без управления, «Катамаран» стал разворачиваться по ветру, отчего весло, в свою очередь, тоже повернулось, как огромный рычаг, вокруг своего крепления на кормовой бочке, зацепило концом маленькую Лали и, продолжая движение, далеко отбросило ее в синие океанские волны.

Глава XXVIII
ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!

— Упала! Упала в воду! — закричал Вильям при виде того, как девочка, подхваченная поднявшимся концом весла, была отброшена далеко от плота в океан.

Сам уже не сознавая, что кричит, юноша ринулся на край плота с намерением броситься в воду для спасения Лали, но в этот момент весло качнулось назад и, ударив его сзади под коленки, подбросило с такой силой, что он рухнул на плечи стоявшему на коленях Бену Брасу и, перелетев через его голову, свалился прямо к нему в сундучок.

Бен слышал тревожный крик мальчика и почти одновременно всплеск, когда Лали упала в воду. Он круто повернулся и хотел было подняться, но в эту-то самую минуту Вильям, с силой брошенный ему на спину, свалил его опять на колени.

Когда Вильям, перемахнув через него, очутился в сундучке, матрос уже оправился от неожиданности и вскочил на ноги.

— Кто? Где? Кто упал?.. — закричал Бен растерянно. — Ведь ты же тут! Да что случилось?

— Бен, Бен! — закричал ему в ответ Вильям, барахтаясь в сундучке, среди пожитков матроса. — Маленькая Лали... она... ее сшибло веслом!.. Спаси ее! Ах, спаси же ее!

Но этот ответ и мольба мальчика были уже излишни. Матрос все понял. Он слышал всплеск и быстро огляделся вокруг: девочки на плоту не было. Ясно, кто из команды «Катамарана» упал за борт.

Расходившиеся по поверхности круги указывали место, где девочка ушла под воду. Как раз, когда Бен поднялся, она вынырнула и, крича и захлебываясь, стала судорожно бить по воде своими ручонками, инстинктивно стараясь удержаться на поверхности.

В эту решительную минуту храброму матросу даже не пришло в голову задумываться о том, как он должен поступить. Прыжок — и он у края «Катамарана»; другой — он на одной из бочек; третий — и он уже в океане, в шести футах от плота.

Храбрый матрос не задумался, как он должен поступить.

Если бы он был предупрежден о том, что случилось, хотя бы на десять секунд раньше, ему понадобилось бы только несколько взмахов руками, чтобы достигнуть места, где девочка упала в воду. К несчастью, из-за столкновения с Вильямом прошло еще несколько секунд. И вот в течение этих-то немногих секунд плот хотя и оставался без управления, а все же, плывя под парусом, довольно быстро уходил все дальше и дальше. Поэтому, когда матрос прыгнул в океан, барахтавшаяся в воде девочка была уже далеко за кормой, на расстоянии почти кабельтова.

Если бы Лали умела плавать, то это опять-таки было бы полбеды. Матрос знал, что добраться до плота ему с ней будет нетрудно: он может выплыть с ношей и потяжелее. Но он понимал, что девочка еле держится на поверхности и в любой момент может снова уйти под воду.

Матросу это стало ясно еще в ту секунду, когда он только бросился к ней на помощь. Поэтому, рассекая мощными взмахами воду, он спешил вовсю, напрягая каждый мускул рук и ног.

Тем временем Вильям вскочил на ноги и побежал на корму. Быстро взобравшись на бочку как раз в том месте, где крепилось злополучное весло, так что оно оказалось под ним, он, дрожа от волнения, следил за происходящей сценой, бросая взгляды то на беспомощно барахтавшуюся Лали, то на спешащего к ней быстрого пловца.

А Снежок тем временем преспокойно спал здоровым, непробудным сном, каким негры спят у себя в жарких странах. Ни крик Вильяма о помощи, ни восклицания матроса не оказали никакого действия на барабанные перепонки Снежка. Не слышал он и пронзительных криков Лали, хотя при этом было произнесено его собственное имя.

Ну, а раз ни один из этих звуков не вывел его из оцепенения, то теперь он и подавно мог продолжать свой сон как ни в чем не бывало, не видя и не слыша, что творилось вокруг. Ведь матрос плыл молча, крики девочки удалялись, становясь все тише и тише, а Виль-

ям, теперь единственный спутник Снежка, был слишком поглощен происходившим — он не только кричать, но и дышать боялся.

Да, в эти мучительные мгновения, переживаемые катамаранцами, Снежку спалось так уютно и крепко, словно он растянулся на койке в своем камбузе, укачиваемый неторопливым ходом доброго парусника.

Вильям даже не подумал о том, чтобы разбудить его, потому что, по правде сказать, он не совсем еще пришел в себя. Голова его так и гудела от пережитого потрясения. На корму он бросился и вскочил на бочку, совершенно не отдавая себе отчета в том, что делает... И драма, развязки которой он ожидал с таким глубоким беспокойством, так приковала его к себе, что он и думать забыл о Снежке и о том, что его надо разбудить.

Молчание длилось недолго. Впрочем, для актеров и зрителя этой волнующей драмы оно могло показаться и долгим. Нарушил его радостный крик Вильяма, короткое и бурное «ура» — матрос достиг желанной цели! Вот он приподнимает Лали и, поддерживая ее одной рукой, другой гребет в сторону плота.

Глава XXIX

СПАСЕНА!

— Вот так Бен! Ура! Он спас ее!..

Возможно, что жесты, сопровождавшие этот взрыв восторга, были настолько бурными, что бочка качнулась и выскользнула у Вильяма из-под ног, или же истинная причина происшедшего заключалась в том, что его нервы чересчур ослабели после столь долгого и сильного напряжения, но, как бы то ни было, при последнем крике «ура» Вильям потерял равновесие и полетел с бочки, свалившись прямо на мирно спавшего повара.

Очевидно, чувство осязания у спящего было более тонким, чем чувство слуха, и негр наконец проснулся.

— Что за чертовщина! — закричал он, вскочив на колени и стараясь выбраться из-под Вильяма, свалив-

шегося ему на спину. — Что за черт? Что за шум? Кто это кричал «ура»?.. Ты кричал, Вильям? Мне приснилось, кто-то крикнул «ура»... Что, разве ты увидел корабль?.. Нет? А где же масса Брас и где наша маленькая девочка? Ой!..

Вопросы следовали друг за другом с такой быстротой, что мальчик не успевал ответить ни на один из них. Но последнее восклицание Снежка сказало о том, что вряд ли это было нужно.

Окинув плот быстрым и пристальным взглядом и увидев, что на нем нет Бена, а главное, нет его дорогой Лали, негр остолбенел от удивления и ужаса.

Он взглянул на воду. Как все люди, много плававшие по океану, он, по издавна выработавшейся у него привычке, сразу же посмотрел за корму: упавший за борт всегда окажется за кормой идущего под парусом судна. И негр был прав. Он тут же заметил Бена Браса, или, вернее, только его голову, чуть возвышавшуюся над волнами. А рядом с ней виднелась маленькая головка с черными локонами и крошечная ручка, доверчиво обнимавшая матроса за плечо.

Снежок мигом понял все. Вильям мог ничего не объяснять. Ему стало ясно, что произошло, пока он спал. Он не понял лишь причину происшедшего и даже не заподозрил, что несчастье случилось по его собственному нерадению Но все равно беспокойство, испытываемое им, от этого нисколько не уменьшилось. Да что там беспокойство... он ощущал ужасную тревогу!

Это чувство возникло не сразу. Сначала, когда он увидел, что девочку поддерживает такой прекрасный пловец, как его старый товарищ, он не сомневался в конечном исходе происшествия, настолько не сомневался, что даже не бросился им на помощь, хотя в первую секунду именно так и думал поступить.

Однако он тут же убедился, что опасность, грозящая Лали и ее храброму спасителю, не миновала.

Не подумал и Вильям об этой опасности, когда кричал «ура», выражая свою радость. Он видел, что матрос подобрал девочку, и, безгранично веря в мужество

и ловкость их защитника, не сомневался в том, что тот доберется до «Катамарана» вместе со своей нетяжелой ношей. Вне себя от радости, юнга не принял в соображение одного обстоятельства: «Катамаран» шел под парусом с такой скоростью, что даже самый быстрый пловец — один, без всякой ноши — и то не догнал бы его. В такую горячую минуту не обратил внимания на это печальное обстоятельство не только юнга, но даже Снежок. а ведь, надо сказать, Снежок был не только хороший кок, но опытный мореход. Однако почти тут же негр увидел опасность и понял, в чем она заключалась. Быстро встав на корточки около кормовой бочки, он схватил конец рулевого весла, который сам же раньше выпустил из рук с такой преступной небрежностью, и, хотя ему до сих пор и в голову не приходило, что сам он был всему причиной, принялся изо всех сил спасать положение.

Сильные руки негра заставили «Катамаран» повернуться против ветра и таким образом приблизиться к пловцу. Но наш рулевой увидел вдруг нечто, отчего бросил весло так внезапно, словно руку его разбил паралич или конец весла превратился в раскаленное железо.

Одно было ясно: причиной был не паралич. Его рука, выпустившая весло — правая рука, — потянулась к левому бедру, где на поясе у него висел в ножнах длинный нож. Он схватился за рукоятку, но не для того, чтобы его вытащить, а чтобы убедиться, на месте ли он.

Мгновение — и рука отдернулась. Негр был уже на ногах. О весле он больше не думал и, подбежав к краю плота, прыгнул в воду.

Глава XXX

МОЛОТ-РЫБА

Поведение негра, бросившего рулевое весло и прыгнувшего в воду, было некоторое время непонятно Вильяму. Зачем Снежок сделал это? Разве матрос не мог один доплыть с девочкой до плота? Ведь он без труда

поддерживал ее. Да и, кроме того, Снежок был бы гораздо полезнее, оставаясь на плоту и продолжая управлять им. Стоило бы ему постоять у руля еще несколько минут — и пловец оказался бы рядом с «Катамараном». Ну, а теперь, когда он выпустил весло, плот снова развернулся и, встав носом по ветру, стал удаляться в противоположную от матроса сторону.

Однако этого тревожного обстоятельства Вильям даже не заметил, а если и заметил, то спустя мгновение уже забыл о нем.

Всего несколько секунд следил он за негром. Неприятные мысли теснились у него в голове: почему негр, перед тем как прыгнуть, схватился за рукоятку ножа, чуть-чуть его вытащил и снова сунул обратно? Мгновенное подозрение промелькнуло в голове у мальчика. Зачем негру понадобился нож, если целью его было спасение пловца? Уж не пришла ли ему в голову дьявольская мысль — уменьшить число тех, которые нуждаются в пище и воде?

Правда, это подозрение возникло лишь на секунду и, возникнув, тотчас вызвало в юноше глубокое раскаяние. Как мог он так дурно подумать о Снежке?

Раскаяние пришло мгновенно, потому что взгляд его упал на...

Только теперь странный поступок негра стал ему понятен — не для убийства плыл Снежок к Бену Брасу, а для спасения!

Только от кого спасать? Неужели действительно была опасность, что матрос утонет и он нуждался в помощи для себя и девочки?

Но Вильям уже не спрашивал себя об этом. Зачем догадки и предположения? Опасность, угрожавшая его покровителю, предстала пред ним во всей своей ужасающей реальности. Этот плоский темный диск с серповидной выемкой посередине, который быстро скользил, пеня воду, не мог быть не чем иным, как спинным плавником акулы. И Вильям понял, какая грозит им опасность.

Ведь это та самая акула, которую он и крошка Лали спокойно наблюдали совсем недавно, опаснейшая мо-

лот-рыба. Сквозь прозрачную воду вырисовывалась ее молотообразная голова и зловеще светящиеся, навыкате глаза. Страшное зрелище!

И вот мальчик остался единственным свидетелем этой волнующей, потрясающей сцены, а участниками ее оказались Снежок, молот-рыба, Бен Брас и девочка, которую он спасал.

Еще в тот момент, когда Вильям понял, зачем негр бросился в воду, действующие лица разыгрывающейся трагедии расположились как бы в углах огромного равнобедренного треугольника, причем Снежок и акула находились в углах у основания, а Бен со своей ношей — в углу при вершине. Эта последняя точка оставалась почти неподвижной, а две другие двигались по направлению к ней: человек и акула состязались в скорости.

Вот как все это произошло: ушей чудовища, плывшего до этого впереди «Катамарана», достиг всплеск упавшей в воду Лали и более тяжелый и еще более громкий всплеск тела матроса, прыгнувшего с плота. Молот-рыба с хищным инстинктом, характерным для всей породы акул, мгновенно повернулась и поплыла, заходя за корму плота, где, как она чуяла, неминуемо должно оказаться то, что упало за борт, — будь то предмет или человек.

И вот, когда хищник подбирался таким образом к кормовой струе «Катамарана», Снежок, заметив веерообразный плавник и направление, в котором он двигался, разгадал его намерение.

Но едва только Снежок бросился в воду, акула, отклонившись от своего первоначального направления, поплыла в сторону негра — по-видимому, она решила переменить объект нападения. Однако, то ли негр пришелся ей не по вкусу, то ли она была испугана его храбростью — он плыл прямо ей навстречу, — что бы там ни было, она метнулась назад, поплыв по прежнему курсу, навстречу Бену.

Разумеется, матрос, плывя с девочкой, почти потерявшей сознание и стеснявшей его движения, вряд ли мог защититься от нападения акулы, да еще такой аку-

лы, как молот-рыба. Снежок знал это, и именно это побудило его броситься на помощь.

Что же касается самого негра, то трудно было найти в водах океана более опасного для акулы противника. Плавать он умел, как рыба, а нырять, как морская утка. Не раз он встречался лицом к лицу с акулой в ее родной стихии, не раз выходил победителем из такой встречи. Не за себя он боялся, выходя на этот поединок, а за тех, кого собирался спасать.

Уже в самом начале акула была ближе к Бену: она начала движение раньше. Но хотя им нужно было преодолеть почти равные расстояния, Снежок знал, что его соперник, превосходя по скорости, придет к цели первым.

Эта мысль приводила его в жгучее беспокойство, почти отчаяние.

Он неистово бил по воде руками и ногами, громко кричал и вообще всячески старался отвлечь внимание акулы на себя.

Однако ни его шумные движения, ни крики не принесли никакой пользы: хитрое животное не обращало на них внимания. Ее темный спинной плавник, словно парус под сильным ветром, несся навстречу более доступным для нее жертвам.

Стороны равнобедренного треугольника становились неравными очень медленно, но верно. Теперь это был уже косой треугольник, и Снежок с каждой секундой все яснее видел это.

— Ах, бедняжка Лали! — кричал он голосом, прерывавшимся от волнения. — Ой! Масса Бен, ради всех святых, берите же вправо — слышите, вправо! — а я заплыву между вами и этой свирепой тварью! Впра-а-аво!.. Так, правильно. Вы только продержитесь, Бен! Только бы успеть доплыть, а я уж расправлюсь с этой тушей!

Указание Снежка возымело действие. До сих пор матрос не замечал опасности, единственной мыслью его было догнать плот. О каком нападении акулы мог он думать! Он даже не заметил приближения молот-рыбы. Дело в том, что плавник акулы был хорошо виден со

стороны «Катамарана», то есть сбоку, но его трудно было заметить, глядя на него спереди. Неудивительно поэтому, что жертвы, на которых акула готовила нападение, не замечали ее приближения. И только при виде Снежка, прыгнувшего с «Катамарана» и плывущего ему навстречу, у матроса мелькнуло подозрение: акула! В то же мгновение он вспомнил, что Вильям спрашивал его об этом животном, а он кратко ответил ему, что оно называется молот-рыбой.

Теперь только Бен понял, что их настигает акула. Однако откуда ждать ее нападения, он не знал, пока не услышал предупреждающих криков Снежка: «Берите же вправо!»

Матрос был слишком высокого мнения об опыте бывшего кока, чтобы пренебречь его советом, и, как только услышал этот крик, повернул вправо так быстро, как только может это сделать пловец с одной свободной рукой.

К счастью, этого было достаточно, и вскоре соотношение всех пловцов изменилось — вместо треугольника они образовали теперь прямую линию: на одном конце был матрос, на другом акула, а посередине Снежок.

Глава XXXI

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Из-за такой перемены в расположении пловцов акула потеряла свои преимущества. Противником ее был уже не обессиленный, обремененный ношей и безоружный матрос — да если бы даже и имелось оружие, все равно руки у него были заняты, — нет, теперь ей предстояло схватиться с вооруженным длинным ножом, бодрым, полным сил противником, который с детства привык к водной стихии и чувствовал себя в воде, может быть, не хуже самой акулы. Во всяком случае, негр мог спокойно продержаться на воде в течение нескольких часов, да и под водой не меньше, чем любое животное, дышащее воздухом.

Но Снежок вовсе не собирался погружаться глубоко в воду.

Ну уж нет, ни на дюйм! Наоборот, чем ближе к поверхности, тем лучше.

Он отлично понимал, что под водой-то его и подстерегала опасность.

Как вы уже знаете, ему не один раз приходилось вступать в поединок с акулой в ее родной стихии. Правда, ему больше доводилось иметь дело не с молот-рыбой, а с белой акулой, однако он знал кое-что и о повадках этого вида акул.

Дело в том, что молот-рыба и другие особи этого вида нападают только тогда, когда их жертва находится под ними. В противном случае им приходится перевернуться на спину или на бок, и тем круче, чем ближе к поверхности воды лежит их добыча. Если же она совсем на поверхности, то акула в силу своеобразного расположения рта и строения челюсти выгибается брюхом наружу.

Это обстоятельство хорошо известно всякому, кто провел свою жизнь на море, и особенно тем, кому не раз приходилось вступать в поединок с акулой.

Например, ловцы жемчуга в Красном море нисколько не боятся нападения акулы. Оружием защиты у них служит простая палка, заостренная с обеих сторон и для крепости обожженная в огне. Называют они ее «эстака».

Имея при себе это простое оружие — его носят в петле на поясе, — они не боятся нырять за жемчугом, хотя в эти места и наведываются акулы. Как только прожорливый хищник бросается на них, ловцы, дождавшись, когда тот проделает свое водное сальто, выгнувшись брюхом наружу, и откроет огромную пасть, ловко суют эстаку в пасть хищника, и ему остается только убраться восвояси с разинутой пастью или же закрыть ее, себе на погибель. Однако в эти воды заходят и другие акулы, с которыми не так-то легко справиться. Называются они «тинтореры», и ловцы жемчуга опасаются их не меньше, чем моряки — обыкновенных акул.

Молот-рыба — свирепый хищник, и ее боятся больше, чем какую-либо другую акулу. Несомненно, однако, этот страх наполовину вызывается ее ужасной внешностью.

Снежок знал, что животное не может причинить ему вреда, предварительно не приняв своей обычной позы вполоборота, и поэтому приблизился к ней с намерением держаться на самой поверхности, не давая животному очутиться над ним.

Итак, поединок был теперь неизбежен.

Акула, хотя несколько и сбитая с толку происшедшим перемещением, видимо, все-таки не отказывалась от намерения во что бы то ни стало отведать человечины. Двое белых от нее ускользнули, но на этот счет у нее не было особого предпочтения, и чернокожий Снежок казался ей не менее аппетитным, чем Бен Брас и маленькая Лали.

Трудно, конечно, утверждать, что акула рассуждала именно таким образом или что она вообще могла рассуждать. Да и времени у нее не было для того, чтобы рассуждать.

Когда Снежок оказался между акулой и намеченными ею жертвами, курчавую голову негра и молотообразный череп хищника разделяло такое расстояние, что между ними нельзя было бы и трех раз уложить гандшпуг.

Положение не из приятных, и всякий другой на месте Снежка не выдержал бы и поддался бы страху.

Но не тут-то было! Опытный боец был готов к поединку, действуя с таким бесстрашием и решительностью, будто на нем был амулет, который давал ему полную уверенность в победе.

Вильям, стоя на корме «Катамарана», затаив дыхание, наблюдал все перипетии этого зрелища. Он увидел, как негр вытащил нож из ножен, но он недолго задержался в его руках — чтобы их высвободить и удобнее маневрировать, избегая своего противника, Снежок взял нож в зубы. В таком необычном виде предстал он для встречи со свирепым властителем морских глубин.

Глава XXXII

ПО КРУГУ

Было бы естественно предположить, что акула мгновенно ринется на своего противника, движимая лишь одним желанием: сожрать его как можно скорее. Но нет! Несмотря на свою прожорливость, характерную вообще для всех видов акул, этому хищнику свойственна и большая инстинктивная осторожность. Этот морской тигр, так же как и тигр, обитающий на суше, может чутьем угадать, легко ли достанется ему добыча или противник окажется опасным.

Должно быть, такая мысль (если это можно вообще назвать мыслью) мелькнула в безобразной голове молот-рыбы: слишком уж решительный вид был у Снежка! Вполне вероятно, что если бы негр стал удирать от нее, а не поплыл ей навстречу, то акула тотчас же набросилась бы на него.

Вдобавок противник был примерно такой же крупный, как она сама, да и храбр не менее, чем она. Возможно также, что две лоцман-рыбы — обычные спутники акулы, — подплыв чуть ли не к самому носу Снежка и осмотрев его темное туловище, как хорошие разведчики, доложили своему хозяину, что приближаться к намеченной ими добыче нужно с осторожностью.

Как бы там ни было, акула, по-видимому, сразу обнаружила в противнике нечто такое, что изменило ее тактику: вместо того чтобы безрассудно броситься на Снежка или хотя бы плыть с той же скоростью, с какой она приближалась к нему раньше, акула, находясь уже на расстоянии нескольких морских саженей, вдруг стала сбавлять ход; ее бурые веерообразные, тихо колебавшиеся по бокам плавники уже не помогали ей в прежнем стремительном движении.

Более того, подплыв к негру почти вплотную, она вдруг подалась чуть в сторону, словно решила напасть на противника с тыла или даже проплыть мимо.

Интересно, что обе лоцман-рыбы, плывшие по сторонам у самых ее глаз, казалось, направляли движение акулы.

Негр был явно сбит с толку этим неожиданным маневром. Он ждал мгновенного нападения и сумел бы отразить его; он даже вытащил нож изо рта и зажал крепко в правой руке, готовясь нанести смертельный удар.

Нерешительность хищника вызвала и у него некоторое замешательство.

Ага!.. Снежок сообразил, что хитрая тварь норовит его обойти, чтобы броситься на беззащитных Бена и Лали за его спиной.

Как только это подозрение мелькнуло у него в голове, он повернулся в воде и поплыл наперерез акуле, чтобы, если возможно, перехватить ее.

Впрочем, теперь уже не имело значения, собирается ли хищник возобновить свой первоначальный план нападения на матроса и его ношу или это был просто маневр, чтобы зайти негру с тыла; так или иначе, Снежок выбрал правильную тактику. Негр сообразил, что если ловкий противник подберется к нему с тыла, то ему, так же как матросу с девочкой, придется плохо. Если бы акуле удалось обойти его и поплыть навстречу матросу, то каким бы хорошим пловцом ни был Снежок, за рыбой ему все равно не угнаться.

И тут ему пришла в голову мысль, как предотвратить опасность, которой он боялся больше всего: чтобы акула не обошла его и не бросилась на беззащитную пару. Вынув изо рта свой нож, Снежок закричал:

— Эге-ге-гей! Масса Брас, берите-ка вправо! Ей придется тогда ходить по кругу. Ради бога, держитесь у меня за спиной, или вы пропали!

Но матрос вряд ли нуждался в этом совете: он и сам уже увидел опасность и начал маневр, который негр советовал ему предпринять.

Теперь все они двигались по кругу, или, точнее, по трем концентрическим окружностям, причем матрос с девочкой двигался по меньшему, Снежок — по кругу со средним радиусом, а акула со своими спутниками — по внешнему, самому большому. Ее горевшие злобой глаза были устремлены к центру: она только и ждала случая, чтобы прорваться через второй круг, охраняемый

Снежок вскочил на спину чудовищу, и длинный

негром. Целых пять минут продолжалась эта схватка, причем без явного перевеса на чьей-либо стороне. И все же преимущество в этом состязании было на стороне игрока, плывущего по внешней окружности. Хотя акуле и приходилось преодолевать наибольшее расстояние, однако для нее это было своего рода спортивное состязание, для ее же партнеров — тяжкий труд, сопряженный к тому же с опасностью утонуть.

Если бы череп животного имел другое строение, а мозг был совершенней, то оно продолжало бы эту игру, и тогда его главному противнику, Снежку, пришлось бы либо просить пощады, либо отправиться на съедение рыбам. Но еще раньше туда же отправился бы обремененный ношей пловец, находившийся позади него.

Однако, как все животные, будь они сухопутные или водные, акула тоже не всегда способна проявить достаточное терпение и, бывает, приходит в ярость. И вот хищник, придя именно в такое расположение духа — по-видимому, свойственное водным хищникам, так же

нож в его руке заходил вверх и вниз.

как и людям, — решил наконец нарушить правила этой игры и тем самым положить ей конец.

Не выдержав, акула внезапно вышла из своего круга и двинулась к Бену Брасу и маленькой Лали, приникшей к его плечу. Словом, несмотря на предостережение своих двух спутников и на поблескивавший под водой нож негра, акула бросилась стремглав к центру трех кругов. Ей пришлось пройти так близко от приплюснутого носа негра, что ее клейкая чешуя чуть не коснулась его выпяченных губ. Стоило Снежку протянуть руку — и его удар пронзил бы насквозь увертливого врага.

Снежок действовал иначе и так ловко, так проворно, будто заранее уже знал об этом новом маневре акулы. Как только бок хищника скользнул на дюйм от его носа, он вдруг опять схватил нож в зубы и, действуя одновременно руками и ногами, сделал в воде прыжок и, взметнувшись всем телом, вскочил хищнику на спину.

Одно мгновение — и левая рука его вцепилась в костистый нарост над левым глазом акулы, мускулистые пальцы впились в орбиту глаза, а длинный нож в правой руке заходил вверх и вниз, то сверкая в воздухе, то скрываясь под водой, с равномерностью парового молота.

Сделав свое, Снежок преспокойно слез со скользкого седла. Рядом плавала акула, или, вернее, ее труп, который окрашивал кровью лазурные волны на несколько морских саженей вокруг.

Глава XXXIII

ПОГОНЯ ЗА «КАТАМАРАНОМ»

Как было уже сказано ранее, стоявший на корме Вильям следил за этой сценой, затаив дыхание. Едва только он увидел, что акула мертва, а Снежок вышел из поединка невредимым и победителем, мальчик, не в силах больше сдерживаться, закричал от охватившей его радости.

Однако крик этот тут же смолк и за ним последовал другой, выражавший совсем иные чувства. То был крик уже не радости, а ужаса.

Оказывается, драма в открытом океане, разыгрываемая перед ним, единственным зрителем, еще не закончилась. Предстоял новый, не менее волнующий акт, причем теперь юнга был уже не зрителем, а его участником.

И акт этот начался. Отчаянный крик, который вырвался у юнги, возвестил его начало.

Наблюдая за поединком между Снежком и акулой, Вильям упустил из виду одно очень важное обстоятельство.

Теперь в опасности был не только негр, но и Бен Брас и маленькая Лали, да и сам он — словом, судьба всей маленькой команды зависела сейчас от него самого, или, вернее, от того, удастся ли ему взять их спасение в свои руки; если это удастся, то они могут быть еще спасены, в противном случае наверняка погибнут.

Читатель, наверно, удивляется: о каком странном обстоятельстве, сулившем такой ужасный исход, может идти речь? Ничего таинственного, однако, тут не было. Просто «Катамаран», имея на себе наполненный ветром парус, уходил, как и следовало ожидать, все дальше от пловцов.

Вот почему юнга закричал от ужаса. Теперь, когда он перестал беспокоиться за исход поединка, он сразу осознал эту новую опасность. И, должно быть, Бен Брас тоже заметил ее. Не прошло и мгновения, как зычный голос матроса разнесся далеко над океаном.

— Вильм! — кричал он, стараясь держать голову как можно выше над водой, чтобы его лучше было слышно. — Ви-и-льм, голубчик, держи рулевое весло да разворачивайся! Слышишь? Становись против ветра, а не то нам конец!

Снежок тоже пытался кричать, но он так запыхался после долгой, напряженной борьбы с акулой, что изо рта его вылетали лишь бессвязные звуки, похожие скорее на хрюканье дельфина, чем на членораздельную человеческую речь. Понять его было совершенно невозможно.

Да и вряд ли это было нужно, так как Вильям сам увидел, в чем была опасность, и поспешно принял нужные меры. Руководствуясь собственным соображением и отчасти указаниями Бена Браса, он бросился к рулевому веслу и, вцепившись в него обеими руками, изо всех сил старался развернуть «Катамаран».

Через некоторое время ему удалось повернуть плот против ветра, или, точнее говоря, поставить его настолько «близко к ветру», насколько вообще такого рода судно могло выполнить этот маневр. И тут он вдруг увидел, что его усилия совсем или почти совсем бесполезны. Сбавив ход, плот со своим огромным, неуклюжим парусом продолжал удаляться от догонявших его пловцов, и расстояние между ними, как заметил Вильям, все увеличивалось. Даже Снежок, который, покончив с акулой, направился прямо к «Катамарану», — даже он не приближался ни на дюйм к гонимому ветром плоту.

Наступил самый напряженный момент. Тревога, казалось, достигла наивысшего предела: все видели, что плот не поддается управлению и уходит все дальше и дальше...

В таком положении дело долго оставаться не могло. Видно было, что оба пловца изнемогают от усталости. Снежок, плававший, как морская утка, мог еще продержаться некоторое время, но матрос, обремененный ношей, неминуемо должен был скоро пойти ко дну. Да и Снежок не мог плыть до бесконечности. Если погоня за уходящим по ветру «Катамараном» продолжится, негр неминуемо тоже окажется жертвой всепоглощающего океана.

В течение нескольких минут — они казались часами — продолжалось состязание между людьми и плотом без каких-либо видимых успехов для той или другой стороны. Правда, некоторая перемена в их взаимном расположении все же произошла. Вначале негр плыл на несколько саженей позади Бена Браса и спасенной им девочки. Теперь позади были они, и, увы, они отставали все больше и больше. И хотя Снежок уплывал все дальше и дальше от Бена, к «Катамарану» он не приближался. Плот оказался более быстрым парусником, чем Снежок — пловцом.

Вначале, когда Снежок бросился догонять плот, он рассчитывал быстро добраться до него и повернуть его в сторону обессилевшего пловца.

Уверенный в своем умении плавать, он считал это вполне осуществимым. Но теперь, проплыв следом за плотом несколько минут, он убедился, что расстояние между ним и «Катамараном» не только не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. И им овладело сильнейшее беспокойство.

И беспокойство это росло: напрасно греб он во всю мочь, напрасно работал он крепкими ногами, напрягая все силы, — все та же широкая синяя полоса воды отделяла его от «Катамарана».

И когда наконец он увидел, что все усилия тщетны и что «Катамаран» уходит, беспокойство его сменилось мучительной тревогой. Неизвестно, было ли все на

самом деле так, как ему казалось, но он решил, что догнать плот невозможно, и прекратил свои усилия.

Однако он не собирался оставаться на месте. Отказавшись от преследования «Катамарана», он ловко, как бобер, повернулся в воде и взглянул назад. Там, на расстоянии примерно двухсот морских саженей, виднелись две точки, настолько сливаясь друг с другом, что они казались одним пятнышком, черневшим над гребнями волн.

Да и заметить их можно было, только приподнявшись на несколько дюймов над водой.

И Снежок приподнялся еще выше, ибо знал, что там чернелось...

Ни секунды не колеблясь, он, рассекая воду, поплыл прямо туда.

Его не раздирали больше противоречивые чувства. Одна мысль завладела им целиком. Он плыл не с осознанной целью помочь, а лишь побуждаемый отчаянием, чтобы, пока в нем есть еще хотя капля сил, не дать утонуть маленькой Лали — ребенку, вверенному его попечению, а если сила и иссякнет, то погрузиться вместе с девочкой в огромную бездонную могилу, от которой не остается ни следа, ни надгробия.

Глава XXXIV

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПАРУСА

Негр и матрос плыли теперь навстречу друг другу. Бен, правда, двигался довольно медленно, но нельзя сказать, чтобы и Снежок плыл назад быстро. Впав в отчаяние, он не чувствовал прежней решимости. Он даже не отдавал себе отчета, зачем он вернулся, разве только затем, чтобы утонуть вместе с двумя другими. По-видимому, теперь всех их ждал именно такой конец.

Как ни медленно они плыли, встретились они скоро. В их глазах застыло тяжкое отчаяние, какое бывает у людей, утративших последнюю надежду.

«Катамаран» был уже теперь на таком расстоянии, что если бы он даже стал на якорь, то вряд ли бы они добрались до него вплавь. Уже плот и привязанные вокруг него бочки скрылись из виду. Один лишь парус белел вдали, словно курчавое облачко, летящее по небу, да и он вот-вот грозил превратиться в белую точку, а там, может быть, и исчезнуть из виду. Какая уж тут надежда!

Бен Брас недоумевал, почему парус все еще не был убран. В первые минуты, нагоняя плот, он кричал Вильяму, чтобы тот отпустил шкоты, кричал до хрипоты, пока не стал задыхаться и совсем потерял голос. Да и плот тем временем отнесло так далеко, что вряд ли юнга услышал его. Наконец матрос перестал кричать; он продолжал плыть, храня мрачное молчание, недоумевая, почему Вильям не выполнил его приказа, и испытывая от этого грусть и досаду. Еще бы — ведь убери юнга парус, они могли бы еще надеяться нагнать «Катамаран»!

И в ту минуту, когда матрос погрузился в свое угрюмое молчание, он увидел, что к нему приближается Снежок. Как же тут не предаться отчаянию! Даже такой отличный пловец, как негр, отказался от попытки догнать плот. Ясно, значит, что для него дело и вовсе безнадежно.

Через несколько мгновений пловцы очутились рядом. Они обменялись взглядами и поняли друг друга без слов. Каждый прочел в глазах другого ожидавшую его страшную участь. Им суждено утонуть.

Первый нарушил тягостное молчание Снежок:

— Послушайте, масса Бен, вы, должно быть, совсем обессилели. Дайте-ка мне нашу девочку!.. Ну-ка, Лали, возьмись за мое плечо, пусть масса Брас переведет немножко дух.

— Нет, нет, не надо! — запротестовал матрос безнадежным тоном. — Чего уж там, подержу-ка ее еще немного. Все равно недолго осталось...

— Т-ш-ш! — перебил его негр свистящим шепотом и многозначительно показал взглядом на Лали. — Я так понимаю,—продолжал он спокойным тоном, пред-

назначавшимся для девочки, — что опасности пока нет. Ясное дело, мы потихоньку догоним «Катамаран». Ветер переменится и пригонит его к нам... Говорите лучше по-французски. Бедная крошка не знает французского языка, — обратился он снова к Бену, переходя на жаргон, употребляемый жителями французских колоний. — Я-то знаю, что и вам, и мне, и плоту — всем нам конец! Но пусть хоть девочка не знает об этом до последней минуты. Зачем ей напрасно мучиться!

— Ладно, ладно! — забормотал Бен, мешая без разбору французские и английские слова. — Бедная девочка, пусть она, правда, не знает, что ее ждет впереди! Помилуй нас господи!.. Вот и плота уже не видно! Куда он девался?.. Не видишь ты его, Снежок?

— Ах ты, боже праведный, нет его! — ответил негр, приподняв голову над водой. — Исчез! Кончено дело — теперь мы его больше не увидим!

Нота отчаяния в его голосе прозвучала еле слышно. Если до этого у них была еще какая-то слабая надежда на спасение, то теперь, когда плот исчез и даже его парус не виднелся на фоне голубого неба, и она пропала. И поэтому этот новый поворот в разыгрывавшейся драме не изменил настроения его главных участников. Смерть смотрела им в лицо с неумолимой неотвратимостью. Если в чем и произошла перемена, так это не в их настроении, а в действиях. Пловцы больше не двигались по какому-либо определенному направлению: им некуда было плыть. Парус исчез, и они теперь не знали, где находится плот. Может быть, он затонул, оставив их одних среди безбрежного океана?

— Да и к чему плыть?! — сказал Бен в отчаянии.— Только силы тратить, а их у нас и так немного осталось.

— И правда, не к чему, — согласился негр. — Будем плавать на одном месте — так легче будет, мы дольше продержимся. Послушайте, масса Бен, дайте мне нашу девочку! Вы, ей-ей, больше моего устали... Лали, держись за мое плечо... Вот так.

И, подплыв к матросу, негр осторожно снял ослабевшие руки девочки с его плеч и переложил их на свои.

Бен больше не пытался отказываться от благородного предложения своего товарища. Теперь, признаться, эта помощь была ему как нельзя более нужна. Они продолжали плавать, стараясь расходовать сил столько, сколько нужно было для того, чтобы удержаться на поверхности воды.

Глава XXXV

В ОЖИДАНИИ СМЕРТИ

В течение нескольких минут оказавшиеся за бортом катамаранцы оставались всё в том же опасном положении, почти не двигаясь среди темно-синих волн, словно повиснув между водой и воздухом, между жизнью и смертью. Ни негр, ни белый больше не думали о том, как избавиться от смерти, — они не сомневались в том, что наверняка погибнут.

Да и как могли они в этом сомневаться! Для них это был только вопрос времени. Пройдет час, два, а может, и меньше, потому что усталость и напряжение уже подточили их силы, — и все будет кончено. Они не избегнут законов природы: закона тяготения, или, точнее говоря, закона удельного веса, и погрузятся в бездонную и неведомую глубь океана; и маленькая Лали — это прелестное безропотное дитя, невинная жертва судьбы, — разделит их горестный жребий: исчезнет навсегда из этого мира.

Все это время девочка не обнаруживала никаких признаков панического страха, что при данных обстоятельствах было бы только естественно. Рожденная и выросшая в стране, где человеческая жизнь ценится недорого, она привыкла к зрелищу смерти, а это до известной степени лишает смерть ее ужаса, — ведь люди, часто наблюдавшие ее, обладают более стоическим равнодушием.

Но было бы ошибочно предположить, что девочка безразлично относилась к своей участи. Наоборот, она испытывала вполне естественный страх. Однако потому ли, что ее сознание было затемнено крайней опасно-

стью положения, или она не чувствовала, насколько велика эта опасность, но поведение ее с начала и до конца было отмечено каким-то почти сверхъестественным спокойствием. Возможно также, что ее поддерживала вера в своих мужественных защитников. Оба они даже в эти роковые минуты избегали говорить ей о том, что жить им осталось недолго.

И все-таки они были в этом уверены далеко не в равной степени. Белый ощущал неизбежность гибели больше, чем негр. Трудно сказать почему. Может быть, потому, что Снежку очень часто приходилось бывать на самом краю гибели и всякий раз ему удавалось избегнуть ее, и, несмотря на, казалось бы, полную невозможность спастись, в его груди еще теплился слабый луч надежды.

Другое дело — матрос. Ни тени уверенности не оставалось в его душе. Он считал, что идут последние минуты его жизни. Раз или два у него мелькнула мысль самому положить конец борьбе и вместе с ней мучительным переживаниям этого страшного часа. Стоило ему только перестать двигать руками — и он пойдет ко дну. Его останавливал только врожденный инстинкт, которому претит самоуничтожение и который подсказывает нам, или, вернее, принуждает нас, дожидаться того последнего мгновения, когда смерть придет сама.

Так, в силу разных причин и рассуждая по-разному, три выброшенных за борт скитальца с «Катамарана» продолжали держаться на воде. Маленькая Лали — потому, что рядом был Снежок; Снежок — потому, что где-то в глубине души еще теплился слабый луч надежды; а матрос — потому, что инстинкт самосохранения удерживал его от совершения поступка, который при любых обстоятельствах считается в цивилизованном обществе преступлением.

Никто не проронил ни слова после тех нескольких фраз, основной смысл которых Снежок и матрос старались скрыть от Лали, говоря по-французски.

Ужас приближающейся смерти сковал язык Снежка и матроса. Долго хранили почти совсем обессиленные пловцы глубокое молчание.

Глава XXXVI

СУНДУЧОК В МОРЕ

Ничто не прерывало безмолвия этой торжественной минуты. Слышно было только, как волны, гонимые легким ветерком, плескались о тела измученных пловцов. Но трое несчастных даже не замечали этого, как не замечали и криков морской чайки. А если и замечали, то эти пронзительные крики только усиливали объявший их ужас.

И вдруг среди этого глубокого молчания и глубочайшей безнадежности послышался голос... Оба пловца вздрогнули от испуга, словно это был голос с того света. И действительно, он звучал так нежно, будто и впрямь исходил из другого мира. Но ничего сверхъестественного, однако, не было. Это был голос маленькой Лали.

Уцепившись за плечо негра, девочка видела дальше, чем державший ее Снежок или матрос, плывший рядом, так как находилась на несколько дюймов выше, чем они. Поэтому она заметила то, чего не могли увидеть измученные пловцы, еще боровшиеся за то, чтобы удержаться на поверхности океана: какой-то темный предмет плыл по воде довольно близко от них.

Ее слова так поразили обоих мужчин, что они сразу очнулись от своего оцепенения.

— Что ты видишь, маленькая Лали? Что, что там такое, а? — закричал Снежок первый. — Взгляни-ка опять, дорогая девочка! — продолжал он, стараясь в то же время приподнять повыше плечо, за которое держался ребенок. — Что ты увидела? Не плот, не «Катамаран», а?

— Да нет, нет, — ответила Лали, — не «Катамаран»... Это что-то маленькое, четырехугольное, вроде ящика.

— Ящика? Откуда же тут взяться ящику? Ящик! Ах, черт возьми...

— Разрази меня гром, если это не мой сундучок! — перебил его матрос, поднимая голову над водой, как гончая в поисках раненой утки. — Ну да, это он и есть, не будь я Бен Брас!

— Ваш сундук? — переспросил Снежок, в свою очередь поднимая курчавую голову над водой, чтобы лучше видеть. — Вот чертовщина!.. Так и есть! Как же это случилось? Вы же оставили его на плоту!

— В том-то и дело, что оставил, — ответил матрос. — Можно сказать, последняя вещь, которую я держал в руках, перед тем как прыгнуть в воду. Я и сам глазам своим не верю — старый мой сундучок! Так и есть.

Разговор этот велся торопливо, и не успел он закончиться, как наши пловцы двинулись по направлению к так неожиданно появившемуся предмету.

Глава XXXVII

ВМЕСТО СПАСАТЕЛЬНОГО КРУГА

Может, на самом деле это вовсе и не был сундучок Бена Браса, но то, что это плыл сундучок, а не что-либо другое, было очевидно. Устойчиво державшийся на воде, он сулил помощь нашим пловцам, до того обессилевшим, что еще немного — они бы не выдержали и пошли ко дну.

Это действительно был матросский сундучок, и к тому же принадлежавший Бену Брасу. Он-то уж никак не мог ошибиться: ему ли не узнать этой плотной обшивки из парусины, обшивки, сделанной им самим и собственноручно же окрашенной голубой масляной краской, для того чтобы сделать ее непромокаемой! А эти ручки из крепкой веревки — не он ли сам их сплел и прикрепил! А буквы «Б.Б.»! Ведь это же его собственные инициалы, крупно нарисованные им на боку, как раз под самой замочной скважиной, вместе с якорем наискосок, звездами и другими причудливыми изображениями, свидетельствовавшими о немалом искусстве его обладателя.

В первую минуту, когда он убедился, что это его собственный сундучок, Бен решил, что произошло несчастье и плот погиб.

— Эх, Вильм, Вильм, бедный малыш! — сказал он. — Если это так, кончено его дело...

Однако такое предположение вскоре отпало, и мысли матроса приняли иное направление.

— Нет, — сказал он, возражая против своей первой гипотезы, — быть того не может! С чего бы это плот мог вдруг развалиться? Ветра нет, море тихо... Да просто не с чего такому случиться!.. Ага, теперь я понял!.. Вот что, дружище мой Снежок, это не иначе, как дело рук Вильма. Это он бросил сундучок, понадеявшись, что тот доплывет до нас. Вот каким образом он к нам и попал. Ай да мальчишка, ай да молодец!.. Ну, хватайся за сундучок. Теперь не все еще потеряно!

Совет был излишним. Не сговариваясь, оба ухватились за ручки сундучка.

Что и говорить, при таких обстоятельствах сундучок представлялся им весьма заманчивой вещью. Говорят, утопающий хватается за соломинку, а тут им представлялась возможность ухватиться не за соломинку, а за матросский сундучок! Плыл он дном вниз и крышкой вверх — ну, прямо, будто стоял возле койки Бена в кубрике фрегата! Очевидно, в этом положении его удерживала полоса железа, подбитая снизу и теперь служившая как бы грузилом. Сундучок так высоко поднимался над водой, что ясно было — он пуст или почти пуст. Даже ручки, приделанные с каждой стороны и отстоявшие на несколько дюймов от крышки, находились над водой.

За эти ручки удобно было держаться, и это было настолько заманчивым, что матросу не требовалось уговаривать Снежка, чтобы он схватился за одну из них, в то время как он, Бен, найдет себе опору, держась за другую.

По молчаливому соглашению, оба подплыли: один с одной, другой с другой стороны сундучка, и тут же ухватились за его ручки.

Благодаря этому сундучок сохранил равновесие и хотя из-за прибавившегося веса и погрузился на несколько дюймов глубже в воду, крышка его, к их огромной радости, все же возвышалась над поверхно-

стью, даже когда на нее легла легкая фигурка девочки. Между поверхностью воды и захлопнутой крышкой все еще оставалось несколько дюймов, так что вода не могла проникнуть в глубь сундучка.

Глава XXXVIII

ДОГАДКИ НАСЧЕТ «КАТАМАРАНА»

Своеобразную группу представляли наши пловцы через две — три минуты после того, как добрались до сундучка. По правую сторону, наискосок от края, вытянулась фигура матроса, причем левую руку он по локоть пропустил через плетеную петлю ручки. Таким образом, добрая половина его веса приходилась на плавучий сундучок, и, чтобы держаться на поверхности, ему приходилось только слегка грести правой рукой. Как он ни устал, это было ему по силам: после всего перенесенного то был не труд, а отдых.

С другой стороны сундучка, в точно такой же позе, плыл Снежок, с той только разницей, что он, наоборот, опирался правой рукой, а греб левой.

Как уже было отмечено, маленькая Лали переместилась с плеча Снежка на более возвышенное место — на крышку сундучка — и лежала на животе, удобно держась ручками за выступающий край.

Излишне говорить, что благодаря такой перемене в положении и обстоятельствах произошла также перемена и в их планах на будущее. Смерть, правда, могла им казаться все такой же неизбежной, как и несколько минут назад, — она все еще стояла у порога, — только теперь она не так уж торопилась... С помощью этого сундучка — чем не первоклассный спасательный круг! — они продержатся на воде много часов, пока, обессилев от жажды и голода, не пойдут ко дну. Все зависит от того, сколько времени они смогут так протянуть. А окажись у них некоторый запас продовольствия и воды, то они могли бы рассчитывать на долгое путешествие, хотя и совершая его таким необычным спо-

собом. Но, конечно, все это при условии, если не налетит буря и не нападут акулы.

Увы! В любой момент можно было ждать и того и другого.

Правда, они пока не думали о такой опасности, как и о том, что погибнут от голода или его неразлучной спутницы — жажды. Удивительное совпадение, что сундучок приплыл к ним в момент, когда они едва не погибли, произвело не менее удивительную перемену в мыслях моряка и негра, породив у них если не твердую уверенность в спасении, то, во всяком случае, некое блаженное предчувствие, что их еще ждет впереди другая, более надежная и постоянная помощь и что им не суждено утонуть, или, по крайней мере, пока еще не суждено утонуть.

Надежда, сладкая, утешительная надежда, вспыхнула в их груди, а вместе с ней пришла и решимость продолжать борьбу за спасение своей жизни. Оба могли теперь свободно обмениваться разными соображениями и советами, и они принялись толковать о своем положении.

Прежде всего они стали гадать, каким образом появился здесь сундучок. Предположение, пришедшее в первый момент в голову его хозяину, будто плот погиб и сундучок — просто один из обломков происшедшего крушения, оказалось несостоятельным, а потому было тут же отвергнуто. Никакого сильного движения водных или воздушных стихий, которые могли бы разрушить «Катамаран», не произошло. Это замысловатое сооружение, целое и невредимое, плавало где-то в океане, красуясь своими фантастическими очертаниями.

Правда, его нигде не было видно. Даже маленькая Лали, которой, поскольку она находилась на более высоком месте, поручено было вести наблюдение, ничего не видела, хотя и старалась выполнить свою задачу со всей тщательностью.

Если бы плот находился на расстоянии одной — двух лиг [1], то большой четырехугольник паруса был бы

[1] Лига (морск.) — старая мера длины, равная 5,56 километра.

достаточно хорошо виден. Но никакого паруса девочка не заметила.

Так она и доложила своим спутникам: ничего вокруг, только море и небо.

Отсюда можно было заключить, что «Катамаран» если даже и не утонул, то его отнесло так далеко, что им никогда его не догнать. Однако моряк, умудренный опытом, не предавался отчаянию. Догадки его были более утешительного характера. Основываясь на коекаких других фактах и хорошенько пораскинув умом, он решил, что появление среди морских волн морского сундучка — дело не случайное. Это, несомненно, работа рук Вильяма, действовавшего по какому-то плану.

— Будь уверен, Снежок, — говорил он коку, — мальчишка выбросил этот сундучок за борт, наперед зная, что, если мы не догоним «Катамаран», он нас выручит. Сундук-то стоял посередине плота, когда я в нем рылся. Что ж, он сам, что ли, прыгнул в воду? Да ведь в нем были всякие вещи, а сейчас, будь уверен, он пуст — иначе бы так не плыл. Взял, значит, малыш этот самый сундучок, вытряхнул из него все мои вещички, и раз его — за борт! И очень умно сделал. Вот голова! Только он мог такое сообразить. Я и прежде замечал, что он дошлый парень. Ты только подумай, какой это молодец! А?

После этого потока похвал Бен переживал про себя свои восторги.

— Может быть, очень даже может быть, — согласился с ним негр.

— А потом он вот что сделал, — продолжал Бен плести свою цепь догадок.

— Что же?

— Взял да убрал парус. Не знаю только, почему он не сделал этого раньше. Я же ему кричал, и он, должно быть, меня слышал. Сдается мне, он ничего не мог с ним поделать. Сейчас я вспоминаю, что, поднимая наш парусишко, я затянул на шкотах такой узел, что ой-ёй! Как же он мог быстро его развязать? Ведь пальцы-то у него маленькие! Вот в чем и была загвоздка! А теперь он убрал наконец парус, значит, ему удалось все-

таки развязать мой узлище, а может, он просто взял да перерубил канат — вот почему мы и паруса не видим, а на самом деле «Катамаран» совсем близехонько. Быть того не может, чтобы он далеко уплыл, особенно если парус был уже спущен, когда мы увидели, что он исчез из виду.

— А ведь верно! Я тоже заметил, что парус ни с того ни с сего вдруг исчез, будто его кто сдернул.

— Значит, Снежок, — продолжал матрос все более веселым тоном, — если все так, как мы гадаем, то плот от нас недалеко ушел — на один или, может, на два узла. Видеть далеко мы ведь не можем, потому что сидим по шею в воде. Во всяком случае, я скажу тебе: плот наверняка идет по ветру, и без паруса его понесет не быстрее, чем мы поплывем. Это уж точно. Поэтому давай-ка махнем милю или две ему навстречу, а тогда видно будет, барахтается ли он еще где-то тут или прости-прощай навеки. Это будет, пожалуй, самое лучшее, а?

— Точно, масса Брас, это будет самое правильное! Ничего лучше не придумать, как пуститься и нам по ветру.

И без дальнейших разговоров они принялись осуществлять свою задачу. Один греб правой рукой, другой левой, но оба с одинаковой силой и решимостью. Быстрота их движения стала такой, что море так и пенилось вокруг и брызги долетали даже до уцепившихся за крышку сундучка пальчиков маленькой Лали.

Глава XXXIX

ПО ВЕТРУ

Плыли они недолго. Вдруг Лали вскрикнула — и двое мужчин прекратили свои усилия.

Пока матрос и кок усердно трудились, Лали, стоя на коленях на крышке, смотрела вперед. И внезапно она увидела нечто, вызвавшее если не радостный, то, во всяком случае, достаточно веселый возглас.

— Что такое, Лали? — нетерпеливо спросил негр.— Ты что-то увидела? Святое небо, да неужто же «Катамаран»?

— Да нет же! Это только бочка, бочка плывет по воде...

— Бочка? Какая такая бочка? — удивился негр.

— Наверно, одна из пустых бочек от нашего плота... Ну да, на ней веревки.

— Так и есть, — подтвердил Бен, который, приподнявшись как можно выше, тоже увидел бочку. — Разрази меня гром! Все-таки, видать, наш плотик развалился... Э, нет! Все понятно!.. Это работа нашего Вильма — он обрубил у бочки веревки. Послал нам ее в помощь, на случай, если нам не повстречается сундучок. Обо всем подумал! Говорю тебе, голова у него!..

— А что, если б нам доплыть до этой бочки и тоже прихватить ее на буксир? — предложил кок. — Это было бы не лишним. Поднимется ветер, и тогда сундучок не очень нам поможет. Зато бочка еще как пригодится — в самый раз будет!

— Правильно, Снежок! Захватим и бочку. Сундучок сослужил нам хорошую службу, а все-таки бочка в бурном море более верное дело. Так и держи на нее — она прямехонько перед нами.

Через пять минут пловцы поравнялись с бочкой. По веревкам они сразу узнали, что это бочка от плота. И матрос тут же разглядел, что веревки не перерезаны аккуратно ножом или каким-либо другим острым орудием, а, видимо, «перепилены» в спешке, так как концы их измочалились и во все стороны торчат волокна.

— Опять работа Вильма! Он, видать, перерубил веревки старым топором. А топор-то у нас тупой... Ура нашему славному мальчишке!..

— Постойте-ка! — закричал Снежок, прерывая бурные восторги матроса. — Держитесь пока за сундучок, масса Брас, а я заберусь на бочку и взгляну — может, и увижу наш «Катамаран».

— Правильно, Снежок! Валяй, забирайся! Я буду один держать сундучок.

Снежок, высвободив руки из веревочной петли, подплыл к бочке и после некоторой возни наконец вскарабкался на нее.

Для этого ему пришлось проявить большую ловкость: бочка крутилась у него под ногами, грозя сбросить. Но такая водная гимнастика была Снежку нипочем. Балансируя, ему удалось найти достаточно устойчивое положение, чтобы как следует оглядеть расстилавшийся кругом океан.

Матрос с беспокойством наблюдал за его движениями. Ведь недаром же они получили две весточки от сообразительного юнги, говорившие о том, что тот находится где-то поблизости! Как он ожидал, так в действительности и случилось. Едва негр утвердился на бочке, как громко закричал:

— «Катамаран»! «Катамаран»!

— Где? — крикнул ему матрос. — По ветру?

— Точно по ветру!

— А далеко, славный ты наш кок, далеко?

— Близко, совсем близко — не дальше, чем на расстоянии свистка боцмана. Не больше трех — четырех кабельтовых.

— Ладно, слезай с бочки... Как по-твоему, что нам теперь делать, дружище Снежок, а?

— Самое лучшее, — закричал в ответ негр, — попытаться мне догнать наш плот! Парус на нем спущен, и он плывет не быстрее, чем бревно красного дерева в тихую погоду в тропиках. Я сейчас двинусь к нему, и тогда мы с Вильмом подойдем к вам на веслах.

— Думаешь, догонишь плот, Снежок?

— Догоню, как же иначе! Вы с Лали плывите да смотрите, чтобы не ушли от вас ни бочка, ни сундучок, — бочка нам даже нужнее. Мне бы только добраться до плота, а уж там я пригоню его к вам!

Проговорив это, негр накренил бочку и соскользнул в воду. Еще раз дав совет держаться ближе к месту, где они сейчас находятся, негр, загребая во всю длину своих мускулистых рук, поплыл, вспенивая воду и фыркая не хуже какого-нибудь представителя семейства китовых.

— *«Катамаран»! «Катамаран»! — закричал негр.*

Глава XL

СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПОЯСА НА ВОДУ!

Вряд ли нужно говорить, что, в то время как происходили описываемые события, Вильям, находившийся на «Катамаране», чуть не лишился рассудка от беспокойства. Сначала он бросился к рулевому веслу, намереваясь выполнить первое указание Бена Браса, но, убедившись, что все его отчаянные попытки повернуть плот безуспешны, перешел к выполнению второго приказа матроса — принялся спускать парус. Однако недаром Бен недоумевал, испытывая при этом горестную досаду, почему его последнее распоряжение не было выполнено или, по крайней мере, выполнено недостаточно проворно. (Потом он все же решил, что Вильям в конце концов убрал парус, хотя истинная причина задержки Бену все еще оставалась неизвестна.)

А между тем предположение, которым он поделился со Снежком, будто он «затянул такой узел, что ой-ёй», и Вильям, наверно, не сможет его развязать, было правильно. Оказался Бен прав и в том, что в конце концов парус был спущен и Вильям или сумел развязать его «узлище», или же просто перерубил канат.

Верным оказалось второе. Действительно, с тугим морским узлом справиться юнге было не по силам. Вильям пробовал развязывать его и так и этак, наконец, махнув на все рукой, схватил топор и перерубил шкоты.

Парус тут же опустился, но было уже поздно; и когда Вильям опять взглянул на океан, его взору представилась бесконечная однообразная голубая гладь, и кругом ни точки, ни пятнышка.

Он понял, что впервые остался совершенно один-одинешенек среди безбрежного океана.

От такой мысли можно было прийти в отчаяние и, оцепенев от ужаса, потерять всякую способность действовать. И если бы на месте юнги был какой-нибудь другой юноша, то так бы оно и случилось. Но не таков был Вильям! Недаром он отправился в море, гонимый жаждой приключений: только юноша с предприимчи-

вым и решительным складом ума мог решиться на такое.

Он не смирился перед судьбой, не пал духом, а продолжал напрягать все силы ума и тела в надежде как-то помочь катамаранцам в постигшей их катастрофе. Кинувшись обратно к рулевому веслу и отцепив его от крюка, на котором оно крепилось, служа рулем, он принялся грести им, чтобы двинуть судно против ветра.

Что и говорить, старался он изо всех сил, и все-таки ему вскоре пришлось убедиться, что от его усилий толку нет. Огромный плот, по выражению Снежка, был прямо как «бревно красного дерева в тихую погоду в тропиках».

Дело оказалось еще хуже: юнга увидел, что плот не только не идет против ветра или остановился, но он продолжает двигаться по ветру.

В этот критический момент ему пришло в голову... Он и раньше бы об этом подумал, если бы не был так поглощен надеждой, что сумеет поставить плот против ветра. Но как только эта затея провалилась, его сразу же и осенило: нужно выбросить что-нибудь плавучее за борт. Это позволит его спутникам дольше продержаться на воде.

Первый предмет, который попался ему на глаза, был сундучок моряка. Стоял он, как вы знаете, посередине плота, на том самом месте, где Бен Брас исследовал его содержимое.

Крышка была откинута, и Вильям увидел, что сундучок почти пуст: все вещи валялись рядом. Матрос раскидал свои пожитки, когда в нем рылся. И чего тут только не было! Какой выбор и в каком количестве!

Самый вид сундучка наводил на мысль о возможности использовать его в нужных Вильяму целях: его крашеный парусиновый чехол был водонепроницаемым. Сто́ит только захлопнуть крышку — и вот вам настоящий буй, который сыграет роль спасательного круга. Во всяком случае, ничего лучшего ему пока не подвернулось, и, не мешкая ни секунды, юноша захлопнул крышку; замок при этом защелкнулся, и сундучок

оказался запертым. Схватив его за одну из плетеных ручек, юнга поволок сундучок на край плота... и вот он уже качается на волнах.

Удачно, что сундучок даже в воде сохранял свое обычное положение, плывя дном вниз. И как хорошо держался он на воде, будто был сделан из пробки! Ничего удивительного! Юнга вспомнил, что однажды он слышал разговор на баке «Пандоры» относительно этого самого сундучка. Разглагольствовал при этом главным образом сам Бен Брас, хваливший замечательные мореходные качества своего изделия.

— Мой сундук что судно! — хвастал бывший матрос военного фрегата. — Все равно, что спасательный пояс в случае, если кто оказался бы выкинутым в море. Если такое, не приведи бог, случится, он удержит на воде, почитай, всю команду малой, а то и большой шлюпки!

Отчасти благодаря этому воспоминанию у юнги и возникла мысль спустить сундучок на воду. И теперь, глядя, как он удаляется за кормой «Катамарана», Вильям испытывал радость, чувствуя, что его спутник и защитник мог им справедливо гордиться: он не подвел! Но еще больше он радовался тому, что сундучок, возможно, спасет от смерти не только Бена, но и ту, которая была ему еще дороже, — маленькую Лали.

Глава XLI

НАБЛЮДЕНИЕ С ВЫШКИ

Отправив сундучок за борт, Вильям не успокоился на этом и решил, что нужно послать по воде потерпевшим еще что-либо: может, новая посылка, дойдя до них, даст им лишний шанс уберечься от неминуемой гибели на дне океана.

Что еще такое пустить бы в ход? Может, доску? Нет, всего лучше бочку, одну из порожних бочек из-под воды. Вот это было бы здóрово, ну просто здóрово!

Сказано — сделано. Ножа не оказалось, и Вильям

перерубил веревки топором. И вот бочка, отделившись от плота, плывет за кормой, догоняя матросский сундучок. Плывет она, однако, не очень быстро. Ведь паруса-то на ней нет, и потому ветер не подгоняет ее. А все же плот плыл быстрее сундучка и бочки, потому что ветер, как-никак, подгонял его. Вильям правильно рассудил, что для обессилевших пловцов, какими, несомненно, были сейчас и Бен и Снежок, лишний кабельтов, отделяющий их от плота, может сыграть решающую роль.

И он подумал, что, чем больше плавучих предметов будет сброшено на воду им в подмогу, тем больше вероятности, что хоть один из них они заметят и доберутся до него. Поэтому Вильям, не мешкая, принялся перерубать веревки у второй бочки, чтобы пустить и ее по воле волн.

Освободив таким образом вторую бочку, он проделал то же самое с третьей, потом перешел к четвертой и принялся было за пятую, намереваясь оставить только шестую с драгоценным запасом воды. Он знал, что, если даже обрубить все бочки, плот все равно не затонет. Этого он нисколько не боялся. И тем не менее, уже собираясь обрубить веревки, прикреплявшие к плоту пятую бочку, он вдруг остановился. Внимание его было привлечено одним странным обстоятельством: третья и особенно четвертая бочки, вместо того чтобы плыть в кильватере за кормой, покачивались у борта, словно не желая расставаться со своим старым другом — плотом.

В первую секунду Вильям ничего не мог понять. Но он быстро сообразил, в чем тут причина. Раз бочки не поддерживали больше плот на плаву, то он глубоко осел в воду, и поэтому ветер не мог уже гнать его быстрее, чем бочки. Таким образом, бочки и «Катамаран» двигались сейчас по ветру одинаково быстро, или, точнее, одинаково медленно.

Сначала юнга был этим недоволен, однако он тут же рассудил, что это будет на руку пловцам, — ведь не бочки плывут быстрее, а «Катамаран» плывет медленнее. Поэтому если трое его друзей смогут догнать боч-

ки, то они с таким же успехом догонят и плот, и это будет чудесно! Ведь и в самом деле теперь плот шел так медленно, что даже самый плохой пловец мог бы без труда его настигнуть, в том случае, конечно, если расстояние между ними будет не очень велико.

Именно — не очень велико! В этом-то вся суть. Вильям забеспокоился. Далеко ли отстали от плота его трое спутников и смогут ли они доплыть до него? Где они сейчас? Он не был уверен в направлении, потому что неуправляемый плот поворачивался к ветру то носом, то бортами, то кормой.

Ничего не было видно, кроме сундучка, который к этому времени был уже на расстоянии в несколько сот морских саженей с наветренной стороны, чуть поближе к нему — бочка первая, и еще ближе — бочка вторая. Хорошо, однако, что они растянулись в одну линию, словно помогая угадать, где находились, если они еще не утонули, наши трое пловцов.

Больше того, эти три предмета не только помогали угадать направление, но они его точно указывали. Ведь плот мог двигаться только в ту сторону, куда дует ветер, или, как говорят моряки, «по ветру», а поэтому оказавшиеся за бортом его пассажиры должны находиться в той стороне, откуда дует ветер.

Он окинул взглядом часть океана до самого горизонта — и влево и вправо: ведь пловцы могли отклониться в сторону.

Однако напрасно он смотрел. Ничто не нарушало монотонности бегущих волн, ничто, кроме все того же сундучка, бочек да нескольких чаек, сверкавших своими белоснежными крыльями.

Пробежав по доскам плота, Вильям взобрался на единственную оставшуюся бочку фальшборта — самый высокий, не считая мачты, пункт наблюдения. С трудом удерживая равновесие, он опять окинул взглядом наветренную сторону и снова ничего не увидел: только бочки, сундучок и всё те же чайки, лениво взмахивающие похожими на маленькие кривые сабли крыльями. Они чувствовали себя над безбрежным океаном как дома. Да океан и был для них домом, местом их жилья.

Испытывая все более сильное разочарование, Вильям спрыгнул с бочки и, подскочив к мачте, начал на нее карабкаться.

Несколько секунд — и он уже на верхушке. Держась обеими руками за мачту, Вильям опять взглянул вдаль.

Он смотрел, смотрел и не видел ничего, что походило на его пропавших спутников. От напряжения мышцы рук и ног совсем ослабели — приходилось спускаться, и он в отчаянии соскользнул вниз, на дощатый настил «Катамарана».

Чуть отдохнув, Вильям снова полез на мачту. И опять, не отрывая глаз, стал следить за движением сундучка и бочек. Если они ни на что больше не пригодятся, то послужат ему хотя бы ориентиром, указывая нужное направление.

Еще более удобным ориентиром служили юнге чайки. Как раз в той стороне, описывая короткие круги, носились сейчас над водой две чайки. Их, видимо, занимал какой-то предмет внизу, почти под водой. И хотя они были далеко от Вильяма, время от времени до него доносились их пронзительные крики. То, что они видели, возбуждало их любопытство или, может, какое-то еще более острое чувство.

Кружа над этим местом, они то и дело возвращались к его центру, и взгляд наблюдающего за ними Вильяма невольно останавливался на предмете, чернеющем на водяной глади. Предмет этот благодаря своему цвету отчетливо выделялся на голубом фоне воды. Был он совсем черный, чернее всего обитающего в океане, если не считать гигантского кита «мистицетус» с его очень темной окраской. Характерна была и форма предмета — почти шарообразная.

Вильям, пользуясь только методом доказательства от противного, мог бы догадаться, что это такое. Ясно, что это не черный альбатрос, не глупыш и не фрегат-птица. Хотя по цвету они и похожи на этот предмет, но очертание тел этих птиц совсем другое. Да и вообще ни у одного из обитателей океана не может быть таких контуров: ни у животного, ни у рыбы. Предмет этот

был круглый, как шар, напоминающий морского ежа, а уж черный, словно смазанный дегтем блок! Да это же... да это же курчавая голова их кока Снежка! А несколько подальше от него виднеются еще два предмета, тоже темные и круглые, но все же не такие черные и круглые, как первый. Должно быть, это головы Бена и маленькой Лали. Чайки, по-видимому, тоже ими очень заинтересовались, потому что они подлетают то к одной, то к другой голове, вьются над ними, беспрестанно испуская пронзительные крики. И крики эти доносятся теперь гораздо отчетливее до слуха Вильяма, который будто прирос к мачте.

Глава XLII

СНОВА НА БОРТУ

Юнга слез с мачты, как только убедился, что его спутники не утонули, а целые, невредимые плывут неподалеку от плота. Тогда, ободренный надеждой, он решил, что не ослабит своих усилий, пока они не будут спасены.

Соскользнув на доски плота, он подскочил к брошенному рулевому веслу и принялся грести против ветра.

Надо правду сказать, что продвигался плот вперед не очень быстро, однако Вильям был доволен и этим: по крайней мере, плот уже не уходил от его товарищей, а, наоборот, приближался к ним. Ясным доказательством тому служила последняя бочка, у которой он перерубил веревки и спустил на воду: теперь она уплывала уже в подветренную сторону. Значит, сам плот двигался против ветра.

Сундучок и первая бочка были спущены на воду раньше; у последней бочки он обрубил канаты не сразу, а некоторое время раздумывал, стоит ли их рубить. Поэтому первая бочка, так же как и сундучок, плыли далеко с наветренной стороны. Юнга, глядя с мачты, заметил, что пловцы находятся недалеко от сундучка и поэтому вряд ли пропустят его.

Вильям спустился со своей наблюдательной вышки, так и не убедившись, видели ли сундучок его друзья или нет. А теперь ему, занятому греблей, и вовсе не было времени лезть на мачту. Главное, что плот движется в нужном направлении — против ветра. С каждой морской саженью он ближе к спасению жизни своих спутников; каждая сажень означает, что пловцам придется сделать на один взмах руки меньше, а они настолько устали, что и такое усилие для них не шутка. Как же он может оставить весло хотя на секунду? И Вильям греб изо всех сил, поглощенный одной целью — двигаться против ветра. К счастью, ветер, и до того уже довольно тихий, становился все слабее, будто и ему хотелось помочь делу спасения людей, и Вильям с удовлетворением заметил, что бочки, которые он перегнал, уже далеко позади. Значит, плот шел вперед!

И тут глазам его представилось радостное зрелище. Он так был занят веслом, что ни на секунду не поднимал головы, чтобы взглянуть за борт, и когда наконец посмотрел в наветренную сторону, то с удивлением увидел, что не только бочка и сундучок подплывали все ближе, но что на крышке сундучка лежит кто-то и, вытянув руки, держится за выступающий край, а по обеим сторонам сундучка темнеют два шара, причем один из них круглее и чернее. Ясно было, что эти два шара — человеческие головы.

Загадочная картина скоро разъяснилась: на крышке сундучка лежала Лали, а по бокам его плыли Бен Брас со Снежком. Сундучок поддерживал на воде всех троих. Ура! Они спасены!

Теперь Вильям был в этом твердо убежден. Но этой радостной уверенности еще не испытывали трое пострадавших. Дело в том, что Вильям стоял на возвышенном месте плота и мог видеть любое их движение, в то время как они всё еще не могли разглядеть его.

Но если он будет стоять, подумал юнга, и смотреть на них, то он им не поможет. Удовольствовавшись несколькими радостными восклицаниями, он снова взялся за весло и стал грести с еще большей энергией. Уверенность в успехе придала ему новые силы.

Когда он опять оторвался от своего занятия и, выпрямившись, бросил взгляд на океан, картина переменилась: маленькая Лали по-прежнему лежала на крышке сундучка, но рядом виднелась лишь одна голова — голова матроса. Его можно было узнать по белому лицу и длинным волосам.

«Но куда же девалась макушка кока? Где его курчавая голова? Неужели вместе с телом отправилась на дно океана?» — с тревогой спрашивал себя юнга. Но в следующую же секунду он получил самый удовлетворительный ответ на свой вопрос. Негр, видимый теперь целиком, сидел верхом на бочке: он просто был не на том месте, где юнга искал его глазами, вот почему он не сразу его заметил.

Однако рассудительный юноша не стал терять время на ахи и охи, а принялся опять энергично работать веслом.

Так он греб и греб, пока не услышал... свое имя. Подняв глаза, он увидел, что Снежка нет на бочке и круглая черная физиономия его выглядывает из воды на расстоянии какого-нибудь кабельтова от «Катамарана».

Его оттопыренные уши оставляли пенистый след на воде по обе стороны головы, указывая точное направление, в котором он плыл, — прямо к плоту. А то, что он свирепо вращал белыми, как сама пена, белками глаз и вовсю фыркал и отдувался своими толстыми губами и вода так и ходила волнами вокруг него, указывало, что он всеми силами старался нагнать «Катамаран».

— Эй-эй! На плоту! — закричал он, задыхаясь, как только юнга мог его услышать.— Греби-ка сюда, Вильм, греби во всю мочь!.. Ух, и устал же я, прямо не могу больше! А уж представляю, что делается с теми двумя! Они позади, в кабельтове от меня.

И, кончив свою речь громким «У-у-ф!», произнесенным отчасти для того, чтобы избавиться от воды, попавшей в рот, а также и для того, чтобы выразить свое удовлетворение, кок поплыл к плоту, не сбавляя хода.

Спустя несколько секунд долгие усилия Снежка на-

конец увенчались успехом: с помощью юнги он вскарабкался на плот.

Едва переведя дух, негр схватил второе весло, и под дружными ударами двух весел плот достиг наконец сундучка. Оставшиеся двое членов команды были взяты на борт. Так они избавились от смерти, которая столь недавно казалась им неотвратимой.

Глава XLIII

ПОЧИНКА ПЛОТА

Вскарабкавшись на плот, Бен, этот здоровяк и великан, был в таком изнеможении, что не мог даже стоять на ногах. Сделав шаг, он покачнулся и без сил повалился на доски. О маленькой Лали позаботился Вильям. Поддерживая ее, почти неся на руках, он осторожно уложил ребенка на парусину около мачты. Если не считать нескольких слов, слабым голосом произнесенных девочкой, понявшей, что она спасена, то юнга был вполне вознагражден за свою нежную заботу благодарностью, которой так и светились глаза маленькой креолочки.

Снежок, измученный не меньше других, тоже растянулся на плоту. Долго все они, молча и не шевелясь, лежали на досках, чувствуя, что не в состоянии двинуть ни единым членом, ни произнести хотя слово.

Однако Вильям не бездействовал: уложив Лали, он тут же пошел в тот угол «Катамарана», где находилась небольшая бочка, прикрепленная к толстым доскам плота и наполовину погруженная в воду. Она была с драгоценным канарским. Осторожно вынув втулку — они нарочно привязали бочонок отверстием кверху, — он опустил в него маленький жестяной ковшик, случайно оказавшийся среди вещей матроса в сундучке. Он был привязан на веревке к бочонку наподобие тех ковшиков, какими пользуются виноторговцы. Зачерпнув сладостную влагу, он поднес ковшик сначала к губам маленькой Лали, потом своему дорогому защитнику

Бену Брасу, после чего, зачерпнув из бочонка еще раз, дал хлебнуть вина его настоящему хозяину — Снежку.

Дух лозы, некогда росшей на склонах Тенерифа, оказался чудодейственным. Через несколько минут матрос и кок вновь обрели способность думать о том, какие меры предосторожности надо будет предпринять и с чего в первую очередь необходимо начать.

Прежде всего, решили они, следует выловить пустые бочки, которые Вильям спустил на воду. Лишившись этих бочек, плот не только дал большую осадку, но и вообще потерял часть своей мореходности.

И потом сундучок! Хозяин его чувствовал к нему теперь особое расположение. Его выловили в первую очередь, а за ним — ту самую бочку, на которую вскарабкался Снежок, чтобы получше видеть. И сундучок и бочка были близко — им не пришлось долго грести, чтобы их выудить.

Зато другие три бочки отнесло довольно далеко в подветренную сторону, и с каждой секундой они уплывали все дальше. Но так как они еще не скрылись из виду, то команда «Катамарана» не видела особой трудности в том, чтобы их догнать.

И действительно, это оказалось не трудным делом. Матрос работал одним веслом, кок — другим, а Вильям указывал, куда грести. Несколько дружных взмахов весел — и плот одну за другой настиг уплывавшие бочки. Их выудили, наново закрепили веревками, придав бочкам прежнее положение. И если бы не мокрая одежда троих скитальцев, побывавших в воде, да не их измученные лица, никто бы и не догадался о происшествии на борту «Катамарана».

Что же касается мокрой одежды, то она недолго причиняла им неудобство: жаркое солнце, сиявшее в небе, быстро ее высушило. С этой стороны ущерб действительно был невелик, ибо они просыхали так быстро, что всех троих, а особенно Снежка, окутало густое облако пара. Вскоре на них и нитки мокрой не осталось.

Потому ли, что у негра в теле было больше естественного тепла, чем у остальных, или потому, что

солнечные лучи прямо-таки обжигали, он дымился, как куча угля, когда из него гонят смолу. А потому сквозь завесу пара, за которой скрылись его голые плечи и голова, трудно было разглядеть, черный он или белый. И, как будто Юпитер, окруженный этим облаком, негр продолжал говорить и действовать, помогая матросу и Вильяму вылавливать из воды бочки, пока все они не были водворены на место, парус снова поставлен и «Катамаран», будто ничего не случилось, пошел по ветру, разрезая морские волны.

На этот раз, однако, они позаботились о том, чтобы узлы на шкотах были завязаны как следует. Теперь, по правде сказать, Снежку следовало бы сделать выговор, внушив ему быть в будущем поосмотрительнее. Однако катамаранцы сочли это лишним: опасность, от которой они спаслись, можно сказать, чудом, впредь послужит ему достаточным уроком.

Единственно, о чем им пришлось пожалеть, — это о потере значительной части запасов продовольствия: той вяленой рыбы, которую Снежок сушил еще до того, как двое плотов соединились, и вяленого мяса акулы, перенесенного с меньшего плота. Чтобы высушить всю рыбу на солнце, ее разложили на бочки фальшборта, те самые бочки, на которых Вильям обрубил канаты. Рыба свалилась в воду и либо пошла ко дну, либо осталась плавать на поверхности. В результате оказалось, что, хотя все другие беды были исправлены, бо́льшая часть запасов погибла. Может, они и не утонули, а их унесло водой, а вернее всего, их съели хищные птицы, парящие в небе, или не менее прожорливые хищники, сновавшие в морских глубинах. С глубоким огорчением думал Снежок о том, как уменьшились их запасы, и это чувство разделяли и все остальные члены команды. Однако они переживали эту потерю не так остро, как могло бы быть при других обстоятельствах: слишком приподнятое было у всех настроение после недавнего столь чудодейственного спасения. К тому же следовало надеяться, что они сумеют пополнить свои запасы точно таким же образом, каким добыли их в первый раз.

Глава XLIV

АЛЬБАКОРЫ

Вскоре им действительно представилась такая возможность.

Не успел парус наполниться ветром, как они увидели за бортом косяк самой красивой рыбы, какая только встречается в океанских просторах. Рыб было несколько сот. Как и в косяках обыкновенной макрели, все они были почти одного размера и плыли ряд к ряду. Но эти рыбы меньше макрели и, достигая примерно футов четырех в длину, при основательной толщине были пропорциональной и красивой формы, какая свойственна всем видам этого семейства.

Даже за один цвет их можно назвать очень красивыми созданиями. Голубая, как бирюза, отсвечивающая золотом спинка, серебристо-белое, переливающееся, как перламутр, брюшко. Спинные плавники в два ряда, ярко-желтые. Большие круглые глаза с серебристым ободком зрачков.

Длинные, серповидной формы спинные плавники, хорошо развитые и очень своеобразные: с глубоким желобком под ними вдоль хребта, в который они, когда находятся в спокойном состоянии, входят с такой удивительной точностью, что их даже не видно, будто и нет.

Если не считать красивой окраски, большого размера и еще кое-каких особенностей, рыбу эту вполне можно было принять за макрель, что не было бы большой ошибкой, ибо они принадлежат к тому же роду, что макрель, только к другому виду. И этот вид самый красивый.

— Альбакоры! — закричал Бен Брас, как только косяк рыб поравнялся с плотом. — Ну-ка, Снежок, достанем наши удочки! Вот уж будет клев на таком ветерке! Теперь мы пополним нашу кладовую. Только, чур, никто ни слова, а то они сразу наутек... Тише, кок, тише, ты, старый камбуз!

— Какое там «тише», масса Брас! Неужто вы думаете, что они уплывут от «Катамарана»? Этого нам

нечего бояться! Смотрите, как они шныряют: то они по левому борту, потом — раз! — и они уже по правому. Будто нигде не могут найти себе места.

Действительно, рыбы принялись странно маневрировать. Некоторое время, поравнявшись с плотом, они, не обгоняя и не отставая от него, плыли рядом, вдоль правого борта. Это было им нетрудно — плавники их чуть двигались, придерживаясь одинаковой с плотом скорости. И все они держались так точно параллельно ходу плота и параллельно друг другу, что можно было подумать, будто они связаны между собой невидимыми нитями. И вдруг неожиданно, как меняется узор в калейдоскопе, параллельное движение по отношению к плоту и друг к другу нарушилось. Шевельнув хвостами, весь косяк одновременно повернулся перпендикулярно к плоту и — раз! — нырнул под него.

Секунду их не было видно, а затем они появились, на этот раз уже вдоль правого борта, все время сохраняя параллельное к нему движение. Весь маневр был выполнен с такой точностью и слаженностью, что даже лучший в мире кадровый офицер не смог бы добиться от своих солдат такой четкости в движениях. Направо! Налево! Как будто им всем одновременно приходило желание повернуться, и в этот же миг хвосты их трепетали и они поворачивались все разом, показывая серебристые полоски брюшка, и затем так же дружно ныряли под киль «Катамарана».

Этот удивительный маневр они проделали несколько раз, переходя от правого борта к левому и обратно. Поэтому-то Снежок и заявил так уверенно, что, пока рыбы двигаются подобным образом, нечего бояться, что они уплывут от «Катамарана».

Только Бен Брас понял, почему Снежок так сказал. Вильям же немало удивился, когда бывший кок так уверенно заявил об этом, да и вел он себя, словно нисколько не боялся отпугнуть столь робких на вид рыб.

— Послушай, Снежок, — сказал мальчик, — почему это ты говоришь, будто нам нечего бояться, что они уплывут от «Катамарана»?

— Потому, мой милый, что неподалеку есть кто-то другой, кого рыбки боятся больше, чем нас с тобой. Так я думаю. Я не вижу, кто это, но думаю, что не иначе, как длинное рыло.

— Что это значит — длинное рыло?

— Как — что? Длинное рыло, и всё тут. Ну ладно, если хочешь, длинный нос. Посмотри-ка туда, по левому борту. Видишь? Негр знает, что тот недалеко. Вот почему рыбки мечутся туда и сюда, держась около нас. А пока они здесь, мы и поймаем несколько штук.

— Да это акула! — закричал юнга, увидев в некотором отдалении, там, куда указывал негр, по левому борту, какую-то большую рыбу.

— Акула? А вот и нет! — возразил негр. — Не акула. Если бы это была акула, рыбы не торчали бы у нас под бортом. Они бы резвились около акулы, как маленькие птички около орла или ястреба. Нет, этот хитрый зверь не акула, это длиннорылый — он настоящий враг альбакора! Пока он близко, рыбки от нас не уйдут.

Сказав это, негр принялся разбирать крючки и с помощью Бена наживлять на них приманку, проделывая все это с невозмутимым видом, подтверждавшим его уверенность в правоте своих слов.

Глава XLV

МЕЧ-РЫБА

Вильям, с таким интересом наблюдавший за появившейся необычайной рыбой, подошел к левому краю, чтобы получше ее разглядеть. Но левый борт был обращен к юго-западу, и заходящее солнце мешало ему. Заслонив глаза рукой от солнца, он все смотрел, смотрел, но, кроме морских волн, так ничего и не увидел. Снежок, хотя и был всецело поглощен своей возней с лесками и крючками, все же посматривал, как юнга вел свое наблюдение.

— Ты напрасно туда смотришь. Видишь, альбакоры по левому борту? Значит, длинный нос по правому. Уж

будь спокоен, они постараются не быть с этим голубчиком на одной стороне.

— Туда смотри, туда, Вильм! — вмешался Бен. — Видишь?.. Вон туда, прямо за кормой! Неужто не видишь?

— Вижу!.. — закричал Вильям. — Посмотри, Лали, какая странная рыба! Я никогда не видел ничего подобного.

Юнга говорил правду. Хотя молодой моряк успел избороздить не одну милю Атлантического океана, такой рыбы ему не случалось видеть. Он мог бы проделать сотни миль в любом океане и все равно ни разу ее не встретить.

Рыба, которая представилась взорам экипажа «Катамарана», — один из самых редких обитателей океана. Облик у нее настолько своеобразный, что, если бы даже Бен Брас и не сказал ему, как она называется, юноша сам об этом догадался бы. Длиной рыба была футов восемь или десять. Ее продолговатая костистая морда выступала вперед на длину одной трети всего тела. По существу, этот отросток — продолжение верхней челюсти, совершенно прямой и целиком состоящей из кости, сужающейся к концу, как рапира.

В остальном рыба не казалась безобразной: она ничем не походила на многих океанских хищников с присущим им ужасным обликом. В меч-рыбе чувствовалась некоторая настороженность в сочетании с удивительной стремительностью: она словно кралась. Как уже заметил Снежок, в пристальных глазах рыбы было свирепое, подстерегающее выражение, говорившее, что все существование хищника проходит в преследовании добычи.

Неудивительно поэтому, что Вильям принял эту рыбу за акулу: во-первых, потому, что ему мешало солнце, а во-вторых, у нее был целый ряд признаков, делавших ее похожей на некоторые разновидности акул, и нужно было хорошенько рассмотреть и уметь хорошо разбираться в таких вещах, чтобы обнаружить разницу. Вильяму прежде всего бросился в глаза большой серповидный плавник, поднимавшийся на несколько дюймов над водой, хвост с такой же выемкой, как у акулы;

хищные глаза и настороженные движения — все то, что характерно и для акулы.

Но в одном эта рыба отличалась от акулы: она плыла не так медленно, как акула. По-видимому, это была одна из самых быстро плавающих рыб. Стоило альбакорам метнуться от одного борта к другому, как хищник повторял это движение с такой быстротой, что за ним невозможно было уследить.

Движения его были бы совсем неуловимы, если бы не две интересные особенности: во-первых, плавая, эта диковинная рыба издает шорох, напоминающий шорох ливня в лесу; а во-вторых, рыба эта на ходу внезапно меняет свою окраску — то она бурая, когда животное неподвижно, то вдруг пестрая, в голубую и синюю полоску, а иногда целиком бирюзового цвета.

Но не по этим особенностям Вильям смог опознать рыбу, а по ее сужающемуся, длинному, прямому, как рапира, носу. Кто хоть раз ее видел, не мог уже ошибиться и не узнать ее по этому бесспорному признаку. А юному моряку случилось однажды видеть такой нос только не на воде и не под водой, а у себя в родном городке, куда случайно, проездом, привезли коллекцию диковинок природы, осмотр которой, надо признаться, сыграл немалую роль в его желании убежать из дому и стать моряком. Он подробно тогда осмотрел кость, сохраняемую под стеклянным колпаком, и выслушал объяснение, что этот экспонат — нос меч-рыбы. И теперь, в тропических волнах Атлантики, почти таких же прозрачных, как тот стеклянный колпак, он сразу узнал это грозное оружие меч-рыбы.

Глава XLVI

МОРСКИЕ РЫЦАРИ МЕЧА

Пока Вильям смотрел на удивительную рыбу, она неожиданно бросилась к плоту. Это движение вызвало характерный свистящий шелест; ее огромное тело мелькнуло в воде, и изогнутый, как восточная сабля,

спинной плавник прочертил на поверхности воды длинный пенистый след.

Этот бросок был явно направлен к косяку плавающих вдоль «Катамарана» альбакоров.

Но их не так-то легко было застигнуть врасплох. Испытывая, по всем признакам, жесточайший страх, они тем не менее ни на секунду не теряли присутствия духа и, как только меч-рыба кинулась на них, словно по команде, с быстротой молнии метнулись на другую сторону плота.

Увидев, что нападение не удалось, меч-рыба вдруг остановилась с внезапностью, говорившей о ее подлинном плавательном мастерстве. Вместо того чтобы продолжать преследование, она, нырнув под «Катамаран», трусливо крадучись, предпочла следовать за плотом. Казалось, что, если ей не удалось схватить добычу силой, то она решила действовать хитростью.

Вильяму стало ясно, что альбакоры держались около «Катамарана» не столько потому, что надеялись поживиться чем-нибудь, а потому, что плот служил им хорошей защитой от грозного противника. Этим, надо полагать, и объясняется, что не только альбакоры и родственные им бониты, но и другие виды рыб, которые ходят косяками, зачастую держатся близко к встречающимся им кораблям, китам и к любым крупным предметам, плавающим в открытом океане.

Тот способ нападения, какого придерживается меч-рыба — она стремительно бросается на жертву и насаживает ее на свой длинный, тонкий нос, — весьма рискован для самого хищника. Ведь стоит «мечу» промахнуться и удариться о борт корабля или о другое такое препятствие, достаточно твердое, чтобы противостоять стремительному выпаду, и ее оружие либо сломается, либо вонзится в это препятствие с такой силой, что его собственник окажется пригвожденным и падет жертвой своей опрометчивой жадности.

Поскольку испуганные альбакоры были слишком поглощены наблюдением за движениями их противника, Снежок, понимая, что рыбы вряд ли удостоят своим вниманием крючки, которые он наживлял для них, не

стал забрасывать удочки, а оставил их лежать на плоту, ожидая, пока меч-рыба уберется восвояси или отстанет настолько, что альбакоры смогут на какое-то время забыть о ее присутствии.

— Толку нет закидывать удочки, — сказал негр, обращаясь к матросу, — пока это хитрое рыло поблизости. Надо подождать, пока оно уберется, чтобы альбакоры не видели и не слышали его.

— Твоя правда, — ответил Бен. — А жаль. Они бы здорово клевали, если бы не эта дрянная рыбина! Я-то уж их знаю!

Еще много чего узнали от матроса о повадках альбакоров и их врага все присутствующие и особенно его любимец — юнга. Вильям испытывал необыкновенный интерес к альбакорам и жадно расспрашивал о них Бена. В промежутке, пока они дожидались какой-нибудь перемены в тактике преследователя альбакоров, Бен рассказал присутствующим несколько случаев из собственной жизни, в которых альбакор или меч-рыба, а иногда и обе рыбы выступали как главные действующие лица.

Среди других историй Бен сообщил и о том, как корабль, на котором он сам плавал, был пробит носом меч-рыбы.

В минуту, когда это произошло, никто на корабле даже не подозревал о случившемся. Команда обедала внизу, и только один из матросов, оказавшийся в это время на палубе, услышал громкий всплеск воды. Выглянув за борт, он увидел, что какое-то крупное тело погружается в воду, и, решив, что это тонет кто-то из команды, мгновенно поднял крик: «Человек за бортом!»

Команду выстроили, сделали перекличку: все оказались налицо. И хотя матросы так и не узнали причины этого загадочного случая, тревога их быстро улеглась и об этом деле забыли.

Вскоре после этого кому-то из матросов — им как раз и оказался сам Бен Брас — пришлось лезть на мачту такелажить, и, находясь наверху, он заметил, что сбоку в корабле, над самой ватерлинией, торчит что-то длинное. Спустили лодку, осмотрели в этом месте судно,

и оказалось, что это нос меч-рыбы, отломившийся от ее головы. А то, что матрос принял за утопающего человека, была сама меч-рыба, убитая сотрясением при ударе о корабль.

Она пробила насквозь своим «мечом» и медную обшивку судна, и толстую доску левого борта. Матросы, спустившись в трюм, обнаружили, что конец «меча», пройдя через стенку трюма, торчит на восемь — десять дюймов внутри его, зарывшись в уголь.

При всей невероятности этой истории, рассказанной Беном Брасом, в ней нет ни слова выдумки. Что она правдива, знал и Снежок, так как он сам мог рассказать несколько таких же, лично им пережитых историй. Не усомнился в ее достоверности и Вильям, который читал про такой же случай и слышал, будто в Британском музее имеется даже доказательство такого происшествия: кусок толстой корабельной доски с застрявшим в ней носом меч-рыбы, и что каждый, кто этим интересуется, может этот экспонат увидеть.

Едва Бен закончил свою интересную историю, как со стороны охотившейся за альбакорами меч-рыбы последовало движение, ясно говорившее, что она намерена изменить свою тактику: причем не отступать, а, наоборот, еще смелее ринуться в атаку. Уж слишком заманчиво выглядел крупный косяк жирных альбакоров. Вид их, столь близких и вместе с тем столь неуловимых, был для нее, должно быть, невыносимо соблазнителен. А может быть, меч-рыба была настолько голодна, что решила, чего бы ей это ни стоило, ими пообедать.

С таким намерением она подплыла к «Катамарану» поближе и, то и дело меняя направление, стала носиться с места на место вдоль бортов, а раза два она даже стремительно кидалась к косяку, чтобы внести в него смятение и расстроить ряды.

Ей это удалось: красивые рыбы, перепугавшись пуще прежнего, вместо того чтобы плыть, как плыли до сих пор, сомкнутыми, стройными рядами, параллельно друг другу, сбились в беспорядочную кучу, а потом кинулись врассыпную, кто куда.

В этой сумятице большая группа альбакоров совсем

отбилась от косяка и отстала от «Катамарана», оказавшись в его кильватере на несколько саженей.

На них-то теперь и были устремлены голодные глаза хищника, но только на мгновение, потому что в следующий миг он с такой быстротой врезался между ними, что вокруг только брызги полетели. Шум от его стремительного движения отдался далеко вокруг по океану.

— Гляди, гляди, Вильм! — крикнул матрос, боясь, чтобы его любимец не упустил этого любопытного зрелища. — Ты только посмотри, что это чудище вытворяет, а! Помяни мое слово, она сейчас подцепит парочку альбакоров на свой вертел!..

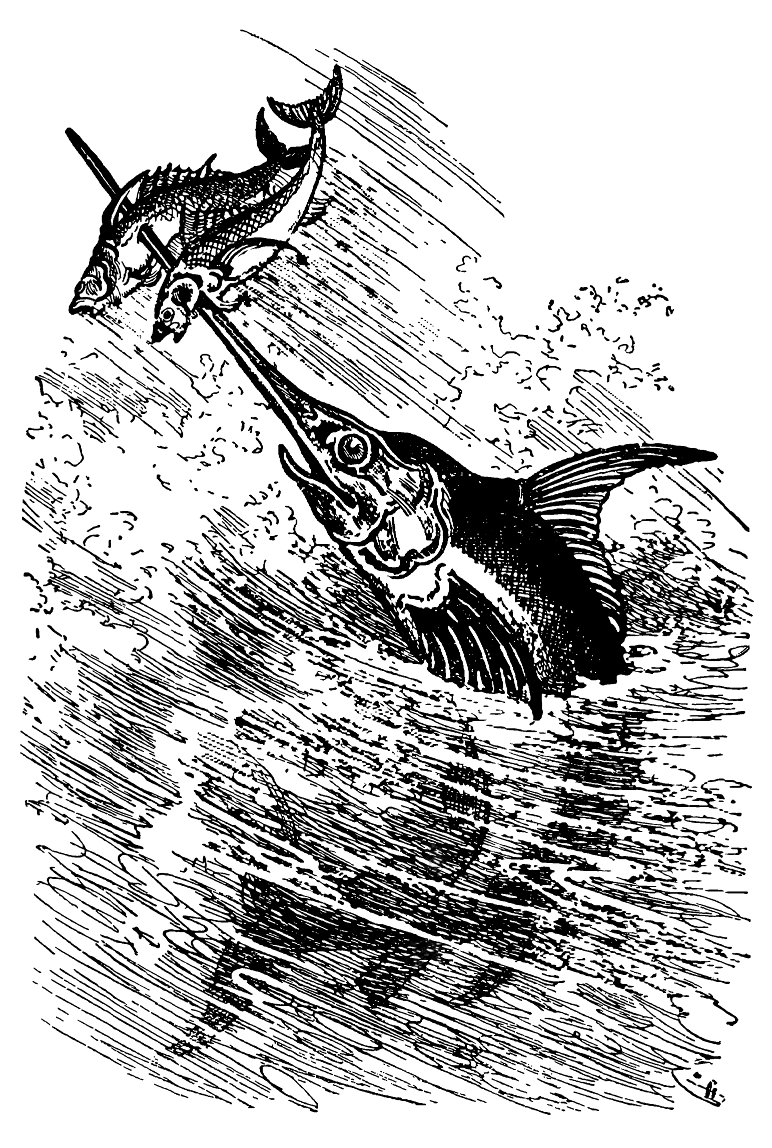
Бен едва успел договорить эти слова, как меч-рыба врезалась в самую середину перепуганной стайки. Вода брызнула фонтаном, из нее выскочили на поверхность несколько альбакоров и тут же ушли под воду. В течение нескольких минут поверхность океана в этом месте кипела ключом, пенясь и пузырясь, — ничего нельзя было разглядеть за этой завесой. Вскоре над водой показалась голова меч-рыбы с нанизанными на самый конец ее длинного носа двумя красивыми рыбами.

Несчастные создания судорожно извивались на нем, силясь освободиться из этого мучительного положения, однако усилия эти длились недолго. Чуть не в то же мгновение меч-рыба коротким движением головы вскинула в воздух сначала одну, потом другую жертву... Но упали они не в воду, а прямо в глотку жадному хищнику. Меч-рыба, лишенная зубов или других каких-либо приспособлений для прожевывания пищи, прекрасно обошлась без них, препроводив добычу всю целиком в свою ненасытную утробу.

Глава XLVII

АЛЬБАКОРОВ ЛОВЯТ УДОЧКОЙ

Катамаранцы с таким интересом следили за маневрами меч-рыбы, что почти совсем забыли о своем горестном положении. Особенно увлечены были редкостным зрелищем Вильям с маленькой Лали. И долго еще после



Альбакоры судорожно извивались на носу меч-рыбы.

того, как матрос и Снежок занялись другими, более важными делами, они, стоя рядом, смотрели в ту сторону, где только что виднелась меч-рыба...

Только что виднелась и вот уже исчезла. Проглотив парочку альбакоров, прожорливое чудище, видно, нырнуло глубоко в воду или, может, метнулось куда-то в другое место, подальше.

И куда только не глядели юнга и маленькая Лали! И за корму, где меч-рыба недавно продемонстрировала свое искусство, и в стороны, и вперед. Они смотрели так тщательно во всех направлениях, потому что, зная, какая мастерица меч-рыба плавать, понимали, что эта громадина может за две — три секунды проделать расстояние в несколько сот саженей в любую сторону.

Однако меч-рыбы нигде не было видно. И юнга так же, как Лали, хотя они с удовольствием еще полюбовались бы манипуляциями, которые умеет проделывать своим носом меч-рыба, вынужден был наконец примириться с тем, что представление кончилось, поскольку главный актер, очевидно, отправился показывать свое искусство где-то в другом месте океана.

— Похоже, очень похоже, что она и на самом деле убралась, — ответил Снежок на расспросы юнги. — Хорошо, если бы так и было. Тогда и нам удалось бы подцепить на удочку хотя бы парочку этих рыб. Взгляни-ка на них сейчас! Совсем по-другому себя ведут. Спокойны, ничего не боятся. Значит, длиннорылый повернул нос в другую сторону. Убрался, должно быть, восвояси.

Снежок правильно отметил: поведение альбакоров явно изменилось. Вместо того чтобы, как прежде, обезумев от тревоги, носиться от одной стороны плота к другой, они мирно плавали рядом, не отставая и не уходя вперед.

Более того, чувствовалось, что теперь альбакоры возьмут наживку, в то время как при меч-рыбе, сколько ни старались Снежок с матросом подсунуть им ее под самый нос, они упорно отказывались к ней притронуться.

Матрос со Снежком решили возобновить свои рыболовные операции. Насадили каждый на свою удочку по кусочку мяса акулы — и приманка выглядела тем соблазнительнее, что крючок удилища был обмотан лоскутком красной фланели; настоящей лески у них, конечно, не было — ее заменяла плетеная веревка в несколько футов длиной.

С плеском одновременно погрузились в воду оба крючка, и не успели еще исчезнуть круги на поверхности воды, как раздался другой, более громкий всплеск, и вода так и вспенилась: на крючках бились, бешено извиваясь, два альбакора. Быстро втащив их на плот, наши рыбаки сразу же пристукнули их ударом гандшпуга в голову.

Они не стали тратить время, рассматривая пленниц или радуясь пойманной добыче. Зато юнга с маленькой Лали не могли досыта налюбоваться этими красивыми созданиями, очутившимися так близко от них, а матрос и негр, наскоро поправив приманку на удочках, слегка растрепанную зубами тунцов — ведь альбакоры принадлежат к семейству тунцовых, — опять закинули удочки в воду.

На этот раз рыбы не ухватились за наживку с прежней жадностью.

Словно заподозрив что-то неладное, весь косяк робко шарахнулся от нее. Но она так заманчиво ходила у самого их носа, что сперва одна, затем другая рыбка стали подплывать все ближе и, отхватив кусочек, вдруг роняли его и испуганно кидались прочь, словно учуяв что-то неприятное в его вкусе или запахе.

Такое осторожное пощипывание продолжалось несколько минут, пока наконец один из альбакоров, очевидно более отважный, чем его спутники, или, может быть, с более пустым, чем они, брюхом, не вытерпел, глядя на этот соблазнительный кусочек, и, сказав себе: «Прощай, осторожность!» — бросился к наживке на удочке Бена, проглотив ее единым махом вместе с крючком и несколькими дюймами плетеной веревки.

Теперь можно было не опасаться, что рыба сорвется с крючка. Его бородка прочно засела во внутренностях

рыбы еще до того, как Бен рванул удочку, чтобы вогнать крючок глубже. Дернув второй раз, он вытянул рыбу на середину плота, где, как и ее двух предшественниц, прикончил ударом гандшпуга в голову.

Снежок в это время продолжал усердно «тралить» своей удочкой; тем же занялся и другой рыбак, который, сведя счеты со второй пойманной им рыбой, насадил свежую приманку и снова закинул удочку в воду.

Но что-то опять напугало альбакоров: к ним вернулась их прежняя робость. Рыбаки, как видно, тут были ни при чем—рыб встревожило что-то другое, невидимое с плота.

Альбакоры подвинулись к нему так близко, что можно было разглядеть каждое их движение, каждую мельчайшую подробность — вплоть до блеска радужной оболочки их глаз.

Наблюдавшая за ними четверка увидела, что рыбы смотрят вверх. Стали глядеть вверх и наши рыболовы, и ничем не занятые юнга с Лали: все уставились на небо. Но там не видно было ничего такого, что могло бы нагнать страх на альбакоров. «Почему же тогда они так тревожно смотрят вверх?» — подумали юнга с Лали. Матрос тоже недоумевал: и он видел лишь голубое, безоблачное небо и ничего больше.

Только Снежок, у которого знаний океанской жизни было вдвое больше, чем у всех троих вместе, не отвел, как они, взгляда, а, наоборот, в течение нескольких минут все упорнее всматривался в небо. И наконец у него вырвался удовлетворенный возглас: он разглядел нечто такое, чем, по его мнению, и объяснялось странное поведение альбакоров.

— Фрегат!.. — пробормотал Снежок сквозь зубы. — Да их там два: самец и самка, должно быть. Может быть, поэтому рыба так и перепугалась.

— Что? Фрегат? — повторил матрос.

Это было название одной из самых своеобразных, блуждающих над океаном хищных птиц. Натуралисты обозначают их именем «пеликанус аквила», а моряки за быстрый полет и изящное строение тела знают больше под названием, какое дал ей Снежок.

— Да где ж ты его увидел? Где он? Никакой птицы не вижу! Где он, а?

— А вот... почти прямо над головой... Возле того облачка. Вот они — один, а рядом другой: самец и самочка. Я ясно вижу обоих.

— Ну и острые глаза у тебя, Снежок! А я так никакой птицы не вижу... А, вот они! Их две, верно! Правильно, дружище, ясное дело — это фрегаты! Их сразу узнаешь по крыльям: ни у одной другой птицы, что летает над океаном, таких нет. И ни одна из них не поднимается так высоко, как эта. Крылья у нее, когда она их распускает, футов двенадцати в ширину, а отсюда они кажутся не больше ласточкиных. Значит, птицы поднялись па добрую милю. Правильно я говорю, Снежок?

— На милю, масса Бен? Скажите лучше — на две. Совсем укрылись от ветра. И застыли на одном месте. Здо́рово, должно быть, спят!

— Спят? — отозвался юнга. В тоне его послышалось крайнее изумление. — Уж не хочешь ли ты сказать, Снежок, что птица может спать на лету?

— Эх, малыш Вильм, мало же ты знаешь о повадках птиц в здешних местах! Может спать на лету? Конечно, они спят на лету. А иной раз сложат крылья, прижав их к туловищу, и спрячут под крыло голову... Верно я говорю, масса Бен?

— Не знаю, Снежок, не могу точно сказать, так оно или не так, — неуверенно ответил бывший матрос военного фрегата. — Я слышал об этом, только мне кажется — ерунда это!

— Вот так сказали! — ответил Снежок, насмешливо покачав головой. — Почему же ерунда? Ведь может корабль-фрегат «спать» на воде, убрав паруса? Почему же фрегат-птица не может спать в воздухе? Что вода для фрегат-корабля, то воздух для фрегат-птицы. Что ей может там помешать спать? Разве только сильный ветер. В сильный ветер ей там, конечно, не уснуть.

— Вот что, дружище... — ответил матрос. По тону его чувствовалось, что у него нет определенного мнения на этот счет. — Может, ты прав, а может, и нет. Я не

говорю, что ты врешь, и нисколечко этого не думаю. Одно знаю, что много раз видел фрегатов, неподвижно замерших в воздухе, вроде как сейчас вот, не двигаясь ни в подветренную, ни в наветренную сторону. А все-таки я не верю, что они на лету спят. Я сколько раз видел: они при этом то складывают свой похожий на вилку хвост, то раскрывают его, как портной ножницы. И мне думается, что сна у них в это время ни в одном глазу нет. Если бы они спали, как же они могли бы так шевелить хвостом? Он у птиц хоть из перьев, а все же в нем есть тяжесть. Как же фрегат им во сне ворочает?

— Ну, ну, масса Бен, — сказал негр еще более покровительственным тоном, словно жалея матроса за то, что он не мог выдвинуть более солидного довода, — а вы разве не шевелите во сне большим пальцем или ступней, а то и всей ногой? И потом, по-вашему, выходит, что фрегат и вовсе не отдыхает, не спит. Вы же знаете, что плавать он не умеет, потому что на ногах у него совсем малюсенькая перепонка. И на воде он держится не лучше, чем какая-нибудь цесарка или старая курица, привыкшая к своей навозной куче. Ведь спать на воде для фрегата — такое же невозможное дело, как для нас с вами, масса Бен.

— Ладно уж, Снежок, — медленно, словно подыскивая ответ, сказал матрос, — я бы и рад с тобой согласиться: то, что ты говоришь, как будто похоже на правду... А все-таки, хоть убей, не пойму, как так птица может спать на лету. Да это то же самое, если бы я поверил, что могу повесить, зацепив за краешек облака, свою старую брезентовую шляпу. А в то же время, по совести сознаюсь, никак в толк не возьму, как же на самом деле фрегаты отдыхают. Разве только они каждую ночь возвращаются на берег, а поутру летят назад.

— Вот так сказали, масса Брас! Да неужто вы ничего умнее не придумали? Люди говорят, будто фрегат никогда не отлетает от берега дальше чем за сто лиг. Враки! Этот негр, — ткнул себя Снежок в грудь, — видал такого старого самца среди самого Атлантического океана на гораздо более далеком расстоянии, чем сто лиг, от берега. Они и сейчас на таком же расстоянии.

Хорошо, если бы это было правдой, будто фрегат никогда не залетает от земли дальше чем на сто узлов, тогда бы нам, может, и удалось его поймать. Господи! Да ведь мы сейчас вдвое дальше от земли, а эти вот длиннокрылые птицы висят у нас высоко над головой и спят так же спокойно, как этот негр, — ткнул он опять себя в грудь, — спал, бывало, в камбузе на старушке «Пандоре».

На этот раз Бену нечем было крыть. Прав ли был негр в своих доводах или только хитроумно придал им видимость правды, но факт остается фактом. Высоко в небе маячили два темных силуэта, ясно выделяясь на его ярко-голубом фоне. Хотя они висели очень высоко и явно не двигались, все же видно было, что это живые существа, что это птицы, и именно того особого вида, к которому и матрос и негр при всем своем научном невежестве сразу и безошибочно их отнесли.

Глава XLVIII

ФРЕГАТ

Фрегат («пеликанус аквила»), вызвавший на «Катамаране» столько оживленных споров, во многих отношениях существенным образом отличается от прочих океанских птиц. Хотя его обычно причисляют к пеликанам, он почти ничем не похож на эту уродливую, неуклюжую, напоминающую домашнего гуся, птицу.

От большинства других птиц, промышляющих добычу, летая над океаном, он отличается прежде всего тем, что у него между пальцами только небольшая плавательная перепонка, а когти на ногах такие же, как у орла или у сокола.

Он и в других отношениях сильно походит на этих птиц, так что моряки, исходя из этого сходства, не делают между ними различия и попросту зовут фрегата морским соколом, фрегат-соколом или фрегат-орлом. Так зовется и крупный альбатрос, летающий в поисках добычи над океаном.

У фрегата-самца сплошь черное, как агат, туловище и только клюв ярко-красный, очень длинный, сплюснутый и к концу круто загнутый книзу. Самка вся тоже черная, только на брюшке у нее большое белое круглое пятно.

Ноги у фрегата, по сравнению с туловищем, короткие. Пальцы, как мы уже говорили, снабжены большими когтями, из которых средний покрыт чешуей и сильно загнут крючком. Ноги у фрегата до самой ступни покрыты перьями, в чем опять-таки проявляется его сходство с сухопутными хищными птицами. У них имеется еще один общий и характерный признак: средний палец у фрегата загнут внутрь, как бы для того, чтобы им можно было цепляться, садясь на дерево, что он и делает, когда прилетает на берег, где зачастую вьет на дереве гнездо или ночует, садясь на ветку, как на насест.

В сущности, эта птица является, можно сказать, промежуточным звеном между хищными птицами, обитающими на суше, и перепончатыми, которые преследуют добычу на океане.

Возможно, что фрегат продолжает линию, начатую рыболовом-птицей и морским орлом. Они добывают себе пищу из воды, однако в поисках ее не залетают далеко от берега.

Фрегат, которого действительно можно назвать морским соколом или орлом за его смелость, силу, за все качества, свойственные ему, так же как и этим царственным птицам, — отлетает так далеко от берега, что его нередко можно увидеть над самой серединой океана.

Удивительное свойство есть у этой птицы, которому орнитологи до сих пор не находят объяснения. Дело в том, что перепонок на лапах у нее почти нет, следовательно, плавать она не может. И правда, никто никогда не видел, чтобы фрегат садился на воду отдыхать. Не может он держаться и на волне: строение ног и туловища делает это невозможным. Но тогда как и где он все-таки отдыхает, когда у него устают крылья? На этот вопрос действительно очень нелегко ответить.

Некоторые, как, например, Бен Брас, утверждают, будто фрегат каждую ночь возвращается ночевать на берег. Но если вспомнить, что долететь ему до своего насеста — значит иной раз отмахать на крыльях чуть не тысячу миль, не говоря уже об обратном путешествии к месту его рыбной ловли, — то такого рода предположение теряет всякое правдоподобие. Многие моряки придерживаются мнения, что он спит, высоко повиснув в воздухе. Таково было и мнение Снежка.

И вот это мнение или предположение — назовите как хотите, — над которым Бен Брас посмеялся и слегка даже поиздевался, как над самой невероятной несуразицей, в конце концов, может быть, не так уж далеко от истины. Как часто бывало, что диковинные истории, рассказанные каким-нибудь матросом, принимались за россказни, за самые фантастические бредни, подобно, например, рассказу о фрегате, и подвергались осмеянию с научной точки зрения кабинетными учеными-натуралистами, а в конце концов оказывались чистейшей правдой.

Почему утверждение моряков, будто фрегат спит на лету, не может оказаться правильным? Ведь оно основано на личном наблюдении, а вовсе не является матросской выдумкой, какой ее считают умные и высоко о себе мнящие, но часто ошибающиеся преподаватели естественных наук.

Давайте проверим: так ли уж неправдоподобна теория моряков насчет сна фрегата?

Что фрегат может отдыхать в воздухе, не подлежит никакому сомнению. Нередко можно наблюдать, как наблюдали сейчас наши катамаранцы, что он, распростерши крылья, неподвижно висит в воздухе и только чуть покачивает своим длинным раздвоенным хвостом, временами то раскрывая его, то складывая, по меткому выражению матроса, как портной ножницы. Это движение, возможно, чисто мышечного характера и вполне совместимо с состоянием сна или дремоты, в котором птица находится отдыхая. Как бы там ни было, она держится, не меняя положения, не двигаясь с места, иногда в течение многих минут не делая ни одного

движения, а только раздвигает и сдвигает длинные, изящно изогнутые перья своего раздвоенного хвоста.

Рыба спит, не делая сколько-нибудь заметных усилий, чтобы удержаться в этом положении в воде. Почему не могут делать этого в воздухе некоторые птицы, чье тело гораздо легче рыбьего, а костяк снабжен воздушными полостями, помогающими им держаться в воздухе?

Фрегат редко когда отдыхает в обычном понятии этого слова. Его ритмичный, грациозно-легкий полет на стройных при всей их огромной длине крыльях — распростертые, они нередко достигают десяти футов — доказывает, что в воздухе он чувствует себя, может быть, так же покойно и легко, как на ветке дерева. Достоверно известно, что он неделями, месяцами подряд не знает, что значит отдыхать на дереве или на каком-нибудь другом высоком месте.

Правда, если фрегат рыбачит вблизи берега, он обычно на берегу же и ночует. Если же он залетает далеко в море, так и проводит всю ночь на крыльях. Фрегат не ищет отдыха, как это делают многие другие океанские птицы, вроде его ближайшего сородича — глупыша. Он не садится отдыхать ни на мачту корабля, ни на какой-нибудь иной высокий шест на судне, а постоянно носится над мачтами плывущих кораблей, словно находит в этом удовольствие, и отрывает иной раз клювом клочки цветной материи на флагштоке.

О фрегате, захваченном на месте преступления, когда он занимался этим делом, рассказывают забавный анекдот. Матрос, который влез на верхушку мачты и схватил его, был простой деревенский парень, служивший на корабле только временно. Был он длинный и худой, как жердь. И вот команда па борту корабля после этого случая постоянно потешалась над ним, уверяя, что фрегат, который привык узнавать матросов по выправке, ошибся, приняв новичка за шест, а не за матроса, и пал жертвой собственной ошибки.

Строго говоря, фрегат не рыбачит, как остальные хищные птицы на океане. Так как он не может ни плавать, ни нырять, то не может, конечно, и вылавливать

рыбу из воды. Но, в таком случае, чем же он существует? Где находит он пропитание? Скажем коротко: он ловит добычу в воздухе и питается главным образом всякого рода летучей рыбой и летучими каракатицами. Когда те, спасаясь от своих преследователей, выскакивают из воды, ища безопасности в воздухе, фрегат подстерегает их и камнем падает сверху, хватая прежде, чем те успевают вернуться в свою столь же опасную для них стихию, из которой только что выпрыгнули.

Кроме летучек, фрегат ловит и рыб, имеющих обыкновение выскакивать из воды на поверхность, а иногда отнимает добычу у глупыша, у чайки, морской ласточки и другой тропической птицы, умеющей и нырять и плавать, причем сначала он силой заставляет их выпустить рыбу, а затем подхватывает ее в воздухе, прежде чем та упадет обратно в воду.

В бурю эта своеобразная хищная птица прямо-таки благоденствует: это — время самого обильного для нее лова, так как она может хватать рыбу, выкинутую бурей прямо на бурлящую волнами поверхность воды. А когда на океане царит полный штиль, она прибегает к другому способу: силой заставляет птиц, выловивших рыбу из воды, отдать ей свою законную добычу. Больше того, она вынуждает их даже отрыгнуть уже проглоченную рыбу.

Поразительное мастерство полета не только дает ей возможность без промаха схватить выброшенный кусок — она пускается и на такие фокусы: если случится, что рыба попала в клюв не так, как ей удобно, она подбрасывает ее в воздух, ловит снова и снова, пока не сможет проглотить.

Глава XLIX

МЕЖДУ ДВУМЯ ХИЩНИКАМИ

Птицы, за которыми так внимательно следили катамаранцы, внезапно вышли из состояния неподвижности и, кружа в воздухе, стали по спирали спускаться все ниже и ниже к воде.

Вскоре они оказались так низко, что алый, выдававшийся вперед, как у пыжащегося голубя, зоб у самца был уже отчетливо виден. Стройные по своим очертаниям тела птиц с длинными, серпом изогнутыми крыльями и изящным раздвоенным хвостом четко вырисовывались на фоне небесной синевы.

Альбакоры совсем перестали обращать внимание на приманку, предлагаемую им Снежком и Брасом, и быстро засновали в воде туда и сюда, пока не рассеялись по океану во все стороны.

Неужели это страх перед нависшими над ними фрегатами заставил их так изменить обычную для них тактику?

Нет, такое поведение было вызвано чем-то другим — не страхом. Они, по-видимому, бросились за чем-то, чего ни самим им, ни нашей четверке на плоту еще не было видно.

Бен Брас и Снежок знали, что альбакоры подняли такую суету совсем не потому, что испугались фрегатов: им они вовсе не были страшны. Но юнга, который мало еще разбирался в жизни океана, хотя и заметил, что вид у альбакоров вовсе не испуганный, не понял, почему они вдруг так заметались, и, показывая на птиц, которые были сейчас не выше чем в сотне саженей над поверхностью воды, обратился к старшим товарищам:

— Неужели такая большая рыба тоже боится фрегатов?

— Да они вовсе не альбакоров высматривают, — ответил матрос. — И альбакоры их не боятся. Здесь где-то неподалеку другая рыба, только не видать какая. Не видно ее и этим голубым красавцам. Но они ищут ее во все глаза. Видишь, как они носятся вокруг. И уж, ясное дело, как та рыба завидит альбакоров, так от страха и выпрыгнет разом из воды.

— О какой другой рыбе ты говоришь? — спросил матроса юнга.

— Понятно о какой — о летучей. О той самой, что в свое время спасла нас от голодной смерти, помнишь? Тут где-то близко целый косяк ее. И фрегаты тоже ее

учуяли, вот почему они и кружат над этим местом. Они заметили альбакоров, а так как знают, что те тоже охотятся за летучими рыбками, то и спустились вниз, чтобы быть поближе к игре. Пока альбакоры не увидели крылатых созданий и не врезались между ними, фрегату придется только облизываться. Ему ничего не сделать, пока вспугнутые альбакорами рыбы не выскочат из воды. А эти голубые красавцы все еще, кажется, их не видят, но, судя по маневрам, помяни мое слово, сейчас заметят!.. Вот! Что я тебе говорил, Вильм? Погляди туда. Охота началась!

И действительно, несколько альбакоров внезапно повернули в сторону, параллельную курсу «Катамарана», и молниеносно пронеслись вперед в прозрачной воде.

Зрители на плоту увидели, как несколько белых пятен сверкнуло на мгновение в воздухе и тут же исчезло в воде.

Катамаранцы по серебристому блеску прозрачных плавников-крыльев сразу узнали косяк летучих рыбок; сейчас за ними охотились самые опасные из их врагов — альбакоры.

Некоторые летучие рыбки так и не успели взвиться в воздух, став добычей своих преследователей.

Фрегаты кружили и над преследователями и над преследуемыми, дожидаясь своего часа. И как только эти хорошенькие создания показались над водой, птицы камнем кинулись вниз между двумя отрядами войск, каждая выбирая себе жертву. Налет получился удачный. Катамаранцы увидели, как оба фрегата взмыли вверх, держа в клюве по летучей рыбке.

Однако одному фрегату показалось, должно быть, мало только схватить рыбку — ему захотелось еще и поиграть ею: внезапно тряхнув головой, он подбросил свою добычу вверх и поймал ее на лету, и так много раз. Натешившись вволю, он, как только рыбка очутилась у него опять в клюве, проглотил ее целиком. Вместе со своими плавниками-крыльями она исчезла у него в глотке, куда до нее, без всякого сомнения, попадало много таких, как она.

Но по одной рыбке фрегатам, как видно, было мало; едва они их проглотили, как заняли прежнюю позицию, дожидаясь удобной минуты, чтобы кинуться вниз за новой жертвой.

И катамаранцам посчастливилось: им привелось наблюдать один из тех исключительно интересных эпизодов, происходящих порой на океане, ту маленькую трагедию, которая часто разыгрывается в природе, причем действующими в ней лицами стали три сотворенные ею существа, и все три совершенно разные.

Фрегат, высматривая новую добычу, наметил себе в жертву летучую рыбку прямо под собой, которая случайно оказалась совсем одна. Потому ли, что она плавала или летала хуже своих товарок, но она отбилась от всей стаи.

Но больше она не мешкала, и вполне понятно почему: за нею следом мчался вовсю альбакор фута в три длиной. И альбакор и летучая рыбка пустили в ход всю силу мышц, заключенную в их плавниках: одна, чтобы удрать, а другая, чтобы помешать ей это сделать.

Для находившихся на плоту было совершенно очевидно, что альбакор останется в этом состязании победителем. Увы, это поняла и летучая рыбка. Крошечное создание, рассекая плавниками прозрачную воду, казалось, все так и дрожало от страха. И наши зрители решили, что сейчас она взметнется в воздух и оставит своего жадного преследователя в дураках.

Несомненно, это было единственным выходом для затравленной летучей рыбки, и несомненно также, что она так именно и собралась сделать, как вдруг увидела длинные черные крылья и жадно вытянутую шею маячившего над ней фрегата.

Этого зрелища было достаточно, чтобы чуть-чуть задержать рыбку под водой, правда всего лишь на одно короткое мгновение. Вот положение! Вверху — этот уродливый красный зоб и хищно вытянутая шея. Внизу — страшная пасть, готовая раскрыться и поглотить ее. На спасение не было никакой надежды.

Фрегат, в нетерпеливом ожидании маячивший над ней, бросился, не теряя времени, чтобы схватить ее. Но

был ли он слишком уверен в добыче или по какой-то другой необъяснимой причине, он оказался наглядной иллюстрацией к старинной и всем известной пословице о том, что от чашки до рта еще далеко; короче говоря, летучая рыбка от него ускользнула.

С «Катамарана» видели, как он кинулся к ней, широко раскрыв клюв и алчно растопырив когти, чтобы вцепиться в нее. Но... весь его боевой пыл пропал даром: серебристо-белая рыбка стрелой сверкнула мимо него и упала невдалеке в океан. Катамаранцы поняли, что летучая рыбка спаслась.

Глава L

СНЕЖОК ЛЕТИТ КУВЫРКОМ В ВОДУ

И теперь все с удивлением смотрели на фрегата: потому что, вместо того чтобы подняться опять вверх и возобновить свою охоту либо за упущенной им рыбкой, либо за какой-нибудь другой, он остался на поверхности океана и, распростерши крылья, стал бить ими по воде с такой силой, что брызги так и летели вокруг, окутывая его сплошным водяным облаком.

При этом он пронзительно кричал, не смолкая ни на минуту.

Но это не был победный крик. Наоборот, чувствовалось, что ему самому угрожает опасность или что он стал жертвой какого-то хищника, еще более могучего, чем сам.

В течение нескольких секунд длились эти необъяснимые движения, похожие на усилие высвободиться. На протяжении нескольких квадратных ярдов вся поверхность океана ходила ходуном, волнуемая усилиями какого-то живого существа под водой. А птица в это время все продолжала кричать и пенить крыльями воду, словно гигантский, разыгравшийся на воле пеликан.

Никто на плоту не мог понять, чем объясняется такое странное поведение старого фрегата.

Даже Снежок, который считал, что нет ничего на океане, чего он не мог бы объяснить, был удивлен и растерян не меньше остальных.

— Да что ж это такое с ним творится, Снежок, а? — спросил Бен в надежде, что кто-кто, а уж негр сумеет найти объяснение этому странному поведению фрегата. — Фрегат задел за что-то килем... Разрази меня гром, если он не пойдет сейчас ко дну!

— Разрази и меня гром! — ответил Снежок, бесцеремонно заимствуя излюбленное восклицание матроса. — Провалиться мне на месте, если я знаю, что тут происходит! Батюшки, видно, кто-то ухватил птицу за ногу!.. Может, это акула, а может, длиннорылый... А не то...

Снежок сказал бы «меч-рыба», если бы успел закончить свою фразу. Но ему это не удалось. В тот самый момент, когда он, строя догадки, удивленно вращал своими белками, что-то сильно стукнуло в днище плота. Удар пришелся как раз в ту доску, на которой стоял Снежок, и был так силен, что она выскочила из своих креплений и, подлетев кверху, сбила его с ног, да не просто сбила, а как из катапульты выбросила с «Катамарана» прямо в океан.

И это было еще не все! Доска, которая смахнула Снежка в воду, мгновенно вернулась на свое прежнее место — она была одной из самых тяжелых деревянных частей плота, — но, вместо того чтобы остаться на месте, опять подскочила кверху и тут же свалилась в воду, словно ее потащила туда чья-то невидимая, но сильная рука — рука какого-нибудь морского божества, может, самого Нептуна.

Да и не только доска — весь плот пришел в движение, словно кто-то невидимый залез под него и тряс, качал его вверх и вниз. Так быстры и так сильны были эти таинственные толчки, что оставшиеся на плоту еле удерживались на ногах.

Вместе с плотом ходуном ходила и вода под ним: из-под досок, на которых наша тройка, как акробаты, проделывала чудеса ловкости, чтобы не потерять равновесия, слышался громкий плеск и шум; и через не-

сколько секунд после первого сильного толчка волны кругом так и пенились белыми шапками.

Негр, опомнившись от невольного сальто-мортале, вынырнул на поверхность, но, увидев, что плот все еще качает вверх и вниз, не решился взобраться на него, а поплыл рядом, все время испуганно и невнятно что-то бормоча. Даже отважный Бен Брас, бывший матрос военного фрегата, столько раз глядевший смерти в глаза, и тот сейчас испугался.

Да и как же иначе! Он пе мог объяснить себе, какая сила природы могла вызвать это загадочное сотрясение, а необъяснимое, естественно, вызывает страх.

— Черт возьми! — крикнул Бен Брас с дрожью в голосе. — Что за дьявол возится там под нами?! Кит это, что ли, трется спиной о плот? Или...

Но он не успел договорить, как вновь послышался грохот, словно доска, так таинственно подпрыгивавшая, раскололась вдруг надвое.

Этот звук, что его ни вызвало бы, оказался апогеем всей сумятицы. После этого «скачки» плота прекратились, волны от его непрерывного качания постепенно улеглись, и наконец, подпрыгнув в последний раэ, он поплыл, как обычно, по успокоившейся поверхности океана.

Глава LI

УДАР НАСКВОЗЬ

Лишь только «Катамаран» пришел в равновесие, Снежок вскарабкался на него. Вид у негра был такой забавный, что, когда он стоял, весь мокрый, и вода так и лилась с него, всякий, увидев это, не мог бы не расхохотаться. Но его товарищам было не до смеха. Наоборот, они были подавлены: до сих пор они не понимали, что было причиной этой только что закончившейся странной передряги с плотом. Страх, который она им внушила, продолжал держать всех троих в своей власти и словно лишил их языка. Снежок первый нарушил молчание.

— Силы небесные! — воскликнул он, стуча зубами, как кастаньетами. — Что ж это такое было?.. Как вы думаете, масса Бен, кто это там затеял такую возню у нас под плотом?.. Вода кругом пеной кипела, так что ничего за ней не видать было. Боже мой, не дьявол ли это?

По испуганному лицу негра видно было, что он серьезно считает, будто именно черт вызвал всю эту таинственную суматоху.

Хотя матрос и сам не был свободен от суеверий, однако он не разделял наивной веры Снежка. Тщетно искал он объяснения этому странному происшествию, но все же никак не мог приписать его действию сверхъестественных сил. Удар, покачнувший доску, на которой стоял Снежок, дал сильный толчок всему плоту. Впрочем, возможно, этот необъяснимый и неожиданный удар произошел и вполне естественным путем: мало ли кто мог его нанести — огромная рыба или иное чудище, вынырнувшее из пучины. А вот то, что на «Катамаране» и потом продолжалась качка, да еще такая, что весь экипаж едва не попáдал в воду, — это больше всего смущало Бена Браса. Он никак не мог понять, почему эта рыба или иная тварь, стукнувшись головой о киль, не поспешила после такой опасной встречи сию же минуту удрать.

В первую минуту Бен подумал, что под плотом кит. Он слыхал, что киты попадают под суда. Но само упорство этого загадочного существа, продолжавшего, как ни странно, атаковать плот, свидетельствовало, что все происшедшее не может быть чистой случайностью. Но если нападение было намеренным и виновник его — кит, так просто они бы не отделались. Матрос знал, что кит не оставил бы их в покое, лишь покачав плот. Одним взмахом хвоста морской великан подбросил бы суденышко в воздух, швырнул в пучину или, разбив вдребезги, разметал обломки по волнам.

Он уже наверняка проделал бы с ними что-нибудь в этом роде, — так полагал Бен Брас. Стало быть, это не кит едва не опрокинул их в море.

А если так, что же это было?.. Акула? Нет, не она! Правда, бывают акулы длиной и с доброго крупного ки-

та, но матрос никогда не слыхал, чтобы они нападали на проходящие суда.

И вот наши скитальцы стояли, раздумывая над загадочным происшествием, как вдруг Снежок громко вскрикнул — наконец-то он сообразил в чем дело.

Едва лишь негр оправился от страха, как первой его мыслью было осмотреть доску, с которой он сделал вынужденное сальто-мортале, словно акробат с трамплина.

И вот тут-то — на том самом месте, где он стоял,— обнаружилось нечто такое, от чего сразу все сделалось понятным. Из бревна чуть наискосок торчал, выдаваясь на целый фут, острый костяной предмет. Он так крепко засел в дереве, словно его вогнали туда ударами кузнечного молота. Сразу было видно, что он вошел в доску снизу: острие все в зазубринах и вокруг отверстия — щепки.

Впрочем, Снежок не стал долго раздумывать. Стоило ему только взглянуть на этот предмет, которого раньше здесь и в помине не было, как весь страх его моментально прошел. Взрыв хохота, скорее напоминавший продолжительное ржание, возвестил, что Снежок снова стал самим собой.

— Ей-богу!.. — воскликнул он. — Эй, масса Брас! Гляньте-ка на штучку, которая задала нам такого страха! Поди ж ты! Кто бы подумал, что у этой длиннорылой уродины такая силища! Вот штука-то!

— Да это меч-рыба! — вскричал Бен.

Действительно, остроконечная кость, торчавшая из доски, оказалась мечевидным отростком одной из этих странных тварей.

— Правильно, Снежок, меч-рыба, она самая!

— Да нет, это только ее рыло, — пошутил негр. — Самой рыбы и близко не видать. Так вот какое черное тело я видел под плотом! Теперь-то ее и след простыл. Обломала себе носище — и это ее и убило. Подохла да тут же ко дну пошла.

— Так и есть, — подхватил матрос. — «Меч» сломался, покуда она билась и все рвалась на волю. Слыхал я, как что-то трахнуло, будто треснул корабельный

брус; и потом сразу же плот перестало швырять, все успокоилось. Господи помилуй! Ну и удар! Доска-то, поди, самое малое — дюймов пяти толщиной, а вот видишь, длиннорылый пробил ее насквозь да еще наружу «меч» высунул на фут с лишним. Ну и ну! Что за диковинные, сумасбродные твари водятся в океане!

Этим философским рассуждением матроса и закончилось приключение.

Глава LII

МЕРТВАЯ ХВАТКА

Теперь уже весь этот странный эпизод перестал быть загадкой для обоих взрослых. Ясно было, что меч-рыба проткнула доску своим отростком и сломала его. Очевидно, «удар мечом» не был нанесен с намерением напасть на «Катамаран». Это произошло совершенно случайно.

Да и вряд ли могло быть иначе: ведь удар оказался роковым для самого меченосца. Несомненно, сейчас чудовище лежало мертвым где-нибудь на дне морском: костяной клинок сломался почти у самого основания, а его обладатель не мог жить без своего оружия. Даже если страшное увечье не сразу убило меч-рыбу, все равно потеря этой длинной «шпаги», посредством которой она только и добывала себе пропитание, наверняка должна была сократить остаток ее дней, и развязка не замедлила наступить.

Но ни матрос, ни бывший кок не сомневались, что рыба совершила самоубийство против собственной воли.

Бен Брас объяснил все это Вильяму просто и логично. Меч-рыба погналась за стайкой альбакоров. Ослепленная и стремительностью своего бурного натиска, и страшной прожорливостью, она не заметила плота, покуда не наткнулась своим длинным «мечом» на доску и не пробила ее насквозь. Не в силах вытащить глубоко застрявший в дереве мечевидный отросток, огромная рыбина билась до тех пор, пока не наступила катастрофа. Очевидно, это произошло так: плот подбросило

кверху, а потом вдруг накренило со всего размаха вниз — она и напоролась на доску.

Не было необходимости все это подробно объяснять юнге: Вильям и без того уже знал кое-что. Из прежних разговоров на эту тему ему были известны случаи, когда меч-рыба вот так же легкомысленно «фехтовала» своим оружием.

Впрочем, сейчас было не до этого. Как только «Катамаран» принял прежнее положение и Снежок вскарабкался на плот, взоры всей команды, в том числе и негра, вновь обратились к странному зрелищу, которое занимало их внимание до этого столкновения. Все принялись наблюдать за необычным поведением фрегата.

Птица все еще носилась над самой водой, металась из стороны в сторону, билась и, вздымая брызги, хлопала крыльями. Маленькое облачко пены, окружая ее словно ореолом, всюду следовало за ней.

Даже Бен Брас и Снежок, разгадавшие странную историю с меч-рыбой, не могли понять, что творится с птицей. За всю свою жизнь на море они не видели, чтобы так вел себя фрегат или какой-либо иной пернатый хищник океана.

Долго стояли они, дивясь и переговариваясь между собой. В чем же тут причина? Видно было, что судорожные движения птицы непроизвольны, что происходит какая-то борьба. К тому же она почти непрерывно кричала — от страха или боли, а может быть, и от того и другого.

Но почему она так упорно держится у самой поверхности моря? Ведь известно, что эта птица может взмыть в воздух почти вертикально и взлететь так высоко, что за ней не угнаться ни одному из крылатых созданий.

Вопрос этот долго оставался неразрешимым для матроса и негра. Они не только не могли найти ключ к его решению, но даже не пытались строить сколько-нибудь правдоподобные предположения.

Добрых десять минут ломали они себе головы. И вот наконец-то задача была решена: загадочное происшествие получило объяснение. Но злосчастная птица не

была добровольной участницей этой драмы — она попала в плен.

Казалось, фрегат начинает изнемогать. По мере того как силы его слабели, крылья все тише хлопали по воде, брызги пены уже не вздымались вокруг и море волновалось меньше. Теперь зрители увидели, что птица была не одна: там, внизу, какая-то рыба вцепилась ей в ногу. По форме, величине и лазоревой окраске легко можно было признать альбакора. Несомненно, это был тот самый хищник, который одновременно с птицей состязался в погоне за летучей рыбкой.

Так вот почему фрегат не мог подняться над водой! Но это еще не все. Видимо, альбакор, измученный схваткой, тоже выбился из сил: он уже не носился стрелой из стороны в сторону, как вначале, а двигался еле-еле. Стало видно, что лапа морского ястреба вовсе не застряла в пасти у рыбы, как думали катамаранцы, — нет, птица стояла на голове у альбакора, словно забравшись на жердь, и балансировала на одной ноге.

Чудо из чудес! Что это все могло бы значить?

Борьба фрегата и альбакора как будто приближалась к развязке: теперь схватки перемежались паузами. После каждого перерыва птица все тише взмахивала крыльями, рыба все медленнее шевелила плавниками. Под конец оба хищника замерли: фрегат над океаном, альбакор в воде.

Если бы птица не распростерла так широко свои могучие крылья, она, наверно, погрузилась бы в глубь океана. Рыба все еще время от времени делала слабые попытки стащить ее вниз, под воду. Но мешали крылья, раскинувшиеся почти на десять футов над водой.

Это диковинное зрелище разыгралось прямо перед «Катамараном», и плот, идя по ветру, все приближался к месту поединка. С каждым мгновением силуэты противников вырисовывались все отчетливее. Но лишь когда «Катамаран» подошел вплотную и обоих выбившихся из сил борцов взяли на борт, выяснилось окончательно, как они сцепились между собой.

Оказалось, что схватка произошла совершенно случайно, помимо желания обеих сторон.

Ни фрегат, ни альбакор не могли покинуть друг друга.

Да и как могло быть иначе? Альбакор слишком силен для клюва фрегата, слишком велик, чтобы птица могла заглотать его своим громадным зевом. Со своей стороны, разве решился бы фрегат вторгнуться во владения могущественного морского хищника?

Причиной встречи, которая привела к такой роковой путанице, оказалось то, что они погнались за одной и той же добычей. То была маленькая летучая рыбка, которой удалось ускользнуть от врагов, подстерегавших ее в обеих стихиях — и в воздухе и в воде.

Бросившись на летучую рыбку, птица промахнулась и угодила кривыми когтями прямо в глаз альбакору. То ли когти пришлись как раз по глазной впадине, то ли слишком глубоко погрузились они в волокнистую ткань мозга, — так или иначе, они там застряли. И ни птица, ни рыба, страстно жаждавшие сбросить мучительное ярмо, не могли положить конец вынужденному содружеству. Разлучить их пришлось Снежку. Им объявили развод, самый эффективный, какой когда-либо давался судом со времен сэра Крессуэлла Крессуэлла [1].

Суд был короткий. Каждому из преступников был вынесен приговор, и казнь свершилась тотчас же вслед за осуждением — рыбу оглушили ударом по голове; иная кара, не менее скорая, постигла птицу — ей попросту свернули шею.

Так погибли два морских тирана. Будем надеяться, что такое же возмездие за свои злодеяния получат все тираны земли!

Глава LIII

МРАЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Новое появление меч-рыбы — не была ли это та самая, что уже однажды повстречалась им? — разогнало всех альбакоров по соседству с «Катамараном». Вернее же, они заметили стайку летучих рыбок и пустились в погоню, так что теперь поблизости не осталось

[1] Сэр Крессуэлл Крессуэлл — праведный судья из старинных английских легенд.

ни одного альбакора, кроме того, который был вырван из когтей фрегата.

Оправившись от волнения после этого необычного происшествия, почти столь же странного, как и предшествующий случай, команда занялась осмотром плота: нет ли повреждений от толчка.

К счастью, ничего серьезного не было обнаружено. Была пробита доска, в которой крепко застрял костяной отросток, но это оказалось сущим пустяком. Правда, «меч» почти весь целиком, кроме выдававшейся над доской верхней части, торчал на несколько футов вниз. Но все-таки его не стали вытаскивать: он не особенно мешал «Катамарану» на ходу.

Доска чуть сдвинулась с места, бревно, другое расшаталось — вот и всё. Что стоило исправить этакую безделицу умелым рукам Снежка и матроса!

Оба они закинули было снова удочки в воду, насадив на крючки приманку; но солнце уже садилось, а клева все не было. Ни одного живого существа: ни альбакора, ни рыбы, ни птицы — не было видно на фоне заката. Солнце, медленно опускавшееся в безмолвную пучину океана, оставило их одних в пурпуровой мгле.

Невесело было им в этот сумеречный час. Правда, они пережили столько захватывающих приключений, что им было некогда скучать. Днем волнующие происшествия не давали задуматься над истинным положением вещей. Но сейчас, когда повсюду вновь воцарился покой, мысли их невольно обратились к прежнему: как мало надежд спастись из этой безбрежной водной пустыни, простирающейся словно до самых границ мироздания!

Печальным взглядом провожали они солнце, погружавшееся в море. Золотое светило исчезло на западе, там, куда стремились и они. Если бы только в этот момент они могли быть там, где светил сияющий шар, — о, тогда они очутились бы на суше! Уже одна мысль о земле, о чудесной, незыблемо твердой земле охватила блаженным трепетом эти несчастные жертвы кораблекрушения, цеплявшиеся за свой утлый плот среди безграничного океана.

Их угнетала мертвая тишина, царившая кругом. Малейшее дуновение ветерка замерло перед заходом солнца. Море сделалось спокойным, гладким, как стекло. Сумерки сгущались, и в этой зеркальной поверхности отразились мириады мерцающих звезд, мало-помалу высыпавших на небе.

Было что-то величественное и грозное в этой торжественной тишине, и им стало страшно.

Изредка молчание нарушалось какими-то звуками. Но они скорее наводили грусть, чем радовали. Ибо то были звуки, которые можно услышать только в безмолвной пустыне океана: крик морской чайки, напоминающий чей-то дикий хохот, пронзительный свист птицы-боцмана.

У наших скитальцев сегодня появилась еще одна причина для уныния: они тревожились о потере столь необходимых запасов сушеной рыбы.

Правда, прожорливый океан поглотил только часть провизии. Но и об этом стоило погоревать — не так-то легко будет возместить утрату.

Пока они охотились за альбакорами в надежде на удачный улов, это их не так беспокоило. Зато теперь, когда вся стая ушла и у них остались всего лишь три рыбки, они острее почувствовали свое бедствие. Мало было надежды, что попадется другой такой косяк.

По мере того как сумерки сгущались, все более глубокое уныние овладевало нашими друзьями. Прошел час, другой, но печальные скитальцы не обменялись ни словечком.

Глава LIV

ВЕЧЕР НА ПЛОТУ

Уныние не может длиться вечно — так уж устроила благодетельница-природа. Бывают времена, когда тоска овладевает сердцем более или менее надолго, но такие моменты всегда сменяются светлыми проблесками — и наступает если не радость, то, во всяком случае, некоторое облегчение.

Примерно через час после захода солнца люди на «Катамаране» вновь воспрянули духом, словно освободившись от тягостного настроения, угнетавшего их.

Конечно, произошло это не без причины. Что-то изменилось в окружающей природе: поднялся легкий бриз и подул на запад, как раз в том самом направлении, куда так стремились катамаранцы.

И они пустились в путь. Несмотря на страшный удар «мечом», полученный «Катамараном», плот понесся с попутным ветром так быстро, словно хотел показать, что нападение меч-рыбы вовсе не вывело его из строя.

Всякое движение оказывает благотворное действие на человека, впавшего в тоску, особенно если двигаешься в нужном направлении.

«Вперед!» — вот слово, ободряющее павших духом, чудодейственное слово для отчаявшихся.

Никто на «Катамаране» и не помышлял о том, что бриз отнесет их к твердой земле или хотя бы продержится так долго, что продвинет плот на много миль по океану. Но уже одна только мысль, что они все-таки не стоят на месте, подбодрила их.

И они стали подумывать об ужине. Снежок с готовностью вскочил на ноги и отправился к своим запасам.

Его «кладовая» помещалась посередине плота. И так как далеко идти было незачем, а выбирать припасы не из чего, то вскоре он вернулся на корму, где неподалеку уселись его товарищи. В руках он держал с полдюжины соленых морских сухарей и несколько кусков вяленой рыбы.

Это был весьма скудный и неприхотливый ужин; при виде его любой бедняк пренебрежительно скривил бы губы. Но катамаранцы, для которых он предназначался, оказали ему весьма радушный прием.

Тут же, перед их глазами, на настиле «Катамарана», лежал еще больший деликатес — то был альбакор, по вкусу не уступающий ни одной из океанских рыб. Но мясо альбакора пришлось бы есть сырым, а у Снежка была запасена вяленая рыба, что, по мнению катамаранцев, было гораздо вкуснее.

Вообще в положении наших скитальцев не приходилось быть слишком разборчивыми, особенно если можно запить ужин глотком канарского вина, но — увы! — вино распределялось весьма экономно и щедро разбавлялось водой.

Надо сказать, что Снежок был очень бережлив. Может быть, именно этому свойству он был обязан тем, что остался в живых. Ведь если бы негр не собирал так усердно и не хранил так тщательно свои запасы, наверно, и сам он, и маленькая Лали уже давно погибли бы голодной смертью.

Поедая свой более чем скромный ужин, Снежок погоревал о том, что нет огня, на котором можно было бы поджарить альбакора. Уж кто-кто, а шеф камбуза отлично знал, какой лакомый кусочек эта рыба!

Он и в самом деле сильно огорчался не столько за себя, сколько за свою любимицу Лали. Как охотно угостил бы он ее чем-нибудь повкуснее вяленной на солнце рыбы и соленых сухарей! Но так как об огне нечего было и мечтать, приходилось отказаться от удовольствия приготовить ужин для Лали. Чтобы хоть сколько-нибудь вознаградить себя, он дал девочке сладкого канарского больше, чем им всем полагалось.

Как ни микроскопичны были порции, доставшиеся на долю каждого, все же выпитое вино еще больше подбодрило наших скитальцев.

Покончив с ужином, Снежок, Вильям и Лали легли спать. На «собачьей вахте» остался Бен Брас — править рулевым веслом и нести все прочие обязанности дежурного.

Глава LV

СНЕЖОК ВИДИТ ЗЕМЛЮ

Долгие ночные часы простоял на вахте Бен Брас.

Верный своему долгу, он ни на минуту не оставлял рулевое весло. Ветер продолжал дуть все в ту же сторону, и плот быстро шел на запад, подгоняемый экваториальным течением.

С океана стал подниматься легкий туман, и звезды скрылись из виду. Казалось бы, теперь рулевому уже нельзя будет держать курс по-прежнему. Но Бен считал, что ветер не меняет направления, и, руководствуясь этим, вел плот. И впоследствии оказалось, что он не ошибся.

Лишь перед самым рассветом его сменил Снежок, приняв вахту и заняв его место у рулевого весла.

Бен не решился разбудить негра и, вероятно, великодушно оставался бы на посту до утра, если бы тому вздумалось еще поспать.

Снежок проснулся не по своей охоте и не потому, что его потревожил товарищ, — его охватила дрожь от сырого тумана. Очнувшись, он несколько минут весь трясся, словно в лихорадочном ознобе, так что навешанные на нем побрякушки из слоновой кости дребезжали, стукаясь одна о другую.

Не скоро еще Снежок окончательно пришел в себя: из всех видов климата африканский негр хуже всего переносит холодный. Не раз он похлопывал себя обеими руками по широкой груди крест-накрест, так что кончики пальцев почти сходились на позвоночнике, пока ему удалось наконец восстановить кровообращение. Лишь тогда, спохватившись, что самое время становиться на вахту, к рулю, он предложил сменить матроса.

Разумеется, тот и не подумал отказаться. Но прежде чем лечь спать, он дал Снежку необходимые указания, как вести «Катамаран», чтобы не отклониться от взятого курса.

Тем временем Вильям, верно, видел во сне отчий дом в Англии, а крошка Лали грезила о своей африканской родине. Матросу же, скорее всего, снилось, что он благополучно «погрузился» на бак британского фрегата, идущего под всеми парусами, а кругом, растянувшись на нарах или подвесных койках, спят сотни таких же матросов, как он сам.

В первый час вахты Снежок ни о чем не думал и старался только, следуя инструкции матроса, вести «Катамаран» по курсу.

Между прочим, ему было наказано наблюдать, не покажется ли где парус. Но в таком густом тумане, какой окружал их сейчас, не удалось бы заметить и самый большой корабль, пройди он даже в одном кабельтове от «Катамарана».

Поэтому Снежок и не пытался разглядеть что-либо в океане.

Но он не прекратил своих наблюдений, чего и требовал матрос, — ведь моряку уши служат не хуже, чем глаза.

Если и не увидишь корабль, зато услышишь голоса команды или другие случайные звуки на борту. Случалось не раз, что таким образом судно выдавало свое присутствие и в самую темную ночь, и в глухой туман на море.

Правда, в такую погоду чаще бывает, что корабли подходят и удаляются, и ни один из них не знает о том, как близко другой.

Подобно двум призракам-великанам, они встречаются посреди океана и молчаливо расходятся вновь, каждый бесшумно следуя своим путем.

Уже светало, а черный кормчий все еще не слышал ни звука, кроме шелеста ветра в парусе «Катамарана» и глухого плеска волн, ударявшихся о пустые бочки по краям плота.

Наступило утро. Над горизонтом показался верхний краешек солнечного диска, и под его лучами туман стал медленно, но заметно рассеиваться. И тогда вдруг перед глазами у Снежка возникло нечто такое, что кровь его с быстротой молнии прихлынула к сердцу, забившемуся в бешеном восторге, словно хотело выскочить из могучей груди.

В то же мгновение он вскочил на ноги, бросил рулевое весло, словно в руках у него очутился раскаленный докрасна железный брусок, и, ринувшись вперед, на правый борт «Катамарана», встал, жадно всматриваясь в морскую даль.

Что же могло так внезапно потрясти нашего негра? Какое зрелище поразило его?

Он увидел землю!

Глава LVI

ЗЕМЛЯ ЛИ ЭТО?

Казалось бы, при виде этого зрелища, столь неожиданного и радостного, он тотчас же завопит на весь мир о своем открытии.

Но этого не случилось. Наоборот, он молчал: и когда прошел вперед по настилу плота, и когда, спустя некоторое время, стоял на носу и смотрел вдаль.

Вот она, страстно желанная, нежданная, негаданная земля! Поэтому-то он все еще опасался объявить о ней спутникам. И немало прошло времени, пока он решился поверить, что зрение не обманывает его.

Правда, негр не отличался обширными познаниями в географии морей, но ему были хорошо знакомы тропические широты Атлантики. Не раз проделал он этот страшный путь через экватор: однажды закованный в цепи и частенько потом на службе у работорговцев, помогая перевозить «живой груз» таким же бесчеловечным способом. Ему было известно, что там, где они, по всей вероятности, находятся сейчас, поблизости нет ни клочка земли, будь то остров, скала или риф. Никогда не приходилось ему видеть или слышать о чем-либо подобном. Он знал, что здесь есть остров Вознесения и маленький необитаемый островок Святого Павла. Но ни один из них не мог оказаться на пути «Катамарана».

Что же все-таки он увидел? Не ослеп же он! Картина острова отпечаталась на сетчатке у него так ясно, с такой отчетливостью, что это не могло быть обманом зрения.

Только вполне уверившись, он решился наконец: закричал громовым голосом и разбудил своих спутников. Все сразу вскочили на ноги, мигом очнувшись от сна.

— Земля! — орал Снежок.

— Земля? — откликнулся Бен Брас, вскакивая и протирая заспанные глаза. — Земля, говоришь, Снежок? Да что ты! Быть не может! Тебе, верно, почудилось, дружище!

— Земля? — переспросил Вильям. — Да где же, Снежок?

— Земля! — воскликнула маленькая Лали, догадавшись, что значит это слово, хоть оно и было сказано на чужом языке.

— Да где же она? — осведомился матрос, пробираясь по доскам на плоту, чтобы зайти спереди паруса, заслонявшего ему поле зрения.

— Вон, вон! — твердил Снежок. — Вон там, масса Брас, как раз у штирборта, справа!

— А ведь верно... право, земля!.. — подтвердил матрос, пристально вглядываясь в незнакомые очертания, смутно виднеющиеся сквозь туман. — Провалиться мне на месте, если это не земля! Да, да, это остров, хоть и небольшой, а все ж таки островок!

— Вот так штука! Да там люди!.. Гляньте, масса Брас, они ходят там повсюду. Я вижу их так же ясно, как солнце на небе. Да их там целые десятки! Снуют себе взад-вперед. Туда, туда смотрите!

«Вижу, как солнце на небе» — не совсем точно сказано, так как момент был выбран малоподходящий. Дневное светило все еще скрывалось в тумане, и поэтому трудно было различить неясные контуры острова, или, вернее, того, что наши скитальцы принимали за остров.

Только Снежок, который дольше всех всматривался в эту «землю» и выработал в себе особую зоркость зрения, ясно различил там множество движущихся фигур. Теперь, когда он обратил на это внимание своих спутников, Бену Брасу и Вильяму также стало казаться, что и они их увидели.

— Разрази меня гром! — воскликнул матрос. — А ведь и вправду люди! Мужчины и даже женщины, и в белых платьях! Кто они, откуда взялись?.. Черт побери! Я глазам своим не верю! Сроду не слыхивал, чтобы на этой стороне в Атлантике был остров! Разве только он выскочил из моря за какой-нибудь год, другой!.. Ну, а ты что скажешь, Снежок? Уж не Летучий ли это Голландец [1] или скала, что как раз сейчас вы-

[1] Летучий Голландец — легендарный образ морского капитана, обреченного вместе со своим кораблем вечно носиться по бурному морю и никогда не приставать к берегу.

сунулась из воды? Или все-таки самый настоящий остров?

— Что вы! Не водится здесь Летучий Голландец. Нет, масса Брас, ваш негр зря не бросает слов на ветер. Это — остров, самая настоящая земля. Вот увидите сами! Только повернем «Катамаран» и подойдем чуть ближе.

Послушавшись совета Снежка, матрос пробрался обратно через весь плот, взялся за рулевое весло и повернул «Катамаран» носом вперед, прямо к неведомой, только что открытой земле.

Остров казался очень невелик — он занимал ярдов сто на горизонте. Впрочем, не всегда удается правильно определить на глазок, особенно если, как сейчас, мешает туман.

Казалось, остров возвышался на несколько футов над уровнем моря. С одной стороны он заканчивался крутым обрывом, с другой — отлого спускался к воде.

Люди виднелись главным образом на возвышенности. Кое-где они стояли, собираясь группами по трое и по четверо, в других местах прогуливались парами и в одиночку.

Видимо, они были неодинакового роста и одеты поразному. Даже сквозь туман можно было разглядеть, что на них самые разнообразные цветные платья. Встречались тут и рослые люди; рядом с ними попадались другие, казавшиеся карликами. Снежок утверждал, что эти «малютки» — дети тех, кто повыше.

Позы их также были различны. Некоторые стояли выпрямившись, с какими-то длинными копьями за плечами; другие, также вооруженные, нагибались к земле. Многие усердно трудились, равномерно ударяя по земле огромными кирками, как если бы рыли яму.

Правда, все эти манипуляции виднелись неясно, так что катамаранцы никак не могли понять, что за работы ведутся на острове.

Действительно ли у них перед глазами остров, а фигуры — точно ли люди? Снежок не сомневался и с жаром отстаивал свою точку зрения. Однако Бен был настроен несколько скептически и держался менее ре-

шительно. Впрочем, это не мешало ему клясться и божиться, поминутно изъявляя желание тотчас же «провалиться на этом самом месте», если только это не остров.

Матрос не оспаривал факт существования острова. В те времена, о которых мы рассказываем, то и дело возникали внезапно новые земли посреди океана — там, где раньше о них и понятия не имели. И сейчас, когда, казалось бы, мореплаватели избороздили океан вдоль и поперек, обследовав каждый дюйм, там все еще нередко открывают скалы, отмели, даже неведомые острова.

Итак, Бена смущало вовсе не это. Его озадачивало другое: слишком уж много было там людей.

Если бы на этой земле им встретилось человек двадцать — двадцать пять, ну тогда еще можно было бы объяснить, почему остров оказался обитаемым. Правда, такое объяснение едва ли пришлось бы по душе ему самому и его спутникам. Возможно, что это потерпевшие крушение матросы с «Пандоры» основали временную колонию на маленьком островке и, усердно работая кирками, роют колодцы в поисках пресной воды.

Впрочем, едва ли это был экипаж погибшего в волнах невольничьего корабля: против этого говорили и самая многочисленность населения, и ряд других обстоятельств. Уверившись, что им не придется столкнуться с шайкой головорезов с «Пандоры», катамаранцы набрались смелости подойти поближе.

Однако, невзирая на всю очевидность, матрос все еще сомневался, что перед ними остров. Еще менее он мог поверить, что эти фигуры, сновавшие на берегу,— действительно человеческие существа.

Ничто не могло заставить Бена Браса поверить в это, пока «Катамаран» не подошел к берегам фантастического острова так близко, что он совершенно ясно заметил развевающийся на нем флаг.

Флаг был сделан из алой материи, какая обычно идет на знамена, и водружен на высоком конусообразном древке. Он свободно развевался по ветру, и даже туман, наполовину его заволакивавший, не мог совсем

скрыть его из виду. Слишком редко встречается в океане такой яркий красный цвет. Разве это может быть наряд какого-либо из морских обитателей — длинные перья тропической птицы, которые так высоко ценятся полинезийскими вождями, или багряный зоб морского ястреба?

Нет, это могло быть только полотнище флага, и ничто иное!

Так в конце концов решил Бен Брас. И это его убеждение, выраженное на присущем ему своеобразном жаргоне, вселило уверенность в сердца всех. Итак, тот предмет, который виднеется на горизонте, должно быть, скала или риф, или остров, а движущиеся на нем существа — несомненно, мужчины, женщины и дети.

Глава LVII

КОРОЛЬ КАННИБАЛОВЫХ ОСТРОВОВ

Торжественное заявление матроса рассеяло все сомнения. Конечно же, темное пятно там, впереди, — это остров, а вертикальные фигурки на нем — человеческие существа. При этой мысли сильнейшее возбуждение охватило катамаранцев.

Чувство это овладело ими с такой силой, что они больше уже не могли сдерживаться и все разом подняли радостный крик.

Если бы они вняли голосу осторожности, то не стали бы столь бурно выражать ликование. Правда, на острове не было разбойничьей шайки — жертв крушения «Пандоры». Зато там могли оказаться другие, столь же злобные и кровожадные дикари.

Кто мог поручиться, что там не живут людоеды?

Может показаться странным, что мысль эта мелькнула в уме у наших скитальцев. Однако именно об этом сразу подумали все они, и в первую очередь сам Бен Брас.

Жизненный опыт матроса не только не опроверг того, что он слышал в детстве о племенах, пожирающих

людей, — наоборот, этот опыт еще более укрепил его веру в существование людоедов.

Бен Брас бывал на островах Фиджи, где познакомился с их королем Такомбо, прямым наследником династии Хоки-Поки-Вити-Вум, и с другими вельможами этого племени каннибалов. Он видел их огромные котлы для варки человеческого мяса; горшки и сковороды, где оно тушилось; блюда, на которых оно подавалось на стол; ножи, которыми обычно его резали; кладовые, набитые человечиной и насквозь пропитанные человеческой кровью. Более того, матрос был очевидцем одного грандиозного пиршества, где подавались тела убитых мужчин и женщин: и жареные, и вареные. В угощении принимали участие сотни придворных Такомбо. И рядом с ними сидел, взирая на этот омерзительный церемониал, с внешне невозмутимым и довольным видом сам капитан нашего матроса, капитан британского фрегата, — да, коммодор британской эскадры, который имел в своем распоряжении столько пушек, что мог стереть с лица земли весь остров Вити-Вау!

Нелегко понять образ действий этого англичанина, которого звали чуть ли не «его сиятельство». Единственное объяснение, которое здесь напрашивается, следующее: его ограниченный ум находился в плену у нелепой, но — увы! — нередко слишком удобной теории международного невмешательства — самого опасного бюрократизма, который когда-либо сковывал щепетильную совесть глупца в чиновничьем мундире.

Далеко не так действовал Уилкс, этот янки-командир, к которому мы так любим придираться. Он также посетил остров людоедов Вити-Вау. Но во время пребывания на острове Уилкс навел на него свои сорокафунтовые пушки и задал такой урок и королю и его подданным, что они если и не отреклись от своего противоестественного национального обычая, то уж, во всяком случае, закаялись справлять его и по сей день.

В самом деле, хорошенькое невмешательство! Международная деликатность по отношению к племени кровожадных дикарей! Нация людоедов — поистине, разве это нация? Тогда почему не признать националь-

ное право за любой шайкой разбойников, которой посчастливилось завоевать себе независимое существование? Увы! Мир полон необоснованных претензий, отравлен ядом политического лицемерия.

Конечно, сам Бен Брас так не рассуждал — за него это делает его биограф. Бен мыслил узко и практически: он твердо верил в существование людоедов. И пока плот, с которым он, помимо воли, связал свою судьбу, шел к таинственному острову, матрос не переставал страшиться его обитателей.

Поэтому он хотел подойти к берегу со всевозможными предосторожностями. Но только что он собрался посоветовать это своим спутникам, как все его благие намерения рухнули. Снежок издал радостный крик «ура», ему вторил Вильям, и к общему хору присоединился полудетский голосок малютки Лали.

Предостережение матроса запоздало, хотя это, может быть, и было необходимо для безопасности команды «Катамарана». Неосторожный возглас возымел совершенно неожиданный эффект: произошло нечто такое, что изменило весь ход мыслей не только у Бена Браса, но и у его спутников.

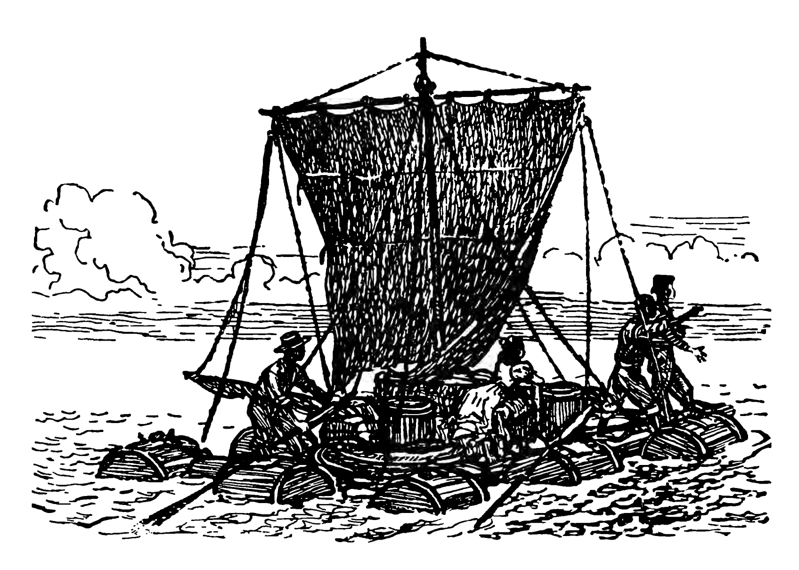
Шумный хор голосов нарушил спокойствие океана и вызвал внезапную перемену во всей картине острова, или, вернее, во внешнем виде его обитателей. Если это были человеческие существа, то они принадлежали к странной, очень странной расе: у них имелись крылья! Как же иначе они могли бы, заслышав крики с «Катамарана», оторваться от твердой земли и все как один взлететь высоко в воздух?

Впрочем, катамаранцам не приходилось долго ломать себе голову. Если еще можно сомневаться, что перед ними остров, то его обитатели уже перестали быть загадкой.

— Да это птицы! — вскричал негр. — Только и всего!

— Правильно, Снежок! — согласился матрос.

— Ну да, самые настоящие птицы! Что ж, тем лучше! Так оно и есть. Кое-кого я даже узнаю. Тут и фрегаты, и глупыши, и много других. А вот и выводок буре-



Шумный хор голосов катамаранцев вызвал

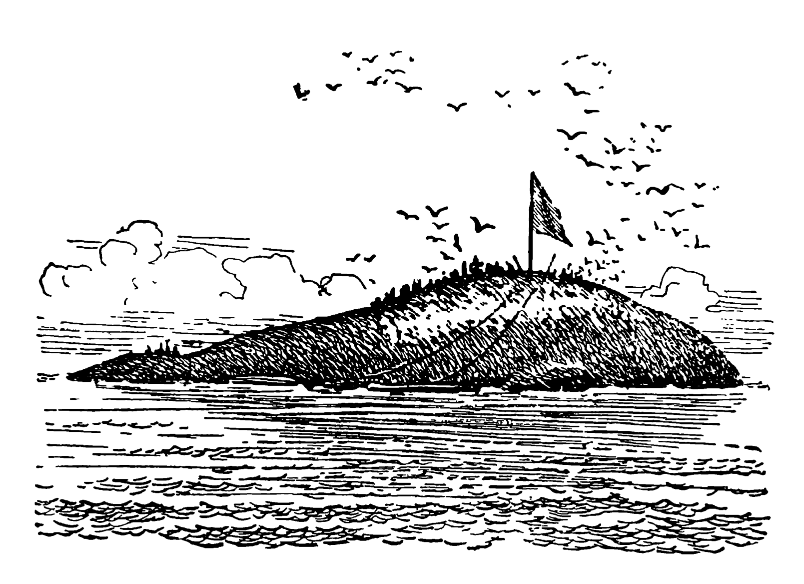
вестников, сдается мне... Да тут есть всякие — и большие и малые!..

Больше не стоило строить догадок о том, что за существа населяют остров. Загадочные фигурки, которые ввели в заблуждение команду «Катамарана», оказались, правда, двуногими, но отнюдь не людьми и даже не земными обитателями. То были «жители воздуха». Когда их спугнули странные крики, которые донеслись до них впервые, они бросились искать спасения в родной стихии, где можно было не страшиться преследований врагов на земле и в воде.

Глава LVIII

ЭТО КИТ!

Отлет птиц разрушил предположения катамаранцев, но все же не поколебал их до конца. Остров оставался на месте, перед глазами у всех, правда совершенно



внезапную перемену во всей картине острова.

пустынный, покинутый обитателями. Достаточно было одного возгласа, чтобы внезапно началось массовое переселение.

Над островом по-прежнему развевался флаг. Но на берегу, как видно, не было ни одного существа, которое с гордостью салютовало бы этому одинокому знамени.

Да, здесь не ступала нога человека. Разве иначе птицы прожили бы так долго, словно в заповеднике, что в конце концов их испугал самый звук человеческого голоса?

А если на острове никого нет, значит, отпадает всякая необходимость в дальнейших предосторожностях, следует только присматривать за плотом. И, придя к решению высадиться на берег необитаемого острова, матрос и Снежок вместе с Вильямом усердно взялись за весла, чтобы поскорее причалить.

Подгоняемый бризом и усилиями гребцов, «Катамаран» понесся по воде с большой быстротой.

Не прошло и нескольких минут, как «Катамаран»

уже очутился в каких-нибудь ста саженях от таинственного острова и, скользя по волнам, все более приближался к нему.

Остров был уже близко. Утренний туман рассеялся в лучах восходящего солнца, и перед катамаранцами яснее вставала загадочная земля там, впереди. Бен Брас, бросив весло, еще раз обернулся, чтобы заново разглядеть ее.

— Ну и земля! — воскликнул он с первого же взгляда. — Как же, хорошенький остров, держи карман шире! Разрази меня гром, если это остров!.. Какая же тут земля — ни клочка ее нет! Так, что-то вроде скалы. Да нет, не скала, скорей на кита смахивает!.. Ну да, кит, очень похоже!

— Очень, очень похоже! — откликнулся Снежок, далеко не в восторге от того, что обнаружилось такое сходство.

— Да это и есть кит! — во всеуслышание заявил матрос уверенным тоном. — Самый настоящий... Ну да, — продолжал он, как бы осененный внезапной догадкой, — теперь-то все ясно. Это большой кашалот. Удивляюсь, как это не пришло мне в голову раньше. Его убили с какого-нибудь китобойца, вон оно что! Видите, флаг торчит на спине? Они и поставили веху. Это чтобы легче было найти тушу, как только возвратятся сюда... Китобои вернутся обязательно, вся надежда на это.

Кончив свои объяснения, Бен выпрямился, взобрался на самое высокое место на «Катамаране» и, не удостаивая кита больше взглядом, стал жадными глазами обозревать море вокруг.

Всем сразу стало понятно, с какой целью он снова принялся за разведку, — его окрыляла надежда.

— Кит наверняка был убит, — рассуждал матрос. — Ну, а где же тогда китобои?

Добрых десять минут обозревал он океан, пока не обследовал все кругом.

Сначала взгляд его горел надеждой и уверенностью, но мало-помалу на лицо матроса снова легла тень, и это настроение немедленно передалось его спутникам.

Насколько охватывал глаз, на море не видно было паруса.

Ни одно пятнышко не омрачало сияющую морскую даль.

С глубоко разочарованным видом «капитан» «Катамарана» покинул свой наблюдательный пост и снова обернулся к мертвому кашалоту. Теперь их отделяло всего около ста саженей; и расстояние это уменьшалось — плот под парусом подходил все ближе.

Оптический обман рассеялся вместе с туманом, непомерно увеличивавшим и искажавшим очертания предметов.

Уже нельзя было принять тушу кашалота за остров, но она все еще поражала своими громадными размерами. Теперь она скорее походила на большую черную скалу, возвышавшуюся над океаном. Кит имел более двадцати ярдов в длину; а тем, кто смотрел на него сбоку, с плота, он казался еще крупнее.

Через пять минут они подошли, спустили парус и остановили плот. Бен закинул канат на один из грудных плавников, и вот уже «Катамаран» ошвартовался около кашалота, как маленький тендер рядом с огромным военным судном.

Бену Брасу вздумалось взобраться на самую вершину этой горы из китового уса и жира. Как только плот был надежно закреплен, матрос начал свое восхождение.

Но оказалось, что вскарабкаться на китовую тушу не так-то легко.

Да и опасность грозила немалая — очень уж трудно было удержаться на скользкой коже морского великана, сочащейся маслянистой жидкостью, которую, как известно, выделяет кашалот.

Читатель, наверно, подумает, что такому пловцу, как Бен Брас, не страшно даже и поскользнуться: ведь падение в воду с высоты нескольких футов не грозит сколько-нибудь серьезными ушибами. Но если представить себе, что вокруг туши в поисках добычи рыскало множество акул, станет понятно, какая опасность подстерегала в случае падения отважного моряка.

Но не таков был Бен Брас, чтобы спасовать перед какой бы то ни было опасностью. С помощью Снежка он воспользовался одним из грудных плавников кита, к которому был пришвартован плот, и таким образом ему удалось вскарабкаться на спину мертвого чудовища.

Едва только он пристроился на новом месте поудобнее, ему бросили конец каната, и на кашалота взобрался Снежок. Оба моряка пошли к хвосту или, по выражению матроса, на «корму» этого своеобразного «судна».

Здесь, в задней части, возвышалась пирамидальная глыба жира, заметно выдаваясь над хребтом кита. Это был ложный, или жировой, спинной плавник, какой обычно имеется у кашалотов.

Взобравшись на эту выпуклость, моряки сделали привал. То была самая высокая точка на туловище кита; там и развевался флаг на тонком древке. Они встали рядом, пристально всматриваясь в залитую солнцем, сверкающую морскую даль.

Глава LIX

НА КИТОВОЙ ТУШЕ

Цель их совместной разведки была все та же, что и ранее. Вот они стоят на туше убитого кита. А где те, кто его загарпунили?

Тщательно обследовав горизонт, матрос вернулся к осмотру морского гиганта и обнаружил здесь некоторые, ранее не замеченные предметы. Высоко поднятый флаг, известный среди китоловов под названием «веха», оказался не единственным свидетельством того, какой смертью погиб кашалот.

В боку у него торчали два больших гарпуна. Железное острие каждого глубоко вонзилось в жировой пласт животного. Из кожи выступали массивные деревянные рукояти; от них шли в воду лини с привязанными на концах толстыми колодами, которые держались на поверхности воды, как поплавки.

Бен сразу же признал в них буи, какие имеются в снаряжении каждого китобойного судна. Они были ему

хорошо известны, и он умел ими пользоваться. В былые времена, прежде чем стать матросом военного флота, он работал гарпунером и знал толк во всем, что связано с профессией китобоя.

— Да, — заключил он, узнав орудия своего прежнего ремесла, — точь-в-точь, как я сказал. В эти воды заходил китобоец и охотился на кашалота... А впрочем, пожалуй, тут я и промахнулся, — заметил он, задумавшись на минутку. — Почем знать, может, здесь и не было никакого судна. Что-то больно не по душе мне эти буи.

— Буи-то? — переспросил Снежок. — Вот эти колоды, что держатся на воде?.. Чем же они вам не нравятся, масса Брас?

— Да если бы не они, я знал бы наверняка, что здесь побывало судно.

— А то как же? Обязательно! — утверждал Снежок. — Иначе откуда бы взялись и флаг и гарпуны?

— Эх! — вздохнул матрос. — Да они могли сюда попасть, хотя бы гарпунеров здесь и близко не было. Ничего-то ты, брат, не смыслишь в том, как ловят китов!

Такая речь привела негра в замешательство.

— Видишь ли, друг, — продолжал матрос, — буи здесь, потому что китиха еще не издохла, когда уходили вельботы. (Бывший китолов, как принято среди его прежних товарищей, говорил о китах всегда в женском роде.) Да, наверно, она была еще жива, — снова продолжал он. — Для того ей и привязали буи, чтобы далеко заплыть не могла. Там, видно, проходило целое стадо кашалотов, а потому матросам с китобойца не стоило время терять, возясь с раненой. Вот они и запустили в нее парочку гарпунов с буями, а в спину ей воткнули веху. Сначала, как я увидел все это, то думал совсем по-другому. Смотри, флаг торчит почти что прямо. А ну-ка, смекни, каким манером китобои могли всадить его так метко с вельбота? Опять-таки, у кого бы хватило духу, пока китиха не издохла, взобраться сюда да поставить флаг?..

— Ваша правда, — прервал Снежок.

— Да нет, — возразил матрос, — то-то и есть, что

неправда... Поначалу я и сам так подумывал, а теперь вижу, что маху дал, вот как ты сейчас, Снежок. Погляди: древко от флага на спине у китихи не прямо торчит, а будто немножко накренилось в одну сторону. Это потому, что китиха, издыхая, чуть-чуть на бок повернулась. Что ж, разве трудно хорошему гарпунеру, коли он мастер своего дела, всадить флаг с вельбота? Так оно и было.

— Пусть так, — согласился Снежок. — Какая разница? Кита-то все равно убили.

— Разница большая. В этом все дело.

— Не пойму что-то, масса Брас.

— Сам подумай! Если бы в ту пору, как китиху отправляли на тот свет, за ней охотились с вельботов, — ну, это другое дело! Тогда и китобоец был здесь, покуда шла работа. Значит, он и сейчас где-нибудь неподалеку.

— Что ж, верно, так оно и есть.

— Эх, Снежок, кто теперь знает, где наши китобои? Китиха и с буями могла не одну милю проплыть с того места, где ее загарпунили. Знавал я таких, что по двадцать узлов делали, покуда не окачуривались... А эта старуха была здоровенная — таких крупных я и не видывал. Прежде чем подохнуть, и она, верно, так же далеко заплыла, уж никак не ближе... А тогда вряд ли китобоец нагонит ее, да и нас вместе с ней.

Матрос замолчал и снова вперил взгляд в море. Еще раз он тщательно, испытующе осмотрел горизонт. Потом все с тем же разочарованным видом вновь принялся разглядывать тушу кита.

Глава LX

ДИКОВИННАЯ КУХНЯ

Весь день матрос и бывший кок «Пандоры» вели наблюдение с «вышки» на мертвом кашалоте.

Впрочем, они оставались здесь не только ради этого. И на мачте «Катамарана» можно было бы устроить такой же наблюдательный пункт.

Но многое заставляло их держаться около туши, вместо того чтобы продолжать путь на запад. Больше всего они надеялись на возвращение китобоев, которые убили кашалота, — ведь, наверно, те не бросят такую ценную добычу.

Кроме того, катамаранцы чувствовали себя как-то спокойнее около морского гиганта — словно стояли на якоре у берегов настоящего острова. Отчасти и это побуждало их продлить стоянку.

Были у них и другие соображения. В общем, им хотелось оставаться здесь на причале еще некоторое время.

В долгие часы бодрствования они внимательно изучали ближайшую обстановку; предметом обсуждения сделалась и китовая туша. Посовещавшись, катамаранцы приняли решение — не покидать морского великана, покуда не удастся хотя бы отчасти использовать на будущее его останки.

Бывший китолов знал: под черной кожей этого кашалота, по которой они так бесстрашно ходят уже двое суток, имеются ценные вещества, которые могли бы им пригодиться, для того чтобы создать известный комфорт па «Катамаране».

Прежде всего толстые пласты жира, который можно выварить или вытопить. Такой крупный кит, как этот, может дать самое малое бочонков сто.

Впрочем, это меньше всего их интересовало. Чтобы вытапливать жир для торговых целей, надо иметь котлы, бочки для его хранения, судно для перевозки, а у них ничего этого не было.

Зато Бен знал, что в черепе кашалота имеются отложения чистого спермацета, который и без всякой обработки может им пригодиться, — об этом они уж позаботятся.

Добыть его можно простейшим способом: стоит только вскрыть спермацетовый «мешок», находящийся в огромном черепе кашалота. Там обнаружится выстланная тонкой клетчаткой полость, в которой содержится не менее десяти — двенадцати больших бочек чистого спермацета.

Да им вовсе и не нужно так много. Достаточно двух — трех бочек, чтобы осуществить то, что надумали Снежок с матросом.

Немало натерпелись они без топлива: не так даже важно погреться, как сварить себе пищу. Наконец-то их лишения кончились. Теперь они смогут сделать запас спермацета на много дней: в «мешке» у кашалота его сколько угодно. На плоту же имеется шесть бочек, из них пять пустых. Если наполнить жиром только некоторые из них, то плот нисколько не пострадает: не уменьшится ни его плавучесть, ни мореходные качества.

И Снежок и Бен Брас видели, с каким отвращением Лали ест сырую пищу. Только жестокий голод мог заставить ее проглотить свою порцию. Оба они страдали от этого — им так хотелось раздобыть для нее что-нибудь получше, более подходящее для нежного детского организма.

Итак, задолго до того как наши путешественники задумали покинуть китовую тушу — вернее, сразу же, как только они там устроились, — Бен Брас, Снежок, а также взобравшийся на спину чудовища Вильям вскрыли топором большую полость в «мешке» у кита. Затем они опустили туда большой жестяной котелок, оказавшийся в морском сундучке матроса, и извлекли котелок обратно полным жидкого спермацета.

Котелок отнесли на «Катамаран», и путешественники тотчас же принялись разводить огонь.

Котелок был живо переоборудован в светильню. Рассучив несколько кусков просмоленного каната, наши изобретатели погрузили их в китовый жир — и светильня готова. Оставалось только зажечь фитиль.

Но недаром Бен Брас курил свою трубку без малого тридцать лет: как же ему было не оказаться на должной высоте? В том сундучке, откуда извлекли котелок, нашлись и необходимые принадлежности, чтобы высечь огонь, — трут, кремень, кресало. В водонепроницаемом отделении матросского сундучка трут сохранился совершенно сухим, так что светильню можно было зажечь тотчас же.

И действительно, вскоре огонь весело запылал, и язычки уже лизали края котелка. Над пламенем наши скитальцы успешно зажарили большой ломоть вяленой рыбы.

Сегодня все пообедали на славу: это была самая роскошная трапеза с того момента, как они были вынуждены спасаться с палубы горящей «Пандоры».

Глава LXI

СБОРИЩЕ АКУЛ

Спермацет все еще ярко пылал, фитиль не выгорел до конца — и Снежку не хотелось прекращать стряпню. Он надумал зажарить побольше рыбы на ужин. В отличие от своих собратьев по профессии, бывший кок не любил, чтобы драгоценное топливо уходило зря. Как только эта мысль пришла ему на ум, он достал еще ломоть акульего мяса и, как прежде, подвесил его над огнем.

Глядя на его хлопоты, Бен Брас также загорелся блестящей идеей. Ведь вот стряпает же кок ужин заблаговременно. А что, если приготовить еды и на весь следующий день — словом, если заготовить впрок всю сырую провизию, какая только найдется под рукой? Тогда им огонь вообще больше не потребуется. А кроме того, жареная или хорошенько прокопченная в огне и дыме провизия куда лучше сохранится, чем сырая. В самом деле, любая рыба, консервированная таким образом — будь то сельдь, морская щука, треска, скумбрия, — может лежать месяцами и не испортится. Что и говорить, мысль превосходная! Как только Бен Брас поделился ею с остальными, тут же было решено привести ее в исполнение.

Нечего было опасаться нехватки топлива. Бен утверждал, что в «мешке» очень крупного кашалота — как раз такого, как их кит, — нередко содержится до пятисот галлонов жидкого спермацета. Кроме того, к их услугам было огромное количество китового мяса и це-

лые горы жира. Да еще немало и других горючих веществ имеется в туше кашалота.

Словом, нежданно-негаданно команда «Катамарана» получила в свое распоряжение такой громадный запас топлива, что его хватило бы на целый год поддерживать пылающий костер.

А раз горючего имелось в изобилии, можно было поставить стряпню на широкую ногу. Беда только в том, что провизии было маловато. Их серьезно беспокоила мысль о том, что в «кладовой» припасов осталось совсем мало.

Пока Бен Брас и Снежок стояли и раздумывали, тихо жалуясь друг другу, как помочь горю, в уме у моряка мелькнула новая мысль.

— Гляди-ка, друг! — воскликнул он. — Да ведь нам ничего не стоит доверху набить кладовку! Здесь столько мяса, что тебе его не перестряпать до седых волос!

С этими словами матрос указал на воду.

Все поняли, что он имел в виду. Десятки синих и белых акул сновали вокруг туши кашалота со своей свитой «лоцманов» и прилипал. Море буквально кишело ими. На сотни саженей в окружности вряд ли можно было найти клочок морского пространства в пять квадратных метров, где не торчали бы из воды острия их жестких, зловеще выглядевших плавников.

Все эти морские хищники собрались у мертвой туши кашалота, вопреки их обычным повадкам. Они отнюдь не готовились к нападению: особое устройство пасти не позволяет акуле пожирать тушу большого кита. Несомненно, они следовали по пятам за охотниками в тот момент, когда кашалота загарпунили, и теперь оставались около забитого кита; инстинкт подсказывал им, что китобои, возвратясь, займутся разделкой, бросая им время от времени порядочные куски мяса.

— Эге! — воскликнул матрос. — Они как будто изрядно проголодались и накинутся на любую приманку. Стоит только захотеть — и мы наловим их, сколько душе угодно!

— А крючки для акул, масса Брас? Где мы их достанем на «Катамаране»?

— Да ты, братец, не беспокойся, — уверенно сказал матрос. — Ну и черт с ними, с крючками! Взгляни, вон там есть нечто поважнее твоих крючков. Акулы сейчас смирнехонькие, словно черепаха, если перевернешь ее на спину. Они всегда такие, как соберутся около мертвого кашалота... Видишь вон те штуки, что торчат в боку у кита? Да если я с ними не добуду парочку, другую акул, скажешь, что я в жизнь свою гарпуна в руки не брал! Бросай свою кухню, Снежок, живо! Иди помогай! Вот поймаем и разделаем несколько акул, тогда сможешь опять за дело приниматься. Закатим такую стряпню, что чертям тошно станет! А сейчас скорей, дружище, поторапливайся!

С этими словами Бен стал карабкаться на тушу.

Снежок понял, что его старый приятель задумал разумное дело. Он отложил кусок рыбы, который держал над огнем, и последовал за матросом на крутой бок кашалота.

Глава LXII

ОПАСНОЕ РАВНОВЕСИЕ

Бен захватил топор и, подойдя к одному из гарпунов, все еще торчащих в туловище кита, стал вырезать его.

В несколько минут он вырубил целую полость вокруг гарпуна и все углублял ее, до тех пор пока почти не обнажилось зазубренное острие.

Тут Снежок в нетерпении ухватился за крепкую деревянную рукоять и, дернув со всей своей геркулесовой силой, вырвал гарпун, застрявший в мягком жировом пласте.

К несчастью, стремясь высвободить гарпун, Снежок не рассчитал своих усилий.

После нескольких безуспешных попыток неожиданно для него гарпун легко поддался. Размахнувшись слишком сильно, негр потерял равновесие и поскользнулся. Осклизлая кожа кашалота словно убежала у него из-под ног, и он покатился вниз с таким шумом, будто шлепнулся на подтаявший лед.

Как ни досадна казалась неудача, все-таки это было еще не самое худшее. Разве падение так напугало негра, что он в страшнейшей тревоге громко закричал? И недаром — ему грозила сейчас куда более страшная опасность.

Туша лежала так, что вокруг гарпуна на боку у кита оставалось большое пространство — крутой наклон, заканчивающийся обрывом прямо к воде. Огромный бок кашалота, сочащийся маслянистой жидкостью, лоснился, как зеркало. С этой кручи и упал Снежок.

Падение было так стремительно, что негр не мог ни остаться лежать там, где поскользнулся, ни встать на ноги: он по инерции покатился в воду.

Силы небесные, что-то будет с ним теперь?! Там, внизу, уже поджидали десятки акул: разинув голодные пасти, они глядели на него горящими алчностью глазами. Заметив, что на кита взобрались два человека и один из них работает топором, все акулы бросились на эту сторону, решив, что начинается разделка туши.

Ничтожная случайность спасла Снежка от страшной участи — иначе чудовища сожрали бы его живьем. Падая, он крепко ухватился за гарпун; выпусти он его из рук — пришлось бы негру проститься с жизнью.

К счастью, у него достало присутствия духа крепко цепляться за гарпун; а возможно, он проделал это машинально. Как бы то ни было — гарпун он удержал. Посчастливилось ему также, что катился он не в сторону, где плавали буи, а в противоположную.

И то и другое оказалось для него спасением.

На полпути к воде падение внезапно задержалось, или, вернее, замедлилось, опять-таки только благодаря счастливой случайности: натянулся линь, привязанный к рукоятке гарпуна. Скатываясь, негр размотал канат с одной стороны до самого конца; другой конец оставался прикрепленным к бую, плававшему на воде по другую сторону китовой туши.

Но как ни велика была тяжесть буя, который, волочась по воде, служил противовесом падавшему негру, все же ее было недостаточно, чтобы удержать могучее тело Снежка. Правда, он стал катиться медленнее, но в

конце концов все-таки упал бы в море и тотчас же очутился бы в желудках у акул. Но тут к нему подоспел на выручку Бен Брас. И как раз вовремя!

В ту минуту, когда Снежок уже почти касался пятками воды — до нее оставалось не более шести дюймов, — матрос успел ухватиться за линь и остановить падение.

Но только это и смог Бен Брас! Вскоре обнаружилось, что он не может втащить негра наверх. Сил его хватило ровно настолько, чтобы с помощью тяжелого буя удерживать кока на весу, когда удалось приостановить падение. Снежок повис между жизнью и смертью, цепляясь за скользкую кожу кашалота буквально зубами и ногтями.

Негр понимал, что положение его опасное, более того: почти безнадежное! Снизу ясно доносился шум — это плавали в воде акулы. Негр тревожно глянул туда — и замер в испуге: он увидел острия черных треугольных плавников и огромные светящиеся глаза, зловеще вращающиеся в глубоких глазницах. При этом зрелище дрогнуло бы самое стойкое сердце. И Снежок ужаснулся до глубины души.

— Держите, масса Бен! — невольно вскричал он. — Держите крепче, бога ради! Ни чуточки ниже, не то проклятые бестии слопают меня с потрохами!.. Ради всех святых, покрепче!

Но излишня была эта страстная мольба. И без того Бен напрягал все свои силы, удерживая канат. Сильнее тянуть он не мог: не смел даже переменить позу, чуть сдвинуть руку. Малейшее движение грозило гибелью его чернокожему другу.

Стоило только линю ослабнуть, опуститься чуть ниже — и Снежок останется безногим калекой; ведь и так уже его пятки болтаются в нескольких дюймах от поверхности воды, чуть ли не у самых акульих морд.

Быть может, за весь свой богатый приключениями жизненный путь негр не висел так низко над бездной. Достаточно ничтожной случайности, чтобы нарушить равновесие, — и он неминуемо попадет в лапы смерти!

Вряд ли можно усомниться в том, чем кончилось бы

это трагическое происшествие, если бы матрос и кок были предоставлены только самим себе. С каждым мгновением истощались силы матроса, а тело негра становилось все тяжелее: слабея, он уже с трудом цеплялся за скользкую кожу кита.

Помощи, казалось, ждать было неоткуда — конец очевиден... Снежку придется, выражаясь фигурально, «отправиться к праотцам».

Но час негра еще не пробил. И это он понял, когда вдруг чьи-то юношеские, но сильные руки ухватились рядом с ним за линь. То были руки «малыша Вильма».

С самого момента, когда Снежок поскользнулся и упал, юнга понял всю опасность, грозившую его другу, и, стремительно вскарабкавшись наверх по плавнику кита, поспешил на помощь Бену.

Схватись он за линь секундой позже — все было бы кончено.

Но он подоспел вовремя — висевший над бездной Снежок был спасен. Матрос и Вильям общими усилиями медленно, но верно тащили негра вверх по скользкому наклону и опустили на широкую горизонтальную «площадку» у самой вершины этой горы из костей и жира.

Глава LXIII

УМЕЛО БРОШЕННЫЙ ГАРПУН

Прошло некоторое время, пока Снежок перевел дух и к нему вернулось обычное спокойствие. Матрос также совершенно задохнулся. И они долго не могли приступить к выполнению плана, который привел их на спину кита.

Едва Снежок оправился настолько, что смог заговорить, он горячо поблагодарил сначала Бена, который спас его от гибели, более страшной, чем смерть в волнах океана, а потом и Вильяма.

Но Бен глядел не на старого друга, спасенного от смерти, а на молодого, который помог избавить Снежка от нее.

Вильям подоспел вовремя — Снежок был спасен.

Он смотрел на юношу глазами, в которых читалась живейшая радость.

Проворство и отвага, которые обнаружил его любимец во время этого происшествия, несказанно радовали Бена Браса.

Пожалуй, не один сверстник Вильяма или даже постарше его, вместо того чтобы, подобно нашему юнге, поспешить на помощь, остался бы на плоту, остолбенев от испуга, или же, в лучшем случае, из сочувствия поднял бы бесполезный крик, разразился воплями... Так думал Бен Брас.

Опасаясь испортить Вильяма высказанной вслух похвалой, Бен промолчал.

Но по выражению его взгляда, обращенного на юношу, видно было, что сердце честного моряка полно гордости и любви к юнге, к которому он давно уже питал почти отеческую привязанность.

Коротко поздравив друг друга с благополучным избавлением, как это обычно делается после пережитой опасности, все трое снова принялись за столь неожиданно прерванные занятия.

Вильям заменил Снежка, занимавшегося нехитрой стряпней, которую тому пришлось внезапно оставить по приказу «капитана».

Юнга вернулся на плот, будто бы заняться поджариванием рыбы. На самом деле ему больше всего хотелось успокоить Лали, которая все еще тревожилась, не зная толком, чем кончилось происшествие.

Бен отдышался и, как только пришел в себя, сразу же принялся за осуществление той задачи, ради которой вскарабкался на спину кашалота.

Взяв гарпун у негра, все еще крепко державшего его, словно страшась выпустить из рук, матрос стал втаскивать буй наверх.

С помощью Снежка ему вскоре удалось извлечь буй из воды и поднять на горизонтальную «площадку», где они находились.

Колода пока не требовалась — нужен был только линь, поэтому его отвязали и оставили буй лежать.

Вооружившись гарпуном, бывший китолов встал на свой наблюдательный пост; но на этот раз он искал уже не землю, а обозревал море вокруг.

Целое сборище акул расположилось около мертвого кита. Особенно много их было там, где только что Снежок чуть не угодил им в пасть.

Некоторые, явно разочаровавшись, бросились врассыпную. Но большинство осталось на месте, все еще дожидаясь, не удастся ли вернуть роскошное пиршество, которое только поманило их.

Бен намеревался загарпунить с полдюжины этих безобразных морских чудищ, чтобы их мясом пополнить запасы на «Катамаране». Как ни омерзительно выглядят эти твари и какое отвращение они нам ни внушают, однако мясо многих из них превосходно, особенно некоторые лакомые кусочки. Оно могло бы украсить стол любого гастронома, не говоря уже об изголодавшихся скитальцах.

Убить нескольких акул, тех самых, которые еще так недавно едва не проглотили Снежка, большой трудности не представляло. Для этого гарпунеру нужно было, чтобы они подплыли поближе. Но кожа кита была слишком скользкой, и матрос не отважился спуститься по этой опасной крутизне. Поэтому он решил попытать счастья в другом месте.

Дальше, по направлению к хвосту кашалота, спуск постепенно становился менее крутым и кончался отлого у самой воды. Там, почти на поверхности моря, лежали две большие, едва прикрытые водой хвостовые лопасти, раскинувшись на много ярдов в разные стороны.

Около хвоста кашалота носились несколько акул. Если посчастливится и они подплывут поближе, тогда можно будет бросить гарпун. Если же нет, гарпунер сумеет их приманить и пустить в ход свое оружие.

Бен велел Снежку принести несколько кусков жира, вырезанных из туши кита вместе с гарпуном, а сам пошел к хвосту. Он то и дело останавливался и острием гарпуна протыкал множество отверстий в ноздреватой коже кита, чтобы и он сам и его спутник, идущий вслед, получили более надежную точку опоры.

Облюбовав себе место у самой развилины хвостового плавника, он особенно тщательно проделал еще три отверстия. Наконец, приготовив все как следует, матрос встал и, нацелив гарпун, стал поджидать акул. Те как будто сначала не решались. Но бывший китобой знал, как этому помочь, — стоит только швырнуть в воду кусок жира, который Снежок держит в руках, и, едва раздастся всплеск, десятки акул, широко разинув пасти, ринутся схватить его.

Все пошло, как по-писаному.

Едва только бросили кусок в море, как можно ближе к китовой туше, — не менее двадцати акул накинулось на угощение. Но — увы! — не все вернулись обратно. Одной из них, пронзенной гарпуном Бена Браса, пришлось проститься с родной стихией. Ее извлекли из воды и втащили по скользкому наклону на самый верх кашалотовой туши.

Там, как акула ни билась, как отчаянно ни рассекала воздух страшными ударами задних плавников, негр живо расправился с ней топором, призвав на помощь всю свою силу и ловкость.

Еще одну акулу «подцепили» и отправили на тот свет тем же способом; за ней другую, третью... и так до тех пор, пока Бен Брас не нашел, что запасов акульего мяса на «Катамаране» хватит на самое длительное путешествие.

Что бы ни случилось, теперь они надолго обеспечены пищей, так же как и водой.

Глава LXIV

ИЗОБИЛЬНЫЕ ВОДЫ

Лучшие куски акульего мяса, снятые с костей и нарезанные тоненькими ломтиками, коптились и жарились на спермацетовой светильне.

В «мешке» у кашалота горючего было столько, что при желании можно было бы зажарить всех акул на десять миль в окрестности; а ведь их там плавала не одна

сотня. Действительно, эта зона океана, где был найден мертвый кашалот, хоть и очень удалена от суши, тем не менее изобилует фауной во все времена года. Иногда на целые мили кругом море кишит рыбами разных видов, а воздух полон птицами. В этих водах встречаются большие стада кашалотов. Они греются на солнышке, время от времени выпуская из своих дыхал фонтаны воды и пара, или медленно плывут вперед, изредка неуклюже кувыркаясь. На их месте появляются стаи дельфинов, альбакоров, тунцов и других обитателей морских глубин — все они в погоне за своей излюбленной добычей. Тут же, хотя в меньшем количестве, охотятся и акула и меч-рыба, сопровождаемые своими «лоцманами» и прилипалами; морских чудищ привлекает обилие тех тварей, которыми они питаются. На солнце сверкают стайки летучих рыбок, в волнах плещутся, всегда настороже, тунцы, а над ними вверху, в небе, тучами носятся, буквально затемняя солнечный свет, пернатые хищники: чайки, глупыши всевозможного оперения, тропические птицы, фрегаты, альбатросы и десятки других птичьих пород, еще мало известных и не описанных натуралистами.

Правда, эти большие океанские просторы не всюду заселены так густо: иногда на обширных пространствах редко-редко попадется какая-нибудь птица или рыба. Судно идет день за днем и ночь за ночью, не встречая на своем пути ни единого живого существа. Можно проплыть сотни миль, и глаз не порадуется жизни ни в воде, ни в воздухе.

Это настоящие пустыни океана; так же как и на материке, пустыни эти кажутся не только необитаемыми, но и вообще не приспособленными для жизни.

Чем же объясняется такая разница, если море, по-видимому, везде одинаково?

Те водные пространства, где жизнь бьет ключом, отличаются различной глубиной: иной раз это всего несколько морских саженей, иногда же бездонная пучина. Подлинное объяснение иное. Ключ к решению этой задачи кроется не в глубине океана, а в направлении морских течений.

Всякому известно, что океаны пересекаются течениями; иногда они тянутся на сотни миль в ширину, а иной раз суживаются до нескольких узлов. Эти океанские течения постоянны, хотя определить их точные границы нелегко. Причиной их служат вовсе не временные штормы, а ветры, дующие постоянно в одном и том же направлении. Таковы пассаты в Атлантическом и Тихом океанах, муссоны в Индийском океане, памперосы в Южной Америке и норды в Мексиканском заливе.

Есть и другая причина, оказывающая, быть может, гораздо более сильное влияние, чем ветры (впрочем, она обычно меньше принимается в расчет): это — вращение Земли вокруг своей оси. Несомненно, именно поэтому пассаты дуют на запад; здесь сказываются центробежные силы земной атмосферы. Если это было бы не так и ветры дули бы на север и на юг, то они сталкивались бы на экваторе.

Но я вовсе не собираюсь писать диссертацию на тему о ветрах или океанских течениях — я ведь не ученый. И все-таки мне известно, что в этой области господствуют величайшие заблуждения, точно так же, как по вопросу о приливах и отливах. Ведь метеорологи до сих пор не уделяли должного внимания вращению нашей планеты, которое является истинной и главной причиной этих явлений.

Я коснулся этой темы не потому, что наша книжка специально посвящена океану. Дело в том, что морские течения играют большую роль в этой книге. И на ее страницах я пытаюсь объяснить загадочное явление: почему некоторые зоны океана так богаты жизнью, в то время как другие мертвы и пустынны. Причиной тому морские течения. Там, где сталкиваются встречные течения, как бывает нередко, они обычно приносят с собой множество органических веществ, растительных и животных остатков, которые либо задерживаются, либо вовлекаются в большие океанские водовороты. Это — морские водоросли с дальних берегов, выброшенные бурей и затерявшиеся в океане; птицы, упавшие в море мертвыми во время перелета, или же их помет, плавающий на поверхности воды; рыбы, погибшие от мора,

естественной или насильственной смертью — ведь и «рыбье племя» подвержено общему закону природы, закону упадка и гибели, — все эти органические вещества носятся по воле течений, скопляются на нейтральной «почве» и служат пищей мириадам живых существ, многие из которых едва ли стоят на более высокой ступени эволюции, чем те, чьи останки они поглощают.

На этих водных пространствах кишат в несметном количестве плавающие в верхних слоях воды беспозвоночные улитки — янтипа, атланта; разнообразные крылоногие моллюски, сифонофоны, которых называют парусными медузами, головоногие моллюски, а также мириады медуз.

Таковы эти зоны океана, которые моряки зовут «изобильные воды». Здесь находят излюбленный приют и киты со своими неизменными спутниками, служащими им пищей, и акулы, и дельфины, и меч-рыбы, и летучие рыбки, и прочие существа, живущие в океане. А высоко над морем, в воздухе, парит множество пернатых — это либо враги обитателей морских глубин, либо их помощники, образующие вместе с ними единую цепь взаимного уничтожения.

Глава LXV

КИТ В ОГНЕ

Быть может, нас также слишком «отнесло вдаль» морскими течениями. Прекратим это затянувшееся отступление и возвратимся к нашим скитальцам, затерянным в океане. Мы оставили их, когда они готовились жарить акул — да не отдельными кусками, а целыми тушами, как если бы собирались угостить рыбным обедом команду большого фрегата.

Как известно, топлива было достаточно. Но без фитилей нелегко разжечь спермацет и поддерживать огонь. Впрочем, изготовить фитиль не составит затруднений: достаточно старого каната, подобранного среди обломков «Пандоры» и припрятанного на всякий

случай. Стоит только расщипать его — и из просмоленных волокон получится отличный фитиль, который долго будет гореть в светильне. Их тревожило другое: не было очага для варки пищи. Маленький жестяной котелок, в котором наши скитальцы готовили накануне свое единственное блюдо, не годится для грандиозного пиршества, затеваемого ими сейчас. В крайнем случае, конечно, можно пустить в ход и его, но тогда потребуется много времени и терпения. А время слишком дорого, чтобы тратить его попусту; что же до терпения, то вряд ли можно ожидать его в подобных условиях.

Конечно, очаг им крайне необходим. Но на «Катамаране» нет ничего, что могло бы его заменить. А если развести на плоту такой огонь, какой им хочется, без настоящего очага, далеко не безопасно, и все может окончиться большим пожаром.

Эта мысль не приходила им на ум до тех пор, пока они не наготовили для обжарки бифштексов из акульего мяса.

Теперь они серьезно призадумались, но выхода из положения, по-видимому, не находилось.

Что делать, как соорудить кухонную плиту?

Снежок вздохнул при мысли о своем камбузе с целым арсеналом горшков и сковородок; особенно вспоминался ему громадный медный котел, в котором он, бывало, наваривал целые горы мяса, море разливанное горохового супа.

Но не таков был Снежок, чтобы предаваться праздным сожалениям, по крайней мере, надолго. Правда, приверженцы «науки» и пустые болтуны пытаются утверждать, что его расе присуще отсутствие высокого интеллекта, хотя сами они куда бездарнее представителей этой расы. Снежок же был одарен редкой изобретательностью, особенно во всем, что касалось кухни и кулинарного искусства. Не прошло и десяти минут, как возник вопрос о печи, а негр уже предложил свой план, который мог бы конкурировать с любым из патентов, столь широковещательно разрекламированных торговцами скобяным товаром, но при первой же проверке далеко не оправдывающих ожиданий. Этот план оказал-

ся подходящим для обстановки, в которой находился изобретатель, и, по-видимому, в данных условиях это был единственно возможный проект.

Не в пример другим изобретателям, Снежок тотчас же объявил свою идею во всеуслышание.

— А зачем это нам? — воскликнул он, как только его осенила догадка. — К чему нам котел?

— Да ведь иначе нельзя, Снежок, — отозвался матрос, выжидающе глядя на собеседника.

— Отчего бы не развести огонь здесь?

Беседа происходила на спине у кита, на том месте, где убивали акул и разрубали их на части.

— Здесь? — все еще недоумевая, повторил матрос. — Да что толку разводить огонь, раз у нас все равно нет посуды: ни котла, ни сковороды...

— Да ну ее совсем, эту посуду, обойдемся и без нее! — ответил бывший повар. — Погодите, масса Брас, вот я покажу вам, как смастерить такой котел, что чудо! Туда можно будет собрать весь жир из туши нашего старичины-кашалота, как вы его зовете.

— Ну-ка, друг, расскажи в чем дело.

— Сейчас. Давайте сюда топор, и я вам все покажу.

Бен дал Снежку топор. и негр выполнил свое обещание. Он энергично принялся за работу над тушей и несколькими ударами хорошо отточенного инструмента прорубил в жировом слое большую полость.

— Ну, масса Брас, — воскликнул он, кончив работу и торжествующе, с видом победителя, размахивая топором, — что вы на это скажете?! Вот вам жаровня! Разве не войдет туда весь жир, столько, сколько нам вздумается? Как прикажете рыть яму — шире, глубже, как вам угодно? Хотите — живо сделаю глубокую, как колодец, и широкую, как колея от фургона? Ну что, масса Брас?

— Браво, молодец, Снежок! У тебя, дружище, мозги здорово работают, что там ни толкуй о вашем брате эти горе-философы! Я вот белый, а мне в жизни такая выдумка на ум не взбредет. Лучшего очага нам и не требуется. Живо лей сюда спермацет, бросай паклю и поджигай! И сразу же давай стряпать.

Яма, прорубленная Снежком в кашалотовой туше, тотчас же была наполнена жиром из спермацетового «мешка».

Затем они набросали туда паклю, полученную из рассученного каната.

Сверху, над ямой, путешественники устроили специальное приспособление, напоминающее колодезный журавль. С одной стороны подставили гандшпуг, с другой — весло. Сам «журавль» был сделан из длинной железной стрелы гарпуна, найденного в туше кашалота.

На него, как на вертел, плотно нанизали ломти акульего мяса.

Когда все было налажено, снизу подняли наверх светильню, и фитиль был зажжен.

Просмоленная пакля вспыхнула моментально, словно трут. Вскоре над спиной у кашалота на несколько футов вверх взвилось яркое пламя. Бифштексы аппетитно шипели и румянились над огнем, обещая в недалеком будущем поджариться в самую меру.

Посторонний зритель, наблюдая пламя издали, с моря, и не разобравшись в чем дело, мог бы подумать, что кашалот в огне.

Глава LXVI

БОЛЬШОЙ ПЛОТ

В то время как все птицы и рыбы в океане дивились такому невиданному зрелищу — пылающему костру на спине у кашалота, — милях в двадцати отсюда им бы представилась совсем иная картина.

Если сценка, разыгравшаяся на кашалоте, носила скорее комический характер, то здесь происходила подлинная трагедия, трагедия жизни и смерти.

Эстрадой для нее служила площадка, грубо сколоченная из досок и корабельных брусьев, — короче говоря, плот. Действующие лица были мужчины — только мужчины. Правда, чтобы признать их человеческими существами, требовалось известное усилие воображе-

ния, да еще знакомство с теми обстоятельствами, которые привели их сюда. Человек посторонний, помня, какими они были ранее, или взглянув на верно изображавшие их портреты, пожалуй, усомнился бы в том, что это люди. Да и как можно было бы его порицать за подобную ошибку!

Если эти странные существа, скорее скелеты, чем живые люди, до некоторой степени еще походили на людей, то по духовному облику они были сущими дьяволами. Был здесь среди них даже и не труп, а голый остов, с которого начисто ободрали мясо. Окровавленные кости с сохранившимися на них кое-где кусочками хряща свидетельствовали, что труп был освежеван совсем недавно. Впрочем, скелет был неполный — некоторых костей не хватало, кое-какие из них валялись тут же рядом, на бревнах, а иные приходилось искать в таких местах, что при одном взгляде волосы вставали дыбом.

Самый плот представлял продолговатую площадку. футов двадцати в длину и пятнадцати в ширину. Он был сколочен из обломков мачт и бревен. Сверху устроен неровный помост из досок, кусков фальшборта, крышек от люков, каютных дверей, сорванных с петель, планок от ящиков с чаем, клеток и прочего корабельного имущества. На плоту стояла огромная бочка и два — три небольших бочонка. По краям привязано было несколько пустых бочонков, служивших поплавками, чтобы плот устойчивее держался на воде. В центре возвышалась одинокая мачта, где небрежно был укреплен большой треугольный парус — не то контрбизань, не то крюйс-брамсель.

У степса[1] мачты валялось множество разных предметов: весла, гандшпуги, выломанные доски, спутанные обрывки троса, два топора, с полдюжины котелков и чарочек, какие обычно в ходу у моряков, множество начисто обглоданных позвонков акул и... две — три кости совсем иного рода, подобные тем, о которых мы уже упоминали. Их форма и размеры не оставляли места сомнениям: то были берцовые кости человека.

[1] Степс (морск.) —гнездо для установки мачты.

Среди всего этого разнородного хлама находились человек двадцать — тридцать. Одни из них сидели или стояли, другие лежали, растянувшись во весь рост, или бродили, пошатываясь, — то ли под влиянием винных паров, то ли потому, что от слабости на ногах не держались. Отнюдь не качка была виной их странной походки. Океан был совершенно спокойным, и грубо сколоченный плот лежал на воде неподвижно, как колода.

Стоило только посмотреть на подножие мачты, чтобы понять в чем дело: там стоял небольшой бочонок, издававший сильный запах рома.

Эти живые трупы, едва державшиеся на ногах, были пьяны.

Но царило здесь не шумное возбуждение, говорившее о недавних излишествах, а скорее сменивший их нервный упадок сил.

На плоту раздавались не шутливые выкрики захмелевших собутыльников, но бред и хихикание сумасшедших. И не мудрено: ведь некоторые из них обезумели, допившись до белой горячки.

Но бочонок с ромом опустел, и на плоту не осталось больше ни капли дьявольского зелья.

Никто не обращал внимания на сумасшедших. Они свободно шатались повсюду, что-то бессвязно бормоча; их речь, обильно уснащенная проклятиями и богохульствами, изредка прерывалась воплями, взрывами дикого хохота.

Только в тех случаях, когда они нарушали покой кого-нибудь менее «экзальтированного» или когда двое из них случайно затевали ссору, разыгрывалась дикая сцена, в которой принимали участие все. Кончалось обычно тем, что одного из драчунов сбрасывали в море и заставляли поплавать, покуда ему не удавалось вскарабкаться обратно на утлый плот. Впрочем, сброшенный в море никогда не оставался за бортом. Как бы пьян он ни был, все же инстинкты не настолько отупели в нем, чтобы заставить забыть о самосохранении. В дико блуждавшем взгляде еще теплилась искорка разума, подсказывавшего, что черные треугольники, кото-

рые десятками мелькают вокруг плота, стремительно и круто рассекая волны, — это спинные плавники страшных акул. Достаточно было увидеть хотя бы одну из них, чтобы привычный ужас оледенил каждого матроса, даже мертвецки пьяного.

Этот «душ», сопряженный с испугом, как правило, приводил безумствующего в сознание. Во всяком случае, на плоту водворялось спокойствие, до тех пор пока вскоре не затевалась новая, еще более безобразная драка.

* * * * * * * * *

Так как большой плот, где находился экипаж сгоревшего судна, давно уже скрылся из виду, то читатель мог и позабыть о нем. Однако ни плот, ни его команда не погибли. Уцелели, правда, не все, но большинство еще оставалось в живых, и это были наиболее сильные, энергичные и злобные люди.

Недоставало почти двадцати человек. Мы уже знаем, почему не было капитана и его пяти спутников, бежавших на гичке. Понятно также отсутствие бывшего кока, английского матроса и юнги, а также крошки Лали.

Но среди людей, толпившихся на нескладном плоту, не хватало примерно шести, а может быть, и больше человек. Их отсутствие могло показаться загадочным не посвященному во все подробности этого злополучного рейса. Правда, обглоданный скелет и разбросанные повсюду человеческие кости могли бы порассказать кое-что об исчезнувших, по крайней мере тому, кто знает, до каких крайностей может довести свои жертвы голод.

Пусть же те, кого судьба хранила от подобных испытаний, прислушаются к разговорам на плоту в этот самый момент, когда мы хотим снова продолжать историю экипажа «Пандоры». Наше правдивое повествование объяснит ему, почему из тридцати с лишним матросов, первоначально составлявших команду, на плоту осталось всего двадцать шесть человек да обглоданный скелет.

Глава LXVII

КОМАНДА ЛЮДОЕДОВ

— Ну! — вскричал чернобородый человек, в чьем истощенном облике нелегко было признать некогда тучного бандита с невольничьего корабля, француза Легро. — Пора опять попытать счастья. Черт побери!.. Надо поесть, не то мы умрем!

А что эти люди собираются есть?

На плоту решительно не было ничего съестного, ни кусочка мяса. И так все время, начиная с того дня, как плот отошел от горящего судна. Небольшой ящик с морскими сухарями — вот и все, что матросы впопыхах успели захватить с палубы «Пандоры».

Каждому на долю досталось по два сухаря; нечего и говорить, что они исчезли в течение одного дня. Правда, моряки взяли с судна вдоволь воды да еще запаслись ею во время ливня, который пришел на помощь Бену Брасу и Вильяму. Пока шел дождь, матросы на большом плоту тоже наполнили водой свои рубашки и разостланный парус.

Но теперь и эти запасы драгоценной влаги подходили к концу. В бочке оставалось всего по одной — две порции.

Но как ни мучила людей жажда, голод терзал их еще сильнее.

Что имел в виду Легро, когда сказал: «Надо поесть»? Разве здесь, на плоту, была какая-нибудь пища, которая помогла бы им избежать этого страшного выбора — «поесть или умереть»? И почему они до сих пор еще живы? Ведь уже много дней прошло с момента, как они проглотили последнюю крошку морского сухаря, так скупо поделенного между всеми!

На все эти вопросы можно дать только один ответ. Страшно сказать его вслух, жутко даже подумать о нем!

О, этот начисто обглоданный скелет там, на плоту, явно принадлежащий человеку, эти кости, разбросанные повсюду, некоторые видишь даже в руках у матросов, расправляющихся с ними самым омерзительным об-

разом!.. Разве можно еще усомниться в том, чем питаются эти изголодавшиеся изверги!..

Да, именно это и еще мясо небольшой акулы, которую им удалось подманить и убить гандшпугом, — вот и все, что служило им пищей с того момента, как они покинули «Пандору». А между тем море кругом кишело акулами. Самое малое — десятка два их рыскали в волнах, в поле зрения людей на плоту. Но — смешно сказать! — так пугливы были эти чудовища, что не представлялось случая поймать их: ни одна не решалась подплыть поближе. Любые ухищрения не имели успеха. Напрасно те из моряков, кто потрезвее, по целым дням занимались ловлей. Вот и сейчас некоторые возились с рыболовными снастями: охотились на этих свирепых тварей, забрасывая далеко в воду крючки с приманкой из... человеческого мяса!

Все это они проделывали чисто автоматически, давно убедившись в неосуществимости подобных замыслов и все же упорствуя в своем отчаянии. Акулы держались настороже. Может быть, их страшила участь товарки, которая осмелилась подплыть слишком близко к этому диковинному суденышку; а может, тайный инстинкт подсказывал им, что рано или поздно они сами всласть полакомятся теми, кто сейчас так жаждет поживиться ими.

Так или иначе, акулы не шли на приманку. И тогда голодающие матросы стали пожирать друг друга волчьими взглядами. Мысли этих людей вновь обратились к чудовищному решению, которое должно было спасти их от голодной смерти.

И здесь, на плоту, так же как на палубе невольничьего судна, Легро все еще сохранял какую-то роковую власть над матросами. Бена Браса больше не было — и некому было противиться его деспотическим наклонностям. Теперь Легро стал своего рода диктатором над товарищами по несчастью, над этими живыми трупами.

Все это время он в своих поступках руководствовался не столько честностью, сколько необходимостью удерживать подчиненных в повиновении, не давая

вспыхнуть открытому мятежу. Поэтому при его правлении, хотя голодали все, больше всего страдали слабейшие.

Вместе с ним делили власть несколько самых сильных моряков: они составили личную охрану этого негодяя, готовые в трудный момент встать за него горой. За это они получали бо́льшие порции воды и лучшие куски омерзительной пищи.

Такая несправедливость не раз приводила к жестоким дракам, которые едва не кончались кровопролитием.

И если бы не эти редкие взрывы протеста, Легро со своей кликой установили бы деспотический режим, который дал бы им власть над жизнью слабейших.

Дело к тому и клонилось. На плоту создавалась абсолютная монархия — монархия людоедов, где королем должен был стать сам Легро. Однако до этого еще не дошло — по крайней мере, сейчас, когда возник вопрос о жизни и смерти. Как только появилась необходимость избрать новую жертву для чудовищного, но неизбежного заклания, эти несчастные выказали себя в какой-то степени республиканцами: они потребовали кинуть жребий, что было самым беспристрастным решением.

В момент, когда дело идет о жизни и смерти, люди обычно превозмогают свою неохоту к жеребьевке и признают ее орудием справедливости.

Конечно, Легро со своими жестокими телохранителями воспротивились бы этому, если бы чувствовали себя достаточно сильными, — точно так же, как противятся баллотировке другие могущественные и столь же свирепые политики, — но бандит сомневался в прочности своей власти. Еще в самом начале плавания Легро и его клика со зверской жестокостью предложили на съедение голодающим юнгу Вильяма, что было встречено окружающими довольно благосклонно. Если бы не нашелся на плоту один честный малый — английский матрос, — юноша, наверно, первым сделался бы жертвой этих чудовищ в человеческом образе. Но поскольку выбор должен был пасть на кого-либо из их среды —

о, тогда совсем другое дело! У каждого нашлись свои приятели, которые ни за что не допустили бы такого жестокого произвола. А Легро больше всего боялся общей свалки, в которой мог поплатиться жизнью не только любой другой матрос, но и он сам. Еще не настал момент для чрезвычайных мер. И всякий раз, когда перед моряками вставал вопрос: «Кто следующий?» — приходилось прибегать к жребию.

Вопрос этот поднимался сейчас снова, уже во второй раз. Поставил его сам Легро, выступив в качестве оратора.

Никто не ответил согласием, но никто и не возражал, даже знака не подал. Наоборот, казалось, предложение было встречено молчаливым, но безрадостным согласием, хотя все понимали его чудовищность и прекрасно отдавали себе отчет в жестоких последствиях.

Им было известно, откуда ждать ответа. Уже дважды обращались они к этому страшному оракулу, чье слово должно было прозвучать смертным приговором одному из них. Дважды признали они волю рока и безропотно подчинились ей. Предварительных приготовлений не требовалось — обо всем уже давно договорились. Оставалось только бросить жребий.

Когда Легро задал свой вопрос, на плоту началось движение. Можно было подумать, что слова его выведут матросов из апатии, но этого не случилось. Лишь некоторые обнаружили признаки испуга: у них побледнели лица и губы сделались белыми. Бо́льшая часть команды так отупела от страданий, что до них уже не доходил весь ужас происходящего и жизнь стала им не мила.

Впрочем, те, кто еще держался на ногах, поднялись с мест и окружили человека, бросившего им вызов.

В силу общего молчаливого согласия Легро выступал распорядителем. Он должен был метать банк в этой страшной игре жизни и смерти, где и сам принимал участие. Два — три его соучастника встали рядом, готовясь помогать ему, словно выполняя роль крупье [1]. Какой бы важной и торжественной ни представлялась

---

[1] Крупье — банкомет в игорном доме.

жеребьевка, все должно было разрешиться чрезвычайно просто. Легро взял в руки продолговатый брезентовый мешок, по форме напоминающий диванный валик; в таком мешке матросы обычно держат свой выходной костюм для воскресных прогулок на берегу. На дне его лежали двадцать шесть пуговиц — по числу участников жеребьевки, — тщательно пересчитанные. Это были обыкновенные форменные пуговицы, какие видишь на куртке матроса торгового флота: черные роговые, с четырьмя дырочками. Матросы еще раньше спороли их с одежды для той же цели, что и сейчас, — теперь они должны были послужить им еще раз. Пуговицы были так тщательно подобраны, что даже на глаз их почти невозможно было отличить друг от друга. Только одна резко выделялась среди всех остальных. В то время как другие были агатово-черными, эта ярко алела, густо-багровая, словно замаранная кровью. Так оно и было на самом деле. Ее нарочно выпачкали в крови — красный цвет должен был служить эмблемой смерти.

Разницу между этой пуговицей и другими никак нельзя было уловить на ощупь. Даже чуткие пальцы слепорожденного не смогли бы отличить ее среди остальных, — где уж там мозолистым, перепачканным дегтем матросским лапам!

Красная пуговица была брошена в мешок вместе со всеми другими. Тот, кому она попадется, умрет!

Приготовлений не понадобилось; даже очередность не вызывала споров. Все это уже много раз обсуждалось открыто и обдумывалось втайне. Все пришли к заключению, что в конце концов шансы одинаковы и не все ли равно, чья судьба решится раньше. Красная пуговица с тем же успехом могла достаться и первому и последнему в очереди.

Поэтому никто не колебался приступить к страшной жеребьевке.

Как только Легро протянул матросам мешок, приоткрытый ровно настолько, чтобы могла пройти человеческая рука, один из них выступил вперед и небрежно и вместе с тем как-то по-ухарски запустил пальцы в отверстие...

Глава LXVIII

ЛОТЕРЕЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Один за другим подходили матросы и доставали из мешка пуговицы. Каждый, вынув свою, показывал ее на раскрытой ладони так, чтобы все могли видеть, какого она цвета, и потом откладывал ее в сторону, к другим; впрочем, едва ли она понадобится еще раз на случай такой же лотереи.

Несмотря на всю важность церемонии, на плоту не царила торжественная тишина. Несчастные даже перебрасывались шутками, пока тянули жребий. Посторонний наблюдатель, не зная страшных условий игры, подумал бы, что матросы, потехи ради, затеяли лотерею с каким-нибудь пустячным выигрышем.

Но были и такие, на лицах у которых читались совсем иные чувства. Некоторые подходили тянуть жребий с убитым видом, они, трусливо опуская руку в мешок, тряслись так сильно, что становилось ясно: люди эти всецело во власти страха, несказанно более мучительного, чем простой азарт игры в обычной лотерее.

Наиболее трусливые и робкие, подходя к мешку, дрожали всем телом, а вынув счастливый жребий, предавались самому бурному, безудержному веселью. Были и такие, которые не могли даже скрыть дьявольской радости, что спасли свою шкуру, и пускались в пляс, словно неожиданно сделались наследниками громадного состояния.

Эта странная лотерея отличалась от многих других: здесь выигравшим считался тот, кому достался пустой билет, а вынувший красную пуговицу проигрывал жизнь.

Легро держал мешок с напускной беспечностью. Но каждый, заглянув внимательно ему в лицо, понял бы, что это — чистое притворство. В дальнейшем обстоятельства показали, что хвастунишка-француз был, в сущности, трус. Правда, разъярившись или пылая местью, он мог броситься в драку даже с опасностью для жизни; но в таком поединке, как сейчас, где требовалось хладнокровие, где единственным его про-

тивником выступала сама Фортуна и он не мог отыграться на какой-либо бесчестной уловке, притворная храбрость окончательно его покинула.

Пока лотерея только начиналась и в мешке было много пуговиц, ему как-то удавалось сохранять маску равнодушия. Шансов на жизнь было еще много — почти двадцать против одного! Но жеребьевка тянулась — матросы один за другим показывали на ладони черную пуговицу, — и лицо француза все заметнее искажалось. Кажущееся хладнокровие начало изменять ему: в глазах засверкало лихорадочное возбуждение, близкое к ужасу.

Как только чья-нибудь рука показывалась из темного мешка, неся ее владельцу жизнь или смерть, Легро поспешно и тревожно впивался взглядом в этот крошечный роговой кружок, который матрос держал между указательным и большим пальцем. И всякий раз, как пуговица оказывалась черной, лицо его мрачнело.

Но когда вынули и двадцатую, а красная все еще не показывалась, — сам распорядитель страшно взволновался. Теперь он уже не в силах был скрывать свою тревогу. Шансы на жизнь падали с такой быстротой, что ужас овладел им. Сейчас уже было пять против одного — оставалось еще шесть счастливых жребиев.

В этот страшный момент, пытаясь обдумать происходящее, Легро прервал жеребьевку. Может, лучше передать мешок кому-нибудь другому? Пожалуй, счастье тогда переменится и улыбнется ему — недаром он горячо проклинал судьбу, когда был вытащен одиннадцатый номер. Все это время он всячески ухищрялся, чтобы красный жребий был вытащен из мешка: нет-нет, да и перетряхнет пуговицы — авось красная окажется наверху или как-нибудь попадется под руку ближайшему на очереди. Не тут-то было! С непостижимым упорством она оставалась на самом дне.

А что, если он передаст мешок другому и сам попытает счастья с двадцать первым жребием? «Не стоит!» — мысленно ответил он себе. Лучше уж держаться до конца. Неужели последней останется красная пуговица? Нет, едва ли — это в высшей степени невероятно.

С самого начала было двадцать пять шансов против одного. Правда, прошло уже двадцать черных — совершенно непостижимо! — а красная все не появлялась. Однако ее можно ожидать каждую минуту, точно так же, как и любую из шести черных.

Итак, менять порядок не имело смысла. Француз внутренне подобрался и, снова приняв вид храбреца, сделал знак окружающим, что готов продолжать.

Еще один матрос вынул номер двадцать первый. По-прежнему черная пуговица!

Вытащили из мешка номер двадцать второй — черная!

Двадцать три и двадцать четыре — то же самое!

Теперь оставались только две пуговицы. Решения судьбы ждали двое. Один из них — сам Легро, другой— ирландский матрос, быть может наименее преступный из всей этой бандитской шайки. Тот или иной должен был сделаться жертвой своих спутников — людоедов!..

Вряд ли есть необходимость доказывать, что за последний момент интерес к этой роковой лотерее усилился. Страшные условия ее были таковы, что и сначала все следили за ходом игры с самым напряженным и жадным вниманием. Изменилось только отношение участников: оно сделалось менее болезненным, когда опасный исход не угрожал больше каждому из них.

Лотерея приближалась к концу, и большинство были уже вне опасности, но тем мучительнее терзал страх тех, чья жизнь еще колебалась на чаше весов. По мере того как их становилось все меньше и они видели, что шансы на спасение падают, ужас охватывал их сильней. Когда же наконец в мешке остались только две пуговицы, а на очереди — двое жеребьевщиков, интерес к лотерее резко повысился.

Помимо жеребьевки, еще и другие обстоятельства привлекали внимание окружающих. Казалось, сама судьба захотела принять участие в этой жуткой драме. А может, здесь вмешалась странная, чрезвычайно странная игра случая...

Эти двое матросов, которые сейчас последними остались ждать приговора судьбы, уже давно были сопер-

никами, или, вернее, настоящими врагами. Они смертельно ненавидели друг друга, точно были связаны вендеттой — кровной местью, обычной на Корсике.

Вражда эта возникла не здесь — она зародилась еще на «Пандоре», с первых же дней плавания.

Началось это с ссоры между Легро и Беном Брасом, в которой француз потерпел постыдное поражение. Ирландский матрос, честный по натуре и симпатизировавший Бену Брасу отчасти как своему соотечественнику, встал на сторону британского моряка, чем вызвал неукротимую злобу француза. В свою очередь, ирландец платил ему той же монетой. Легро бешено ненавидел Ларри О'Гормана — так звали ирландца — и при всяком удобном случае задевал его. Даже Бен Брас не был ему так противен. Памятуя полученный урок, француз стал относиться к английскому матросу если и не по-дружески, то с некоторым почтительным страхом. Вместо того чтобы упорствовать в ревнивом соперничестве, Легро примирился со своим второстепенным положением на невольничьем корабле и перенес всю злобу на сына Изумрудного острова [1].

Между ними нередко происходили мелкие стычки, из которых победителем обычно выходил лукавый француз. Но ни разу еще не возникала такая распря, чтобы обоим пришлось помериться силами в отчаянной борьбе — не на жизнь, а на смерть. Обычно враги старались избегать друг друга. Француз втайне побаивался противника, быть может подозревая в нем какую-то скрытую силу, которая пока еще не обнаруживалась, но могла развернуться вовсю в смертном бою. Ирландец же не чувствовал никакой склонности к ссорам, что встречается крайне редко среди его соотечественников. Это был человек мирного нрава и весьма немногословный — поистине редкостный случай, если принять во внимание, что звали его Ларри О'Горман.

В характере ирландца имелось немало добрых черт, но, быть может, самой лучшей была именно эта. По

---

[1] Изумрудный остров — поэтическое название Ирландии.

сравнению с французом его можно было счесть сущим ангелом, а среди всех остальных негодяев на плоту он казался наименее дурным. К лучшим его нельзя было причислить, так как это слово вообще не подходило ни к кому из всей разношерстной команды.

По своему внешнему облику противники отличались как нельзя более. Француз был черноволосый, с большой бородой, а ирландец — рыжий и безбородый. Однако роста они были почти одинакового: высокие, статные, оба они выделялись своим плотным, крепким сложением, даже некоторой дородностью.

Но разве такой вид имели они сейчас — в момент, когда участвовали в торжественной церемонии, которая должна была обречь на гибель одного из них! Вдобавок их трагическое положение вызывало кровожадный интерес у тех, кто должен был остаться в живых.

Оба они так исхудали, что одежда свободно болталась на отощавших телах. С глубоко запавшими глазами и торчащими скулами, с плоской, ввалившейся грудью, на которой можно было все ребра пересчитать, они казались скорее обтянутыми сморщенной кожей скелетами, чем людьми, в которых еще теплится дыхание жизни. Пожалуй, ни один из них не годился для той цели, на которую их обрекла жестокая неизбежность.

Легро как будто был менее истощен. Вероятно, это объяснялось его властью над командой, — пользуясь своим положением, он захватывал себе львиную долю пищи, столь скудно распределяемой между остальными. Впрочем, быть может, так только казалось благодаря густой растительности, покрывавшей его лицо, которая, скрывая крайнюю худобу черт, придавала ему более упитанный вид.

Но не будем говорить о них вновь. Нам только хотелось показать в настоящем свете, до каких крайностей, до каких чудовищных помыслов и еще более чудовищных дел может довести человека голод. Как бы мы ни содрогались от омерзения, именно так думали в этот тяжкий час жертвы кораблекрушения с «Пандоры».

Глава LXIX

ВЫЗОВ ОТВЕРГНУТ

Когда подошел момент тянуть последний жребий — другого уже не понадобится, — наступила пауза: обычное затишье перед бурей, готовой вот-вот разразиться.

Воцарилось молчание, такое глубокое, что, если бы не волны, плескавшиеся о пустые бочки, можно было бы услышать, как упадет на доски булавка. В шуме моря слышался похоронный плач, какой-то мрачный аккомпанемент к кощунственной сцене, разыгрывавшейся на плоту. Чудилось, что в этих пустых бочках заключены души грешников: они испытывают адские муки и вторят шуму волн криками агонии.

Два матроса, один из которых был неизбежно обречен, стояли лицом к лицу; остальные толпились около, образуя круг. Взоры всех были прикованы к ним, но противники смотрели только друг на друга. Ожесточение, злоба, ненависть сверкали во взглядах, которыми они обменивались; но еще ярче светилась у них в глазах надежда увидеть врага мертвым.

Обоих воодушевляла мысль, что сама судьба избрала их среди всех товарищей для столь необычного поединка. И они твердо верили в это.

Убеждение это было так сильно, что ни один из них и не помышлял противиться приговору рока, смирившись с мыслью, что «так уж, видно, на роду написано».

Однако они не были фаталистами, а больше верили в силу и ловкость, чем в слепой случай.

Именно на это и рассчитывал ирландец, выступив с новым предложением.

— Я так полагаю, — сказал он: — давай попытаем, кто из нас лучший. Тянуть жребий — штука нехитрая, тут шансы равны; может, выживет как раз что ни на есть худший. Клянусь святым Патриком, это не по чести, так никуда не годится! Пусть живет тот, кто достойнее. Правильно я говорю, ребята?

У ирландца нашлись сторонники, поддержавшие его. Предложение это, столь для всех неожиданное, по-

казалось вполне разумным: оно открывало новые перспективы.

Перестав трепетать за свою жизнь, матросы могли теперь уже более спокойно ждать исхода борьбы. Чувство справедливости еще не совсем угасло в их сердцах. Вызов ирландца показался им делом чести. Многие склонны были поддержать его и высказались в этом духе.

У Легро было больше приверженцев, но они молчали, выжидая, что ответит противнику их вожак.

Все ждали, что Легро охотно примет вызов — ведь ему так не повезло в этой лотерее. К тому же он и раньше нередко торжествовал над своим соперником.

Но Легро решительно отказался. Наоборот, он возложил все упования на судьбу. Правда, внимательный наблюдатель по всему виду и поступкам француза заподозрил бы, что Легро рассчитывает на какую-то хитрость.

Но никто особенно не следил за ним. Ни один человек не обратил внимания, что Легро мимоходом пожал руку одному из своих сторонников. А если бы даже кто и заметил, что из того? Попрощался с товарищем, ища у него сочувствия в момент опасности, — как же иначе истолковать этот жест?

Однако, если бы окружающие присмотрелись к этому прощальному приветствию повнимательнее, им стало бы понятно то равнодушие к смерти, которое с этого момента так явно выражалось в поведении Легро. Ясно было, что сейчас между обоими матросами произошло нечто значительное.

После этого беглого рукопожатия Легро больше не колебался. Он сразу же заявил, что ко всему готов и твердо намерен остаться при своем решении тянуть жребий.

— Черт побери! — вскричал он в ответ на вызов ирландца. — Может, думаешь, ирландец, что я струсил? Проклятие! Никому и в голову не взбредет такая небылица. Но я верю в свое счастье, хоть Фортуна подчас меня надувала, да и сейчас строит каверзы не хуже прежнего! Впрочем, как будто и ты у нее тоже не в

фаворе, так что шансы равны. Ну что ж, давай попытаем еще раз!.. Черт возьми! Видно, в последний раз придется ей поиздеваться над кем-нибудь из нас — это уж наверняка!..

Разумеется, О'Горман не имел права менять установленный порядок лотереи; поэтому те, кто высказался против ее продолжения, оказались в меньшинстве. Матросы шумно требовали, чтобы сама судьба решила — который из двух?

Легро все еще держал мешок с двумя пуговицами — черной и красной. Заспорили — кому тянуть жребий. Вопрос был не в том, кто первый — второго все равно не будет, достаточно вынуть пуговицу одному. Если окажется красная — умрет он; если черная — его противник.

Кто-то предложил, чтобы мешок взял человек посторонний и хорошенько перетряхнул его.

Но Легро воспротивился. Если уж ему доверили присматривать за порядком, он сам доведет дело до конца. Все видели, заявил он, много ли было пользы от того положения, которое ему навязали. Нет, совсем наоборот! Ничего, кроме неудачи, это ему не принесло. А уж если не повезло, всякий знает: такому злосчастью, может, и конца не будет. Впрочем, ему безразлично — так или иначе, все равно: тот, кто держит мешок, ничего хорошего не получит. Но раз он взялся и провел всю эту лотерею на свою беду, теперь уж он ее ни за что не бросит, пусть даже в награду за это поплатится жизнью.

Речь Легро имела успех.

Большинство высказались в его пользу, настаивая, чтобы он продолжал держать мешок.

Решено было: выбор сделает ирландец, вынув предпоследнюю пуговицу.

О'Горман не протестовал против такого распорядка, да к тому и не было серьезных оснований. Казалось, идет обычная игра — орел или решка. «Если орел — я выиграл, если решка — то проиграл». Но здесь эта формула приобретала новый, жуткий смысл, более подходящий к данному случаю: «Если орел — я буду жить, ес-

ли решка — умру». Мысль эта мелькнула в мозгу у Ларри О'Гормана, когда он, смело подойдя к мешку, опустил кулак в его темное нутро и вынул... черную пуговицу!

Глава LXX

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

В мешке осталась красная. Удивительно, что она оказалась последней, но такие странности случаются иногда. Жребий выпал на долю Легро. Лотерея кончилась: француз проиграл свою жизнь.

Какой смысл имело теперь продолжать игру? Но, к удивлению зрителей, он на это решился.

— Черт! — воскликнул он. — Опять не повезло!.. Ну ладно! — хладнокровно прибавил он, несколько удивив всех. — Дай-ка и я вытяну жребий. Хоть погляжу на эту клятую штучку, что будет стоить мне жизни!

С этими словами он опустил правую руку в мешок, в то же время продолжая придерживать его левой. Несколько секунд он что-то нащупывал там, внутри, как будто не сразу нашел пуговицу. Роясь таким образом, он отпустил отверстие, которое зажимал левой рукой, и, ловко переместив пальцы, придержал мешок у самого дна. Делалось это, видимо, для того, чтобы засунуть пуговицу в угол и ухватить ее пальцами.

Несколько мгновений мешок висел у него на левой руке, пока сам он силился поймать маленький роговой кружок. Наконец ему это удалось. Он вынул правую руку, в которой что-то было крепко зажато, — очевидно, страшная эмблема смерти. Его спутники, охваченные любопытством, затаив дыхание, столпились вокруг, ловя все движения Легро.

Еще мгновение держал он кулак сжатым, высоко подняв его, чтобы все могли видеть. Затем стал медленно разжимать пальцы и показал раскрытую ладонь. Там оказалась пуговица, вынутая из мешка, но, ко всеобщему изумлению, не красная, а черная.

Только двое не разделяли общего удивления: то был сам Легро, хотя, казалось, ему-то и следовало дивиться более всех остальных, и матрос, который несколько минут назад встал рядом с ним и тайком передал ему что-то из рук в руки.

Неожиданный конец лотереи вызвал страшное волнение.

Несколько человек схватили мешок, вырвав его из рук у Легро. Мешок сразу же вывернули наизнанку — и на доски плота упала красная пуговица.

Матросы пришли в ярость и громко кричали, что их обманули. Некоторые строили догадки, каким образом негодяю удалось так сплутовать. Сообщник Легро, горячо поддерживаемый им самим, утверждал, что никакого обмана и в помине не было: произошла ошибка в счете пуговиц с самого начала, когда их клали в мешок.

— Вполне возможно, вполне возможно! — убеждал матрос, помогший Легро сжульничать. — Просто положили одной пуговицей больше — двадцать семь вместо двадцати шести, вот и всё. Что ж, раз мы все помогали считать, никто и не виноват. Придется теперь снова тянуть. Только на этот раз смотрите считайте поаккуратнее!..

Возражать никто не посмел — все согласились. Но многие были убеждены, что с ними сыграли скверную шутку, и даже догадывались, каким образом это было подстроено.

Кто-нибудь из жеребьевщиков достал себе пуговицу, точно такую же, как те в мешке; зажав ее в кулак, он опустил руку и тотчас же вынул.

Двадцать шесть матросов тянули жребий — который же из них плут?

Многие подозревали в мошенничестве самого Легро. Бросалось в глаза его странное поведение. Зачем он опустил в мешок сжатый кулак и вынул его, так и не разжав пальцы? Уже одно это казалось довольно подозрительным; было замечено и еще кое-что. Но потом матросы припомнили, что ведь и некоторые другие вели себя точно так же. Итак, улик, чтобы вывести ви-

новного на чистую воду, не находилось. Поэтому ни у кого не было сил и охоты выдвинуть обвинение с риском для себя.

Впрочем, такой человек нашелся. До сих пор он еще не высказывался — ждал, пока пройдет какое-то время после того, как распорядитель вытянул последний, всех разочаровавший жребий. Человек этот был Ларри О'Горман.

Пока остальные матросы выслушивали доводы сообщника Легро и один за другим охотно соглашались, ирландец стоял в стороне, видимо глубоко погруженный в какие-то подсчеты.

Только под конец, когда все как будто пришли к соглашению вторично тянуть жребий, он очнулся от задумчивости и, стремительно выступив на середину, со всей решимостью крикнул:

— Нет!.. Нет, ни за что! — продолжал он. — Никаких жребиев, мои милые, покуда не разберемся хорошенько в этом маленьком дельце! Тут что-то нечисто,— все с этим согласны. Да только как найти плута? Пожалуй, я скажу вам, кто этот гнусный негодяй, у которого не хватило ни смелости, ни чести поставить на карту жизнь вместе со всеми нами.

При этом неожиданном вмешательстве на говорившего сразу же обратились взоры всех матросов. Сторонники разных партий одинаково были заинтересованы в разоблачении, которым угрожал О'Горман.

Если только удастся уличить мошенника, все будут смотреть на него, как на человека, который должен был вытащить красную пуговицу; следовательно, с ним и надлежит поступить соответственно. Это стало понятно, прежде чем с чьих-либо уст сорвался малейший намек. Те из матросов, которые ни в чем не были повинны, разумеется, чрезвычайно желали найти «паршивую овцу», чтобы не пришлось вторично тянуть опасный жребий; а так как к ним принадлежала почти вся команда, можно себе представить, с каким вниманием матросы ждали, что им скажет ирландец.

Все стояли, пожирая его нетерпеливыми взглядами. Только в глазах у Легро и его сообщника читались

совершенно иные чувства. Жалкий вид француза особенно бросался в глаза: у него отвисла челюсть, губы побелели, в них не осталось ни кровинки; взгляд его горел дьявольской злобой. Весь облик напоминал человека, которому угрожает позорная и страшная участь, и он бессилен ее отвратить.

Глава LXXI

ЛЕГРО ПЕРЕД СУДОМ

Кончив речь, О'Горман устремил в упор взгляд на француза. Все поняли, кого он имеет в виду.

Легро сначала весь затрепетал под взором ирландца. Но, увидев, что необходимо призвать на помощь всю свою наглость, он сделал над собой усилие и ответил тем же.

— Черт побери! — воскликнул он. — Что это ты на меня так уставился? Уж не вздумалось ли тебе на меня поклеп взвести? Я, что ли, такую подлость сделал?

— А то нет! — ответил ирландец. — Да провались я к самому дьяволу в преисподнюю, если на тебя возвожу поклеп! Не такой человек Ларри О'Горман, чтобы бродить вокруг да около, мистер Легро! Я тебе прямо в лицо скажу: это ты, красавчик, собственной персоной, положил в мешок лишнюю пуговицу! Да, именно ты, мистер Легро, а не кто-нибудь другой!

— Врешь! — завопил француз, угрожающе размахивая руками. — Врешь!

— Потише, французишка! Ларри из Голуэя не запугаешь, куда уж тебе, хвастун! И опять скажу: это ты подбросил пуговицу!

— А ты откуда знаешь, О'Горман?

— Доказать можешь?

— Есть у тебя улики? — спросили несколько матросов сразу.

Среди них особенно обращал на себя внимание сообщник француза.

— Да что вам еще нужно, когда и так уж все ясно, как день? Когда я сунул руку в мешок, там было

только две пуговицы и ни черта больше! Я перещупал их обе, — все не знал, какую взять! Да будь там третья, разве она не попалась бы мне? Могу поклясться на святом кресте Патрика блаженного — больше там пуговиц не было!

— А это еще ничего не значит, могло быть и три, — настаивал приятель Легро. — Третья, должно быть, закатилась куда-нибудь в складку, вот ты ее и не нащупал!

— Какие там еще, к дьяволу, складки! Закатилась-то она в ладонь к этому мошеннику, больше ей некуда было! В кулаке у него — вот где она была! Пожалуй, скажу вам, и как она туда попала. Дал ее ему вон тот парень, тот самый, который сейчас ко мне с ножом к горлу пристал — докажи да докажи... Попробуй-ка соври, Билль Баулер! Я своими глазами видел, как ты шептался с французишкой тогда, когда ему пришел черед. Видел я, как вы жали друг другу лапы и ты что-то сунул ему потихоньку. Тогда я толком не разглядел, но — клянусь Иисусом! — все думал: что за дьявольщина? Ну, а теперь-то знаю, что это такое было, — пуговица!

Слова ирландца заслуживали внимания — так к ним матросы и отнеслись. Улики против Легро были вескими и в глазах большинства убедительно доказывали его виновность.

Нашлись и еще свидетели, поддержавшие обвинение. Матрос, который тянул жребий перед О'Горманом, решительно утверждал, что в мешке были только три пуговицы. А другой, стоявший в очереди за человека до него, твердил с такой же уверенностью, что, когда он тащил жребий, в мешке было всего четыре. Оба заверяли, что они уж никак не могли ошибиться в счете. Недаром, мол, они «общупали» каждую пуговку в отдельности — им все хотелось узнать ту, в крови. Боже сохрани ее вытащить!

— Эх, да что толковать! — воскликнул ирландец. Ему, видно, не терпелось добиться осуждения противника, виновного в плутовстве. — Французишки это дело — и всё тут! Зря он, что ли, возился и ковырялся

в мешке! Все это сплошное надувательство. Пуговица была у него в кулаке все время. Клянусь Иисусом! Ему полагается смертный жребий, это так же верно, как если бы он его вытянул. Умереть должен он!

— Каналья! Лжец! — кричал Легро. — Если я умру, ты...

С этими словами он прыгнул вперед с ножом в руке, явно покушаясь на жизнь своего обвинителя.

— Стой! — заревел ирландец, отпрянув подальше от нападающего. И, в свою очередь выхватив нож, он встал в позицию защиты. — Стой, лягушатник, собачий сын, а не то я мигом отправлю тебя в ад без покаяния, прежде чем успеешь прочитать «Отче наш» за свою мерзкую душу, хоть она — видит бог! — в этом здорово нуждается! Ну, а теперь подходи, — продолжал ирландец, хорошенько укрепившись на своей позиции. — Ларри О'Горман готов встретить и тебя и любого другого, кто бы там ни прятался за твоей гнусной спиной!

Глава LXXII

ДУЭЛЬ НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Жеребьевка, происходившая на плоту, которая велась до сих пор с некоторой торжественностью, близилась к неожиданной развязке.

Но теперь никто не помышлял вторично обратиться к богине удачи. Уже не было больше нужды прибегать к ее приговору. И без того скоро наполнится кладовая этой шайки людоедов: порукой тому — смертельная вражда двух вожаков потерпевшего кораблекрушение экипажа: Легро и О'Гормана.

Скорая гибель ждет одного или другого, а возможно, и обоих. Противники намеревались вложить клинок в ножны не ранее, чем он вонзится в тело врага, — об этом неопровержимо свидетельствовали их позы, исполненные решимости.

Никто не пытался вмешаться, никто не встал между ними, чтобы разнять. Конечно, у каждого из них име-

лись друзья, или, выражаясь точнее, сторонники, но они были так же бесчувственны, как и обычные почитатели «чемпионов ринга».

При иных обстоятельствах каждая партия бывает огорчена поражением своего чемпиона, на которого она делает ставку. Но здесь, на плоту, зрители жаждали смерти любого из противников.

И та и другая сторона охотнее согласилась бы на гибель своего избранника, чем допустить, чтобы оба вышли из схватки живыми.

Каждый матрос в этой разбойничьей шайке, движимый эгоистическим инстинктом, ждал исхода предстоящего столкновения, и инстинкт этот заглушал в нем всякую приверженность к вожаку. Некоторые, быть может, и испытывали кое-какие дружеские чувства к Легро или О'Горману, но большинству было совершенно безразлично, кто из двоих будет убит. Нашлись даже такие, которые в глубине души тайно лелеяли надежду увидеть обоих противников жертвами взаимной вражды. О, тогда не скоро еще пришло бы время возобновлять эту ненавистную лотерею, к которой они — увы! — вынуждены были прибегать уже не раз.

Обе партии насчитывали теперь почти одинаковое число сторонников. Еще десять минут назад у француза было значительно больше приверженцев, чем у его соперника-ирландца. Но поведение Легро во время лотереи оттолкнуло многих. Большинство считали, что он действительно допустил плутовство. И это трусливое мошенничество так кровно задевало всех, что даже те, кто раньше был равнодушен к Легро, теперь сделались его врагами.

Но, не говоря уже о личных соображениях, даже здесь, среди этого сборища подонков, были такие, в ком еще не окончательно умолк голос чести, требовавший «игры по правилам»; и жульничество француза вновь пробудило это чувство в их сердцах.

Как только противники выказали твердую решимость вступить в смертный бой, толпа на плоту как бы машинально разделилась на две группы: одни встали позади Легро, другие — позади ирландца.

Матросы разместились на обоих концах плота, и так как обе группы по числу людей были почти одинаковы, равновесие не нарушилось. Посередине плота имелась горизонтальная площадка, не предоставлявшая преимуществ ни одному из противников; на ней-то и должна была разыграться кровавая драма.

Решено было биться на ножах. Правда, на плоту имелось и другое оружие: топоры, тесаки, гарпуны, но пользоваться ими противникам воспрещалось. Да и что может быть честнее доброго матросского ножа, какой имеется у каждого из них!

Итак, каждый вооружился своим собственным ножом, отвязав его от ремня. Нога выдвинута вперед, чтобы лучше противостоять натиску врага, рука с обнаженным клинком поднята; мускулы напряжены до отказа; глаза горят огнем ненависти, которая может окончиться только со смертью, — так стояли они друг против друга.

За спиной у каждого встали его сторонники, образовав полукруг, в центре которого находился их чемпион. Все они жадно ловили каждое движение противников, зная, что один из них, а быть может, и оба, уже на пути в преисподнюю.

Заходящее солнце озаряло эту страшную дуэль. Золотой шар уже низко опустился над горизонтом. Солнечный диск казался зловеще багровым — освещение, вполне подходящее для такого зрелища. Немудрено, что враги безотчетно обернулись на запад и вперили взор в светило. Оба они думали, что, быть может, никогда больше не придется им любоваться сверкающим солнечным блеском...

Глава LXXIII

НЕНАВИСТЬ ПРОТИВ НЕНАВИСТИ

Противники сошлись не сразу. Некоторое время они сторонились друг друга, страшась приблизиться, — так грозно сверкали острые ножи у них в руках. Однако они не оставались неподвижными и бездеятельными,

наоборот — оба были все время начеку, передвигаясь из стороны в сторону, описывая короткую дугу и стараясь все время держаться лицом к противнику.

Изредка, через какие-то промежутки времени, но далеко не регулярно, кто-нибудь из них делал вид, что нападает, или же притворным отступлением пытался ослабить бдительность врага. И все же после нескольких таких вылазок и контрвылазок ни у кого не оказалось даже царапины, не пролилось ни капли крови.

Большинство зрителей следили с каким-то болезненным интересом. Но некоторые не выказывали ни малейшего волнения, с полным безучастием относясь к тому, кто станет победителем, а кто — жертвой. Им было безразлично, если даже оба падут в бою. Были на плоту и такие, что предпочли бы именно подобную развязку кровавой схватки.

Те же, кого увлек азарт борьбы, старались подбодрить дерущихся то криками, то увещаниями.

Но были здесь и зрители совсем иного рода, которых исход схватки, казалось, волновал не менее, чем тех, о ком мы только что говорили. То были акулы! Глядя, как они описывали круги, свирепо тараща глаза на людей, как тут было не подумать, что они понимают все, происходящее на плоту, сознают, что сейчас произойдет убийство, и только выжидают случая, который пойдет им на пользу!

Какова бы ни была развязка, ее не придется долго поджидать зрителям — ни тем, что на воде, ни тем, что под водой. Еще бы! Два разъяренных матроса с обнаженными клинками стоят лицом к лицу, и каждый страстно желает поразить противника. Никто их не разнимает; наоборот, зрители натравливают дерущихся друг на друга, подстрекая к убийству, — так долго ли тут до кровавого конца? Ведь это не дуэль на шпагах, где, искусно фехтуя, можно надолго затянуть борьбу, или на пистолетах, когда неумелый выстрел опять-таки может отсрочить исход.

Эти дуэлянты знали, что стоит им подойти друг к другу на расстояние вытянутой руки, — и тут же один из них получит смертельную рану.

Вот уже несколько минут, как противники встали в позицию нападения, но эта мысль все еще удерживает их на почтительном расстоянии.

Крики товарищей принимают уже иной характер. Вперемешку с поощрительными возгласами слышатся насмешки и издевательства. Раздаются возгласы: «А ведь хвастунишки-то струсили!»

— Живей, Легро! Всади ему нож! — кричат сторонники француза.

— Ну-ка, Ларри, задай ему! Хвати его хорошенько! — орут зрители, делавшие ставку на ирландца.

— Эй вы, оба, принимайтесь за дело! Бабы вы, а не мужчины! — вопят те, кто, казалось, не принадлежал ни к той, ни к другой партии.

Эти бесцеремонные советы, выкрикиваемые на разных языках, оказали нужное действие. Не успели умолкнуть последние возгласы, как участники поединка бросились друг на друга и, сойдясь вплотную, одновременно нанесли удары ножом. Но у каждого из них клинок напоролся на левую руку противника, быстро выставленную вперед, чтобы отразить удар. И они разошлись без особых увечий, отделавшись легкими ранами, ни один из них не был выведен из строя. Однако это их разъярило и сделало менее осторожными. Не заботясь больше о последствиях, они тотчас же снова сошлись. Зрители встретили их столкновение одобрительными криками.

Все ждали, что теперь-то скоро определится исход схватки, но им пришлось жестоко разочароваться. После нескольких безрезультатных выпадов с обеих сторон сражающиеся снова отступили, и на этот раз не получив серьезных ранений. Дикое бешенство ослепляло их, не давая нанести верный удар; а возможно, они ослабели от длительного голодания. Противники разошлись вторично, и ни один из них не был ранен смертельно.

И третья встреча оказалась столь же безрезультатной. Как только они сблизились, каждый схватил своей левой рукой правую противника, в которой тот держал оружие; и так, крепко ухватив друг друга за кисть, они продолжали борьбу. Теперь это было уже состязание

не в ловкости, а в силе. Пока длится это вражеское «пожатие», опасности нет никакой: ведь никто из них не в силах пустить в ход нож. Каждый в любой момент может разжать свою левую руку, но тогда он освободил бы вражескую руку с ножом и тем немедленно подставил бы себя под удар.

Оба сознавали опасность и, вместо того чтобы разойтись, продолжали цепко держать друг друга.

Несколько минут они боролись таким странным манером, каждый стараясь повалить противника на плот. Если бы это удалось, оказавшийся наверху был бы близок к победе.

Они извивались, вертелись, гнулись, но все-таки как-то ухитрялись держаться на ногах.

Сражающиеся не стояли на одном месте, но метались по всему плоту: наталкивались на мачту, кружили около пустых бочек, наступали на разбросанные кругом кости. Зрители расступались, когда они приближались, проворно прыгая из стороны в сторону. Подмостки, на которых разыгрывалась эта страшная драма, непрестанно качались: не помогал ни балласт — пропитанные водой бимсы, ни пустые бочки, служившие поплавками.

Вскоре стало видно, что в этом состязании сдаст Легро. Француз не только уступал своему врагу-островитянину в мускульной силе, но и в состязании на выносливость все равно он оказался бы побежденным.

Зато Легро был хитрее ирландца, и в этот критический момент он прибегнул к одной уловке.

Кружа по плоту, француз прижал голову к правому рукаву куртки О'Гормана; рукав плотно охватывал запястье ирландца и касался кисти, в которой тот держал свой грозный нож. Вдруг Легро, едва не свихнув шею, ухватил зубами этот рукав и изо всей силы вцепился в него своими мощными челюстями. В мгновение ока его левая рука скользнула к правой; нож был молниеносно переброшен из одной руки в другую; еще миг — и лезвие сверкнуло, угрожая пронзить грудь противника.

Казалось, судьба О'Гормана решена. Обе руки его были скованы — как же избегнуть удара?

Зрители молча, затаив дыхание ждали его неминуемой гибели. Но они и вскрикнуть не успели, как к великому удивлению, увидели, что ирландец ускользнул от опасности.

К его счастью, сукно матросской куртки оказалось далеко не первосортным. Материя даже новая и то была плоховата, ну а теперь, после долгой и небрежной носки, она почти расползлась. Поэтому, когда О'Горман отчаянно рванулся, он высвободил руку из челюстей своего врага, оставив в зубах у француза всего лишь лоскут.

Внезапно все переменилось: теперь перевес был на стороне ирландца. Не только его правая рука была снова свободна, но и левой он все еще держал своего соперника, сковывая его движения. Легро же мог действовать только левой, а это ставило его в крайне невыгодное положение.

Сразу смолкли крики, которыми сторонники француза только что собрались приветствовать его победу, казавшуюся несомненной. И борьба снова продолжалась в молчании.

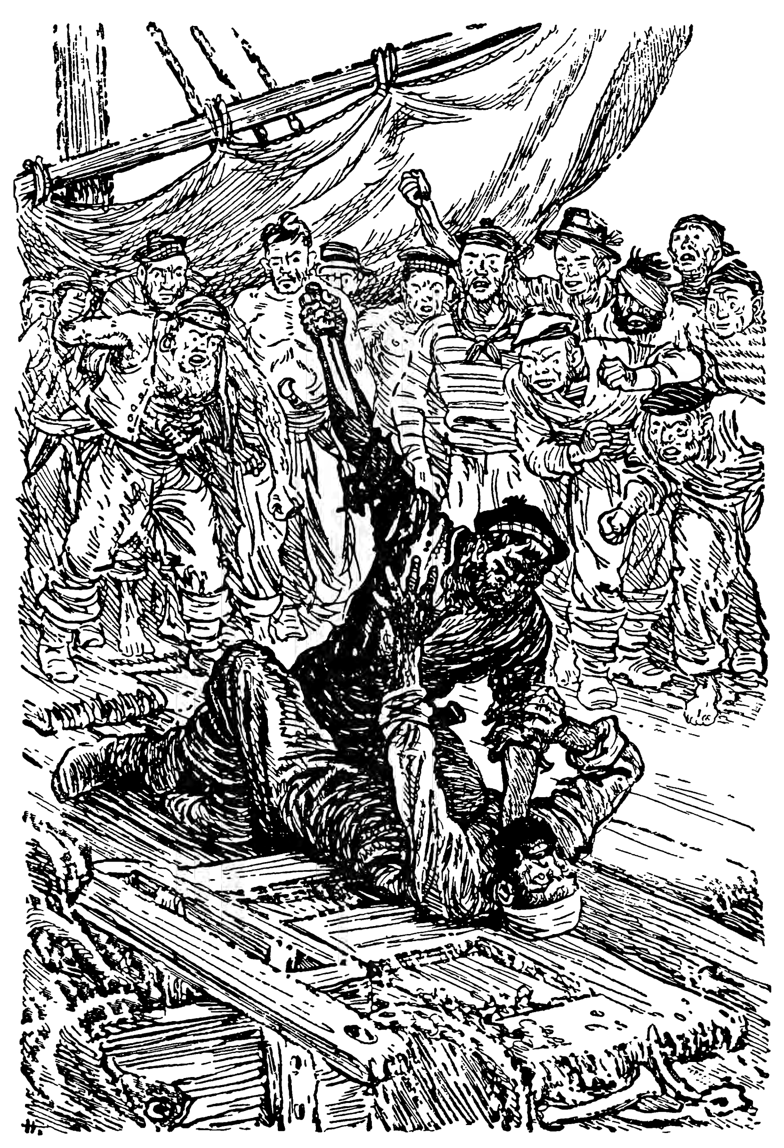
Еще несколько секунд длился бой, пока не завершился совершенно неожиданно для всех.

Вне всякого сомнения, победителем вышел бы О'Горман, если бы схватка окончилась, как все и предполагали, смертью одного из бойцов. Случилось, однако, так, что никто не пал в этом кровавом поединке. Судьба хранила обоих хотя для иной, но столь же страшной кончины, а одному из них суждено было погибнуть смертью вдесятеро ужаснее.

Как я уже говорил, счастье улыбнулось ирландцу. Он понял это и не замедлил воспользоваться своим преимуществом.

Все еще крепко сжимая кисть Легро, он действовал правой рукой с такой силой, которая, казалось, должна была решить исход борьбы; француз же, защищаясь левой, мог оказывать только слабое сопротивление, не в силах ни наносить, ни парировать удары.

Клинки врагов сталкиваются все чаще и чаще; еще несколько выпадов, но пока никто не ранен. Впрочем,



Вопль отчаяния вырвался у француза.

этот безрезультатный бой длился недолго. Кончилось тем, что ирландец одним ловким ударом всадил лезвие врагу в ладонь, пронзив ему насквозь пальцы, ухватившиеся за нож.

Оружие выпало из разжавшейся руки и, пройдя сквозь щели в бревнах, пошло ко дну.

Вопль отчаяния вырвался у француза, когда он увидел занесенный над ним нож.

Но удар, грозивший ему, повис в воздухе. Прежде чем враг собрался его нанести, ему помешали. Кто-то из зрителей схватил поднятую руку ирландца и закричал громким голосом:

— Не убивай его! Нам не придется его съесть! Гляди туда!.. Спасены, спасены!

Глава LXXIV

ОГОНЬ!

С этими странными словами матрос, так неожиданно прервавший смертный поединок, протянул руку в морскую даль, словно указывая на что-то, замеченное им на горизонте.

Взоры всех тотчас же устремились в ту сторону. Магическое слово «спасены» поразило не только зрителей, но и актеров внезапно оборвавшейся трагедии. Сладостный звук этого слова укротил злобу в их сердцах. Ирландец, который, подобно большинству своих соотечественников, был вспыльчив от рождения и загорался легко — «как огниво от искры», — мгновенно остыл.

Он не вырвал у матроса руку, поднятую для удара: она ослабела; пальцы, которыми он крепко сжимал горло противника, разжались. И француз, очутившись на свободе, смог беспрепятственно отступить с поля боя.

Вместе с остальными О'Горман обернулся и стоял, всматриваясь в даль, туда, где кто-то увидел спасение для них всех.

— Что это там? — воскликнули, как один, несколько матросов. — Неужели земля?

Но нет, это было невозможно. Никто из них не был новичком в морском деле и не мог думать, будто он и на самом деле видит землю.

— Парус? Корабль?..

Вот это уже больше походило на правду; хотя, на первый взгляд, на горизонте не было заметно ни паруса, ни корабля.

— Что же это такое? — всё снова и снова спрашивали матросы.

— Огонь! Как же вы не видите? — спросил матрос с глазами рыси — тот самый, чье вмешательство в поединок вызвало это неожиданное отклонение от программы. — Смотрите! — продолжал он. — Вон там, где солнышко садится. Маленькая точка, но я-то отлично вижу. Это, верно, светится нактоуз [1] на корабле.

— Черт побери! — воскликнул какой-то испанец. — Это просто солнечный отблеск. Ты видел блуждающий огонек, приятель!

— Ба! — сказал другой. — Пусть даже ты прав и это в самом деле лампа с нактоуза, нам-то что до этого? Только себя раздразнишь — и все без толку. Если это нактоуз, то судно обращено к нам кормой. Где уж нам догнать корабль!

— Клянусь богом, огонь! Огонь! — вскричал зоркий маленький француз. — Я вижу его. Да, да, в самом деле! Но только... черт побери!.. это не лампа с нактоуза!

— И я вижу! — воскликнул другой.

— И я! — присоединился третий.

И тотчас же матросы заговорили все сразу: каждый вставлял свое слово, чтобы поддержать веру в этот огонек, зажегшийся на море. Никто не посмел усомниться, даже те, кто вначале отнесся недоверчиво.

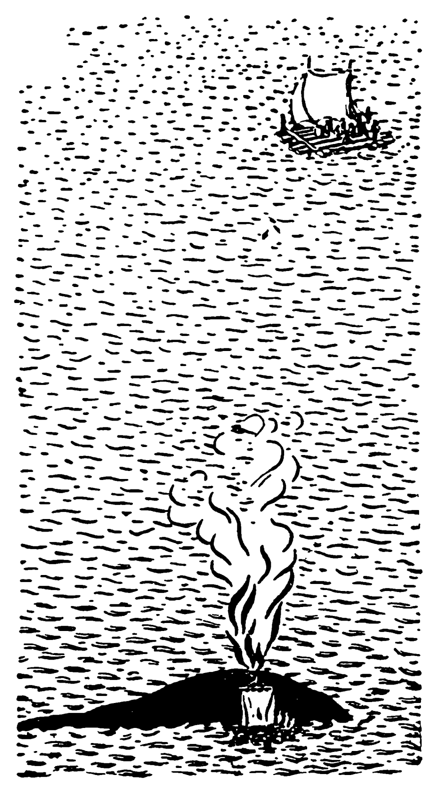
Правда, этот свет, который показался в океане, был всего лишь крошечной искоркой, слабо мерцавшей на фоне неба; легко можно было ошибиться, приняв звезду за него. Но в этот час на западе, где еще рдеют лучи заходящего солнца, звезд не бывает.

Как ни огрубели морально матросы, они еще не потеряли своих умственных способностей и, раздумывая

[1] Н а к т о у з (морск.) — шкафик для компаса.

над появлением огонька, не могли принять за звезду это желтоватое пятнышко, едва выделявшееся на таком же желтом закатном небе.

— Нет, это не звезда, бьюсь об заклад! — уверенно заявил один из них. — А если это огонь на корабле, так не лампа с нактоуза. Уж будьте покойны, это я вам говорю! И кому это вздумалось тут болтать о нактоузах да о всяких там лампах! Может, что-то и светится на корабле, но тогда это камбузная плита — кок готовит кофе для команды.



Вечером двенадцатого дня, когда катамаранцы развели огонь на туше кита, большой плот был от них в двадцати милях к северу. Этот огонь и был с него замечен.

Великолепное видение комфорта, вызванное перед ними, было уж слишком для умирающих от голода людей — нервы их не выдержали, и дикий крик ликования раздался в ответ на речь матроса. Камбуз, камбузная плита, кок, кофе для команды, тушеная говядина с картофелем и морскими сухарями, пудинг с изюмом, пирог с мясом, даже когда-то столь ненавистные гороховый суп и солонина — все это казалось теперь сказкой из иного мира, радостями прошлого, которыми больше никогда уже не придется наслаждаться.

Теперь, когда перед глазами у них вспыхнул огонек камбузной плиты — за который они принимали этот свет в океане, — самые дикие фантазии возникли в их разгоряченном мозгу.

Мгновенно были позабыты и недавний поединок и его участники. У каждого матроса на плоту все помыслы, все взгляды, исполненные страстного желания, оставались прикованными к этой светлой точке, которая тускло мерцала на красноватом фоне неба, озаренного закатным солнцем.

Пока они так смотрели, крошечная искорка, казалось, росла и разгоралась; не прошло и нескольких минут — и это была уже не искра, а яркое пламя, окруженное светящимся ободком.

Постепенно бледнели краски закатного неба и усиливалась темнота вокруг — вот чем объясняется эта перемена.

Так думали зрители, уверившись более чем когда-либо, что огонек, который они видят там, вдали, — пламя камбузной плиты.

Глава LXXV

НА МАЯК!

Когда искорка на горизонте разгорелась в яркое пламя, все на плоту воодушевились одним стремлением — поскорее добраться до места, где показался свет. Будь то в камбузе или еще где-нибудь, будь это пламя плиты или свет лампы — все равно огонь горит на борту корабля. В этой зоне океана не было земли; откуда же взяться огню посреди моря, если не на корабле?

В том, что это было судно, никто не сомневался ни на мгновение.

Все так были уверены, что несколько матросов, едва только мысль эта пришла им в голову, закричали что есть силы: «Эй, на корабле, эй!»

Но в окликах матросов сейчас уже не было прежней силы: их голоса ослабели так же, как их изможденные тела. Правда, если бы моряки кричали и вдесятеро

сильнее, их все равно не услышали бы на таком расстоянии: свет был еще очень далеко от плота.

Огонек горел не меньше чем в двадцати милях от них. Но в том возбужденном состоянии, в котором они находились сейчас под влиянием жажды, голода и безумного волнения, вызванного открытием, у них возникло обманчивое представление о расстоянии: многим показалось, будто огонек совсем близко.

Впрочем, среди них нашлись рассуждавшие более разумно. Они не тратили сил попусту, надрываясь в бесполезном крике, а старались убедить других в необходимости приложить всю энергию и подойти к огню поближе.

Некоторые думали, что для этого особых усилий не потребуется: ведь свет как будто приближается к ним. И в самом деле так казалось. Но более умудренные опытом моряки знали: это только оптический обман, вызванный тем, что море и небо с каждой минутой становятся все темнее.

И словом и личным примером эти матросы убеждали товарищей идти на огонек — все они верили, что свет горит на судне.

— Давайте пойдем навстречу, — говорили они, — если корабль стоит здесь, на пути; а если нет, сделаем всё, чтобы нагнать его.

Уговоров не понадобилось — даже самые ленивые из команды горячо принялись за работу. Новая надежда на жизнь, неожиданно открывшаяся перспектива спасения от смерти, казавшейся многим уже неизбежной, воодушевили их, заставили напрячь все силы. Никогда раньше они не работали с таким рвением, с таким единодушием, еще недавно столь чуждым им, как сейчас, когда они гнали свой неповоротливый плот вперед, в море.

Одни бросились к веслам, другие принялись хлопотать вокруг паруса.

Давно уже никто не обращал на него внимания; он болтался, свисая с мачты и слегка вздуваясь под случайным бризом. Матросы не имели ни малейшего представления, куда держать курс, а если бы даже они и

наметили курс, все равно у них не хватило бы решимости следовать ему. Уже много дней носились они в океане, отдавшись на волю волн и ветров.

Теперь парус живо был поднят снова и приведен в состояние полной готовности. Натянули и укрепили как следует шкоты, установили совершенно прямо мачту, чтобы она не кренилась набок.

Так как «судно», к которому они направились, находилось не совсем с подветренной стороны, им пришлось управляться с парусом при ветре на траверзе. С этой целью двух матросов назначили к рулю. Правда, это была всего лишь широкая доска, поставленная на самый край и прикрепленная наклонно к бревнам на кормовой части плота. Но при помощи этого нехитрого приспособления им удалось вести плот «носом вперед», прямо на огонек.

Гребцы сели с обеих сторон. Почти каждый, кто не был занят у паруса или руля, помогал грести. Весел на всех не хватило, и тем, кому не досталось, пришлось орудовать чем попало — гандшпугами, обломками досок, — словом, всем, что хоть немного годилось в помощь гребцам.

Борьба шла не на жизнь, а на смерть — так, во всяком случае, думали матросы. Они твердо верили, что корабль близко. Вот-вот они его нагонят — в этом их спасение; если же не удастся — все погибнут. Еще день без пищи — и кто-нибудь из них умрет. Еще день без воды — и каждого ждут муки страшнее самой смерти.

Благодаря их дружным усилиям и широкому парусу громоздкий плот довольно быстро шел по воде — правда, далеко не так быстро, как им хотелось бы. Иногда они молчали; но время от времени сквозь шум весел слышались их голоса, и — увы! — слишком часто это были нечестивые речи.

Они кляли плот, его неповоротливость, медлительность, с которой они шли к кораблю, кляли и самый корабль за то, что он не идет им навстречу. Теперь те, кто прежде думал, что огонек движется к ним, отказались от этой мысли. Наоборот, сейчас, после почти целого часа гребли, всем казалось, что корабль удаляется.

Не проходило и минуты, чтобы кто-нибудь не впивался взглядом в огонек. Гребцы, сидевшие к нему спиной, то и дело оборачивались и глядели через плечо, чуть не рискуя свихнуть себе шею, и все это только для того, чтобы с огорченным видом снова принять прежнюю позу.

Многие не могли скрыть горького разочарования. Некоторые утверждали, что огонек уменьшается, что корабль на всех парусах уходит от них и что нет ни малейшей надежды нагнать его.

Матросы за веслами начали уставать.

Были и такие, которые выражали вслух сомнение — а вдруг вообще ничего этого нет: ни корабля, ни огонька на корабле? Ведь то, что они заприметили, было всего лишь светлое пятнышко в океане, какой-то искрящийся предмет, может быть, фосфоресцирующая мертвая рыба или моллюск, всплывшие на поверхность. Многим из них и не то еще доводилось видеть на своем веку! И кое-кто прислушивался к этим речам довольно доверчиво.

Недовольство все усиливалось и с течением времени, верно, привело бы к тому, что моряки побросали бы весла, как вдруг всеобщее напряжение, достигнув высшей точки, разрешилось неожиданно и одновременно для всех — свет погас!

Он исчез внезапно, на глазах у матросов, не сводивших с него взгляда. Свет гаснул не постепенно, как бледнеет и тает, скрываясь из виду, звезда, — нет, он потух сразу, как если бы кто быстро задул его.

«Словно бочку соленой воды опрокинули на камбузную плиту», — вспоминал один матрос, увидевший исчезновение огня.

Едва свет погас, гребцы тотчас же отшвырнули весла и бросили руль. Стоит ли дальше вести плот? Ни луны, ни звезд на небе. Огонек был их единственной путеводной звездой, и, когда он исчез, они не имели ни малейшего понятия, куда держать курс. Ветер то и дело менял направление, но, даже если бы он дул все время в одну сторону, всякий знал, как ненадежно ему доверяться, особенно с таким парусом и рулем!

Если и прежде матросы были почти убеждены, что преследуют в океане блуждающий огонек, и готовы были бросить погоню, то теперь стоило только ему погаснуть, как ночное плавание прекратилось.

Отчаяние вновь овладело матросами, и с дикими, злобными проклятиями они бросили парус на произвол судьбы — пусть ветры несут их по волнам, в любое место на океане, где, по воле рока, их злосчастная доля завершится мучительной агонией!

Глава LXXVI

ТЬМА КРОМЕШНАЯ

Ночь была темная — как образно говорят испанцы, «словно горшок дегтя».

Трудно было представить себе, что она станет еще темней. И все же вскоре с воды тихо поднялся густой туман, окутавший большой плот.

В таком мраке ничего нельзя было разглядеть — даже огонек, если бы он и загорелся вновь.

Пока не было тумана, они все высматривали огонек: то один, то другой вставал на вахту, с отчаянной надеждой ожидая, не зажжется ли он вновь. Но по мере того как воздух все больше насыщался испарениями, это мрачное упорство понемногу ослабевало и под конец покинуло их.

К полуночи туман настолько сгустился, что ничего не стало видно на расстоянии и шести футов. Люди на плоту смутно различали только своих самых ближайших соседей, да и то словно сквозь прозрачную серую пелену.

Но темнота не мешала им разговаривать. Так как вместе с призрачным огоньком погасла всякая надежда на помощь, естественно, их мысли должны были направиться по другому руслу. Матросы вспомнили о той драме, от которой их так неожиданно отвлекли.

Голод, жгучий, нестерпимый голод, заставил их перенестись мысленно к сцене, которую так и не удалось

закончить должным образом, чему помешал блеснувший впереди обманчивый свет. И теперь моряки задумались над тем, как по-иному сложилось бы все, не сделайся они жертвой миража.

Вот что занимало их мысли и служило темой для разговоров. И в этот торжественный, полуночный час, в туманной мгле, мрачно нависшей над бездонной пучиной, они снова принялись обсуждать страшный вопрос: «Кто следующий?»

Прийти к решению теперь, казалось, уже не так трудно, как прежде.

Бо̀льшая часть матросов надумала, какого держаться курса. О том, чтобы опять бросать жребий, и речи не было. Да и к чему? Они уже прошли через это. Ну, а если те двое еще не свели счеты до конца, то, без сомнения, дело должно решиться только между ними. Тут и спорить не о чем.

Все единогласно заявили, что на съедение изголодавшимся скитальцам пойдет либо Легро, либо О'Горман. Иными словами, надо снова продолжать поединок, который так неожиданно пришлось отложить.

Пожалуй, такое решение вряд ли можно признать несправедливым, разве только по отношению к ирландцу. В тот момент, когда ему помешали, победа была уже за ним. Будь у него еще полсекунды — враг лежал бы бездыханным у его ног.

Любой третейский суд вынес бы решение в пользу О'Гормана и, быть может, избавил бы его от дальнейшей необходимости рисковать жизнью. Но здесь, где судьями выступали жертвы кораблекрушения, разбойничья шайка с невольничьего судна, причем добрая половина склонялась на сторону его противника, приговор был иной.

Большинством голосов постановили: поединок между ирландцем и Легро начнется снова и закончится только со смертью одного из участников.

Впрочем, сейчас нельзя было возобновить схватку: мешали ночь и мрак. Но с первыми же солнечными лучами смертный бой возобновится.

Порешив таким образом, бывшие матросы с «Пан-

доры» улеглись отдыхать. Правда, спалось им не так покойно, как на баке невольничьего судна. Жажда, голод, страх перед беспросветным будущим, не говоря уже о жестком ложе, — плохие спутники для сна. Да и измучены были матросы и телом и духом почти до полного изнеможения.

Некоторые спали. Они заснули бы даже в преддверии ада, у врат Плутона, под вой Цербера, раздающийся прямо у них над ухом.

Лишь немногие не могли или не хотели уснуть. Всю ночь напролет то один, то другой, а иногда и двое сразу, бродили по плоту или ползали по доскам, едва ли сознавая толком, что делают. Просто чудо, как эти люди не свалились за борт — ведь они были, в полном смысле слова, почти лунатиками. Но, несмотря на всю неестественность движений, им как-то удавалось удерживаться на плоту. Бултыхнуться через край — значило бы прямехонько угодить головой в пасть акул, которые уже поджидали, готовясь растерзать жертву своими острыми зубами. Быть может, сохранять равновесие этим бессонным скитальцам помогал какой-то инстинкт или же смутное предчувствие опасности.

Глава LXXVII

ТАЙНЫЙ СГОВОР

Большинство матросов задремали, но тишины, полной, глубокой тишины, все еще не было. Временами слышался то шепот ветра, шелестевшего в поднятом парусе, то слабый плеск волн, рассекаемых тяжелыми бревнами плота.

Звуки эти перемежались с шумным дыханием спящих: кто ненароком всхрапнет, кто пробормочет что-то — непроизвольные речи человека, которому снится страшный сон.

Изредка раздавался шум совсем иного рода. Это несколько отверженных, которым не удалось заснуть, завели короткий разговор. Или же кто-нибудь, спросонок

наткнувшись на распростертое тело сотоварища и нарушив его сладостный отдых, вернул несчастного к сознанию мучительной действительности, от которой тот искал забвения во сне.

Обычно в таких случаях затевалась злобная перебранка. Угрозы, проклятия градом сыпались с языка и у разбуженного и у того, кто его потревожил. И вслед за тем оба, все еще ворча, умолкали.

В этот час, когда ночь всего темнее, а туман гуще, два матроса примостились у подножия мачты; впрочем, заметить их можно было, только подойдя вплотную.

Согнувшись в три погибели, на коленях, подавшись туловищем вперед, они упирались в доски обеими руками.

Поза была явно не подходящая для отдыха. И в самом деле, если бы кто-нибудь понаблюдал за ними или подслушал их тихий разговор, он понял бы, что помыслы этих людей далеки от сна.

Но кто мог увидеть их в этой кромешной тьме? Правда, некоторые их спутники лежали всего в нескольких футах, но они либо спали, либо находились слишком далеко, чтобы расслышать шепот этих двух матросов.

А те продолжали разговаривать чуть слышно, поочередно подставляя губы к самому уху собеседника. И пока они шептались, по выражению их взглядов можно было догадаться, о чем — или, вернее, о ком — идет речь.

Речь шла о человеке, который лежал, растянувшись во весь рост на бревнах, неподалеку от мачты и как будто спал. Да он и в самом деле крепко спал: оглушительный храп вырывался временами из его рта.

Этот спящий, так шумно храпевший матрос был ирландец О'Горман — один из участников прерванной дуэли, которая должна была возобновиться на рассвете. Какие бы злодейства ни совершил он за свою жизнь (а за ним числилось немало грехов, ведь мы назвали его только наименее преступным из всей этой злодейской шайки!), трусом он, во всяком случае, не был. Если че-

ловек может так крепко спать, зная, что ждет его при пробуждении, значит, он храбр и не боится смерти.

Два матроса у мачты не сводили с него глаз. Однако они не могли отчетливо разглядеть лежащего. Сквозь белую пелену тумана смутно вырисовывалось человеческое тело, раскинувшееся на досках, причем видны были только нижняя часть туловища и ноги. Впрочем, даже при свете дня им не удалось бы увидеть отсюда его плечи и голову: их заслоняла пустая бочка из-под рома, о которой мы уже говорили.

Пока в бочке оставалась хоть капля, ирландец больше всех увеселял себя этим напитком; теперь же, когда ром был распит, возможно, самый запах спиртного привлек сюда матроса, подыскивавшего местечко для отдыха.

Так или иначе, оно должно было стать его последним приютом в жизни. Волей жестокого рока О'Горману не суждено уже было проснуться!

Такова была судьба, которую готовили ему два притаившихся у мачты матроса.

— Вот здóрово спит! — шепнул один из них на ухо другому. — Слышишь, как храпит? Черт побери! Чисто боров!

— Да, спит, хоть из пушки стреляй! — подтвердил другой.

— Это хорошо! — тихонько сказал первый матрос, многозначительно пожав плечами. — Если обладим дельце как следует, ему уж тогда не очухаться... Верно говорю, парень?

— Как скажешь, так и сделаю, — заявил другой. — Да что нужно-то?

— Главное — без шума. Стукни разок — и готово! Только это надо умеючи. Пырнешь его ножом прямехонько в сердце — он и не шевельнется. Сам не заметит, как очутится на том свете. Даже зависть берет, как подумаю, что он так легко отделается от всей этой чепухи!

— Как бы шуму-то не вышло!

— Да это легче легкого — не труднее, чем бултыхнуться за борт. Кто-нибудь из нас зажмет ему рот, ну а другой... понял теперь?

Какое ужасное злодеяние должен совершить другой, матрос не решился сказать даже по секрету, шепотом!

— Ну, а если даже все сойдет гладко, — возразил его сообщник, — завтра что будет? Пожалуй, сразу догадаются, чьих рук это дело. Обязательно скажут на нас, на тебя-то уж, как пить дать, после вчерашнего... Об этом ты не подумал?

— Как бы не так! Я все обмозговал.

— Ну и что?

— Прежде всего дадим им пожевать, небось не станут тогда разбираться. А там если и заварится каша, наши-то куда сильнее. Эх, будь что будет!.. Лучше сразу в гроб улечься, чем каждый день умирать понемножку!

— Что правда, то правда.

— Да ты не трусь! Из-за них в беду не попадем. Я кое-что надумал, как их провести. Устроим так, будто он сам на себя руки наложил, — и всё тут!

— Да что ты говоришь!

— Ну и непонятливый же ты! Туману тебе, что ли, в башку напущено? Не знаешь разве — у ирландца нож есть, да еще какой острый! Уж кому-кому знать, как не мне. Что ж, разве его стащить нельзя? Вот нож и найдут там, где полагается: будет торчать в ране, от которой ирландец окачурится. Понял теперь?

— Понял, понял!

— Первое дело — надо нож стянуть. Иди-ка лучше ты. Я не решусь. А ну как он сам проснется? Сразу смекнет, зачем я тут около него верчусь. А ты себе пройдешь мимо как ни в чем не бывало. Попытка не пытка — худа не будет.

— Что ж, попробую подцепить, — ответил другой.— Давай сейчас, что ли?

— Чем скорее, тем лучше. Нож добудем, а там уж что-нибудь надумаем. Достань, ежели сумеешь.

Проговорив это, матрос остался на месте. Другой поднялся на ноги и пошел прочь от мачты, по-видимому, без всякой цели. Однако путь этот привел его к пустой бочке из-под рома, туда, где лежал спящий ирландец, не слышавший его приближения.

Глава LXXVIII

ПОД ПОКРОВОМ ТЬМЫ ЗЛОДЕЙСТВО СОВЕРШИЛОСЬ

Вряд ли нужно объяснять, кто такие эти два матроса, тайком строившие злые козни. Первый, конечно, француз Легро; другой — его сообщник, тот самый, который помог ему смошенничать, когда тянули жребий.

Читатель, вероятно, уже понял из беседы этих людей о дьявольском замысле зарезать спящего О'Гормана.

У француза была не одна причина совершить это страшное преступление — и каждая в отдельности могла толкнуть на злодейство такую испорченную натуру. Он всегда ненавидел ирландца, а сейчас, после всего происшедшего днем, эта глубокая, смертельная ненависть усилилась еще больше. Уже одного этого было достаточно, чтобы негодяй Легро зарезал своего врага. Впрочем, действовать именно так побуждали его и другие, более серьезные и обоснованные соображения. Как известно, матросы в конце концов договорились, чтобы с первыми же лучами зари прерванный поединок был завершен. Легро знал, что следующий акт этой кровавой драмы будет последним, и, судя по только что разыгравшейся сцене, смертельно боялся развязки. Еще прежде, чем занавес упал после первого действия, он понял, что мог лишиться жизни; и теперь, чувствуя себя слабее противника, страшно трусил при мысли о последней схватке.

Чтобы избежать ее, он готов был на все, на любую низость и преступление, даже на такое коварное убийство.

Легро знал, что, если он хочет добиться удачи и уничтожить врага, необходимо, чтобы никто из матросов не стал свидетелем преступления; тогда против убийцы не будет прямых улик и суда товарищей бояться нечего.

Вопрос только в том, удастся ли совершить злодейство под покровом ночи, в полной тишине. Впрочем, вскоре это должно решиться.

Хитрость, задуманная Легро, едва ли имела бы

успех в другой обстановке. Зарезать несчастного его собственным ножом, чтобы создать видимость самоубийства, — уж слишком все это белыми нитками шито! Но Легро был уверен, что здесь, на плоту, следствие не будет производиться по всей строгости закона. Вероятно, матросы поведут дело об убитом без соблюдения каких-бы то ни было формальностей.

Во всяком случае, так для него куда меньше риска, чем во время поединка, который, по всей вероятности, завершится для него смертельным исходом.

Он больше не колебался в решении совершить это злое дело. И с этой целью он сделал первый шаг: послал своего сообщника похитить нож.

Кража удалась вполне.

Добравшись до бочки из-под рома, негодяй молча присел; несколько минут он оставался там, потом встал и направился обратно к мачте. Как ни была ночь темна, Легро все же заметил: что-то блеснуло в руке у сообщника. Француз знал, что это то самое оружие, которого он так страстно домогался.

Да, спящего предательски обезоружили.

И вот оба матроса стоят друг против друга; и за этот краткий миг нож был тайком передан сообщником настоящему убийце.

Затем оба с внешне беззаботным видом еще некоторое время оставались около мачты, будто разговаривая о самых будничных делах. Однако, беседуя, они как бы нечаянно слегка передвинулись с места — чуть-чуть, так что трудно было бы заметить даже при дневном свете. Еще и еще несколько таких еле уловимых движений, перемежающихся короткими паузами, — и вот уже заговорщики незаметно очутились у самой бочки. Один из них присел тут же, рядом; другой, обойдя кругом, вскоре последовал примеру товарища и уселся с противоположной стороны.

До сих пор в поведении обоих матросов не было ничего особенного, что могло бы привлечь внимание их спутников на плоту. Даже если бы кто и проснулся, сплошной мрак, скрывавший движения заговорщиков, помешал бы понять в чем дело.

Никто не видел, как убийцы сели рядом со своей спящей жертвой; никто не заметил, как оба сразу, протянув руки, склонились над ирландцем. Один душил его, накинув на лицо одеяло, другой, ударив в грудь сверкающим клинком, пронзил сердце.

Мгновение — и оба кончили свое подлое дело. В этом кромешном мраке некому было глядеть на убийство, кроме самих злодеев. Некому было услышать глухой крик, заклокотавший в горле умирающего, а если бы кто и уловил, то ему померещилось бы, что это вскрикнул сосед, которого мучит кошмар.

Убийцы, сами ужаснувшись тому, что сделали, дрожа, прокрались обратно к мачте.

Жертва их осталась распростертой недвижно, с лицом, обращенным вверх, на том же месте, где ее застигли убийцы.

Всякий, кто склонился бы сейчас над лежащим матросом, подумал, что он все еще спит.

Увы, это был сон смерти!

Глава LXXIX

КОГДА ПОГАС СВЕТ

Мы покинули команду «Катамарана» в самом разгаре хлопот, когда они на спине у кашалота занимались копчением акульего мяса.

Катамаранцам хотелось иметь столько провизии, чтобы ее хватило на всё путешествие — хотя бы на скудном пайке — в другой конец Атлантического океана.

Чтобы сделать такой запас, им пришлось проработать не только целый день, но несколько часов и ночью. Все это время они поддерживали ярко пылавший огонь, подбавляя свежего спермацета в самодельный очаг, который соорудили на спине у морского великана. Топлива жалеть нечего: его было столько, что можно было бы жарить бифштексы из акулы все двенадцать месяцев в году.

Но оказалось, что китовый жир не может гореть без фитиля, а так как они слишком дорожили своим запасным канатом, чтобы расщипать его весь на паклю, то по необходимости им пришлось экономить.

Решив, что акульего мяса про запас нажарено недостаточно, наши скитальцы собирались на следующий день снова приняться за стряпню. А чтобы не жечь фитиль зря, прежде чем уйти спать, они погасили огонь.

Причем потушили его довольно оригинальным способом: зачерпнув из спермацетового «мешка» кашалота побольше жидкости, вылили ее всю в очаг. Огонь ярко вспыхнул напоследок и сразу угас, оставив их в полной темноте.

Впрочем, они без труда добрались к себе на плот, где собирались провести остаток ночи. За последние дни они столько раз проделали этот путь — с кашалота на «Катамаран» и обратно, что теперь могли свободно подниматься и спускаться и с завязанными глазами. Да, в сущности, и сейчас, в этот последний ночной переход, они чувствовали себя так, словно на глазах у них лежит повязка, — такая непроницаемая, сплошная тьма окружала убитого кита.

Пробравшись ощупью по скользкой спине кашалота, они спустились вниз по канату, привязанному к громадному грудному плавнику; поужинали порцией горячего жаркого, которое догадались захватить с собой, и, запив его глотком разбавленного канарского, улеглись спать.

Чувствуя себя более спокойными за будущее, чем все последнее время, они вскоре заснули. И вокруг кашалота и «Катамарана», сливавшихся во тьме в какую-то черную плавучую массу, наступила глубокая тишина.

В этот самый момент менее чем в десяти милях отсюда разыгрывалась далеко не столь мирная сцена. Читатель уже, наверно, догадался, какой огонь увидели матросы с большого плота, приняв его в своем воображении за камбузную плиту; в действительности это был спермацетовый очаг на спине у кита.

Когда свет погас, началась шумная ссора, достигшая апогея как раз в то время, когда команда «Катамарана» ужинала акульими бифштексами и прихлебывала винцо.

Уже давно катамаранцы погрузились в сладкий сон, позабыв обо всех окружающих опасностях, а на большом плоту еще долго тянулись раздоры.

Все четверо катамаранцев крепко проспали остаток ночи. Как ни странно, но, ошвартовавшись около громадины-кита, они чувствовали себя надежнее, чем если бы их крошечное, утлое суденышко одиноко носилось посреди океана. Правда, безопасность эта существовала только в их воображении, и все-таки на душе у них стало как-то спокойнее.

Светало, а они всё еще спали. Наступил час рассвета, но все кругом было окутано густой пеленой. Туман был такой плотный и непроницаемый, что с «Катамарана» не видно было китовой туши, хотя их отделяло всего несколько футов.

Первым зашевелился Бен Брас. Снежок никогда не был ранней пташкой, и, если бы только позволили обстоятельства или ему вздумалось пренебречь своими обязанностями, он охотно провалялся бы до полудня. Но Бен знал, что впереди еще много дела и нельзя терять время попусту. «Капитан» «Катамарана» уже отказался от всякой надежды на возвращение китобойца. Итак, чем скорее они закончат все приготовления и смогут выйти из дрейфа, чтобы продолжить свой прерванный рейс на запад, тем больше у них шансов в конце концов достигнуть земли.

Бен бесцеремонно растолкал Снежка. Пока он будил его, проснулись также Вильям и Лали, так что теперь вся команда была уже на ногах и в полной боевой готовности.

В качестве утренней трапезы был сервирован на скорую руку завтрак по-матросски. После этого Снежок и моряк вместе с юнгой вскарабкались на спину кашалота, чтобы вновь приняться за прерванную стряпню; а Лали, по обыкновению, осталась сторожить «Катамаран».

Глава LXXX

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ЗВУКИ

Бывший кок повел за собой своих помощников па самый верх туши. Но не сразу удалось ему разыскать свою кухню. Немало времени шарил он ручищей по осклизлой коже кита, покуда наконец не нащупал край ямы.

Остальные подоспели, когда он вставлял новый кусок фитиля. Живо запылал яркий огонь, и зашипела первая порция акульих бифштексов, подвешенных над пламенем.

Теперь оставалось только ждать, пока все куски поджарятся.

Не требовалось даже поливать их собственным соком, достаточно было только время от времени поворачивать и слегка передвигать куски рыбы, насаженные на гарпун вместо вертела так, чтобы каждый ломоть надлежащим образом подрумянился над огнем.

Эти несложные кулинарные операции лишь изредка требовали внимания повара. Как только Снежок увидел, что его «кухонная плита» работает на полный ход, он примостился подле на корточках — наш повар всегда предпочитал сидячее положение стоячему. Товарищи его оставались на ногах.

Не прошло и пяти минут, как вдруг негр вскочил так стремительно, словно кто-нибудь дал ему сзади пинка. В то же мгновение у него вырвался крик: «Бог ты мой!»

— Что случилось, Снежок? — спросил Брас.

— Ш-ш-ш! Неужели не слыхали?

— Да нет же, — ответил матрос.

Юнга тоже подтвердил, что ничего не слышал.

— Ну, а я слышал.

— А что ж такое?

— Сам не знаю.

— Да это, верно, зашипели акульи бифштексы или, может, птица пискнула в воздухе.

— Ну нет, не то и не другое. Ш-ш! Масса Брас, знаете, что мне показалось? Совсем особенные звуки —

будто самые настоящие человеческие голоса. Тихо, помолчите минутку! Авось опять услышим!

Как ни мало поверили Снежку его спутники; пришлось повиноваться. Пожалуй, они и не обратили бы особенного внимания на его слова, если бы не знали, что негр от природы был одарен исключительно острым слухом. Об этой способности можно было судить по его большим, прекрасно развитым ушам. Впрочем, это и без того было известно нашим скитальцам, так как и раньше они не раз убеждались в его чудесном даре. Поэтому они, последовав его совету, замолчали и стали внимательно прислушиваться.

В это мгновение, к удивлению Бена Браса и Вильяма, а также и самого негра, снизу донесся тоненький голосок Лали.

— Снежок! — позвала девочка, обращаясь к своему постоянному покровителю. — Я слышу, как люди разговаривают. Вон там, на воде. А ты разве не слышишь?

— Ш-ш-ш, маленькая! — хрипло зашептал негр, наклонившись вниз, к Лали. — Тихо, милочка, не болтай чепухи! Смотри же ни словечка, будь славной девочкой!..

Ребенок, напуганный этим градом посыпавшихся предостережений, замолчал. Снежок сделал знак товарищам соблюдать тишину и снова стал напряженно вслушиваться.

Это лишнее свидетельство убедило Бена Браса и юнгу, что негр действительно слышал нечто большее, чем шипение акульего жаркого; без дальних слов они последовали его примеру и стали прислушиваться.

Ждать пришлось недолго.

Они и сами услышали звуки, которые никак нельзя было спутать с шумом океана. То были голоса людей.

Голоса раздавались издали, хотя, возможно, были ближе, чем казалось.

Виною тому был густой туман, который, как известно, заглушает всякий шум.

Впрочем, расстояние, будь оно далеким или близким, все сокращалось. Прислушиваясь, катамаранцы уже через несколько минут убедились, что люди, произно-

сившие эти звуки, эти слова, приближались к кашалотовой туше.

Как же они двигаются сюда? Ведь не пешком же по воде? Значит, они на борту корабля?

Вопросы эти волновали наших путешественников. О, если бы только можно было получить благоприятный ответ! Тогда и они, в свою очередь, закричали бы «ура». И в надежде на ответный отклик сквозь мрачную сень тумана понесся бы морской привет: «Эй, на корабле, эй!»

Но почему же его не слышно? Почему люди с «Катамарана» стоят, прислушиваясь к этим голосам, и не подают сигнал, а в их взглядах читается скорее страх, нежели радость избавления?

Впрочем, достаточно нескольких слов, вырвавшихся у Бена Браса, чтобы объяснить и это молчание и недовольство, читающееся на их лицах.

— Проклятие! Это большой плот!

Глава LXXXI

НЕПРИЯТНЫЕ ДОГАДКИ

— Проклятие! Это большой плот!

Что за странные речи ведет матрос и почему так зловеще звучит его голос? Откуда эти злые предчувствия? Почему это суденышко, которое они зовут «большой плот», внушает такой страх всей команде «Катамарана»?

Ну, что касается Бена Браса и юнги Вильяма, здесь все ясно. Пусть читатель припомнит, как встревожились они сначала, услыхав точно так же, как сейчас, во мраке ночи, голоса Снежка и крошки Лали; с какими предосторожностями, с какой опаской они долго не решались приблизиться к негру, спрятавшемуся за бочками. Вспомним, почему они были так настороже: юнгу терзал настоящий ужас перед этой шайкой людоедов, которая не задумается его сожрать, а великодушный его защитник опасался стать жертвой их мести.

Все эти страхи еще не были позабыты и ожили с новой силой при одной только мысли: а может, большой плот близко?

Снежку незачем было бы так бояться матросов с «Пандоры», если бы не припомнилось ему кое-что. Как раз перед самым взрывом на невольничьем судне он понял по злобному обхождению капитана и его помощника, что они считают виновником катастрофы именно его. Негр знал, что это справедливо, и в то же время имел все основания полагать, что и остальные матросы отнюдь не заблуждаются на этот счет. Больше он с ними после этого не встречался, — и к счастью для него, так как иначе они наверняка выместили бы на нем всю свою безудержную ярость. У Снежка хватило ума это понять. И вот почему он так же сильно, как Бен Брас и юнга, жаждал избежать дальнейших встреч с затерянным в океане экипажем погибшего корабля.

Маленькой же Лали нечего было особенно бояться. Но она испугалась, видя страх своих спутников.

— Большой плот... — проговорил Снежок, машинально повторяя последние слова матроса. — Неужели это он, масса Брас?

— Разрази меня гром! Не знаю, что и думать, Снежок... Если только это он...

— А вдруг он, что тогда? — спросил негр, видя, что Брас неожиданно остановился и не договорил.

— Ну тогда нам несдобровать, попадем в переделку! Навряд ли они разжились где-нибудь провизией с тех пор, как мы дали от них тягу! Чудно́, право, как это они выжили, если только это действительно матросы с «Пандоры». Может, им, как и нам, удалось раздобыть мяса акулы, а может, они ели...

Тут матрос внезапно оборвал речь, взглянув на Вильяма. Видно, то, что он хотел сказать, не годилось для ушей подростка.

Впрочем, Снежок отлично его понял и в знак согласия глубокомысленно покачал головой.

— Опять же, насчет воды, — продолжал матрос. — В ту пору у них еще оставалось немножко, ну а сейчас наверняка вся вышла. Зато рому у них было — море

разливанное! Да это и к худшему, отсюда и пошли все беды. Правда, во время дождя они могли набрать воду в рубашки или в брезент, как и мы. Только где уж им — не такие они люди, чтобы об этом позаботиться, когда рядом стоит вот эдакая бочища с ромом! Ну, а сейчас, я думаю, если у них и было чего пожрать — ты меня понимаешь, Снежок, — то уж воды ни капли! Подыхают, поди, от жажды. А раз так...

— ...а раз так, значит, они отберут у нас всю воду, какой мы запаслись. Тут нам и крышка!

— Это-то уж наверняка, — продолжал матрос. — Да ведь им этого мало — украсть нашу воду, что нам дороже всего на свете. Обдерут все дочиста, да еще и убьют в придачу... Дай бог, чтобы это были не они.

— Что вы говорите, масса Брас? А если это гичка с капитаном и матросами? Как вы думаете?

— Что ж, может, и так, — ответил Бен. — Они у меня и вовсе из головы выскочили. Все может быть. Ну тогда еще с полбеды: нам нечего их так бояться, как тех, с большого плота. Пожалуй, им не приходится так тяжко. Ну, а если им и туговато, все же их не так много, чтобы нас запугать. Там и всего-то человек пять — шесть. Я беру на себя троих из шайки; ну а вы с Вильямом зададите хорошенькую взбучку остальным. Эх, кабы это были они! Но едва ли: лодка у них хорошая, есть и компас; стоило им только как следует взяться за весла, так их давно уж и след простыл. Эй, друг, у тебя уши получше! Навостри-ка их хорошенько да послушай. Ведь голоса матросов с «Пандоры» тебе все знакомы — попытайся, может, кого и признаешь.

За все время, пока негромко, почти шепотом, шел этот разговор, таинственные голоса молчали. Сначала, как только они послышались, казалось, будто разговаривают два — три человека. Впрочем, звуки доносились крайне неясно, словно люди находились еще далеко или же говорили очень тихо.

Теперь катамаранцы прислушивались, ожидая, не донесется ли до них какое-нибудь громче сказанное слово, и в то же время им этого вовсе не хотелось. Они предпочли бы никогда не слышать этих голосов.

Одно время казалось, что их мольба услышана. Прошло целых десять минут — и ни звука, ни голоса...

Сначала молчание успокоило их. Но вдруг в уме у Бена Браса мелькнула новая догадка — и все его думы и стремления приняли совершенно иной оборот.

А что, если они слышали голоса совсем чужих людей? Почему это обязательно должна быть команда погибшего невольничьего судна: либо негодяи-людоеды большого плота, либо капитанская шайка на гичке? Кто знает, может, все-таки это разговаривают матросы на палубе китобойца?

Бывший гарпунер об этом прежде не подумал. А теперь догадка так потрясла его, что он с трудом заставил себя сдержать крик: «Эй, на корабле!»

Но помешала другая, быстро мелькнувшая мысль, которая снова призвала его к осторожности. Если эти люди, голоса которых они слышали, не команда китобойца, а матросы с невольничьего судна, то окликнуть их — значит, наверняка навлечь неизбежную гибель на себя самого и на своих спутников.

Он шепотом поделился своими мыслями со Снежком, на которого они произвели точно такое же впечатление. Негру так же страстно хотелось крикнуть: «Эй, на корабле!» — и в то же время он сознавал, насколько это опасно.

Противоречивые чувства боролись в груди у обоих друзей. Как больно было думать, что тут же, рядом, так близко, что можно его окликнуть, находится корабль, который мог бы спасти их от всех опасностей! И, быть может, корабль так и пройдет мимо, бесшумно скользя по воде, скрытый от их взоров этим густым туманом. Еще какой-нибудь час, и он очутится далеко в океане, и никогда больше его команда не услышит зова наших скитальцев.

Одно-единственное слово, один возглас — и они спасены! И все-таки катамаранцы не решались: ведь этот крик может выдать их врагу и погубить.

Ими овладело сильное искушение: рискуя жизнью, дать опасный сигнал. Несколько секунд они колебались — молчать или окликнуть: «Эй, на корабле!» Но

осторожность советовала замкнуть уста, и под конец восторжествовало благоразумие.

Такое решение было принято не случайно. Бывший гарпунер пришел к нему путем размышлений, основанных на его прежнем профессиональном опыте.

Если это китобойное судно, рассуждал Бен Брас, то оно должно вернуться на поиски кашалота. Команда знает, что кит убит: об этом говорят и буи и флаг. Бен Брас был уверен, что матросы непременно захотят вернуться на розыски кашалота. Именно эта уверенность все время поддерживала в нем надежду и заставляла его так долго оставаться подле кашалотовой туши. Не каждый день удастся подцепить посреди океана этакую находку — кашалота, который может дать без малого сотню бочек спермацета! Он знал, что такое сокровище не бросишь на произвол судьбы, а попытаешься отыскать во что бы то ни стало.

Все говорило за то, что голоса послышались с китобойца. А в таком случае команда, задавшаяся целью найти кита, едва ли решится продолжать путь в тумане. Скорее, они лягут в дрейф и станут дожидаться, покуда погода не прояснится. Таким образом, катамаранцы все-таки могли надеяться, что, когда туман рассеется, они увидят страстно желанный корабль на месте. И они решили хранить молчание.

Было еще очень рано. Заря только занималась. Когда появится светило и его могучие лучи разгонят мрак, тогда только наши скитальцы убедятся окончательно, чьи это голоса: людей или же людоедов, этих чудовищ в образе человеческом!

Глава LXXXII

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Им не пришлось дожидаться, пока спадет туман. Задолго до того, как солнце приподняло дымку с океана, катамаранцы уже знали, кто их соседи. Нет, то были не друзья, а смертельные враги, те самые, которых они так боялись.

Открытие не заставило себя долго ждать. Дело обстояло так.

Все трое, Снежок, матрос и Вильям, по-прежнему оставались на туше кашалота, внимательно вслушиваясь. Бен Брас с юношей стояли, а негр полулежал, приникнув своим большим ухом к коже кита; видно, он считал, что так слышнее.

Напрягать слух им, однако, не пришлось. Когда наконец донесся звук — это оказался человеческий голос, да такой громкий и грубый, что даже глухой мог бы его расслышать.

— Черт побери! — воскликнул кто-то с явным изумлением. — Поглядите-ка, ребята! Среди нас мертвец!

Если бы эти слова произнес сам демон тумана, они не могли бы сильнее потрясти ужасом наших скитальцев, стоявших на спине у кашалота. Иностранный акцент и кощунственное ругательство могли изобличать любого, говорившего по-французски, но самый голос нельзя было не признать по его тембру: слишком часто гремел он у них в ушах с такими же резкими, неприятными интонациями.

— Ох, да это масса Легро! — пробормотал негр. — Каждый скажет — это он!

Друзья не ответили Снежку. Впрочем, ответа и не требовалось. В тумане зазвучали новые голоса.

— Мертвец? — вскричал другой моряк. — Ну да, так и есть. Кто такой?

— Да это ирландец! — воскликнул третий. — Смотрите, его убили! Вот и нож торчит меж ребер. Зарезан!

— Ну, это его нож! — произнес кто-то. — Как мне не узнать! Ведь раньше он мне принадлежал. Взгляните, там, на ручке, должно быть проставлено имя хозяина. Он тут же его и вырезал, в тот самый день, как купил нож у меня.

Наступила пауза, матросы замолчали, словно желая проверить сказанное.

— Правильно! — сказал один из них, продолжая вести самочинное следствие. — Вот оно, имя, — Ларри О'Горман.

— Он покончил с собой! — произнес еще один, раньше молчавший матрос. — Это самоубийство!

— А что мудреного? — подтвердил другой. — Так или иначе, ему была бы крышка. Вот парень и надумал: чем скорее, тем лучше, да и с плеч долой!

— Как так? — спросил еще один, видимо не согласившись с мнением тех, которые высказывались до него. — Зачем же помирать было ему одному, а не всем нам?

— Забыл, что ли, брат, сегодня ему драться с мосье Легро?

— Нет, не забыл. А что с того?

— А ну-ка, пораскинь мозгами!

— Никак не пойму, почему именно он был на очереди отправиться к праотцам, а никто иной. Эй, ребята, смотрите! Дело тут нечисто! Ирландца зарезали его собственным ножом! Это-то ясно. Вряд ли он сам над собой совершил. На кой черт это ему сдалось? Тут дело нечисто!

— А виновник кто, на кого думаешь?..

— Не знаю я ничего, братцы! Если видели, скажите. Кто-нибудь да знает, как все это вышло. Мокрое дело, не иначе! Назовите злодея!..

Молчание длилось больше минуты. Никто не отвечал. Если матросы и знали, кто убийца, они не собирались его выдавать.

— Послушайте, ребята! — вмешался какой-то матрос, чей резкий голос прозвучал, словно крик гиены. — Я хочу жрать, как акула, у которой все нутро рассохлось с голодухи. Давайте отложим разбирательство, покуда не перекусим. Там будет видно, кто его на тот свет отправил. А может, никто и не виноват. Ну, что скажете?..

Никто не ответил на это гнусное предложение.

Тут опять раздался громкий крик, вызванный совершенно иной причиной. Все, что говорилось в дальнейшем, не имело никакого отношения к обсуждавшемуся вопросу.

— Огонь! Огонь! — вопили голоса.

— Тот самый, что мы видели вчера ночью! Камбуз-

ная печь! Э, да судно близехонько — всего каких-нибудь ярдов сто!

— Эй, на корабле! Корабль, эй!

— Эй, на корабле! Что за судно?..

— Эй, вы, там! Что ж вы, черти, не отвечаете?

— За весла, ребята! Живо за весла! Заснули там эти олухи, что ли, глаз еще не продрали?.. Эй, на корабле, эй, эй!..

Нетрудно было догадаться, что значат эти речи. Матрос и Снежок безнадежно переглянулись. Они уже узнали, что творится за спиной у них. Там, в самодельном очаге, ярко пылал спермацет, и над огнем румянились бифштексы. Взволновавшись, они совсем позабыли обо всем этом. Пламя, светясь сквозь туман, выдало их присутствие людям на плоту. Катамаранцы услышали приказ сесть за весла, смутно уловили тотчас же раздавшийся плеск воды и поняли, что большой плот несется прямо на них.

Глава LXXXIII

ЕСТЬ ВЫТРАВИТЬ ТРОС!

— Вон, вон они! Сюда плывут!.. — пробормотал Снежок. — Что делать, масса Брас? Если останемся, несдобровать нам!

— Останемся? Как бы не так! — воскликнул матрос. Теперь он говорил громко, так как шептаться уже не было смысла. — Все, что угодно, только не это!.. Живей, Снежок, живей, Вильм! Обратно на плот! Дай бог ноги, только бы выбраться отсюда, с этой китовой туши, подобру-поздорову! У нас еще много времени, а там посмотрим, чья возьмет! Да не вешай ты нос, Снежок! Наш старый «Катамаран» — суденышко что надо! Я строил его сам, а ты мне помогал. Помнишь, друг? Уж мне ли не знать, каков он на ходу! Мы их еще перегоним!

— Обязательно, масса Брас! — подтвердил Снежок и сразу же вслед за матросом спустился вниз по канату на «Катамаран», где их уже ждал Вильям.

Перерезать канат, которым маленькое суденышко было прикреплено к плавнику кашалота, и оттолкнуть плот от причала оказалось делом нескольких минут.

Однако как ни кратки были эти мгновения, за это время взошло солнце и вся панорама чудесно изменилась.

Туман, носившийся над океаном, почти растаял в его жарких лучах, и глазам открылась непривычная картина. Все предметы поблизости от убитого кашалота можно было охватить одним взглядом — все они были на виду.

Как гигантская черная скала, возвышалась над морем туша морского великана. Сбоку виднелся крошечный «Катамаран» с поднятым парусом, только что отчаливший от нее. На нем хлопотала команда: двое мужчин и парнишка; ведь маленькая креолочка была только пассажиркой. Мужчины энергично работали веслами, а мальчик держал руль.

Меньше чем в ста ярдах за кормой виднелся большой плот и на нем около двадцати неясно различимых фигур. Кто сидел за веслами и усердно греб, кто правил рулем, а кто возился с парусом. Два матроса стояли на носу, громко отдавая приказания. Все они, видимо, были поражены столь неожиданно открывшейся картиной и не знали, что подумать, куда держать курс.

Люди на большом плоту были взволнованы и удивлены сильнее, чем катамаранцы: эти уже больше ничему не удивлялись. Они поняли все, едва только услышали голоса матросов, принимавших участие в своеобразном следствии, производившемся на плоту. Изумление, которое они испытывали сначала, теперь сменилось страхом.

А матросы на большом плоту все еще не могли оправиться от потрясения. Да и не мудрено — любого поразило бы это видение, которое так внезапно возникло у них перед глазами, сначала смутно рисуясь в тумане, но мало-помалу становясь все отчетливее.

Сколько же здесь удивительного! Вон гигантская туша кита; на спине у него разведен костер, и языки пламени высоко вздымаются к небу; над огнем

стоит «журавль», и на нем что-то подвешено для копчения; рядом — плот, так похожий на их собственный, с таким же парусом и пустыми бочками, поддерживающими его на плаву; на нем хлопочут трое людей, — все эти чудеса, все эти странные, необычайные явления могли изумить самого равнодушного наблюдателя. Некоторые матросы чуть языка не лишились на время; зато другие бурно выражали свое удивление громкими криками и возбужденными жестами.

Первый приказ, который отдал Легро (это его голос услышали на «Катамаране»), был следующий: идти полным ходом к темной массе, или, вернее, к маяку, пылающему на ее вершине. Матросы тотчас же повиновались. Всех их мучил какой-то безотчетный страх: а вдруг огонек, как и прежде, снова скроется с глаз?

Но по мере того как они подходили ближе и туман редел, все становилось виднее. Изумление матросов не уменьшилось, но они стали лучше ориентироваться в окружающей обстановке.

Поспешное отступление катамаранцев само по себе уже было показательно: маленький плот отчаливал. Это больше, чем что-либо другое, помогло матросам с «Пандоры» понять, почему те пустились в бегство.

Сначала они никак не могли сообразить, что это за люди на маленьком плоту. Было видно, что их четверо, но туман все еще мешал ясно разглядеть их фигуры, черты и выражение лиц. Будь там только двое, а вместо плота — простой помост из досок, тогда, пожалуй, можно было бы догадаться. Ведь, помнится, именно на таком плоту удрали Бен Брас с мальчишкой. Может быть, это они и есть? Но кто же тогда двое остальных? И откуда взялись на этом стремительно убегающем суденышке шесть бочек, парус и прочие корабельные принадлежности?

Матросы не стали терять время на догадки. Хватит и того, что эти четверо, увидя их, пустились наутек. Уже одно это казалось неопровержимым доказательством того, что у них имеется что-то ценное, что стоит спасать, — неужели вода?

Кто-то обронил это слово. Оно внесло сильнейшее смятение в эту разноплеменную команду, где все терзались мучительной жаждой. Не колеблясь ни мгновения, матросы кинулись к веслам и изо всех сил пустились в погоню за «Катамараном».

Глава LXXXIV

ПОГОНЯ

На веслах и под парусом матросы в несколько минут добрались до кашалотовой туши. Они ее хорошенько разглядели, догадались, как она сюда попала, но все еще не могли надивиться фейерверку там, наверху.

Когда они проходили под сенью этой громадины, кто-то предложил сделать остановку, уверяя, что пищи здесь хватит на всех. Но большинством предложение было отвергнуто.

— К черту! — загремел властный голос Легро. — Пищи у нас вдоволь! Вода — вот что нам нужно сейчас до зарезу! Где мы возьмем воду на ките? А вот у тех, кто удирает, кто бы они ни были, уж наверняка есть вода. Давайте сначала пустимся за ними! Нагоним — и сразу же обратно. А если не удастся, вернемся все равно!

Это показалось настолько разумным, что никто не возражал. Под одобрительный гул голосов решение было принято. Гребцы с новыми силами взялись за весла, и плот промчался мимо туши, оставив позади, за кормой. и черную массу и пылающий на ней маяк.

Словно пытаясь оправдать свое поведение перед остальными, Легро продолжал:

— Не дрейфьте, найдем эту дохлую рыбищу! Глядите, туман рассеивается. Еще полчасика — и следа от него не останется. Да мы увидим эту китовую тушу миль за двадцать: вон какой дым от нее валит, словно из пекла! Гребите так, чтобы чертям тошно стало! Видите эти бочки?.. Уж будьте покойны — в какой-нибудь из них отыщется водица! Подумать только — вода!

Пожалуй, не требовалось повторять это магическое слово, чтобы вдохнуть новые силы в измученных жаждой моряков. Они и так уже гребли что было сил.

Погоня длилась примерно минут десять: их разделяло каких-нибудь двести ярдов или чуть меньше.

Собственно говоря, они уже могли смутно видеть друг друга, но черты лица все еще нельзя было разглядеть.

У катамаранцев было одно преимущество: они-то знали, кто гонится за ними по пятам.

Зато матросы на большом плоту и понятия не имели, кто эти четверо и почему они так стремятся уйти от встречи. Было видно, что взрослых только двое, но это не давало ключа к разгадке: кто же эти беглецы?

Разумеется, никто и не подумал перебрать в уме всех, кто вместе с ними совершал рейс на «Пандоре». Но если бы это даже и пришло кому-нибудь в голову, ни один из них не поверил бы даже на минутку, что черный кок Снежок и португальская девочка, которую, кстати, редко даже видели на палубе невольничьего судна, сумели остаться в живых.

Только когда туман совсем рассеялся — вернее, поредел настолько, что казался прозрачной дымкой, — преследователи узнали беглецов.

И тут все сомнения исчезли.

Одного из четверых на палубе стремительно убегавшего суденышка можно было признать безошибочно. Этот гигантский округлый торс, покрытый черной кожей и увенчанный шарообразной головой, из всех живых существ на земле мог принадлежать лишь бывшему коку с «Пандоры». Негр разделся, чтобы ему удобнее было грести. Какое тут может быть сомнение! Разумеется, это Снежок.

Как только негра узнали, матросы разразились криками. В течение нескольких минут воздух звенел голосами его бывших спутников, убеждавших африканца «отдать якорь».

— В дрейф, Снежок! — кричали матросы. — Зачем перерубил трос?.. Стой, погоди! Держись! Сейчас подойдем. Не бойся — худа не сделаем...

Узнав негра, матросы закричали:

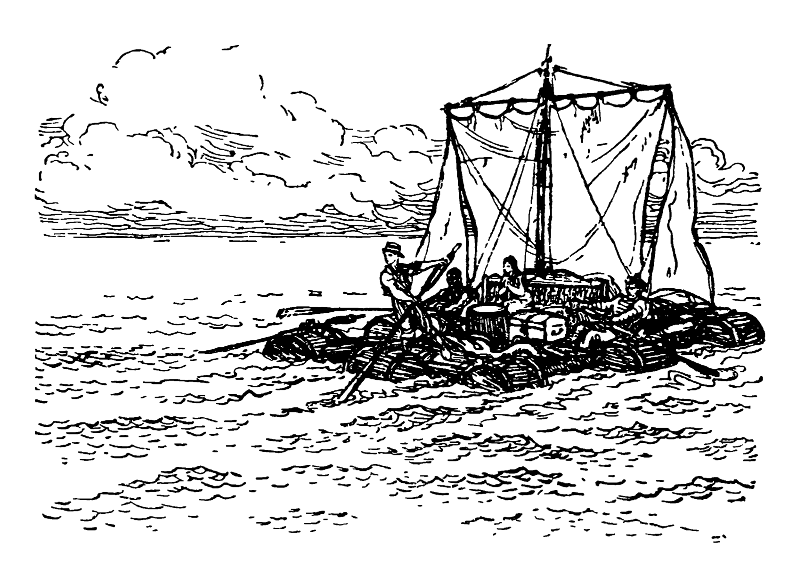
Снежок «держался», правда, не так, как хотелось бы его прежним сотоварищам. Все их просьбы имели как раз обратное действие: он с еще большей силой принаялег на весла, чтобы избежать этой «дружеской встречи», грозившей, как ему было отлично известно, неминуемой гибелью.

И Снежок не поддался на уговоры. К тому же Бен Брас подавал ему здравые советы. Поэтому негр оставался глух ко всем настояниям преследователей и в ответ только энергичнее работал веслами.

Уговоры сменились приказами, затем угрозами и протестами. Матросы клялись жестоко отомстить Снежку и всячески расписывали те страшные муки, которые ждут его, стоит только ему попасться к ним в руки.

Но угрозы не действовали, так же как и слезные мольбы. И матросы, мало-помалу убедившись в этом, притихли.

Молчаливое, но упорное сопротивление, с которым Снежок отклонял все их домогательства, привело в



«В дрейф, Снежок! Стой, погоди!»

ярость тех, кто раньше тщетно его молил, и в порыве злобы они с еще большей энергией пустились вдогонку за убегавшим от них суденышком.

Между преследователями и беглецами все еще оставалось двести ярдов. Двести ярдов в океане, на ровном, без препятствий, пространстве! Что будет дальше: уменьшится ли расстояние и «Катамаран» попадет в лапы врагу или же расстояние будет увеличиваться и плот спасется?

Глава LXXXV

ВСЁ БЛИЖЕ И БЛИЖЕ

Что ждет катамаранцев — избавление или плен? Вот что занимало умы обеих команд: и тех, кто убегал, и тех, кто преследовал. Впрочем, вопрос этот и не обсуждался.

На обоих плотах люди из сил выбивались: одни, чтобы убежать, другие — помешать их бегству. Но как

непохожи были причины, толкавшие на борьбу каждую из сторон!

Катамаранцы верили, что, идя на веслах и под парусом, борются за собственную безопасность; и они не заблуждались, так как матросы с «Пандоры» охотились за ними с самыми враждебными намерениями, стремясь отнять у них все, даже самую жизнь.

Так неслись они в безбрежном океане. Страх неудержимо гнал беглецов вперед. За ними летела погоня, обуреваемая кровожадными инстинктами.

«Катамаран», бесспорно, превосходил большой плот мореходными качествами, и, будь только ветер немного посвежее, наши скитальцы вскоре оставили бы преследователей далеко позади.

На беду, сейчас дул самый слабый бриз, и потому исход погони решали весла.

Тут «Катамаран» сильно уступал своему сопернику: на нем имелась всего одна-единственная пара весел, а на большом плоту матросы располагали примерно двенадцатью парами, включая гандшпуги и прочие корабельные принадлежности. И в самом деле, когда команда пустилась в погоню, за весла взялась сразу целая дюжина гребцов.

Пусть даже они гребли не в такт и неумело, все-таки им всем вместе удавалось нагонять скорость, бо́льшую, чем на «Катамаране»; и экипаж маленького плота с ужасом увидел, что преследователи берут верх.

Расстояние сокращалось хотя и не очень быстро, но заметно.

Тревога росла: еще немного — и их настигнут.

Под такой угрозой люди, склонные легко падать духом, прекратили бы всякие усилия и сдались на милость рока, казавшегося почти неизбежным.

Но ни английский матрос, ни негр не были малодушными. Это были люди прочной закалки. Даже сейчас, когда исход погони складывался не в их пользу, они обменивались ободряющими словами, поддерживая друг друга в обоюдном решении: не складывать рук до тех пор, пока между ними и их безжалостными преследователями останется хотя бы только шесть футов.

— Нет, — воскликнул матрос, — не к чему весла бросать! От них пощады не жди, что от твоих акул. Знаю я их повадки!.. Держись, Снежок, ни одного удара веслом зря! Авось мы еще вымотаем из них душу!

— За меня не тревожьтесь, масса Брас! — возразил негр. — Я буду грести, пока есть хоть капля силы в руках и дыхание в груди. Будьте покойны!

Казалось, команда «Катамарана» вступила в борьбу с самой судьбой. Но не все еще было потеряно. Что-то должно было их ободрять и воодушевлять на новые усилия. Но что же?

Чтобы ответить на этот вопрос, стоило только оглянуться назад.

Там, на некотором расстоянии от преследующего их плота, на водной глади можно было заметить нечто новое. Наискось через весь горизонт протянулась темная полоса. Рядовой наблюдатель, пожалуй, не обратил бы на нее внимания, но для опытного глаза Бена Браса (моряк сидел за веслами лицом как раз в ту сторону) эта полоса имела особый смысл. Он знал, что скоро волнение на море усилится и ветер будет крепчать. Да и тучи, собиравшиеся с огромной быстротой за кормой, указывали, что надвигается буря.

Бен Брас тут же поделился своими наблюдениями со Снежком. И это окрылило их надеждой на спасение.

Оба думали, что сильный попутный ветер поможет им уйти от преследователей. По-прежнему сосредоточив все силы на том, чтобы вести вперед «Катамаран», они в то же время глаз не спускали с океана за кормой, следя за ним еще с большей тревогой, чем за нагонявшими их матросами.

— Эх, только бы не подпустить их близко! — прошептал Бен Брас товарищу-гребцу. — Продержаться бы еще хоть четверть часика! Бриз вот-вот настигнет, а тогда у нас будет хоть капля надежды. Сейчас они нас нагоняют, но ветер нагонит их, пожалуй, еще быстрее. Эх, подул бы ветерок, свежий, крепкий! Видишь, вода рябит там, в трех узлах, за кормой большого плота?.. Греби же, Снежок, коли жизнь мила! Гром меня разрази! Вон они нас нагоняют!

В последних словах матроса прозвучала нотка отчаяния: как видно, «капитану» «Катамарана» положение стало казаться безнадежным. Снежок только печально кивнул головой в знак согласия: бывший кок разделял мрачные предчувствия своего товарища.

Глава LXXXVI

ПЕРЕРЕЗАН ПОПОЛАМ

Несколько секунд матрос и Снежок молчали. Оба были слишком заняты греблей и своими наблюдениями, чтобы найти время для разговоров.

Преследователи подняли крик. Пока не было полной уверенности в исходе погони, матросы держались молча, но, как только они убедились, что их неповоротливый плот идет быстрее и перегонит «Катамаран», в воздухе снова зазвучали их дьявольские, злобные голоса. Беглецам вдогонку неслись грозные оклики, требования остановиться вперемешку с угрозами жестоко отомстить за неповиновение.

Особенно выделялся угрожающими речами и жестами один из них, видимо занимавший важное положение на плоту. Человек этот был Легро.

Стоя впереди, почти на самом носу, с длинным багром в руке, он, казалось, командовал остальными, всячески подстрекая их к нападению. Слышно было, как он рассказывал своим, что видел у беглецов съестные припасы и воду, целую бочку воды, прикрепленную к «Катамарану».

Что до того, ложны или правдивы эти речи! Все равно они сделали свое дело, воодушевив матросов за веслами.

«Вода!» — звенело музыкой в ушах у них. При одном звуке этого слова все как один напрягли свои силы до предела.

Большой плот понесся еще быстрее, словно торопя развязку. Он нагонял своего соперника. Не прошло и десяти минут, как он очутился так близко от кормы

«Катамарана», что решительный человек мог бы перепрыгнуть с одного плота на другой.

Команда «Катамарана» смотрела с отчаянием — враг приближался...

Они видели, как сзади набегают черные волны с белыми пенящимися гребнями; видели, как небо над головой у них все больше и больше заволакивается грозовыми тучами. Но, казалось, небеса грозно хмурились словно для того, чтобы сделать еще мрачнее ужасную судьбу, настигающую их.

— Разрази меня гром! Слишком поздно! Нам уже не спастись! — вскричал Бен Брас, намекая на запоздалый ветер.

— Слишком поздно? — откликнулся Легро с большого плота.

Отвратительно было глядеть на француза: такой свирепый вид придавали ему белые зубы, хищно сверкавшие сквозь черные усы.

— Слишком поздно, говорите вы, Бен Брас? А почему бы это так, разрешите спросить? Для нас-то не поздно нахлебаться вволю из вашей бочки с водой! Ха-ха-ха!.. Эй ты, бродяга! — продолжал он, обращаясь к негру. — Ты что ж это весла не бросаешь? Черт побери! На что они тебе сдались, мерзкая черномазая образина? Не видишь разве — еще несколько секунд, и мы всех вас возьмем на абордаж? Весла долой, говорю тебе, и не задерживай! Посмей только ослушаться — шкуру спустим живьем, когда попадешься к нам в лапы!..

— Никогда, масса Гро, — гордо ответил Снежок, — не спустить вам шкуру с меня! Живым не дамся — раньше умру! Знайте, у меня есть нож. И, клянусь, не один из вас будет убит, покуда меня схватите! Так берегитесь же, масса Гро! Лучше вам связаться с самим дьяволом, чем наложить лапу на старину Снежка!

Француз не удостоил ответом эту угрозу противиться до конца. У него не было времени вести дальнейшие переговоры. Сейчас плоты сошлись так близко, что все его внимание было поглощено каким-то новым замыслом.

Легро, увидев, что «Катамаран» можно достать багром, схватил его и, наклонившись вперед, вонзил абордажный крюк в корму маленького суденышка.

Одну — две секунды длилась борьба, и в результате оба плота, верно, столкнулись бы, если бы не находчивость английского матроса: ловким ударом весла он не только оторвал багор от плота, но и вышиб его из рук Легро.

В то же мгновение француз, потеряв равновесие, покачнулся и внезапно провалился, но не упал навзничь, а продолжал держаться стоймя, словно ноги его попали в щель между бревнами плота.

Так оно и было. Как только на обоих плотах оправились после первого потрясения, все увидели, что от Легро осталось только полчеловека — с под мышек до макушки; нижняя половина туловища застряла между досками, не дававшими французу целиком погрузиться в море.

Быть может, для него лучше было бы совсем упасть в воду... Так или иначе, самый смелый прыжок вниз головой не мог бы кончиться для него более печально.

Не успел он провалиться между бревнами, как из глотки у него вырвался отчаянный вопль и все черты внезапно побледневшего лица дико исказились. Очевидно, произошло нечто более страшное, чем простой шок от падения в воду по пояс.

Один из товарищей — тот самый злодей, его сообщник, о котором мы уже говорили, — бросился вперед, чтобы освободить Легро из западни: было очевидно, что француз не может выбраться собственными силами.

Матрос схватил его за плечи и начал было тащить вверх, как вдруг неожиданно выронил и с криком ужаса отпрянул назад.

Столь странное поведение стало понятным, только когда все увидели, что́ обратило матроса в такое стремительное бегство.

Это был уже не Легро и даже не его труп — от него оставалась только верхняя часть туловища, начисто перерезанная на уровне живота словно гигантскими ножницами.

Легро покачнулся и внезапно провалился.

— Акула! — вскричал кто-то, высказывая общую мысль, которая одновременно пронеслась в уме у всех: и у матросов на большом плоту, и у команды «Катамарана».

Так плачевно завершилась жизнь этого грешника, который, безусловно, заслужил страшную кару и, наверно, не был достоин лучшей доли.

Глава LXXXVII

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ

Зрелище, столь неожиданное и, главное, столь жуткое, не могло не произвести сильнейшего впечатления на всех, кто был его очевидцем. Настроение преследователей изменилось, и они на время почти приостановили погоню. В свою очередь, катамаранцы ослабили усилия. На несколько секунд и та и другая сторона словно оцепенели под действием каких-то чар. На обоих плотах поднятые весла замерли в воздухе.

Эта передышка пошла на пользу «Катамарану», более легкому на ходу, чем плот преследователей. К тому же его команда скорее пришла в себя от изумления — какое им было дело до того, что приключилось с Легро! Спутники полусъеденного француза еще не решили, продолжать ли им погоню, а катамаранцы уже ушли вперед на расстояние, равное нескольким плотам в длину: так стремительно убегали они от опасного соседства.

Это удивительное событие настолько ужаснуло разбойничью шайку с «Пандоры», что одно мгновение они готовы были поверить во вмешательство сил, более могущественных, чем простой случай. Далеко не все из них были друзьями несчастного, на долю которого выпал столь необычный жребий. В их памяти все еще было свежо прерванное расследование; будь только оно доведено до конца, думали многие, виновность Легро была бы доказана и он был бы обличен как убийца О'Гормана.

На большом плоту многие и не подумали бы продолжать погоню, если бы дело шло только о том, чтобы отомстить за Легро. Но они все находились во власти иного, более могущественного побуждения: их терзала жажда, и они были убеждены, что на убегающем плоту найдется чем ее утолить.

На досках еще валялась половина туловища искалеченного француза. Но это недолго занимало их мысли. Вскоре они и совсем позабыли о нем, когда снова раздался крик «Вода!», заставивший их опять ринуться в погоню.

Еще раз взялись они за весла, еще раз принялись грести изо всех сил, но — увы! — с гораздо меньшим успехом. Мучительная жажда все еще гнала их вперед, но в их действиях уже не было прежнего единодушия, которое всегда является залогом победы. Не стало человека, который заставлял их идти за собой. И матросы действовали теперь так нерешительно и несогласованно, что заранее были обречены на неудачу.

Быть может, если бы все оставалось неизменным, они наверстали бы упущенные возможности и со временем нагнали беглецов на «Катамаране». Но за эти полные волнений минуты передышки на море произошла перемена, которая должна была решить судьбу и беглецов и преследователей.

Темная линия на дальнем краю горизонта, за которой с самого начала так пристально следили на «Катамаране», больше уже не была узкой полосой мрака. Все то время, пока длилась погоня, полоса росла и теперь закрыла небо и океан. Тяжелые, черные тучи заклубились на небе, быстрые пенящиеся волны вскипели на море, с разбегу ударяясь о бочки на обоих плотах. Все предвещало если не шторм, то, по крайней мере, сильный ветер. Казалось, теперь-то исход погони будет совершенно иной.

И вот все переменилось. К тому времени, как потерпевшие кораблекрушение матросы на своем неуклюжем большом плоту снова пустились в погоню, они увидели, что более легкий на ходу «Катамаран», широко распустив по ветру парус, стремительно ускользает от них.

Погоня прекратилась. Возможно, матросы и не отказались бы от нее, если бы волны, вздымавшиеся вокруг, не напомнили им о новой опасности. Пена захлестывала их с головой, океан с каждым порывом ветра грозил потопить их плохо управлявшийся плот. Хлопот у них было по горло, и, теряя последние остатки сил, они цеплялись за бревна своего кое-как сколоченного суденышка.

Глава LXXXVIII

ШТОРМ НАДВИГАЕТСЯ

Так еще раз катамаранцы избавились от страшной опасности, вырвались буквально «из когтей смерти».

Тот самый бриз, который так вовремя умчал их от преследователей «Катамарана», вскоре превратился в сильный ветер и все крепчал, обещая перейти в еще более страшное для мореплавателей явление — в грозу океана, шторм.

Плоты уже больше не были на виду друг у друга. И пяти минут не прошло после того, как Легро взял их на абордаж, а сильный ветер уже подхватил «Катамаран»: быстроходное маленькое суденышко далеко унеслось вперед от громоздкого вражеского плота.

Еще час — и «Катамаран» благодаря хорошему рулевому был на несколько миль дальше к западу. В это время большой плот, который не мог идти на веслах и плохо слушался руля, казалось, отдался на волю ветров. Матросы, находившиеся на нем, безнадежно пытались идти в фордевинд.

Несмотря на то что ветер крепчал, а океан все больше волновался, катамаранцы не отчаивались. Бен Брас словно не замечал опасности и уговаривал своих товарищей не падать духом.

Были приняты все меры, чтобы предотвратить возможную катастрофу. Как только катамаранцы заметили, что преследователи остались позади и что с этой стороны опасность им больше не грозит, они тотчас же спустили парус на мачте, так как ширина его

была слишком велика для все усиливающегося ветра. Его не убрали совсем, а только укоротили, зарифовав кое-как, чтобы наполовину уменьшить поверхность, подставляемую ветру. И это оказалось как раз тем маневром, который был необходим, чтобы сделать «Катамаран» более устойчивым на ходу.

Нельзя сказать, чтобы «капитан» и его команда не боялись за безопасность плота. Наоборот, они испытывали сильный страх, столь естественный в их положении, и поэтому принимали все меры, чтобы избежать грозившей гибели.

Положение, в котором они очутились, было для них совершенно ново. С тех пор как они соорудили свой незамысловатый плот, они ни разу не повстречали на своем пути шторм или хотя бы сильный ветер. С момента гибели «Пандоры» погода им благоприятствовала. Они плавали «в летних водах», посреди тропического океана, где нередко проходят целые недели, и ни ветры, ни волны не нарушают безмятежную морскую гладь, — словом, в океане, где штиль опаснее шторма. До сих пор они еще не сталкивались с резкими атмосферными явлениями; самое большее — их подгонял свежий бриз, и тогда «Катамаран» проявлял себя как превосходный парусник.

Но устоит ли он перед бурей, которая может перейти в шторм или даже в грозный ураган?

Предвидя эти события, наши скитальцы не слишком были уверены в своем благополучии. Они трепетали от ужаса. И они со страхом глядели ввысь, на все мрачнеющее небо и на бурю, готовящуюся вот-вот обрушиться на них.

Целое утро бриз все крепчал и в полдень стал очень сильным. К счастью для команды «Катамарана», он не перешел в шторм, иначе их утлое суденышко было бы разнесено вдребезги.

Хотя волнение на океане по сравнению с тем, что происходит в шторм, было весьма умеренным, команда едва могла сохранять свой плот в целости. Мало радости было думать, что, случись настоящий шторм, «Катамаран» непременно разлетится на куски. Они мог-

ли лишь тешить себя надеждой, что, прежде чем это произойдет, они пристанут к твердой земле или, что еще вероятнее, их подберет какое-нибудь судно.

Но сейчас катамаранцы и не помышляли о благополучном завершении странствий: так незначительны были шансы на спасение и такой отдаленной казалась самая его перспектива. Стоило им только задуматься над этим, как они вспоминали всю безвыходность положения и впадали в глубокое уныние. Впрочем, сегодня у них не хватало времени уноситься фантазией так далеко — к концу своих скитаний. Их тело и дух были слишком заняты тем, чтобы не дать этим странствиям трагически оборваться. Мало того, что им приходилось держаться настороже перед каждой накатывающейся волной и следить, чтобы «Катамаран» выдерживал ее натиск, — надо было еще присматривать, чтобы не разошлись связывающие бревна канаты.

Уже несколько раз океан обрушивался на них. Не будь крошка Лали и Вильям так крепко привязаны к основанию мачты, их обоих смыло бы волной и они, конечно, погибли бы в мрачной пучине океана.

Двое сильных мужчин с величайшим трудом могли удерживаться на плоту; чтобы их не смыло за борт, пришлось прикрепить и себя к бревнам, обмотав веревки вокруг кисти.

Однажды нахлынула громадная волна и затопила их, так что они очутились на несколько футов под водой. В этот тяжкий миг все четверо решили, что настал их последний час. Несколько секунд им казалось, будто они идут ко дну и никогда больше не увидят дневного света.

Скорее всего, так и случилось бы, если бы их не спасло своеобразное устройство плота: не так-то легко потонуть порожним бочкам — они тотчас же всплыли обратно на поверхность, снова вынеся вверх, из воды, «Катамаран» и его команду.

К счастью, Бен Брас и Снежок не слишком полагались на волю случая, когда строили свой необычный плот. Бывалый моряк предвидел, что их может застигнуть в пути такая буря, как сегодня. И вместо того что-

бы соорудить временное суденышко, годное для плавания только в тихих водах, матрос не пожалел трудов, стремясь сделать плот возможно более мореходным. Вместе со Снежком они приложили всю свою силу, чтобы попрочнее скрепить бревна и бочки канатами, и все свое мастерство для умелого использования не слишком-то пригодного материала, находившегося в их распоряжении.

Уже плавая на «Катамаране», они продолжали возиться с ним каждый день, чуть ли не каждый час, внося всё новые усовершенствования.

Зато теперь они пожинали плоды своих трудов — ведь только благодаря этой предусмотрительности и трудолюбию сумели они благополучно противостоять буре.

Понадейся они на удачу и предайся лености, что было бы, пожалуй, понятно в том отчаянном положении, в каком они тогда находились, сегодня наступил бы их последний день — «Катамаран», может быть, и не пошел ко дну, но развалился бы на куски, и никто из экипажа не остался бы в живых после такой катастрофы.

Как бы то ни было, и плот и команда выдержали бурю. Перед заходом солнца ветер стих, сменившись легким бризом. Тропическое море мало-помалу вернулось к своему обычному состоянию — наступило затишье. И «Катамаран», снова распустив свой широкий парус, устремился с попутным ветром вперед в лучах золотого светила, медленно спускавшегося к западному краю безоблачного неба.

Глава LXXXIX

ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ КРИК

Ночь оказалась приятнее дня. Ветер больше не был им врагом. Сменивший его бриз благоприятствовал скитальцам больше, чем полный штиль, так как делал их плот устойчивым против мертвой зыби.

К полуночи стихла и зыбь. Так как буря длилась недолго, то волнение было слабое, да и оно вскоре совсем улеглось.

Наконец-то они могли подумать об отдыхе, таком необходимом после стольких трудов и треволнений. Проглотив несколько кусков невкусной пищи и запив их чаркой разбавленного канарского, все легли спать.

Ни сырые доски, служившие постелью, ни насквозь промокшая одежда, облипавшая тело, не помешали им заснуть.

В более суровом климате им было бы, пожалуй, неуютно. Но здесь, в тропическом поясе, на океане ночью бывает так жарко, что «мокрые простыни» кажутся не только терпимыми, но порой даже приятными.

Итак, катамаранцы все до одного улеглись отдыхать.

Обычно они поступали иначе: по ночам кто-нибудь оставался на вахте — сам «капитан», или бывший кок, или же юнга. Само собой разумеется, малышка Лали была освобождена от этих обязанностей.

Такая обязательная ночная вахта имела двойной смысл: нужно было вести «Катамаран» по его курсу и в то же время наблюдать за морем, не покажется ли где парус.

В эту ночь, если бы они встали на вахту, им прибавилась еще одна обязанность: не следует забывать, что они все еще не избавились окончательно от своих недавних преследователей. Те, наверно, также шли под ветром.

Катамаранцы ни о чем не позабыли. Но хотя эта мысль не шла у них из ума, все равно они не в силах были противиться сну. Пусть плот идет куда хочет, пусть встречный корабль, если попадется на пути, неслышно проплывет мимо, пусть даже их нагонит большой плот, если так угодно судьбе, — будь что будет, ничто не помешает им заснуть глубоким, беспробудным сном.

И вдруг все разом проснулись — их поднял на ноги крик, который мог бы разбудить и мертвеца. Дикий вопль пронесся над морем с такими странными, нече-

ловеческими интонациями, что, казалось, он мог возникнуть только в пучине океана. Это был короткий, отрывистый крик, но такой громкий, что даже Снежок очнулся от оцепенения.

— Что за чертовщина? — первый спросил негр, потирая себе уши, чтобы убедиться, не сделался ли он жертвой иллюзии.

— Право, не знаю, — отозвался матрос, тоже ошеломленный тем, что слышал.

— Как будто кто-то тонет, масса Брас?

— Похоже, что акула разорвала человека... Так мне все это сразу и вспомнилось.

— Ей-богу, ваша правда! Точь-в-точь так кричал напоследок масса Гро!

— А все-таки, — продолжал матрос после минутного раздумья, — что-то непонятно. Не человек это крикнул, нет, нет! В жизни не слыхал, чтобы человеческая глотка могла издать такой вопль.

— А ведь большой плот не близко. Как вы вышибли багор тогда, мы и пустились наутек. Такой взяли старт, что куда уж тем с «Пандоры»! Им не удалось подойти хоть чуточку ближе — ей-ей, не вру! Нет, оттуда крика не услышишь...

— А вы поглядите-ка вон туда! Там что-то виднеется! — вскричал Вильям, вмешавшись в разговор.

— Да где же? Что там такое? — спросил матрос.

— Вон там! — ответил юнга, указывая вправо. — Примерно в трех кабельтовых от нас на воде. Какой-то черный предмет, вроде лодки.

— Лодка! Разрази меня гром! Да, теперь и я вижу. И правда она! Да только откуда ей взяться здесь, посреди Атлантического океана?

— Правильно, лодка! — вставил Снежок. — Могу сказать наверное.

— Похоже, что так, — сказал матрос, вглядевшись еще пристальнее. — Да, это лодка!.. Вот, вот, теперь еще лучше видно... Эге, в ней кто-то есть! Я вижу только одного: торчит посередине, будто мачта. Пожалуй, тот самый, что крикнул сейчас, если то не был сам дьявол. Нет, что ни говори, люди так не кричат!..

Словно в подтверждение последних слов матроса, крик снова повторился точь-в-точь, как прежде. Правда, сейчас, когда они уже очнулись ото сна, он произвел на них несколько иное впечатление.

Несомненно, это был голос человека — ничем иным он не мог быть даже в этой обстановке, — но человека, в котором угасла последняя искра разума.

Пожалуй, команда «Катамарана» еще оставалась бы в недоумении, если бы все ограничилось только этим вторично раздавшимся криком. Однако тотчас же полились какие-то речи — бессвязные, но все же членораздельные, затем раздался взрыв хохота, какой можно услышать только в коридорах дома для сумасшедших.

Все как один стояли, слушали и дивились.

Ночь была безлунная, темная, но уже близился рассвет. Заря окрашивала розоватыми тонами небо. В сером полусвете раннего утра, слабые лучи которого играли на поверхности воды, можно было отчетливо разглядеть любой предмет и на значительном расстоянии.

Действительно, вдали виднелось нечто вроде лодки, посреди которой маячила человеческая фигура. Да, это лодка и кто-то в ней стоит. Оттуда несутся эти восклицания, этот хохот, к которым они прислушиваются. Какое может быть сомнение — там сумасшедший!

Но безумец он или нет, зачем бежать от него? Здесь, па плоту, двое сильных мужчин, которые не побоялись бы встретиться с помешанным где угодно — пусть даже посреди океана. Нет, эта встреча им не страшна. Как только они воочию убедились, что увидели лодку и человека в ней, сразу же скомандовали: «Лево руля!» — и направили плот прямо к шлюпке.

Минут через десять после того, как наши путешественники изменили курс, они ясно увидели свою цель. Стоило им только всмотреться повнимательнее, и за несколько секунд их любопытство было удовлетворено вполне. Теперь они поняли, что собой представляет это странное суденышко и его еще более странный экипаж!

Перед ними была гичка с невольничьего судна, и посреди нее стоял капитан злосчастного, погибшего корабля.

Глава XC

БЕЗУМЕЦ ПОСРЕДИ ОКЕАНА

Теперь уже катамаранцам незачем было строить какие-либо предположения: ни таинственный предмет на воде, напоминавший лодку, ни человеческая фигура, там видневшаяся, не были больше загадкой. Тайна рассеялась, когда и гичка и человек в ней были опознаны.

Единственное, что их еще смущало — почему в лодке оказался только один человек вместо шести?

Там должно быть шестеро. Ведь именно столько спаслось в гичке с горящего судна: еще пять, кроме того, кто сейчас находится в ней и в ком, как ни страшно он изменился, все еще можно узнать капитана невольничьего судна.

А где же те, которых не хватает: помощник капитана, плотник и матросы — все, кто сбежал вместе с ним? Может быть, они лежат на дне лодки и потому их не видно с «Катамарана»? Или все они погибли в какой-нибудь страшной катастрофе и только этот один остался в живых?

Гичка сидела в воде неглубоко. Верхний край фальшборта заслонял от катамаранцев все, что там происходило. Если они хотели что-нибудь разглядеть, надо было подойти поближе, а на это они не решались.

В самом деле, как только наши путешественники узнали лодку и человека, они тотчас же спустили парус и легли в дрейф, работая веслами, чтобы держаться подальше.

Сделали они это под влиянием какого-то инстинктивного страха. Ведь те, кто спасся на гичке, ни на грош не лучше, чем люди с большого плота: на невольничьем судне командиры были такими же подонками, как и бóльшая часть матросов. Зная это, катамаранцы колебались — не опасно ли подойти близко? Если в лодке все еще оставалось шестеро, да вдобавок без пищи и без воды, то они ни на минуту не задумаются ограбить «Катамаран», так же как собирались те, другие, с большого плота. Пощады здесь не жди. А раз помощи не получишь, то лучше держаться от них подальше.

Мысли эти стремительно пронеслись в уме у Бена Браса, и он не замедлил сообщить их своим спутникам.

Но были ли те пятеро все еще в гичке?

Может быть, они лежат на дне? Впрочем, едва ли они спят. Да и как можно заснуть под эти вопли и стоны? Ведь капитан все еще продолжает кричать, лишь время от времени делая передышку.

— Гром и молния! — пробормотал Снежок. — Уж, верно, в лодке никого нет, кроме старого капитана. Да и от него самого осталась одна только шкура: ума-то он уже давно решился. Он буйный!

— Пожалуй, ты прав, Снежок, — согласился матрос. — Из всех только он один и остался. Видишь, как гичка высоко поднялась над водой? Может быть, кроме капитана, там и есть кто, но не больше одного, двух... Бояться нечего — можно подойти поближе. Давай повернем и как-нибудь пристанем к борту. Согласен?

— Да я не прочь, масса Брас... право, не прочь. Раз вы так думаете, так чего нам бояться? Я ведь такой — готов и на риск пойти. Если кто там и есть еще кроме нашего капитана, все равно им с нами не справиться. Мы двое стóим не меньше четверых, уж не говорю о нашем Вильме!

— Почти наверняка, — отвечал матрос, все еще колеблясь, — он там один. Лучше всего подойдем вплотную и захватим лодку. Пожалуй, придется нам с ним повозиться, если он и вправду спятил; а ведет себя он так, что, видать, совсем рехнулся. Ну да ничего, авось как-нибудь справимся!.. Лево руля!.. И давай разберемся хорошенько, что там такое творится!

Снежок взялся за рулевое весло и, повинуясь приказу своего «капитана», снова повел «Катамаран» к дрейфующей гичке, матрос же и Вильям стали грести.

Трудно сказать, заметил ли человек в гичке плот. Скорее всего, это не дошло до его сознания. Страшные вопли и бессвязные речи, казалось, ни к кому не были обращены. То был лишь дикий бред помешанного.

Все еще царил серый предрассветный сумрак, и над водой поднимались легкие испарения. Правда, катамаранцы даже сквозь дымку тумана узнали гичку и ка-

питана «Пандоры», но удалось им это потому, что все происшествия были слишком свежи в их памяти. И лодка и человек в ней виднелись лишь смутно. Возможно, капитан их не заметил и до сих пор не догадывается об их присутствии.

Пока они приближались, с каждым мгновением становилось все светлее. Теперь их, несомненно, уже увидели, так как человек в гичке продолжал вопить, выкрикивая бессмысленные слова: «Эй, парус! Корабль, эй! Что это за судно? Стой, будьте вы прокляты! Стой, чертовы олухи, а не то я вас потоплю!..»

Так беспорядочно выкрикивал он отрывистые фразы, перемежая их пронзительными воплями и сопровождая свою речь возбужденными и нелепыми жестами. Все это могло бы вызвать смех, если бы не производило такого гнетущего впечатления.

Свидетели этой сцены уже не сомневались: бывший капитан «Пандоры» сошел с ума.

Приближаться к нему опасно, — это понимали и катамаранцы. Поэтому, подойдя к лодке на полкабельтова, они перестали грести, решив вступить в переговоры и посмотреть, не удастся ли успокоить помешанного разумными словами.

— Капитан! — закричал моряк, окликнув своего бывшего командира самым дружелюбным тоном. — Это я! Неужели не узнаёте? Я — Бен Брас, матрос с вашей старой «Пандоры». Мы все время плавали здесь, на этом маленьком плотишке, с тех самых пор, как сгорело судно. Я и Снежок...

Дьявольский вой вырвался из глотки помешанного и прервал речь матроса, только что собравшегося вкратце рассказать о своих злоключениях. Теперь катамаранцы были так близко, что могли ясно видеть выражение лица капитана, его безумную мимику и дико вращающиеся глаза. Не могло быть сомнений, что он сошел с ума. Дальнейшие события вскоре доказали это.

Все время, пока матрос говорил с капитаном, тот молчал. Но, едва услышав слово «Снежок», сумасшедший неожиданно пришел в сильнейшее возбуждение: страшный крик потряс воздух, судорога исказила чер-

ты лица, глаза зажглись таким огнем безумия, что жутко стало глядеть.

— Снежок! — завопил он. — Ты сказал — Снежок, назвал имя этого чертова пса! Давай его сюда!.. Ах, дьявол его побери! Это он поджег мой корабль!.. Где он? Пустите меня к нему! Дайте задушить черномазого собственными руками! Я покажу подлому негру, как держать свечку, которая озарит ему дорогу прямо в ад! Снежок!.. Да где же он, где?

Его дико блуждающие зрачки внезапно застыли. И все видели, как он уставился на негра, словно отчаянно силясь разглядеть его.

Пожалуй, Снежок и задрожал бы под этим взглядом, да, к счастью, не успел его заметить. В тот же миг безумец снова испустил отчаянный вопль, подскочил на несколько футов вверх и стремительно ринулся в море.

На одну — две секунды он исчез под водой. Затем снова вынырнул на поверхность и, рассекая волны сильными взмахами, поплыл к «Катамарану».

Глава XCI

ПОТЕРЯВШИЙ РАЗУМ ПЛОВЕЦ

Еще несколько мгновений — и он был уже у самого плота. И как смогли бы скитальцы помешать ему взобраться на «Катамаран», не применив грубой силы? Пришлось снова схватиться за весла, и плот понесся в противоположную сторону.

Но безумец плыл с такой быстротой, что несколько раз едва не ухватился за борт рукой. Только когда Бен Брас и Снежок стали грести еще быстрее, они увидели, что сумасшедший их не настигнет. Опять началась погоня, которая пока что разыгрывалась вничью, так как и преследователь и беглецы шли почти с одинаковой скоростью, а если и был небольшой перевес, то на стороне капитана.

Трудно сказать, как долго могла бы длиться эта странная погоня. Быть может, до тех пор, пока не ис-

тощились бы силы, которые придавало капитану безумие, и он бы не утонул, — ведь несчастный как будто и думать забыл о том, чтобы вернуться к себе на гичку. Он ни разу даже не оглянулся посмотреть, как далеко позади она осталась. Нет, он плыл только вперед; и взгляд его оставался неотступно прикованным к тому, кто, казалось, всецело завладел его душой, — к негру. Сумасшедший думал только о нем — это было ясно из его речей. Даже в воде он призывал проклятия на голову Снежка: имя это не сходило с уст безумца, угрозы не прекращались.

Погоня не могла затянуться надолго, даже если бы продолжалась до полного изнеможения потерявшего рассудок пловца. Сверхъестественная сила, свойственная безумию, не всегда будет поддерживать его — рано или поздно настанет момент, когда он беспомощно пойдет ко дну.

Но рок судил иначе. Не такой смертью должен был погибнуть несчастный: его ждал иной, более страшный, насильственный конец. Сам он еще не подозревал ни о чем, а на «Катамаране» уже заметили приближение катастрофы.

Позади, на расстоянии меньше кабельтова, его преследовали два морских чудовища. Страшно было глядеть на этих тварей — то были акулы с головой-молотом! Они были отчетливо видны: поднявшись на поверхность, они плыли за ним, и их темные спинные плавники торчали кверху треугольными остриями. Хотя катамаранцы их прежде не замечали, но, как видно, акулы уже давно держались около гички, несомненно следуя за ней.

Сейчас они бок о бок неслись вперед, вслед за пловцом, с совершенно очевидными намерениями. Они гнались за ним так же яростно, как он гнался за «Катамараном».

Несчастный не видел их и вовсе о них не помышлял. Но даже если бы капитан их и заметил, он вряд ли сделал бы малейшую попытку спастись. Скорее всего, они показались бы ему такими же кошмарными видениями, как те, что уже теснились в его мозгу.

Так или иначе, ему не ускользнуть от этих грозных и разъяренных чудовищ, которые охотятся за ним, — разве только вмешаются люди на плоту. Но если они и пожелают протянуть ему руку помощи, то для этого потребуется самое быстрое и умелое вмешательство. И что же? Они не только захотели спасти его, но страстно устремились на помощь. Сердца катамаранцев дрогнули, когда они увидели этого несчастного помешанного в такой ужасной опасности. Пусть они страшились его, как самого смертельного врага, — все-таки это был человек, их ближний, который вот-вот должен был стать добычей акул.

Чем бы ни грозила эта опасная встреча с буйным помешанным, от которого можно было ожидать всего, — будь что будет! Они перестали грести и повернули обратно навстречу пловцу. Даже Снежок изо всех сил старался подвести «Катамаран» возможно ближе и поспеть на выручку бедняге, который стремился к собственной гибели, ослепленный безумной ненавистью.

Однако их добрые намерения оказались напрасными — человеку суждено было погибнуть! Акулы настигли его прежде, чем катамаранцы успели приблизиться и сделать что-нибудь для его спасения. Те, кто так жаждал его спасти, увидели это и прекратили все старания, оставшись свидетелями трагической катастрофы.

Все произошло с быстротой молнии. Чудовища подплывали к намеченной жертве с обеих сторон, и вот их неуклюжие тела очутились рядом с ним. Сначала ему попалось на глаза одно из них, и так как в этот момент инстинкт заговорил в нем сильнее развенчанного разума, несчастный метнулся в сторону. Но как раз это движение и бросило его во власть другой акулы — та молниеносно перевернулась на спину и схватила его своей широко разинутой пастью.

Раздался страшный крик, и катамаранцы увидели только полтуловища капитана.

Несчастный вскрикнул всего лишь раз. Он не успел повторить вопль, даже если бы хватило сил, — вторая акула подхватила изуродованный обрубок тела и унесла его в безмолвную пучину океана.

Глава XCII

НА ЛОДКЕ

Ход назад, к гичке!

Такое решение, естественно, возникло у команды «Катамарана» после того, как они сделались свидетелями ужасной сцены. Оставаться здесь было незачем. Мгновенно обагрившиеся кровью воды, где разыгралась трагедия, уже не представляли интереса для ее невольных зрителей. И, снова повернув плот к дрейфующей гичке, они направились к ней со всей быстротой, какую давали плоту весла и вновь поставленный парус.

Они уже не раздумывали, есть ли в лодке люди и спят они или бодрствуют. После всего, что случилось, трудно было представить, чтобы кто-нибудь находился на борту. Наверно, уже задолго до этого часа гичку покинули все, кроме одинокого безумца, который, стоя посередине ее, произносил свои бессмысленные речи, обращая их лишь к океану.

Куда же девались остальные? Вот что занимало команду «Катамарана». Но они так и не смогли найти ответа.

Оставалось только строить догадки; но ни одна из них не выдерживала критики.

Катамаранцы знали о том, что происходило на большом плоту, и это наполняло сердца их отвращением.

Быть может, и на гичке люди вели себя так же? Впрочем, это казалось маловероятным. Известно было, что лодка отошла от горящего судна, нагруженная таким запасом провизии и воды, которого хватило бы если не на долгое путешествие, то, во всяком случае, на много дней. Вильям мог это подтвердить — он собственными глазами видел, как они отчаливали. Так почему же плавание в гичке закончилось столь трагически? Голод не мог быть причиной гибели экипажа. Не могла быть и буря. Так что же тогда?

Если бы на лодку обрушились волны, они затопили бы или опрокинули ее. И тогда капитан не смог бы

один управлять ею. Да и как ему удалось бы остаться в живых, единственному из всех шестерых?

Но за это время не было такого сильного шторма, который мог бы вызвать подобную катастрофу. Если только лодка не управлялась из рук вон плохо, моряки никак не могли очутиться за бортом.

Все еще не зная, как найти ключ к этой странной загадке, катамаранцы продолжали грести — и наконец подошли к гичке вплотную.

Глазам их открылось ужасающее зрелище. И все-таки они не понимали, что здесь произошло, все оставалось столь же необъяснимым, как и прежде. По всему, что они увидели, можно было только догадываться, что в лодке разыгралась какая-то страшная трагедия и что причиной таинственного исчезновения команды была не ярость стихий, а рука человека.

На дне лодки лежал труп, обезображенный множеством ран; любая из них могла быть смертельной. Лицо было зверски изрезано; череп пробит в нескольких местах, словно следовавшими один за другим ударами тяжелого молота; на груди и на всем теле зияли бесчисленные раны, нанесенные каким-то острым оружием.

Этот истерзанный труп, потерявший человеческий облик, лежал наполовину в воде, скопившейся на дне лодки и походившей на кровь. Ее было так много и она была такого густого, темного оттенка, что как-то не верилось, будто вся эта кровь вытекла из ран одного человека. Алая жидкость, заливая мертвое тело, окрасила его в такой же кроваво-красный цвет.

Невозможно было распознать черты этого страшно обезображенного трупа. Топор, нож или другое оружие изуродовали его до неузнаваемости. Но, несмотря на это, Бен Брас и Снежок вскоре узнали, кто это был. Одежда, обрывки которой местами еще сохранились на теле, помогла признать его. То был помощник капитана с невольничьего судна, слишком хорошо им знакомый.

Но и это открытие не пролило света на таинственное происшествие — наоборот, все стало еще более за-

путанным. Человек этот был убит — об этом свидетельствовали раны. Судя же по обильному кровоизлиянию, они были нанесены, когда жертва еще жила.

Само собой напрашивалась мысль, что злодейство совершил сошедший с ума спутник. Множество ран, резаных, рваных, колотых, и самый их характер говорили о том, что здесь орудовала рука безумца, — добрую их половину он нанес жертве после смерти, когда жизнь уже угасла в теле.

До сих пор все казалось понятным: безумный капитан убил своего помощника. Оставались невыясненными мотивы убийства. Но разве помешанному нужны какие-нибудь причины, чтобы совершить убийство?

Все же остальное было окутано тайной. Где остальные четверо, чем объяснить их отсутствие? Что с ними сталось? Команда «Катамарана» могла только высказывать догадки — одну страшнее другой. Наиболее разумным показалось то, что предполагал Снежок.

Наверно, капитан и его помощник, утверждал негр, сговорились между собой. Они решили убрать с дороги других и захватить для себя все запасы воды и продовольствия, чтобы таким образом иметь больше шансов выжить. Тем или иным путем им удалось осуществить свой жестокий замысел. Может быть, завязалась драка, и эти двое силачей, более крепкие, чем остальные, оказались победителями; а может, обошлось и без всякой борьбы. Злодеяние могло совершиться ночью, пока ничего не подозревавшие товарищи крепко спали, или даже среди бела дня, когда команда напилась до бесчувствия, — ведь недаром на гичке, среди прочих запасов, имелся спирт!

Омерзительно было даже представить себе все это; тем не менее ни Снежок, ни матрос не могли прогнать эти мысли. Иначе нельзя было объяснить ту ужасающую драму, которая произошла в этой залитой кровью лодке.

Если только их догадки справедливы, неудивительно, что единственный оставшийся в живых участник таких сцен сделался буйно помешанным — разум его не выдержал!

Глава XCIII

«КАТАМАРАН» ПОКИНУТ

Некоторое время катамаранцы стояли и рассматривали гичку и безжизненное тело в ней; во взглядах их читалось отвращение.

Впрочем, они прошли уже через столько ужасов, что и это чувство притупилось и мало-помалу совсем прошло.

Не время и не место было предаваться чувствительности и бесплодным раздумьям. Слишком сильно угнетали их собственные бедствия, и, вместо того чтобы понапрасну строить догадки о прошлом, они обратили свои мысли к будущему.

Прежде всего надо было решить: что делать с гичкой?

Конечно, они возьмут ее себе — какой тут может быть вопрос!

Правда, «Катамаран» сослужил им добрую службу. До сих пор он спасал им жизнь, и только ему они были обязаны тем, что еще не утонули.

Им было так уютно на самодельном суденышке! Только бы продолжалось затишье; пока у них еще остается вода и съестные припасы, они чувствуют себя в полной безопасности. Но плот движется вперед слишком медленно, и путешествие может затянуться дольше, чем хватит запасов, а это означает верную смерть. Едва ли им посчастливится в другой раз наловить рыбы; а если выйдет вся вода, и думать нечего раздобыть ее снова. Пожалуй, придется дожидаться целые недели, пока опять пройдет такой ливень; а если при этом разразится буря, не удастся собрать ни единой кварты воды.

Но тихий ход — это не единственный упрек, который можно адресовать «Катамарану».

В прошлую ночь, во время бури, они на опыте убедились, как ненадежен их плот: если его настигнет настоящий шторм, бурное море разнесет его в щепки. Под натиском волн лопнут тросы и разойдутся бревна. А если даже они и устоят и порожние бочки-поплавки

удержат плот на плаву, все равно волны смоют катамаранцев за борт, — и они найдут свою смерть в океане.

Сколько еще пройдет времени, пока они пристанут к твердой земле, и можно ли надеяться на неизменно хорошую погоду?

Вот если у них будет такая превосходная гичка — тогда совсем другое дело!

Бен Брас отлично знал ее: не раз он плавал на ней гребцом.

Это была легкая, быстроходная лодка, даже когда она шла только на веслах. А если установить еще и парус, то при попутном ветре смело можно рассчитывать на скорость от восьми до десяти узлов в час. Тогда, возможно, в недалеком будущем удастся попасть в полосу пассатов и позднее бросить якорь в каком-нибудь порту на южноамериканском побережье, а может, в Гвиане или Бразилии.

Размышления эти заняли всего несколько секунд. Все было обдумано задолго до того, как они подошли к гичке. И, конечно, неудивительно, что такие мысли както сами собой приходили на ум при одном виде лодки.

Сейчас в их распоряжении очутилась гичка с высокими мореходными качествами. Как же могло прийти им в голову бросить ее на произвол судьбы? Нет, надо покидать плот...

Если они и задумались, прежде чем перебраться со всеми своими пожитками с «Катамарана» на гичку, то всего на краткий миг, прикидывая в уме, как бы поудобнее обставить свое переселение.

Прежде всего придется привести лодку в надлежащий порядок, а тогда уже и перебираться. Итак, едва оправившись от потрясения, вызванного представшим перед ними отвратительным зрелищем, матрос и Снежок сразу же принялись за работу: надо было убрать мертвое тело с глаз долой, а также удалить всякий след кровавой борьбы, происходившей в гичке.

Изуродованный труп был выброшен в море и сразу же исчез под водой. Впрочем, едва ли он пошел на дно: на этом месте всё еще кружили те хищные чудовища,

которые растерзали потерявшего разум капитана. Они алчно подстерегали новую добычу для своего ненасытного брюха.

Катамаранцы вычерпали красную от крови воду, начисто отмыли кровяные пятна на досках и сполоснули лодку свежей морской водой, выплеснув потом и ее за борт. Так работали они до тех пор, пока от прежних ужасов и следа не осталось.

Наши скитальцы сохранили в лодке то немногое, что в ней нашлось, — авось пригодится в дальнейшем. Правда, там не оказалось ни кусочка съестного, ни капли воды, годной для питья. Но зато им достался вполне исправный корабельный компас. А матрос слишком хорошо знал цену этому сокровищу, чтобы расстаться с ним; с таким компасом не сбиться с пути даже в самую облачную погоду.

Когда в гичке все было готово для новоселья, путешественники принялись переносить сюда свои запасы с «Катамарана». С особыми предосторожностями они подняли на борт бочку воды, так же как и маленький бочонок драгоценного канарского. Затем перенесли с одного суденышка на другое сундучок, в котором была уложена сушеная рыба, весла и другое имущество, причем в гичке все было так пристроено, чтобы у каждой вещи был свой уголок.

Места хватило на все с избытком — лодка была просторная, рассчитанная на двенадцать человек; и команда «Катамарана» сумела расположиться в ней со всем своим скарбом вполне удобно.

Напоследок перенесли мачту и парус. Их сняли с «Катамарана», чтобы установить на гичке, и оказалось, что по размерам они как раз к ней подходят.

Итак, на плоту не осталось ничего, что могло бы пригодиться нашим путешественникам в дальнейшем плавании. После того как «Катамаран» лишился мачты и паруса, он казался совершенно опустевшим. Когда развязали канаты, соединявшие гичку с плотом во время переселения на новое «судно», какое-то уныние охватило всех. Они успели привязаться к своему суденышку, такому утлому и нелепому на вид, как люди

привыкают к любимому дому. Да ведь это и был их дом среди водной пустыни, и они не могли расстаться с ним без глубокого сожаления.

Может быть, отчасти поэтому у них не хватило духу сразу же приналечь на весла и уйти подальше от плота. Впрочем, и без того нашлись причины задержаться вблизи «Катамарана».

На гичке предстояло еще установить мачту и прикрепить к ней парус; и так как лучше было проделать это все сразу, они тотчас принялись за работу.

Пока они были этим заняты, гичка шла по ветру, делая два — три узла в час. Но оба суденышка всё не могли расстаться, так как ветер с той же скоростью гнал вперед и лишенный снастей плот, который теперь неглубоко сидел в воде. Когда же наконец мачта была установлена на самой середине лодки и скитальцы готовились поднять парус, расстояние между гичкой и плотом оказалось меньше кабельтова.

«Катамаран» все шел позади, за кормой, и так быстро, словно твердо решил не остаться одиноким среди этой безлюдной водной пустыни.

Глава XCIV

СТАДО КАШАЛОТОВ

Казалось, настал момент навсегда проститься с плотом, который спас их от стольких опасностей. Еще несколько мгновений — парус будет поднят и лодка быстро понесется по волнам; они никогда больше не увидят еле-еле ползущий вслед «Катамаран». Еще несколько миль — и он навсегда скроется из глаз.

Так предполагали они, начиная ставить парус.

Как мало думали они о том, что ждет их впереди! Рок не сулил им такой внезапной разлуки. Счастье еще, что «Катамаран» так упорно следовал за ними по пятам, как бы предлагая приют — тихую гавань, «островок спасения», где они смогут укрыться. Увы! Скоро-скоро им так понадобится пристанище!

Итак, они принялись ставить парус. С такелажем управились как следует — парусину натянули на рею, фалы закрепили и сделали все, что полагалось; оставалось только поднять и подтянуть парус.

Последнее было минутным делом, но заняться этим не пришлось.

Матрос и Снежок стали уже подтягивать парус, как вдруг у Вильяма вырвалось восклицание, и оба они прервали работу.

Юнга вглядывался в океанскую даль, не отрывая глаз от какой-то точки. Рядом стояла Лали и смотрела в ту же сторону.

— В чем дело, Вильм? — нетерпеливо спросил матрос, подумав, не парус ли увидел юноша.

Вильям и сам загорелся этой надеждой. Он заметил на горизонте какой-то беловатый диск, который показался было ему поднятым парусом, но тут же исчез, словно растаял в воздухе.

Вильяму стало стыдно, что он только зря поднял тревогу. Едва он собрался оправдаться, как снова показалось что-то белое, поднимаясь к самому небу. На сей раз все это заметили.

— Вот, вот что я видел! — сказал поднявший панику юнга, признаваясь в своей ошибке.

— Эх, малыш, если ты это принял за парус, — возразил матрос, — то ты ошибаешься. Это кашалот выпускает свой фонтан, только и всего.

— Да тут не один... — сказал Вильям. — Посмотрите вон туда, там их с полдюжины!

— Правильно, паренек! Только какое там с полдюжины, скажи лучше — с полсотни! Примерно столько и будет, никак не меньше. Ведь ты увидел шесть фонтанов сразу!.. Да тут их большое стадо — пожалуй, целый косяк!

— Вот так штука! — вскричал Снежок, рассмотрев китов. — Они идут сюда!

— Верно...— пробормотал бывший гарпунер; в тоне его не чувствовалось радости по поводу такого открытия. — Прямо на нас. Эх, не по душе мне это!.. Они перекочевывают куда-то, это я вижу. Боже сохрани, по-

пасться им на пути в такое время — да еще в такой лодчонке, как наша!

Услышав это, катамаранцы перестали возиться с парусом. Стадо китов, которое делает переход или забавляется прыжками, — зрелище настолько редкое и в то же время захватывающее, что вызывает величайший интерес; и путешественник, который оставит его без внимания, верно, должен быть поглощен очень серьезными занятиями.

Как великолепны движения этих морских великанов, когда они, рассекая волны, прокладывают себе путь в лазурной стихии, то вздымая ввысь перистые столбы белого пара, то взметая свои широкие, веерообразные хвостовые лопасти! Иногда они подскакивают на несколько футов вверх, а потом шлепаются обратно в воду всем своим гигантским телом, вызывая такое волнение, что в океане вздымаются громадные волны с белыми гребнями, словно прошел сильный шторм.

Такие мысли проносились в голове у бывшего китобоя, когда он увидел, что стадо кашалотов мчится прямо на их утлое суденышко. Он знал, что мертвая зыбь, которая поднимается на пути у кита, идущего напролом, может потопить самую большую лодку. А если оть одному из этих китов, что несутся сейчас прямо на них, вздумается мимоходом выпрыгнуть из воды, едва ли скитальцы смогут что-нибудь поделать — гичка разлетится в щепы.

Впрочем, уже не было времени размышлять над всякими случайностями. В тот момент, когда катамаранцы впервые заметили китов, те находились на расстоянии не более мили отсюда; а так как они двигались со скоростью десяти узлов в час, то не прошло и нескольких минут, как передний был уже почти рядом — там, где находились лодка и покинутый плот.

Киты двигались довольно беспорядочно, хотя там и сям попадались группы из четырех или пяти особей, которые шли стройной шеренгой. Стадо занимало пространство около мили в окружности; и как раз в самом центре его, на несчастье, покачивались на волнах две хрупкие скорлупки: гичка и брошенный «Катамаран».

Это был один из самых громадных косяков, какие только приходилось видеть Бену Брасу в своей жизни. В нем насчитывалось около сотни голов, всё взрослые самки с сосунками; среди них выделялся единственный старый самец — вожак и защитник стада.

Не успел матрос кончить свои наблюдения, как кашалоты уже шли мимо; море взволновалось на целые мили вокруг, как если бы пронесся шторм, оставив после себя мертвую зыбь.

Киты проходили один за другим, плавно скользя по воде с такой грацией, которая могла бы вызвать восхищение любого, кто наблюдал бы за ними из безопасного места. Но люди, смотревшие с гички, трепетали, глядя на их величественные движения, слыша их шумное дыхание, подобное грохоту прибоя.

Киты уже почти все прошли, и команда гички только что собралась вздохнуть свободнее, как вдруг они заметили, что самый крупный в косяке, старый самец, отстал от остальных и теперь идет прямо на них. Из воды высовывались его голова и часть спины объемом в несколько морских саженей. Время от времени он ударял хвостом по воде, словно подавал сигнал идущим впереди, указывая им путь или предостерегая от грозящей опасности.

Злобой дышал весь облик «патриарха» морей. Едва заметив его, Бен вскрикнул, предупреждая товарищей. Но крик вырвался у него лишь инстинктивно: ничто уже не могло предотвратить грозную встречу.

Никто не успел не только сделать, но и подумать что-либо. Почти в тот же самый миг, как раздался предостерегающий крик матроса, кит обрушился на них. Все они почувствовали, как их с силой подбросило в воздух, словно выстрелом из катапульты; и сразу же вслед за тем они полетели головой вниз, в бездонную пучину океана.

Все четверо сейчас же вынырнули вновь. Матрос и Снежок, придя в себя первыми, стали искать глазами гичку. Увы! Ее не было. На воде плавали обломки: разбросанные в беспорядке весла, гандшпуги, оторванные доски и другие предметы. Среди них барахтались

Гичку подбросило словно выстрелом из катапульты.

фигурки, в которых можно было узнать юнгу Вильяма и малютку Лали.

Картина мгновенно изменилась.

Раздалась команда: «Ход назад, на «Катамаран»! И через двадцать секунд юнга уже плыл рядом с матросом к плоту. Туда же, посадив себе на левое плечо Лали и рассекая волны, устремился и Снежок.

Еще минута — и все четверо очутились на суденышке, которое покинули так недавно. И на этот раз они спаслись от гибели в пучине океана!

Глава XCV

ХУЖЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО

В этом событии, только что приключившемся с ними, ничего загадочного не было. Когда Бен Брас почувствовал страшный удар, он знал, кто его нанес.

Недаром он предупреждал других, какими опасностями грозит косяк кашалотов во время перекочевки. Правда, спутники его сначала не представляли этого, зато теперь они убедились воочию. Грозный час настал и вновь миновал. Очутившись снова на плоту, они увидели, что ничто более не угрожает их жизни.

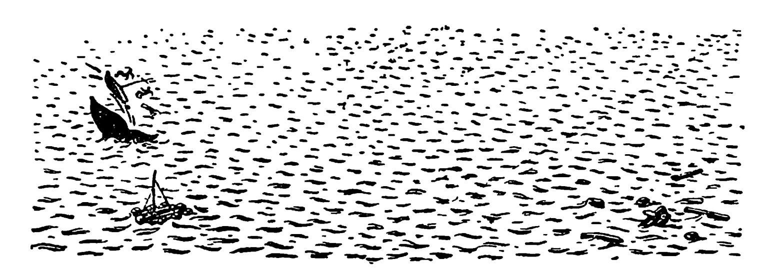
Объяснений не требовалось. Обломанные доски с гички, плававшие в воде, и потрясение, ими пережитое, достаточно красноречиво рассказывали, как все произошло. Одним ударом хвоста снизу вверх старый самец разнес лодку вдребезги с такой же легкостью, словно это была яичная скорлупа; обломки он швырнул в воздух на несколько футов вверх вместе со всеми людьми и предметами, находившимися в гичке.

Захотелось ли кашалоту сделать это назло или он просто решил порезвиться, только на это морскому гиганту понадобилось не больше усилий, чем отмахнуться от мухи. Позабавившись, старый самец поспешил вслед за весело играющим косяком, скользя в волнах с таким невозмутимым видом, словно ничего особенного не случилось.

В самом деле, для него ровно ничего не значило ни крушение, ни все, что оно несло с собой. А вот для тех, кого он так бесцеремонно опрокинул, это было настоящей трагедией.

Теперь только, когда катамаранцы довольно сносно устроились на плоту и понемножку стали успокаиваться, они почувствовали всю глубину своего несчастья.

Все их запасы были выброшены в море; весла и другие предметы их обихода носились по волнам; и, что



На четырнадцатый день, милях в пятнадцати от места крушения большого плота, гичка была разбита кашалотом.

всего хуже, совершенно исчез из виду морской сундучок матроса, который они недавно, спешно перебираясь на гичку, набили до отказа акульим мясом. С таким тяжелым грузом он наверняка пошел ко дну, унося с собой все ценные запасы. Правда, бочка с водой и маленький бочонок с канарским еще не потонули — так тщательно они были закупорены. Но что толку в питье, когда нет еды? А у них не осталось ни кусочка!

Несколько минут они ничего не делали, созерцая обломки — зрелище полнейшего разорения.

Можно было подумать, что это бездействие было вызвано отчаянием, под влиянием которого они как бы оцепенели.

На самом деле причина была иная. Не такие они были люди, чтобы отчаиваться. Они только и ждали удобного момента приняться за работу. А это было невозможно, пока хотя немного не улеглась бы страшная мертвая зыбь, поднятая китами.

На море вздымались волны, «громадные, как горы»; и плот, где катамаранцы кое-как примостились, скорее на четвереньках, нежели стоя на ногах, так сильно качало из стороны в сторону, что они едва удерживались на нем.

Мало-помалу на океане установилось обычное спокойствие, и наши скитальцы, успевшие за это время многое обдумать, принялись за дело.

У них пока еще не было какого-либо определенного плана на будущее.

Прежде всего им хотелось подобрать кое-какие обломки крушения, рассеянные по волнам, и, если возможно, снова оснастить плот, на котором они опять нашли себе пристанище.

К счастью, поблизости виднелась мачта — она вместе с реей и державшимся на ней парусом плавала неподалеку от разбитой лодки. Так как это были наиболее нужные снасти, которых лишился «Катамаран», то теперь, когда они нашлись, казалось, нетрудно будет восстановить плот в его первоначальном виде.

Прежде всего следовало приложить все усилия, чтобы раздобыть хоть какие-нибудь весла. А на это придется затратить немало времени и сил. На лишенном снастей плоте не было даже палки, которая могла бы заменить весло. Им пришлось грести руками.

За время их вынужденного безделья обломки крушения отнесло довольно далеко — вернее, плот, державшийся на воде благодаря пустым бочкам, проплыл мимо них и ушел на несколько кабельтовых вперед.

Надо было идти против ветра — и двигались они медленно, так медленно, что с досады кровь вскипала.

Снежок уже собрался было прыгнуть за борт и пуститься за веслами вплавь, но матрос об этом и слышать не хотел. Он тут же напомнил чернокожему другу, какой опасностью грозят акулы, кишащие в воде. Правда, негр отнесся к этому довольно легкомысленно, но более осторожный товарищ удержал его. Набравшись терпения, они принялись вновь грести руками.

Наконец им удалось поймать два весла, и с этого момента работа пошла живее.

Потом они нашли мачту и парус, выловили их из моря и втащили на плот; опять водворили в надежное место бочонки с водой и вином; один за другим подобрали рассеявшийся по океану инвентарь. Только железные инструменты и топор затонули на дне Атлантического океана.

Но самым тягостным была потеря сундучка со съестными припасами. Это было непоправимо и предвещало еще более страшное несчастье — утрату жизни.

Глава XCVI

САМЫЙ МРАЧНЫЙ ЧАС

Снова смерть во всей своей мрачной неизбежности смотрела им в лицо. Они очутились без всякой провизии. Ни крошки не сохранилось из всех тех запасов, которые так заботливо и искусно собирались и заготовлялись впрок. Кроме того, что было упаковано в сундучке, на плоту еще кое-где оставались отдельные ломти вяленой рыбы. Их также перенесли в гичку, и, когда она перевернулась, эти запасы тоже утонули.

Подбирая обломки крушения, катамаранцы искали свою провизию в надежде, не удастся ли выловить хоть несколько затерявшихся кусков, но ничего не нашлось. Те припасы, которые плавали на воде, были подхвачены либо акулами, либо другими прожорливыми хищниками океана.

Впрочем, если бы даже нашим скитальцам и попались эти уцелевшие куски, все равно в этот тяжкий момент они не прикоснулись бы к ним: пища, пробывшая столько времени в морской воде, стала бы слишком соленой. Тем не менее они знали, что настанет время, когда придется отбросить подобные причуды. И в самом деле, через несколько часов все четверо почувствовали такие муки голода, что теперь уже не отказались бы и от самой грубой и невкусной пищи. С того момента, когда так спешно пришлось покинуть стоянку у туши кашалота, им еще ни разу не удалось как следует

поесть. Урывками, на ходу, они съедали кусочек рыбы, выпивали глоток воды.

Как раз перед последней катастрофой они собрались закусить по-настоящему. Но прежде чем приступить к обстоятельной трапезе, они ждали, когда будет поставлен парус и лодка понесется своим путем.

Одним ударом хвоста кашалот разрушил весь тот уют, который они пытались себе создать. К несчастью, крушение, так много уничтожившее, нисколько не повлияло на их аппетит.

Время шло. Они продолжали трудиться в поте лица, подбирая обломки крушения, а голод все усиливался; все четверо почувствовали, что таких мучений они еще не испытывали с самого начала этого долгого и опасного плавания.

Работа не спорилась у людей, почти до полусмерти измученных голодом.

Поместив в надежном месте различные предметы, подобранные в океане, так, чтобы их не смыло обратно в воду, они принялись раздумывать, где бы раздобыть новые запасы провизии.

Конечно, прежде всего они подумали о рыбах. Ведь только они и могли бы послужить им пищей.

Воодушевленные прежними успехами в рыбной ловле, катамаранцы и сейчас охотно занялись бы ею, если бы, к несчастью, обстоятельства не изменились.

Среди безвозвратно затерявшихся в море вещей оказались и крючки. А гарпуны, послужившие им столь смертоносным оружием, так и остались в туше кашалота. Они торчали в спине у мертвого великана, превращенные в самодельный вертел для поджаривания мяса акулы. Словом, все железные предметы, даже их собственные ножи, брошенные в гичку как попало, очутились на дне морском.

Не осталось ни кусочка металла, из которого можно было бы смастерить крючок; а если бы и удалось разыскать, что пользы в том? Все равно негде достать хоть крошечку мяса для наживки.

Казалось, сколько ни ломай себе голову, нет ни малейшей возможности наловить рыбы. С отчаянпем в ду-

ше они были вынуждены в конце концов отказаться от этой мысли.

В этот тяжкий час они вспомнили о кашалоте, но не о том выскочившем из воды морском великане, чьи вражеские действия так неожиданно омрачили их радужные перспективы; нет, им вспомнился убитый кашалот, у громадной туши которого они недавно делали стоянку. Там, быть может, удастся раздобыть хотя что-нибудь съестное. А если нет, найдется вдоволь китового мяса или жира. Правда, мясо у кашалота жесткое, но жизнь поддержать оно все же может. Зато там его столько, что можно битком набить провизионные склады для команды не только большого корабля, но и целой эскадры!

Пожалуй, им и удалось бы найти обратный путь. Они шли по ветру — ветер же дул все еще с той стороны. Все расстояние, пройденное за ночь, можно пройти обратно в короткое время.

Впрочем, даже в лучшем случае, если им придется бороться только со стихиями, и то это будет трудным предприятием с сомнительным исходом.

На пути у них вставало препятствие, более страшное, чем сопротивление ветра или опасение сбиться с курса.

Наверно, на покинутую стоянку вернулись их преследователи; и, быть может, в этот момент они пришвартовывают свой плот к тому самому огромному грудному плавнику, где еще так недавно стоял «Катамаран».

Поэтому мысль о том, чтобы вернуться к кашалоту, не встретила поддержки и тут же была отклонена.

Мрачные думы терзали катамаранцев, пока они сидели и размышляли над этим вопросом; мрачные, как эти ночные тучи, которые стремительно опускались на море и окутывали их непроницаемой мглой.

Никогда еще они так не падали духом! И все же никогда они не были столь близки к избавлению от всех бедствий. Этот самый тяжкий час уныния предшествовал их спасению, так же как самый темный час ночи — тот, который предшествует дню.

Глава XCVII

ВЕСЕЛЯЩАЯ ЧАРОЧКА

Они и не пытались сдвинуться с того места, где застало их заходящее солнце.

Наши скитальцы до сих пор еще не установили мачту с парусом, а трудиться над веслами, казалось, не имело смысла. Стоило ли терять силы на греблю, если все равно движешься так медленно! Да и вообще возникал вопрос: что пользы и дальше держать курс на запад? Так или иначе, нет ни малейших шансов добраться до твердой земли прежде, чем они умрут голодной смертью. А умереть от голода они могут и не трогаясь с места. Такая смерть одинаково мучительна, что здесь, что там. Не все ли равно, под какими широтами проведут они последние минуты своей жизни?

Таково было состояние духа, в которое впали катамаранцы под влиянием пережитых бедствий. Ими овладело какое-то оцепенение, напоминавшее скорее бесчувствие отчаяния, чем покорность судьбе.

Так печально тянулось время в темноте и угрюмом молчании, как вдруг одно незначительное обстоятельство заставило их встрепенуться. Это был голос Бена Браса, предлагавшего ужинать. Услышав его со стороны, можно было вообразить, что моряк сошел с ума. Но его товарищи так не думали. Они поняли, что он имел в виду. И от них не укрылся тот нарочито жизнерадостный тон, которым он хотел их подбодрить. Предложение, сделанное Беном, вовсе уж не было такой бессмыслицей; правда, назвать «ужином» то, что он предлагал, можно было только условно.

А впрочем, что за важность! Все же это было нечто такое, что могло заменить ужин, правда не столь существенный, как им хотелось бы. Но зато это могло не только продлить им жизнь, но и на мгновение облегчить сердце от гнетущей тяжести. То была чарка канарского.

Катамаранцы не забыли, чем они владеют. Иначе, пожалуй, они впали бы в еще большее отчаяние. В бочке оставалось немного драгоценного виноградного сока,

надежно хранившегося в их старой «кладовой». До сих пор они удерживались от соблазна пригубить его, сберегая на крайний случай. Теперь, казалось, момент настал, и Бен Брас предложил на ужин чарку вина.

Разумеется, никто и не думал возражать против столь заманчивой перспективы.

Вынули втулку из бочонка, взяли маленькую роговую мерку, найденную среди обломков разбитой гички, тщательно прикрепили ее к бечевке, опустили в бочонок и вынули оттуда, полную сладкого вина. И пошла она гулять вкруговую — от одного к другому; первыми коснулись ее хорошенькие губки маленькой Лали. Еще и еще окунали чарку и наконец водворили втулку на прежнее место. Так, без излишних церемоний, закончился этот ужин.

И не знаю, было ли то бодрящее действие вина или же наступила естественная душевная реакция, обычно приходящая на смену отчаянию, — только оба они, и матрос и Снежок, закупорив бочку, вновь принялись строить планы на будущее. И снова робкая надежда закралась в их сердца.

Беседа шла о том, не попытаться ли немедленно, не теряя ни минуты, снова установить мачту и поднять парус. Правда, ночь была черна, как смола, но что из того? Можно проделать это и без света; а если понадобятся канаты, то — уж будьте покойны! — они и с ними управятся без труда, будь ночь хоть вдесятеро темнее. Так выразился по этому случаю Снежок, хотя это и казалось физически невозможным.

Убеждая товарища, матрос приводил следующий довод: если идти вперед, худа не будет. Раз двигателем будет парус, от них больше не потребуется усилий, независимо от того, тронется ли плот или станет неподвижно на месте.

Конечно, рассуждение было малоубедительное. Вряд ли с его помощью можно было добиться толку и убедить негра, по природе фаталиста, который порой бывал весьма бездеятельным. Но Бен Брас пустил в ход еще один более серьезный довод, и Снежок с готовностью согласился.

— Только вперед! — молвил Бен. — Так скорей увидим судно, если оно попадется на пути. А если заляжем здесь, что твоя колода, то как бы не нагрянули сюда те мучители. Знаешь, ведь они идут с наветренной стороны да еще под парусом... Если только не вернулись назад, к кашалоту. Ну, тогда нам нечего их бояться. А впрочем, кто его знает: лучше принять меры. Давай поставим парус!

— Вот славно, масса Брас! — ответил Снежок, который и раньше противился только для виду. — Правильно вы говорите. Только скомандуйте — и я отвечу: «Есть ставить парус!» Ветерок-то чудесный!.. Хотите — примемся за дело сию же минуту!

— Ладно, — откликнулся матрос, — давай начнем! Натягивай парусину! Чем скорей, тем лучше...

Больше они ни о чем не говорили. Изредка только передавались вполголоса указания или приказ Бена, вместе со Снежком занятого установкой мачты на «Катамаране».

Как только с этим управились, поставили вертикально рею, туго натянули и закрепили шкоты; и мокрый парус, поднятый снова, наполнился ветром и с каким-то певучим звуком помчал плот по волнам.

Глава XCVIII

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК ИЛИ КОРАБЛЬ В ОГНЕ?

Теперь «Катамаран» снова шел под парусом по своему прежнему курсу. Казалось, для команды все опять стало по-старому, как было до встречи с убитым кашалотом. К несчастью, это было далеко не так!

Обстоятельства изменились к худшему. Тогда у них еще оставалась провизия; правда, на полный рацион не хватало, но все-таки имелись небольшие запасы, рассчитанные на довольно продолжительное время. Более того, в их распоряжении имелось кое-какое оружие и инструменты, при помощи которых они в случае нехватки могли пополнить свои запасы.

Совсем другое было сейчас. «Катамаран» служил им все так же верно и надежно, оснастка была та же, что и тогда, мореходные качества нисколько не пострадали. Зато снабжение было уже не на прежней высоте, особенно «продовольственный отдел», и это тяжко угнетало команду.

Вскоре уныние охватило их снова; но, несмотря на это, катамаранцы не могли противиться сну. Пусть читатель вспомнит, что в прошлую ночь из-за сильной бури они спали мало; да и в позапрошлую едва удалось чуть-чуть вздремнуть — так они заняты были поджариванием мяса акулы.

Истощенный организм настоятельно требовал отдыха. Все буквально с ног валились — и команда в полном составе отправилась на покой. Никто не остался даже на вахте у руля.

Порешили на том: пустить плот по воле ветра, пусть идет куда хочет.

Дыхание небес! Только оно одно уносило «Катамаран» все дальше по его пути.

Как далеко ушел плот, предоставленный самому себе, не записано в вахтенном журнале. Засечено только время; известно, что полночь наступила раньше, чем пробудился кто-либо из команды, — так крепко уснули все, умаявшись с установкой паруса.

Первым очнулся Вильям.

Юнга никогда не спал крепко, а в эту ночь сон его был особенно тревожен. На душе было неспокойно; еще прежде, чем он прилег отдохнуть, его мучило какое-то неясное волнение. Меньше всего он боялся за собственную судьбу. Хотя он и был еще молод, но уже чувствовал себя настоящим моряком и не мог терзаться только эгоистическими соображениями — он волновался за малютку Лали.

Вот уже много дней, как он следил за переменой во всем облике этого юного существа. Он замечал, как мало-помалу щеки ее становились все бледнее, как быстро таяла ее маленькая фигурка. Сегодня, после этого страшного потрясения, которое им всем пришлось вынести, юная креолочка особенно, казалось, ослабе-

ла — больше чем когда бы то ни было. И, засыпая, юнга томился грустным предчувствием, что именно она сделается первой жертвой тех тяжких испытаний, которые им еще сулит судьба, и что скоро-скоро это должно свершиться.

Юношеская привязанность и тревога за милую ему девочку не давали юнге заснуть крепко.

И хорошо, что так случилось, — иначе, пожалуй, его не разбудило бы яркое пламя, около полуночи вспыхнувшее на море, на траверзе «Катамарана». А если бы он не проснулся, ни ему, ни его трем спутникам не пришлось бы, пожалуй, больше увидеть человеческое лицо, разве только в предсмертной агонии, взглянув в глаза друг другу.

Озарив далеко кругом темные воды океана, пламя осветило спящих катамаранцев. Оно сверкнуло юнге прямо в глаза — и Вильям проснулся.

Встрепенувшись, он смотрел на видение, которое поразило и в то же время встревожило его. Да, сомнений быть не может — это корабль или какое-то его подобие; но таких кораблей юнга еще не встречал.

Казалось, судно объято огнем. Большие клубы дыма поднимались с палубы и стлались над кормой, ярко озаренной огненными столбами, которые вздымались ввысь перед фок-мачтой, достигая почти нижних вантов. Всякий непривычный к такому зрелищу человек, едва взглянув, тотчас же подумал бы: на судне пожар!

А между тем Вильям уже должен был разбираться в том, что видел сейчас. К несчастью, зрелище горящего корабля не было для него ново. Он сам был очевидцем гибели судна, которое привезло его в Атлантический океан, да так и оставило здесь по сей день, в страшнейшей опасности для жизни.

Но воспоминания об этом пожаре не очень-то помогли ему понять, что сейчас творится у него перед глазами. Он видел, как на палубе «Пандоры» люди метались в диком ужасе, спасаясь от пламени. Здесь же, на корабле, который маячит вдали, бросается в глаза совершенно обратное. Он видит, как люди стоят перед самыми огненными столбами и не только остаются спо-

койными вблизи бушующего пламени, но как будто даже стараются разжечь его еще сильнее.

Подобное зрелище могло поразить ужасом и глубоко смутить даже самого бывалого моряка. При виде этого невольно хотелось спросить: «Что это, корабль-призрак или корабль в огне?»

Глава XCIX

КИТОБОЙНОЕ СУДНО

Все эти наблюдения, так подробно нами описанные, отняли у юнги не более десяти секунд. В мгновение ока одним взглядом охватил он это странное зрелище, так неожиданно открывшееся перед ним. Ему и в голову не пришло доискиваться ответа на возникший вопрос. Потрясенный ужасом и изумлением при виде этого призрачного явления, он быстро разбудил товарищей.

Все трое, очнувшись, сразу же закричали. Но крики, вырвавшиеся одновременно, свидетельствовали о самых противоречивых чувствах. Девочка взвизгнула в сильнейшем испуге. Снежок завопил, обуреваемый смешанным чувством изумления и тревоги. А матрос, к вящему удивлению Вильяма и других, возликовал безудержно и вскочил на ноги так проворно, что резким движением чуть не опрокинул «Катамаран».

Не успел никто и рта раскрыть, чтобы спросить в чем дело, как Бен Брас уже стоял, выпрямившись, и кричал и вопил что было силы.

Матрос все отчетливее повторял такой привычный, давно знакомый оклик: «Эй, на корабле!» — вместе с другими приветствиями, принятыми по морскому обычаю, когда видят проходящее судно.

— Убей меня бог, это корабль! — вставил словечко Снежок. — И на судне пожар.

— Да нет же! — нетерпеливо возразил бывший гарпунер. — Ничего подобного! Это просто китобойное судно, на котором вытапливают жир из убитых кашалотов. Не видишь разве, как люди стоят у салотопенных котлов и подбрасывают туда куски жира?.. Боже мило-

сердный! А что, если они пройдут мимо, да так и не услышат, что мы их окликаем!.. Эй, на корабле! Эй, китобой!.. — И матрос снова закричал во всю мочь своих богатырских легких.

Тут и Снежок присоединил к нему свой зычный голос. Моментально сообразив со слов бывшего гарпунера в чем дело, он понял, как важно, чтобы их услыхали.

Несколько минут «Катамаран» гремел криками: «Эй, на корабле! Эй, китобой!..» Казалось, их можно было услышать даже дальше, чем находилось отсюда это загадочное судно. Но, к ужасу катамаранцев, им не отвечали.

Теперь они уже ясно различали корабль и видели все, что делалось на борту. Два огненных столба, высоко поднимаясь из-под огромных салотопенных котлов, установленных перед самой фок-мачтой, освещали не только палубу, но и океан на многие мили кругом.

Наши скитальцы видели, как большие клубы густого дыма, озаренные желтоватым отблеском бушующего пламени, окутывают корму и как в зареве ярких огней маячат призрачные тени людей, кажущихся великанами. Одни стоят перед самой топкой, другие расхаживают вокруг, и все усердно заняты каким-то делом, которое показалось бы любому, кроме бывшего гарпунера, сплошной чертовщиной.

Но, несмотря на всю отчетливость, с которой они это видели, и на близость корабля, люди на плоту не могли добиться, чтобы их услышали, как громко они ни кричали.

Это показалось катамаранцам таким странным, что и в самом деле они готовы были поверить, будто перед ними корабль-призрак, а гигантские фигуры, виднеющиеся на нем, не люди, а привидения.

Но бывший гарпунер был слишком умудрен опытом, чтобы поверить такой нелепице. Он знал, что это обыкновенное китобойное судно со своим экипажем, и понимал также, почему матросы не отвечают на его оклик: они попросту не слышат. Рев пламени заглушает все остальные звуки, и китобои не различают даже голосов стоящих рядом товарищей.

Все это пришло на ум Бену Брасу, и смертельный ужас охватил его при мысли, что корабль может пройти мимо, так и не услышав и не заметив их.

Вероятно, они не миновали бы столь плачевного исхода, если бы удача не благоприятствовала им. Их спасло одно обстоятельство, которое и привело к более счастливому завершению эту случайную встречу двух скитальцев океана — «Катамарана» и китобойца.

Китобойное судно, где, судя по всему, перетапливался жир недавно загарпуненного кита, легло в дрейф против ветра; конечно, теперь оно не могло быстро двигаться вперед, да, впрочем, команда и не слишком заботилась об этом.

Пока китобоец медленно подходит, держась носом почти по ветру, катамаранцы смогут без труда подвести свое суденышко к нему вплотную с наветренной стороны.

Матрос живо сообразил, какой козырь у них в руках. Как только он убедился, что с такого расстояния их оклики все равно не услышат, тотчас же бросился к рулевому веслу, повернул его и повел плот прямо на китобойное судно, словно решился с ним столкнуться.

Еще несколько мгновений — и «Катамаран» очутился на расстоянии одного кабельтова от носовой части судна. И тут-то Снежок с матросом снова подняли оглушительный крик: «Эй, на корабле!..» Хотя на этот раз оклик и был услышан, но ответили на него не сразу. Матросы, привлеченные возгласами людей на плоту, глазели на освещенную огнями воду и, завидев прямо под носом своего корабля такое диковинное суденышко, на мгновение оцепенели от удивления.

Однако бывший гарпунер вскоре нашел с ними общий язык. И через десять минут катамаранцы уже не дрожали от холода в насквозь промокшей одежде, а голодный желудок уже не терзал их, делая еще несчастнее. Теперь они стояли перед жарко пылавшим огнем, около стола, накрытого для обильной и питательной трапезы. Их окружало множество простых, честных людей, и каждый наперерыв старался превзойти другого в заботах о том, чтобы им было хорошо.

Глава C

КОНЕЦ ПОВЕСТИ

Итак, катамаранцы уже больше не были «затерянными в океане». Они объединились с экипажем китобойного судна, а их маленькая пассажирка нашла себе приют и ласку в каюте капитана.

Сам «Катамаран» не был брошен и не «отдал якорь», как говорят моряки. Его разобрали на части и подняли на борт корабля, где он еще должен был послужить для самых разнообразных целей: найдут себе применение и канаты, рангоут и парус, бревна пойдут в распоряжение плотника, а бочки попадут к бондарю, где их, вероятно, наполнят тем дорогостоящим спермацетом, вытапливанием которого занята команда.

Побыв недолго на судне, Бен Брас убедился, насколько правильна оказалась его догадка. Это был тот самый китобоец, чьи матросы загарпунили с вельботов и оставили «на буях» мертвого кашалота. Убитый кашалот был самцом из большого косяка, за которым охотились китобои. Не отставая от судна, вельботы погнались за другими кашалотами; китобои убили нескольких из них, но в пылу погони потеряли след того, кого ранили первым.

Все же они собирались отправиться на его поиски, как только кончат обрабатывать туши пойманных кашалотов. Теперь благодаря указаниям Бена Браса капитану китобойного судна куда легче будет разыскать потерянную добычу. Кашалот, по мнению капитана, должен был дать семьдесят — восемьдесят бочонков жира; и, конечно, стоило потрудиться, чтобы вернуться за ним.

На следующий день после того, как потерпевших крушение взяли на борт, судно, погасив огни салотопок, отправилось на поиски кашалота, оставленного «на буях».

К тому времени бывшая команда «Катамарана» уже успела рассказать своим спасителям обо всех приключениях. Наши скитальцы страшились, как бы не встретить около туши разбойничью шайку с большого плота. Такая возможность очень заинтересовала матросов

Матросы увидели «Катамаран» прямо под носом корабля.

с китобойца. И когда корабль подходил к месту, где ожидали найти оставленного кашалота, все взоры устремились на океан.

Поиски убитого кашалота увенчались успехом. Китобои увидели его в тот момент, когда садилось солнце. Еще до наступления ночи, в сумерках, судно легло в дрейф рядом с тушей. Когда корабль подошел, в воздух взвилась большая стая морских птиц, расположившихся на плавучей массе, — очевидно, людей здесь не было. Большого плота нигде не было видно; никаких признаков того, что он сюда возвращался. Зато сохранилось потешное сооружение вроде колодезного журавля, воздвигнутое катамаранцами на самом верху туши. Оно оставалось точь-в-точь в том виде, как они его бросили, только ломти акульего мяса обуглились и превратились в пепел, да внизу уже не пылал огонь, который их сжег.

Впрочем, недолго была покрыта тайной судьба, постигшая жертвы крушения невольничьего корабля. Дня через три после того, как китобои, разделав тушу кашалота, вытопили жир, судно снова пустилось в плавание. Вскоре они натолкнулись на странную находку: на воде плавали два — три корабельных бруса и несколько пустых бочек. Нетрудно было признать в них обломки большого плота с «Пандоры», носившиеся по волнам неподалеку от места, где китобои только что разделывали убитого кашалота.

Можно было догадаться, что произошло. Буря, которую стойко выдержал «Катамаран», оказалась роковой для большого плота. Сколоченный как попало, управляемый из рук вон плохо, он разбился вдребезги, и несчастные матросы, не имея сил уцепиться за бочку или брус, вероятно, пошли ко дну. И Вильям рассказывал потом:

— Так погиб экипаж невольничьего судна. Ни один из них — ни спасавшиеся в гичке, ни на большом плоту — никогда больше не увидел земли. Они погибли в безбрежном океане, погибли страшной смертью, и никто не протянул им руку помощи, никто не оплакивал их!

Поистине, казалось, что чернокожие невольники — жертвы их зверской жестокости — были отомщены!

Если бы в нашу задачу входило рассказать всю последующую историю катамаранцев, это было бы очень приятным занятием, — пожалуй, приятнее, чем описывать плавание их знаменитого «судна».

Но нам остается место только для того, чтобы коротко заключить повествование.

На другой день после того, как Снежок ступил на палубу китобойного судна, он был назначен главным корабельным поваром. В этой высокой должности он оставался несколько лет и покинул ее лишь для того, чтобы занять такое же положение на борту превосходного судна под командованием капитана Бенджамена Браса, который вел постоянную торговлю с Африкой. Но разве это была та самая «африканская коммерция», какой занимались на «Пандоре» и других невольничьих кораблях! О нет, не такие товары перевозил на своем судне капитан Брас! Его трюмы были полны не чернокожими, а белой слоновой костью, желтым золотым песком и страусовыми перьями. И недаром ходили слухи, что после каждого такого рейса на африканское побережье капитан и владелец этого судна всякий раз имел обыкновение совершать экскурсию в Английский банк, где вносил на свой текущий счет кругленькую сумму.

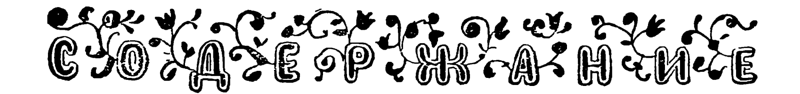
После того как много лет он с неизменным успехом занимался своей торговлей, этот бывший гарпунер, матрос военного флота, некогда командир «Катамарана» и капитан африканского торгового судна, решил удалиться на покой. Он нашел себе тихую пристань и «бросил якорь» на вилле в Хэмпстед Хауз, где и по сей день наслаждается своей трубкой, стаканчиком грога и приятным досугом.

Что же касается «малыша Вильма», то его уже давно перестали так звать — с тех самых пор, как он сделался капитаном первоклассного клипера и повел торговлю с Ост-Индией. Да разве подходит это имя детине шести футов росту, который стоит на шканцах своего собственного корабля, и такой из себя молодец

и лицом и фигурой, что, как видно, ему без труда удалось взять в жены нежно любящую его девушку!

Она — красавица, с глубоким, исполненным благородства взглядом, с пышными черными, как смоль, волосами и очень смуглым цветом лица. Кое-кто считает, что в жилах у нее течет восточная кровь и что капитан вывез ее из Индии, возвращаясь на родину после одного из своих обычных рейсов. Но более близкие друзья могли бы рассказать иную историю, которую слышали от него самого: они знают, что жена его — креолка, уроженка Африки, и зовут ее Лали.

Слыхали они также, что впервые он познакомился с ней на борту невольничьего судна и что детская дружба, выросшая потом в любовь, накрепко связала их, когда они — жертвы кораблекрушения — носились по волнам на плоту, затерянные в просторах Атлантического океана.



ОХОТНИКИ ЗА РАСТЕНИЯМИ

ПОЛЗУНЫ ПО СКАЛАМ

ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТЯМ
«ОХОТНИКИ ЗА РАСТЕНИЯМИ»
и «ПОЛЗУНЫ ПО СКАЛАМ»
Г. Никольского

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТИ
«ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ»
Н. Кочергина

ПЕРЕПЛЕТ, ФОРЗАЦ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ,
КАРТЫ, БУКВИЦЫ и ОРНАМЕНТАЦИЯ
С. Пожарского

* * * * *

СХЕМЫ ДЛЯ КАРТ СОСТАВЛЕНЫ
Е. Труновым

ФРОНТИСПИС, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
И КАРТЫ НАГРАВИРОВАНЫ
М. Беловым, С. Латохиным и *В. Лопялло*

* * * * *

ОБЩИЙ МАКЕТ ИЗДАНИЯ
В. Пахомова

МАЙН РИД

Собрание сочинений, том III

ОХОТНИКИ ЗА РАСТЕНИЯМИ
ПОЛЗУНЫ ПО СКАЛАМ
ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

* * * * * * * * *

Ответственный редактор *О. А. Лаврова.*
Художественный редактор *В. В. Пахомов.*
Технический редактор *Н. А. Молоканова.*
Корректоры
Т. П. Лейзерович и *Е. Н. Трушковская.*

* * * * * * * * *

Сдано в набор 1/III 1957 г. Подписано к печати 11/V 1957 г. Формат 84 X 108 1/32 — 46,75 печ. л. = 38,41 усл. печ. л. (35,56 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. Цена 15 руб.
Заказ № 2123
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * * *

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

МАЙН РИД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Белый вождь.

Квартеронка.

ТОМ ВТОРОЙ

Оцеола, вождь семинолов.

Морской волчонок.

ТОМ ТРЕТИЙ

Охотники за растениями.

Ползуны по скалам.

Затерянные в океане.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Дети лесов.

Юные охотники.

Охотники за жирафами.

ТОМ ПЯТЫЙ

Белая перчатка.

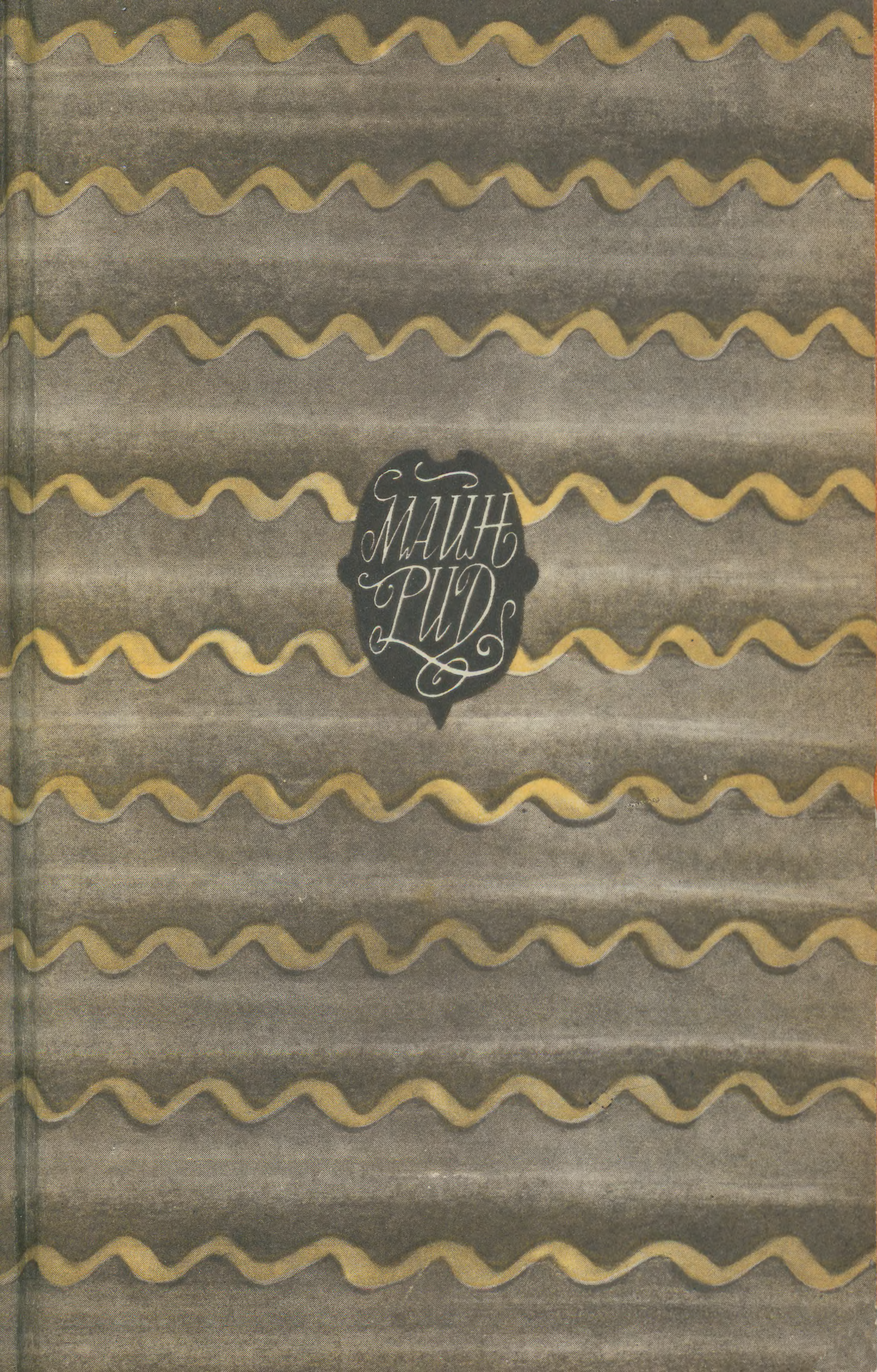
В дебрях Борнео.

ТОМ ШЕСТОЙ

Всадник без головы.

Мароны.

Все издание намечено осуществить в 1956 — 1958 годах


Майн
Рид

Цена 15 руб.

1957